

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

АРХЕОГРАФИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АРХИВНАЯ СЛУЖБА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК

ЗА 1993 ГОД

Основан в 1957 году
академиком
М.Н. ТИХОМИРОВЫМ

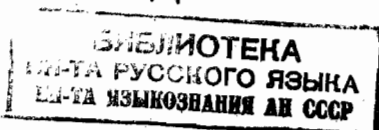

МОСКВА "НАУКА"

1995

ББК 63.2
А87

8(п)
А-87

89869

Ответственный редактор

академик Российской академии образования

С.О. ШМИДТ

Редакционная коллегия:

Ю.В. Андрияшайтите,

*Н.А. Долдобанова (ответственный секретарь),
В.А. Дьяков, М.П. Ирошников, С.М. Каштанов,
А.А. Курносоев, Б.Г. Литвак, Р.Г. Пихоя, Н.Н. Покровский,
В.А. Черных*

Рецензент

член-корреспондент Российской академии наук

В.И. Буганов

Археографический ежегодник за 1993 год. – М.: Наука, 1995. –
А87 356 с.

ISBN 5-02-009611-3

"Археографический ежегодник за 1993 год" включает статьи по проблемам археографии, архивоведения, источниковедения, историографии. Книга открывается материалами к 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова. Представлены также статьи широкого хронологического охвата – от Ближней думы XVI в. до писем Д.Б. Рязанова из тюрьмы; издания об истории дела патриарха Никона, о рукописном наследии Екатерины II и Г.А. Потемкина, М.М. Сперанского, Наполеона I. Публикуются письма об аудиенциях у Николая II, письма А.А. Богданова и М. Горького, материалы об историках А.А. Кизеветтере, А.А. Зимине, Е.П. Метревели, библиография трудов С.Ф. Платонова и Б.А. Рыбакова.

Для историков, архивистов, филологов, краеведов.

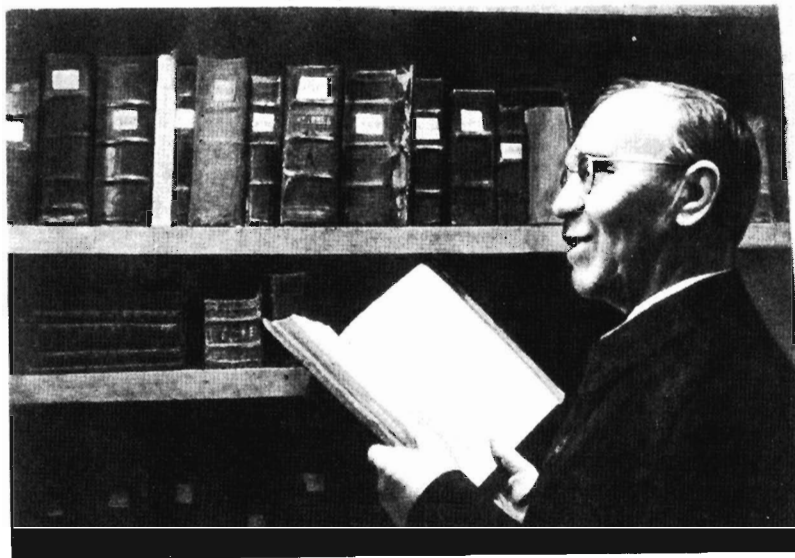
А 0502000000-125
042(02)-95 19 – 1995, I полугодие

ББК 63.2

ISBN 5-02-009611-3

© Коллектив авторов, 1995
© Российская академия наук, 1995

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АКАДЕМИКА М.Н. ТИХОМИРОВА

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ТИХОМИРОВ

ТИХОМИРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 1993 г.

ХРОНИКА ЗАСЕДАНИЯ

Состоявшиеся 3 июня традиционные Тихомировские чтения, проводимые на этот раз Археографической комиссией совместно с Отделением истории РАН, историческим факультетом МГУ, Государственным Историческим музеем, были посвящены знаменательной для отечественной исторической науки дате. Юбилейное заседание открыл академик-секретарь Отделения истории РАН академик *И.Д. Ковальченко*. Во вступительном слове было выделено два основных момента научного творчества М.Н. Тихомирова. Во-первых, фундаментальность исследований ученого, уважение к факту как основе познания, нацеленность на доказательность истины целой совокупностью фактов. И как следствие этого – такое отношение к историческому источнику как факту исторической действительности, которое он продемонстрировал в своих трудах, где исследуемый источник преподносился на основе всестороннего рассмотрения истории его возникновения и функционирования. Это та характерная черта, которую внес Михаил Николаевич и которая теперь является одной из основных составляющих всех источниковедческих исследований.

Вторым моментом, характеризующим научную деятельность М.Н. Тихомирова, было чрезвычайно глубокое, тонкое понимание перспектив и тенденций развития исторической науки. Результатом такого предвидения явилось создание в 1953 г. по инициативе М.Н. Тихомирова кафедры источниковедения Московского университета. В 50-е годы далеко не все ученые ощутили потребность, более того, необходимость специального изучения источников. Но

именно Михаил Николаевич основал первую специальную кафедру в нашей стране по источниковедению.

Продолжая мысль о влиянии академика М.Н. Тихомирова на историческую науку, И.Д. Ковальченко отметил высокий профессионализм его источниковедческой работы. Это обусловило то, что количество его учеников исчисляется сотнями – не только непосредственно теми, кого он учил, но и гораздо большим числом начинающих исследователей, которые учились у него основам гуманитарных и научных изысканий. Хотя занимаются они различными аспектами отечественной истории, но все представляют единую школу в плане принципиальных подходов в науке, которые характерны для трудов М.Н. Тихомирова. В заключение И.Д. Ковальченко особо сказал о высокой гражданственности и глубоком патриотизме академика М.Н. Тихомирова в самом лучшем смысле этого слова.

Председатель АК академик РАО С.О. Шмидт посвятил выступление ("Тихомировское наследие. Тихомировские традиции") подведению некоторых итогов выявления, публикации и изучения наследия М.Н. Тихомирова (в основе доклада – статья "К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова"¹). К настоящему моменту уже многое сделано для того, чтобы все созданное историком стало достоянием широкого круга читателей и для увековечения памяти ученого. Это касается и мемориальной области (его именем названа улица, есть мемориальная доска на доме, где он жил, в МГУ одна из аудиторий – Тихомировская, продолжается издание "Археографического ежегодника", основанного в 1957 г. академиком М.Н. Тихомировым, как указано на титуле каждого тома, проводятся ежегодные чтения его имени и т.д.), и издания его трудов. Вскоре после кончины ученого были выпущены его избранные произведения, подобранные тематически в шести книгах, в "Археографическом ежегоднике" постоянно печатались неопубликованные работы и другие материалы, связанные с жизнью и научным творчеством ученого. Тем не менее оставались неизданными или требующими переиздания некоторые его исследования. В 1992 г. была переиздана его книга "Древняя Москва XII–XV вв."

Публикация отдельного тома описания архива ученого, поступившего по его завещанию в Архив Академии наук, явилась новым шагом в деле выявления и введения в научный оборот материалов о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова². Книга Е.В. Чистяковой "Михаил Николаевич Тихомиров" (М., 1987), вышедшая в серии "Научные биографии", написана как на основе архивных материалов, так и личных воспоминаний автора. Такого же характера – исследование-воспоминания – и многие другие статьи, посвященные М.Н. Тихомирову. Жизнь и творчество ученого не раз освещались на Тихомировских чтениях и других научных конференциях. Такое количество вновь вышедших и переизданных трудов ученого, а также посвященных ему работ, побудило к существенному дополнению библиографии его трудов. И.Е. Тамм успела подготовить книгу (7 п.л.) "Биобиблиографические материалы об академике Михаиле Николаевиче Тихомирове (1893–1965)", дополненную затем Л.И. Шохиным. Книга издается теперь в РГГУ совместно с АК.

Еще в одном направлении – в продолжении традиций и реализации начинаний ученого также сделано достаточно много. Успешно функционируют созданные им научные структуры и направления: Археографическая комиссия, где готовятся выпуски "Сводного каталога славяно-русских рукописных книг", начатого по его инициативе, группа по изданию Полного собрания русских летописей,

¹ ОА. 1993. № 3. С. 35–37.

² Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Науч. описание / Сост. И.П. Старовойтова. М., 1974.

кафедра источниковедения МГУ, продолжается археографическая работа в Сибири, включающая теперь и изучение Тихомировского собрания рукописей и старопечатных книг в Новосибирске. Широко закрепилось представление об обязательности преподавания специальных исторических дисциплин в вузах и взаимосвязях этих наук с археографией и архивоведением. В настоящее время стала очевидна перспективность всех начинаний и разработок в области исторической науки, связанных с именем Тихомирова. С.О. Шмидт подчеркнул, что М.Н. Тихомиров утвердился в нашем сознании как классик отечественной исторической науки. Память о большом ученом – это не только память о том, что он сделал, но и продолжение того, чему он посвятил свою жизнь.

О Тихомирове – профессоре Московского университета – рассказал в докладе "Академик М.Н. Тихомиров и Московский университет" член-корреспондент РАН Л.В. Милов. Михаил Николаевич принадлежал к той когорте преподавателей, которая прежде всего привлекает учеников к своей научной работе. В вузах, и в частности в Московском университете, был целый ряд преподавателей, крупных ученых, которые вели работу со студентами прежде всего в своей научной лаборатории. В этом плане Михаил Николаевич сделал в университете очень много.

Основой его педагогической деятельности были спецкурсы, большинство из которых в той или иной мере связаны с монографическими исследованиями, над которыми он работал в то время. Поэтому становление основной концепции какой-либо монографии всегда проходило в дискуссиях со студенческой аудиторией. Если ученик высказывал свои существенные суждения по теме, порой это находило отражение в работе учителя, естественно, с уважительной ссылкой на автора.

Он никогда не навязывал своих мнений, создавая тем самым для научной студенческой деятельности комфортные условия. Характер спецсеминаров М.Н. Тихомирова был разный в зависимости от степени сложности проблем, от стадии работы самих студентов. Иногда это были различные практические лекции, иногда своеобразный опрос и диалог со студентами, просто беседы, где глубоко научные вопросы переплетались с вопросами более широкого исторического плана, а также с современными проблемами. Поэтому многие студенты университета входили в круг общих интересов Михаила Николаевича и как ученого, и как гражданина. Л.В. Милов отметил одну чисто жизненную особенность ученого – он был человеком простым, что делало его контакты с учениками чрезвычайно близкими, похожими на "родственные отношения" с обеих сторон. Это также содействовало тому, что Михаил Николаевич и как человек и как преподаватель видел цели ученика. В связи с этим он предпринимал огромные усилия для трудоустройства своих учеников. Не случайно очень многие, защищавшие свои диссертации под его научным руководством, стали большими учеными, крупными историками. Это не только заслуги самих студентов, проявления их способностей, трудолюбия, таланта, но и М.Н. Тихомирова. По тематике работы его учеников были самые разнообразные, что является следствием широких научных интересов педагога. Но в центре внимания преподавательской деятельности Михаила Николаевича был период XVI–XVII вв., особенно XVII в., которым он любил заниматься сам. Он был против излишнего теоретизирования, старался не участвовать в теоретических дискуссиях, опасался за судьбу своих подопечных, подвергшихся критике с агрессивно-идеологическим оттенком.

Далее докладчик напомнил о нелегкой судьбе ученого. Не секрет, что после 1953 г., даже будучи академиком, Михаил Николаевич критиковал академическое и институтское начальство. И где-то в 1956 г. он решил порвать с Институтом истории СССР и перешел в Институт славяноведения и балканистики АН СССР. Это также было связано с тем, что он пострадал во время дискуссий,

после чего он все время опасался вспышки каких-нибудь новых кампаний. Позже, в 60-х годах, М.Н. опять трагически не повезло, потому что Хрущев издал указ "О ликвидации совместительства", и ученый-педагог лишился возможности официально работать в Московском университете. Но М.Н. ни на секунду не прерывал своей напряженной деятельности, ни на секунду не отрывался от своих учеников, общение с которыми давало "питательные соки" для научной деятельности учителя. Говоря о профессорской деятельности М.Н. Тихомирова, Л.В. Милов отметил ту ненавязчивость, с которой М.Н. умел проводить свои методологические идеи в беседах, дискуссиях с учениками. Огромное внимание Тихомиров уделял внушению мысли о накоплении знаний. И если к нему обращались за чисто фактическими справками, то нельзя было не заметить, какое величайшее удовольствие он испытывал, отвечая на подобного рода вопросы. Он искренне радовался, что может помочь своему ученику. М.Н. Тихомиров акцентировал внимание на необходимости знания "забытых" работ, изданных в середине XIX в., особенно по истории церкви, истории культуры. Поиск новых документов, связанных с историей Древней Руси, русского средневековья, был также для него важным делом.

Еще на одном моменте, связанном опять-таки с общением с учениками, остановился выступающий. Речь шла о передаче им не только исследовательских, но и каких-то нравственных навыков. Все хорошо знают, как жестокая и несправедливая критика тяжело отразилась на судьбе Михаила Николаевича. В разговорах со своими учениками он довольно часто возвращался к трагическим событиям, каждый раз очень переживая, вспоминал отдельные эпизоды. Поэтому общение с Михаилом Николаевичем многих научило не превращать научные дискуссии в унижительные и жестокие "разборки", уничтожающие "обсуждаемого" и как ученого, и как человека. Думается, сказал, заканчивая свое выступление Л.В. Милов, что такой вывод из общения с ведущим, крупнейшим историком нашей страны, чистосердечным, порядочным, прямым человеком сделали все его ученики, ибо среди них нет ни одного недостойного имени своего Учителя.

Е.В. Чистякова (Университет дружбы народов) выступала по теме "Академик М.Н. Тихомиров и всемирная история"³. Она остановилась на вкладе М.Н. Тихомирова в византинологию, славяноведение и историю народов Востока. Занимаясь этими проблемами в плане истории России, в частности, в связи с международными связями Древнерусского государства, он внес весомый вклад в эти отрасли науки. Он начал огромную работу по описанию славянских старопечатных книг и рукописей, сам описывал будущее Тихомировское собрание. М.Н. Тихомиров был одним из первых организаторов славистического направления в отечественной исторической науке, инициатором и непосредственным участником публикаций памятников по истории славян. К примеру, под его редакцией издавались книги Ю. Крижанича. В своих статьях он уделял внимание вопросам, вызывавшим у него наибольший интерес в этой области, а именно: начало славянской письменности и развитие связей Руси с южными и западными славянами.

Существенным был вклад ученого в разработку истории Византии. По его инициативе был создан каталог греческих рукописей. Он, по сути дела, ввел в систему истории международных отношений тандем Русь-Византия. М.Н. Тихомирову удалось добиться воссоздания "Византийского временника", редактором которого стал он сам. В его исследованиях о русско-византийских связях постоянно проводилась мысль о возможности и необходимости использования рус-

³ Подробнее см.: Академик М.Н. Тихомиров (1893–1965) и изучение всемирной истории: (К 100-летию со дня рождения) // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 203–217.

ских источников для изучения истории Византии. Другие его исследования касались восточных соседей Древней Руси: государств Кавказа, Средней Азии, а также Сибири. Он поднимал проблемы этногенеза этих народов, присоединения их к России, ставил вопросы о чтении отдельных курсов, например, по истории Татарии. Особое внимание ученый уделял развитию археографии и источниковедения среднеазиатских и закавказских республик, координации деятельности их гуманитарных институтов и подготовке местных специалистов. Е.В. Чистякова особо подчеркнула, что М.Н. Тихомирову был присущ полидисциплинарный подход к исторической науке и масштабность мышления.

Д.М. Шаховской (Франция), автор некролога М.Н. Тихомирова, напечатанного в "Revue des Etudes Slaves" (П., 1966. Т. 45), поделился воспоминаниями о встречах с М.Н. Тихомировым и его семинарах в Школе восточных языков (см. наст. изд.).

Б.В. Левшин (АРАН) выступил с докладом "Архив академика М.Н. Тихомирова. Михаил Николаевич в своих воспоминаниях" и познакомил слушателей с неопубликованными воспоминаниями ученого. Зачитав отрывки из них, он представил М.Н. так, как он сам о себе говорит через оставленные им документы (см. наст. изд.).

Е.Л. Храмкова (Самарский пединститут) посвятила свое выступление "М.Н. Тихомиров в Самаре в 1919–1923 гг." самарскому периоду жизни ученого, когда он учился на этнолого-археологических курсах, затем преподавал в Самарском университете, вел оживленную научную жизнь, сотрудничая в Обществе археологии, истории и этнографии (см. наст. изд.).

Л.М. Костюхина (ГИМ) сделала интересное сообщение "М.Н. Тихомиров в рукописном отделе Исторического музея", посвященное деятельности М.Н. Тихомирова в стенах рукописного отдела ГИМ, которую он начал еще во время студенческой практики в 1917 г., а затем продолжил в качестве научного сотрудника (см. наст. изд.).

Об исследовании М.Н. Тихомировым кормчих книг рассказала *М.В. Андропова* (МГУ) в докладе "М.Н. Тихомиров – исследователь кормчих книг" (см. наст. изд.).

И.П. Староверова (АРАН) сообщила о новых поступлениях в фонд М.Н. Тихомирова. Определив источники поступлений новых документов, выступавшая остановилась на их обзоре и той информации, которую они несут для исследователей творчества М.Н. Тихомирова (см. наст. изд.).

С.В. Чирков (АК) посвятил свое выступление ("Академик М.Н. Тихомиров и развитие специальных исторических дисциплин") вкладу М.Н. Тихомирова в теоретическую разработку и развитие специальных исторических дисциплин. Фундаментальный подход к исследуемому источнику привел ученого к трактовке специальных исторических дисциплин не как вспомогательных областей знания, а как отдельных специальных областей истории культуры. Он всячески отрицал их подсобную роль и настаивал на их самостоятельности, что отразилось в определении, которое он сформулировал. Подчеркивая, что история – наука комплексная, Тихомиров выделял приоритетные в сфере его интересов направления – палеография и археография. Докладчик сопоставил те научные проекты, которые выдвигались русскими историками в начале XX в. с начинаниями, осуществленными М.Н. Тихомировым. Создание Археографической комиссии, проведение археографических экспедиций, проект Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, забота об охране памятников – все это, и многое другое позволило С.В. Чиркову сделать вывод о том, что задачи исторической науки осмысливались и решались выдающимся ученым на новом уровне. В заключение была отмечена важная заслуга М.Н. Тихомирова, переосмыслившего документ не только как источник, но и как памятник.

Последним было заслушано выступление А.А. Преображенского (ИРИ), поделившегося своими воспоминаниями о встречах с Тихомировым (см. наст. изд.).

В заключительном слове С.О. Шмидт информировал о находящихся в печати трудах М.Н. Тихомирова. В настоящее время подписана корректура его книги "Сошествие в глубь веков", запланированной в издательстве "Пресса". Книга включает работы ученого: "Киевская Русь", "Значение Древней Руси в развитии русского, украинского и белорусского народов", "Ольга", "Начало христианства на Руси", "Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. (главы V–IX)", «О происхождении названия "Россия"», "Из истории борьбы русского народа за выход к морю", "Великий Новгород в истории мировой культуры", "Средневековая Москва в XIV–XV вв.", "Куликовская битва 1380 г.", "Андрей Рублев и его эпоха", "Сословно-представительские учреждения в России XVI в.", "Последние из рода Калиты", "Оборона Пскова в 1581 г.", "О библиотеке московских царей", "Начало книгопечатания в России", "Псковское восстание 1650 г.", "М.В. Ломоносов и основание первого университета в России".
Корректурa поступила к С.В. Чиркову (составителю) и С.О. Шмидту (автору послесловия) еще в 1993 г. В первый выпуск подготовленного Мосгорархивом сборника "На семи холмах" включены главы из "Воспоминаний М.Н. Тихомирова о московском детстве"⁴.

Е.М. Евдокимова

© Е.М. Евдокимова

⁴ В Самарском университете подготовлена книга: *Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923)* / Под ред. П.С. Каботова. Самара, 1994.

Е.Л. Храмова

М.Н. ТИХОМИРОВ В САМАРЕ В 1919–1923 гг.

(По материалам Государственного архива Самарской области)

В ГАСО хранятся документы, прямо или косвенно свидетельствующие о деятельности М.Н. Тихомирова в Самарском крае. Они сосредоточены в трех архивных фондах: в фонде Самарского государственного университета (Ф. Р-28), Самарского научного краеведческого общества (Ф. Р-558), П.А. Преображенского (Ф. 673). Документы данных фондов практически не введены в научный оборот.

Сведения о преподавательской работе М.Н. Тихомирова имеются также в "Известиях Самарского государственного университета"¹. В библиотеке ГАСО и читальном зале областной научной библиотеки сохранились работы историка, написанные в Самаре в начале 20-х годов. Выявленные документы дают возможность показать малоизвестные факты о деятельности академика М.Н. Тихомирова в нашем крае.

Пребывание в Самаре для М.Н. Тихомирова было примечательно тем, что здесь он практически завершил свое образование как историк-краевед и источниковед на Археологических (Высших этнолого-археологических) курсах. Курсы при Самарском университете (СГУ) были основаны в 1920 г. Они готовили "работников-практиков, преимущественно для работ по изучению края"².

Впервые фамилия историка встречается в списке слушателей от 6 октября 1920 г.³ Протокол заседания Совета Археологических курсов свидетельствует, что М.Н. Тихомиров был единогласно выбран в члены Совета курсов, причем с правом решающего голоса. На курсах работали: академик В.Н. Перетц (председатель курсов), профессора В.П. Адрианова (секретарь курсов), С.Д. Балухатый, А.С. Башкиров, В.В. Гольмстен, Н.А. Архангельский, П.А. Преображенский и другие.

Михаил Николаевич начинает работать в СГУ с февраля 1921 г.⁴ В 1921–1922 гг. он преподавал на социально-экономическом и литературно-этнографическом отделениях социально-исторического факультета⁵. Осенью 1922 г. социально-исторический факультет был преобразован в педагогический. В 1922–1923 гг. М.Н. Тихомиров работал на словесно-историческом отделении педфака на кафедре русской истории ассистентом палеографии. На протяжении 1921–1923 гг. он вел в СГУ практические занятия по палеографии и читал специальный курс "Чтение древнерусских актов XV–XVII вв."⁶. В 1921–1922 гг. он также

© Е.Л. Храмова

¹ Известия Самарского государственного университета. Самара, 1922. Вып. 3; Самара, 1923. Вып. 5.

² ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 49. Л. 2.

³ Там же. Д. 22. Л. 38; Д. 40. Л. 25.

⁴ Там же. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 663. Л. 13; Д. 692. Л. 18.

⁵ Там же. Д. 656. Л. 39; Изв. Самар. гос. ун-та. 1922. Вып. 3. Офиц. отд. С. 11, 75, 77.

⁶ ГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 672. Л. 6; Д. 692. Л. 7; Ф. 673. Оп. 1. Д. 26. Л. 2, 3; Изв. Самар. гос. ун-та. 1923. Вып. 5. Офиц. отд. С. 8–9.

преподавал курс "Древнерусская литература" на Высших этнолого-археологических курсах, причем безвозмездно⁷.

Учебную и преподавательскую деятельность М.Н. Тихомиров удачно сочетал с работой в научных обществах при СГУ. Членом историко-филологического общества он был избран 5 марта 1922 г.⁸ Избранию предшествовало чтение доклада "Князь Юрий Иванович Дмитровский. (К истории отношений между великими и удельными князьями)" на заседании общества 5 февраля 1922 г. Сохранился краткий конспект доклада, написанный рукой М.Н. Тихомирова⁹. Как известно, оригинал рукописи "Князь Юрий Иванович Дмитровский" хранится в Дмитровском краеведческом музее (рукопись датирована 20 февраля 1922 г.)¹⁰. Сопоставив обе даты, можно утверждать, что конспект доклада был основой для подготовки рукописи.

Много и плодотворно работал историк в Обществе археологии, истории и этнографии при СГУ (ОАИЭ). В обществе он исполнял обязанности библиотекаря и научного сотрудника Библиографической и Исторической комиссий. Сохранилось в подлиннике заявление, написанное М.Н. Тихомировым, датированное 2 февраля 1920 г., на имя Председателя ОАИЭ с просьбой принять его в число сотрудников общества. На нем указан и адрес историка: "Самара, Самарская, д. 176, кв. 1". На обороте заявления можно прочитать: «При этом сообщаю о себе краткие сведения. Родился в 1893 г. В 1917 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. Все время работал по истории России и по древнерусскому искусству. Представил кандидатское сочинение на тему: "Псковская смута", написанное по документам быв. Посольского Приказа (Арх. Мин.И.Д.). В 1917 г. заведовал музеем родного края в г. Дмитрове. С 1919 г. работал в Самаре как уезд. инстр. по библиотечному делу"¹¹. Восьмого (по другим документам, шестого) февраля он был избран в действительные члены ОАИЭ¹².

Сохранилось подлинное удостоверение М.Н. Тихомирова, датированное 14 марта 1921 г., что он является библиотекарем ОАИЭ¹³. Из документов следует, что Тихомиров приложил много усилий для сбора книг в Самарской губернии, для спасения знаменитых книжных собраний Самары, например библиотеки Пустошкиных¹⁴. Сохранилось несколько копий удостоверений, выданных ему от имени ОАИЭ, для командировок в Москву и Петроград с целью приобретения научных пособий и литературы¹⁵. В 1923 г. собрание библиотеки общества (более 6000 книг) пополнилось рукописями и старопечатными книгами, вывезенными М.Н. Тихомировым из Иргизских старообрядческих монастырей¹⁶. В фонде Самарского научного краеведческого общества есть тетрадь в черном переплете, заполненная М.Н. Тихомировым. На втором листе его рукой написано: "Описание книг церковной печати библиотеки Общества Археологии, Истории и Этнографии при Самарском Гос. Университете"¹⁷. На этом же листе дата: "Самара – 1923 год". В тетради содержится описание не менее 123 книг, большинство из них относится к XVII–XVIII вв. Среди них "Минеи служебные" (нач. XVII в.), "Псалтирь с воследованием" (1640), "Прологъ" (1642), "Четвероевангелие" (прим. 1575) и др.

⁷ ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 49. Л. 2, 4.

⁸ Там же. Ф. 673. Оп. 1. Д. 102. Л. 17.

⁹ Там же. Л. 15–16.

¹⁰ См. об этом: *Тихомиров М.Н. Российское государство XV–XVII веков. М., 1973. С. 393.*

¹¹ ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.

¹² Там же. Д. 15. Л. 1; Д. 21. Л. 6.

¹³ Там же. Д. 58. Л. 16.

¹⁴ Там же. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 24.

¹⁶ Там же. Д. 49. Л. 4.

¹⁷ Там же. Д. 81.

В литературе уже упоминалось об участии историка в спасении архива Аксаковых¹⁸. Хотелось бы добавить следующее: заведующим Аксаковской комнатой он стал осенью 1920 г. Весной 1921 г. М.Н. Тихомиров ездил к внучке С.Т. Аксакова О.Г. Аксаковой в с. Языково с предложением передать архив семьи на хранение в ОАИЭ¹⁹. В июле 1921 г. архив при активном участии М.Н. Тихомирова был переправлен в Самару. Воссоединив вещи и архив, вывезенный из Языкова, с материалами музея С.Т. Аксакова при Самарском дворянском собрании, ОАИЭ в своем помещении устроило Аксаковскую комнату. Копия протокола конференции ОАИЭ от 18 декабря 1921 г. свидетельствует, что М.Н. Тихомирову удалось вывезти всего 59 предметов, принадлежащих роду Аксаковых: среди них бюро красного дерева, принадлежавшее, по преданию, деду С.Т. Аксакова, кресло и диван С.Т. Аксакова, фамильная икона Аксаковых и т.д. Исключительную ценность представляет архив семьи (переписка И.С. Аксакова с видными деятелями XIX в.; письма К.С. и И.С. Аксаковых родителям, друзьям; черновые рукописи К.С. и И.С. Аксаковых)²⁰. На протяжении лета 1921 – осени 1923 г. М.Н. Тихомиров кропотливо работал над описанием архива²¹. К сожалению, ко времени отъезда из Самары, он не завершил данной работы²².

Протоколы конференций ОАИЭ, удостоверения и мандаты М.Н. Тихомирова, хранящиеся в фонде Самарского научного краеведческого общества, свидетельствуют о деятельности его в библиографической комиссии. Возглавлял комиссию профессор СГУ С.Д. Балухатый (1893–1945), единственный крупный тогда в Самарской губернии библиограф и знаток библиотековедения²³. В Самаре он также работал в области старообрядческой и сектантской литературы. Сергей Дмитриевич преподавал в университете и на Археологических курсах книговедение и библиотековедение. Им был составлен план библиографических работ, в которых принимал активное участие М.Н. Тихомиров. Это учет литературы по Самарскому краю, занесение на карточки всех статей по краеведению, составление по карточкам систематического и алфавитного каталогов. Научным сотрудником Библиографической комиссии М.Н. Тихомиров стал 10 ноября 1920 г.²⁴ Известно, что после отъезда С.Д. Балухатого в Петроградский университет он был назначен председателем Библиографической комиссии²⁵. Будучи на этом посту, в 1923 г. М.Н. Тихомиров вместе с профессором В.В. Гольмстен пытался спасти от разрушения церковь бывшей Ольгинской общины Красного Креста²⁶.

Научным сотрудником Исторической комиссии М.Н. Тихомиров стал 1 декабря 1920 г.²⁷. Ее возглавлял активнейший деятель Самарского краеведения князь С.А. Хованский (1883–?), известный специалист по архивоведению²⁸. В планы Исторической комиссии входило обследование колонизации края, Закамских линий, Иргизских монастырей. В 1921–1923 гг. М.Н. Тихомиров объездил Самарский край, собрал материал по истории колонизации края. В 1922 г. он сделал доклад на конференции ОАИЭ "К истории колонизации Самарского края"²⁹.

¹⁸ См.: *Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)*. М., 1987. С. 18; и др.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 48. Л. 24, 27.

²⁰ Там же. Д. 46. Л. 13.

²¹ Там же. Д. 49. Л. 4.

²² Там же. Д. 64. Л. 4.

²³ Там же. Д. 40. Л. 9.

²⁴ Там же. Д. 13. Л. 37.

²⁵ Там же. Д. 64. Л. 2.

²⁶ Там же. Д. 78. Л. 39.

²⁷ Там же. Д. 59. Л. 48.

²⁸ Там же. Д. 40. Л. 9.

²⁹ См.: Изв. Самар. гос. ун-та. 1923. Вып. 5. С. 1–12.

История спасения М.Н. Тихомировым рукописных и книжных сокровищ Иргизских монастырей и скитов в целом известна. Уточним следующее. Сохранился протокол заседания Совета при Самарском уполномоченном Главархива в канцелярии Архивного фонда в Самаре от 29 сентября 1919 г., на котором присутствовал М.Н. Тихомиров³⁰. На заседании выступил известный историк и краевед Н.А. Архангельский с докладом "История возникновения раскольниковичьих монастырей на Иргизе". М.Н. Тихомиров активно участвовал в обсуждении доклада. В феврале 1921 г. председатель ОАИЭ профессор СГУ А.С. Башкиров получил мандат от Отдела научных библиотек РСФСР на обследование старообрядческих монастырей и скитов на территории Самарской губернии³¹. Он имел право передать его кому-нибудь из членов общества и, мандат, по-видимому, был передан М.Н. Тихомирову. Дважды, 28 января и 1 сентября 1923 г., на научных конференциях ОАИЭ он делал доклад на тему: "Рукописи Иргизских монастырей"³².

Сохранились и документы, содержащие сведения о бедственном материальном положении историка в Самаре³³. Это было обусловлено чрезвычайно тяжелым материальным состоянием СГУ и ОАИЭ. В 1921 г. университет вообще был снят с государственного обеспечения³⁴. Сохранились платежные списки ОАИЭ, в частности, за 1921 г., с подписями М.Н. Тихомирова за полученные суммы³⁵. Жалованье он получал как библиотекарь и как научный сотрудник Библиографической и Исторической комиссий. В университете практически ему не платили.

В фондах ГАСО находятся документы, позволяющие охарактеризовать окружение М.Н. Тихомирова в его самарский период жизни. В 1919–1923 гг. он испытал влияние двух групп ученых. В первую входили крупные столичные ученые В.Н. Перетц, А.П. Баранников, С.Д. Балухатый, А.С. Башкиров, А.С. Щеглова, В.В. Гольмстен, В.П. Адрианова и др.³⁶ Вторую составляли местные историки, краеведы, художники П.А. Преображенский, Ф.Т. Яковлев, С.А. Хованский, П.Н. Ефимов³⁷. Разные по уровню образования, по степени известности в научных кругах России, все эти люди отличались интеллигентностью, благородством, разносторонностью дарований и широтой интересов, любовью к археографическим, источниковедческим, краеведческим исследованиям, стремлением помочь Самарской провинции. Еще в те годы они понимали, что всякая работа, "а культурная работа, при которой мы стоим, – в особенности... нуждается в преемстве. Надо чувствовать за собою предшественников, делавших первые шаги по тому пути, на который мы вступили. Это дает утешительную надежду, что и наши труды не останутся без продолжателей"³⁸. М.Н. Тихомиров удачно вписался в этот круг подвижников, "не брезгающих черною работой", как сказал однажды академик В.Н. Перетц³⁹.

Осенью 1923 г. М.Н. Тихомиров покинул Самару. Причина отъезда была проста: летом 1923 г. СГУ постановил самоликвидироваться. В том же году постепенно затухает и историко-краеведческая работа в ОАИЭ.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-558. Оп. 1. Д. 13. Л. 35.

³¹ Там же. Д. 58. Л. 139–142.

³² Там же. Д. 64. Л. 5; Д. 74. Л. 34, 35.

³³ Там же. Д. 40. Л. 24; Д. 78. Л. 1, 2, 6, 26, 27; и др.

³⁴ Там же. Д. 16. Л. 33.

³⁵ Там же. Д. 59. Л. 10, 16, 17, 19, 21, 28, 30, 38, 39, 40, 43, 44, 48, 65, 70, 73, 191; и др.

³⁶ Там же. Д. 40. Л. 9; Д. 59. Л. 117.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Д. 74. Л. 23.

³⁹ Там же. Д. 46. Л. 23.

Л.М. Костюхина

М.Н. ТИХОМИРОВ В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Значительная часть творческой деятельности М.Н. Тихомирова была связана с ОР ГИМ. Будучи студентом Московского университета в 1912–1917 гг., он проходил практику в Отделе рукописей Российского исторического музея. Под руководством В.Н. Щепкина Михаил Николаевич вел описание рукописных книг Музейского собрания. В 1924–1925 гг. в качестве неофициального, а в 1926–1928 гг. уже в качестве штатного сотрудника М.Н. Тихомиров продолжил работу. Тогда в летописном сборнике конца XVI в. им был открыт редкий список "Задонщины". Впервые тихомировское описание этого списка появилось в серии "Литературные памятники" – "Повести о Куликовской битве" в 1959 г.¹, а текст был издан несколько раньше².

Описанию рукописей М.Н. Тихомиров всегда придавал большое значение, так как оно обеспечивало охрану и введение в оборот богатого русского рукописного наследия. Когда в 1945–1950 гг. М.Н. Тихомиров руководил ОР ГИМ, он постоянно включал в свои собственные планы и планы сотрудников составление каталогов и описаний рукописных и старопечатных книг. Сохранился один весьма интересный тихомировский автограф – план работы ОР на IV квартал 1945 г., где за каждым сотрудником закреплялась определенная часть работы по описанию собрания³. В начале 60-х годов М.Н. Тихомиров предложил сотрудникам составить описание пергаменных рукописей ОР ГИМ, которое было выполнено ими под руководством М.В. Щепкиной. По инициативе М.Н. Тихомирова описание появилось на страницах "Археографического ежегодника"⁴. Постоянно шли публикации и самих памятников, хранящихся в ГИМ. Это были и летописи, и акты, и материалы, и берестяные грамоты, и первопечатные издания России XVI в.⁵

С 20-х годов до конца жизни М.Н. Тихомиров постоянно работал как исследователь над рукописными фондами ОР ГИМ. Здесь же в предвоенные годы он писал учебник по источниковедению истории СССР⁶. Исследуя рукописные ис-

© Л.М. Костюхина

¹ Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959. С. 18–19.

² Ржига В.Ф. Слово Софрония Рязанца о куликовской битве (Задонщина) // Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В.И. Ленина. 1947. Т. XLIII. С. 60–99; Андрианова-Перетц В.П. Задонщина: Опыт реконструкции авторского текста // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. VI. С. 243–249; Zadoňština: Staroruský zalespěv o bojů rusů s tatarů r. 1380. Rozprava literárně dějepisná. Kričické vydání textů / Napsal Jan Frček // Prace Slovanského ústavu v Praze. V Praze, 1948. Svazek XVIII. Str. 179–247.

³ См. факсимиле плана из Архива ОР ГИМ.

⁴ АЕ за 1964 год. М., 1965. С. 135–234; АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 273–309.

⁵ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949; Т. 26. Вологодско-пермская летопись. 1959; Т. 28. Летописный свод 1497 г. и Летописный свод 1518 г. 1963; Т. 30. Владимирский летописец. М., 1965; Тихомиров М.Н., Щепкина М.В. Два памятника новгородской письменности. М., 1952; Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1951 г.). М., 1953; У истоков русского книгопечатания. М., 1959.

⁶ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1940.

IV квартал 1945 года.

1. Князевская ^{в.а.} — абсурдизация пометок, Музейские собрания, 1500 лл., X в. и др. рукоп.
2. Щепкина, в.в. — абсурдизация пометок, составление оговоров на Святых, Улуг., согр., перепиши по палеографич. лицевке (копалог), привести фрагменты в эпиграмм.
3. Тихомиров, в.н. — абсурдизация пометок, записки — 200 кт., Музей. собрания, 400 лл.

План работы ОР ГИМ на IV кв. 1945 г.
Автограф М.Н. Тихомирова. Факсимиле

точники, Михаил Николаевич подбирал одновременно по этой проблематике издания из уникальной по своему составу библиотеки ОР, до сих пор сохранился шкаф с этими книгами — "шкаф Михаила Николаевича". Исследовательская работа над "Русской Правдой" и летописями также в большой степени проходила в стенах Отдела.

М.Н. Тихомиров всегда поддерживал традиции разработки в ОР ГИМ проблем палеографии, что нашло отражение как в создании учебника "Русская палеография" (в соавторстве с А.В. Муравьевым)⁷, так и в руководстве целым рядом исследований и публикаций сотрудников ГИМ. В содружестве с М.В. Щепкиной он готовил здесь кадры источниковедов и палеографов. Студенты и аспиранты истфака МГУ постоянно проходили практику и стажировки в ГИМ под его внимательным, строгим и неформальным руководством. Своим ученикам М.Н. Тихомиров не уставал повторять, что "русское письменное богатство принадлежит нашей Родине и должно быть сохранено для будущих поколений"⁸.

⁷ Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография. М., 1966.

⁸ Тихомиров М.Н. Письмо в редакцию "О необходимости улучшить условия хранения древнерусских рукописей и организации собирания их у населения" // ВИ. 1948. № 3.

М.Н. ТИХОМИРОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КОРМЧИХ КНИГ

Многогранный талант Михаила Николаевича Тихомирова уже не раз становился объектом исследования историографов¹, но одно направление в работе ученого еще не до конца изучено в литературе – это вклад Михаила Николаевича в анализ истории кормчих книг на Руси.

В определении М.Н. Тихомирова "Кормчая, или Номоканон представляет собой собрание церковных правил и византийских гражданских законов в переводе на славянский язык... Кормчая была важнейшим юридическим пособием в Древней Руси и сохранилась во множестве списков разного состава"². Отдавая должное исследователям XIX в., занимавшимся кормчими, и своему старшему современнику "крупнейшему русскому канонисту" В.Н. Бенешевичу, М.И. Тихомиров, однако, писал: "К сожалению, исследования знаменитых канонистов во главе с А. Павловым почти не привлекали к себе внимание историков, хотя история возникновения Кормчей крайне интересна для живучести русской культурной традиции"³. Слова эти, относящиеся к истории Рязанской кормчей, отражали общее положение с изучением кормчих книг в советской историографии 30–50-х годов. Кормчие попадали в сферу внимания советских исследователей не столько как самостоятельные памятники, сколько как сборники, содержащие в себе юридические тексты, которыми и занимались историки. В 30-е годы вышло в свет сразу несколько изданий Русской Правды, варианты которой являются составными частями кормчих⁴. Одно из этих изданий готовилось в АН СССР⁵. В работе принял участие М.Н. Тихомиров, занимавшийся списками Русской Правды, сохранившимися в кормчих книгах. В дальнейшем Михаил Николаевич неоднократно возвращался к исследованию кормчих, и всю работу в этой области можно условно разделить на две части: 1) археографическую, т.е. поиск списков кормчих книг и публикация их текстов; 2) исследовательскую, т.е. непосредственное изучение кормчих и их истории.

Поиск и публикация. Одним из первых опубликованных результатов работы М.Н. Тихомирова с кормчими было установление тождества одного из малоизвестных в ту пору списков кормчей книги Исторического музея в Москве с Крестининской кормчей, по которой в XVIII в. была опубликована Русская Правда. Крестининский список считался "неразысканным". М.Н. Тихомиров, сверив

© М.В. Андропова

¹ Список литературы о М.Н. Тихомирове, вышедший до 1963 г., опубликован в книге "Михаил Николаевич Тихомиров" (М., 1963); аналогичный список с 1963 по 1983 г. (включительно) подготовлен и издан И.Е. Тамм в АЕ за 1983 год (М., 1985. С. 250–255). (См. также монографию Е.В. Чистяковой "Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)" (М., 1987) и наст. изд. с. 68–69.

² Тихомиров М.Н. Русская Правда. М., 1941. С. 7–8.

³ Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестн. истории мировой культуры. 1957. № 3. С. 5.

⁴ Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930; Русская Правда / Сост. и подгот. к печ. проф. С. Юшков. Киев, 1935.

⁵ Правда Русская / Подгот. к печ. В.П. Любимов, М.Н. Тихомиров, Г.Л. Гейерманс, Г.Е. Кочин; Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940.

опубликованное описание Крестининской с Рогожниковской кормчей (ГИМ, Муз. 798) по формату, почерку, записям, количеству листов, текстам и поправкам к ним XVII–XVIII вв., доказал их идентичность⁶. Видимо, в определении этого факта М.Н. Тихомирову помогла его многолетняя работа в Историческом музее с рукописями, но в самом ГИМе найти следы этой работы не удалось.

За свою жизнь М.Н. Тихомиров составил большое личное собрание рукописных книг, которое потом подарил библиотеке Сибирского отделения АН СССР. В числе этих книг были и кормчие, одна из которых – второй четверти XV в. – интересна как самый ранний список Псковского извода кормчих, получившего в науке второе название – Тихомировский⁷.

Как уже было сказано выше, М.Н. Тихомиров принял участие в подготовке академического издания Русской Правды, в котором были опубликованы соответствующие тексты кормчих, что послужило началом еще одного направления работы Тихомирова в этой области. С XVIII в. идет традиция публикации отдельных памятников, входивших в состав кормчих книг. Михаил Николаевич продолжил ее в 30–60 годы. Вместе с Г.Л. Гейермансом он подготовил к печати тексты Русской Правды по 37 спискам кормчих, в том числе, по 17 спискам Розенкамфовского вида, 18 Феррапонтовского и 2 Толстовского⁸. Причем каждому списку было дано соответствующее описание по следующим пунктам: название рукописи, ее местонахождение с шифром, размеры, количество листов, филигранные и датировка их по альбомам, почерки, особенности украшений, переплет, записи и пометы, состав кормчей, цифровые обозначения. Кроме того, проводился краткий текстологический анализ каждой рукописи и сравнение состава различных списков.

В 1941 г. вышла в свет собственная монография М.Н. Тихомирова о Русской Правде, в которой были опубликованы тексты кормчих⁹.

Однако из кормчих Михаил Николаевич опубликовал не только Русскую Правду. В "Археографическом ежегоднике за 1960 год" им был издан Летописец патриарха Никифора (с русскими статьями) по, Новгородской Синодальной кормчей (ГИМ, Синод. 132) с фототипическим воспроизведением соответствующих листов рукописи. Параллельно даны варианты по Варсонофьевской кормчей (ГИМ, Чуд. 4). Публикуя этот текст, изданный лишь в первом томе ПСРЛ в 1846 г., М.Н. Тихомиров писал, что это первый датированный список русской летописи, содержащий неизвестные другим летописям факты, в том числе факт второй татарской переписи русского населения в XIII в.¹⁰

В 1961 г. М.Н. Тихомиров вместе с Л.В. Миловым опубликовал Закон Судный людем, отдельные изводы которого вновь были взяты из кормчих¹¹. Древнейший извод краткой редакции ЗСЛ был опубликован по Устюжскому, Новгородско-Синодальному и Варсонофьевскому спискам; Чудовский извод ЗСЛ – по Чудовскому списку 1499 г. (ГИМ, Чуд. 167) с упоминанием еще 31 списка; Софийский извод – по Софийскому списку (РНБ. Соф. 1137) со ссылками еще на 14 списков кормчих книг. Пяти основным рукописям, по которым печатались изводы ЗСЛ краткой редакции, были даны подробные описания с попыткой

⁶ Тихомиров М.Н. Русская Правда: (К 200-летию открытия памятника) // Историк-марксист. 1938. № 5. С. 138; Он же. Крестининский список "Русской Правды" // ПИ. 1940. Сб. 3. С. 389–400.

⁷ Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII веках. М., 1987. С. 273.

⁸ Правда Русская / Под ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940.

⁹ Русская Правда / Вступ. ст. и коммент. к текстам М.Н. Тихомирова. М., 1941.

¹⁰ См.: Тихомиров М.Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 235–239.

¹¹ Закон Судный людем краткой редакции / Подгот. к печ. М.Н. Тихомиров, Л.В. Милов; Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961.

восстановить историю каждой из них. Кроме того, в приложениях опубликовано фототипическое воспроизведение листов Новгородской Синодальной, Варсонофьевской, Устюжской и Чудовской 1499 г. кормчих¹².

Исследовательская работа. Начав изучение кормчих книг как сборников, в состав которых входила Русская Правда, М.Н. Тихомиров сформулировал в ряде работ свою собственную точку зрения на историю кормчих книг на Руси с XIII по XV в.¹³ По его мнению, история разных редакций кормчих тесно связана с политической и культурной жизнью страны. Примером тому может послужить воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига, включающие и появление на Руси новых редакций кормчих. Среди них, следуя историографической традиции, М.Н. Тихомиров выделил три варианта кормчих, списками которых являются Рязанский (РНБ, Ф. II. 1, из собрания Ф.А. Толстого), Новгородский Синодальный и Варсонофьевский.

Проанализировав историю создания Рязанской кормчей, М.Н. Тихомиров поддержал гипотезу о существовании ее протографа – так называемой Киевской кормчей, написанной в Киеве около 1270 г. Инициатором ее создания М.Н. Тихомиров провозглашал митрополита Кирилла, который "воспользовался помощью болгарского князя-деспота, происходившего из рода русских князей" и приславшего южнославянский список кормчей¹⁴. На базе этого списка была создана гипотетическая Киевская кормчая, дошедшая до нас в составе Рязанской. Таким образом, по словам М.Н. Тихомирова, "Рязанская кормчая дает нам возможность проследить начало работы по утверждению новых списков кормчей на Руси"¹⁵.

Но Киев и Рязань не были единственными городами, где велась работа по восстановлению утраченных во время татарского нашествия книг. К перечню таких центров М.Н. Тихомиров добавлял Новгород, где в 1282 г. на базе Киевской кормчей была создана своя – Новгородская, которая, однако, "не может быть названа простым повторением" своей предшественницы. Основным отличием Новгородской кормчей от Киевской является то, что она включила в свой состав и русские статьи, в том числе – и Русскую Правду в ее Пространной редакции. М.Н. Тихомиров отмечал, что внесение текста Русской Правды в кормчую – "факт большого исторического значения, показывающий стремление составителей кормчей собрать юридические памятники, действовавшие в тогдaшней Руси"¹⁶. М.Н. Тихомиров заинтересовался и историей самого Новгородского Синодального списка, попытался восстановить обстоятельства его возникновения и дату его создания.

Кроме Рязанской и Новгородской Синодальной М.Н. Тихомиров изучал и Варсонофьевскую кормчую – "прекрасно выполненную пергаменную рукопись" – которую определил как владими́ро-суздальскую по своему происхождению¹⁷. Михаил Николаевич присоединился к традиционной датировке Варсонофьевской кормчей XIV в., но заметил, что списана она с более древнего оригинала. При сравнении с Новгородской Синодальной М.Н. Тихомиров посчитал, что существовал общий их протограф. В этой же рукописи, по его словам, дано объяснение самого митрополита Кирилла, для какой цели составлялись кормчие: "Заявив, что русские земли имеют теперь новые церковные правила, не затемненные, как раньше, непонятными толкованиями, митрополит Кирилл до-

¹² Там же. С. 115–127, 131–137, 141–154, 171–177.

¹³ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. М.; Л., 1941; Он же. Воссоздание русской письменной традиции... С. 5.

¹⁴ Тихомиров М.Н. Воссоздание русской письменной традиции... С. 7.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 8.

вольно ясно высказался в том духе, что восстановление церковных и гражданских юридических памятников непосредственно связано с борьбой русского народа с татарами"¹⁸. Михаил Николаевич сумел показать, что изучение кормчих книг необходимо наряду с изучением летописей, ибо первые представляют собой важный источник, свидетельствующий о "затаенной работе по восстановлению церковно-юридических памятников прошлого, которая велась в русских северных княжествах"¹⁹.

Однако работа по созданию новых редакций кормчих книг шла и в XIV в., когда, по мнению М.Н. Тихомирова, появились три новые редакции.

Первая из них по времени создания – так называемая Кормчая в соединении с Мерилом Праведным. Из проанализированных М.Н. Тихомировым списков этой редакции самый древний восходит к концу XV в., но время возникновения редакций отнесено им "в значительно более раннюю эпоху"²⁰. Имеющиеся в его распоряжении 40 списков Кормчей в соединении с Мерилом Праведным М.Н. Тихомиров традиционно разделил на два извода: Чудовский и Феррапонтовский, положив в основу разные варианты текстов Русской Правды.

Проанализировав состав кормчей, М.Н. Тихомиров выделил основные 110 глав, типичные для большинства списков, и отметил, что "наибольшей устойчивостью по составу отличается вторая часть кормчей, заключающая в себе Мерило Праведное"²¹. На основании сравнения состава данной редакции с составом Новгородской Синодальной кормчей Тихомиров пришел к выводу об использовании авторами первой текстов, близких второй кормчей. Другим источником Кормчей в соединении с Мерилом Праведным М.Н. Тихомиров называл вторую юридическую часть Мерила Праведного, в которую позднее были внесены поучительные тексты. Соединение текстов кормчей с Мерилом Праведным М.Н. Тихомиров, как и А.С. Павлов, датировал временем Ивана Даниловича Калиты на основании приписки имени этого князя в конце анонимного устава, который завершает собой Кормчую в соединении с Мерилом Праведным. Эта приписка встречается в Требнике 1504 г. (РНБ, Солов. 1085. Л. 681) и гласит: "Дай Бог и на многа лета великому князю Ивану Даниловичу Всея Руси". Она дала возможность М.Н. Тихомирову сделать вывод: "Таким образом, получаем указание на то, что соединение кормчей с Мерилом Праведным... произошло уже в первой половине XIV в... а, может быть, и несколько ранее в начале XIV в."²².

Затем в состав кормчей были добавлены поучительные тексты и возник Чудовский извод, который М.Н. Тихомиров датировал 70-ми годами XIV в. и связывал с деятельностью знаменитого Дионисия Суздальского и великого князя Дмитрия Константиновича. Целью этой проработки, по М.Н. Тихомирову, послужили необходимость защиты церковных имуществ и споры Дионисия с митрополитом Киприаном. Последний, как это доказывал М.Н. Тихомиров, создал свой вариант кормчей, который и был особо популярен на Руси до конца XV в., пока пользовались авторитетом традиции Киприана. Возникший в это время спор о церковных имуществах оживил интерес к Кормчей в соединении с

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 9.

²⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде... С. 107.

²¹ Там же. С. 108.

²² Там же. С. 120. Однако последние данные позволяют внести некоторые изменения в точку зрения Михаила Николаевича относительно Кормчей в соединении с Мерилом Праведным, в частности, ее возникновение представляется возможным отнести к периоду пребывания на митрополичьей кафедре Алексия (приблизительно между 1365–1370 гг.), что подтверждают введенные в основной состав тексты о св. Троице и монастырские уставы, связанные с монастырской реформой того времени.

Мерилом Праведным, получившей широкое распространение в XVI в., которым датируется множество списков данной редакции.

В этом же веке на основании Чудовского извода, по мнению М.Н. Тихомирова, создается Ферапонтовский извод, в котором восполняются пропуски первого с целью подготовки Судебника 1550 г. и разрешения церковных споров, связанных со Стоглавым собором: таким образом, "Ферапонтовский извод – памятник позднего происхождения, возникшей не ранее половины XVI в. в иконных московских пределах"²³.

М.Н. Тихомиров занимался и историей различных списков Кормчей в соединении с Мерилом Праведным, в том числе, Крестининским (ГИМ, Муз. 798), Чудовским (ГИМ, Чуд. 167), Ферапонтовским (ГИМ, Егор. 248) списками, имея свое представление о времени и месте их возникновения.

В качестве второй редакции, возникшей в XIV в., М.Н. Тихомиров называл Мясниковскую, вслед за В.П. Любимовым, который впервые выделил в эту особую группу списки кормчих, содержащие свой вариант Русской Правды, дав ей название Мясниковской. М.Н. Тихомирову были известны 6 списков этой редакции, самый ранний из которых восходил к первой четверти XV в.²⁴ Пять остальных М.Н. Тихомиров датировал также XV в. На основании сравнительного анализа состава кормчих он разделил списки на три группы по наличию приложений в конце и по полноте текстов этих приложений. По лингвистическим особенностям М.Н. Тихомиров выделил пять новгородских списков и один, имеющий южнославянские особенности, но созданный на Руси. Этот последний список (Толстовский: РНБ, Толстовское собр., Q. II. 49) М.Н. Тихомиров определил как позднюю копию с оригинала, ставшего прототипом Мясниковской кормчей и созданного митрополитом Киприаном в связи с церковно-политическими спорами конца XIV в.²⁵ В начале XV в. Мясниковская редакция попадает в Новгород, где в нее вносят местные статьи. Временем распространения этой редакции кормчих М.Н. Тихомиров назвал XV в., в конце которого ей на смену пришла Кормчая в соединении с Мерилом Праведным.

Как третью редакцию, созданную в конце XIV в., М.Н. Тихомиров выделил Новгородско-Софийскую группу кормчих, в которую он включил 18 списков, близких по своему составу к Новгородской Синодальной кормчей; но ее "составитель... взял только часть статей из своего источника, общего для него и для Новгородской Синодальной"²⁶. Этим М.Н. Тихомиров объяснял различие в составе данных редакций. Гипотетически он связывал создание Новгородско-Софийской редакции с 1383 г., когда постановлением Новгородского веча было разрешено судиться в Новгороде у архиепископа, а не в Москве у митрополита, что и вызвало необходимость создания собственной новгородской редакции.

Таким образом, М.Н. Тихомиров создал свою концепцию появления новых редакций кормчих книг на Руси в XIII–XV вв., используя при этом большой комплекс материалов, собранный исследователями XVIII – начала XX в., в том числе работы В.Н. Бенешевича, В.П. Любимова, Н.В. Калачова, Е.Ф. Карского, В.В. Крестинина, А.С. Павлова, Г.А. Розенкампа, И.И. Срезневского, С.В. Юшкова и др. Хотя теоретические построения М.Н. Тихомирова не во всем согласуются с последними данными, они до сих пор не потеряли своей актуальности. Кроме того, Михаил Николаевич расширил круг источников по данной теме, введя в научный оборот новые списки кормчих, и облегчил труд другим историкам, публикуя тексты кормчих книг. Он одним из первых дал научное описание многих списков, используя собственную методику работы с источниками.

²³ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде... С. 127.

²⁴ Там же. С. 128.

²⁵ Там же. С. 131.

²⁶ Там же. С. 139.

Б.В. Левшин

АКАДЕМИК М.Н. ТИХОМИРОВ В СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ
(по документам АРАН)

Сотрудники Архива РАН рады участвовать в этом заседании. М.Н. Тихомиров был тесно связан с деятельностью Архива. С тех пор, как личный архив Тихомирова по его завещанию поступил в АРАН, наши сотрудники постоянно занимаются его научной разработкой. Многие вопросы этого процесса освещались в предыдущих выступлениях, я постараюсь показать чрезвычайно яркую индивидуальность М.Н. Тихомирова через его собственные записи. Документов довольно много. Придется из большого и чрезвычайно интересного собрания записок М.Н. Тихомирова, живо и выпукло рисующего этого выдающегося ученого и прекрасного человека, отобрать лишь некоторые из них, показать отдельные стороны богато одаренной личности Михаила Николаевича так, как он сам воспринимал себя и писал о себе. Поскольку это заседание приурочено к дате рождения М.Н. Тихомирова, то уместно с нее и начать и, заглянув в его воспоминания, узнать, какой день он сам считал датой своего рождения. Вот что он об этом писал:

"Родился я в Москве 19 мая по старому стилю 1893 г. Впрочем, в документах и бумагах, относящихся к моей биографии, в том числе и в энциклопедии, время моего рождения указано 1 июня по новому стилю, хотя должно было стоять 31 мая. Потому что, — пишет он, для историков это понятно — я родился в XIX веке, а следовательно, чтобы получить дату рождения по новому стилю, нужно прибавить не 13, а 12 дней. Я же прибавил 13 дней, во-первых, по странному суевию, что в июне родиться лучше, чем в мае, тем самым подправив свою судьбу по Зодиаку, согласно астрономии прежнего времени. Другая же причина заключалась в перемене паспортов. От нас требовали показаний при перемене паспортов нового летоисчисления с прибавкой 13 дней, а объяснять милицейским работникам, что надо прибавлять не 13, а 12 дней было примерно то же самое, что объяснять мне сложную алгебраическую формулу. Поэтому я согласился на 1 июня"¹.

Известно, что человеческая личность формируется постепенно, с раннего детства, прежде всего под влиянием родителей. Михаил Николаевич дал превосходную характеристику своим близким. Даже краткое фрагментарное повторение заняло бы много времени. Поэтому сейчас, может быть, более целесообразно будет остановиться на том, какое воздействие на Михаила Николаевича оказали его учителя и что он сам представлял собой как ученик. Среднее образование он получил в Имп. коммерческом Петербургском училище в 1902–1911 гг. В нем, естественно, уделялось внимание торгово-экономической подготовке учащихся, поэтому преподавались товароведение, политическая экономия, законоведение, в том числе торговое морское право, а также история торговли.

© Б.В. Левшин

¹ АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 2. Д. 40 (Воспоминания. Ч. 1, 3-я редакция (1964 г.)) Л. 1. (Далее в тексте указаны только листы д. 40).

«В целом следует признать, – пишет Михаил Николаевич, – что программа специальных классов была интересной и, в сущности, полезной, потому что предметы сами по себе имели интерес для учащихся. Таким образом, проиграв в знании греческого и латинского языка, я получил некоторый возмещающий эквивалент в виде законовещения, политической экономии и прочих предметов, которые не изучались в гимназиях и реальных училищах.

К тому же для преподавания в специальных классах 7-м и 8-м нашего училища приглашались особо видные люди, о которых здесь же стоит вспомнить.

Среди них выделялся, например, профессор Светловский, известный экономист того времени, преподававший политическую экономию. Занятия он вел очень интересно и несколько по-университетски, как впрочем, и большинство других преподавателей специальных классов.

Законоведение преподавал профессор Тимофеев, автор книги "История наказаний в России". Это был почтенный человек с большой черной бородой. Как выяснилось позже, он занимался гипнотизмом, в частности, таким способом хотел излечить моего товарища Сергея Дмитриевича Воронова, что окончилось, впрочем, полной неудачей. Воронов после его сеансов стал говорить еще хуже, чем раньше.

Историю преподавал молодой доцент Петербургского университета, впоследствии знаменитый ученый, Борис Дмитриевич Греков. Это был стройный, высокий человек с прекрасной шевелюрой, вообще образец мужской красоты, как говорят, кумир женщин. Преподавал он очень просто и с большим достоинством, в силу чего ученики никогда на его уроках не баловались. Впрочем, дисциплина в специальных классах была вообще хорошей.

Товароведение преподавал Кукель, человек средних лет, занимавшийся с большим рвением своей работой. Он был видный ученый и чиновник, которого приглашали по вопросам товароведения. Говорил он интересно. Я запомнил рассказ Кукеля о том, как он боролся с петербургским генерал-губернатором, желавшим в голодное время пустить зерно, зараженное спорыньей.

Бухгалтерию преподавал один из немногих преподавателей, который меня недолюбливал. Этому педантичному и скучному человеку справедливо не нравились некоторые мои бухгалтерские кляузы. Мы вели журнал, как полагалось в бухгалтерии и воображаемые счета. Так вот, иногда в моем журнале появлялся неожиданно такой товар, как ящик помидоров, явный намек на одного из классных воспитателей по фамилии Яковлев, которого звали "помидором" за его красный цвет лица» (Л. 78–79).

Как видно из этого фрагмента, Михаил Николаевич уже учеником был "занозой". Его неформальное отношение к процессу получения знаний хорошо видно из следующего текста, в котором он рассказывает, что, кроме преподавателя бухгалтерии, он не ладил еще и с учителем русского языка Мушниковым. "Это был большой солидный человек профессорского вида. Но, кажется, ничем особенно не отличившийся на поприще учености. Он принадлежал к числу людей, которые любили, чтобы в сочинениях учеников высказывались довольно заезженные мысли либерального толка, а я имел глупость сочинять от своей головы, что подобному солидному учителю весьма не нравилось. Однажды он распек меня в пух и прах перед всем классом, обвинив в самых низменных чувствах. Сочинение писалось на тему о "Горе от ума". Я написал искренне и вопреки всем канонам, что Чацкий настоящий болтун, в чем глубоко уверен и в настоящее время, как и в том, что какую бы карету ему не подали, никуда он далеко уехать не может. Это, конечно, нарушало общепринятые либеральные каноны. Но самое страшное заключалось в том, что я написал, будто Молчалин прекрасно понял, что от трудов праведных не наживешь палат каменных. Здесь не было никакого намерения сказать, что я хочу также

наживать таким путем каменные палаты, о чем я вообще и не думал. Но какую же бурю возмущения вызвало мое сочинение у Мушникова, как он срамил меня перед всем классом, почему я посмел написать такую вещь. С точки зрения "кадетских" канонов того времени это было великое преступление, потому что именно либералы не прочь были считать трудами праведными компромиссы различного характера, к которым прибегали довольно часто, приобретая капиталы и сохраняя невинность.

Из всех моих учителей самым дорогим для меня был Борис Дмитриевич Греков. Он заметил мой интерес к истории и однажды даже пригласил меня к себе домой. Я запомнил это посещение его квартиры навсегда. Он рассказывал мне о своих магистрантских экзаменах. Тогда он особенно восхищался реформацией в Германии и Лютером. Тогда впервые у него я увидел и снимки русских рукописей (учебник Беляева), даже не думая о том, что впоследствии я сам буду считаться знатоком русских рукописей. Памятью его отношения ко мне, как ученику, осталась фотография Бориса Дмитриевича. Он подарил ее мне при окончании училища в 1911 г.²

Преподавание в старших классах, как я уже говорил, было интересным и весьма полезным для нашего будущего" (Л. 80–81).

Коммерческое училище было закрытым учебным заведением. Вот как отзывался о нем Михаил Николаевич: "Конечно, в жизни таких учебных заведений были и свои положительные черты, сказавшие впоследствии во всех моих поступках. Строжайшим образом запрещалось жаловаться начальству. Это считалось низким, чем пользовались все жестокие ученики. Но такое правило закаляло характер, и всю свою жизнь никогда не жаловался на поступки, совершенные лично против меня, а тем более не занимался какими-либо доносами или наушничеством. Бросить в дороге своего спутника, оставить его беспомощным или просто расстаться с ним в опасном месте было для меня и моих товарищей делом невозможным, хотя я знаю многих молодых людей, которые преспокойно удирают в случае какой-либо опасности и оставляют товарищей без помощи" (Л. 92). В 1911 г., когда Тихомирову исполнилось 18 лет, он заканчивал учебу в училище и должен был сдавать выпускные экзамены. Очень интересно об этом пишет сам Михаил Николаевич:

"Случилось так, что на этих экзаменах я отвечал особенно блестяще, так как в конечном итоге экзамены большей частью являются испытанием памяти, в особенности в гуманитарных предметах, а именно гуманитарные предметы мы только и сдавали, если к ним отнести и коммерческие дисциплины.

Это было время, когда выпускные экзамены имели особенно большое значение. Экзаменационная отметка стояла выше отметки годовой, следовательно, если в году у какого-нибудь ученика стояло 4, а на экзамене он получал 5, то в конечном итоге выставлялось 5. Такой порядок, я лично, как педагог, много лет проработавший в разных учебных заведениях, начиная от начальной школы и кончая университетом, считаю неправильным. В конечном итоге именно годовая отметка определяет постоянное отношение ученика к занятиям, она является как бы доказательством его прилежания и способностей. Экзаменационная же отметка зависит от других причин, в гуманитарных науках в первую очередь от памяти, от умения отвечать и быстро схватывать предмет. Этими качествами я всегда отличался и поэтому экзамены прошли для меня с успехом.

Насколько я помню, не отвечая за точность цифр, до начала экзаменов у меня в журнале было примерно такое соотношение баллов: пять пятерок и

² Частично опубл. в кн.: *Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965)*. М., 1987. С. 11–13.

шесть четверок; при окончании оказалось совсем обратное: из 11 баллов я имел 10 пятерок.

Экзамены, конечно, не проходили без некоторых инцидентов, которые врезались в мою память прежде всего потому, что в дальнейшем мне приходилось много заниматься педагогической работой.

Экзамен по бухгалтерии, например, проходил таким образом: преподаватель, упомянутый мною ранее Николай Федорович Нестеров, в просторечии "Бобка", весьма и справедливо меня недолюбливал, как я говорил уже выше. Он решил устроить для меня нечто вроде "Ледового побоища" и в продолжении 40 минут задавал вопросы по бухгалтерии и коммерческой арифметике. Вопросы были, по его мнению, самые кляузные, но я отбил все атаки и на вопросы ответил. Все дебет и кредиты, все переносы сумм и т.д. были сделаны согласно точным бухгалтерским расчетам. Наконец, присутствовавший на экзамене ассистент, молодой еще преподаватель коммерческой корреспонденции Мыльников, относившийся ко мне благожелательно, сказал, обращаясь к экзаменатору: "Николай Федорович, ведь он Вам все уже ответил, ну, что Вам еще надо?" Скрепя сердце, Николай Федорович поставил мне 5.

Другой инцидент, примерно такого же свойства, произошел на экзамене русского языка. Названный мною уже выше преподаватель Мушников также относился ко мне с некоторой антипатией, о чем я говорил уже выше. Сочинение, выбранное мною из нескольких предложенных тем, было посвящено историческим трудам Пушкина. Как всякий мальчишка в моем возрасте, я, конечно, отнесся к этому сочинению с подобающей серьезностью и уверенностью в том, что надо писать как раз о таких трудах Пушкина, о которых меньше всего говорится в учебниках. Поэтому я мельком сказал о "Капитанской дочке", заявив, что об этом хорошо известно, и больше внимания обратил на такие произведения Пушкина, как "Арап Петра Великого" и другие.

Мушников, сторонник программы и учебников, опять увидел в этом некое неприятное вольнодумство и поставил мне за сочинение 4+. Его ассистент, названный мною раньше, Александр Александрович Громов, поставил мне 5 с минусом, т.е. собственно говоря, те же самые 4+. Но устный экзамен не мог быть оценен в иную цифру, чем 5. Пришлось и здесь вывесить пятерку" (Л. 107-110).

В результате блестяще сданных экзаменов Михаил Николаевич оказался одним из первых претендентов на золотую медаль. Их было всего две, остальным выдавались аттестаты с правом на золотую медаль. "Но право – есть право, а медаль – есть медаль", – как метко заметил Михаил Николаевич (Л. 110).

Началась борьба за медаль. «Первым и бесспорным претендентом на медаль был ученик из соседнего параллельного, так называемого приходящего класса – Иванов. Он вообще все время учился на круглые пятерки. Конечно, мальчишки считали, что это происходит только потому, что Иванов "зубрила". Но это обычное суждение мальчишек, так как одна зубрежка не могла дать такого эффекта без определенных способностей.

Дальше следовал я и мои товарищи по классу Татаринов и Чистяков. Это были отличники, что называется, вековые, которым и нужно было бы присудить золотую медаль. Но в тот промежуток времени, когда все это решалось, я отсутствовал и несколько дней находился на даче у Ключиных. Вернувшись обратно я узнал, что медаль присуждена мне. Оказывается, за это время мои товарищи развернули бешеную агитацию в мою пользу. Основным доказательством были обычные мальчишеские рассуждения, что мои конкуренты являются "зубрилами", а я выдающимся претендентом на золотую медаль. В этом случае поступлено было несправедливо, хотя я и доволен был этой несправедливостью.

Во время выпуска я получил круглую золотую медаль, которая впоследствии, как я выяснил, стоила около 100 золотых рублей. Она у меня пропала, вернее я ее отдал своему старшему брату, который ее продал в годы революции, с моего согласия, и купил лошадь (он жил в провинции) вместо съеденной волками. Однако и купленная лошадь оказалась чесоточной.

На медали, как я сейчас помню, изображен был летающий Меркурий. Эта медаль пригодилась бы в трудные дни – пишет Михаил Николаевич, – ее обычно сносили для залога в ломбард, как наиболее легкую и удобную для залога вещь. К моей чести, мне никогда не приходила в голову мысль самому ее заложить, а тем более продать» (Л. 110–111).

Этот сюжет очень показателен. В результате отлично сданных экзаменов Михаил Николаевич получил медаль, а его имя было занесено на мраморную доску, установленную в актовом зале Коммерческого училища, где было вырезано золотыми буквами: "Тихомиров Михаил". С.О. Шмидт говорил, что на Котельнической набережной установлена памятная доска в честь ученого, это вторая доска.

После окончания Московского университета в 1917 г. Михаил Николаевич оказался в провинции, которую ранее не знал. Впечатления нового для него мира, восприятие провинциального общества Михаил Николаевич в свойственной для него манере запечатлел во многих документах. Возьмем воспоминания, чтобы почувствовать и "аромат" эпохи и отношение к провинциальной жизни самого автора в 1918 г:

"В Ильинском погосте³ мы жили в большом деревянном доме, делившемся на две половины. Каждая из них состояла из трех комнат, под которыми находились подвалы. К дому примыкал огороженный двор с сараями, а за забором небольшой огород, который я в те времена удачно возделывал. Кроме того, мы участвовали в общем кооперативном огороде, который возделывали кооперативно жители погоста.

В погосте стояло несколько каменных лавок, иногда собирался рынок, возвышалась обширная и красивая каменная церковь, при которой состояли два священника: один из них отец Александр был высоким мужчиной, жил он в большом доме вместе с одной женщиной, о которой говорили, что она его фактическая жена. Другой священник, отец Петр, был гораздо моложе и скромнее, с ним мы поддерживали добрые отношения. Был и третий священник, отец Алексей, в просторечии "Алеша". У меня с отцом Алексеем и произошел своеобразный инцидент. Как я говорил уже выше, в Ильинском погосте я оказался настоящим хозяином, хорошо содержал огород и помогал в хозяйстве. В огороде росла брюква, за которой я тщательно следил, как и корова отца Алеша. Она возлюбила ботву моей брюквы и репы, что мне отнюдь не нравилось. Я многократно предупреждал отца Алешу о том, что вскоре произойдет "коровья" неприятность, но отец Алеша считал, что побаловать корову за чужой счет тоже неплохо. Поэтому Алеша попова любила ходить в мой огород, а не в соседний огород своего хозяина.

Однажды я заарестовал корову и преспокойно увел ее к себе в сарай. Пришли послы от отца Алеша умолять выпустить корову. Конечно, я корову выпустил, но в глазах отца Алексея получил ореол замечательного хозяина. Однажды отец Алеша явился ко мне для переговоров. Смысл их заключался в том, что я, молодой, холостой человек, а у него есть тоже молодая дочка Наденька, так почему же такому хорошему хозяину, каким являлся в его глазах я, и такой хорошей хозяйке, какой являлась Наденька, не объединиться в общих коровьих заботах?!

³ Богородского у. Московской губ.

Наденька была недурна собой, но представляла собой глупейшее существо в мире. Как сейчас помню ее голубые глаза на выкате, в которых, по словам поэта, не отражалось ничего.

Отец Алексей долго меня улещивал; говорил, что отдаст мне свой дом и корову, что сам уедет в другой приход и будет просить об этом патриарха, но я остался непреклонным и от брака отказался" (Л. 174–175). Здесь только можно добавить, что отказался от брака навсегда.

Тот, кто общался с Михаилом Николаевичем и работал с ним, знают, что Михаил Николаевич обладал определенно выраженным гражданским мужеством. Вот один из характерных примеров.

Во время гражданской войны Михаил Николаевич работал в Самаре в уездном отделе народного образования. Для размещения курсов библиотечных работников Михаил Николаевич получил дом известного публициста помещика Самарина в его имении Самарино (ниже Сызрани): «Дом его был построен в виде громадного средневекового замка, стоявшего над Волгой в большом парке. Через овраг в парк вел мост, насколько я помню, готического вида, да и сам дом был построен по типу готических замков. В этом здании мы и разместились. Тогда вышло постановление о создании школ-интернатов во всех уездах РСФСР на средства уездных исполкомов, но в местном продкоме нашлись люди, решившие, что можно занять это великолепное здание под канцелярию.

По обыкновению плохих администраторов, продкомиссар с сопровождающими его лицами явился в наше здание, и не говоря ни слова, зачем и для чего они явились, продкомиссаровцы осмотрели Самаринский дом, бормоча под нос непонятные слова.

Прошло два дня, и вот они появились уже во всеоружии. Впереди в шарабане ехал продкомиссар, за ним двигалось три воза, груженных бумагами и канцелярскими столами. Дальше шла уже продкомиссаровская канцелярская братия, сопровождаемая солдатами с ружьями из числа продкомиссаровского отряда.

Продкомиссар явился ко мне в комнату, а я помещался в маленькой комнатке вроде фонаря, и строго сказал мне: "Очистите это помещение". Я ответил: "Я не могу очистить". "Тогда мы выкинем ваши вещи". "Пожалуйста", – говорит Михаил Николаевич, – в комнате находилась единственная моя вещь, фанерный чемодан с грязным бельем. Продкомиссаровцы побрели по дому, но никто не поднялся со своего места. Тогда они явились ко мне и заявили опять свое требование. Я сказал, что уехать не могу, потому что это здание уездного исполкома и я здесь по постановлению исполкома. На их вопрос, куда же надо обратиться, я ответил: "В Самару". Но в Самару нужно было ехать на пароходе около суток, а пароходы ходили с очень большими промежутками» (Л. 232–233).

Надо заметить, что присутствующие здесь историки знают, что значило в то время вступить в открытую борьбу с всеильными тогда продотрядами. И не только оказать им сопротивление, но и одержать победу. "Кончилось дело тем, что воинственные комиссары поехали обратно со всеми своими пожитками. С готического моста один из возов свалился в овраг. Пришедшие ко мне мои курсанты сказали со смехом, что продкомиссаровцы двинулись обратно. Я вышел на большой балкон и смотрел на отступающего врага вероятно с тем же чувством, с каким Авраамий Палицын глядел с башни Троицкого монастыря на убегающих поляков" (Л. 233).

Прочитать этот документ стоило хотя бы из-за последних трех строк. Так хорошо в нем выражен борцовский дух Михаила Николаевича.

Ярко и с большим юмором описаны Тихомировым археографические экспедиции в поволжские монастыри. Довольно интересно, но много. Остановлюсь

на педагогической деятельности Тихомирова в Самарском университете⁴.

«В Самарском университете, – вспоминал он, – работали тогда некоторые видные профессора, среди которых особенно выделялся академик Владимир Николаевич Перетц с его супругой Варварой Павловной Адриановой, теперь членом-корреспондентом Академии наук с двойной фамилией – Адрианова-Перетц.

Моя нагрузка в университете была небольшая и мне она давала возможность занимать известное положение, тем более, что тогда никакого закона о совместительствах не было и каждый из нас мог иметь столько должностей, сколько он захочет. Правда, оплата за эти должности тоже была весьма невысокой. Зато какое-же количество совместительств можно было иметь на знаменитые "лимона". – Ну что такое "лимон", Вы знаете, хотя бы из современной жизни – и все-таки я оказался самым скромным совместителем, имея 7 мест. К числу таких совместительских мест принадлежал и Самарский музей, кассир которого неукоснительно призывал нас получать какие-то грошевые деньги два раза в месяц. Я ничего не делал в музее, и все-таки оказался самым деятельным из его сотрудников. Перечисление всех мест, где я состоял совместителем, сделать трудно, но в целом это был примерно такой лист: ассистент в Самарском университете; заведующий библиотекой Самарского общества археологии, истории и этнографии; член совета Самарского губернского музея, сотрудник Губархива. Остальные совместительства, "един господи, ты веси", как говорил в свое время Иван Грозный.

Через короткое время я, вообще говоря, оказался человеком, нужным для Университета. Не знаю по чьей инициативе, но меня стали выбирать постоянным секретарем на университетских собраниях. В силу этого я восседал в Президиуме вместе с ректором, что, конечно, являлось почетным» (Л. 266–267).

Михаил Николаевич всю жизнь занимался педагогической работой, вел ее с увлечением. Преподавать в тех условиях было непросто. Но Михаил Николаевич благодаря своему уму выходил из трудных положений. Вот один из таких случаев в Книжном политехникуме:

"Я читал лекции по экономической географии и с самого же начала вел свои занятия очень удачно. Лекции мои нравились студентам, а заведующий учебной частью, милейший и очень культурный человек относился ко мне вполне благожелательно.

Самое интересное было то, что мой новый денежный оклад после аварии в химическом политехникуме увеличился ровно в три раза.

Книжный политехникум представлял собою очень интересное явление. На первых порах приходилось довольно трудновато и вот по какой причине: в это время (1931 год) происходили большие события в партийных кругах. Это были своего рода предвестники будущих несчастий, связанных с культом Сталина, когда выкорчевывались или, точнее сказать начинали выкорчевывать остатки троцкизма и т.д.

В своих лекциях я держался определенной политической линии и сообщал в своих сведениях то, что являлось совершенно официальным и принято было ЦК партии. В данном случае я передавал студентам и разъяснял те отчетные доклады, которые делались на съезде и в которых было много интересных сведений по политической экономии и СССР и зарубежных стран.

Секретарем партийной организации в Книжном политехникуме был в то время один очень культурный и симпатичный человек. Однажды он вызвал меня

⁴ См.: Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни. (1919–1923) (Самара, 1994), а также статью Е.Л. Храмковой в настоящем издании.

к себе и сказал, по какому праву я говорю, что революция может победить в одной стране. Я сослался на тезисы генерального секретаря ЦК т. Сталина. Секретарь партийной организации стал мне возражать и сказал, что это невозможно и прочее. Я остался при своем мнении и стал ожидать возможных неприятностей. На мое счастье или на мое несчастье неприятности произошли с ним, его забрали. И после этого в какой-то мере утвердился и некоторый мой авторитет в смысле трактования тех или иных экономико-географических сведений" (Л. 335–336).

Есть документы, которые достаточно ярко говорят о той большой свободе творчества, которую предоставлял Михаил Николаевич своим ученикам. Один из его студентов разбирал на семинаре отношения между псковичами и немцами. Он говорил о том, что не только псковичи терпели от немцев, но и они сами нападали на них. В конце концов атмосфера вокруг этого вопроса между учеником и учителем сильно накалилась, но Михаил Николаевич, как он отмечал, не считал возможным в директивной форме влиять на мнение ученика.

Есть документы, которые совершенно блестяще характеризуют его как педагога. Он очень заботился о своих учениках, считал, что человека надо поддерживать в нужный момент, довести, как говорится, "до ума". Не только дать ему знания, но дать ему возможность потом эти знания проявить. Это великолепные качества в учителе.

Однако на педагогическом поприще, кроме радостей, были и шипы, довольно непростые ситуации, особенно в ту пору, когда Михаил Николаевич стал деканом исторического факультета МГУ (1946 г.). Но ума и находчивости Михаилу Николаевичу было не занимать. Иногда, как он отмечал, приходилось отвечать на очень трудные вопросы. Ответы на них могли привести к неприятным результатам. Однажды к Михаилу Николаевичу явился один из помощников и заявил, что ректор просит сообщить, какие на историческом факультете существуют школы ученых и кто является их руководителями. Подумав немного, Михаил Николаевич пришел к мысли о том, что надо ответить: школ, какие существуют у ботаников, зоологов и на других факультетах, нет и не могло быть по той простой причине, что если за морганизм можно было получить неприятности, то за немарксизм эти неприятности переходили за стены истфака и вступали в совершенно другие стены. Поэтому Михаил Николаевич ответил, что школа одна – Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, а профессоров много и направления их работы разные, но они относятся к одной и той же школе. Такой простой ответ оградил многих и самого Михаила Николаевича от больших неприятностей. Позже Михаилу Николаевичу рассказывали, что секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии А.А. Жданов смеялся, прочитав этот ответ, и сказал: "Вот единственно правильный ответ, который мы получили".

На Михаила Николаевича в силу его большой порядочности всегда можно было положиться. Это прекрасно знали его коллеги. Но Михаил Николаевич иногда мог беспощадно, всегда справедливо заметить и неприятные черты людей и обрушиться на них. В какой-то степени этим он походил на Юрия Владимировича Готье, которому свойственно было замечать слабые людские черточки и довольно ехидно их высмеивать. Поэтому всегда на заседаниях Ю.В. Готье садился рядом с Михаилом Николаевичем и прикрыв рукой рот сообщал на ухо Михаилу Николаевичу свои наблюдения об окружающих, чем, надо думать приводил Михаила Николаевича в немалое смущение, поскольку присутствовавшие, видимо, воспринимали это, зная Ю.В. Готье, весьма нервно. Надо сказать, что сам Михаил Николаевич такие штуки не практиковал. Он был более терпим к людям, хотя его порой и раздражали глупость и недобро-

совестность. Сам он был очень скромно, на материальную сторону жизни не обращал внимания, был целиком предан своему делу.

"Главным вопросом для меня – как он отмечал, рассказывая о 20-х годах, – был вопрос службы, и хотя мне в это время было 30 лет, я оставался в смысле устройства в некоторой мере младенцем. К тому же создавались трудные условия для жизни, так как беспартийный специалист по истории не особенно был нужен, а покровителей у меня в Москве не было никаких. Поэтому я с большим трудом устроился как внештатный сотрудник, не получавший зарплаты, в Исторический музей, где долгое время работал в рукописном отделе.

Это была служба для души, которую я выполнял с большим удовольствием и от которой получил очень много для своей научной работы. Но, увы, кроме души было и тело, а оно требовало соответствующего питания и одежды" (Л. 272).

Большая культура и присущая ему интеллигентность соответствовали внешнему и внутреннему облику Михаила Николаевича. Это сразу замечали люди, с которыми его сталкивала судьба, что хорошо видно из следующих строк: «Наиболее достопримечательным человеком в доме был сын моих верхних соседей, Борис, довольно красивый, но в то же время мужловатый парень, очень следивший за модой. В те времена в Москве далеко не многие молодые люди ходили обязательно в белых рубашках с галстуками. Это вошло значительно позже. Борис же ходил всегда хорошо одетым. Однако его туповатая физиономия выдавала далеко не яркие способности своего носителя.

Мальчишки, жившие в нашем доме, а также школьники называли его за это "пижоном". Как известно, слово "пижон" обозначает у нас франта, от французского названия голубя. Мамаша Бориса довольно выразительно говорила иногда: "Вот как получается, вы летом ходите в обыкновенной косоворотке, а кто посмотрит на вас, скажет, что это человек ученый, а наш Борис, как ни оденется, все ничего не удастся"» (Л. 271).

Заканчивая на этом, приношу извинения за очень отрывочный и неполный подбор фактов из жизни такого неординарного и выдающегося человека, каким являлся М.Н. Тихомиров. Есть еще много документов, которые блестяще его характеризуют. Должен признаться, что сам получил огромное удовольствие от их чтения. Когда читаешь его записки теперь, они оставляют такое же впечатление о нем, как в прошлом личное общение с Михаилом Николаевичем. Это знаменательно, потому что иногда возникает большая разница между тем, что читаешь, и тем, что ты знал о человеке. А здесь такое приятное совпадение.

И.П. Староверова

НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ В ЛИЧНЫЙ ФОНД М.Н. ТИХОМИРОВА

За 20 лет, что прошли после выхода в свет научного описания "Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР" (М., 1974), архив пополнился новыми материалами, относящимися к М.Н. Тихомирову. Это его труды – статьи, доклады, отзывы о работах других авторов, статьи других авторов с его редакционной правкой, документы к биографии, документы о деятельности, письма.

Материалы, вошедшие непосредственно в личный фонд Михаила Николаевича Тихомирова, были получены из Археографической комиссии, из Института истории СССР (это документы, которые не подлежат хранению в фондах учреждений, но являются ценным пополнением для личных фондов). Часть материалов была передана учениками и коллегами Михаила Николаевича.

Всего в его фонд за это время было получено около 50 дел и более 30 отдельных документов, вошедших в состав ранее сформированных дел.

Некоторое количество документов поступило и в составе других личных фондов, описание которых было проведено в 1975–1994 гг.

К ним относятся фонды академиков В.И. Пичеты (Ф. 1548), Н.М. Дружинина (Ф. 1604), И.М. Майского (Ф. 1702), М.В. Нечкиной (Ф. 1820), чл.-кор. А.В. Арциховского (Ф. 1804), проф. В.В. Максакова (Ф. 1646).

Кратко скажу лишь о материалах, поступивших в личный фонд Михаила Николаевича Тихомирова (Ф. 693. Оп. 1–4).

Среди его научных трудов – тезисы доклада "О подлинности древнейших русских частных актов" (не ранее 1938 г., автограф); стенограмма доклада "Древнейшая история Москвы" на заседании группы по истории Москвы ИИ АН СССР от 12 июня 1940 г. (здесь же имеются и выступления по докладу); статьи "Присоединение Чувашии к России" (1956), "Записи XIV–XVII веков на рукописях Чудова монастыря" (1958), "Отрывки славянских рукописей в Матенадаране" (не ранее 1959 г.), "Об охране и изучении письменных богатств нашей страны" (1961), "Забывтые и неизвестные произведения русской письменности" (1962), "Генеалогия первых русских князей" (1963). Эти статьи в основном опубликованы, но интересны тем, что представлены машинописью с правкой Михаила Николаевича. Можно назвать и несколько отзывов о трудах других авторов: о книгах Б.Д. Грекова "Киевская Русь" (1939), Д.П. Маковского "Смоленское княжество" (1948), Б.А. Романова "Люди и нравы Древней Руси" (1953), статьях А.И. Зотова "Пути развития русского искусства в XIV–XVII вв." (1950), Н. Ильенко "Как появились варяги на Руси" (1938), [В.С.] Налбандяна "Сокровищница мировой культуры" (1953), В.В. Стоклицкой-Терешкович "К вопросу о многообразии средневекового цеха" (1950), о научных работах И.П. Шаскольского (1951), о дипломной работе Я.Н. Шапова (1952).

К редакторской работе М.Н. Тихомирова относятся поступившие из Археографической комиссии статьи других авторов для "Археографического ежегодника" за 1957–1961 гг. – Л.И. Араповой, Д.П. Богдана, В.И. Буганова,

М.А. Ильина, Л.М. Костюхиной, В.А. Кучкина, А.Н. Малыцева, А.В. Муравьева, А.Т. Николаевой, Т.Н. Протасьевой, Е.Г. Пчелиной, А.И. Рогова, Е.М. Тальман, Н.В. Устюгова, М.Н. Черноморского, Е.В. Чистяковой, Ф.П. Шевченко, В.Л. Янина. На всех статьях – правка М.Н. Тихомирова.

Материалы к биографии Михаила Николаевича пополнились его автобиографией и списком трудов (1936), отзывом С.В. Бахрушина о трудах М.Н. Тихомирова в связи с присуждением ему ученой степени кандидата исторических наук (1936), представлением Отделения исторических наук АН СССР в управление кадров Президиума о награждении Тихомирова орденом Ленина в связи с 70-летием со дня рождения и характеристикой, данной деканом истфака МГУ профессором А.В. Арциховским и председателем профбюро Д.А. Авдусиным (1963).

Интересна фотография М.Н. Тихомирова у могилы историка В.Н. Татищева в подмосковной деревне Болдино, отпечатанная со слайдов, переданных в личный фонд д.и.н. И.Б. Грековым.

Среди телеграмм в связи с кончиной Михаила Николаевича от коллективов и отдельных лиц выделяется текст одной из них – от академика И.М. Майского и его жены, посланной из Таллина в ОИИ АН СССР.: "Глубоко потрясены смертью академика Тихомирова. Советская наука понесла тяжелую утрату. Ушел настоящий большой ученый, воспитатель молодых историков, мужественный человек. Память о нем сохранится надолго. Агния и Иван Майские" (6 сентября 1965 г.).

Несколько документов относятся к посмертному изданию избранных трудов М.Н. Тихомирова. Это протоколы заседаний редколлегии, проспект издания, аннотации к томам, переписка (1966–1970).

Из Дмитровского краеведческого музея была прислана по нашей просьбе опись фонда М.Н. Тихомирова, хранящегося в музее (составлена Р.Ф. Хохловым, 1971).

В ответ на запрос Архива был получен из Пугачевского краеведческого музея список рукописных и старопечатных книг и икон, хранящихся в музее. Приятно было узнать, что некоторые книги и иконы, собранные М.Н. Тихомировым во время его поездок в Иргизские монастыри в 1919 г. и переданные им в музей, еще сохранились.

Материалы о деятельности Михаила Николаевича представлены перечнем карт и их авторов для 7-томника "История СССР", составленным М.Н. Тихомировым (автограф, 1938), планом работы по подготовке к изданию III т. "Правды Русской", составители М.Н. Тихомиров и В.П. Любимов, редактор Б.Д. Греков (авторизованная машинопись с правкой, 1950 г.), докладной запиской и письмами в дирекцию Института истории о работе в Комиссии по истории исторической науки в СССР и подготовке двух томов "Очерков..." (1951–1953), письмами об издании книг С.И. Архангельского "Крестьянское движение в Англии в 40–50-е годы XVII в." и Н.Н. Улащика "Очерки по источниковедению истории Белоруссии: Эпоха феодализма", издании материалов ГИМ (1955–1965). Имеется выступление на заседании главных редакций многотомной "Истории СССР с древнейших времен до наших дней" с участием авторского коллектива и научной общественности (1961), а также отзывы о работе Отделения общественных наук АН Эстонии за 1951 г., о планах работ Института рукописей им. К.С. Кекелидзе АН Грузии, институтов истории академий наук Азербайджана, Армении, Грузии (1963), отзыв о плане работ по археографии и публикации источников ГАУ при СМ СССР на 1963–1965 гг.

Один документ представляет особый интерес. Это авторизованная машинопись письма Михаила Николаевича директору Института истории академику В.М. Хвостову:

"Глубокоуважаемый Владимир Михайлович. Я пишу Вам по очень важному вопросу, который поднят Сибирским отделением АН СССР и академиком Сергеем Львовичем Соболевым, от которого приехал в Москву Валентин Алексеевич Устинов.

Дело идет о кибернетике, о которой так много говорят среди историков, не вполне представляя, что это за дело. Это я могу сказать и о себе.

Думаю, что дело это очень важное и ценное, но без помощи специалистов-историков применить кибернетику для исторических изысканий невозможно. На мой взгляд, при Институте истории надо образовать небольшую группу, которая могла бы провести работу по подготовке материалов по той или иной важной проблеме, в особенности по истории нового времени, начиная для России, примерно, с Петра I (переписи и т.д.).

Вероятно, этим нельзя ограничиться и следует создать что-либо для руководства этой работой по гуманитарным наукам вообще, для согласования этого вопроса с академиком С.Л. Соболевым и Сибирским отделением. Дело важное, но как к нему приступить, пока и мне неясно. Но приступать нужно. Это чувствует и моя кустарная, отнюдь не техническая душа.

С глубоким уважением М.Н. Тихомиров
22 января 1963 г.

И последнее, это несколько писем М.Н. Тихомирова: к Е.П. Ануровой, сотруднице Дмитровского краеведческого музея (1 п. – 1921 г.), П.Н. Миллеру, ст.н. сотруднику ИИ АН СССР (2 п. – 1945 г.), Ш.Ф. Мухамедьярову (2 п. – 1951 г.), В.П. Никитину (1 п. – 1950 г.), С.Д. Сказкину (1 п. – 1950 г.).

Надеюсь, что личный фонд Михаила Николаевича Тихомирова будет пополняться и в дальнейшем.

Д.М. Шаховской

М.Н. ТИХОМИРОВ В ПАРИЖЕ

Академик М.Н. Тихомиров был одним из первых советских историков, посетивших Францию, где по его специальности не было ему равных. Его приезд ожидался с трепетом и нетерпением, особенно теми, кому были известны его труды. Они настолько всем знакомы, что вряд ли стоит их перечислять, достаточно сослаться на библиографию ученого наследия М.Н.

Все же стоит указать, что те, которые были доступны в Париже, почти сразу расходились между специалистами, старавшимися ни одну книгу не пропустить. Они встречались во всех главных русских книжных магазинах, чаще всего в Maison du Livre Etanger, но и в ИМКА-пресс, и "У Офени". Их значение увеличивали публикации исторических документов. Не прошло незамеченным и создание "Археографического ежегодника".

Имея в виду возраст М.Н., он был живым звеном между исторической наукой начала века и сегодняшним днем, следовательно, его ожидали с надеждой, но и с некоторой настороженностью. На его семинар в Школе восточных языков собрались слависты. М.Н. прокомментировал несколько мест из XXV т. Полного собрания русских летописей, предложил каждому пересказать текст на русском языке. Помнится, с каким интересом принимал участие директор Иезуитской славянской библиотеки отец Рю де Журнель (Rouet de Jounel). Слушатели были завоеваны, докладчик поражал своей исторической чуткостью. В выражениях не было никакого догматизма, и все чувствовали себя просто. На вопрос, как усовершенствоваться, с чего начать, у М.Н. глаза искрились, и он предлагал продолжать знакомиться с Соловьевым, Ключевским... Особенно интересно было гулять вместе с ним по Парижу. Малейшие подробности быта не ускользали от него и вызывали остроумные и шуточные замечки.

Михаил Николаевич любил принимать всех в своей квартире в Москве, высотном доме. Поражали посетителя богатая библиотека и великолепные иконы. Хозяин весело намекал, что из-за этого он был самым бедным академиком в Москве: "Даю больше всех, и из-за этого мне несут первому". Потом М.Н. приглашал к столу, настолько обильному, что одним взглядом его нельзя было охватить, справиться было невозможно без помощи второго гостя, в данном случае А.И. Рогова, особенно когда хозяин предупреждал, что из-за состояния здоровья он мало мог себе позволить. В тот год мое пребывание в Москве было коротким, но незабываемым. Оно было также отмечено благодаря М.Н. Тихомирову началом работы в архивах и впервые над фондом С.Б. Веселовского в Архиве Академии наук, где меня встретил директор Б.В. Левшин...

Доброе и внимательное отношение ученого давало возможность чувствовать тем, которые имели счастье с ним встретиться, что они нашли не только учителя, но и родного человека и друга, всегда готового помочь, наставить. Его память всегда будет жива в сердцах тех, кто его знал и любил. Судьба позволила мне заочно попрощаться с М.Н.: благодаря С.О. Шмидту удалось ему передать первый выпуск трудов Музея икон в Реклинхаузене.

А.А. Преображенский

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ

Всегда бывает приятно и интересно участвовать в ежегодных "Тихомировских чтениях", проводимых Археографической комиссией. И сегодня эта добрая традиция продолжается.

Учеником М.Н. Тихомирова, в прямом смысле слова, я не был. Но с первых шагов своей исследовательской работы на поприще отечественной истории неизменно ощущал влияние трудов этого замечательного русского ученого, что подкреплялось личными встречами, хотя и нечастыми, однако памятными.

Еще будучи студентом Московского Историко-архивного института, я занимался в историческом кружке, руководимом Н.В. Устюговым. На одном из заседаний кружка Николай Владимирович показал нам только что опубликованный учебник по истории для негуманитарных вузов, авторами которого были М.Н. Тихомиров и С.С. Дмитриев. Руководитель кружка выдвинул идею – обсудить новую книгу в студенческой среде. Предложение встретило поддержку. Тогда же определили рецензентов, а мне поручили сделать сообщение о книге в целом. Обычно на такие заседания Н.В. Устюгов приглашал авторов. На сей раз, помнится, обсуждение прошло без них, но желающих послушать дискуссию собралось много, в том числе и преподавателей. Не обошлось и без критики в адрес учебника. Кажется, обсуждение удалось. М.Н. Тихомиров узнал о сем мероприятии, возможно, из рассказа Н.В. Устюгова. Во всяком случае позже, когда я стал аспирантом Института истории АН СССР, Н.В. Устюгов представил меня М.Н. Тихомирову, а тот, бросив смеющийся взгляд в сторону почтительно стоявшего перед ним молодого человека, заметил: "А, это мой критик, да?" И ободряюще сказал, что надо "точить молодые зубы" в науке. С тех пор, встречаясь с Михаилом Николаевичем на Волхонке, я всегда чувствовал его заинтересованное внимание. Он спрашивал меня о научных делах, поздравил с защитой кандидатской диссертации. После выхода в свет моей первой книги по истории колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. я подарил ее М.Н., не рассчитывая на какой-либо отклик с его стороны. Через некоторое время мы встретились в "волхонском коридоре". М.Н. пригласил меня в комнату Отделения истории. Я был удивлен и смущен: маститый ученый да еще с непростым характером (так поговаривали...) ведет беседу "на равных", глубоко, безыскусственно рассуждает по проблемам, казалось бы, далеким от его научных интересов. Поразительное умение М.Н. смотреть "в корень", находить необычные грани обсуждаемых вопросов во время этой встречи запомнились отчетливо.

Возглавив Археографическую комиссию, М.Н. Тихомиров проявил заинтересованность в расширении ее актива. К той поре у меня созрела мысль подготовить обзор большого рукописного собрания Г.В. Юдина, хранившегося в Госархиве Красноярского края. Около трех лет до того я работал начальником архива и разбирал практически неописанную коллекцию ценнейших документов. Служебные обязанности, а также занятия в зочной аспирантуре Института

истории ограничивали возможности общения с источниками коллекции Г.В. Юдина. Вернувшись в Москву и став сотрудником Института истории, я сожалел, что не удалось довершить начатое дело. Обо всем этом я однажды рассказал М.Н. Он выслушал меня и предложил свою помощь в организации поездки в Красноярск, чтобы сосредоточиться на подготовке обзора коллекции. М.Н. Тихомиров попросил директора института, чтобы мне предоставили месячную командировку в Красноярск. Летом 1957 г. вместе с женой, также выпускницей Московского историко-архивного института, я приехал в знакомый город. Мы с головой ушли в работу. По возвращении в Москву я сделал доклад о юдинском собрании на заседании Археографической комиссии. Председательствовал М.Н. Тихомиров, участвовали и выступали М.В. Нечкина, В.И. Шунков и другие ученые. Председательствующий с одобрением оценил проделанную работу и дал полезные рекомендации для подготовки материала к печати. Это заседание комиссии привлекло внимание. О нем сообщила газета "Вечерняя Москва" 25 ноября 1957 г. К этой теме с указанием на роль Археографической комиссии в изучении юдинского собрания рукописей газета вернулась позже (статья А. Синельникова "Редкая коллекция" – ВМ от 17 января 1959 г.). Подготовленный мною обзор коллекции был опубликован в "Археографическом ежегоднике за 1958 год" (М., 1960), этому активно содействовал М.Н. Тихомиров. Он же дал "добро" на другую мою публикацию красноярских документов о Северном морском пути в конце XIX – начале XX в. ("Археографический ежегодник за 1961 год". М., 1962).

Не сразу я оценил и понял особое отношение М.Н. к местным архивам и музеям. Он завещал свое богатое рукописное собрание Сибирскому отделению АН СССР. Вспомнились и его работы по истории г. Дмитрова и Самарского края. Он думал не только о Москве, а о всей нашей стране, чтобы к старинным документам могли приобщаться и провинциалы. До сих пор не могу себе простить, что не обратился к М.Н. Тихомирову с тем, чтобы он помог предотвратить расформирование коллекции Юдина и рассылку ее материалов по десяткам архивохранилищ. Тогдашнее центральное архивное начальство пошло на этот необъяснимый шаг. Печальной была судьба библиотеки Юдина (сейчас она в США). Но и коллекция документов, оставшаяся на родине, фактически распылена по хранилищам.

В этой связи целесообразно припомнить, что М.Н. проявил гражданское мужество честного ученого, когда проектировалось строительство гостиницы "Россия" в старинном районе Москвы – Зарядье. Вместе с другими деятелями науки и культуры он выступил в печати с протестом по поводу предполагаемого возведения высотного здания в сердце столицы, что нарушило бы веками сложившийся архитектурно-исторический ансамбль центра. По-видимому, мнение общественности хотя бы частично было учтено. Гостиница выросла на месте снесенных строений Зарядья, но ее высота была значительно снижена по отношению к первоначальному проекту. К слову сказать, в Зарядье обитали интересные люди, на руках у которых находились ценные художественные изделия минувших веков. Мне дважды довелось там побывать по поводу поисков редких подарков для наших ученых-юбиляров. Так, однажды мы, трое сотрудников сектора истории феодализма, приобрели у тамошнего жителя забавную серебрянную табакерку изящной работы "с соловьем" (птичка, действительно, высвистывала мелодию). Это предназначалось к 50-летию Л.В. Черепнина. А к 60-летию Н.В. Устюгова удалось раздобыть шкатулку с чернью устюжского мастера конца XVIII в.

С глубоким чувством признательности принимал я подаренные М.Н. Тихомировым книги по истории средневековой Москвы и о присоединении Мерва к России с автографами ученого. Приятно было также участвовать в числе

авторов юбилейного сборника в честь 70-летия М.Н. Тихомирова (1963). В статье была поставлена созвучная интересам М.Н. Тихомирова проблема реконструкции частных крестьянских архивов на материалах Уральского региона.

Как-то Михаил Николаевич спросил меня, готовлю ли я докторскую диссертацию? Я ответил ему довольно невнятно, ссылаясь на всевозможные служебные и общественные поручения. Тогда М.Н. с присущей ему решительностью и неожиданностью суждений заявил: "Жульте, а пишете докторскую!" Наука для него всегда была первейшим, главным делом жизни. Я так и понял этот совет. К сожалению, моя докторская состоялась уже после кончины академика Тихомирова.

Хорошо известна исключительная работоспособность Михаила Николаевича. Ему была по плечу любая научная работа и любого объема. Достаточно взгляда на список его опубликованных работ. Тем не менее он проявлял разумную осторожность, когда в ученой среде обсуждали "нормы выработки", число часов, необходимых на тот или иной вид научного труда (авторские тексты, редактирование, рецензирование и т.д.). Вспоминаю одно из таких обсуждений с участием М.Н. Он довольно запальчиво разносил предложенный проект, усматривая в нем непомерное завышение норм. При этом он выразился в таком духе, что приводимые в проекте цифры – "амбарцумяновские", т.е. астрономические. Разумеется, при этом М.Н. имел в виду большинство рядовых ученых.

Ученики М.Н. Тихомирова провели большую и полезную работу, выпустив в свет серию научных трудов ученого, в том числе ранее неопубликованных. С особым интересом я встретил подборку документов о псковском восстании 1650 г., одном из самых ярких народных движений прошлого. Во многом благодаря этой публикации мне удалось разработать проблему организации повстанческой власти в ходе локальных восстаний XVII – начала XVIII в. Соответствующий материал я включил и в научно-популярную брошюру "Народ не безмолвствовал: Из социального опыта русской истории" (М., 1990) с указанием в кратком списке литературы для читателя книги М.Н. Тихомирова "Классовая борьба в России XVII в." (М., 1969). Очерк "Псковская республика" вошел также в мою книгу для детей "История раскрывает тайны" (М., 1991), где представлены наблюдения и выводы М.Н. Тихомирова. Таким образом, и после кончины М.И. встречи с его трудами как бы продолжали прежние личные контакты и являлись тоже памятными.

В этом зале присутствуют ученые разных поколений, разных школ. Но можно с уверенностью сказать, что для всех нас Михаил Николаевич был общим нашим учителем. Да пребудет всегда с нами светлая память о Михаиле Николаевиче Тихомирове.

М.Н. ТИХОМИРОВ В "АКАДЕМИЧЕСКОМ ДЕЛЕ". 1930 г.

Так называемое Академическое дело 1929–1931 гг. лишь в последнее время стало объектом исследования¹. Опубликован ряд источников, имеющих к нему прямое или косвенное отношение². Наконец, положено начало изданию следственных материалов, содержащих следственные дела академиков С.Ф. Платонова и Е.В. Тарле³.

Когда Б.В. Ананьич, А.Н. Цамутали и я готовили предисловия к обоим выпускам издания "Академического дела" 1929–1931 гг., мы поставили перед собой в качестве одной из задач составление возможно более полного списка арестованных и приговоренных к расстрелу, различным срокам заключения в концлагере или ссылкам ученым. Вскоре, однако, обнаружилось, что число арестованных не совпадает с числом вынесенных приговоров "тройками" Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе и Коллегией ОГПУ.

Так, в результате следствия, проводившегося в Ленинграде, было репрессировано 115 человек, среди которых подавляющее большинство составляли ленинградцы, хотя приговоры выносились и этапированным сюда жителям других городов, главным образом москвичам (С.В. Бахрушину, С.К. Богоявленскому, Ю.В. Готье, Д.Н. Егорову, М.К. Любавскому, А.И. Яковлеву)⁴. Но сверх того здесь же первоначально велось следствие еще по 43 арестованным, в отношении 23 (А.А. Введенский, Б.Д. Греков, Ю.Г. Оксман, В.И. Срезневский, А.А. Шилов и др.) дело было прекращено 7 февраля 1931 г., а в отношении остальных было заведено самостоятельное следственное производство, не связанное с "Академическим делом"⁵.

Что касается московских историков, то согласно сценарию ОГПУ, их обвинили в создании "Московского центра", являющегося филиалом антисоветской контрреволюционной организации "Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России", которая якобы существовала в Ленинграде и действовала

© В.М. Панеях

¹ Брачев В.С. "Дело" академика С.Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5; Перченко Ф.Ф. Академия наук на "великом переломе" // Звенья: Ист. альманах. М., 1991. № 4.

² Анцифоров Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992; Ростов Алексей [Сигрист С.В.] Дело четырех академиков // Память: Ист. сб. Париж, 1981. Вып. 4; Начало "Дела" Академии наук // ИА. 1993. № 1.

³ Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1993. Вып. 2. Дело по обвинению академика Е.В. Тарле (в печати). На материалах этих изданий уже написан ряд исследований. См.: Ананьич Б.В., Панеях В.М. "Академическое дело" 1929–1931 гг. и средневековые политические процессы: (Сравнительная характеристика) // Россия в X–XVIII вв.: Проблемы источниковедения: Тез. докл. и сообщений вторых чтений, посвященных памяти А.А. Зимина. М., 1995; Ананьич Б.В., Панеях В.М. "Прииудительное соавторство" (к выходу в свет сборника документов "Академическое дело 1929–1931 гг." Вып. 1) // In memoriam: В память Ф.Ф. Перченка. М., 1995.

⁴ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1. Предисл. С. V–XI.

⁵ Там же. С. VII.

под руководством С.Ф. Платонова⁶. Однако имелись некоторые основания полагать, что "Московский центр", чье существование стало одним из элементов фабрикации, насчитывал больше "членов", чем шесть московских историков, этапированных в Ленинград и фигурировавших в числе 115⁷.

И действительно, запрос редакционной коллегии издания "Академического дела" 1929–1931 гг. привел пока к выявлению еще пяти следственных дел московских историков, арестованных в сентябре 1930 г.⁸

Н.М. Дружинин, И.С. Макаров, И.И. Полосин, М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин содержались под стражей в Бутырской тюрьме, не более трех раз допрашивались и не препровождались в Ленинград. В Москве же им выносились приговоры.

Этих арестованных ученых обвиняли в том, что они входили в нелегальный антисоветской и антимарксистский кружок молодых историков, которым руководил С.В. Бахрушин, якобы являвшийся членом "Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России", и они были "близки к этой организации". Кружок, который следователи "создали" по типу действительно существовавшего в Ленинграде неформального, но отнюдь не нелегального, кружка молодых историков, на самом деле был семинаром С.В. Бахрушина, состоявшем из его учеников⁹.

М.Н. Тихомиров был арестован 14 сентября 1930 г. (в тот же день, что и четверо остальных его коллег). В "Анкете для арестованного и задержанного с зачислением за ОГПУ" на вопрос о партийной принадлежности М.Н. ответил: "Беспартийный. Считаю себя сторонником власти, в научной работе пользуюсь марксистским методом исследования. Ясно выраженного марксистского метода не имею"¹⁰. Этот осторожный и отчасти двусмысленный, избыточный по содержанию ответ на прямо поставленный вопрос определил в известной мере тактику поведения М.Н. во время следствия.

Первый допрос М.Н. был произведен 16 сентября 1930 г. Следователь Н.Н. Соловьев (пом. уполномоченного 5 отд. Секретного отдела ОГПУ) записал его показания в виде монолога. Такая форма протокола была обычной в то время для ОГПУ и свидетельствует о том, что протокол, в нарушение процессуальных норм, составлялся после допросов и содержал лишь резюме разговоров с подследственным.

Итак, согласно протоколу М.Н. сразу же заявил: "Я считаю, что в исторической мысли существуют два основных течения. Первое – ортодоксально-марксистское, возглавляемое обществом историков-марксистов, и второе – старое историческое течение, представителями которого являются М.К. Любавский, Ю.В. Готье и ныне умерший М.М. Богословский". Далее угадывается вопрос следователя, на который М.Н. дал такой ответ: "Кто примыкает к этой части из молодых историков, я не знаю". "Из молодых представителей исторической мысли, – заявил далее М.Н., – я знаю Полосина и Кафенгауза, которых считаю отошедшими от старой исторической школы и близко дошедших (так! – *В.П.*) к марксизму. Особенно выделяю Кафенгауза".

⁶ Докладная записка ОГПУ секретарям ЦК ВКП(б) И.В. Сталину и В.М. Молотову. 15 сентября 1930 г. // Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Прил.

⁷ См.: *Переченок Ф.Ф.* Академия наук на "великом переломе". С. 222.

⁸ Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Предисл.

⁹ Подробно о семинаре С.В. Бахрушина, заседания которого проходили на его квартире, см.: *Черепнин Л.В.* С.В. Бахрушин как учитель: К 65-летию со дня рождения, 1947 г. // Отечественные историки XVIII–XX вв.: Сб. ст., выступлений, воспоминаний. М., 1984. С. 290.

¹⁰ Здесь и далее цит. следственное дело М.Н. Тихомирова (листы без нумерации): Центральный архив ФСБ. Р-16863.

Касаясь исторической школы, которую прошел сам М.Н., он также высказывался осторожно и двусмысленно, опасаясь, вероятно, уличающих его в обмане показаний других подследственных: "Свое историческое лицо я формировал, главным образом, самостоятельно. Своим университетским учителем я считаю С.В. Бахрушина. Личные отношения с Бахрушиным хорошие, но был у него последний раз год тому назад [...] Работал самостоятельно над древней русской литературой, я ни в каких семинарах не работал, знал о существовании семинара при 1 МГУ (прошлый 29 год), руководил им С.В. Бахрушин, но я в нем не бывал и участников его не знаю".

Следующая тема допроса – отношение к религии, и снова М.Н. высказывается чрезвычайно осторожно: "В части своих религиозных убеждений могу сказать, что до 1924 года я интересовался религией, но с 1924 г. у меня произошел перелом, т.к. считаю участие в религиозных делах и преподавание в советских учебных заведениях несовместимыми".

Наконец, М.Н. ответил на опасные для подследственного вопросы об участии в различных научных объединениях и признал, что работал в Обществе изучения Московской области и, "считая себя краеведом", лишь "встречался" там с рядом лиц, которых "знал только по работе в краеведческом обществе". "Наиболее близкие" же "отношения из краеведов, – записано в протоколе, – у меня были и есть с Б.Б. Кафенгаузом".

Следующий (и последний) официальный допрос М.Н. был произведен только через два месяца, 19 ноября 1930 г. Это, однако, не значит, что с ним не велись беседы без фиксации их в форме протоколов. О том свидетельствует фраза из протокола этого допроса: "Я категорически утверждаю еще раз..." и упоминание в нем каких-то "разговоров". Несомненно, в этих беседах М.Н. склоняли к признанию того, что он участвовал в контрреволюционной организации, каковой следствием был признан семинар С.В. Бахрушина. Поскольку подобные многократные попытки (иначе невозможно объяснить временной разрыв между официальными допросами) не увенчались успехом из-за уклончивой и осторожной тактики М.Н., а материалы о нем, полученные от других арестованных по этому делу, тоже не оказались достаточными для предъявления обвинения, то следователь принял решение не включать его в число антисоветских элементов, подлежащих репрессиям. Иначе в цитируемом ниже фрагменте не было бы заключительной фразы.

Итак, цитирую заявление М.Н. на допросе 19 ноября 1930 г.: "Я категорически утверждаю еще раз, что ни в какой к-р организации не состоял и не привлекался в нее никем. Бахрушин со мной разговоров на подобные темы никогда не вел. Я считаю себя безусловно советским человеком [...] Я обязуюсь о существовании своего ареста, даваемых мною показаний и всех разговоров, ведшихся со мной, никому не разглашать" (так! – В.П.).

И действительно, через три дня, 22 ноября 1930 г., следователь выносит определение об освобождении М.Н. из под стражи и возвращении ему какого-то свертка и переписки, взятых при обыске, хотя следствие по делу, возбужденному по Ст. 58, П. 11 УК РСФСР¹¹, было решено продолжить. Впрочем, вскоре следствие в отношении М.Н. (как и Н.М. Дружинина) прекратили. О том свидетельствует справка, датированная сентябрем 1935 г. и приложенная к "делу": «В 1930 г. был арестован как участник к-р монархической организации "Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России". Ввиду недоказанности был освобожден и следствие о нем прекращено».

¹¹ Ст. 58, П. 11 УК РСФСР в редакции 1926: "Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой".

Возможно были и другие причины освобождения М.Н., кроме тех, на которые я указал выше. Но пока об этом трудно судить.

Несмотря на этот, казалось бы, окончательный вердикт, органы государственной безопасности не оставляли М.Н. без внимания. Во всяком случае, его следственное дело запрашивалось из архива многократно: в 1944, 1946, 1948, 1950 гг. – в связи с "проверкой" или "разработкой", в 1955 г. – в связи с "запросом" и, наконец, в 1957 г. – "в связи с выездом за границу".

Что же касается И.С. Макарова, И.И. Полосина и Л.В. Черепнина, то они еще до начала вынесения приговоров в Ленинграде (февраль 1931 г.) были осуждены 13 января 1931 г. Особым совещанием Коллегии ОГПУ: первый – к заключению в концлагерь на три года, второй – к той же мере наказания, третий – на три года с высылкой в Северный край¹².

¹² Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 2. Предисл.

Е.Р. Курапова

МАТЕРИАЛЫ М.Н. ТИХОМИРОВА И О НЕМ В ЛИЧНЫХ ФОНДАХ АРХИВА РАН

Не одно поколение исследователей отечественной истории обращалось к документальному наследию великолепного знатока славянской истории и прекрасного педагога Михаила Николаевича Тихомирова в Архиве Российской академии наук. Опубликованы многие ценные документы, в том числе из эпистолярного наследия ученого, его личной переписки с коллегами-гуманитариями. Новые сведения о жизни и творчестве Михаила Николаевича, его дружеских и деловых связях в научном мире, взаимоотношениях с окружавшими его людьми можно почерпнуть в фондах видных ученых – историков А.В. Арциховского, Н.М. Дружинина, М.В. Нечкиной, И.М. Майского и др. Завершение научного описания их личных архивов предоставляет нам такую возможность, что позволит по-новому взглянуть и на уже известные документы в фонде М.Н. Тихомирова.

Широко известный руководитель Новгородской археологической экспедиции А.В. Арциховский в письмах к М.Н. Тихомирову рассказывает, как идут "раскопные" работы, советуется по вопросам интерпретации фонетики или значения тех или иных слов, содержащихся в найденных берестяных грамотах, просит помочь и в других вопросах. Так, например, в июле 1954 г. он пишет: "Дорогой Михаил Николаевич! Вы, конечно, помните в Новгороде так называемый дом Марфы Посадницы на улице Большевиков. Я помню, как Вы его смотрели. Снаружи это руина, но вообще там хорошо сохранился большой сводчатый зал нижнего этажа, заросший культурным слоем. Все-таки это боярский дом XV века, древнейшая дошедшая до нас гражданская постройка в Новгороде, да и вообще в России.

Вы удивляетесь, зачем я это Вам пишу. Дело в том, что местные власти решили этот дом снести, чтобы воздвигнуть на его месте здание артели по производству сапожных шнурков. Этот индустриальный гигант представляет для них большую ценность, хотя они верят в принадлежность дома Марфе Посаднице. (Мы-то с Вами знаем, что ее "чудный" дом был совсем в другом месте, но это не снижает значения этой постройки.) Местный областной отдел архитектуры (там теперь на месте пресловутого Фролова хороший заведующий Мокшанин) защищает руину от сломки, но не может защитить. Дело в том, что в списке памятников, находящихся на охране, дом на улице Большевиков по недосмотру не значится.

Спасти его может только вмешательство Президиума Академии наук. Инициатор сломки – Новгородский облисполком..."¹ Месяц спустя Арциховский сообщает Тихомирову о положительном решении вопроса, добавляя при этом, что, если бы Михаила Николаевича "в конце июля – начале августа не было в Москве, боярский дом XV века исчез бы бесследно в первой декаде августа. Решение местных властей по этому вопросу было бесповоротное"².

© Е.Р. Курапова

¹ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 12, 12 об.

² Там же. Л. 13.

Надо сказать, переписка М.Н. Тихомирова с А.В. Арциховским показывает, что они оба ценили свои отношения и дорожили ими. В фонде А.В. Арциховского сохранилось замечательное письмо М.Н. Тихомирова, письмо-размышление, письмо-признание, адресованное Арциховскому. «Дорогой Артемий Владимирович! – пишет М.Н. – Благодарю Вас за отзыв о моей работе. Тут дело не только в том, и даже не столько в том, что Вы отнеслись хорошо к моей работе. Гораздо важнее, что Вы подчеркнули те стороны моей книги, которые и для меня самого не были достаточно ясны. Козьма Прутков когда-то очень точно сравнил похвалу автору с канифолью для скрипки виртуоза. А между тем как мало я слышал такой похвалы и сколько ругательств на моей жизни. Критика необходима нам всем, как воздух, но ругательства совсем не украшают науку. А их так легко просто делать. При этом забывается весь основной смысл всякой работы, а смысл – это постоянное совершенствование. Если бы наши работы были идеальны, всякое движение вперед прекратилось бы окончательно. Ньютон и Ломоносов и сотой доли того не знали, что знали Лебедев и Чаплыгин. Но что такое знание последних по сравнению со знаниями простых современных инженеров, оснащенных атомной энергией и реактивными двигателями. Ведь не странно ли, что именно в нашей среде историков, для которых более, чем для кого-либо понятно историческое развитие, именно и господствует стремление все и всех ругать. Вероятно, потому, что мало пишущих и много критикующих. Простите за все эти рассуждения, но Вы один из немногих людей, которым я могу написать откровенно о своих чувствах. Поздравляю Вас с праздником и заканчиваю предостережением: "бойтесь собственного ЗИМа". Говорят Вы его купили. Еще раз благодарю за отзыв и постоянно доброе отношение к моим работам. Ваш М. Тихомиров. 8 ноября 1955 года»³.

Хочется также обратить внимание еще на два письма Михаила Николаевича, адресованных Арциховскому. Серьезность в них соседствует с иронией и шутливостью. В первом из них (10 октября 1960 г.) М.Н. посылает коллеге свои "Стансы": "Не ругайте меня за задержку с отправкой Вашей прекрасной рецензии. Попросту забыл отослать, что со мной бывает довольно часто. Куда деваться от работы, я просто не знаю.

Вчера увидел еще одного беретчика: так я называю всех лиц, носящих тафью безбожного Бахмета. Впрочем, пишу неосторожно, вдруг и Вы носите. В связи с тем, что приходится иногда читать неготовые труды, посылаю Вам свои "Стансы".

Хожу ли я без должной прыти,
Вхожу ли скромно в Институт,
Я говорю: опять к защите
Представлен бесполезный труд.
В нем очень много всякой враки,
И для науки нужен он,
Как пятая нога собаке,
Как для глухого телефон⁴.

Во втором письме (50-е годы) Михаил Николаевич наставляет коллегу, что называется, на путь истинный: "Аще и браду имеши плоску и белу, образ являя Авраамлей, но о будущем веце вспоминай с прилежанием. Рыбаковых мудрований от летописания отридайся, к Рабиновичевым и Колчиным ристаниям не прикасайся, Тихомирово ложное учение со строгостью осуди и по пути богомудрия неуклонно следуй... Помысли, человеце, и о женах богобойных и во всяцем

³ Там же. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 216. Л. 1, 1об.; Куранова Е.Р. Новые фонды личного происхождения в Архиве РАН // ОА. 1993. № 6. С. 116.

⁴ АРАН. Ф. 1804. Оп. 1. Д. 216. Л. 6.

учении мудрых, яко видел и ныне видишь премудрую Александру Ильинишну. Како она с Рыбаковым мужески ратоборствовала и с божьей помощью побеждала. И архицовские бредни отвергни, понеже в них несть правды, а прелесть для человеков. Видят бо мужа с брадою праотеческою, а скверну и заблуждения его не видят. Слыши небо и земле. Како не распадется земля и звезды с небеси на землю не спадут, егда бесовские грамотки его на прельщение людское объявились, их же постыдно и гнусно некако Мукоморыч в подвале делал, а непотребный Валька в землю подбрасывал, вкупе с сатанинским угодником Филипычем, его же палаты ныне всем видимы разрушаются..."⁵

Среди хранящихся в фонде М.Н. Тихомирова многочисленных поздравлений М.Н. с праздничными и знаменательными датами хочется обратить внимание на поздравления от Арциховского и четы Майских. Эти документы разделяют десять лет. Различны их авторы, но они одинаково искренни, трогательны и добры. В июне 1953 г. Арциховский, обращаясь к Тихомирову, писал: «Хотя Вы уклоняетесь от юбилея, разрешите Вас поздравить. Ваш юбилей мы отмечаем в "Вестнике Московского университета". Это останется. Я попытался сказать о Ваших научных заслугах в двух написанных мною адресах. А теперь мне хочется просто сказать, что я горжусь нашими с Вами встречами и беседами, горжусь нашей, смею сказать, дружбой...»⁶ В июне 1963 г. Тихомирова поздравляли Майские: "Дорогой Михаил Николаевич! И Агния Александровна, и я сердечно поздравляем Вас с знаменательной датой Вашей жизни, исполняющейся завтра, и от всей души шлем Вам наилучшие приветы и пожелания. Это не просто официальные слова, принятые для подобных okazji. Мы оба искренно и действительно любим Вас, глубоко уважаем Вас как большого настоящего ученого и хорошего человека. Скажу прямо: на длинном пути нашей жизни мы не часто встречали таких людей, как Вы, и не часто испытывали такие чувства, какие испытываем к Вам. Вот почему нам хочется, чтобы Вы еще много, много лет жили и работали, служа Родине и подавая пример более молодым поколениям научных деятелей, в особенности историков"⁷.

Позднее, в январе 1964 г., М.Н. Тихомиров, от имени Археографической комиссии и от себя лично поздравляя историка, дипломата, академика И.М. Майского с днем рождения, желает ему доброго здоровья, продолжения его неустанной работы и как историка, и как писателя, "книги которого читаются с таким интересом", и подписывает эту сохранившуюся в фонде Майского телеграмму словами: "Любящий Вас Михаил Тихомиров"⁸.

Интересная записка обнаружена нами в личном фонде историка академика Н.М. Дружинина. М.Н. Тихомиров пишет ему: "Дорогой Николай Михайлович! Глубоко благодарю Вас за присланную Вами книгу – Вашу ценнейшую монографию о крестьянах. Благодарю Вас и за добрую надпись на книге, хотя и не считаю себя заслуживающим тех больших эпитетов, с которыми Вы ко мне обратились в этой надписи..."⁹ Возможно, это ответ Тихомирова на дарственную надпись Дружинина на его книге: "Дорогому Михаилу Николаевичу Тихомирову – русскому историку-патриоту", информация о которой приводится в посвященном памяти М.Н. Тихомирова "Археографическом ежегоднике за 1965 год"¹⁰.

⁵ Там же. Л. 3, Зоб. Пояснения см. в публикации В.Л. Янина в настоящем издании.

⁶ Там же. Ф. 693. Оп. 4. Д. 91. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 362. Л. 5.

⁸ Там же. Ф. 1702. Временная опись. Д. 104.

⁹ Там же. Ф. 1604. Оп. 4. Д. 786. Л. 2.

¹⁰ См.: Шмидт С.О. Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 9.

Во многом показательное письмо М.Н. Тихомирова хранится в личном фонде историка академика М.В. Нечкиной. «Дорогая Милица Васильевна. Пишу это письмо, потеряв надежду на телефон. Письмо это и ходатайство, и просьба. В 3-м томе "Очерков" истор[ической] науки большую статью по историографии пишет Влад[имир] Арон[ович] Дунаевский, ему же принадлежит 6 печат. листов. в печатаемом Франц[узском] ежегоднике (теперь по типу Археографического всюду стали ежегодники). Владимиру Ароновичу около 40 лет, он прекрасно знает франц[узский] язык, кандидат наук, член партии, а работает библиографом в Ленинской библиотеке. Судите сами, как легко там совершенствоваться в науке. Я горячо рекомендую его как работника. Хотелось бы его перевести штатным сотрудником в Вашу группу, уверен в нем как в работнике и готов буду поддержать его кандидатуру. Сделайте бога дело и помогите ценному человеку, а то он в библиотеке погибает. Сам я живу ни шатко ни валко. Приготовил для Вас наши повести о Куликов[ской] битве и при оказии отошлю. Любопытно. М. Тихомиров. 3 февраля 1960 г.»¹¹

Известно, что М.Н. Тихомирову принадлежит авторство многочисленных рецензий-отзывов на научные работы своих учеников и коллег. В связи с этим обратил внимание на стенограмму заседания кафедры истории архивного дела Историко-архивного института в декабре 1939 г., где приводится выступление М.Н. Тихомирова, который был официальным оппонентом кандидатской диссертации А.В. Чернова "История Поместного приказа" в МГУ. Документ сохранился в личном фонде В.В. Максакова: "...работа А.В. – это несомненно работа выдающаяся, это я и в тот раз подчеркивал, да в этом никто и не сомневался и в МГУ, когда происходила защита диссертации. В частности, перед этой диссертацией проходила другая защита диссертации по средним векам, и всем бросилась в глаза гораздо большая солидность вот этой диссертации А.В. Даже это уже показывает, что работа – интересная и что она действительно заслуживает всяческого внимания.

Но вот правильно говорит А.Н.¹², что некоторое недоумение и некоторую иронию, причем я бы сказал – иронию неблагоприятную для А.В., вызвал размер книги... Для меня, человека, тоже работавшего в архивах, получается такое впечатление, что А.В. до того заинтересовался, до того полюбил все эти архивы, что ему кажется, что уже всякая деталь интересна, и что если черкнул какой-нибудь дьяк или подьячий, то это обязательно нужно записать, как событие. В частности, в конце там даны биографии дьяков, судей и подьячих, написанные к тому же не в виде полных биографий. Я это говорю к тому, что мне кажется, Ваша работа, конечно, должна быть напечатана, но я хотел бы сказать откровенно: я думаю, что, если она будет напечатана в таком виде, как она сейчас существует, без сокращения, без выборки основных моментов, она произведет неблагоприятное впечатление и вызовет много нареканий...

Мне бросились в глаза две вещи: с одной стороны, одна часть, чрезвычай-но интересная и хотя, как я говорил, со множеством подробностей, по-моему, не столь важных, и вторая часть работы, которая охватывает поместный приказ.

Первая часть работы общеисторического характера, которая является введением к тому, что дальше идет... Невозможно так писать, невозможно на поместную систему давать 120 страниц, и на 120 страницах рассказывать биографию или выяснять, сколько получал подьячий. С моей точки зрения, или не надо было говорить о поместной системе, или указать основные элементы и продолжать дальше.

¹¹ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 839. Л. 1.

¹² Из текста стенограммы видно, что речь идет об А.Н. Сперанском.

А что же получилось в этой кандидатской диссертации, которая по трудности скорее докторская диссертация? Если говорить по совести, то то, что вы говорите о поместной системе и то, что вы сами повторили, почему она сложилась, – это настолько уязвимо, что не хочется об этом говорить, потому что в конце концов самые основные принципы – принципы феодализма у вас из вашей работы совершенно каким-то образом выпали. Вы ведете работу в типе рассуждения более отвлеченного порядка. Очень меня удивил вопрос о кормлении и опричнине. Вы мимо них проходите быстро, не рассматривая. Думаю, что при обработке я поступил бы иначе: я занялся бы историей поместного приказа...

Мои замечания (хотя, А.В., я вам говорил и тогда), может быть, покажутся очень резкими, но я скажу, что работа настолько сама по себе интересна, что желательно, чтобы она вышла в таком виде, чтобы было меньше возможности у людей нападать на то, не из-за чего вы писали эту работу, потому что самое ядро, самая сердцевина чрезвычайно добротные и чрезвычайно ценные. А то, что говорил Степан Борисович¹³, о необходимости обратить внимание на то, что рост этого тома бумажного не есть обязательно рост самой темы, – на это необходимо обратить внимание.

Я должен сказать, что мне и самому приходится работать, и я знаю, что я лично работаю два раза: первый раз я переписываю на машинке в черновом виде, и после этого я обрабатываю вторично..."¹⁴

В заключение хотелось бы отметить, что даже с течением времени, уже в наши дни – последнее десятилетие XX столетия, еще далеко не исчерпаны документальные свидетельства о жизни и творчестве замечательного ученого Михаила Николаевича Тихомирова. И приведенные здесь документы из личных фондов могут быть дополнены документальными материалами о Михаиле Николаевиче из недавно принятых в АРАН личных архивов Е.Н. Кушевой, И.И. Минца, А.Л. Нарочницкого, Ю.Б. Виппера, А.М. Самсонова и др.

¹³ Речь идет о С.Б. Веселовском.

¹⁴ АРАН. Ф. 1646. Оп. 1. Д. 383. Л. 37–40.

С.О. Шмидт

ПЕРЕПИСКА М.Н. ТИХОМИРОВА С Н.А. И А.М. ЗЕМСКИМИ

В Архиве Российской академии наук, в фонде академика М.Н. Тихомирова (№ 693) сосредоточена переписка фондообразователя с супругами Н.А. и А.М. Земскими – лингвистами, авторами методических пособий о преподавании русского языка. Михаил Николаевич сохранил два письма Андрея Михайловича (1892–1946) без даты и одно – от 26 августа 1946 г. и 49 писем Надежды Афанасьевны (1893–1971) – дата первого из писем 29 марта 1946 г., последнего – 15 января 1965 г. (Оп. 4. Д. 247. Л. 1–2; Д. 246. Л. 1–58). Надежда Афанасьевна сберегла восемь писем Михаила Николаевича и передала их затем в АРАН (Оп. 4. Д. 16. Л. 1–22). При составлении И.П. Старовойтовой книги "Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР. Научное описание" (М., 1974) эти архивные материалы описаны под № 1110–1118 (письма М.Н. Тихомирова) и № 1460–1461 (письма М.Н. Тихомирову).

С А.М. Земским М.Н. сблизился еще в Московском университете. Они обращались друг к другу на "ты". С супругой его было обращение на "Вы" и по имени и отчеству. Именно благодаря Земским М.Н. оказался в начале 1919 г. в Самаре. Они же помогли ему затем, по возвращении оттуда в 1923 г., устроиться в Москве. Это запечатлено в воспоминаниях М.Н. Тихомирова 1960-х гг., в рассказе о событиях 1918 г.: "К этому времени я получил письмо из Самары, где жили мои друзья Земские. Они звали меня приехать в Самару для работы в Отделе народного образования". Была прислана телеграмма с приглашением, имевшая тогда значение и документа, обеспечивавшего пропуск в Самару. Описание переезда по железной дороге в Самару небезлюбопытно: «Ехали мы в то знаменитое время, когда "подписью с приложением печати" удостоверялось что попало. Тогда ходил анекдот, а, быть может, это была и правда, об одном человеке, которого остановили на заставе, отбиравшей съестные продукты. Человек представил документ. Красноармеец прочитал: "Анализ мочи", "Вы, стало быть, иностранец" – сказал он, и читал дальше: а дальше было написано, что у этого человека белков нет, сахара нет, одним словом, всё было в порядке – продуктов не было. На этом основании человека пропустили дальше».

В Самаре главным делом и М.Н., и супругов Земских было "устройство и улучшение библиотечной сети" в Самарском уезде¹. Можно полагать, что они были вместе и во время деловых поездок по уезду и отдыхая: в присланном в Москву письме из Самары, датированном 20 декабря 1922 г., М.Н. напоминает о "знакомых" им всем местностях в Самарском крае.

Письмо Михаила Николаевича Земской – самое раннее в комплексе переписки. Его должна была доставить "наша общая с Андрюшей (т.е. А. Земским. – С.Ш.) знакомая Марья Михайловна Кобылина", переезжавшая в Москву в связи с избранием ассистенткой профессора археолога А.С. Башкирова на кафедре во 2-м МГУ. М.Н. просит: "Если только это возможно, помочь ей в её московских мытарствах, в поисках за работой и квартирой. Она первый раз в Москве, а вы сами знаете, как трудно новичку в Москве, хотя бы и с помощью

© С.О. Шмидт

¹ АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 40. Л. 181, 183, 186.

такой пройды, как Башкиров". М.М. Кобылина стала затем видным археологом, руководителем археологического исследования Фанагории в Таманском заливе.

М.Н. узнав о том, что "Надежда больна" и находится в санатории. "ругнулся по вашему общему адресу": "Не жалеете вы себя и не цените своих способностей, растрачивая их на сердитых учителей и ласковых кубариков". Сообщает, что к Рождеству собирается ехать в Оренбург к Сергею (возможно, брату его или другу юности С.Дм. Воронову?) "и немножко отдохнуть от зимней работы, т.к. 2 последние месяцы я работал, как шальный и закончил половину описания Иргизских рукописей, листов на 10 печатных, впрочем без всякой надежды на возможность в близком будущем что-либо напечатать". Уведомляет: "Скоро должна появиться в свет моя маленькая статейка (в Универс[итетских] известиях), посвященная знакомым вам местам – Зубровке, Богдановке, Алексеевке. Как только выйдет, пришлю вам оттиск" (статью "Из истории колонизации Самарского края" напечатали "Известия Самарского гос. университета" за 1923 год. Вып. 5. Отд. 2. С. 1–12). Пишет, что живет "в матерьяльном отношении хорошо, в душевном средне, п[отому] ч[то] болезнь, которую следовало бы назвать *fibris stultitiae samariensis*, т.е. страдания от самарской глупости, возобновляются регулярно каждую зиму". Сообщает и о намерении весной "опять приехать в Москву, а потом двинуться к братьям в Калужскую губернию"².

Самарские годы биографии М.Н. Тихомирова – важная веха в его жизни. Тогда он обрел опыт преподавания в высшей школе и самостоятельной работы в сферах и специальных историко-филологических дисциплин и той, которую теперь называют "полевой археографией"³. Многие дали ему общение с академиком В.Н. Перетцем и В.П. Адриановой-Перетц⁴ и кругом молодых ученых, группировавшихся в молодом Самарском университете. Близкое знакомство с природой и образом общественной жизни Среднего Поволжья существенно обогатило представления М.Н. и о географии, и о взаимосвязи времен и об отражении всего этого в источниках познания истории. До того М.Н. видел лишь обе столицы и Подмоскowie – а у него была сильна потребность визуально ознакомиться с местностью и памятниками истории и культуры, о которых он писал и говорил. Организация музея в подмосковном Дмитрове и работа в Самаре не в меньшей мере определили направление дальнейшей творческой работы ученого, чем годы учения в Московском университете⁵. Но с отъездом из Самары Земских, Перетцев жизнь там утратила для молодого ученого значительную часть своей привлекательности – ему всегда был необходим и определенный круг интеллектуально-личностного общения (которое он в 1940-е–1960-е гг. находил уже в среде своих учеников).

На конверте без марки переданного из Самары зимой 1922/23 г. письма, рукою М.Н. написан адрес "Б. Никитская, д. 46" и рядом "помещение Советской школы Надежде Афанасьевне Земской". В этой школе № 48 им. Бухарина – читаем в Воспоминаниях М.Н. – работали тогда его "друзья Земские". Возвратившийся в 1923 г. в Москву М.Н. после краткого периода преподавания обществоведения на рабфаке (Едином художественном рабфаке), с 1925 г. стал

² Там же. Оп. 4. Д. 16. Л. 1–2 об.

³ См.: *Белявский М.Т., Сукаев А.Г.* Новые материалы о М.Н. Тихомирове в Государственном архиве Куйбышевской области // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 129–134; В Языково с надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых, 1921 г. // ИА. 1994. № 2. С. 205–214 (Подгот. к печ. В.В. Крылов, предисл. С.О. Шмидта).

⁴ См. об этом: *Шмидт С.О.* Письма В.П. Адриановой-Перетц М.Н. Тихомирову // ТОДРЛ. 1992. Т. 48. С. 472–485.

⁵ См. об этом: *Тихомиров М.Н.* Самара в моей жизни (1919–1923). Самара, 1994.

преподавателем школы № 48 и получил комнату в двухэтажном доме при школе – по преданию там прежде жил кучер барина-владельца большого особняка (где в канун революции помещалась частная гимназия Алелековой). М.Н. писал в Воспоминаниях: "Преподавал я в школе географию, всячески отказываясь от обществоведения и делая вид, что история не имеет ко мне никакого отношения. Настолько отвратителен был этот предмет, который, однако, кажется не имеет ничего общего с тем, что теперь называется обществоведением".

Преподаватели и школьники часто в теплое время организовывали экскурсии (М.Н. упоминает о поездках в Архангельское, Остафьево). Возможно, участниками их были и Земские. Занятия географией привели к тому, что человек такого творческого потенциала как М.Н. Тихомиров стал и автором учебников по экономической и физической географии для педагогических техникумов и училищ и пособий по кинофикации преподавания географии. Несомненно, это предопределило в дальнейшем особый интерес ученого к исторической географии – в изучение исторической географии России XIV–XVII вв. (и особенно XVI столетия, которому посвящена большая монография) исследованиями М.Н. Тихомирова – 1940-х–1960-х гг. внесено много нового.

О А.М. Земском М.Н. вспоминал, характеризуя свое отношение к ученикам: "Откровенно говоря, я особенно любил не очень сильных и даже не очень способных учеников, но тех, которые из всех сил тянулись. Может быть это неправильно, но ведь преподавание, это своего рода работа, в которой оценивается не только тот, кто мог бы сделать, но и тот, кто старается сделать. Тому, кому много дано, с того много и спросится, с того и надо спрашивать много. Но средний человек очень часто не может учиться хорошо, быть отличником, как говорят в наше время. Для этого нужно иметь определенные способности. А вот учиться средне, но постоянно быть готовым к ответу, очень трудно. По этому поводу у меня были споры с моим другом Андреем Михайловичем Земским. Он называл меня не иначе как Мишечка. И это стало моим школьным прозвищем"⁶.

Близкие отношения с Земскими оказались для М.Н. пожизненными. Записка Андрея Михайловича карандашом без даты с первыми словами: "Хотел приехать к тебе в субботу, чтобы пошататься по городу, но задержался дома, а сейчас заехал неудачно, не застал..." Сообщение о том, что собирается зайти вместе с их товарищем по университету Валей (Валерианом Дмитриевичем) Преображенским, в ту пору редактором в Учпедгизе. Имя В.Д. Преображенского – студента Московского университета в годы первой мировой войны, а затем профессора – тоже не раз упоминается в Воспоминаниях М.Н. В фонде академика М.Н. Тихомирова – семь писем от В.Д. Преображенского за 1941–1963 гг. (Оп. 4. Д. 504). 29 марта 1946 г. датирована записка Надежды Афанасьевны с приглашением на свадьбу дочери, начинающаяся словами: «"Малютка Оля женится!" Мы все зовем Вас к нам на вечер по этому поводу...». Письмо А.М. Земского от 26 августа (с обращением "Дорогой Миша") грустное, извещающее об ухудшении здоровья и невозможности приступить к занятиям в университете; там же и приписка супруги (с обращением: "Милый Михаил Николаевич") о здоровье "Андрюши". В письме от 24 мая 1947 г. Надежда Афанасьевна сообщает о дне захоронения урны с прахом Андрея Михайловича на Новодевичьем кладбище⁷.

Мы, ученики М.Н., не раз видели Надежду Афанасьевну в гостях у М.Н. – и в узкой комнате дома-"развалюхи" на ул. Герцена, и на Беговой ул., в д. № 1а (корп. 19, кв. 8), где избранный членом-корреспондентом Академии наук он

⁶ АРАН. Ф. 693. Оп. 2. Д. 40. Л. 279–281.

⁷ Там же. Оп. 4. Д. 247. Л. 1–2; Д. 246. Л. 1, 3.

получил две комнаты в трехкомнатной квартире двухэтажного дома. Не помню, встречался ли с ней в последней просторной квартире академика М.Н. Тихомирова в высотном здании на Котельнической набережной. М.Н., несомненно, радовала возможность беседы с гостьей, всегда строго и скромно, поучительно, одетой с чуть-чуть замедленной и негромкой великолепной русской речью. Она вспомнила меня, когда встретились в подмосковном Абрамцево в январе 1956 г.; об этом нашел упоминание в письме к М.Н. С годами они встречались реже – Надежде Афанасьевне становилось физически труднее приезжать к М.Н., он сам ездил в Ростокино – о встречах они, судя по письмам, заранее сговаривались (по телефону или посылая открытки). Надежда Афанасьевна приводила к нему маленькую внучку, объявившую затем матери (а мать – ныне широко известный филолог Елена Андреевна Земская) после вечера, проведенного у М.Н. Тихомирова (уже в доме на Котельнической), "что будет историком" (из письма от 25 марта 1962 г.), и М.Н. в письме от 6 ноября 1962 г., сообщая о том, что был в Венгрии, добавляет: "До сих пор лежит венгерская шоколадка с видом Будапешта, предназначенная для поднесения при Вашем посредстве той почтенной особе, вместе с которой Вы были у меня под Новый год"⁸. М.Н. иногда посылал своего шофера, помогая ее переездам в санаторий.

В квартире Надежды Афанасьевны не было телефона, автомат был расположен не так уж близко – потому не только переписывались, но и говорили по телефону нечасто, и в письмах данные иногда, так сказать, обобщающего характера, за сравнительно долгий период времени. Узнаем подробности жизни Надежды Афанасьевны и ее семьи – и о трагедии гибели дочери Ольги – химика, раздавленной поездом в 1953 г., и похоронах ее, и о впечатлениях от пребывания на родной ей украинской земле, о работе преподавателя и составителя учебных пособий, и, конечно же, о состоянии здоровья.

В письмах М.Н. Тихомирова 1950-х–1960-х гг. (от руки, и машинописных) встречаем сведения, небезлюбопытные для изучения биографии ученого, той атмосферы творческой интенсивности, которая была характерна для его жизни.

В письме от 25 февраля 1953 г. М.Н. сетует на "печальный опыт" январского отпуска: "Вперед буду умней и главный отдых сосредоточу на летних месяцах. Впрочем, у меня надежд на собственное поумнение очень немного. Да и времени и охоты для этого остается не очень много. В целом я редкостно сбит с толку. Надо отдыхать, а времени и охоты для этого нет. Надо работать, а работа все ответственная и скучноватая. Читаю и исправляю чужие работы, а для своих не остается времени. Самое главное – плохое состояние духа, точно я забыл что-то сделать, что-то нужное и обязательное. Примерно, так, как будто, я забыл утром умыться или прочесть газету. Все это следствие ослабления здоровья.

Как приедете в Москву, обязательно позвоните или напишите письмо. К этому времени, к марту, Борей перестает потрясать своими белыми волосами и Ваши ростокинские равнины становятся более приветливыми для путешественников"⁹.

В письме от 3 апреля 1954 г. (автограф) он сообщает, что "заболел", приглашает "в гости на новую квартиру" на Котельнической, отмечая "знаки оказательства: в конце двора у стройки (прямо от Яузы), кругом кучи мусора"¹⁰.

Письмо от 3 февраля 1958 г. начинается так: "Казалось бы, ничего не случилось, а целый год я Вас не видел и даже с Вами не переписывался. Дважды к Вам заезжал; узнал, что Вы больны и опять молчание. А ведь не следует в

⁸ Там же. Д. 246. Л. 47 об.; Д. 16.

⁹ Там же. Д. 16. Л. 4.

¹⁰ Там же. Л. 6–6 об.

вашем возрасте забывать друзей. Это относится и ко мне, и к Вам в равной степени". Подпись: "Преданный Вам М. Тихомиров"¹¹.

Из письма от 11 марта 1960 г. узнаем о сокращении полставки в университете ("...но обрел вдруг большой покой и свободу, а как-будто и не так много был занят на факультете"), о приготовленной в подарок книге о Куликовской битве и далее: "В подражание Пушкину написал стансы:

Хожу ли я без должной прыти,
Вхожу ли бодро в Институт,
Я говорю: опять к защите
Представлен бесполезный труд.
В нем очень много всякой враки,
И для науки нужен он,
Как пятая нога собаке,
Как для глухого телефон"¹²

Сохранилась и открытка уведомительно-вопрошающего характера 11 апреля 1960 г. М.Н. пишет (автограф): "Я собираюсь к Вам нагрянуть в среду после обеда, то есть, примерно к 5 час[ам] вечера. Устроит ли это Вас?.." ¹³

В письме от 25 октября 1960 г. М.Н. сообщает о том, что с 5 по 15 мая ездил на пароходе до Нижнего Новгорода и обратно (характерно употребление старого привычного им обоем наименования города, тогда называвшегося "Горьким"), а далее о "деловом" расписании своей жизни: "29 мая – 7 июня ездил в Ереван, где была Археографическая сессия под моим председательством. 7–13 июня восседал на сессии Академии наук и избирал. 19–27 июня был на тысячелетии Польши, в Варшаве и Кракове. Потом месяц жил под Каширой и страдал от жары. 15 августа улетел в Стокгольм, был сперва в Упсале на Славянской Комиссии, потом в Стокгольме на Всемирном историческом конгрессе. Вернулся в Москву 30 августа. 6 сентября в Москве делал доклад на англо-советском коллоквиуме. Сегодня делаю доклад на Археографической комиссии, а 10 ноября должен уехать в Румынию.

Да, забыл сказать, что 17 сентября я делал доклад в Академии художеств об Андрее Рублеве. Таков краткий итог моей одиссеи за полгода. "Упоминаемый доклад на Археографической комиссии – это доклад, которым открывалось двухдневное общее собрание комиссии в Москве, посвященное составлению Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР¹⁴. Вслед затем читаем: "Из новостей отмечу одну: ушел наконец и окончательно из Университета. Сие заведение настолько опростилося на истфаке, что делать там нечего"¹⁵.

Из письма от 15 сентября 1961 г. узнаем, как сам М.Н. характеризовал то, что происходило с ним летом этого года: "Что касается меня, то я его провел несколько необычно. На старости лет в качестве туриста я был в Греции и полюбовался этой чудесной страной. Дело было в мае. Потом, как неприкаянный, работал над большой монографией и всего 8 дней прожил на даче. Кончил свою работу ровно к 1 июля, как полагалось, и опять поехал на дачу". Но, "не выдержав всех дачных прелестей, я уехал в Новгород, где пробыл две недели", и кончает письмо предложением, рассчитанным уже на вкус адресата-филолога: «Как Ваше здоровье, теперь принято говорить "самочувствие". Сим дурацким словом, не вем, откуда появившимся, обозначают теперь

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10–10 об. Небезлюбопытно, что М.Н. захотелось ознакомить с этим стихотворением и своего друга А.В. Архицовского (о письме Архицовскому от 10 октября 1960 г. см. в статье Е.Р. Кураповой, наст. изд., с. 41. Подлинные тексты имеют разночтения).

¹³ Там же. Л. 13.

¹⁴ См. об этом: *Шеламанова Н.Б.* Деятельность Археографической комиссии при Отделении исторических наук АН СССР за 1960 г. // АЕ за 1960 год. М., 1962. С. 368–369.

¹⁵ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 16. Л. 14–14 об.

всю гамму чувствий»¹⁶. Слова "большая монография", очевидно, относятся к вышедшей в следующем, 1962 г. многолистной книге "Россия в XVI столетии".

Характерно для понимания системы работы М.Н. его утверждение: «кончил свою работу ровно к "тому числу", как полагалось». М.Н. был строго пунктуален в выполнении своих обязательств, и прежде всего служебных обязанностей – выполнял работу и в срок, и сразу должного качества. И не прощал своим ученикам и сотрудникам отступлений от этого железного для него правила. Испытывал это не раз и на себе. Помню, когда к обозначенному издательским договором сроку я не представил материалы для хрестоматии по истории России XVI в., М.Н. вообще отказался от договора; и потом долго еще доходили до меня его разговоры о непростительной необязательности Шмидта, и к участию в подготовке нового варианта хрестоматии я не был уже привлечен. А когда рекомендованный аспирантом к М.Н., мой дипломник В.И. Буганов на первом году обучения отступил от заранее оговоренных сроков выполнения работы – и я и он получили от М.Н. серьезные выговоры. Убежден, что это оказалось очень полезным, или как ныне принято выражаться, судьбоносным для Виктора Ивановича, перенявшего от М.Н. организованность в работе. Делился со многими своими переживаниями М.Н. и тогда, когда А.Г. Кузьмин, которому он поручил, из-за ухудшения зрения, подготовить к печати документальную публикацию для сборника к 1100-летию Великого Новгорода, допустил взволновавшую М.Н. небрежность. И основной причиной освобождения А.А. Зимина от обязанностей заместителя председателя Археографической комиссии была не неприятная М.Н. направленность его исследования о "Слове о полку Игореве"¹⁷ (как пытается утверждать Я.С. Лурье¹⁸), а невыполнение А.А. Зиминим плановой работы по редактированию второго тома многотомной "Истории СССР", где он тоже был заместителем М.Н. Тихомирова как главного редактора книги. Освобождение от обеих должностей было взаимосвязано и произошло, кажется, одновременно. Это совпало со сроком представления второго тома в главную редакцию (или в дирекцию Института истории – теперь уже не помню, хотя был в ту пору заместителем заведующего сектором по подготовке этой многотомной "Истории"). Выяснилось, что А.А. Зимин книгу не читал. Что и понятно; и объяснение тому находим в тех же воспоминаниях Я.С. Лурье, отметившего особенность характера А.А. Зимина, признаваемую и им самим: "Когда он занимался каким-либо научным сюжетом, то такой сюжет поглощал его всецело; остальные вопросы переставали существовать или по крайней мере отходили на задний план"¹⁹. И А.А. Зимин был заменен Л.Г. Бескровным, достаточно быстро затем выполнившим редакционную работу. Но М.Н., человек нелегкого характера, склонный к обидчивости, был отходчив и сам радовался возможности сменить "гнев на милость" (так было, кстати, и с А.А. Зиминим). Однако, восстанавливая более близкие личные взаимоотношения, оставался неумолимо строго консервативным в деловом плане с теми, кто не оправдывал однажды его доверия.

В письме от 20 июня 1962 г., рассказывая о том, что во время ремонта в квартире его "прорабы" внесли путаницу в расстановку книг, с юмором вспоминает школу на Никитской и ее работников ("да прославятся их имена в недрах науки"²⁰). Ассоциации молодых лет крепко связывали корреспондентов.

¹⁶ Там же. Л. 16–16 об.

¹⁷ См.: Тихомиров М.Н. Русская культура X–XVIII веков. М., 1968. С. 64–79, 415–422.

¹⁸ Лурье Я.С. Из воспоминаний об Александре Александровиче Зимине // Одиссей. 1993 (Человек в истории: образ "другого" в культуре). М., 1994. С. 201.

¹⁹ Лурье Я.С. Указ. соч. С. 197–198.

²⁰ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 16. Л. 18.

В письме от 6 ноября 1962 г. М.Н. уведомляет о предстоящей поездке в Каменец-Подольский через Киев (возможно, потому-то и обратился в этот день письмом именно к киевлянке?!) и добавляет: "Был я и в Венгрии. В целом, скажу по разным странам и областям, насколько хватает сил"²¹.

Последнее из писем М.Н. датировано 15 марта 1964 г. Там опять – и, признаться не без некоторой бравады пожилого человека – данные о "расписании" жизни: «Расписание* моей жизни построено с учетом моего возраста и болезней. Например 12-го я был председателем на докладе Герасимова, 13-го утром на заседании редакции древнерусского словаря, вечером в Большом театре на книгопечатании, 14-го читал статью о Миз.*Ник. Покровском. Завтра 16-го делаю научный доклад, 17-го выступаю оппонентом по докторской диссертации и пр. Вот и скажешь: "пляски, резвость, каждый*"». Видимо, речь идет о докладе М.М. Герасимова, восстанавливавшего после вскрытия гробниц в Кремле внешний облик Ивана Грозного. М.Н. руководил работой этой комиссии.

В письме снова фраза, рассчитанная на знатока литературы о русском языке: "орфографические ошибки в моем письме удостоены премии Шапиро и медалю* де ля Крючкова"²² А.Б. Шапиро и С.Е. Крючков – видные тогда лингвисты, авторы учебно-методических трудов по русскому языку. И действительно, в машинописном тексте не только смещения букв, обычные для каждого из нас при быстром печатании, но и странные "орфографические ошибки", свидетельствующие об усталости и возрасте печатающего.

Надежда Афанасьевна Земская – родная сестра Михаила Афанасьевича Булгакова, и на ее могильном памятнике фамилия написана так: "Земская-Булгакова"²³. В письмах имеются сведения, могущие представлять интерес для тех, кто изучает все, что связано с великим писателем и его окружением. В письме от 18 мая 1954 г. Надежда Афанасьевна приглашает М.Н. посетить спектакль "Дни Турбиных" в Драматическом театре им. Станиславского и пишет, что "спектакль идет с большим успехом, билеты можно достать с трудом". Сообщает и печальные новости: "Сестру Лелю мы похоронили 5/V на Ваганьковском кладбище. Из Новосибирска от сестры Вари идут грустные вести: она тяжело болеет склерозом головного мозга, катастрофически теряет память и сознание окружающего (при удовлетворительном физическом состоянии), нуждается в постоянном человеке при ней. А была самая энергичная из нас, веселая, хохотунья, музыкантша, любительница танцев и талантливый преподаватель при этом. Грустно". В письме, датированном 4 апреля 1960 г., читаем: "Моя тяга к Киеву, которая владеет мною сильно, объясняется тем, что это – мой родной город, нежно любим с детства, что это чудесный красивый город. В Киеве, на Байковом кладбище похоронены мои отец и мать. Мне удается, с помощью киевских друзей, поддерживать в порядке их могилы".

В письме от 25 марта 1962 г., вслед за размышлениями лингвиста, чувствующего вкус к объяснению смысла слова ("Я не заболела, но не могу сказать, что здорова. Есть такое удачное русское слово – недомогание. Так вот я чувствую себя в состоянии постоянного недомогания и слабости...") и сведениями о своем лечении, сообщает: «Перед отъездом надеюсь навестить Вас. Недавно вышла из печати повесть Мих[аила] Афан[асьевича] "Жизнь господина де Мольера", Я просила Леночку (Е.А. Земскую. – С.Ш.) послать ее Вам от нас». А в открытке, написанной 3 мая 1962 г.: «Уже две недели я в Киеве. Собралась и уехала

²¹ Там же. Л. 20.

* Так в тексте

²² Там же. Л. 22–22 об.

²³ Кипнис С.Е. Новодевичий мемориал: Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С. 80.

раньше, чем предполагала, поэтому не успела навестить Вас перед отъездом. Сегодня послала Вам заказной бандеролью – повесть "Жизнь господина де-Мольера" Мих[аила] Булгакова. Шлю Вам свой привет из Киева и все лучшие пожелания»²⁴. В ответном письме М.Н. (от 20 июня 1962 г.) читаем: "За книгу и письмо я Вам очень благодарен. Книга талантливая и хорошо издана"²⁵.

Одно из последних писем Надежды Афанасьевны имеет указание даты и места написания: "Ростокино. 18.III.64". Начинается оно так: «Дорогой Михаил Николаевич! Вы верите в передачу мыслей на расстоянии? Я верю. За последние дни – хотите верить, хотите нет – все думала: "Надо позвонить Михаилу Николаевичу". Надо... но, раньше, чем я собралась позвонить, пришло Ваше письмо. Спасибо...»²⁶

Переписка эта любопытна и в плане изучения повседневных образа мыслей и быта воспитанных еще в дореволюционное время российских интеллигентов, занятых в советские годы в сфере науки и культуры, и характерной для них эпистолярной культуры.

²⁴ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 246. Л. 24–24 об., 38 об., 47–47 об., 48.

²⁵ Там же. Д. 16. Л. 18.

²⁶ Там же. Д. 246. Л. 63.

ПИСЬМО М.Н. ТИХОМИРОВА В.И. ЯЗВИЦКОМУ (1953 г.)

Письмо М.Н. Тихомирова хранится в фонде писателя В.И. Язвицкого в РГАЛИ¹. Валерий Иоильевич Язвицкий (1883–1957) – сын земского врача, учился в Казанском университете, попал в ссылку за участие в революционных событиях 1905 г., откуда бежал в Швейцарию и окончил там естественный факультет Женевского университета. Печататься начал с 1903 г., некоторые его рассказы получили положительные отзывы М. Горького. В.И. Язвицкий – автор нескольких романов, рассказов, пьес, стихов. Его перу принадлежат научно-популярные произведения по истории, истории религии. После возвращения в Россию в 1917 г. работал в системе Наркомпроса, в 1922 г. вместе с Б. Кронинным редактировал журнал "Жизнь" (изд. тов. "Литэмуза"), в котором печатались А.В. Луначарский, П.Н. Сакулин, Н.К. Пиксанов, рассказы и стихи И.А. Новикова, В.Я. Брюсова, Б.Л. Пастернака, Н.Н. Асеева².

В.И. Язвицкий опубликовал популярные переложения трудов по естествознанию. Один из них, третий том, пересказанной по А.Э. Брему "Жизни животных", получил резкую отрицательную рецензию М. Горького за пренебрежение грамматикой, за язык и стиль, за "глупости", которые "посеяны" почти на каждой странице. В статье, опубликованной в 1931 г. сразу в "Правде" и "Известиях", Горький отзывался об этой работе как о "чепухе особенно постыдной", называл язык В.И. Язвицкого "суконным"³.

Роман "Иван III – государь всея Руси"^{3а} – последнее крупное произведение В.И. Язвицкого и едва ли не единственное в тогдашней литературе, посвященное одному из крупнейших политических деятелей средневековой России. В какой-то степени роман заменял собой научную биографию Ивана III и исследования об этой эпохе. Работа над романом продолжалась с 1943 по 1953 г. Примечателен сам факт обращения писателя ко времени Ивана III, а не, скажем, Ивана Грозного, что более соответствовало бы тогдашней политической конъюнктуре. Почти все отзывы на книгу были отрицательные. Среди основных недостатков критики называли уход писателя от изображения народа, классовой сути политики московского государя, что было справедливо – в романе действительно изображению народа посвящено очень мало страниц. Все отмечали идеализацию образа Ивана III, наделенного автором только положительными чертами. Серьезный упрек был сделан в адрес языка произведения: критики отметили излишнюю и неоправданную архаизацию речи⁴.

Появлению книги предшествовала большая подготовительная работа: выписки из источников, исторических трудов, составление хронологической сетки событий и пр. Со многими вопросами Язвицкий обращался к исследователям, музейным работникам, архитекторам. Писатель отправил М.Н. Тихомирову два

¹ РГАЛИ. Ф. 585 (В.И. Язвицкий). Оп. 3. Д. 44.

² КЛЭ. М., 1964. Т. 2. С. 937; 1975. Т. 8. С. 1043; Язвицкий Валерий Иоильевич / Сост. Д.А. Берман // Русские советские писатели: Прозанки: Биобиблиогр. указатель. М., 1969. Т. 6, ч. 2. С. 338–347.

³ Горький М. О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т.д. // Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 25. С. 470–474.

^{3а} Иван III – государь всея Руси. М., 1946–1955. Т. 1–5 / Предисл. К.В. Базилевича. Переизд. в 50–90-е годы.

⁴ Александрова Ф. Рец. // Знамя. 1947. Кн. 9. С. 176–179; Пустовойт П. "Иван III – государь всея Руси" // Знамя. 1950. Кн. 1. С. 172–176; Дацюк Б. Правда истории и литературные стилизации // Новый мир. 1950. № 7. С. 253–256; Петров С. Страницы истории // Лит. газ. 1952. 29 янв. С. 3; Серегин В. Роман об Иване III // Новый мир. 1956. № 2. С. 264. См. также: Папуто В.Т. Средневековая Русь в советской художественной литературе // ИСССР. 1963. № 1. С. 83–118; Каргалов В.В. Московская Русь в советской художественной литературе. М., 1971. С. 120–155.

письма⁵. Публикуемое письмо Тихомирова, являющееся ответом на первое письмо Язвицкого, интересно не только оценкой, данной ученым "Рукописи старицы-игуменьи Марии". М.Н. Тихомиров высказывает здесь свои взгляды о подделках документов по проблеме, которой он специально занимался, и бытования их в научной и художественной литературе⁶.

Письмо напечатано на машинке на желтоватом листке бумаги небольшого формата с характерной рельефной поверхностью. Отдельные опечатки исправлены от руки. Подпись подлинная, синими чернилами. При передаче текста опечатки исправляются без оговорок. Подчеркивания в тексте карандашами принадлежат, видимо, В.И. Язвицкому.

⁵ АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 689; Рукописное наследие академика М.Н. Тихомирова в Архиве Академии наук СССР: Науч. описание / Сост. И.П. Староверова. М., 1974. С. 155. № 1889.

⁶ Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров (1893–1965). М., 1987. С. 54.

Р.Б. Казаков

1953 г., мая 30. М.Н. Тихомиров – В.И. Язвицкому

Глубокоуважаемый Валерий Иоильевич.

Я чувствую перед Вами большую вину, так как вовремя не ответил на Ваше письмо, но для этого были причины, очень далекие от невнимания к Вашему запросу. Дело в том, что мне хотелось еще раз вчитаться в записки игуменьи Марии¹, которые я когда-то читал очень давно. Времени же для этого не оказалось вовсе, так как я был все время занят подготовкой к печати двух обширных коллективных работ². Поэтому и сейчас я могу писать только по старым воспоминаниям.

Вас не удовлетворяют старые экспертизы и определение палеографии памятника. Но какая палеография возможна по отношению к памятнику, подлинник которого не известен. Почему же тот автор, который нашел такой бесценный памятник, взяв на себя труд его издать, оказался столь небрежным, что даже не помянул, где этот памятник находился. Сам же стиль этого произведения говорит не в пользу его подлинности. Грамоты на бересте также ничего не дадут для определения записок игуменьи Марии. Их язык не имеет ничего общего с записками Марии. Об этом я имею право сказать как издатель 10 грамот, которые в ближайшее время должны появиться в свет³. Поэтому мое отношение к запискам отрицательное*. Боюсь, что Вы будете зависеть в Ваших построениях от произведения XIX, а не XV века.

Вообще, появление ряда фальшивок под старинные документы не раз уже волновало историков. При этом всегда говорилось о таинственном подлиннике и пр. В советских журналах, например, появилась стилизованная под XVI век повесть об архитекторе Федоре Конне. А современный архитектор Белогорцев на ее основании написал в своей^{2*} книжке о смоленской старине подробности о постройке стены в Смоленске⁴. В "Вокруг света" появилась статья кап[итана] К.С. Бадигина о хождении одного новгородца, ^{3*} даже со ссылкой на мою экспертизу^{3*}. Но подлинника хождения у писателя Шергина, списавшего хождение, так и не оказалось⁵. ^{3*}Написать под старый стиль не так уж трудно^{3*}. Шуточно такие письма XVII века писал и я своим товарищам, и только шуточные слова выдают их подделку. Труднее написать сочинение XV века, почти невозможно подделать сочинение XI–XII вв., там нужны не только специальные знания, но и своего рода интуиция⁶. ^{3*}Есть много черт, обличающих подлинность документов^{3*}. *Для специалистов они так ясны, что он не захочет тратить время на доказательство очевидного. Так обстоит дело и с игуменьей Марией⁷.

Письмо это я Вам пишу накануне отъезда в отпуск. Прошу простить мне долгое молчание и обещаю, если Вы вздумаете написать, быть более аккуратным. Если нужно, то осенью я постараюсь написать Вам о игуменье Марии, познакомившись с изданием ее записок.

С глубоким уважением М. Тихомиров

30 мая 1953 года

Конверт: Ц/О Баковка Московской

Городок писателей, дом № 27. В.И. Язвицкому.

Тихомиров М.Н.

Москва, Беговая, 1а, корпус 19, кв. 8^{4*}.

РГАЛИ. Ф. 585. Оп. 3. Д. 44. Л. 1–2 об. Машиноп. автограф. 1-й экз.

© Р.Б. Казаков

- Подчеркнуто красным карандашом.

^{2*} Далее зачеркнуто М.Н. Тихомировым слово статья.

^{3*}-^{3*} Подчеркнуто синим карандашом.

^{4*} Почтовый штемпель на конверте: 1.6.53. Баковка. Мос. об.

¹ Рукопись старицы-игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской / Изд. Р.Г. Игнатъев // Новгородские губернские ведомости. Новгород, 1849. № 41. С. 204–207; № 42. С. 210–217; № 47. С. 239–245. Документ, выполненный как записки начала XVI в. о событиях 70-х годов XV в. – ликвидации независимости Новгорода, опубликовал Руф Гаврилович Игнатъев (1819[1829–?]-1886), музыкант и знаток церковной старины. Он получил образование в Лазаревском институте восточных языков, учился в Парижской консерватории у Ф. Галеви (1799–1862), служил подрегентом синодального хора московского Успенского собора. Много путешествовал, собирая произведения духовной музыки. В этих путешествиях увлекся археологией, этнографией. С конца 40-х годов стал публиковать статьи и заметки о найденных древностях в провинциальных изданиях (более 500 работ). Игнатъев был членом многих статистических комитетов и ученых обществ (Русский биографический словарь. СПб., 1897. Т. 8: Ибак-Ключарев. С. 57; Историческая записка о деятельности имп. Московского археологического общества за первые 25 лет его существования. М., 1890. Прил. С. 303–305; *Витевский В.* Вместо предисловия от издателя // Изв. о-ва археологии, истории и этнографии при имп. Казанском университете. Казань, 1893. Т. XI. Вып. 2. С. 147–158). К изданию памятника Игнатъев приложил снимок с рукописи. Текст был переиздан С.Р. Минцловым (Записки игуменьи Марии. Новгород, 1912) тиражом 50 экз. Записки сразу обратили на себя внимание. Н. Навроцкий в статье "О найденной в Новгороде древней рукописи" (Северная пчела. 1851. 1 февр. С. 103–104) передавал ее содержание, обосновывая подлинность рукописи ученым авторитетом издателя и тем, что написать под XVI в. сложнее, чем обнаружить такой документ. Но еще раньше поддельность записок доказывал М.П. Погодин, опубликовавший перевод рукописи по изданию Игнатъева и сопроводивший его своим послесловием. Погодин обратил внимание на анахронизмы в тексте (Иван III спутан с Иваном IV, упоминалась печатная русская книга) и палеографические особенности, выдающие подделку, и предлагал провести палеографическую экспертизу памятника силами специалистов. "Невинные шутки в литературе позволительны. Почему иногда не посмеяться:

И не все же нам реки слезные
Лить о бедствиях существенных,
На минутку позабудемся...

говорит Карамзин; но переносить шутки в Историю – нет, История – дело священное!" (Москвитянин. 1850. Ч. 1. № 3. Смесь. С. 61). Последующие исследователи уже не сомневались в поддельности записок. А.Н. Пыпин отмечал несоответствия в языке памятника. Ловкой подделкой называл записки А.А. Введенский (*Пыпин А.Н.* Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 281–282; *Введенский А.А.* Фальсификация документов в Московском государстве XVI–XVII вв. // ПИ. М.; Л., 1933. Сб. 1. С. 102–103).

Эти выводы не устроили В.И. Языцко. Критику М.П. Погодина, А.Н. Пыпина, А.А. Введенского он считал голословной и необидительной (АРАН. Ф. 693. Оп. 4. Д. 689. Л. 1). В записках игуменьи Марии он находил сходство с опубликованными письмами Ивана III и считал, что выдумать обороты XVI в. издатель не мог. «Я вполне убежден в подлинности "Записок", и мое исследование находится на апробации в Академии наук уже месяца четыре в ожидании своей очереди» (Там же. Л. 2, 2 об.).

² М.Н. Тихомиров мог иметь в виду "Историю Московского университета" (М., 1955. Т. 1) и "Очерки истории исторической науки в СССР" (М., 1955. Т. 1).

³ *Арциховский А.В., Тихомиров М.Н.* Новгородские грамоты на бересте. М., 1953.

⁴ Имеется в виду, вероятно, рассказ В. Жаковой "О черном человеке Федоре Коня" (Год семнадцатый: Альманах четвертый. М., 1934. С. 398–409) с включением обширных выдержек из документов, частично реальных, а большей частью вымышленных, наполненных выдуманными подробностями биографии Ф. Коня, на основе которого были написаны книги И.Д. Белогорцева (*Белогорцев И.Д.* Зодчий Федор Коня. Смоленск, 1949; *Он же.* Архитектурный очерк Смоленска. Смоленск, 1949). Работа "Зодчий Федор Коня" получила отрицательную рецензию М.А. Ильина (Советская книга. 1950. № 10. С. 106–108; см. также: *Косточкин В.В.* Государев мастер Федор Коня. М., 1964. С. 5–8).

⁵ К.С. Бадинин опубликовал в виде очерка "Путь на Грумант" (Вокруг света. 1952. № 1. С. 54–59; № 2. С. 53–58) главу из будущей книги "Путь на Грумант: Поморская быль" (М., 1953), в основе которой лежала рукописная книга новгородца Ивана Амосова "Си книги оустанець акияна моря русьского и воде и ветром. Хожение Ивановно Олельковича сына ноугородца" о плаваниях поморов в Белом море и Ледовитом океане в XV в. и ранее. В журнале нет ссылок на М.Н. Тихомирова. В очерке "Русские северные мореходы", который вошел как приложение в "Путь на Грумант" (М., 1953. С. 247–331), К.С. Бадинин сообщил об этой рукописи. Копию с ветхой копии ему передал Б.Г. Шергин (С. 279–290). Позднее в книге, написанной на основе кандидатской диссертации, К.С. Бадинин благодарил М.Н. Тихомирова "за ценные указания и советы" (*Бадинин К.С.* По студеным морям: Очерки по истории ледовых плаваний русских поморов. М., 1965. С. 12) и сообщил, что подлинность "Хожения" не доказана и специалисты отрицают

возможность такого сочинения, в результате чего использование "Хожения" как исторического источника преждевременно (Там же. С. 100–101). Он использовал в книге "Соловецкий летописец второй половины XVII в.", найденный М.Н. Тихомировым (*Тихомиров М.Н. Малоизвестные летописные памятники // ИА. 1951. Т. 7. С. 217–236*), но на мнение М.Н. Тихомирова о "Хожении" также не ссылался. Позднее по книге "Путь на Грумант" был снят художественный фильм, имевший зрительский успех. Эту тему писатель продолжал в следующих повестях: "Покорители студеных морей" и "Чужие паруса", которые теперь переизданы (*Малышев В.Е. Бадигин: Море плаватель и писатель. Саратов, 1992. С. 68–78; Бадигин К.С. Собр. соч. М., 1993. Т. 1–2*).

⁶ *Шмидт С.О.* Памяти учителя: (Материалы к научной биографии М.Н. Тихомирова) // АЕ за 1965 год. М., 1966. С. 28–30; *Чистякова Е.И.* Указ. соч. С. 30; см. также статью В.Л. Янина в наст. изд.

В.Л. Янин

В ГОСТЯХ У АРХЕОЛОГОВ

(Из литературного творчества М.Н. Тихомирова)

Археологам моего поколения памятни и душевно дороги знаки того раскованного и доброжелательно открытого для окружающих настроения, которое неизменно сопутствовало Михаилу Николаевичу, когда он становился участником экспедиционных коллективов. Имено в виду его "изветы" и "распросные речи" – литературные пародии, в каких отражались его отнюдь не мимолетные впечатления от бытовой стороны археологической жизни. Совершенно справедливо о сочинении им пародийных текстов написал С.О. Шмидт: "Для него это форма душевной разрядки и даже отдыха: не случайно М.Н. обращался к подобному жанру в летние дни археологических экспедиций. И нетрудно представить, сколько смеха было после прочтения написанного в экспедициях А.В. Арциховского и Д.А. Авдусина, и как это сближало студентов и аспирантов с профессором"¹.

Мне не довелось быть участником экспедиции в с. Беседы (1945–1946 гг.), где М.Н. сочинил свои первые археологические пародии, но новгородские (1948, 1951) и гнездовские (1950) "изветы", попалившие при мне, а тексты четырех пародий, не попавшие в архив, силой судеб оказались в моем распоряжении. Что касается архивных материалов, то они в полном виде не публиковались. О них в печати существует лишь информация, а в двух случаях воспроизведены небольшие фрагменты текстов². Настоящая публикация восполняет этот пробел.

Первые три текста написаны в 1945 г. в подмосковном селе Беседы, где группа археологов под руководством А.В. Арциховского вела раскопки вятических курганов. В мои студенческие годы эти гротескные сочинения были необычайно популярны и постоянно воспроизводились наизусть. Устойчивость некоторых разночтений свидетельствует о наличии авторских вариантов текстов. В частности, такие разночтения указаны Н.Я. Мерпертом, сохранившим в памяти вариант текста № II: они показаны в квадратных скобках.

Упомянутый в тексте № I "Михайло сын Михайлов" – известный востоковед Михаил Михайлович Дьяконов, гостивший в 1945 г. в Беседах у А.В. Арциховского. "Олексашка Филиппов" – археолог Александр Филиппович Медведев, бывший тогда аспирантом А.В. Арциховского.

Главное действующее лицо текста № II – Михаил Григорьевич Рабинович, бывший тогда аспирантом сразу двух научных руководителей: Арциховского и Тихомирова. Связанные с ним эпизоды – проникновение в "чужой малинник" и отъезд в Москву на машине английского посольства, присланной в Беседы за овощами. Любезно приглашенный в попутчики, он пережил вполне адекватные тому времени стрессы, вызванные вступлением в нежелательный и противный сознанию всякого советского человека контакт с иностранцами. "Толстов приказ" – Исторический факультет Московского университета, где деканом тогда был Сергей Павлович Толстов. "Большой праздник" – 220-летний юбилей Академии наук, когда сотрудников Академии наградили не только орденами, но и отдельными предметами кожаной шоферской формы, полученными по ленд-лизу вместе с военными стudeбеккерами из США. "У Бориса Рыбакова клады под землю ушли" – намек на неудачные раскопки Б.А. Рыбакова в Переяславле.

© В.Л. Янин

¹ Шмидт С.О. К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 211.

² Там же. С. 213; Чистякова Е.В. Михаил Николаевич Тихомиров. М., 1987. С. 30–31.

I

"Государю моему земскому старосте бьет челом
и слезно молит сиротишко твоей Михайло.

Нынешнего, государь, 45-го года, месяца августа, а в какой день не упомню, был я в государевом селе Беседах у окольного Артемья Владимировича Арциховского, а звал меня тот Артемий к себе во двор и велел у себя во дворе жити.

И я неволею у него жил и с ним ходил на земские дела, клады рыты и всякое узорочье искати.

И с ним же Артемием были разные деловые люди, мужики и девки, а всех было человек шесть или семь. И как, государь, они встанут на рассвете и Богу не молясь сядут за стол, а креста и поклонов не положат и в Успенев пост мясо и молоко ели. А как поедят и попьют, возьмут лопаты и пойдут на кладбище мертвых копать. И коих людей кости от века лежат вечно и неподвижно, от земли обнажают и с них кузнь всякую емлют, а кости в горшки кладут и варят и той богомерзкой пищей христианский люд кормят. И от того его, Артемья, и тех деловых людей волшебства естество пременяся, солнце скрылось и дожди шли непрестанные.

Да и мёня, сиротишку твоего, той бесовской кашей кормили и всякими угрозами угрожали, мы де тебя самого съедим и в горшке сварим.

А тот Артемий и девушки сенные мне говорили, что тем бесовским действием не только что они, но и многие люди в Москве предалися, что де ты боишься, а к нам и окольный Михайло, сын Михайлов, приходил и в зернь с нами играл, а будь ты на Москве кому скажешь, то и дня не проживешь. И я, государь, горько плачучи, вместе с ними копал и мертвых обирал и мясо в Успенев пост ел, плачучи, неволею, боясь от того Артемья и Михайла смертного убойства. А сенные девушки зелье табачное курят, а крещение не знают, а из костей себе дудки делают, песни поют и всякому волшебству верят. И велели мне, сиротишке твоему, им руки смотреть и по гадательной книжке гадать. И я тою смертную кончину чуя, гадал и с ними зелье курил.

Да приходил ко мне служилый человек Олексашка Филиппов и говорил, чтобы я в бусурманскую веру постригся и в мертвецов верил, а сулился кольцо мне дать, что с покойника снимет, а как я ему отказал, он палец мне отгрыз и лалял меня неподобною бранью. А я, хоть и к смерти готов, а к тому Артемьеву и Олексашкину согласью не пристал. А о том их воровстве Артемьевом знает Толстова приказа кормовой толмач Мишка Рабинович. И тот Мишка о нем, Артемье, со мной плакал и от себя извет на Артемья подал.

Милости прошу, государь, запиши мне челобитье, чтобы мне от тех Артюшкиных да Олексашкиных да Мишкиных дел вконец и с детишками не погинуть...

Беседы, август 1945 г."³

II

"Расспросные речи

о воровстве толмача Толстова приказа Мишки Рабиновича.

Нынешнего 45-го года августа в 17 день в Разбойном приказе допрашивали иноземного толмача Мишку, прозванием Рабиновича, а в расспросе Мишка сказал:

Годов ему, Мишке, от роду 29, а живет де в Москве на Пречистенке, супротив Ученого Дома, а промышляет де всякими учеными промыслы в Толстовом

³ АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 207. Л. 1. 1 об.

приказе, из мертвых костей клей варит и бумаги пишет. А идет ему, Мишке, в приказе денежного жалованья тысяча пятьсот рублей московских да всякие годовые припасы, [да за кости, да за писаную бумагу особо, по весу].

А как большой праздник праздновали и он де, Мишка, упросил себе штаны турецкие и кожух красного сафьяна. А о бороде сказал, что де ту бороду он носит по преданью святых отец, понеже всякому человеку дана брада от Бога, и о том слался на кормчую книгу.

Да о воровском беседском деле тот Мишка Рабинович допрашиван, а в распросе сказал:

Был де он в Беседах по земскому делу у вотчинника Артемья, Владимирова сына, Арциховского, а тот де Артемий землю копает и кости роет; да и он де, Мишка, преже землю копал и кости на клей варил, а ныне поослабел.

Да учал он, Мишка, Артемью выговаривать, как де тебе не стыд мертвые кости варить, а будет тебе за то от Бога наказание, а от властей казнь. А тот Артемий человек черный, а есаул его, Олексашкою зовут, весь белый, всякому волшебству прилежат и заговорные слова пишут, да вкривь и вкось читают.

А от того их, Артемьева да Олексашкина, чародейства у служилого человека Бориса Рыбакова клады под землю ушли, а тот де Борька Рыбаков в Переяславль к гетману Богдану ездил по государеву делу.

Да и тот Мишка сказывал, будто де тот Артемий, рияся на его, Мишкины, слова, что ему Мишка выговаривал, посылал его, Мишку, в малинник и приказывал малину рвать.

И он, Мишка, плачучи, ту малину рвал и ел, и от той наговоренной малины щеки у него покраснели; а видели то многие разных чинов люди, как от Артемьева наговора щеки у него, Мишки, покраснели, а глаза поплутнели. Да того же Артемья наговором того же села Беседы крестьянин, а имени его не ведает, лял Мишку разными великими лаи, а говорил слова, о чем не токмо [что в Разбойном приказе] сказать, но и помыслить страшно. И от того крестьянского лаю Мишка из малинника бежал на постоялый двор, а с ним две девки.

А сказывали Мишке те девки, что де бегут от Артемья в Москву, а поедут де на телеге.

А как та телега подъехала, и они в нее сели, да и Мишку с собой в телегу сажали, а он де им отказал, потому де что та телега была из люторской рапаты, а он де, Мишка, правоверен сый и ни в кою ересь до сей поры не уклонял да и клоняться не станет. И те девки да люторской веры прапорщик, что в телеге [на козлах] сидел, ему, Мишке, сказывали: только де ты с нами не поедешь, и тебе Артемью однолично быть выдану. И он де, Мишка, боясь Артемьева насилья, в телегу сел, ожидаючи себе за то торговой казни, да и всю дорогу дрожал. И как приехали в Москву к Калужской заставе, с телеги слез да поплелся к себе на дворишко, слезами обливаясь. И от того де смертного страха у него борода и порыжела, а в том слался на добрых людей.

Беседы, август 1945 г.⁴

⁴ Там же. Л. 2, 2 об.

III

"Деревня, где копал Артемий,
Была прелестный уголок.
Туда с собой он приволок
Копальщиков лихое племя.
Копать с утра до трех часов –
Законом стало непреложным,
А если был кто неготов,
То голос слышался тревожный.
Кричит Артемий, встав чуть свет:
Рабочие пришли, наверно,
А никого на месте нет,
Копать сегодня будем скверно.
И вот к раскопкам все спешат,
Несут скребки, лопаты, палки;
Летят встревоженные галки
И телки жалобно мычат.
Археология – наука,
Ей надо жертвы приносить,
Хотя копать на солнце – мука
И хочется воды испить.
Хотя так славно ветер веет
И прямо бьет с реки в лицо,
У них одна лишь дума зреет
Найти височное кольцо.

Лишь солнце встанет из тумана,
Зевая на такую рань,
Как от старинного кургана
Уже осталась только дрянь.
Вот обнажаются скелеты:
Одна мадам, один мужик;
Их обдирают в тот же миг,
Снимая бусы и браслеты.
Когда-то вятичи здесь жили,
Своих покойников любили,
И погребальный их обряд
Оставил нам курганов ряд.
Теперь кощунственной рукою
Их кости смешаны в труху,
А бусы в чугунах с водою
Девушки моют на уху.
Прости им, Боже, согрешенья,
Не всякий знает, что творит;
Глядишь – копальщик без стесненья
В чужом малиннике сидит.
Трясет он бородою рыжей
И ручкою малину – хватить!
Вдруг вятич руганью бесстыжей
Ему напоминает мать"⁵.

* * *

Две шуточные записки М.Н. (№ IV, V), написанные в стиле чеховского письма к ученому соседу, сохранились на кафедре археологии и относятся к 1946 г. Первая из них сопровождала шуточный дар археологам – найденный М.Н. какой-то значок с надписью "ПРОМАРТЕЛЬ".

IV

"Многоуважаемый профессор Артемий Владимирович.

Как находясь в провинции и потому произведши научные изыскания, я делал по закрытому листу, полученному от Троицкого ширнепотребсоюза, раскопки в курганах на канале (бывшие дзоты). И обнаруживши в них разные древние вещи, среди коих найден и сей тайнообразный предмет. По зрелому воззрению присудили, что оный есть из минусинской культуры или Скифии, что не есть едино. Я же полагаю, что оный нагрудный знак носили греческо-скифские старшины (αρχοντοι) и назывался он по-гречески προμαρτηλ, о чем была и надпись литерами. Предлагая знак архонтов в Ваш кабинет археологии как знак внимания к Вам, прошу оный консультировать с профессором Киселевым на предмет минусинской культуры, хоша и стою на точке профессора Б.Н. Гракова, изъяснившего знаки на сем знаке в знак глубокого исследования ко мне как знака почтения. Salve. Per aspera ad astram; νε γωβωρι, ζτο μολοδδστ σγουβιλα, τι ρηβνοστιυ ισμουζενα μοει.

Археолог из Троицкого
по согласию с консультантами Колчиным (завед. сельпо)
и Селивановым (пьет, но не до безчувствия)"

⁵ Там же. Д. 203. Л. 4, 4 об.; Д. 204.

"Заведующему кафедрой археологии.

Много лет изучамши всякое бытописание, я открыл краткое изложение причин, по каковым археология есть наука опасная, о чем ставлю Вас в известность с копией в соответствующее отделение милиции:

"О гробе Семирамиды повествуется, яко написано бе на нем сице: аще кий царь востребует злата, да отверзет гроб мой и возмет себе елико хошет. Прешедшим же многим летом и многим царем преминувшим, егда наста Дарий царь, той писание на гробе Семирамиды прочет и злата похотев, и отверзе гроб, и ничто же в нем ино обрете, токмо дщицу с написанием таковым: "аще не бы еси был муж зол и несыт злата, гробов людей умерших не бы отверзал еси".

Старший научный сотрудник N
(во избежание зависти и свары не подписуюсь)"

* * *

Полагаю, что самый тонкий в художественном отношении "извет" М.Н. (№ VI) является контаминацией двух его посещений Новгорода – в августе 1947 г. и в июле 1948 г. Александр Львович Монгайт вел раскопки каменной стены новгородского Окольного города в 1947 г., когда из-за отсутствия сколько-нибудь заметного населения в Новгороде, разоренного войной, на раскопках главной рабочей силой были немецкие и венгерские военнопленные. Только в 1947 г. в новгородских раскопках участвовал Даниил Антонович Авдусин и лаборантка кафедры археологии МГУ Нина Горсевановна Варшамова. Однако в 1947 г. М.Н. приезжал в Новгород поездом, а эпизод с его путешествием в экспедиционной машине относится к началу июля 1948 г. Я тогда был в числе его попутчиков и прекрасно помню, как по приезде он ворчал, что его в поездке укладывали спать на шланги от насоса, тогда как завхоз экспедиции Фомичев ("боярский дворник") наслаждался сном на мешках с мукой. Дорога тогда была тряская: старое торцовое покрытие Ленинградского шоссе почти полностью сгорело в топках газогенераторных грузовиков и путешествие из Москвы в Новгород не обходилось без непременной ночевки. В 1948, а не в 1947 г. побывал в Новгороде упомянутый в тексте Виктор Никитич Лазарев. Хронологическую примету дает и загадочное, на первый взгляд, "обезьянье мясо": в 1947 г. экспедиция получила с базы Академснаба бразильскую говяжью тушенку с маркировкой "карне козида" и "пейте бовина", которую мы, студенты, разрекламировали друг другу как "обезьянье мясо".

Упоминаемый в тексте "Удальцов приказ" – Институт истории материальной культуры (ИИМК АН СССР), директором которого тогда был Александр Дмитриевич Удальцов. М.Н. упоминает также археологов Бориса Александровича Рыбакова и Михаила Вацлавовича Воеводского. Названный здесь же Удаленков – реставрационный чиновник, которому был подоточен А.Л. Монгайт, производивший археологические исследования в Софийском соборе Новгорода.

Адресат послания Ф.Т. Яковлев – собирательный образ по имени сослуживца М.Н. в самарском уездном отделе наробраза, вместе с которым М.Н. ездил в 1920 г. по уезду и который, воображая себя археологом, пытался производить на глазах местных жителей показательные раскопки курганов. Это запечатлено в воспоминаниях М.Н. о его самарской жизни, ныне публикуемых в Самаре.

"Отписка из Новгорода от земского выборного человека Михайлы Тихомирова боярину Федору Тимофеевичу Яковлеву Самарскому.

Государю моему Федору Тимофеевичу сирота твой Михайло Тихомиров челом бьет. Велено было мне по твоей боярской памяти да по наказу из Удальцова приказа за приписью подъячего Мишки Рабиновича ехать в Великий Новгород по земскому делу для сыска о непригожих речах окольного Артемия Владимировича Арциховского да стенных дел мастера Александра Монгайта.

И по твоему боярскому приказу выехал я из Москвы августа в 2 день по большой новгородской дороге. А ехали мы на двух немецких телегах, а в них многие разных чинов люди, что по Артемьеву приказу в Москву понаймованы, а

с ними Артемьев человек Олексашка Медведев. И уведучи, что я, сирота твой, еду в Великий Новгород для сыску, тот Олексашка подговорил возницу, да и посадили меня с ним на передок, а своих людей в кузов, и велел в дороге телегу трясти, чтобы из меня, сироты твоего, весь твой сыскной наказ вытрясти. Да по дороге тот Медведев меня выспрашивал, что де ты и по коему делу в Великий Новгород едешь, а он де, Артемий, в Новгороде владетелен и опришнину себе учинил и люди де у него многие. А знатно, что тот Сашка Медведев меня угроживал, чтобы в Новгороде я никакими сысками того Артемья не сыскивал. Да и на ночь меня тот Сашка в кузов сажал и на трубах спать велел да и ковра на ночь не дал, а своих людей, арменской земли девку Нинку Варшамову да боярского дворника Фомичева, а имени его не упомяну, одеялы да ковры покрывал: они де, Нинка да Фомичев, люди боярские, холеные, а тебе, Михайле, и в болоте спать за обычай. И я всю ночь от хлада и стужи погибал и от него, Алексашки, и от его людей душегубства ожидал.

И как приехали мы в Великий Новгород августа против 3 числа и к нам на встречу вышел окольный Артемий Владимирович и на своем дворе поставил. А живет он, Артемий, в каменных палатах, супротив святой Софии Премудрости Божией, а строены те палаты греческая земля дидаскалами, а по-нашему учителями, Лихудами. И в тот же день к вечеру повел меня Артемий к стенному мастеру Монгайту. А тот Монгайт живет в Сушильной палате, а лезут к нему в палату по лесенке, ступеньки трещат и перила качаются. И тут Монгайтова жена стала меня сбитыми сливками кормить и венгерского вина наливать, а Артемий да Монгайт чары пили и за ними твое, Федора Тимофеевича, имя не только не поминали, а говорили, что де ты, боярин Федор, в Самаре даром землю копал, а слались на гречанина Борьку Гракова. А как они меня венгерским вином споили, а Алексина Медведев хотел меня с крыльца на землю скинуть, а я от страха смертельного сказал им, что к тому его Артемьеву делу и сам пристану, а говорил то ради страху, боясь Артемьева неистовства.

И с той поры сию я на Артемьевом дворе и ни в чем мне воли нет, ежедень смерти и увечья опасуюсь и помощи ни отколь, опричь единого Бога да тебя, боярина Федора, не ожидаю, потому что живут тут Артемьевы люди и кто против Артемьева слова что скажет, чинят тому великое наказание. А тех Артемьевых людей всех не упомяну, кто в Артемьевой опричнине учинился и в его богомерзкую прелесть обратился. А на меня они яко львы рыкают, а пуще всех Артемьев угодник Борька Колчин, что у него ключи от двора держит. А нрав у того Борьки яростный, а собою обличьем он рыжий, да и иные Артемьевы угодники Алексашка Медведев и Данилка Авдусин, да его жена татарская Гайда и иные прочие люди все рыжие, кроме самого Артемья да Монгайта.

Да на память святых мученик Бориса и Глеба те Артемьевы люди кормы нарядили, свечи на столе поставили, венгерское вино пили и обезьянье мясо ели. Да и меня тем мясом кормили. И я, сирота твой, то мясо ел, а втай слезами горькими обливался, что меня в такой великий праздник опоганили. А как напились и Артемий к себе на двор ушел, а Артемьевы люди к реке пошли, да и я с ними, сирота твой, поволокся неволею. И тут они в игры играли и речи всякие непристойные говаривали, а Данилка Авдусин девку одну умыкать начал, и я его жене сказал, как де он от жены подобное творит, а она, Гайда, мне отказала, что де у них по бусурманскому закону то дозволено; а по преданию святых апостол и отец – муж и жена едины суть. И после того их бесовского действия пришел я к себе во дворнице, а Алексашка Медведев да Борька Колчин до утра беззаконствовали. И того их беззаконства и сам окольный Артемий испугался и велел от Борьки дверь запереть. И он, Борька, не боялся Бога, по стропилам полез, да и в окно к нам во двор на превеликой той высоте влез и

штаны мои, сиротинки твоего, в окно выкинул по злобе, что я его, Борьку, обличал и уговаривал. А на утро он, Борька, наговорил на меня Артемию, что де я их выспрашивал и всякими сыски об его делах сыскивал. И тот Артемий велел меня в трапезную палату не пуцати и ничем не кормити и не поити, а есть де для тебя, Михайлы, постоялый двор в городе. И я живот свой мучил, не пил, не ел и на постоялом дворе вконец исхарчился, а о твоём государеве деле не забывал.

А как я был в Новгороде, и в те поры по городу ходил и за Артемьевы люди смотрел. А по Артемьеву приказу копают его люди в двух местах: на Торговой стороне да на Софейской, а ищут всяких кладов и узорочьев, что блаженные памяти великий князь Ярослав Владимирович в землю спрятал. И ждут они на себя твоей боярской рати и учали у Знаменья на Московской дороге стену починять. А стеной мастер Монгайт меня по валу водил, то место, где башни стояли, показывал да говорил, что де Артемий венгров и немцев понаймовал. Да и сам я тех венгров и немцев видел великое множество.

И я, сиротинка твой, видя их измену и непокорство, начал Артемьевых людей выспрашивать, исподволь не по многу. Да проведал я, что Артемьев угодник Алексашка Медведев человек московский, а в Новгород приехал по Артемьеву велению, и я его, Алексашку, на кружечный двор свел да там его пивом поил и об Артемьевой измене выспрашивал. И он мне сказал с пьяну, что тот Артемий на Новгородском государстве решил огосудариться и с иными такими же изменными людьми сылку ведет – с Борисом Рыбаковым в Чернигове, да с паном Воеводским в Путивле, а хотяя они великую смуту учинить. И я о тех их помыслах и делах и непригожих речах все написал по-подробну, да послал к тебе в Москву с иконным мастером Виктором Лазаревым, чтоб тебе о том было ведомо. А тут, в Новгороде, людей, чтобы Артемья от его измены отговорить, никого нет. Приезжал только богобоязненный муж Удаленков за казной, что идет ему та казна за то, что он святую Софию ломает, да и вспять уехал с казною и сокрушенным сердцем. А обо мне повелишь спросить, и я еле жив от той его, Артемьевой, каши с обезьяньим мясом, да от смертного страха, да от Колчинова беззаконства и Алексашкинова насильства. Милости прошу, вели подъячему Мишке Рабиновичу записать о моем новгородском терпении и сукна на новые штаны выдать⁶.

* * *

Далее публикуются два "извета", сочиненных М.Н. Тихомировым в 1950 г. Они сохранились в рукописных копиях М.Н. Кислова (1903–1983) и в стилизованных им же под XVII в. рукописях (последние – в архиве)⁷. Они связаны с кратковременной поездкой М.Н. в Смоленск и написаны в Гнездове 8 и 9 сентября 1950 г. "Извет", датированный 8 сентября, адресован Георгию Андреевичу Новицкому, бывшему тогда деканом Исторического факультета МГУ. В этих двух сочинениях упомянуты следующие лица:

Даниил Антонович Авдусин, руководитель Гнездовской археологической экспедиции, с которой М.Н. Тихомирова прочно связало участие в публикации древнейшей русской надписи, обнаруженной в Гнездове при раскопках 1949 г.;

Даниил Павлович Маковский, смоленский историк, активно разрабатывавший в те годы идею о русском капитализме XVI в.;

Алексей Григорьевич Дыхно, кинооператор, сотрудник кафедры кино МГУ, которой тогда заведовал Тягай. А.Г. Дыхно возбудил к себе неприязнь сотрудников Гнездовской экспедиции, прозвавших его сначала "мозольным оператором", а затем преобразовавших это наименование в кличку "император". Ненависть к нему однажды вылилась в студенческое шествие под лозунгами "Долой императора" и "Вся власть Советам", квалифицированными как антисоветские в доносе А.Г. Дыхно в партком и ректорат МГУ. Кинокамера, которой пользовался А.Г. Дыхно, в экспедиционном обиходе называлась "бандурой";

Михаил Никанорович Кислов в 1950 г. в силу своих разнообразных талантов выполнял в экспе-

⁶ Текст сообщен С.О. Шмидтом.

⁷ АРАН. Ф. 693. Оп. 1. Д. 207. Л. 5, 5 об., 6, 6 об.

диции обязанности чертежника. Ему наука обязана съемкой топографического плана Гнездовской курганной группы. Упомянутая в "извете" его битва с межевщиками связана с тем, что на Большом Гнездовском кургане, раскопанном в 1950 г., находился геодезический знак, ликвидация которого потребовала невероятных антибюрократических усилий;

Юлия Леонидовна Шапова (в ту пору Синельникова) и Валентин Лаврентьевич Янин – студенты, участники Гнездовской экспедиции;

Михаил Григорьевич Рабинович и Николай Леонидович Рубинштейн привлечены для сравнения как типические образцы – первый по причине знаменитой бороды, второй из-за не менее знаменитой фигурной проплешины.

"Тенишев двор" – смоленский музей, размещенный в бывшем особняке М.К. Тенишевой.

VII

"Государю моему земскому старосте Георгию Андреевичу бьет челом сирота твой Михайло Тихомиров. Был я, сирота твой, нынешнего 50-го года месяца сентября в 8-ой день в Смоленске по своему и земскому делу. И в те поры встретился со мной городской стрелецкий голова Данило Авдусин и велел мне у него на дворе жити. И я с тем Данилой Авдусиным к Пречистой на гору ходил да и в Тенишевом дворе был.

И в ту пору, как я к Пречистой на гору ходил, повстречался мне Данилко Маковский, и тот Данилко пишет всякие книги, да и о том, как Смоленск стал и в какое место и когда его ставили. И стал мне тот Данилка Маковский угроживать, что де ты по Смоленску ходишь да высматриваешь, видать де, что ты в Смоленске проведываешь. И я ему отказал, что приехал де я к Данилу Авдусину, а ему де, Маковскому, до меня дела нет. И он мне всякими казньми угроживал, и я де, боясь от него смертного убойства, бежал к Даниле Авдусину в Гнездово.

А тот Авдусин в Гнездове клады копает и золото ищет. А стоял я в Гнездове на крестьянском дворе, а золота я не искал и кладов не копал. И как был я на крестьянском дворе, пришел ко мне черкашенин Алешка Дыхно и учал меня подговаривать, чтобы я с ним шел да золото искал. А говорит тот Алешка, что ходит он с бандурой, да той бандурой клады щупает. Да говорил мне тот Дыхно, что де был он в Черкасах гетманом, а ныне де обнищал и чертежи сымает. А показывал мне воровскую бандуру:

– Я – де, – говорит, – и все бы курганы раскопал да боюсь от Михайлы Кислова смертного убойства, что де тот Кислов у Авдусина свой человек.

Да говорит тот Алешка тайным образом, что он де царский сын, а зовут его императором, а до сей поры о том никто не ведает, знают де о том только московский человек Тягай да иные немногие людишки. А как де он на Москве учинится, и мне от него в боярах быти.

И я, сирота твой, от того его, Дыхнова, воровского уговора сбежал на двор к Даниле Авдусину. И как был я на его дворе и смотрю, к нему народ валит, а впереди идет Мишка Кислов да за ним девка Юлка. А у того Кислова брада черная и лепотою всякою украшена, ничем против Рабиновичевой московской бороды не хуже, токмо нравом тот Кислов зверообразен и с межевщиками на кургане насмерть ослопами бился да тех межевщиков побил. А девка Юлка во всем к его, Кислову и Авдусину, воровству пристала и меня, сироту твою, в святую пятницу мясом и сметаной кормила. А ел я ту сметану да мясо неволею, боясь от них смертного страха. А живет у Авдусина во дворе его подручный, зовут его Валькой Яниным, и тот Валька воровскую монету делает и другими воровскими промыслами промышляет, да на того богобойного мужа Маковского изветы пишет. И ныне живу я в смертном страхе и в Смоленск завтра убежать от них думаю, как мне милосердный Бог даст, а не чаю и живым быти.

А что скажут обо мне, будто я в Гнездове с ними мясо и сметану ел, и с Дыхной золото искал, и с Валькой деньги воровские делал, и я, сирота твой, в Гнездово не еживал, и с Дыхной золото не исквал, и с Валькой деньги не дельвал, и с Кисловым и Авдусиным не воровывал. А стоял за святые церкви и за град Смоленск, и за твое земское дело. А знают о том богобойный муж Данилко Маковский да и иные многие смоляне.

Гнездово, 8 сентября 1950 года".

VIII

"Распросные речи торгового человека Мишки Тихомирова о литовском воре, что зовется императором.

Был де он, Мишка, нынешнего 50-го года в месяце сентябре в Смоленске по своим торговым делам, а ездил в Гнездово за золотом, что то золото копают многие государевы люди. Да велено было ему, Мишке, разведывать про литовского вора, что зовется тот вор императором. И он де, Мишка, того вора видел и с ним говорил. А роста тот вор литовский среднего, лицо круглое, на голове проплешина, как у святого Николая Рубинштейнова, и усы что у кота торчком торчат. А телом тот литовский вор дороден, и от того дородства велели ему лекари зелье пити, а зовется зелье пургеном. А сказывал ему, Мишке, тот литовский вор, что родом де он, вор, из Черкас и звали его Алешкой Дыхном, а он де казачьему гетману в свойстве и есть де у него под Киевом поместейца. А жил де он под Киевом, и в те поры объявилось у него на плече царское клеймо, и он де, Алешка, о том царском клейме говорил тихим обычаем, кроясь от государевых воевод, да кроясь от них учал ходить с бандурою и на бандуре играл да пел. Да ходил он, литовский вор, по деревням, с бабами и мальми ребятками переговаривался да с охотничьими псами гулялся, да творился гуляром, а не императором, потому что боялся стрелецкого сотника Мишки Кислова, что тот Мишка его с палкою гонял, да с ним стрелецкий десятник Валька, а прозвище ему не упомнит.

И говорил де ему, Мишке Тихомирову, тот литовский вор:

– Сяду де царем на Москве, и я тебя боярином сделаю, а Кислова да Вальку на кол посажу.

И сентября в 10-ый день пришел де тот литовский вор Алешка на двор к Данилу Авдусину, а тот Данило стоит в Гнездове заставою, и велел ему подводы дати:

– Поеду де я со своею бандурою в Москву на царство садиться.

И Данилко Авдусин ему подводу не дал, а послал с ним двух паробков ту бандуру на ямской двор донести, потому что тот вор Алешка человек нежный.

И видя то их затаенное воровство и прямую измену, он де, Мишка, и сам в Москву побежал.

Гнездово, 9 сентября 1950 года".

* * *

Публикуемый далее "извет", адресованный М.Н. Кислову, сохранился в виде карандашного автографа в бумагах Кислова. Поводом для его написания послужило приглашение М.Н. Тихомирова А.В. Арциховским в Новгород в 1951 г. сразу после обнаружения первых берестяных грамот. М.Н. Кислов в своих неопубликованных воспоминаниях рассказывает:

"Арциховский телеграммами известил всех друзей-археологов о знаменательной находке. И специально пригласил М.Н. Тихомирова – авторитетного знатока палеографии... В комнате Никитского корпуса, где я жил, М.Н. и я сидели над грамотами. Под неусыпным надзором М.Н. я учился рисовать прориси.

С этого времени началось дружеское расположение ко мне М.Н. Тихомирова. М.Н. скрупулезно изучал каждую грамоту. При нем было найдено их еще несколько (кажется, до 7-ой). В моих прорисях он проверял каждую букву, направление и форму каждого штриха. Попутно рассказывал мне значение формы буквы, элементы палеографии. Сам долго – день, два, три – сидел и изучал каждую грамоту – пока даст ее текст и перевод на современный русский язык.

Артемию Владимировичу не терпелось узнать мнение Тихомирова. Он приходил через полчаса после того как принесут грамоту и спрашивал: "Ну, как вы ее прочли?" М.Н. возмущался: "Артемий Владимирович, я ведь не автомат!" "Извините, извините" – и А.В. уходил. А через полчаса приходил снова с тем же..."

«Другое время, другое место. Зимой 1951–52 гг. работаем с М.Н. Тихомировым над грамотами. Порядок моей работы с прорисями с тех пор установился такой. Летом делаю прориси в карандаше; М.Н. Тихомиров осенью еще осмысливает, изучает текст. Затем вместе сидим, скрупулезно выверяя каждую букву. Тогда уже делаю прорись тушью. В дальнейшем – уже с А.В. Арциховским – порядок работы был таким же. Только проверка менее тщательная – да и опыт у меня появился, конечно. Все-таки в прорисях 1952 года М.Н. нашел неточности изображения букв.

Итак, работаем над грамотами. Хранятся они в сейфе у Б.А. Колчина. В условленный час М.Н. и я приходим в лабораторию ИИМК в Черкасском переулке. Колчина нет. Ждем. Колчина нет.

– "Михаил Никанорыч, это вроде пустого урока получается: учитель заболел. Пошли бродить по Москве!"

И отправились по Кузнецкому мосту, по Петровке... Заходили в книжные магазины, в ювелирные, в художественный салон. Приятно, что вкусы у нас с М.Н. сходились. Побродим так час-другой и поехали по домам.

Уже в процессе работы над текстом публикации грамот М.Н. приглашал меня к себе – жил он тогда на Беговой улице – и читал мне свою рукопись, советовался по отдельным деталям. Помню смешной теперь спор о грамоте № 8:

– "Вы хотите обесмыслить все грамоты! – кричал М.Н., – не могли они так ошибиться!"

– "А как же, М.Н., сейчас? Вот у Вас командировочное удостоверение Академии наук. А посмотрите, что напечатано на нем: "Академия наук Союза СССР".

– "Это теперь могут ошибаться, а тогда не могли!" – прямо-таки вопил М.Н.

Иногда в горячке ругнется матом... А потом остынет и спрашивает: "М.Н., Вы не обиделись? Не обижайтесь, это ведь в работе, в горячке!"

Спор о буквах в грамоте № 8 кончился тем, что М.Н. сердито заявил: "А я вот так и напишу: М.Н. Кислов читает это место так". И написал".

"... А.В. Арциховский в первые годы часто советовался о чтении текста. Прежде всего при первом чтении, при находке. Чем дальше, тем разговоров о тексте стало меньше..."

В новгородском извете упоминаются:

Борис Александрович Колчин, бывший тогда заместителем А.В. Арциховского по руководству Новгородской археологической экспедицией;

Александр Николаевич Мальцев, приехавший вместе с М.Н. Тихомировым. Жалобы на недостаточное питание – прием "обратной перспективы"; кормили в Новгороде изобильно, и рефреном всех речей А.Н. Мальцева было: "Что я сюда жрать приехал?!";

Валентин Васильевич Седов, В.Л. Янин и Гайда Андреевна Авдусина – руководители раскопов.

Алексей Васильевич Кирыанов – реставратор; подвергся попытке какого-то пьяницы вломиться в полевую лабораторию и с тех пор тщательно запирался в ней;

Хаустов – студент Историко-архивного института, участник экспедиции.

IX

"Государю моему земскому старосте Михаилу Никаноровичу.

Жалоба мне, государь, на Артемия Арциховского да на его казначея Бориса Колчина.

Деялось, государь, в нынешнем 1951 году, прислал ко мне тот Артемий грамотку, а звал к себе в Новгород: мы де на Софейской стороне в земле грамоты откопали, а чается, что те грамотки подметные, и ты де приезжай, будет тебе от нас на пиво да на брагу. И я по той грамотке бросил свой дворишка и позаймовав у людей денег побрелся на ямских в Новгород. А увязался со мною Сашка Мальцев своим самовольством. И приходчи, государь, в Новгород, стали мы с Сашкой на гостином дворе, что на Торговой стороне, а рядом с Ортюшкой да Борькой, да и по все дни жили мы с Сашкой на том дворе. Да того же дни, как приехали, августа во 2 день, на память Ильи пророка, пошли к Борьке на постоялый двор обедать. И Борька мне с Сашкой давал щи да кашу да пологурца, да поили черничным взваром. А на другой день утром ничего не дали, да и во все дни, что мы с Сашкой в Новгороде жили, по утрам корма не давали: мы де и сами по утрам не едим, по завету святых старцев Перьинского скита, да и вы не ешьте. А велел мне тот Артемий да Борис грамотки досматривати; ты де и грамотками сыт будешь. И я те грамотки досматривал без утреннего корма и от того отоцал и охудал. А Сашка тоже по городу без утреннего корма бегал и от того отоцал, было в нем 5 пудов, а стало 5 пудов двадцать фунтов без гривенки. Да и иным многим людям те Борька и Ортюшка кормов не давали, и от того де их насильства стрелецкий десятник Валька Седов вконец отоцал и речи лишился, двух слов в день не скажет.

А как стал я с Сашкой проситься в Москву, и тот Борька велел мне за кормы платити великими деньги, по 22 алтына за день. И я учал ему выговаривать, что в день у тебя щи да каши и на 10 алтын не съем, а взвара я и отроду не пивал. И он, Борис, ставаясь с Артемием, посылали на нас лихих людей, да нас с Сашкой Бог спас, пришли те люди на аптекаря Алексея Кирьянова, да чуть его не убили, до сей поры ежедень сам себя на чепь под замок сажает.

И от того Ортемьева насильства многие господские люди бегут розно, а о том тебе на Москве стрелец Хаустов подлинно расскажет. Да и многие иные богобоязливые люди на того Артемия в Новгороде плакались, а от Борькина воровства вконец исхудали. А те Ортюшка и Борька на наших хлебах отъелись и брюхо себе вырастили, что твои бояре. По утрам не ядят, а за обедом и утренние кормы съедают. И ныне я, государь Михайло Никанорович, побежал из Новгорода с Сашкой, в чем есть гладно и хладно, наги и боси. И ты на нас не посетуй, что бежим на свейский рубеж к Орешку, потому что на Чудово от Артюшкиных людей прохода нет, стоит там боярский Ортюшкин человек Янин с удалой девкой Гайдой, да всех побивают.

Новгород-51, 5 августа".

* * *

Еще один шуточный текст, строго говоря, не имеет отношения к археологическим впечатлениям М.Н. Я воспроизвожу его здесь же из-за упоминания в нем ряда археологов. "Хождение за море Хвалымское" обнаружено также в бумагах М.Н. Кислова в виде машинописи, правленной М.Н. Тихомировым с указанием выносных букв и предназначенной, по-видимому, для изготовления имитации под XVII в.

Сочинен этот текст в связи с участием М.Н. Тихомирова, М.М. Дьяконова, минералога Николая Васильевича Белова и других лиц в Комиссии Президиума АН СССР по ознакомлению с работой

АН УзССР в 1951 г., возглавляемой академиком Григорием Самуиловичем Ландсбергом. В ходе поездки были обследованы научные учреждения Ташкента и Самарканда.

Упоминание А.А. Арциховского и Д.А. Авдусина вызвано тем, что они посетили Самарканд в 1949 г. и делились с М.Н. своими впечатлениями об этой поездке и советами.

Х

«Хождение за море Хвалимское.

Се аз грешный Михайло Москвитин написал хождение свое в град Ташкент за Хвалимьское море.

В лето 1951-е в месяце ноябре пришел ко мне подъячий Серафим Смирнов и стал сманивать меня ехать с ним в город Ташкент. А говорил мне тот Серафим Смирнов: "мочно де ехать в Ташкент в повозке или на ковре самолете, ино в повозке по степи долго добираться, а ты де лети на ковре – к вечеру полетишь, а утром в Ташкенте". И я, поверя Серафишкиным прелестным словам, на ковер польстился, да и полетел. И как сели мы на ковер самолет, и в тое пору арменин Кеворк свой намаз творил и тучи собирал. И от того его Кеворкову намазу тучи собрались да поднялась велия буря, ковер на землю опустился в городе Пензе. И тут мы 2 ночи на постоялом дворе сидели, в шахматы да в кости играли, забыв Божий страх и будущее мздовоздаяние. А Серафим Смирнов да рудознатный мастер Николай Белов да другой Николай, аптекарь, в богомерзкую картежную игру играли, табак курили и вино пили, да и меня, Михайлу, на то подбивали. И я, помня крестное целование, в том им отказал, да о грехах их плакал и два дня постился на хлебе и воде.

И по Божьему милосердию, не хотя нас до конца погубити, буря стихла, и на том самолете прилетели мы в град Ташкент на четвертый день к вечеру, а там нас уже иные наши люди ждут, да с ними толмач Михайло Дьяконов. И стояли мы в Ташкенте на басурманском постоялом дворе пятеро суток. И как были мы в Ташкенте, учал я говорити подъячему Серафиму, что велено мне да толмачу Мишке да Кеворку ехать в Самарканд. И тот Серафим нам воспротивился, что де нам ехать в Самарканд не к чему. А книжный справщик Кеворк учал меня подбивати на арбе ехать: "ночью де и выедем". И как я на утро арбу нанял, побежал тот Кеворк к Серафишке с изветными речами, риясь на меня, что я его, Кеворкова, волшебство и ведь обличил, а говорил Серафиму, что нам с Мишкой в Самарканде делати нечего, а поедет де он один Кеворк, потому что везет он с собой извет из Разбойного приказа, а в извете пишут, что в Самарканде многие люди от православной непорочной веры в басурманство отпали. И за меня с Михайлой вступился окольный Григорий Самойлыч да от Серафима отстоял, а велел ехать в Самарканд всем троим. И поехали мы втроем в Самарканд через горы непроходные с великим страхом, чая от того Кеворка всякой пакости, потому что повез тот Кеворк с собой колдовское письмо да наговорное зелье в мешке. А с нами ехал в проводниках от ташкентских эмиров, Набий беem зовут. И в Самарканд мы приехали дай Бог здорово и стали на дворе у Набиевой сестры. И тут нас всякими сладьми угощали, арбузами, дынями, и пловом кормили. И я грешный тот басурманский плов ел в постный день в пятницу, убоясь его, Кеворкова, страху, что меня самого для плова в котле сварят. И ходил с ними вместе на поклоненье по мизгитям и мазарам. А люди здесь все с бородою, токмо брады малопочтенны, против Рабиновичевой московской бороды многим меньше, да и рыжих мало. А в большой мизгите, по ихнему Бибаханум, место нам показывали, где русских людей, Арциховского с Авдусиным, обрезали. И на том месте положен камень, а на нем письма вырезаны, а назвали тех людей, Авдусина с Арциховским, Авдул-син да Арцибек. И я о тех погибших душах плакал, а слезы утирать не смел, боясь его, Кеворкова, наговора.

А на утро ходили мы в медресе, рекше училище. И тут Кеворк свои изветы читал, будто де в медресе в зернь играют, и корчму и б....ю¹ держат. А по сыску того не оказалось, а тот Кеворк изветы читал, чтобы купцов на базаре запугать, да и нам велел с ним идти на торг, груши и яблоки и урюк сушеный покупать. И купцы ему отказали и нас с базара сбили, а Кеворку ничего купить не дали, кроме двух хлебных лепешок. И как ночь пришла, поволоклись мы в Ташкент, а оттуда на арбе на Русь. Аллах акбар. Кеворкен сдоровар надоедар в путляр². Рады, что и домой целы приехали.

¹ В рукописи слово написано неясно.

² Так в рукописи. Понятны только два первых слова "аллах акбар", что значит "Бог велик". Далее следует фраза на непонятном языке. По объяснению Б.Н. Гракова, фраза обозначает скифское молитвенное обращение: "ахты дзукиндзын камарин скимужик" (см. также статью С.П. Толстова "Современные ОРС и скифский скимужик")».

**СОЧИНЕНИЯ М.Н. ТИХОМИРОВА И ЛИТЕРАТУРА
О ЕГО ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(1990–1994)¹**

В АЕ за 1990 год помещен подготовленный Л.И. Шохиным список литературы о М.Н. Тихомирове, вышедшей с 1984 по 1990 г., вместе с перечнем новых публикаций его трудов. Здесь же напечатаны материалы заседания АК, посвященного 25-летию со дня смерти М.Н. Тихомирова. Ежегодно хроника Тихомировских чтений помещалась в АЕ.

Бем О.Ю. М.Н. Тихомиров – основатель Археографической комиссии АН СССР // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 198–200.

Левшин Б.В. М.Н. Тихомиров и Архив Академии наук СССР // Там же. С. 191–198.

Морозов Б.Н. Хроника заседания. [Совместное заседание АК и ААН, посвященное 25-летию со дня смерти М.Н. Тихомирова.] // Там же. С. 214–215.

Чирков С.В. М.Н. Тихомиров и преподавание специальных исторических дисциплин // Там же. С. 206–209.

Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров и Восток // Там же. С. 201–206.

Шмидт С.О. К изучению литературно-художественного наследия М.Н. Тихомирова // Там же. С. 210–214.

Шохин Л.И. Литература 1984–1990 гг. о жизни и деятельности М.Н. Тихомирова // Там же. С. 216–217.

Артемов А.Р. Книжный фонд академика М.Н. Тихомирова в собрании научной библиотеки Дальневосточного государственного университета // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 141–144.

Буганов В.И. Е.В. Чистякова как источниковед и историограф // Там же. С. 187. [Об изучении Е.В. Чистяковой наследия М.Н. Тихомирова].

Торстенсен Ф.А. Хроника заседания. [Тихомировские чтения 1991 г.] // Там же. С. 189–190.

Гальченко М.Г. О древнейшей рукописи из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 79. [Об обнаружении этой рукописи М.Н. Тихомировым в старообрядческом Спасо-Преображенском монастыре (Саратов. обл.)]

Паскаль А.Д. Хроника заседания. [Тихомировские чтения 1992 г.] // Там же. С. 221–223.

Флоря Б.Н. Владимир Борисович Павлов-Сильванский (1929–1992) // Там же. С. 355. [О М.Н. Тихомирове – учителе В.Б. Павлова-Сильванского].

Буганов В.И. Михаил Николаевич Тихомиров (К 100-летию со дня рождения) // ОИ. 1993. № 3. С. 116–125.

Покровский Н.Н., Шмидт С.О. Неумимый труженик науки: К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова // ВРАН. 1993. № 8. С. 747–753.

Pokrovskii N.N. and Schmidt S.O. Tireless Tiller of Science: On the Occasion of the 100-Th Anniversary of the Birth of Academician M.N. Tikhomirov // Herald of Russian Academy of Science. 1993. august. P. 620.

Пронштейн А.П. Историография изучения летописей в трудах М.Н. Тихомирова: К 100-летию со дня рождения // Проблемы России: Тезисы. Ростов н/Д., 1993. С. 20–21.

Чистякова Е.В. М.Н. Тихомиров как историк древнерусской культуры // ВИ. 1993. № 11/12. С. 158–164.

Шмидт С.О. К столетию со дня рождения М.Н. Тихомирова // ОА. 1993. № 3. С. 35–37.

Шмидт С.О. Письма В.П. Адриановой-Перетц М.Н. Тихомирову // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 472–485.

Шмидт С.О. М.Н. Тихомиров и сфера источниковедения // Источниковедение XX столетия: Тезисы докладов научной конференции. М., 1993. С. 90–91.

Шмидт С.О. "Иждивением и неусыпными трудами Михайлы Тихомирова" // Вечерняя Москва. 1993. 4 июня. С. 3.

В Языково с надеждой: Отчет М.Н. Тихомирова Обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых, 1921 г. / Подг. к печати В.В. Крылов, предисл. С.О. Шмидта // ИА. 1994. № 4. С. 205–214.

Самарский рынок не забудешь: Из воспоминаний академика М.Н. Тихомирова // Самарские известия. 1994. 29 марта. С. 7. [Выпуск подготовил Вл. Князев.]

Лифшиц А. Тихомировские чтения 1994 г. // ОА. 1994. № 6. С. 113–114.

¹ © Сост. Г.А. Елисеев.

Чистякова Е.В. Академик М.Н. Тихомиров (1893–1965) и изучение всемирной истории: К 100-летию со дня рождения // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 203–217.

Тихомиров М.Н. Самара в моей жизни (1919–1923 гг.). Самара, 1994. 108 с.

В кн.: От составителя (С. 5); *Шмидт С.О.* Воспоминания академика М.Н. Тихомирова о Самаре 1919–1923 гг. (С. 6–14); *Тихомиров М.Н.* Самара в моей жизни. (С. 15–69); Отчет М.Н. Тихомирова обществу археологии, истории и этнографии при Самарском университете о вывозе архива Аксаковых. 5 августа 1921 г. (С. 70–83); *Тихомиров М.Н.* К истории колонизации Самарского края (С. 84–96); *Тихомиров М.Н.* Самара в первой половине XVII в. (С. 97–100); *Храмкова Е.Л.* М.Н. Тихомиров в Самаре 1919–1923 г. (С. 101–106).

І. СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Г.И. Королев

ИСТОКИ АРХЕОГРАФИИ

В истории археографии есть вещи, не вполне и даже вовсе не раскрытые. В частности, пристального внимания заслуживает процесс выделения археографии в специфическую область практических и научных трудов, связанных с проблемами публикации исторических источников¹.

Постановка вопроса о возникновении археографии предполагает не только установление момента, начиная с которого можно говорить о предмете изучения².

Задача состоит также в том, чтобы обнаружить изначальную универсальную логику и факторы, определявшие действия, применение приемов и выразившие отношение к предметам, которые со временем приняли археографический облик. Иными словами, речь идет об изучении предпосылок появления археографии³. Предпосылки, субстанция, из которой выделилась археография, составляют предметы рассмотрения в настоящей статье.

Отметим, что поиски истоков разных дисциплин уже ведутся. Изучаются некоторые стороны практической работы в сфере письменной культуры – способы оценки и разоблачения подделок документов, применявшиеся в учреждениях, приемы писания текстов и описания документов. Эти виды работ трактуются как то, что предшествует появлению научных дисциплин. Так, Л.В. Черепнин писал: "*Зародившись в прикладных нуждах, актовое источниковедение с течением времени превращалось в научную дисциплину*"⁴. Появились специальные названия для некоторых предшествий научных дисциплин: "практическая дипломатика" в кавычках (в цитированной статье Черепнина) или без кавычек⁵, "практическая палеография" (в кавычках)⁶. Употребляется и

© Г.И. Королев

¹ Слова об исторических источниках исключают из сферы археографии издания оперативных документов учреждений, сочинений при жизни их авторов и другие произведения текущей деятельности. Такое понимание археографии согласуется со смыслом первой части слова "археография", указывающей на древность или просто устарелость объектов издания, иными словами, на их выход за пределы текущей деятельности людей.

² Общую постановку вопроса об изучении возникновения преимущественно теории археографии см.: Добрушкин Е.М. История отечественной археографии: Современные проблемы и задачи изучения: Учеб. пособие. М., 1989.

³ Уместен вопрос о сравнении логики археографических действий и образа мыслей в археографии с подходами к источникам оперативной информации в наши дни.

⁴ Черепнин Л.В. У истоков архивоведения и актового источниковедения ("практической дипломатии") в России (вотчинные архивы и судебная экспертиза документов в XV – начале XVI в.) // Вопр. архивоведения. 1963. № 1. С. 62.

⁵ Каптанов С.М. Русская дипломатика. М., 1988.

⁶ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 30.

понятие "практическая археография"⁷. Соединение слов "практическая" и "дипломатика" ("археография" и т.д.) не очень удачно, так как название научной дисциплины оказывается связанным с временами, когда ее не было. Важны, однако, сами поиски истоков и обозначений их.

Имеются опыты изучения предпосылок для возникновения наук на древнейших стадиях развития культур⁸. Существует довольно значительная отечественная и иноземная литература об архивах древних государств, показывающая, в частности, предысторию архивоведения как научной дисциплины. Эта часть архивоведческой литературы подает пример исследования истоков всеобщего архивного дела. Настоящая статья преследует цель представить истоки всеобщей археографии на древнейшем материале. Имеются в виду периоды до возникновения археографии и текстологии в рамках александрийской филологии. Подразумеваемые периоды есть предыстория археографии.

Предшествующие специфическим археографическим действиям и взглядам отношения и приемы в обращении с письменными произведениями я называю прообразами элементов, составляющих археографию. Уместно говорить и о прообразе археографии в целом.

Источники по теме разделяются на две большие группы – деловую документацию (законы, договорно-сделочные документы и т.п.), содержание которых синхронно соответствующим юридическим и делопроизводственным действиям, и литературные тексты. Часть деловых документов, сохранившихся в копиях, относится ко времени, предшествующему периоду создания списка. Литературные тексты дошли до нашего времени в записях периода жизни их авторов или в поздних списках.

Многие документы доводились до всеобщего сведения посредством надписей на стелах, на стенах сооружений и на других поверхностях. Греческие документы иногда давали предписания об изготовлении стел с текстом акта. Например, в афинском законе 336 г.⁹ сказано: "Этот закон пусть запишет секретарь Совета на двух каменных стелах" – и указано, где эти камни надлежит поставить, на так называемом Розеттском камне 196 г.: "Данный декрет записать на стеле из твердого камня священными письменами на туземном и на эллинском языках и выставить в каждом храме первого, второго и третьего разряда перед изображением живого царя"¹⁰.

Обнародование документов текущей деятельности и сообщений о деяниях царей в виде надписей, в частности, в нескольких одновременных экземплярах, т.е. своего рода тиражом, есть прообраз публикаторской работы. Древние обнародования и современные издания источников объединяет то, что они стремятся обеспечить общедоступность текстов. По мысли авторов царских надписей тексты должны были служить долго, даже вечно, давая не только современникам, но и потомкам нормы права или сообщая о славных деяниях правителей. В поучении фараона Ахтоя III (последняя четверть XXII – первая треть XXI вв. до н.э.) говорится: "Надписи на камне сохраняют твоё имя, бог знает того, кто творит для него"¹¹. Подобного рода наставления вкупе с

⁷ Амосов А.А. К методике исследования описей монастырских архивов: (На примере анализа описей архива Антониева-Сийского монастыря XVII–XVIII вв.) // Социально-политическая история СССР: Сб. ст. аспирантов и соискателей. М.: Л., 1974; Морозов В.В. Практическая археография книжника средневековья: (Из опыта изучения Лицевого свода XVI в.) // АЕ за 1986 год. М., 1987.

⁸ Например, см.: Дьяконов И.М. Вавилонская филология (III–I тыс. до н.э.) // История лингвистических учений: Древний мир. Л., 1980; Петровский Н.С. Представления древних египтян о языковых явлениях // Там же.

⁹ Здесь и далее формула "до н.э." опущена.

¹⁰ Хрестоматия по истории Древней Греции / Под ред. Д.П. Каллистова. М., 1964. С. 429, 583.

¹¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. М.А. Коростовцева, И.Г. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М., 1980. Ч. 1. С. 35.

угрозами тем, кто повредит надписи, носили практический характер. Эти высказывания отражают общий интерес к сохранению знания о совершившемся, т.е. выполняют функцию, сходную с идеей публикации исторических источников – участвовать в сохранении памяти о прошлых делах.

В отличие от документов литературные тексты сохранились в записях, часто отстоящих от времени создания произведений на многие века. Эпос о Гильгамеше известен в списках XVIII–VI вв.¹², "Рассказ Синухета" в списках XIX–IX вв.¹³ Литературные произведения нередко тиражировались. Так, египетская Книга мертвых по практическим причинам многократно копировалась в одно и то же время. Книги для библиотек тоже могли быть изготовлены в нескольких экземплярах. Например, В.К. Шилейко, издавая вавилонскую поэму "Сошествие Иштар", пользовался тремя списками одного времени из библиотеки Ашшурбанипала (VII в.)¹⁴.

Случаи, когда переписчик и издатель имел дело с текстом в старой, даже древней, записи устаревшим для времени воспроизведения языком и отличающейся орфографией, не всегда хорошо сохранившимся, подобны ситуациям, в которых оказываются и нынешние публикаторы исторических памятников. Сообразно обстоятельствам требовалось и требуется определенное решение, в котором можно найти проявление индивидуальных и неких общих представлений о действиях.

Указание свидетелей и приложение печатей к документам, упоминание писца, а иногда и диктовальщика были способами подтверждения реальности сделки и вытекающих из нее отношений, прав и обязанностей. Поскольку факт сделки и его предполагаемые последствия зафиксированы письменно, то атрибуты удостоверения относятся и к тексту, подтверждают его точность. Другим средством охраны зафиксированной текстом воли тех, от кого документ исходил, была угроза нарушителям воли дарителя, которую мы находим в некоторых египетских дарственных¹⁵. В том же смысле можно понимать угрозу разрушителям надписи, как например, в тексте аккадского царя XXIV в.¹⁶ В законах Липит-Иштара (XX в.) и Хаммурапи (XVIII в.) содержатся похвалы тем, кто сохранит стелу и не уничтожит на ней написанного, и одновременные обещания божьей кары поступающим иначе¹⁷.

Иногда авторы ограничиваются упоминаниями о карах богов, как, например, в надписях Салманасара I и Тукульти-Нинурты I (XIII в.)¹⁸, даннунитского царя Азитавадды (конец IX в.)¹⁹ или самальского царя Киламувы (вторая половина IX в.)²⁰. Греческий договорный документ VI в. угрожает "священным штрафом", надо полагать, от людей²¹.

Итак, отрицательное отношение к изменению текста в документах практического назначения свидетельствует о желании древних иметь в своем распоряжении точный текст.

¹² См.: Эпос о Гильгамеше "О все видавшем" / Пер. с аккадского И.М. Дьяконова. М.; Л., 1961.

¹³ См.: Сказки и повести Древнего Египта / Пер. И.Г. Лившица. Л., 1979.

¹⁴ Восток. 1922. Кн. 1. С. 8.

¹⁵ См. документальное приложение: *Лурье И.М.* Очерки древнеегипетского права XVI–X веков до н.э.: Памятники и исследования. Л., 1960.

¹⁶ Хрестоматия по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 184.

¹⁷ *Дьяконов И.М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства // ВДИ. 1952. № 3. С. 224–225, 260. Законы Хаммурапи см.: Хрестоматия... 1980. Ч. I. С. 175; и др.

¹⁸ *Assyrian royal inscriptions.* Wiesbaden, 1972. Vol. 1: From the beginning to Ashur-resha-ishi I / By A.K. Grayson. P. 96, 105 etc.

¹⁹ Луна, упавшая с неба: Древняя литература Малой Азии. М., 1977. С. 247; Хрестоматия... 1963. С. 289.

²⁰ Хрестоматия... 1963. С. 288.

²¹ Хрестоматия... 1964.

Литературные памятники, дошедшие в списках, расширяют круг свидетельств об отношении к тексту в древности. В египетских колофонах мы находим формулы типа: "Пришло к благополучному концу, как найдено в писаниях" (поучение Ахтоя III) или "доведено от начала до конца в соответствии с тем, что было найдено в книге" ("Рассказ Синухета"). Слова о соответствии списка оригиналу наводят на мысль о стремлении переписчиков к точному воспроизведению текста хотя бы в основном. Для памятников из Двуречья характерна формула колофонов – "Согласно древнему подлиннику списано и сверено"²². Упоминание о сверке фиксирует стремление устранить ошибки, возникавшие при переписывании текстов. В публикациях древних памятников нетрудно найти указания на оставшиеся в текстах ошибки письма, как-то: неверно поставленный знак, пропуск или повтор знака или слова и т.п. В публикациях имеются и указания на исправление самими писцами сделанных ими ошибок. Публикаторы, например, отмечают следы стертой части слова и новую запись на их месте по еще сырой глине²³. О работе над текстом, в том числе, надо полагать, и путем исправления ошибок свидетельствуют найденные археологами инструменты для стирания записей²⁴.

Исправление ошибок говорит о том же желании иметь неискаженный текст, что и в требованиях не разрушать и не изменять надписи. Текст с ошибками признавался недостаточным по качеству. В одном из указов царя Ашоки (III в.) есть такие интересные слова: "Порой (указ может быть) начертан несовершенно – либо из-за пропуска части его, либо из-за неодобрения (кем-либо) положения, либо из-за ошибки писца"²⁵. В этих словах содержится не только оценка качества переписывания, как следует из содержания, некоего оригинала, но и классификация причин искажения текста. Данная классификация есть одна из тех крупиц, из которых складывалось научное отношение к текстам.

Встречая неразборчивое или поврежденное место, переписчик должен был поступить тем или иным образом. Египетский писец в таком случае мог сделать пробел и тем самым зафиксировать соответствующее качество текста²⁶. Кроме того, он мог приписать пояснение относительно названного качества, но о всякого рода объяснениях речь пойдет далее.

В практике писания текстов вырабатывалось то, что можно назвать прообразами текстологических знаков. В литературных текстах не такая уж редкость словесное указание начала и конца их, вроде "Начало книги восхвалений Ра в преисподней"²⁷, "завершено благополучно" и т.п.²⁸ Подобные указания в конце частей текста имели иногда в значении кустодов средневековых книг: "Первая таблица рассказа об Аппу: Это еще не конец."²⁹. В разных письменностях существовали и специальные знаки вроде словоразделителей в урартских³⁰ или в

²² См. колофоны к таблицам эпоса о Гильгамеше. Колофон к целому сочинению "Ниппурский бедняк" см.: Хрестоматия... 1980. Ч. I. С. 194.

²³ См.: Клиннописные тексты из Кюль-Теле в собраниях СССР (письма и документы торгового объединения в Малой Азии XIX в. до н.э.): Автогр. копии, транскрипция, пер., ввод. ст., коммент. и глоссарий Н.Б. Янковской. М., 1961. С. 203.

²⁴ Сообщение о таком инструменте III тыс. см.: *Matthias P.* Царский дворец G в Эбле и протосирийские архитектурные традиции // Древняя Эбла (раскопки в Сирии) / Сост. и введ. П. Маттиэ; Общ. ред. и вступ. ст. И.М. Дьяконова. М., 1985. С. 40.

²⁵ Хрестоматия... 1980. Ч. 2. С. 116.

²⁶ Пример относительно одного из папирусов с "Рассказом Синухета" см.: Сказки и повести... С. 184. Примеч. 48.

²⁷ Тураев Б.А. Египетская литература. М., 1920. Т. I. Исторический очерк древнеегипетской литературы. С. 148.

²⁸ Примеры см.: Сказки и повести...

²⁹ Луна... С. 163.

³⁰ Дьяконов И.М. Урартские письма и документы / Вступ. ст. Б.Б. Пиотровского. М.; Л., 1963. С. 20–21. Здесь же упоминается о вариантах знаков в практике ассирийских и вавилонских писцов.

не столь древних латинских текстах. Знаковое значение имело употребление красных чернил для разного рода выделений в тексте на папирусе и исправления ошибок в нем³¹, помещение имени и титула фараона в картуш. Свойствами знака обладает обозначение частей текста. Специалистами отмечено несколько способов обозначения абзацев в еламских текстах XXIII в.³² Отмечено и то, что первоначально текст эпоса о Гильгамеше делился на части ("таблицы") механически, а потом его стали разделять на законченные в смысловом отношении части с обозначением их концов по типу "Таблица I", что с помощью пробелов обозначались цезуры между полустишиями³³.

Выше было отмечено стремление к точному воспроизведению оригиналов. К сказанному следует добавить напоминание о пиетете древних к традиции и о весьма заметной склонности их к стереотипам выражения мысли и оформления документов. Возникает вопрос, насколько названные факторы и условия сказывались на воспроизведении текстов, отделенных временем от момента их создания, насколько буквально тексты копировались.

В исследованиях о древних памятниках, в частности при датировке их, нередки замечания, касающиеся языка и орфографии тоже, поздние списки повторяют оригиналы. Констатация того, что непонятные и малопонятные места текстов воспроизведены в точной орфографии оригинала³⁴, как бы оттеняют факт поновления правописания других мест и обращают наше внимание на то, что древность знает разные подходы к воспроизведению текста, выступающие прообразами критической и дипломатической передачи его. Даже малое обновление орфографии означает, что переписчик не вполне следует за оригиналом. Неполное следование оригиналу заметнее там, где обнаруживаются варианты, как например, в довольно многих случаях с Текстами саркофагов³⁵. Правда, часть изменений в текстах возникала независимо от воли переписчика – из-за неверных прочтений, описок и т.п. и не служит показателем отношения к тексту.

В других случаях произведения в той или иной мере перерабатывались. В казенных документах это делалось по практическим соображениям, как было, например, с текстами, из которых со временем было удалено имя царицы Хатшепсут. Упомянувшиеся выше угрозы покусителям на царские надписи свидетельствуют о реальности изменения текста. Показательнее развитие текстов литературных произведений. Эпос о Гильгамеше, на протяжении многих веков находившийся в культурном обороте, имеет несколько редакций. Одно из различий между редакциями создано прибавлением нового начала, приведшего к изменению самого названия произведения. Редакции существовали на протяжении долгих периодов. Так, третья редакция Гильгамеша зафиксирована материалом XIII–VI вв. Редактирование текста было направлено на то, чтобы приблизить его к читателю, сделать его интереснее. В этом смысле редактирование текста в древности оказывается прообразом действий позднейших публикаторов по подаче текстов в возможно более доступной для восприятия форме, хотя и не с помощью редактирования.

В стабильности текста, воспроизводившегося древними переписчиками, хотя бы и относительной, видится предшествование характерной для литературовед-

³¹ См.: *Петровский Н.С.* Египетский язык: Введение в иероглифику, лексику и очерк грамматики среднеегипетского языка / Под ред. В.В. Струве. Л., 1958. С. 61; *Коростовцев М.А.* Египетский иератический папирус № 167 Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина // *Древний Египет*: Сб. ст. М., 1960. С. 123.

³² *Хинц В.* Государство Элам. М., 1977. С. 30.

³³ Эпос о Гильгамеше... С. 137, 134.

³⁴ *Тураев Б.А.* Указ. соч. С. 133.

³⁵ См.: *Les textes des sarcophages égyptiens du Moyen Empire / Introd. et trad. de P. Barguet. P., 1986; Faulkner R.O.* The ancient Egyptian coffin texts. Warmister, [1973–1978]. Vol. 1–3.

ческой текстологии и археографии канонизации текста. К прообразам канонизации можно отнести запись поэм Гомера в VI в.³⁶

Далее будут рассмотрены прообразы информационных средств, сопровождающих публикуемые памятники.

Формуляр документов показывает обычай сообщать имена дателя и получателя документа, как в сопровождении конкретизирующих данных, т.е. титула, имени отца и т.п. ("Гор-Усерхау. Царский указ начальнику жрецов Хемуру"³⁷), так и без них ("Аполлоний приветствует Зенона"³⁸). Надписи о подвигах царей, посвященные надписи непременно называют того, от кого они исходят. Документы называли участников судебного процесса, договора, любой сделки, приемщика материальных средств и др. Литературные тексты не всегда называли авторов, хотя и не всегда анонимны, а соответственно жанру они могли содержать и имена адресатов, как в сочинении "Начало поучения, которое сделал человек из Чарет по имени Ахтой, сын Дуауф, для сына своего по имени Пепи"³⁹.

В глубокой древности было принято фиксировать время и место события. Например, в "Путешествии Унуамона" сказано: "Я спустился к великому Сирийскому морю в первый месяц летнего периода в первый день"⁴⁰. В долговых документах указывали сроки выполнения обязательств. Но с точки зрения поисков прообразов археографических элементов особенно существенно обозначение дат и мест составления документов в виде указания времени и места юридического действия, например, даты закона. В древних документах и литературных текстах не всегда, но довольно часто указывали их разновидности: "приказ", "закон", "письмо", "судебное решение", "поучение" и др.

Разновидность, автор, адресат, место и дата составления документа являются элементами заголовка в современной публикации. Эти ориентирующие относительно произведения сведения могли быть дополнены обозначением содержания документа, как например, в греческом документе последней четверти VI в. в формуле "Следующий закон о земле пусть имеет силу"⁴¹. Перечисленные прообразы элементов археографического заголовка могли находиться в тексте, но могли группироваться в заглавия и заголовки, как в литературных памятниках ("Так кончается таблица о мужественных деяниях Хаттусилиса"⁴²), так и в документах ("Предписание о том, как должен будет заседать градоначальник и верховный сановник Фив в резиденции, в палате верховного сановника")⁴³.

Частью традиции озаглавливания памятников является соответствующее обозначение отдельно от текста в учетных и справочных материалах. Например, к документу частного архива имеется запись: "Документ относительно земли, которая находится в распоряжении Сакуху, сына Хирану"⁴⁴. В данном случае речь идет о помете пр-арамейски к тексту на аккадском языке. Это дает возможность провести линию традиции от древних приемов не только к заголовку в современной публикации исторических источников, но и к регесту, заменяюще-

³⁶ См.: например: История греческой литературы. М.; Л., 1946. Т. 1: Эпос, лирика, драма классического периода / Под ред. С.И. Соболевского. С. 110.

³⁷ Хрестоматия... 1980. Ч. I. С. 19.

³⁸ Хрестоматия... 1964. С. 556.

³⁹ См.: Коростовцев М.А. Писцы Древнего Египта. М., 1962.

⁴⁰ Сказки и повести... С. 129.

⁴¹ Яйленко В.П. Греческая колонизация VII—III вв. до н.э.: По данным эпиграфических источников. М., 1982. С. 92.

⁴² Луна... С. 70.

⁴³ Хрестоматия... 1980. Ч. I. С. 74.

⁴⁴ Дандамаев М.А. Вавилонские писцы. М., 1983. С. 39.

му перевод иноязычного текста⁴⁵. Другой случай представляет запись наподобие упомянутой (сделанная на обороте папируса)⁴⁶.

Произведение озаглавливал автор или писец. Составителем заглавия мог быть и редактор, вступивший в действие на каком-то этапе истории произведения. Эпос о Гильгамеше первоначально назывался по первым словам "Велик он более всех человеков", а с прибавлением пролога он приобрел заглавие по новым начальным словам "О все выдавшем" с продолжающими заглавие словами "История Гильгамеша", указываемом в колофонах ко всем "таблицам"⁴⁷. В других произведениях заглавие не воспроизводило слов из текста, но передавало в общем виде смысл сочинения, возможно, и по началу его, как это легко заметить, например, сравнив начало "Завещания Хаттусилиса I" (XVII в.) с заглавием в колофоне⁴⁸. В ряде случаев, видимо, уместнее говорить не о действиях конкретных редакторов, а о традиционном формировании заглавий, особенно к сборникам ("Библия", "Ригведа" и т.п.).

Тексты, заголовки и колофоны несут разнообразную информацию о произведении и его экземпляре. Колофон, традиция которого в весьма различающихся культурных средах просуществовала до появления книгопечатания в Европе и даже далее, является наиболее выделенным и разнообразным по содержанию элементом древней книги⁴⁹. В колофонах в разных сочетаниях содержится информация, составляющая прообразы элементов нынешних предисловий и легенд. В странах Передней Азии в колофоне было вполне обычным помещать заглавие произведения.

Независимо от местоположения информации описание оригинала можно систематизировать по нескольким основаниям.

Речь могла идти о копии как в египетском документе с текстом мирного договора между царями Египта и хеттов около 1280 г. ("копия дощечки из серебра")⁵⁰. В записях о том, что копируемый оригинал "был проеден червями, и его не понимали от начала до конца", как в Мемфисском богословском сочинении, по Тураеву, середины III тыс. в копии около 720 г.⁵¹, или что "написано и сверено в соответствии с оригиналом – красной обожженной табличкой длинного формата, принадлежащей Эзиде"⁵², характеризуется внешность, в том числе, сохранность носителя. Другие записи сообщают некоторые сведения о бытовании оригинала. Например: "(Эта табличка скопирована) с табличек, которые увез из Урука в качестве добычи Набопаласар, царь Приморья. Теперь урукит Кидинну, жрец... потомок Экур-закира... прочел эти таблички в Эламе, скопировал их во время правления царя Селевка и Антиоха и привез (эти копии) в Урук"⁵³.

Очевидно древним было интересно сообщить и узнать об обстоятельствах обнаружения оригинала. Во всяком случае, кроме только-что процитированного, об этом свидетельствуют и другие приписки, вроде "книга найдена на

⁴⁵ Об этой функции регеста см.: *Королев Г.И.* О сущности и функциях регестов: (На зарубежном материале) // АЕ за 1991 год. М., 1992.

⁴⁶ *Лурье И.М.* Указ. соч. С. 215.

⁴⁷ Эпос о Гильгамеше... С. 147.

⁴⁸ Луна... С. 71, 77.

⁴⁹ Автору настоящей статьи недоступна специальная работа о колофонах: *Hunger H.* Babylonische und assyrische Kolophone. Neukirchen, 1968. Кратко, в частности, с характеристикой тематики, о колофонах говорится в двух небольших статьях в: *Reallexikon der Assyriologie und vorderasiatischen Archäologie.* В.; N.Y., 1981. Bd. 6. S. 186–188.

⁵⁰ Хрестоматия... 1980. Ч. I. С. 80.

⁵¹ *Тураев Б.А.* Указ. соч. С. 39. Полный перевод см.: *Ancient Near Eastern texts relating to the Old Testament / Ed. by J.B. Pritchard.* 2 ed. corr., enl. Princeton, 1955. P. 4.

⁵² *Дандамаев М.А.* Указ. соч. С. 47.

⁵³ Там же. С. 46–47.

кожаном свитке в библиотеке храма Осириса во время царя Аменхотепа III⁵⁴, не исключая и фантастической формы высказывания, как в словах "это заклинание, упавшее во двор храма в (Коптосе) как тайное учение богини, было найдено невредимым ночью руками жреца-чтеца этого храма. Вся страна была погружена во мрак, но луна освещала заклинание со всех сторон. Оно было доставлено его величеству царю Хуфу как чудо"⁵⁵. Могли быть указаны также место и цель копирования: "Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной" и "как дар (для) моего чтения"⁵⁶. Упоминания и тем более описания печатей тоже являются отнюдь не новейшей частью сведений об оригинале: подробное описание печати хеттского царя имеется в конце документа с текстом хеттско-египетского мирного договора (см. примеч. 50).

Сведения о писцах в известной мере сближают деловые документы и литературные произведения. Некоторые египетские колофоны отличаются многословными самовосхвалениями писцов вполне в духе восхваления профессии писца в ряде поучений⁵⁷.

Библиотечные этикетки и владельческие пометы на книгах, указывающие места хранения книг, являются предшественниками поисковых данных, обязательных в современных изданиях. В том же смысле можно толковать ссылки на другие произведения ("Прочти в конце книги *Kmtj*, найдешь ты эти слова там, гласящие" и далее цитата⁵⁸). Довольно обычны ссылки на различных авторов, с цитатами или с пересказами, например, в письмах Цицерона и в научных трактатах греческих и римских авторов.

Некоторые виды древних документов начинаются с преамбулы, а литературные произведения – с вступления, пролога. Начальные части обоих родов памятников имеют ту же основную цель, что и предисловие к современной публикации исторических источников – подвести читателя к восприятию последующих, основных частей. Вступительные части в некоторых случаях можно толковать и как заглавия, иногда они состоят лишь в перечислении титулов того, от кого документ исходит. В других случаях вводные части разнообразны по содержанию. В них могло быть дано обоснование надобности документа, его значения, как например, во вступлениях к законам Хаммурапи или к указу фараона Харемхеба из середины XIV в.⁵⁹ Восхваление царя во вступлении выполняло важную задачу политико-идеологического характера, являясь средством возвышения и укрепления власти. Иногда темы вступления продолжались в заключении, как в законах Хаммурапи. Между вступлением и заключением могло быть и более резкое разграничение содержаний. Так, в надписи вельможи Уны времен VI династии вступление служит для указания данного лица, а заключение – для его восхваления⁶⁰.

Источники свидетельствуют о разнообразных способах что-либо объяснять. Надписи на статуях и других предметах объясняют их значение и назначение, подписи к изображениям объясняют смысл. М.Э. Матье описывает один памятник эпохи Птолемеев, представляющий собой настенные рельеф и текст⁶¹. В частности, отмечена своего рода ремарка относительно размещения действующих лиц в религиозной драме: "Царь Верхнего и Нижнего Египта находится на своем месте, поднимая небо, поддерживая бога Бехдетского" и т.п.

⁵⁴ Тураев Б.А. Указ. соч. С. 223.

⁵⁵ Коростовцев М.А. Писцы... С. 96.

⁵⁶ Дьяконов И. Вавилонское политическое сочинение VIII–VII вв. // ВДИ. 1946. № 4. С. 46.

⁵⁷ Коллекцию образцов похвалы профессии писцов см.: Коростовцев М.А. Писцы...

⁵⁸ Там же. С. 143.

⁵⁹ Хрестоматия... 1963.

⁶⁰ Там же. С. 33, 37.

⁶¹ Матье М.Э. Древнеегипетские мифы. М.; Л., 1956. С. 120.

В данном случае мы имеем дело с пояснением последовательности действия, подобно тому, как в других случаях объясняется процедура магических действий, например, "говорить это изречение над ячменным хлебом с солью"⁶². Для объяснения вещей служили словари, пособия по терминам и орфографии.

Сохранилось достаточно источников для того, чтобы понять, как поступали в древности, когда переписывали поврежденные экземпляры. В словах колофона "переписал с испорченной таблички писец Асхапала"⁶³ сохранность экземпляра определена в целом. В других случаях объяснения относились к отдельным местам оригиналов: "найдено нехватящим", "пустое от того, что принадлежит ему", "отломано" и т.п.⁶⁴ М.А. Дандамаев приводит интересный факт: писец обозначил словом "отломано" знак, хотя и поврежденный, но читаемый⁶⁵. В таком поступке писца проявляется не только небрежность в прочтении текста, но и формальный подход к обозначению качеств экземпляра, свидетельствующий о значении, которое придавалось характеристике копируемого оригинала.

Вполне очевидно, что между пояснениями о сохранности всего экземпляра и пояснениями о сохранности отдельных мест есть общее, но есть и различие и поэтому можно говорить о разграничении функций в пределах прообраза комментаторского аппарата уже в древности. Общность и разграничение функций между видами пояснений находятся в рамках понимания работы писца, "проливающего свет на темные места летописей подобно тому, кто их написал"⁶⁶. Такие слова, вероятно, могут быть отнесены и к объяснениям содержательного характера. Пояснения в виде ответов на вопрос "Что это?" имеются, например, на страницах книг таких древних памятников, как Тексты саркофагов (сноска 35). Потребность в объяснении текстов в интересах их практического использования вызвала к жизни литературный жанр комментирования, связанного с текстами, но выраженного в отдельных произведениях. Так, в Индии результатом комментирования Ригведы и других из так называемой самхит ведической литературы было возникновение серии истолковательных произведений – брахманов.

В перечнях имуществ, в списках рабов и царей, в библиотечных каталогах и во всякого рода перечислениях вообще усматриваются прообразы указателей к публикациям памятников.

Древняя практика знает разные способы подачи текстов пользователю. Текст мог быть включен в новый текст, одновременный или более поздний. Вспомним, например, о сочинениях Геродота и Сыма Цяня, в которых воспроизведены некоторые надписи. Произведение могло быть подано как отдельный текст, полностью или частично. Примером частичного воспроизведения – прообраза публикации источника в извлечении – являются анналы Тутмоса III, сохранившиеся на стенах Карнакского храма, представляющие собой часть текста, написанного на коже.

Распространенной формой был сборник текстов. Составление сборников имело ту же причину, что и создание архивов и библиотек: потребность и желание иметь в одном месте, под рукой все, что нужно для чтения. Некоторые сборники формировались в течение долгого времени. Далеко не сразу их состав мог принять постоянный облик. Египетская Книга мертвых, являющаяся сборником одновременно возникших текстов разных жанров, была создана в XVI в. и только примерно в V в. установился ее состав, прежде всего в смысле последовательности так называемых глав. Длительную эволюцию прошел

⁶² Там же. С. 99.

⁶³ Луна... С. 124.

⁶⁴ Коростовцев М.А. Введение... С. 75–76; Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 47.

⁶⁵ Дандамаев М.А. Указ. соч. С. 47.

⁶⁶ Коростовцев М.А. Писцы... С. 162.

корпус текстов, именуемый Ветхим заветом, который складывался как объединение нескольких циклов, имевших собственную историю.

Древнее делопроизводство, практика литературной работы и некоторые другие виды занятий с книгой и документом дают значительный комплекс прообразов действий и отношений к текстам как объектам описания и публикации. В разных культурных средах наблюдаются сходные отношения и, следовательно, сходные прообразы.

Подобно тому, как история археографии является историей части культуры, так и предыстория археографии есть аспект культуры, нуждающийся в углубленном изучении (по периодам, по странам, по культурным средам и т.п.).

В.А. Коляда

ГРАММОФОННЫЕ ПЛАСТИНКИ – РАЗНОВИДНОСТЬ ФОНОДОКУМЕНТОВ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Около ста лет назад в нашей стране появились первые грампластинки, ввезенные из-за рубежа, а с 1902 г. началось их собственное производство, вскоре развернувшееся в широких масштабах. За прошедшие годы в архивах, фонотеках и коллекциях сконцентрировались значительные собрания грампластинок, запечатлевших обширный спектр культурных и общественно-политических явлений отечественной истории. Их научный и информационный потенциал во многом еще остается нераскрытым из-за слабой разработанности проблем источниковедения фонодокументов¹.

Грампластинка – весьма сложное явление – продукт технического процесса, исторического источника и социального явления. Эти качества тесно переплетаются между собой, существуют, проявляются и развиваются в неразрывной взаимосвязи, являя как бы триединую сущность природы фонодокумента. Технические разработки являются базой развития систем и средств звукозаписи, создавая возможности для увеличения сферы ее применения, что, в свою очередь, расширяет диапазон фиксируемых фонодокументами явлений, повышает их информационный потенциал и обуславливает распространение во всех новых сферах общественного бытия. В то же время потребности общества в звуковой информации стимулируют совершенствование технической базы и расширение круга фиксируемых объектов. Собственно выпуск грампластинок находится на стыке промышленного производства, издательской работы, культурно-просветительской и идеологической деятельности, связывая все эти столь разные направления в единый узел.

Рассматривая грампластинку как исторический источник, необходимо иметь в виду, что она представляет собой, так сказать, уходящую разновидность фонодокумента. Интенсивное распространение вытесняющих ее лазерных компакт-дисков, обладающих несравнимо более высокими техническими и потребительскими качествами, в сочетании со все возрастающей популярностью миниатюрной магнитофонной техники, не оставляет грампластинке реальных перспектив.

В истории отечественной грамзаписи выделяются два крупных этапа, связанных с двумя определенными разновидностями фонодокументов. *Первый* – с 1902 г. до начала 50-х годов и целиком принадлежит так называемым обычным грампластинкам. Для них характерно небольшое время звучания, высокая скорость – 78 об/мин, хрупкая бьющаяся основа. Это накладывает отпечаток и на содержание документов, и на качество звукопередачи, и на сохранность их. *Второй* этап начался с 50-х годов и продолжается до наших дней. Это этап долгоиграющих грампластинок, отличающихся большим временем звучания,

© В.А. Коляда

¹ Магидов В.М. Кинофотофонодокументы как объект источниковедения: (Историография вопроса) // СА. 1991. № 4. С. 27.

высокими акустическими качествами, стойкостью основы к физическому воздействию. Естественно, на протяжении каждого из обозначенных этапов шло постоянное совершенствование систем записи звука и технологии изготовления диска, но это было внутреннее развитие упомянутых разновидностей фонодокументов. Смена же обычной грампластинки долгоиграющей означала качественный скачок в развитии всего вида данной документации.

Внутри каждого из названных этапов можно определить по два периода, фонодокументы которых коренным образом отличаются своим происхождением и несут в себе конкретные черты экономической и политической обстановки.

Первый период – до 1918 г. – отечественная промышленность грамзаписи существовала на основе частной инициативы и частного капитала. Государство ограничивалось регистрацией этих фирм и компаний и разрешением их деятельности как издательских организаций². Все же производственные, финансовые, репертуарные и другие вопросы были частным делом каждой фирмы, которых в общей сложности в этот период существовало более двух десятков. В условиях постоянной и жесткой конкуренции большинство этих фирм действовало от одного года до трех лет. Лишь немногие из них, такие как "Граммофон", "Стелла-рекорд", "Русское акционерное общество граммофонов" (РАОГ), "Метрополь-рекорд" имели прочные позиции, пользовались солидной репутацией, успешно вели дело и выпускали высококачественную продукцию, с которой выходили и на международную арену. В те годы не практиковалось государственных заказов на выпуск грампластинок, а весь интерес к продукции фирм грамзаписи ограничивался только цензурными моментами.

Второй период данного этапа начался после национализации промышленности в первые годы Советской власти, когда ситуация изменилась коренным образом. И производственные, и тем более, репертуарные вопросы были поставлены под жесткий государственный и идеологический контроль. Управление отраслью строилось централизованно, через государственные органы.

Высшим проявлением подобной системы явилось создание в 1964 г. Всесоюзной фирмы грампластинок "Мелодия", где было сосредоточено руководство всеми аспектами производства данных документов³. Таким образом, начальный период второго этапа истории отечественной грампластинки продолжил тенденции предшествующего в еще более концентрированной форме.

Экономические и социально-политические реформы второй половины 80-х годов зеркально повторили для грамзаписи ситуацию начала века. Государство полностью ушло из этой сферы деятельности. Монополизм "Мелодии" рухнул, на смену ей пришли частные, совместные, акционерные и т.п. компании и фирмы, производящие аудиопroduкцию. Вновь появилась конкуренция, решающее значение приобрела рентабельность предприятий. Рыночные факторы стали определять и технические, и репертуарные, и тиражные проблемы. Таким образом, как бы замкнулся круг в истории грамзаписи, и ее финальный период во многом аналогичен стартовому.

По характеру зафиксированной информации фонодокументы обычно подразделяются на художественные и хроникально-документальные. Такая традиция особенно распространена в архивной практике⁴. При этом под художественными подразумеваются записи произведений искусства, а под хроникально-докумен-

² Граммофонный мир. М., 1911. С. 8.

³ ГАРФ. Ф. Р. 6903. Оп. 7. Д. 564. Л. 86–87.

⁴ Основные правила работы государственных архивов с кинофотофонодокументами. М., 1980. С. 8; Основные положения развития системы научно-справочного аппарата государственных архивов кинофотофонодокументов. М., 1983. С. 10.

тальными – записи общественно-политического характера, фиксирующие самые разнообразные события.

Следует отметить, что подобная группировка фонодокументов весьма условна и мало отражает их суть как исторических источников. Для грампластинок же она малоподходяща из-за специфики записи этих документов. Строго говоря, любая грампластинка (как и любой фонодокумент вообще) хроникальна. На ней зафиксировано единственное в своем роде звуковое выражение определенного явления или факта. Нельзя дважды совершенно идентично зафиксировать фонодокументом какое-либо событие. Можно повторить исполнение музыкального произведения теми же исполнителями, в той же аудитории, в том же месте, но сам звуковой ряд будет неизбежно иметь отличия в нюансах, трактовках и т.п. Поэтому термин "художественные" можно использовать для обозначения грампластинок, содержащих записи произведений искусства, с известной долей условности.

Что же касается "хроникально-документальных", то такое определение для грампластинок малоприспособно хотя бы потому, что в силу технологических особенностей, среди них нет, практически, прямых записей событий, что характерно, скорее, для магнитных фонограмм. Подавляющее большинство грампластинок общественно-политической тематики представляют собой композиции или инсценировки. При этом необходимо учитывать, что все они изготавливались в период государственного управления грамзаписью для выполнения совершенно определенных идеологических задач. Редкие прямые записи важнейших исторических событий, например подписание акта капитуляции Германии в Карлсруте, производились на диск лишь в особых случаях на специальной технике. Количественная доля подобных грампластинок столь мала, что не может повлиять на состав и характеристики рассматриваемой группы фонодокументов.

Учитывая вышесказанное, для грампластинок общественно-политического содержания подходящим представляется определение "публицистические", как наиболее полно и четко отражающее и внутреннюю форму этих источников, и их целевое назначение.

За время своего существования грампластинка претерпела определенные изменения внешней формы. Что касается основы, то здесь появились новые материалы как для грамморигиналов, так и для грампластинок, хотя чисто визуально подобные моменты не всегда можно установить. Тем не менее материал дает возможность определить самые общие хронологические рамки создания фонодокумента.

В первые годы существования промышленности грамзаписи установились три стандартных формата грампластинок: "гигант" (диаметр 30 см.), "гранд" (диаметр 25 см) и "миньон" (диаметр 17 см), неизменно существующие и поныне⁵. До начала 1910-х гг. выпускались односторонние грампластинки, затем двусторонние.

Наибольший объем сведений для изучения грампластинки даст ее этикетка в сочетании с производственными индексами, вытисненными на "зеркале" – пространстве между этикеткой и звуковой дорожкой. Первоначально в центральной части диска располагалась простая выштамповка названия фирмы, произведения и других атрибутов. Но вскоре в практику всех фирм грамзаписи вошли бумажные этикетки, впрессованные в массу диска, на которых располагалась вся атрибутика грампластинки. Естественно, что этикетки разных фирм имели свое лицо, особенности художественного оформления и расположения его элементов. Что касается этикеток дореволюционных фирм грамзаписи, то их

⁵ Регирер Е.И. Граммофонная пластинка, М., 1940. С. 702.

изучением занимаются главным образом коллекционеры, чьи наблюдения и выводы нашли отражение в специальной литературе⁶.

Этикетки советского периода меньше привлекали внимание исследователей. Они в первую очередь четко отражали происхождение грампластинки, так как на каждой этикетке обязательно имелось название организации, руководившей в тот момент грамзаписью.

Отдельные заводы имели свои "фирменные", так сказать, этикетки. Например – Ногинский и Апрелевский заводы. В этом плане представляют интерес, так называемые, "артельные" грампластинки, выпускавшиеся на рубеже 40–50-х годов небольшими предприятиями местной промышленности. Так, Москворецкий и Кировский тресты отдела местной промышленности Мосгорисполкома помещали на этикетках фотографии исполнителей, а Ленинградская артель пластмасс – такие символы северной столицы, как сфинкс, ростральная колонна и силуэт Исаакиевского собора.

Использовалось и тематическое, так сказать, оформление этикеток. Например, на этикетках песен и маршей армейской тематики изображалась атакующая пехота и танки. Рисунок хора с гармонистом помещался на грампластинках с записью русской народной музыки. Классические произведения сопровождалась силуэтом портала сцены Большого театра.

Следует отметить, что в части оформления этикеток получилась парадоксальная ситуация. С течением времени они все более и более упрощались и к 70-м годам превратились в безликие, бледные, совершенно утилитарного вида наклейки с текстом и столь же невыразительной торговой маркой фирмы "Мелодия". К сожалению, новые фирмы грамзаписи идут тем же путем, совершенно не уделяя внимания оформлению этикеток.

Этикетки грампластинок в сочетании с производственными индексами дают весьма обширный набор сведений для источниковедческого анализа. Опираясь на них, можно с большой точностью установить происхождение документа, место создания, содержание, авторство и т.д.

Датировка грампластинок имеет свою специфику, так как эти сведения традиционно не обозначаются ни на этикетке, ни на "зеркале" диска. Дата выпуска документа устанавливается по производственным индексам с учетом их специфики у каждой конкретной фирмы и организации. К этой работе привлекаются каталоги грамзаписи, литература и производственная документация. Совокупность этих сведений гарантирует определение датировки каждой записи.

Здесь затронуты самые общие проблемы изучения этикеток и индексации грампластинок, так как обилие и специфичность данного материала требуют целенаправленного и объемного изложения.

К внешним признакам грампластинки можно отнести и такую ее принадлежность, как конверт. Следует оговориться, что этот элемент атрибутики грампластинок вообще выпадает из поля зрения исследователей, хотя даже беглый анализ дает основание говорить о нем как об интересном предмете источниковедческого изучения.

Вскоре, после начала деятельности первых отечественных фирм грамзаписи, в их обиход вошли специально оформленные конверты грампластинок. На них обычно помещались название фирмы, ее адрес, довольно часто – реклама продукции. Наряду с этим свои конверты для грампластинок изготавливали и торговые организации, занимавшиеся распространением и сбытом этой продукции. На них также помещались название или торговая марка фирмы с адресом, иногда – у крупных организаций – сведения о представительствах в

⁶ Янин В.Л. Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения // АЕ за 1977 год. М., 1978. С. 33–34.

разных городах и реклама, причем, не только грампластинок и грамофонов, но и других товаров, которыми занималась данная фирма.

Для коллекционеров и любителей грампластинок выпускались специальные альбомы и коробки для хранения дисков, на которых тоже имелись фирменные эмблемы, реклама и т.п.

Конверты грампластинок 20–30-х годов отличаются скромным оформлением. Обычно на них печаталось только название руководящей организации – "Грампласттрест", "Музтрест", Наркомлегпром и т.п., а на обороте – правила пользования грампластинкой и патефонами. В то же время появляются и конверты с названием завода и его фабричной эмблемой, позднее на оборотной стороне – характерная для тех лет реклама типа: "Храните деньги в сберегательной кассе", "Подписывайтесь на облигации Государственного займа" и т.д. Помещалась, конечно, и реклама грамзаписи.

Для тематических подборок грампластинок изготовлялись коробки или альбомы в твердом переплете. Самым, наверное, шикарным по оформлению был альбом грампластинок с речами И.В. Сталина, выпущенный к 70-летию вождя.

Постепенное распространение получают художественно оформленные конверты тематического плана, когда изображение соответствует содержанию документа. Рижский и Ташкентский заводы выпускали конверты с национальными орнаментами, Ленинградский, Апрельевский – графические символы городов. С развитием полиграфической базы конверты становятся все красочнее, из-за чего, может быть, обезличиваются этикетки грампластинок. В конце 60-х годов происходит своеобразный отрыв оформления конверта от содержания. Преобладают красочные упаковки, конечно только для художественных записей. Публицистические же грампластинки традиционно имеют строгое и выдержанное оформление.

С 70-х годов конверт играет все большую роль в атрибутике грампластинки. На него переходит часть элементов этикетки. Все чаще на одной из сторон помещается художественное оформление, часто – фотографии исполнителей или авторов, а на другой – развернутые аннотации, биографические справки, очерки об авторах, исполнителях или произведениях. В этих текстах дается дополнительная информация о документе, являющаяся большим подспорьем в его источниковедческом изучении.

На конвертах публицистических грампластинок помещаются тексты, направленные на использование этих документов в агитационно-пропагандистских целях. Таким образом, "родной" конверт грампластинки является непременной принадлежностью фонодокумента, дающей многие прямые и косвенные сведения для источниковедческого анализа.

Из специальной литературы наибольшую ценность представляют фирменные каталоги грампластинок, традиционно издающиеся с первых лет существования отечественной грамзаписи. Концентрируя в себе сведения о всех без исключения грампластинках, выпущенных данной фирмой или заводом, они дают возможность анализа их репертуарной политики, содержат информацию о производственной и финансовой деятельности, позволяют уточнять фактические данные об исполнителях и авторах запечатленных произведений, могут помочь в датировке записей.

Аналогичные сведения, изложенные в более свободной, популярной форме можно почерпнуть из специализированных периодических изданий. Таких, например, как журналы "Грамофон и фонограф", "Грамофонный мир", "Новости грамофона", «Официальные известия акционерного общества "Грамофон"», издававшиеся в начальный период отечественной грамзаписи. В близкие к нашему времени годы издавался информационный бюллетень "Мелодия", содержащий широкий круг сведений о грампластинках, выпускаемых этой фирмой.

Серьезную помощь в изучении граммпластинок как исторического источника могут дать сведения, помещенные в таких своеобразных изданиях, как рекламы фирм. По ним можно установить датировку отдельных записей, обстоятельства их создания, найти сведения по истории фирм и организации их работы, уловить некоторые нюансы репертуарной политики. Они же показывают приемы формирования общественного интереса к граммпластинкам и позволяют судить о популярности тех или иных исполнителей, авторов или произведений. Возможность использования рекламных изданий в изучении фонодокументов серьезно ограничена малой их сохранностью. Традиционно рекламы не попадают в поле зрения библиотек, музеев и архивов, из-за чего к работе можно привлечь лишь единичные, случайно уцелевшие экземпляры.

Некоторые сведения о граммпластинках можно почерпнуть из научно-популярной литературы и из периодики, но эти сведения, как правило, отрывочны и бессистемны. Определенную информацию дает учетный и научно-справочный аппарат специализированных государственных архивов, фонотек, библиотек и музеев, других собраний, хотя в различных организациях он неравноценен по информативности. Фактические данные о производственной и организационной деятельности содержатся в документах фондов организаций и предприятий грамзаписи, хранящихся в госархивах разных уровней.

На протяжении всей своей истории граммпластинка в качестве основной своей общественной функции служила удовлетворению эстетических запросов самых широких слоев населения. В известных политических условиях на граммпластинку возлагались и задачи инструмента идеологической работы. Наряду с этим (в гораздо меньшей степени) она использовалась и в учебно-воспитательных целях.

Структура репертуара грамзаписи сложилась в самый ранний период и к началу 1910-х гг. имела вполне устоявшийся характер. В качестве примера можно привести жанровый состав продукции одной из крупнейших фирм того времени "Граммофон". По содержанию ее граммпластинок делились на следующие группы: религиозные – 4,5%; хоровое пение – 3,2; оркестровая музыка (симфонические, духовые и военные оркестры) – 14,6; инструментальная музыка – 9,5; классический вокал – 9,2; ансамбли (классика) – 7,2; эстрада – 18,3; народное искусство (профессиональные и самодеятельные исполнители, фольклор и т.д.) – 28,9; литературно-драматические записи и разговорный жанр – 2,1; специальные – 2,5%. В последнюю группу входили записи выдающихся исполнителей: Э. Карузо, Ф. Шаляпина, Л. Собинова, А. Неждановой, Ф. Крейсера, М. Баттистини, Т. Руффо, Ф. Таманьо и др. Это были самые дорогие и высококачественные граммпластинки⁷.

Характерная черта репертуара того времени – полное отсутствие публицистических граммпластинок. Были выпущены только три записи речей известных думских деятелей С.И. Муромцева и П.Н. Милюкова, а с началом первой мировой войны издано несколько граммпластинок с патриотическими речами в исполнении артистов⁸.

При всей условности приведенной статистики она в целом показательна для всех фирм того времени. Расхождения были в основном за счет увеличения доли эстрады и национального народного искусства и уменьшения количества записей оркестровой музыки и выдающихся исполнителей⁹. Первое связано с

⁷ Общество "Граммофон": Полный каталог граммофонных пластинок "Пишущий Амур". СПб.; Тифлис; Варшава; Рига, 1912. № 11–14.

⁸ РГАФД. Г-48927. Г-15808. Г-17095.

⁹ Русское акционерное общество граммофонов: Полный каталог. СПб.; М., 1912; "Метропсл-Рекорд": Полный каталог граммпластинок. СПб.; М., 1912; Каталог русской записи "Стелла-Рекорд". Варшава, 1912.

жесткой конкуренцией, заставляющей фирмы искать все новые и новые объекты записи. А второе – как с техническими возможностями – далеко не все фирмы могли обеспечить качественную запись больших оркестров, – так и с их финансовым положением – выдающиеся исполнители требовали и соответствующие гонорары.

Количественно преобладали записи эстрады и народного искусства. Они же были и самыми дешевыми – от 65 коп. до 2 руб. 25 коп. (в зависимости от размера диска), тогда как специальные, например, стоили от 6 руб. 25 коп. до 10 руб. 25 коп.¹⁰ Для сравнения, самый дешевый граммофон стоил 45 руб.¹¹

Естественно, большим спросом пользовалась продукция подешевле и доступнее в эстетическом плане. Соответственно распределялись и тиражи грампластинок. Все это и послужило главной причиной того, что о грампластинке сложилось мнение как о проводнике невзыскательного вкуса, как о продукции малоценной в художественном отношении. Этот упрощенный подход из бытовой сферы перекочевал и в область профессиональную, получил распространение и даже нашел отражение в серьезной научной литературе¹².

С первых лет Советской власти в репертуаре грамзаписи происходят значительные изменения, вызванные тем, что грампластинки интенсивно используются в агитационно-пропагандистской работе. Доля публицистических записей значительно вырастает, и с 20-х до середины 80-х годов они занимают большое место в производстве грампластинок.

В 30-е годы структура репертуара выглядит следующим образом: общественно-политические записи – 27,9%; классическая музыка – 7,2; народное искусство – 23,6; классический вокал – 6,8; инструментальная музыка – 1,7; симфонические оркестры – 5,4; эстрада – 24,8; литературно-художественные записи – 2,2; записи для детей – 3,4; учебные – 0,4%.

Кроме публицистических появились детские и учебные грампластинки, составляющие, впрочем, небольшой объем¹³. Остальные же жанры занимают вполне сопоставимые доли с предыдущим периодом.

Мало изменились показатели и через 50 лет. В начале 80-х годов они выглядели у фирмы "Мелодия" следующим образом: публицистические записи – 27,9%; классическая музыка и вокал – 14,8; народное искусство – 23,6; эстрада – 24,8; литературно-драматические записи – 2,6; записи для детей – 0,4%¹⁴. Подобная стабильность в первую очередь иллюстрирует постоянство директивных и идеологических требований к производителям грамзаписи. Если до 1918 г. репертуар и тираж определялись рыночными факторами, в первую очередь спросом, то после национализации грампластиночной промышленности во главу угла ставились государственные интересы. Значительная доля публицистических грампластинок в репертуаре вовсе не означает большого спроса или популярности подобных записей среди потребителей. Это показатель, часто политических подходов к грампластинке, когда объемы производства, тиражи и вопросы сбыта определялись сугубо директивно.

Реформы середины 80-х годов вновь повлекли за собой серьезные изменения грампластиночного репертуара. К началу 90-х годов "Мелодия" выпускала продукцию следующих жанров: "классика – 50%; эстрада – 14,5; инструментальная музыка – 14; литературно-драматические записи – 5,8; народное искусство –

¹⁰ Полный каталог двухсторонних пластинок "Зонофон". СПб., 1913. Каталог № 15. С. 1.

¹¹ Полный каталог граммофонов "Амур". СПб.; Тифлис; Варшава; Рига. 1913. Каталог № 16. С. 8.

¹² Русская художественная культура конца XIX–начала XX века. М., 1968. Кн. 1: Зрелищные искусства и музыка. С. 385.

¹³ Регзпер Е. И. Указ. соч. С. 609.

¹⁴ Статистика выведена на основе данных ежеквартальных каталогов-буллетеней Всесоюзной фирмы грампластинок "Мелодия" за 1980–1982 гг.

11,7%¹⁵. При переходе на хозрасчет и с исчезновением госбюджетных дотаций из репертуара исчезли публицистические грампластинки как совершенно нерентабельные. Это касается и детских и учебных записей. Уменьшение доли эстрады объясняется вновь возникшей конкуренцией частных фирм грамзаписи, которые, пользуясь своими финансовыми возможностями, оттянули самый прибыльный сектор репертуара у государственной фирмы "Мелодия". Увеличение же процента классики является попыткой занять место на рынке, пока слабо освоенное соперниками.

Репертуар появившихся со второй половины 80-х годов частных (акционерных, совместных и т.п.) фирм, действующих на сугубо рыночной основе, показывает их позицию в отношении своей продукции. Так, у фирмы "BSA Record" только 3% репертуара составляют записи народной музыки, остальное – современная эстрада¹⁶. Такие же фирмы, как "SNC-Record", "Фили-Рекорд" и др., целиком сосредоточились на самых современных эстрадных жанрах¹⁷. Здесь все определяется доходностью продукции, из-за чего так сузился жанровый диапазон. Изменились и количественные показатели. Если фирма "Мелодия" в лучший для себя период монополии на выпуск грампластинок предлагала до 1500 наименований грампластинок в год, если фирмы раннего периода отечественной грамзаписи давали в год сотни наименований, то нынешние частные компании ограничиваются двумя-тремя десятками. Причине не только в хозяйственных трудностях, но и в своеобразной их производственной политике. Все интересы сосредоточены на выпуске самых прибыльных записей, рассчитанных на определенный сектор потребительского рынка. Доход же извлекается не за счет расширения ассортимента, а за счет увеличения тиражей и взвинчивания цен.

Эта тенденция в настоящее время проявляется очень четко. Последствием же ее будет то, что незапечатленными останутся многие явления отечественной культуры, в корпусе исторических источников появляются невосполнимые лакуны. Такие, например, как в случае с грампластинками религиозного содержания, запись которых прекратилась с 1917 г. из-за официозных атеистических установок, что привело к потере исторической памяти о целом пласте отечественной культуры.

Репертуар художественных грампластинок обширен, записи различных жанров имеют свою специфику и в эстетическом, и в историческом, и в источниковедческом планах.

Записи классических произведений наиболее сложны в изучении и анализе, поскольку действительность отражается в них в своеобразной форме, преломляясь в сложных по интерпретации художественных образах. Эти фонодокументы дают представление об освоении классического наследия, особенностях его трактовки в зависимости от тенденций развития искусства и творческой индивидуальности исполнителей. Данные грампластинки отличаются стабильностью состава запечатленных произведений и его устойчивости к воздействию привходящих факторов, естественная же динамика позволяет судить об изменениях, происходящих с течением времени.

Следует отметить, что запись на грампластинку в классическом репертуаре всегда была знаком признания определенного творческого уровня автора или исполнителя, поэтому изучение персонального состава данных записей дает возможность расширить круг сведений об истории указанных жанров искусства.

¹⁵ Информационный иллюстрированный журнал о музыке и звукозаписи "Мелодия". М., 1992. № 1–4.

¹⁶ Там же. № 34. С. 40–41.

¹⁷ Там же. С. 41–42.

В грампластинках с записями произведений оркестрового, песенного и разговорного жанров дыхание времени ощущается в еще большей мере. Являясь наиболее многочисленной и популярной в потребительской сфере группой, эти фонодокументы своим содержанием характеризуют и общественную атмосферу тех или иных исторических моментов, и роль грампластинок в ее формировании, и эволюцию их социальных функций.

Ранний период существования отечественной грамзаписи характерен чисто эстетическим подходом к подбору репертуара. С началом русско-японской войны мотивировки менялись, выпускались грампластинки патриотического, гражданского характера. Красноречивы их этикетки: марш "Вперед на японцев", «Гибель "Варяга"», песни «Гибель миноносца "Стерегущий"», "От павших твердынь Порт-Артура", "Плещут холодные волны", "На Фейчжулинском перевале" и т.д.¹⁸ Символом времени зазвучал тогда переиздаваемый до наших дней вальс "На сопках Манжурии"¹⁹.

Подобные мотивы зазвучали и в годы первой мировой войны: "Вспомним, братцы, Русь и славу", "Забил барабаны", "Грудью мы встали за правое дело", "На славный бой, вперед, сыны!", "Разудалый наш солдатик", "Казак Козьма Крючков" и многие другие²⁰. На смену чисто развлекательным приходят куплеты и рассказы злободневного сатирического содержания: "Культурные варвары", "Энверпаша большой мазурик", "Произнесши речь с балкона, кайзер свой народ сзывал" и т.п.²¹

В означенный период появление подобных грампластинок являлось реакцией производителей на соответствующие настроения и запросы общества, которые выявлялись через сбыт и торговую конъюнктуру. Как отмечалось выше, в те годы какой-либо целенаправленной официальной линии в отношении репертуара грамзаписи не существовало.

Грампластинки советского периода несут в себе черты совершенно иного подхода, основанного на идеологическом фундаменте. Рассматривая их в качестве исторического источника, необходимо учитывать, что длительное время (примерно до середины 60-х годов) грампластинки оставались самым распространенным и доступным средством звуковой массовой информации, оказывающим действительное влияние на формирование определенных общественных взглядов, вкусов и настроений, т.е. – на создание эстетической среды и понятий художественной ценности того или иного исторического отрезка. Большая роль при этом отводилась грампластинкам нового советского репертуара, несущим в себе отпечаток времени, непосредственно отражающим события и лозунги дня.

Состав репертуара художественной грамзаписи менялся и под влиянием общественно-политических факторов, и по мере расширения промышленной базы.

В годы гражданской войны выпускались в крайне ограниченном количестве записи революционных маршей и песен: "Марш, марш вперед", "Кузницы", "Смело, товарищи в ногу" и т.п.²², а также народных песен с определенной направленностью: "Дубинушка", "Казнь Стеньки Разина", "Идет он усталый, и цепи гремят", "Доля бедняка" и т.д.²³

В 20-е годы репертуар расширился за счет переиздания старых записей классики и народной музыки. Вместе с тем все большее место отводится

¹⁸ Двухсторонние граммофонные пластинки "Звукопись". СПб., 1913. С. 20, 23, 31.

¹⁹ РГАФД, Г-49094.

²⁰ Там же. Г-6517, Г-16211, Г-13816, Г-17623, Г-16642, Г-16631.

²¹ Там же. Г-16402, Г-16520, Г-3779.

²² Каталог грампластинок, записанных отделом "Советская пластинка" Центропечати в 1919–1921 гг. М., 1921. С. 4–5.

²³ Там же. С. 7, 9.

произведениям, получившим названием "советская песня"²⁴, которые в 30-е годы занимают уже одно из первых мест в тиражах грампластинок²⁵. Значительно вырастает количество записей произведений искусства народов СССР²⁶. Со второй половины 30-х годов постепенно возрастает количество записей, посвященных И.В. Сталину. На многие годы эти грампластинки становятся обязательной частью репертуара, занимая значительный его объем, и сразу исчезают из каталогов грамзаписи в 1954 г.²⁷, что является показательным фактором, если учесть порядок утверждения издательских планов в то время.

В годы Великой Отечественной войны производство художественных грампластинок, естественно, сокращается. В записях этого периода преобладает патриотическая и лирико-патриотическая тема.

В 50-е годы в структуре репертуара художественной грамзаписи выделяется новый раздел – музыка и песни народов мира, главным образом социалистических и дружественных СССР стран²⁸. Причем если поначалу все ограничивалось темами революции и борьбы за мир ("Красное знамя", "Песня французских докеров" и т.п.), то затем появляются записи и народной, и лирической песни²⁹.

С появлением долгоиграющих грампластинок распространяются тематические серии и выпуски, такие, как "Из истории советской песни", "Песни о Ленине", "Песни нашей Родины", "Песни революции и гражданской войны", "Песня комсомольская моя", "Песни о Советской Армии" и т.д.³⁰ Аналогично издаются авторские и исполнительские выпуски, народная и эстрадная музыка.

Постоянное расширение жанрового диапазона свидетельствует о стремлении удовлетворить самые разнообразные запросы потребителей. В то же время, содержание грампластинок свидетельствует о том, что неизменным остается сугубо идеологический подход к ним, что проявляется в подборе произведений авторов, исполнителей, в частоте переиздания тех или иных записей.

Показательна эволюция содержания грампластинок литературно-драматического и разговорного жанра. Поначалу это были чисто развлекательные записи. С первых лет Советской власти издаются только произведения политической сатиры. С начала 30-х годов злободневные жанры постепенно исчезают, остаются только чисто литературно-драматические записи. Эти грампластинки представляют искусствоведческий и мемориальный интерес, сохраняя голоса многих писателей, поэтов и драматических артистов. По содержанию же это записи известных литературных произведений и театральных постановок.

Грампластинки детско-юношеского репертуара разнообразны по содержанию, здесь и музыкальные, и литературно-драматические, и общеобразовательные записи. Их отличительная черта – широкий авторско-исполнительский состав. Зачастую только в этих фонодокументах запечатлено творчество тех деятелей отечественной культуры, которые в силу целого ряда причин, в

²⁴ Музтрест ВСНХ. Государственный музыкальный трест: Каталог граммофонных пластинок. Л., 1927–1928. С. 64–68.

²⁵ Трест "Металлосбытширпотреб" НКМ СССР: Каталог грампластинок. М., 1939. С. 327–360.

²⁶ Там же. С. 35–208; Грампласттрест НКЛП РСФСР: Оптовый прейскурант. М., 1933. С. 41–55.

²⁷ Комитет радиоиформации при СМ СССР. Управление звукозаписи и граммофонной промышленности: Список граммофонных пластинок, выпускаемых в 1953 г. М., 1952. С. 3–7; Министерство культуры СССР: Список граммофонных пластинок, выпускаемых в 1954 г. М., 1954.

²⁸ Комитет радиоиформации при СМ СССР. Управление звукозаписи и граммофонной промышленности: Список граммофонных пластинок, выпускаемых в 1953 г. С. 276–282; Министерство культуры СССР: Список граммофонных пластинок, выпускаемых в 1954 г. С. 325–336.

²⁹ Министерство культуры СССР: Каталог грампластинок 78 об./мин. М., 1963. С. 26.

³⁰ Всесоюзная фирма граммофонных пластинок "Мелодия": Министерство культуры СССР: Каталог долгоиграющих грампластинок. М., 1972. Ч. 2. С. 3–4, 9–13.

основном формальных, "не проходили" для записи на грампластинки других жанров. В детско-юношеском же репертуаре критерии такого своеобразного отбора были менее жесткими. Особенно это касается долгоиграющих грампластинок, позволивших делать записи спектаклей, инсценировок и тематических выпусков для детей и юношества.

В свою очередь, содержание данных документов раскрывает суть официальных установок в агитационной и воспитательной работе с молодым поколением на разных этапах нашей истории.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что художественные грампластинки в первую очередь являются источником для искусствоведческого исследования, сохраняя живое звучание произведений, созданных и исполняемых представителями разных творческих школ, направлений, поколений и жанров. Как звуковой памятник они имеют мемориальное значение, которое трудно переоценить.

Однако их ценность не ограничивается только звуковым рядом. Всесторонний и комплексный их анализ позволяет судить о взаимосвязи общественных процессов с развитием культуры, особенностях социальной и эстетической среды каждого определенного исторического отрезка времени. Изучение их репертуара, происхождения, обстоятельств создания дают возможность расширить диапазон сведений, характеризующих ход отечественной истории. В то же время художественные грампластинки становятся источником, отражающим использование фонодокументов в качестве средства идеологического воздействия на общественное сознание.

По сравнению с художественными публицистические грампластинки представляют собой исторический источник менее сложный в восприятии и изучении, более однозначный в своих функциях. На протяжении своего существования они являлись инструментом агитационно-пропагандистской работы, это их главное и единственное предназначение.

Основное место при этом постоянно отводилось записям речей видных и руководящих партийно-государственных деятелей. Начало этой традиции было положено в 1918–1920 гг. выпуском грампластинок с речами В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского и др.³¹

В 30–40-е годы выпускались грампластинки с выступлениями героев того времени и участников важных событий, например – О.Ю. Шмидта, И.Д. Папанина, В.П. Чкалова, П.Д. Осипенко, Ф.И. Крылова, Н.П. Горбунова, А.М. Мирецкого, Н.П. Каманина³². Записывались и некоторые важные общественно-политические события, которым придавалось особое идеологическое значение, например I съезд писателей СССР³³.

Эти фонодокументы распространялись по клубам, кружкам и другим звеньям сети политучебы для использования как средства звуковой информации, что, очевидно, имело смысл при тех возможностях радиовещания.

Технические возможности обычных грампластинок в какой-либо мере ограничивали использование их в агитационно-пропагандистской работе, в основном из-за краткости звучания. Долгоиграющие грампластинки позволили разнообразить и насытить содержание публицистических записей. В практику вошли документально-художественные композиции, где фрагменты речей, выступлений и воспоминаний сочетались с дикторским текстом, драматическими инсценировками и музыкальным оформлением. Примером могут быть выпуски "Страницы жизни В.И. Ленина", "За единство действий и пролетарский интер-

³¹ РГАФД. Г-60880, Г-47825, Г-22201, Г-14309, Г-41902.

³² Там же. Г-49002, Г-44633, Г-43652, Г-44166.

³³ Там же. Г-47209, Г-44633, Г-44640.

национализм", "Фонохрестоматия по истории СССР", "Великая Отечественная война"³⁴.

Как исторический источник публицистические грампластинки не отличаются от аналогичных печатных изданий. Звуковой ряд представляет интерес для узкоспециальных исследований, имея несомненное мемориальное значение запечатлением голосов исторических личностей. С точки зрения информативности они, как правило, не оригинальны, так как содержат общеизвестные факты, а включенные в них речевые записи опубликованы и в текстовой форме. При этом необходимо учитывать, что содержание этих фонодокументов всегда подвергалось тщательному редактированию.

В целом, грампластинки как разновидность фонодокументов представляют собой информационно емкие, специфичные по внутренней и внешней форме исторические источники, своеобразно отражающие объективную реальность. Они содержат обширный материал по истории отечественной культуры, сохраняя непреходящее значение звукового исторического памятника. Источниковедческий их анализ расширяет круг сведений, характеризующих общественные процессы на различных этапах их развития.

³⁴ Министерство культуры СССР. Всесоюзная фирма граммофонных пластинок "Мелодия": Каталог долгоиграющих грампластинок. М., 1972. Ч. I. С. 5, 9–16.

С.Н. Богатырев

БЛИЖНЯЯ ДУМА В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVI в.¹

Часть вторая (1560–1570)

Для изучения состава Ближней думы 1560-х гг. особенно важны посольские книги, где сохранились важные свидетельства о доверенных царских советниках². Однако терминология этого вида источников весьма неустойчива, поэтому при использовании посольских книг следует сопоставлять друг с другом входящие в их состав документы (боярские приговоры, переписку московских бояр с польско-литовскими панями) и показания других доступных источников³.

Как известно, дипломатические отношения Москвы и Великого княжества Литовского имели ряд отличительных особенностей. В частности, на протяжении всего XVI столетия бояре активно переписывались с литовскими панями, обсуждая в своих посланиях пограничные конфликты, обмены военнопленных или готовящиеся дипломатические миссии, причем интенсивность переписки между Радой и Думой возросла как раз в 1560-е гг.⁴ Все эти выводы позволяют использовать русско-литовскую корреспонденцию для исследования состава Ближней думы рассматриваемого периода⁵.

Изучая Боярскую думу XVI в. В.И. Савва, автор самого подробного исследования о посольских книгах, не подвергал специальному анализу формуляр посланий, составлявших переписку бояр и панов Рады. В то же время из материалов посольства А. Иванова в Польшу 1589 г. следует, что один из элементов этого формуляра – инскрипция (т.е. адресация) грамот – содержит имена бояр, занимавших главные места в царском окружении⁶.

© С.Н. Богатырев

¹ См.: *Богатырев С.Н.* Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть первая // АЕ за 1992 год. М., 1994.

² О сохранившихся посольских книгах см.: Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.) / Сост. Н.М. Рогожин. М., 1990. В этом обзоре не учтена малоизвестная ногайская посольская книга, относящаяся к лету 1576 г. См.: РГАДА. Ф. 137. Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 338–393; Книги московских приказов в фондах ЦГАДА. Опись 1. / Под ред. Л.В. Черепнина. М. 1972. С. 139, № 1323.

³ Подробнее о терминологии посольских книг, в частности, о понятии "ближний" см.: *Богатырев С.Н.* Как называлась приказная элита в посольских книгах XVI – начала XVII в. // 40 лет Научному студенческому кружку источниковедения истории СССР. М., 1990. С. 99.

⁴ См.: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906. С. 12; *Croskey R.M.* Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III. N.Y.; L., 1987. P. 56. 101, 145; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции / Подгот. А.А. Зимин. М., 1978. Вып. 1. С. 83; Вып. 2. С. 440.

⁵ *Богатырев С.Н.* Грамоты Боярской думы XVI в. в документах Посольского приказа // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1991. С. 19–25.

⁶ На вопрос поляков, почему в адресации боярских грамот не упомянут канцлер Лев Сапега, А.Иванов заявил: "Великого государя бояре писали по прежнему обычаю: Ближняя дума государская к переднейшим панам Радам, а дело их вопче всех, а только было писать канцлера Льва Сапегу, ино было писати и всех панов Рад" (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 20. Л. 72–72об). А. Иванов был прав, когда говорил, что подобная практика сложилась много лет назад. Еще в

Литовские паны были хорошо осведомлены о положении, занимаемом при дворе тем или иным царским советником. Так, в 1502 г. литовцы специально объяснили отсутствие имен московских бояр в инскрипции своей грамоты: "А потому ваших имен мы не писали по именам, что не ведаем на тот час местец ваших, где кто сидит подле кого в раде государя вашего"⁷.

Таким образом, можно утверждать, что в переписке с панами Рады участвовали члены Ближней думы, и следовательно, их имена указываются в инскрипции панских грамот и в тексте боярских посланий⁸.

Корреспонденцию московских бояр и польско-литовских панов использовал Е.Ф. Максимович при изучении внутренней структуры Боярской думы. Он обратил внимание на известную грамоту 1567 г., посланную Грозным от имени кн. И.Ф. Мстиславского к Сигизмунду II, где упоминается некий "первосовет", членом которого состоял и сам кн. Мстиславский⁹. По словам Максимовича, этот "первосовет" был своего рода "президиумом" Боярской думы, но правильнее было бы сказать, что здесь подразумевается Ближняя дума Ивана Грозного¹⁰.

Следует отметить, что переписка панов и бояр упоминает далеко не всех членов Ближней думы¹¹. Поэтому, как уже отмечалось, материалы дипломатической корреспонденции необходимо сравнить с некоторыми боярскими приговорами, где названы принимавшие их думные люди, а также с текстом разрядных книг.

Итак, рассмотрим изменения в составе Ближней думы на протяжении 1560-х гг. Как известно, в 1560 г. из окружения Ивана IV был удален глава прежнего правительства А.Ф. Адашев¹². В следующем году Иван Грозный утвердил регентский совет на случай перехода престола к малолетнему наследнику. Этот совет, отразивший состав Ближней думы 1561 г., включал кн. И.Ф. Мстиславского, Д.Р. Юрьева, В.М. Юрьева, И.П. Яковлева, Ф.И. Умного-Кольчева, кн. А.П. Телятевского, кн. П.И. Горенского и дьяка А. Васильева¹³.

1555 г. митрополит Макарий писал в Литву, что такие вопросы, как продление перемирия, "меж государей делаются с обе стороны бояры с паны, *Ближнею их думою*" (здесь и далее подчеркнута авт. – С.Б.) См.: сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 472–473. См. также: *Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х гг. XVI в. М.; Л., 1958. С. 151. В октябре 1562 г. паны Рады также адресовали свое послание кн. И.Д. Бельскому, Д.Р. Юрьеву и "иным боярам *Ближней думы*" (Сб. РИО. СПб., 1892. Т. 71. С. 94–98).

⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 1. С. 246. См. также: *Ключевский В.О.* Боярская дума Древней Руси. М., 1909. С. 273; *Маркевич А.И.* История местничества. Одесса, 1888. С. 229; *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. 1. С. 236.

⁸ См. также: *Назаров В.Д.* Из истории центральных государственных учреждений России XVI в. // ИСССР. 1976. № 3. С. 96; *Богатырев С.Н.* Грамоты ... С. 23. По словам Котошихина, комнатных бояр и окольных "в посольственных письмах пишут ближними боярами и окольными, потому что от близости" (*Grigorij Kotošixin.* O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixailoviča / Ed. by A.E. Pennington. Oxford, 1980. P. 37).

⁹ Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 253.

¹⁰ См.: *Максимович Е.* Первосоветник Думы Боярской // Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская, 1930. Кн. 2. С. 141–162.

¹¹ По словам упомянутого выше гонца А. Иванова, "радных панов два-три писывали к великого государя боярам также не ко многим, к двум-трем, а дело всех их вопче" (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 20. Л. 72–72об.).

¹² Вместе с Адашевым из царского совета был изгнан и И.М. Вешняков. Еще осенью 1559 г. царь пожаловал Вешнякова особыми знаками внимания за верную службу на Дону (ПСРЛ. СПб., 1914. Т. XX, ч. 2. С. 614–615), но с конца 50-х годов его имя исчезает из разрядов.

¹³ СГГД. М., 1813. Ч. 1. С. 474–475. См. также: *Зимин А.А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 88. Примеч. 3; *Скрынников Р.Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 148; *Он же.* Царство террора. СПб., 1992. С. 142; и сл.

Как и в предшествующее десятилетие, во главе ближних людей стоял кн. И.Ф. Мстиславский. К 1561 г. царь снял опалу с Юрьевых, которые вошли в Ближнюю думу вместе со своим родственником И.П. Яковлевым. К клану Захарьиных–Юрьевых примыкал и Ф.И. Колычев, получивший в 1559 г. звание окольничего¹⁴. Молодые представители знатных княжеских родов, Телятевский и Горенский не имели каких-либо связей с правительством Адашева, и поэтому им нашлось место среди советников государя после падения всесильного временщика (А.П. Телятевскому царь даже поручил расследование причин смерти А.Ф. Адашева)¹⁵. Как сообщает посольская книга, Иван Грозный одарил кн. П.И. Горенского "великим жалованием и держал *близко от себя*" (подчеркнуто авт. – С.Б.)¹⁶.

Дьяк Андрей Васильев, по словам В.И. Саввы, с 1561 г. состоял "в роли помощника при Висковатом"¹⁷. Как считал Савва, первые сведения об участии А. Васильева в посольском деле относятся к 1555 г., однако еще осенью 1551 г. этот дьяк встречал ногайских послов, прибывших в Москву¹⁸. Покровитель А. Васильева И.М. Висковатый не входил в регентский совет 1561 г., но его позиции при дворе в то время существенно укрепились (в 1561 г. он получил звание "печатника и дьяка") и поэтому его все-таки не следует исключать из членов Ближней думы¹⁹. В конце 1550-х – начале 60-х годов важные посты в армии занимали кн. И.И. Пронский, состоявший в Ближней думе с 1555 г.²⁰

Из Ближней думы 1561 г. были исключены кн. И.Д. Бельский, Д.И. Курлятев, М.Я. Морозов, И.В. Шереметев-Большой, И.М. Воронцов, а также, вероятно, кн. В.С. Серебряный, царь Симеон Касаевич и царевич Кайбула (о двух последних нет никаких сведений)²¹. К тому времени скончался и бывший член Ближней думы кн. Д.Ф. Палецкий²².

¹⁴ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 181. (Далее: РК 1475–1598); ДРВ М., 1790. Ч. XIII. С. 293. См. также: *Camphausen H.-W.* Die Bojarenduma unter Ivan IV. Studien zur altmoskauer Herrschaftsordnung. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1985. S. 230.

¹⁵ См.: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 88, 89; *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 143; *Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 76.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 322.

¹⁷ Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в.: Справочник / Сост. В.И. Савва; Под ред. С.О. Шмидта. М., 1983. С. 134.

¹⁸ См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 138; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. Л. 89, 92, 93; СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 49–50. С. 1550 г. А. Васильев постоянно сопровождает государя в военных походах. См.: Разрядная книга 1475–1605. М., 1977. Т. I, ч. 2. С. 390. М., 1978. Т. I, ч. 3. С. 451, 495, 511; М., 1981. Т. II, ч. 1. С. 9, 54. (Далее: РК 1475–1605). Начиная с 1553 г. Васильева приглашают и на свадебные придворные церемонии. См.: Там же. Т. I, ч. 3. С. 457, 481, 486. О деятельности А. Васильева см. также: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 237–239.

¹⁹ См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 25–26; Т. 129. С. 85.

²⁰ Кн. И.И. Пронский во время похода к Оке в 1560/61 г. был первым воеводой Сторожевого полка. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 90.

²¹ Удаление этих лиц из царского окружения 1561 г. ознаменовало надвигавшиеся на них опалы. О кн. И.Д. Бельском в 1561 г. см.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 143; РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 90. О службах Д.И. Курлятева в 1561 г. разряды умалчивают, вероятно, он был воеводой в Калуге. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 75. М.Я. Морозов с 20 июля 1561 г. находился на воеводстве в Смоленске, при нем для надзора состояли будущие опричники И.И. и Н.И. Очины-Плещеевы. См.: Там же. С. 92; *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 152. Кн. В.С. Серебряный и И.В. Шереметев-Большой уже в 1560 г. были исключены из числа "больших бояр" (РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 65. Ср.: Там же. С. 63). Кампхаузен не смог идентифицировать Шереметева, упоминаемого в разряде 1560 г., поскольку не привлекал для своего исследования пространную редакцию разрядных книг. См.: *Camphausen H.-W.* Op. cit. P. 246.

²² См.: ДРВ. М., 1791. Ч. XX. С. 34, 44. Последнее упоминание о его службе относится к 1559/60 г. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 86. Ср.: Там же. С. 89.

Осенью 1562 г. Тайный совет включал кн. И.Д. Бельского, Д.Р. Юрьева и "иных бояр Ближней думы"²³. Их имена можно узнать из переписки юрьевского воеводы боярина И.П. Федорова с литовским гетманом А. Хоткевичем (грамоты Федорова составлялись в Москве под контролем царя), а также из послания Ближней думы, отправленного в Литву 28 ноября 1562 г. Судя по этим источникам, в Ближнюю думу также входили бояре кн. В.М. Глинский, кн. И.Ф. Мстиславский и В.М. Юрьев²⁴. По-прежнему, доверием царя пользовались И.П. Яковлев, кн. П.И. Горенский, Ф.И. Умной-Колычев, кн. И.И. Пронский и кн. А.П. Телятевский – все они вместе с другими ближними людьми состояли в окружении царя во время полоцкого похода 1562/63 г.²⁵

Как показывает разряд этого похода, к концу 1562 г. в окружение Ивана IV вернулись царь Симеон Касаевич и царевич Кайбула Ахкубекович (Симеон занял в свите Грозного одно из первых мест). Тогда же царь снова приблизил к себе и кн. В.С. Серебряного²⁶.

В Ближней думе 1562 г. по-прежнему присутствовали и представители московского дьячества. Андрей Васильев, получивший в ноябре 1562 г. звание думного дьяка, также сопровождал государя в походе к Полоцку²⁷. И.М. Висковатый с августа 1562 по ноябрь 1563 г. находился с посольством в Дании. Трудно согласиться с Р.Г. Скрынниковым, считающим, что Висковатого отправили в Данию под каким-то формальным предлогом с целью удалиться из Посольского приказа. Этот вояж – первая самостоятельная поездка за рубеж главы посольской службы, ставшая знаменательным явлением в дипломатической практике Московского государства²⁸.

Весной 1563 г. в дипломатической переписке названы имена следующих ближних людей: кн. И.Д. Бельского, кн. П.И. Шуйского, Д.Р. Юрьева,

²³ См. их упоминания в инскрипции панской грамоты (Сб. РИО. Т. 71. С. 94–98).

²⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 74, 102. Дроюродный брат царя кн. В.М. Глинский, скорее всего, вошел в Ближнюю думу после лета 1561 г., когда Иван IV потребовал от него торжественной присяги на верность службы. Боярин, давший подобные обязательства, обычно входил в круг доверенных лиц государя. Ср.: *Зимин А.А.* Опричнина, с. 90, 151.

²⁵ См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 109; и сл. По словам летописца, царь отправился в поход "с избранными своими" (ПСРЛ. М., 1965. Т. XIII, ч. 2. С. 350). Кн. П.И. Горенского Грозный прямо называл своим "ближним воеводой" (Там же. С. 358). В.М. Юрьев и Ф.И. Умной-Колычев в 1562 г. приводили к присяге поручителей по кн. И.Д. Бельском (СГГД. Ч. 1. С. 483). Осенью 1562 г. царь поручил Ф.И. Умному расследовать жалобы ногайских послов о взимании с них лишних пошлин. См.: Продолжение ДРВ. СПб., 1795. Ч. X. С. 217. Кн. И.И. Пронский в 1561/62 г. проводил денежное верстанье служилых людей на Мещере. См.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. Прил. С. 58. В том же году он состоял главным воеводой при Симеоне Касаевиче и Кайбуле Ахкубековиче. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 105.

²⁶ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 349, 358, 360; РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 110, 133–134. До начала кампании кн. В.С. Серебряный служил воеводой в Холме. В походе, будучи воеводой Большого полка, он показал себя талантливым военачальником. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 105, 113; *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 155 и сл.

²⁷ Начиная с осени 1562 г. Васильеву поручались и тайные дела, связанные с посольской службой. См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 90–93; РК 1475–1605. Т. II, ч. 2. С. 111. С весны 1562 г. А. Васильев возглавил Царский архив и составил новую опись его материалов. См.: *Шмидт С.О.* Российское государство в середине XVI столетия. М., 1984. С. 35.

²⁸ *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 176; О полном доверии государя к И.М. Висковатому говорит и то, что при отправлении посольства в августе 1562 г. царь приказал писать Висковатого печатником, т.е. официально пожаловал ему это звание, оставшееся за Висковатым пожизненно. См.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 286 об., 387 об. До посольства в Данию Висковатый, очевидно, проходил своеобразный испытательный срок в должности "печатника и дьяка" (так обычно именовались чиновники, претендовавшие на пост печатника). Ср.: *Шмидт С.О.* Российское государство... С. 155, 160.

В.М. Юрьева, И.П. Яковлева и кн. И.И. Пронского²⁹. Кроме них в Ближней думе состояли кн. В.М. Глинский и Ф.И. Умной-Колычев, принимавшие в лагере русских войск под Полоцком гонца, доставившего панскую грамоту к ближним людям³⁰.

На протяжении 1563 г. царь по-прежнему благосклонно относился к князьям И.Ф. Мстиславскому, В.С. Серебряному и А.П. Телятевскому, поручая им важные командные посты в своем войске³¹.

Татарские князья Симеон Касаевич и Кайбула Ахкубекович весной находились соответственно в полках Правой илевой руки во время марша русских войск из Полоцка к Москве, летом же царь поставил их во главе западных крепостных гарнизонов (Симеона – во Ржеве Владимирове, а Кайбулу – в Дорогобуже)³².

Ближний дьяк Андрей Васильев в течение 1563 г. продолжал выполнять обязанности руководителя Посольского приказа³³. После возвращения из Дании осенью 1563 г. к посольским делам снова стал привлекаться (уже в качестве печатника) и И.М. Висковатый³⁴. Так, в декабре он участвовал в приеме послов Хоткевича и Валовича. В описании этих переговоров впервые упомянут и новый член Ближней думы – ясельничий П.В. Зайцев³⁵.

О составе Ближней думы накануне введения опричнины свидетельствует боярский приговор 29 февраля 1564 г., принятый боярами кн. И.Д. Бельским, кн. И.Ф. Мстиславским, кн. В.М. Глинским, кн. В.С. Серебряным, кн. П.С. Серебряным, И.П. Федоровым, В.М. Юрьевым, И.П. Яковлевым, А.Д. Басмановым, Ф.И. Умным, Л.А. Салтыковым, казначеем Н.А. Фуниковым и думными дворянами кн. А.П. Телятевским, кн. П.И. Горенским, П.В. Зайцевым, И.С. Черемисиновым и Ш.В. Кобяковым³⁶.

Среди ближних людей того времени примечательно появление лиц, оказавшихся в скором времени в самом центре политических событий. Боярин И.П. Федоров, обладатель титула конюшого, занимал высшее место в тогдашней чиновной иерархии. В отсутствие царя он оставался главным правителем

²⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 121–123, 140, 141, 147–149. В.И. Савва и А.А. Зимин включили в Ближнюю думу 1563 г. кн. И.Д. Бельского, Д.Р. и В.М. Юрьевых и кн. И.И. Пронского. См.: Савва В.И. О Посольском приказе. С. 212; Зимин А.А. Состав Боярской думы в XV–XVI вв. // АЕ за 1957 г. М., 1958. С. 81. А.Н. Гробовский добавил к этим лицам и кн. П.И. Шуйского. См.: Grobovsky A.N. The "Chosen Council" of Ivan IV: A Reinterpretation. N.Y., 1969. P. 121. Возвышение кн. П.И. Шуйского связано с победой, одержанной им в Ливонии в сентябре 1560 г. См.: ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 323.

³⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 121. Летом 1563 г. Ф.И. Умной конвоировал на Белоозеро опальную княгиню Ефросинию Старицкую. См.: ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 368.

³¹ См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 137, 144 (Мстиславский); С. 115, 137 (Телятевский). Кн. В.С. Серебряный был оставлен на воеводстве в завоеванном Полоцке. См.: Там же. С. 135.

³² См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 137, 143, 145.

³³ В лагере под Полоцком в феврале 1563 г. А. Васильев вместе с главными дворовыми воеводами, ближними людьми И.П. Яковлевым и кн. П.И. Горенским принимал в государевом шатре литовскую делегацию. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 131. О доверии царя к А. Васильеву свидетельствуют его постоянное присутствие на царских аудиенциях иностранным послам и участие в ответных комиссиях. См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 133, 209.

³⁴ Крымская посольская книга в 1563 г. сообщает об опале Висковатого, однако эти сведения, как уже отмечалось в первой части работы, не соответствовали действительности. См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 98; и сл.

³⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 196. В полоцком походе П.В. Зайцев состоял "в суде у бояр" и входил в свиту Ивана Грозного. Он принимал непосредственное участие и в осадных работах, ведая установкой туров. См.: РК 1475–1606. Т. II, ч. 1. С. 111, 119, 127). Подробнее о Зайцеве см.: Кобрин В.В. Состав... С. 38–39.

³⁶ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 10. Л. 369 об.–370. См. также: Савва В.И. О Посольском приказе... С. 201. А.А. Зимин включал в Ближнюю думу 1564 г. князей И.Д. Бельского, И.Ф. Мстиславского и В.М. Глинского. См.: Зимин А.А. Опричнина... С. 90.

Москвы с верховными судебными полномочиями, и кроме того, ведал Казной, т.е. государевой канцелярией³⁷. По инициативе другого ближнего советника, А.Д. Басманова, царь развязал опричный террор, жертвой которого пал и сам Басманов со своим сыном³⁸.

Для оружничего Льва Андреевича Салтыкова 1564 год стал последним благополучным годом перед удалением из царского окружения. Однако в феврале он еще оставался среди ближних людей Ивана Грозного (по наблюдениям А.А. Зимина, Салтыков в то время фактически вершил все дела в государевом дворце)³⁹.

Ко времени учреждения опричнины особую роль в Ближней думе стали играть думные дворяне, многие из которых позже стали видными опричниками⁴⁰. Имена ближних дворян записаны в тексте рассматриваемого приговора. Один из них, кн. П.И. Горенский, в свое время занимал пост кравчего (и тем самым вместе с дворецким возглавлял управление государевым дворцом), однако осенью 1564 г. он был удален из царского окружения и спустя несколько месяцев казнен за попытку бежать в Литву⁴¹.

Другой ближний дворянин, И.С. Черемисинов, будучи опытным дипломатом и воеводой, находился при царе еще во время полоцкого похода и вел тогда ответственные переговоры с осажденными⁴².

По сравнению с остальными членами Ближней думы Ширий Васильевич Кобяков был менее яркой фигурой, но долгая и добросовестная служба позволила ему попасть в избранный круг царских советников. Следует отметить, что его сородичи в свое время состояли среди ближних бояр великого князя Ивана Ивановича Рязанского⁴³.

Сам Ширий Кобяков еще в 1554 г. участвовал в астраханском походе в составе Большого полка под началом И.М. Вешнякова – постельничего и члена тогдашней Ближней думы. Во второй половине 1550-х гг. Кобяков также неоднократно упоминается в разрядах среди второстепенных руководителей Большого полка русского войска⁴⁴. Скорее всего, государь обратил внимание на Ш.В. Кобякова в 1558 г., когда он наградил Ширия золотым за участие в рейде против крымских татар в районе Перекопа⁴⁵. В полоцком походе зимой

³⁷ См. подробнее: *Зимин А.А. Опричнина...* С. 276–283.

³⁸ Процесс возвышения Басмановых детально исследован в работах В.Б. Кобрин и Р.Г. Скрынникова, см.: *Кобрин В.Б. Состав...* С. 58–60; *Скрынников Р.Г. Царство...* по указателю.

³⁹ См.: *Зимин А.А. Опричнина...* С. 150. После 1564 г. Л.А. Салтыков, лишенный чина оружничего, попал на воеводства в пограничные города Полоцк и Смоленск. См.: *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины.* М., 1963. С. 411; *Кобрин В.Б. Состав...* С. 71, 72.

⁴⁰ По сообщениям летописи, именно ближние дворяне сопровождали Грозного во время поездки в Александровскую слободу в конце 1564 г. См.: ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 391. Достоверно известно, что с царем отправился один из ближних дворян, упомянутых в февральском приговоре – П.В. Зайцев. См.: *Кобрин В.Б. Состав...* С. 38. Очевидно, в "большом царском поезде" состояли и другие ближние дворяне, принимавшие указанный приговор (за исключением опального кн. П.И. Горенского).

⁴¹ Подробнее о П.И. Горенском см.: *Зимин А.А. Опричнина...* С. 88, 138; *Он же.* О составе дворцовых учреждений Русского государства конца XV–XVI в. // *ИЗ. М.*, 1958. Т. 63 С. 196.

⁴² См.: РК 1475–1606. Т. II, ч. 1. С. 119 и сл.; *Кобрин В.Б. Состав...* С. 84–85.

⁴³ См.: *Носов Н.Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 428, 452.

⁴⁴ РК 1475–1598. С. 144, 161, 179, 187. В конце 1552 г. Ш. Кобяков, будучи еще сыном боярским, собирал ясак на Арской и Побережной стороне., См.: ПСРЛ. Т. XX, ч. 2. С. 539. В качестве сына боярского в 1555 г. он участвовал в успешном набеге русского отряда на крымский обоз. См.: Там же. С. 561.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 296. Об этой военной операции см.: *Скрынников Р.Г. Начало...* С. 134. Кобяков был послан в действующую армию вместе с кн. Д.И. Вишневецким в декабре 1557 г., а после того, как Вишневецкого отозвали в Москву, Кобяков остался на Днепре главным военачальником. См.: ПСРЛ. Т. XX, ч. 2. С. 588, 595.

1562/63 г. мы уже видим Ш.В. Кобякова в царской свите вместе с другими придворными. Апогеем его карьеры стал 1564 г., когда он в чине думного дворянина участвовал в заседании Ближней думы наравне с остальными царскими советниками, однако после этого времени Ширий Кобяков навсегда покинул Тайный совет Ивана IV.

После успешного похода на Полоцк царь вернул в Ближнюю думу отличившегося в той кампании кн. В.С. Серебряного (вместе с ним в Думу попал и его брат Петр), а также казначея Н.А. Фуникова.

Летом 1564 г. царь Симеон Касаевич, царевич Кайбула, кн. И.И. Пронский и другие ближние люди участвовали в большом походе против литовцев⁴⁶. О прочном положении кн. И.И. Пронского среди царских советников свидетельствует и его победа в местническом столкновении с кн. А.И. Воротынским в июле 1564 г. Осенью царь Симеон, кн. И.И. Пронский и кн. В.С. Серебряный прислали государю грамоту о взятии крепости Озериче⁴⁷.

Перед самым началом опричнины царь по-прежнему доверял и руководителю внешнеполитического ведомства дьяку Андрею Васильеву, что подтверждается грамотой ногайского князя, посланной Васильеву осенью 1564 г.⁴⁸ В 1564 г. ответственные дипломатические поручения выполнял печатник И.М. Висковатый, также состоявший в Ближней думе Ивана Грозного⁴⁹.

На протяжении 1564 г. из Ближней думы выбыли умершие бояре Д.Р. Юрьев и кн. В.М. Глинский, а также кн. П.И. Шуйский, который погиб в битве на Уле⁵⁰. Весной того года суровой опале подвергся и боярин И.В. Шереметев-Большой.

Таким образом, накануне введения опричнины Ближняя дума состояла из двух татарских князей, главных бояр, пяти думных дворян, казначея, печатника и думного посольского дьяка. Среди ближних людей находились и будущие руководители опричнины.

После 1564 г. вся территория страны и многие корпоративные институты были, как известно, разделены на земщину и опричнину. Однако Ближняя дума, подобно некоторым приказам, скорее всего, не испытала такого расчленения⁵¹. В дипломатической переписке в годы опричнины фигурировал опричник В.М. Юрьев, хорошо известный за рубежом как близкий родственник царицы Анастасии⁵². Земские и опричные ближние люди вместе участвовали в приеме

⁴⁶ См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 158; и сл.

⁴⁷ См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 161–163; ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 391. В походе к Озеричу царь Симеон был назначен "без мест", т.е. без учета местнических отношений. См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 170. Ниже будет показано, что правила местничества нередко игнорировались между членами Ближней думы.

⁴⁸ Обращаясь к дьяку, ногайский князь Тинехмат подчеркивал: "Ты у своего белого государя в добрых еси" (РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7, Л. 7, 7. об; Продолжение ДРВ. СПб., 1801. Ч. XI. С. 77–78). Как и ранее, в 1564 г. Васильеву доверялись тайные вопросы внешней политики. См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

⁴⁹ В тот год вместе с другими ближними людьми, Ф.И. Умным и А. Васильевым, И.М. Висковатый заключал договор со шведами, а также участвовал в приеме датских послов. См.: Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 247; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. Л. 407.

⁵⁰ См.: РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 200 – запись о смерти Д.Р. Юрьева, датируемая, как показал Р.Г. Скрынников, именно 1564 г. См.: Скрынников Р.Г. Царство... С. 205. Дата смерти Д.Р. Юрьева, тем не менее, окончательно не ясна. См.: *Camphausen H.-W.* Op. cit. P. 227. Кн. В.М. Глинский, окруженный почетом, умер к августу 1564 г., когда царь сделал по нему вклад в Троице-Сергиев монастырь. См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 50. О кн. П.И. Шуйском см.: Зимин А.А. Опричнина... С. 108.

⁵¹ Вслед за В.О. Ключевским Г.-В. Кампхаузен полагал, что функции Ближней думы выполняла Опричная дума. См.: *Camphausen H.-W.* Op. cit. P. 49. Идеи Ключевского о взаимосвязи опричнины и Ближней думы имеют первостепенное значение, однако нуждаются в определенном уточнении (см. подробнее в заключительной части работы).

⁵² В вопросе о принадлежности к опричнине В.М. Юрьева следует согласиться с А.А. Зиминим. См.: Зимин А.А. Опричнина... С. 197–198. Ср.: Скрынников Р.Г. Царство... С. 268.

иностранных послов; лица, близкие к опричнине, присутствовали на Земском соборе 1566 г., а ближние дьяки из земщины, в свою очередь, имели возможность посещать государя в его опричном дворце. Сохранился и боярский приговор 1570 г. (опричнина тогда еще не отменялась), принятый совместно земскими и опричными членами Ближней думы⁵³. Целостность Ближней думы в период опричнины была обусловлена прежде всего ее заметной ролью во внешней политике (существование опричнины тщательно скрывалось от иностранных дипломатов), а также необходимостью хоть как-то координировать управление государством в тех условиях, когда в стране сложились две параллельные административные системы, часто мешавшие друг другу⁵⁴.

В мае 1565 г. в Ближнюю думу входили бояре кн. И.Д. Бельский, кн. И.Ф. Мстиславский, кн. И.И. Пронский, И.В. Шереметев-Большой, И.П. Федоров, Н.Р. Юрьев, В.М. Юрьев, казначей Н.А. Фуников и печатник И.М. Висковатый – все они принимали приговор, записанный в посольской книге (В.М. Юрьев не присутствовал на заседании по болезни)⁵⁵. Главные приближенные вельможи из опричнины А.Д. Басманов, П.В. Зайцев и кн. А.И. Вяземский в 1565 г. проводили набор служилых людей в опричный двор⁵⁶.

Последний из указанных лиц, Афанасий Иванович Вяземский, как и многие другие советники, возвысился после полоцкого похода, но мало кто мог сравниться с ним по степени влияния на царя во второй половине 1560-х гг. А. Шлихтинг называл кн. А.И. Вяземского "ближайшим советником тирана", да и сам Иван Грозный отзывался об этом князе как о своем "ближнем человеке". Вошедший в опричнину кн. А.П.Телятевский в 1565 г. неоднократно назначался первым воеводой в полковые соединения⁵⁷.

Несмотря на учреждение опричнины, ближние люди из земщины (И.П. Яковлев, кн. В.С. и П.С. Серебряные) в течение 1565 г. по-прежнему получали высокие командные посты во время военных походов⁵⁸.

Во главе воинских соединений также ставились и татарские аристократы, состоявшие в Ближней думе (царь Симеон и царевич Кайбула)⁵⁹. Дьяку Андрею Васильевичу царь поручил огласить грамоту, присланную из Слободы к москвичам. В качестве приближенного человека Васильев имел доступ в опричную

⁵³ Вопрос о целостности Ближней думы не следует смешивать с проблемой влияния опричных и земских советников на государя в годы опричнины. Несомненно, первые пользовались здесь огромным преимуществом.

⁵⁴ О параллельной администрации см.: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 380. Иван Грозный пытался держать действия опричной и земской администрации под личным контролем, но он, конечно, не успевал самостоятельно решать все вопросы. См.: *Богатырев С.Н.* Грамоты... С. 28.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. Л. 70, 70 об. Этих лиц считал членами Ближней думы и А.А. Зимин. См.: *Зимин А.А.* Состав... С. 81. Ср.: *Савва В.И.* О Посольском приказе. С. 201. В дипломатической переписке летом 1565 г. участвовали кн. И.Д. Бельский, И.В. Шереметев-Большой и Н.Р. Юрьев. См.: *Сб.РиО.* Т. 71. С. 308, 310.

⁵⁶ *Рогинский М.Г.* Послания Иоганна Таубе и Элерта Крузе // РИЖ. 1922. Вып. 8. С. 35.

⁵⁷ Новое известие о России времен Ивана Грозного. Сказание Альберта Шлихтинга. Л., 1934. С. 32; *Сб. РиО.* СПб., 1883. Т. 38. С. 109. Подробнее в Вяземском и о Телятевском см.: *Кобрин В.Б.* Состав... С. 32–33, 76.

⁵⁸ РК 1475–1605. Т. II. Ч. 1. С. 181, 183, 192, 195. Кн. В.С. Серебряного царь даже отметил воинской наградой за успешные военные действия против литовцев (Там же. С. 196), поэтому А.А. Зимин был абсолютно прав, отмечая, что в 1565 положение кн. В.С. Серебряного при дворе не переменялось, хотя с него взяли поручную запись на верность службы. См.: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 151.

⁵⁹ РК 1475–1605. Т. II, ч. 2. С. 191, 192, 199. По некоторым сведениям, при учреждении опричнины Иван Грозный поручил Симеону Касаевичу управление земщиной. См.: *Ключевский В.О.* Сочинения. В 9 т. М., 1988. Т. 2. С. 167, 412. Таким образом, до конца своей жизни Симеон Касаевич (ум. в августе 1565 г. – ПСРЛ. Т. XIII, ч. 1. С. 170) неизменно пользовался благосклонностью и доверием Ивана Грозного.

резиденцию Грозного в Александровской слободе, где он участвовал в приеме крымских послов⁶⁰.

Будущий опричник Ф.И. Колычев в 1565 г. был отослан вторым воеводой в Смоленск, что наводит на мысль об охлаждении его отношений с царем. Возможно, в начале опричнины царь отстранил И.С. Черемисинова (по сведениям В.Б. Кобрин, тот даже потерял свои поместья в Суздальском у.)⁶¹. Зимой и весной 1565 г. в опале оказался боярин И.П. Яковлев, а М.Я. Морозов, отстраненный от двора еще в 1562 г., по-прежнему сидел на воеводстве в далеких пограничных крепостях⁶².

Состав Ближней думы 1566 г. восстанавливается прежде всего на основе текста боярского приговора, датированного июнем. Указанный приговор принимали следующие бояре: кн. И.Д. Бельский, кн. И.Ф. Мстиславский, И.П. Федоров, Н.Р. Юрьев, кн. И.И. Пронский, И.В. Шереметев-Меньшой, кн. В.С. Серебряный, кн. М.И. Воротынский, И.В. Шереметев-Большой, М.Я. Морозов, И.П. Яковлев и И.М. Воронцов⁶³.

Таким образом, в поисках компромисса между различными группировками и фракциями Государева двора царь вернул в Ближнюю думу лиц, давно удаленных из своего окружения – М.Я. Морозова и И.М. Воронцова, а также кн. М.И. Воротынского, с которого предварительно взяли поручную запись.

Несколько ближних людей – боярин В.М. Юрьев, кн. А.И. Вяземский, дворянин Ближней думы П.В. Зайцев и дьяк Андрей Васильев – в 1566 г. вели ответственные переговоры с польской делегацией (характерно присутствие в этой ответной комиссии и земских и опричных советников)⁶⁴. Другие члены Ближней думы, хорошо знакомые с внешней политикой, казначей Н.А. Фуников и печатник И.М. Висковатый, были допущены на Земский собор 1566 г. (последний, как известно, даже получил право высказать особое мнение о продолжении Ливонской войны). На Земском соборе не присутствовал кн. П.С. Серебряный, получивший тогда назначение на ответственный пост главного воеводы в действующую армию под Смоленском⁶⁵. В том году Иван Грозный снова приблизил к себе и Ф.И. Умного, собираясь послать его с дипломатической миссией в Польшу, однако дальнейшие события покажут, что полного доверия между государем и Умным так и не возникло⁶⁶.

Ближайшие царские советники 1567 г. (кн. И.Д. Бельский, И.В. Шереметев-Большой, Н.Р. Юрьев, Н.А. Фуников, И.М. Висковатый) упоминаются в тексте приговора, состоящегося в ноябре того года. В.И. Савва справедливо предполагал, что в этом заседании участвовал и дьяк Андрей Васильев⁶⁷. Остальные члены Ближней думы тем временем находились в армии с царем, задумавшим большой поход в Ливонию. Однако 12 ноября на Ршаном Яме состоялось совещание государя с советниками, где было решено отменить планируемую кампанию из-за серьезных просчетов в организации похода. Приговор, закрепивший это решение, приняли бояре кн. И.Ф. Мстиславский, кн. И.И. Пронский,

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 392; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 310 об.

⁶¹ РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 177 (Ф.И. Умной); Кобрин В.Б. Состав... С. 85 (И.С. Черемисинов).

⁶² См.: Зимин А.А. Опричнина... С. 150–151 (И.П. Яковлев); РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 173 (М.Я. Морозов – воевода в Юрьеве Ливонском).

⁶³ Сб. РИО. Т. 71. С. 380. Все эти ближние бояре присутствовали и на заседаниях Земского собора 1566 г. См.: Зимин А.А. Опричнина... С. 196.

⁶⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 354–421.

⁶⁵ См.: РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 209; Зимин А.А. Опричнина... С. 198.

⁶⁶ Ср.: Зимин А.А. Опричнина... С. 198.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 13. Л. 65 об., 66; Савва В.И. О Посольском приказе. С. 203. О деятельности посольского дьяка А. Васильева в 1567 г. см. также: Сб. РИО. Т. 71. С. 555.

И.В. Шереметев-Меньшой, И.П. Яковлев, Л.А. Салтыков, кн. П.С. Серебряный и М.И. Вороной-Вольнский⁶⁸.

Таким образом, в 1567 г. состав ближних бояр не претерпел каких-либо значительных изменений. Примечательно возвращение в их круг Л.А. Салтыкова, о котором Таубе и Крузе писали как о "ближайшем советнике" Ивана Грозного. Летом 1567 г. он выиграл местнический спор с кн. А.И. Татевым, что наглядно показывает укрепление позиций Л.А. Салтыкова в царском окружении⁶⁹. Новым человеком среди ближних людей был М.И. Вороной – в прошлом начальником приказа Казанского дворца. Как отмечал С.Б. Веселовский, в годы опричнины (во всяком случае, до 1568 г.) Вольские состояли в окружении Ивана Васильевича. О блестящей карьере М.И. Вороного писал и С.О. Шмидт⁷⁰.

Возвращенный в Ближнюю думу боярин М.Я. Морозов в 1567 г. получил ответственное задание, связанное с тайными семейными делами царя – он встречал на границе сестру польского короля, жену шведского правителя Екатерину, которую должны были доставить из Швеции для бракосочетания с Иваном Грозным⁷¹. Князьям М.И. Воротынскому, В.С. Серебряному и А.П. Телятевскому в 1567 г. царь поручал важные посты в своей армии⁷².

К тому году относится и последнее упоминание в разрядах о царевиче Кайбуле. Очевидно, он отошел от воинской службы из-за преклонного возраста, но вплоть до своей смерти (1570) Кайбула владел г. Юрьевым, пожалованным ему еще в 50-е годы⁷³. После смерти царевича его место в Ближней думе унаследовал его сын Михаил (см. ниже). В целом же бурные события 60-х годов не оказали заметного влияния на положение Кайбулы при дворе Ивана IV. Занимая довольно скромное место среди татарской знати, он снискал расположение царя Ивана как представитель астраханской династии, и его приближение к особе государя должно было умиротворить воинственные настроения в покоренном Астраханском ханстве. Возвышению Кайбулы помогла и воинская отвага, проявленная им в сражениях с врагами русского царя.

Приближенные опричники А.Д. Басманов и кн. А.И. Вяземский в феврале 1567 г. заключили договор со шведскими послами в Александровской слободе. Осенью кн. А.И. Вяземский и П.В. Зайцев при походе в Литву были назначены дворовыми воеводами⁷⁴.

В течение 1567 г. двое ближних людей находились в посольстве за границей (И.М. Воронцов – в Швеции, Ф.И. Умной – в Литве), а боярин И.П. Федоров в то время, как известно, подвергся опале. В том же году умер ближний боярин В.М. Юрьев⁷⁵.

В 1568 г. Ближняя дума вынесла приговор о "литовских делах", который приняли бояре кн. И.Д. Бельский, кн. И.Ф. Мстиславский, Н.Р. Юрьев, М.Я. Морозов, И.В. Шереметев-Большой, И.П. Яковлев, казначей Н.А. Фуни-

⁶⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 563.

⁶⁹ *Рогинский М.Г.* Послания Иоганна Таубе и Элерта Крузе... С. 54; РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 213, 214.

⁷⁰ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 287; *Шмидт С.О.* Российское государство... С. 69. См. также: *Носов Н.Е.* Становление... С. 441, 482; *Скрынников Р.Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 49.

⁷¹ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 407.

⁷² РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 211 (Воротынский); Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1975. Т. I. С. 157. (В.С. Серебряный); С. 163 (Телятевский). (Далее: РК 1550–1636).

⁷³ РК 1475–1605. Т. II, ч. 1. С. 218; Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 77.

⁷⁴ См.: Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 121; РК 1550–1636. Т. I. С. 162.

⁷⁵ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 432.

ков, печатник М.И. Висковатый и дьяки П. Михайлов, А. Васильев, А.Я. и В.Я. Щелкаловы⁷⁶.

Характерной чертой состава Ближней думы 1568 г. стало увеличение числа ближних дьяков, что определяется общей тенденцией возрастания роли дьячества в государственной жизни второй половины XVI в.⁷⁷

Путила Михайлов, записанный первым из дьяков в рассматриваемом приговоре, еще при учреждении опричнины вместе с другим ближним дьяком, А. Васильевым, читал народу царскую грамоту⁷⁸. С 1555 по 1567 г. П. Михайлов руководил Поместным приказом – важнейшим органом, занятым распределением земельных наделов среди служилых людей⁷⁹. Долгое время Путила работал в тесном контакте с казначеем Н.А. Фуниковым, входившим в Ближнюю думу еще в 1553 г.⁸⁰ В 1569 г. П. Михайлов перешел в опричнину, где он занял пост опричного казначея⁸¹. Решение Ивана Грозного взять Михайлова в опричнину свидетельствует об особом доверии царя к этому чиновнику, поскольку казначей в опричнине играл гораздо большую роль, чем в земской половине государства⁸².

В конце 1560-х гг. началось стремительное восхождение к власти дьяков Щелкаловых, которые также упоминаются в указанном приговоре. В отличие от П. Михайлова, избегавшего закулисных интриг, Щелкаловы стояли во главе целой группы придворных, объединившей их родственников Сукиных, а также Клобуковых, Годуновых, опричников кн. В.И. Темкина и М.Л. Скуратова⁸³. К ним примыкал и боярин И.В. Шереметев-Меньшой, состоявший с Щелкаловыми в тесных дружеских отношениях⁸⁴.

Д.Н. Альшиц называет Щелкаловых "явными опричниками, хотя и числившимися в земщине", однако, такое определение совершенно не соответствует

⁷⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 564–565.

⁷⁷ См.: Шмидт С.О. О дьячестве в России в середине XVI в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М. 1963. С. 181–190. Об усилении влияния думных дьяков в политической сфере свидетельствует и то, что с 1560-х гг. они начали вести самостоятельную дипломатическую переписку. См. подробнее: *Богатырев С.Н.* Грамоты... С. 25.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XIII, ч. 2. С. 392.

⁷⁹ См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 233–234. Управляя с середины 1550-х гг. обширной Двинской землей, Путила уже тогда имел право личного доклада царю. См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 250. С. 273.

⁸⁰ См.: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 11. Л. 305 об; *Савва В.И.* О Посольском приказе... С. 328.

⁸¹ См. подробнее: *Богатырев С.Н.* Путила Михайлов: поместный дьяк и опричный казначей // Реализм исторического мышления: Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. М., 1991. С. 38–39. Источники показывают тесную связь П. Михайлова со Спасским Ярославским монастырем (Иона, архимандрит этого монастыря в начале XVI в., был, вероятно, дедом Путилы). См.: *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие... С. 334; Исторические акты Ярославского Спасского монастыря / Изд. И.А. Вахромеевым. Дополнения. М., 1896. С. 17, 18, 26, 31, 34, 35. Очевидно, Путила вошел в опричнину вместе с Ярославским уездом, откуда он был родом (о взятии Ярославля в опричнину см.: *Ахмиков Ю.В.* Записи летописного характера в рукописном сборнике Кирилло-Белозерского собрания – новый источник по истории опричнины // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 2. С. 121–129).

⁸² *Садиков П.А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 83.

⁸³ А.Я. Щелкалов был женат на У.И. Сукиной. См.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... С. 214. Его брат Василий женился на Анастасии Ермолаевне Лихаревой, происходившей из семьи каширских дворян. См.: *Богатырев С.Н.* Грамоты... С. 35. Обширная запись о роде Щелкаловых содержится в синодике Валаамского монастыря: "Род Андрея и Василья Щелкаловых. Иякова, иноку Анастасию, Петра, Дорофея инока, иноку Евдокею, Агрелену, иноку Софью, Марью, схим[ницу] Осулю, Василья, млад[енца] Василья, млад[енца] Ефросинью, млад[енца] Акилину, Григорья, князя Павла, Дарью, Ивана, княгиню Марфу, схим[ника] Герасима, схим[ника] Сергия, Мавру, Доминкею, Стефана, Никиту, Маремьяну, княгиню иноку Марфу, Григория, инока Феодосия" (Финляндия. Куорю. *Orthodoksinen kirkkomuseo.* Собрание рукописей. № 67 (4/41). Л. 10 об.–11). Подробнее о родственных связях Щелкаловых см. авт. работу "Клан Щелкаловых", выходящую в журнале "Историческая генеалогия" (Екатеринбург; Париж. 1995. № 5).

⁸⁴ См.: *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки... С. 205.

действительности. Как известно, братья Щелкаловы имели довольно натянутые отношения с "крестным отцом" опричнины, кн. М.Т. Черкасским – тот даже пытался оклеветать В.Я. Щелкалова с помощью одного из подьячих⁸⁵.

В целом усилия группировки Щелкаловых были направлены против старых членов Ближней думы – казначея Н.А. Фуникова, печатника И.М. Висковатого, опричников кн. А.И. Вяземского, Басмановых и того же кн. М.Т. Черкасского, выступавших за ограничение политики репрессий⁸⁶. Одним из ранних проявлений этой борьбы стал иск о "бесчестии", предъявленный В.Я. Щелкаловым и кн. В.И. Темкиным печатнику И.М. Висковатому. Как отмечает И.Ч. Граля, сохранившиеся материалы этого дела следует датировать 1567/68 г., т.е. как раз временем первого появления Щелкаловых в Ближней думе⁸⁷.

Необходимо особо отметить, что противостояние двух группировок московской элиты на рубеже 1560-х – 70-х годов началось с борьбы неродовитых представителей чиновничества, однако ареной столкновений стала именно Ближняя дума. Это вполне естественно, поскольку Ближняя дума, объединяя верхушку Государева двора, в то же время не имела такой жесткой служебной иерархии, какая существовала в приказах и других административных органах⁸⁸.

Таким образом, приговор 1568 г. отражает состав Ближней думы Ивана Грозного в период острой политической борьбы, развернувшейся в его окружении. В январе 1568 г. руководители Ближней думы (кн. И.Ф. Мстиславский, кн. И.И. Пронский, П.С. Серебряный и др.) находились в Москве, где совещались с царем о "земских" делах⁸⁹. Летом 1568 г. ближние люди, среди которых были некоторые участники вышеуказанного приговора, а также бояре кн. И.И. Пронский, М.И. Вороной-Волынский и И.В. Шереметев-Меньшой руководили армией, стоявшей в 'Вязьме'⁹⁰. Главный приближенный опричник кн. А.И. Вяземский в июле 1568 г. возглавил карательный отряд, посланный против сторонников боярина И.П. Федорова⁹¹.

В 1568 г. царь благосклонно относился к Л.А. Салтыкову, и вероятно, тогда же зачислил его в опричнину. Кн. А.П. Телятевский в то время командовал опричными войсками в Калуге (в следующем году он умер)⁹².

По наблюдениям Р.Г. Скрынникова, к зиме 1568/69 г. относятся первые признаки грядущей опалы на Басмановых⁹³. Тогда же пошатнулось и положение кн. М.И. Воротынского – в конце 1568 г. у него вновь конфисковали значительную

⁸⁵ См.: *Альшиц Д.Н.* Начало самодержавия в России. М., 1988. С. 206; Писцовые книги XVI в. СПб., 1872. Т. I. Отд. 1. С. 381; ААЭ. Т. I. № 280.

⁸⁶ См.: *Граля И.Ч.* Падение московского канцлера // Реализм исторического мышления... С. 62–63. Граля включает в число противников Щелкаловых и Захарьиных, что вызывает определенные сомнения, так как этот род начиная с 1540-х гг. и вплоть до воцарения Романовых покровительствовал Щелкаловым. См.: *Богатырев С.Н.* "Клан Щелкаловых". В любом случае, фракционная борьба 1568 г. требует дальнейшего изучения. См.: *Корецкий В.И.* Политическая борьба и сословные учреждения времени опричнины // Феодализм в России. М., 1987. С. 229–235; *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 320–321.

⁸⁷ См.: АИ. Т. I. № 180. С. 341–343 *Граля И.Ч.* Указ. соч. С. 63. Ср.: *Кобрин В.Б.* Состав... С. 77. В материалах по иску В.Я. Щелкалов назван "введенным дьяком", т.е. дьяком Ближней думы (о термине "введенный" см. также: *Богатырев С.Н.* Как называлась приказная элита... С. 98).

⁸⁸ По наблюдениям Н.П. Лихачева, царские советники записывались в рассматриваемых приговорах без учета местнических правил и времени получения думного чина. См.: *Лихачев Н.П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI в. // Сб. Археол. ин-та. СПб., 1898. Кн. 6. С. 11.

⁸⁹ См.: *Корецкий В.И.* Политическая борьба... С. 230, 231.

⁹⁰ РК 1550–1636. Т. I. С. 165.

⁹¹ *Рогинский М.Г.* Послания... С. 41, 42. См. также: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 283; *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 316, 317.

⁹² См.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 227 (Салтыков); РК 1550–1636. Т. I. С. 166, 169 (Телятевский).

⁹³ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 376.

часть родовой вотчины⁹⁴. В 1568 г. на воеводстве в Полоцке умер от поветрия кн. В.С. Серебряный⁹⁵. И.М. Воронцов в 1568 г. по-прежнему находится в Швеции. В 1569 г. был казнен кн. И.И. Пронский⁹⁶. О деятельности ближнего человека П.В. Зайцева в 1568 г. у нас нет никаких определенных данных.

Вернувшийся из Литвы боярин Ф.И. Колычев в конце 1567 г. подвергся изощренным издевательствам со стороны Ивана Грозного, после чего, однако, царь простил Федору его неудачную дипломатическую миссию и даже поставил его управлять опричной частью Москвы⁹⁷. В целом же изменения, происходившие в составе Ближней думы на протяжении 1568 г., предвещали страшную трагедию, разыгравшуюся в царском окружении через два года.

Для изучения состава Ближней думы 1570 г. особенно важен боярский приговор от 27 мая, который принимали как земские, так и опричные советники Ивана Грозного. Судя по этому источнику, в тогдашнюю Ближнюю думу входили следующие лица: из земщины – бояре кн. И.Д. Бельский, кн. И.М. Мстиславский, И.В. Шереметев-Большой, М.Я. Морозов, Н.Р. Юрьев, казначей Н.А. Фуников, печатник И.М. Висковатый, дьяки брата Щелкаловы; из опричнины – кн. М.Т. Черкасский, бояре кн. В.И. Темкин-Ростовский, И.Я. Чеботов, Ф.И. Умной, окольничий В.И. Умной и думные дворяне И.Ф. Воронцов, П.В. Зайцев, И.С. Черемисинов, В.Г. Грязной и М.Л. Бельский⁹⁸.

Как видно, к маю 1570 г. произошли заметные изменения в составе опричных советников царя Ивана. Главным среди них стал царский шурин кн. М.Т. Черкасский, воспитанный при дворе Ивана IV и женатый на дочери ближнего боярина В.М. Юрьева. Будучи "великим человеком", он занимал в окружении Грозного особое положение по сравнению с другими опричниками⁹⁹.

Князь Василий Иванович Темкин попал в ближайшее окружение Ивана Грозного после 1567 г., когда царь выкупил его из литовского плена. В следующем году князь Василий возглавил организацию процесса против опального митрополита Филиппа Колычева¹⁰⁰. Как уже отмечалось, оказавшись среди доверенных советников Ивана Грозного, кн. В.И. Темкин активно включился в политическую борьбу ближних людей на стороне группировки Щелкаловых.

Иван Яковлевич Чеботов, записанный в приговоре после кн. Темкина, состоял в свите Ивана IV еще в 1550-е гг. Как известно, положение Чеботова резко переменилось во время царской поездки к Александровской слободе в

⁹⁴ Как полагает Р.Г. Скрынников, кн. М.И. Воротынского скомпрометировало предложение о переходе на польскую службу, сделанное ему в 1567 г. польским королем. См.: *Скрынников Р.Г. Царство...* С. 475. О Воротынском в 1568 г. см. также: *Разрядная книга 1559–1605 гг. М., 1974.* С. 56, 57. О вотчине Воротынского см.: *Колычева Е.И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного // *Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII вв.: Тез. первой научной конференции, посвященной памяти А.А. Зимина. М., 1990.* С. 128, 129. Ротапринт; *Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы о землевладении князей Воротынских во второй половине XVI – начале XVII в. // *Арх. рус. истории. Вып. 2.* С. 93–121.

⁹⁵ См.: *Зимин А.А.* Опричнина... С. 391.

⁹⁶ *Скрынников Р.Г. Царство...* С. 354.

⁹⁷ См. подробнее: *Скрынников Р.Г. Царство...* С. 227, 326.

⁹⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 666. В историографии этот приговор традиционно приводится как пример объединения земской и опричной Боярских дум накануне отмены опричнины. См.: *Садиков П.А.* Очерки... С. 79; *Кобрин В.Б.* Состав... С. 83; *Зимин А.А.* Опричнина... С. 369. В действительности указанный приговор отразил расстановку сил в борьбе придворных группировок, причем разделение на фракции происходило не по принадлежности к земщине или к опричнине, а на основе патронажных, родственных и дружеских связей (раздельная запись земских и опричных советников – всего лишь отражение делопроизводственных принципов регистрации служилых людей).

⁹⁹ См.: *Кобрин В.Б.* Состав... С. 86, 87; *Скрынников Р.Г.* Опричнина и последние удельные княжества на Руси // *ИЗ. М., 1965, Т. 67.* С. 168, 169.

¹⁰⁰ Подробнее о кн. В.И. Темкине см.: *Кобрин В.Б.* Состав... С. 77; *Зимин А.А.* Опричнина... С. 255; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 341; *Camphausen H.-W.* Op. cit. P. 241.

конце 1564 г. – сначала государь взял его с собой, но на полпути боярина, жестоко унизив, вернули обратно в Москву¹⁰¹. Лишь к 1566 г. И.Я. Чеботову удалось восстановить свои позиции при царском дворе. В июле того же года он – участник Земского собора, а вскоре Чеботова приняли и в опричнину¹⁰².

До нашего времени сохранилось очень мало источников о пребывании Чеботова среди опричников. К числу таких материалов относится и неопубликованная царская грамота к московским боярам от 27 декабря 1569 г. Из нее следует, что И.Я. Чеботову и Путиле Михайлову поручалось организовать выдачу кормов литовским послам в Вязьме и в других опричных городах¹⁰³. Как отмечал В.Б. Кобрин, служба И.Я. Чеботова всегда была тесно связана с дворцовым ведомством¹⁰⁴. Поскольку именно дворецкий обычно выдавал корма для иностранных послов, есть все основания утверждать, что на рубеже 1569–1570 гг. должность опричного дворецкого занимал И.Я. Чеботов. Судя по формулировке вышеуказанной грамоты ("в опришнину... к Ивану к Чеботову да к Путилу послали память"), в подчинении у дворецкого Чеботова находился Путила Михайлов, занимавший, как уже отмечалось, пост опричного казначея. Тот факт, что в Опричном дворе казначей подчинялся дворецкому, еще раз свидетельствует об архаичных дворцово-вотчинных методах управления, принятых в опричной администрации¹⁰⁵.

Среди новых приближенных опричников майский приговор 1570 г. называет и В.И. Умного-Колычева – брата упоминаемого выше боярина Ф.И. Колычева¹⁰⁶.

Как и в середине 60-х годов, в окружении Ивана Грозного в 1570 г. особое место занимали придворные со званием думных дворян (или, как сказано в майском приговоре, "дворяне, которые живут у государя з бояры"). Так, в качестве думного дворянина в Ближнюю думу вернулся И.С. Черемисинов-Караулов, ставший к тому времени опричником. Думный дворянин Иван Федорович Воронцов, также принимавший указанный приговор, вошел в опричнину в 1567 г.¹⁰⁷ Как было показано, в Ближней думе представители этого старомосковского рода состояли еще в 1550-е гг. По словам Грозного, у него в "приближень" находился и думный дворянин В.Г. Грязной, чье имя также записано в тексте приговора 1570 г.¹⁰⁸

Ближние люди (кн. И.Д. Бельский, кн. И.Ф. Мстиславский, кн. М.И. Ворытский, М.Я. Морозов, И.П. Яковлев, Н.Р. Юрьев, И.В. Шереметев-Большой, Н.А. Фуников, И.М. Висковатый, А. Васильева) в июне 1570 г. принимали шведских послов. Эти же лица (кроме И.П. Яковлева и А. Васильева) приняли 12 июня приговор по шведским делам¹⁰⁹. Ближний боярин И.В. Шереметев-Меньшой не участвовал в заседаниях Тайного совета, поскольку находился в действующей армии, но до и после 1570 г. он был приближен к царю Ивану¹¹⁰.

Начиная с июня 1570 г. Ближняя дума, как и Государев двор в целом, подверг-

¹⁰¹ См. подробнее: *Зимин А.А. Опричнина...* С. 127.

¹⁰² См.: Там же. С. 196.

¹⁰³ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2 (1569 г.) Л. 9.

¹⁰⁴ *Кобрин В.Б. Состав...* С. 83.

¹⁰⁵ См.: *Зимин А.А. Опричнина...* С. 376. Ср.: *Скрынников Р.Г. Царство...* С. 229.

¹⁰⁶ О В.И. Умном-Колычеве см.: *Кобрин В.Б. Состав...* С. 43–44; *Зимин А.А. Состав...* С. 73; *Satphausen H.-W. Op. cit. P. 230.*

¹⁰⁷ См.: *Кобрин В.Б. Состав...* С. 31; См. также: *Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины...* С. 101, 102; *Satphausen H.-W. Op. cit. P. 263.*

¹⁰⁸ *Послания Ивана Грозного. М., Л., 1951.* С. 193. Ср.: *Скрынников Р.Г. Опричный террор.* С. 155.

¹⁰⁹ Сб. РИО. СПб., 19Ю. Т. 129. С. 187–190. *В.И. Савва* предполагал, что А. Васильев участвовал и в вынесении приговора. См.: *Савва В.И. О Посольском приказе.* С. 205.

¹¹⁰ См.: РК 1475–1598. С. 232; и сл.

лись чудовищному разгрому¹¹¹. Полный список репрессированных советников помещен в приложении, здесь же отметим только некоторые случаи, недостаточно освещенные в историографии. Как установили исследователи, летом 1570 г. было уничтожено руководство главных административных органов. Достоверно известно, что царь казнил казначея Н.А. Фуникова и печатника И.М. Висковатого. Глава Посольского приказа Андрей Васильев также пострадал в ходе репрессий, но конкретных сведений о его судьбе не сохранилось¹¹². Следует отметить, что в тексте синодика опальных среди приказных (!) людей, казненных 21 июля, записаны сын и дочь какого-то Андрея – не Андрея ли Васильева? А.А. Зимин предполагал, что самого Васильева царь "протил" во время казни. Действительно, такое садистское "милосердие" вполне соответствовало нравам Ивана Грозного¹¹³.

Гонениям подвергались не только земские, но и опричные чиновники. Во второй половине 1570 г. в монахи постригся опричный дворецкий И.Я. Чеботов. Его подчиненный Путила Михайлов в то время также принял иноческое звание¹¹⁴. Одновременное пострижение двух руководителей опричного Дворца подтверждает высказанную в литературе мысль о том, что удаление в монастырь Чеботова (как и Путилы) связано с опалами и казнями 1570 г.¹¹⁵

После уничтожения прежних начальников Посольского приказа это ведомство возглавил А.Я. Щелкалов, исполнявший одновременно обязанности разрядного дьяка¹¹⁶. Вместе со старшим братом заметного успеха добился Василий Щелкалов, который читал обвинительное заключение во время летних казней 1570 г. В конце того же года он впервые был назначен в ответную комиссию для переговоров с иностранной делегацией¹¹⁷. Переход административной власти в руки Щелкаловых означал полную победу их группировки в ближней думе и в приказных ведомствах.

После новгородского "изменного" дела царь отстранил от себя бывшего ближнего боярина М.И. Вороного (его родственник Г.И. Вороной погиб в Новгороде от рук опричников)¹¹⁸.

¹¹¹ Историю казней и механизм террора всесторонне и глубоко изучил Р.Г. Скрынников. Развивая идеи Р.Ю. Виппера и А.А. Зимина, А.Л. Хорошкевич связывает казни 1570 г. с неудачами русской дипломатии в переговорах с Польшей. См.: *Хорошкевич А.Л.* Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы: Тез. первой научной конференции, посвященной памяти А.А. Зимина. С. 289. Все московские дипломаты, пострадавшие в 1570 г., были членами Ближней думы. Поэтому, скорее всего, кризис в отношениях царя и его двора, в первую очередь, был вызван глубоким конфликтом и борьбой враждующих группировок в Ближней думе. Сам Иван Грозный жаловался незадолго до казней: "...И ближние мои отдалече мене стаха" (цит. по: *Скрынников В.Г.* Царство... С. 328).

¹¹² Большинство историков считает, что он был казнен. См.: Дьяки и подьячие Посольского приказа. С. 147 (приведена историография вопроса).

¹¹³ См.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 541 (реконструкция текста синодика); *Зимин А.А.* Опричнина... С. 442.

¹¹⁴ См.: Исторические акты Спасского Ярославского монастыря: Дополнения. С. 26. Путила постригся в монахи после декабря 1569 г., когда он еще служил в опричнине, но до 1571 г., года его смерти. Как показал В.Б. Кобрин, сведения о дате смерти Путилы содержатся в копийной книге Богоявленского монастыря (в авт. работе "Путила Михайлов..." дана ошибочная ссылка на книги Коряжемского монастыря. Ср.: *Кобрин В.Б.* Состав... С. 68). Дата смерти П. Михайлова подтверждается документами Литовской Метрики. См.: Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского (с 1573 по 1580 г.). М., 1845. С. 278 – опубликована М. Погодиным и Д. Дубенским, а не М.А. Оболенским, как неверно указано в вышеназванной авт. работе.

¹¹⁵ См.: *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. С. 237, 468; *Кобрин В.Б.* Состав... С. 83–84.

¹¹⁶ См.: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 106; РК 1475–1605. Т. II, ч. 2. С. 310; *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки. С. 554.

¹¹⁷ *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934. С. 46; *Савва В.И.* О Посольском приказе. С. 395.

¹¹⁸ *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 369.

Казни 1570 г. стали самым глубоким потрясением в истории Ближней думы рассматриваемого периода. Разгул террора вызвал панические настроения в ближайшем царском окружении, что отразилось в приписках к заведению кн. М.И. Воротынского. Напуганные новгородским погромом и летними казнями, царские советники стремились максимально ограничить какие-либо неофициальные контакты друг с другом, и поэтому двое ближних людей, кн. И.Ф. Мстиславский и Н.Р. Юрьев, согласившиеся ранее быть душеприказчиками кн. М.И. Воротынского, теперь поспешно отказались от своего решения¹¹⁹. Мы рассмотрели персональный состав Ближней думы с 1560 по 1570 г. Следующая часть работы будет посвящена истории Тайного совета 1571–1572 гг. и обобщающим выводам по теме исследования.

Приложение

Изменения в составе Ближней думы в 1560–1570 гг.

Год	Состав Ближней думы	Ближние люди: опальные (оп.) казненные (казн.) убитые (уб.) умершие (ум.)
1560	[...]	А.Ф. Адашев (оп.) И.М. Вешняков (оп. – ?)
1561	А. Васильев И.М. Висковатый кн. П.И. Горенский кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев Д.Р. Юрьев В.М. Юрьев И.П. Яковлев	<i>Удалены из Ближней думы:</i> кн. И.Д. Бельский кн. Д.И. Курлятев М.Я. Морозов кн. В.С. Серебряный И.В. Шереметев-Большой <i>Нет данных:</i> царь Симеон Касаевич царевич Кайбула Ахкубекович
1562	кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый (с августа в Дании) кн. В.М. Глинский кн. П.И. Горенский царевич Кайбула Ахкубекович кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский кн. В.С. Серебряный царь Симеон Касаевич кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев Д.Р. Юрьев В.М. Юрьев И.П. Яковлев	кн. И.Д. Бельский (оп. в январе-марте) И.М. Висковатый (с августа в Дании) кн. Д.И. Курлятев (оп.) М.Я. Морозов (оп.)

¹¹⁹ *Беликов В.Ю., Колычева Е.И.* Документы... С. 115. Из текста приписок к духовной видно, что отказ последовал между апрелем 1569 и маем 1571 г. Вряд ли бояре пошли бы на этот шаг и после 1 января 1571 г., когда царь поручил кн. М.И. Воротынскому реорганизовать оборону на южных границах, показав свое доверие Воротынскому, и, следовательно, порвать отношения с князем Воротынским им не было никаких причин. Отказ, несомненно, произошел после новгородского дела, бросившего тень на Юрьевых. См.: *Скрынников Р.Г.* Царство... С. 432). Вероятнее всего, это случилось в августе 1570 г., перед походом царя на крымцев, когда Иван Грозный решил не брать с собой Н.Р. Юрьева, оставив его в Москве. См.: *РК 1475–1598.* С. 233. Вполне понятно, что Юрьев в такой ситуации готовился к самому худшему и не хотел связывать себя никакими обязательствами. Страхи Н.Р. Юрьева передались и кн. И.Ф. Мстиславскому.

1563	<p>кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый кн. В.М. Глинский кн. П.И. Горенский П.В. Зайцев царевич Кайбула Ахкубекович кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский кн. В.С. Серебряный царь Симеон Касаевич кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев кн. П.И. Шуйский Д.Р. Юрьев В.М. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>И.М. Висковатый (до ноября в Дании) М.Я. Морозов (оп.)</p>
1564	<p>А.Д. Басманов кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый кн. В.М. Глинский кн. П.И. Горенский П.В. Зайцев царевич Кайбула Ахкубекович Ш.В. Кобяков кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский Л.А. Салтыков кн. В.С. Серебряный кн. П.С. Серебряный царь Симеон Касаевич кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев И.П. Федоров Н.А. Фуников И.С. Черемисинов В.М. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>кн. В.М. Глинский (ум.) кн. П.И. Горенский (оп. с осени) М.Я. Морозов (оп.) И.В. Шереметев-Большой (оп. весной) кн. П.И. Шуйский (уб.) Д.Р. Юрьев (ум.)</p>
1565	<p>А.Д. Басманов кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый кн. А.И. Вяземский П.В. Зайцев царевич Кайбула Ахкубекович кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский кн. В.С. Серебряный кн. П.С. Серебряный царь Симеон Касаевич кн. А.П. Телятевский И.П. Федоров Н.А. Фуников И.В. Шереметев-Большой В.М. Юрьев Н.Р. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>кн. П.И. Горенский (казн.) М.Я. Морозов (оп.) Л.А. Салтыков (оп.) царь Симеон Касаевич (ум.) И.П. Яковлев (оп. в конце 1564 – весной 1565 г.)</p> <p><i>Удалены из Ближней думы:</i> Ф.И. Умной-Колычев И.С. Черемисинов Ш.В. Кобяков</p>
1566	<p>кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый И.М. Воронцов кн. М.И. Воротынский</p>	<p><i>Нет данных:</i> А.Д. Басманов царевич Кайбула Ахкубекович кн. А.П. Телятевский</p>

1566	<p>кн. А.И. Вяземский П.В. Зайцев М.Я. Морозов кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский кн. В.С. Серебряный кн. П.С. Серебряный Ф.И. Умной-Колычев И.П. Федоров Н.А. Фуников И.В. Шереметев-Большой И.В. Шереметев-Меньшой В.М. Юрьев Н.Р. Юрьев И.П. Яковлев</p>	
1567	<p>А.Д. Басманов кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый М.И. Вороной-Волынский И.М. Воронцов кн. М.И. Воротынский кн. А.И. Вяземский П.В. Зайцев царевич Кайбула Ахкубекович М.Я. Морозов кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский Л.А. Салтыков кн. В.С. Серебряный кн. П.С. Серебряный кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев Н.А. Фуников И.В. Шереметев-Большой И.В. Шереметев-Меньшой В.М. Юрьев Н.Р. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>И.М. Воронцов (с июля в Швеции) Ф.И. Умной-Колычев (в Литве) И.П. Федоров (оп.) В.М. Юрьев (ум.)</p>
1568	<p>кн. И.Д. Бельский А. Васильев И.М. Висковатый М.И. Вороной-Волынский кн. А.И. Вяземский П. Михайлов М.Я. Морозов кн. И.Ф. Мстиславский кн. И.И. Пронский Л.А. Салтыков кн. П.С. Серебряный кн. А.П. Телятевский Ф.И. Умной-Колычев Н.А. Фуников И.В. Шереметев-Большой И.В. Шереметев-Меньшой А.Я. Щелкалов В.Я. Щелкалов Н.Р. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>И.М. Воронцов (в Швеции) кн. И.И. Пронский (казн. в 1569 г.) кн. В.С. Серебряный (ум.) кн. А.П. Телятевский (ум. в 1568/9 г.) И.П. Федоров (казн.)</p> <p><i>Удалены из Ближней думы:</i> А.Д. Басманов кн. М.И. Воротынский царевич Кайбула Ахкубекович</p> <p><i>Нет данных:</i> П.В. Зайцев</p>
1570	<p>кн. И.Д. Бельский М.Л. Бельский А. Васильев</p>	<p>А.Д. Басманов (казн.) А. Васильев (оп. – ?) И.М. Висковатый (казн.)</p>

1570	<p>И.Ф. Воронцов кн. М.И. Воротынский И.М. Висковатый В.Г. Грязной П.В. Зайцев М.Я. Морозов кн. И.Ф. Мстиславский кн. В.И. Темкин-Ростовский В.И. Умной-Колычев Ф.И. Умной-Колычев Н.А. Фуников И.Я. Чеботов И.С. Черемисинов кн. М.Т. Черкасский И.В. Шереметев-Большой И.В. Шереметев-Меньшой А.Я. Щелкалов В.Я. Щелкалов Н.Р. Юрьев И.П. Яковлев</p>	<p>М.И. Вороной-Волынский (удален из Ближней думы) И.М. Воронцов (ум.) И.Ф. Воронцов (казн.) кн. А.И. Вяземский (оп.) царевич Кайбула Ахкубекович (ум.) П. Михайлов (постригся в м-рь) Л.А. Салтыков (оп.) кн. П.С. Серебряный (казн.) Н.А. Фуников (казн.) И.Я. Чеботов (постригся в м-рь)</p>
------	--	--

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ БУМАЖНЫХ ВОДЯНЫХ ЗНАКОВ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Конец XVIII – первая половина XIX в. – период становления источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин в связи с развитием исторической науки в России. Истории палеографии, дипломатики, геральдики, археографии и других такого рода дисциплин посвящена большая научная литература, учебные пособия, библиографии. Большинство исследований касается развития этих дисциплин во второй половине XIX–XX в. и их превращения из вспомогательных в специальные. В последние десятилетия осуществлены успешные попытки углубить эти исследования, проанализировать самые истоки появления этих областей знания в России¹.

Особо важное значение в этом плане имеют изыскания, обобщающие и по-новому осмысливающие деятельность "колумбов российских древностей" – крупнейших русских ученых историков, палеографов, археографов, которые в первой трети XIX в. собрали, изучили и издали огромное количество источников по отечественной истории².

Много нового материала дает изучение истории коллекционирования рукописей и книг, в том числе знатоками – любителями³. Анализируя ее, В.П. Козлов пришел к выводу, что в 10–20-х годах XIX в. "основная масса рукописных книг находилась в среде низшего и среднего слоев русского общества. Вместе с тем к ним повысился интерес как к предмету собирания у высшего привилегированного класса"⁴.

Издание первых описаний этих коллекций, помимо научных работ, связанных с их изучением, позволило ввести в научный оборот ценнейшие исторические источники, а в ходе составления описаний рукописей и подготовки к изданию важнейших источников закладывались основы вспомогательных исторических знаний.

© Ю.В. Андрюшайтите

¹ Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии: (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963; Николаева А.Т. Русское источниковедение XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968; Каменцева Е.И. История вспомогательных исторических дисциплин: Уч. пособие. М., 1979; Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. М., 1981. Ротапр.; Козлов В.П. Кружок А.М. Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве". М., 1988; и др.

² Козлов В.П. К.Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; Он же. Колумбы российских древностей. М., 1981; Он же. Русская археография конца XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989; Поле Т.А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980; Андреева Т.В. П.М. Строев и развитие русской исторической науки в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986; и др.

³ Никифоров Е.Г. Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX в. // СА. М., 1972. № 3; Козлов В.П. Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // АЕ за 1987 год. М., 1988; и др.

⁴ Козлов В.П. Колумбы российских древностей. С. 80.

Одной из наименее разработанных областей этих знаний, как за рубежом, так и в России первой трети XIX в., было изучение бумажных водяных знаков. В нашей историографической литературе специально этот вопрос не рассматривался. Обычно при изложении истории отечественного филиграноведения выделяются "пики" таких разработок: первая работа о бумажных водяных знаках И.П. Лаптева "Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи". С приложением рисунков (СПб., 1824); первый крупнейший не только в России, но и в мире сводный альбом филиграней К.Я. Тромонина "Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов" (М., 1844). И наконец, труды Н.П. Лихачева – классика русской палеографии и филиграноведения: "Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве" (СПб., 1891); "Палеографическое значение бумажных водяных знаков" (СПб., 1899. Ч. I–III).

Но между этими вершинами в историографии русского филиграноведения как бы пустота, частично заполненная упоминаниями описаний и изданий отдельных рукописей, при подготовке которых исследовались и использовались для датировки водяные знаки их бумаги. Однако обобщение этого материала не проводилось, кроме краткого обзора у Н.П. Лихачева⁵. И совсем не изучался вопрос о собирании коллекций филиграней, который имеет большое значение не только для выявления конкретных фактов истории культуры, но и для того, чтобы показать подготовку первых специальных пособий по филиграням, их источниковую базу, а также взаимосвязь деятельности знатоков – любителей и ученых в этой области. Здесь важно проследить накопление количественных знаний по изучению водяных знаков как основы возникновения филиграноведения.

Современные специалисты считают, что филигранология как научная дисциплина, сформировалась в конце XIX – начале XX в. с появлением капитальных трудов Н.П. Лихачева и Ш.Н. Брикe.

По аналогии с развитием этой дисциплины в Западной Европе, где работы с использованием филиграней известны еще с 1737 г. (а первое их упоминание даже в XVI в.)⁶, в России также работы с привлечением водяных знаков появились задолго до того, как сложилось филиграноведение. Но у нас этот процесс начался позже и занял несколько меньший период, а именно около 100 лет. Во всяком случае более ранние сведения о нем неизвестны.

По этому вопросу важное наблюдение высказал А.А. Турилов еще на первом всесоюзном совещании филиграноведов в Москве в 1987 г., а затем изложил его в статье. Он писал: «Развитию филигранологии как научной дисциплины предшествовал этап, который, пользуясь искусствоведческой терминологией, можно назвать знаточеским. В России он охватывает время от первой четверти до конца XIX в. Для него характерно формирование убеждения о важности филигранологии для датировки (даже с известным преувеличением ее возможной точности), идущее параллельно с накоплением материала без четкой систематизации. В научной литературе этот период отечественного филиграноведения практически не изучен (за исключением деятельности И.П. Лаптева и К.Я. Тромонина, оставивших печатные труды) из-за распыленности источниковой базы. Большинство знатоков в этот период фиксировало свои наблюдения непо-

⁵ Лихачев Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. С1ХХVІІІ–СХСІ.

⁶ Mošin. Die Filigranologie als historische Hilfswissenschaft // Papiergeschichte. Jg. 23 (1973). H. 5/6. Mainz, Juni 1974. S. 30.

средственно на рукописях (здесь можно упомянуть дочерей И.П. Лаптева – "девиц" Ольгу и Елизавету, помещавших тщательные копии "фабричных клейм" (филиграней) на защитных листах рукописей; многие же другие знатоки остаются пока, да, вероятно, останутся и в будущем, неизвестными»⁷.

Столь большая цитата приведена здесь потому, что она содержит важные положения, непосредственно связанные с нашим исследованием, и, кроме того, является фактически единственной в современной литературе обобщающей характеристикой этапа, подготовившего создание отечественного филиграноведения.

Соглашаясь с этой характеристикой в основном, отметим некоторые нюансы. Филиграноведческое "знатчество", на наш взгляд, фактически совпадало с понятием "практической палеографии", понятием, распространенным в среде историков первой половины XIX в., поскольку развитию исторической науки требовало широкого выявления и тщательного внешнего и внутреннего анализа письменных источников. Поэтому столь велико значение деятельности А.Н. Оленина, К.Ф. Калайдовича, П.М. Строева, А.Х. Востокова, А.И. Ермолаева и других ученых, закладывавших основы отечественной палеографии.

В практической палеографии, в том числе в ее филиграноведческой части, работа знатоков-любителей по сути смыкалась с деятельностью ученых. Последние, как правило, вводили новые данные в научный оборот.

Исключение относительно освещенности деятельности Лаптева и Тромонина, которое допускает Турилов, кажется верным лишь отчасти, так как деятельность Лаптева, кроме упоминания его книги, сегодня фактически только начинают изучать. Что касается Тромонина, то его альбом водяных знаков широко используется, однако о подготовке этого пособия имеются лишь отрывочные сведения. Эти два филиграноведа, выйдя из среды любителей, приблизились в филиграноведческой области к деятельности ученых, опубликовали результаты (хотя еще несовершенные) своих разработок.

В то же время прав Турилов, что многие другие знатоки остаются пока неизвестными. Однако последние работы и наши изыскания показывают, что при кропотливых поисках часть имен крупнейших знатоков-любителей филиграней можно вывести из забвения, сократив тем самым число неизвестных, "протянув нити" от них к ученым.

При этом, как часто происходит и в других областях знаний, разработки филиграней учеными и знатоками-любителями в подготовительный период шли как бы параллельно. В отдельных случаях они соприкасались, влияли друг на друга.

Какое наследие оставил XVIII в. в качестве предпосылок изучения бумаги и ее водяных знаков?

Учитывая, что мы исследуем подготовительный период развития отечественного филиграноведения, важно отметить факторы, способствовавшие включению в этот процесс представителей так называемого "третьего сословия". Прежде всего нужно вспомнить, что XVIII в. – время становления и бурного развития русского бумажного производства. Наряду с иностранной на российский рынок стала поступать и русская бумага. К концу века работало более 70 бумажных мануфактур под Москвой, Петербургом, Калугой, в Воронежском, Вологодском, Костромском и других уездах⁸. В частности, в

⁷ Турилов А.А. Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. тр. Л., 1990. С. 124–125.

⁸ Учаскина З.В. Русская техника в производстве бумаги. М., 1948. С. 14; Кукушкина М.В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 288; и др.

Вологодском уезде, на фабрике Турунтаевских⁹ в конце XVIII – начале XIX в. вырабатывалась писчая синяя бумага, которая встречалась в тетрадах И.П. Лаптева.

Таким образом, к концу XVIII – в начале XIX в. увеличилось число людей, втянутых не только в производство, но и потребление бумаги, ее покупку-продажу, использование для письма и книгопечатания. Острее стала необходимость разбираться в ее названиях, сортах и т.п. Еще в 1719 г. Адмиралтейств-коллегия издала реестр сортам бумаги, находящимся в продаже¹⁰. Указ 18 октября 1778 г. обязывал всех владельцев бумажных мануфактур "в делаемой всякого сорта бумаге класть свои особые от других клейма, а равно изображать на оной тот год, когда делана"¹¹. В XVIII в. употреблялась гербовая бумага со своими "клеймами" и водяными знаками¹².

Научному изучению в России того периода история бумаги еще не подвергалась. Она интересовала преимущественно практиков – фабрикантов, купцов, издателей, имевших дело как с русской, так и с иностранной бумагой. Они пользовались иностранными справочниками по писчебумажному производству, которые включали и материал по истории бумаги¹³. Отечественная литература по этой проблеме была малочисленна даже в середине XIX в.¹⁴ Сорта и форматы иностранной бумаги, более ранние образцы которой служили материалом для письма старинных русских рукописей, были известны русским потребителям под своими коммерческими названиями на языке оригинала. Передача этих названий на русский язык имела место прежде всего в таких деловых документах, как реестры товаров, таможенные тарифы. Использование такого рода источников, особенно за период до XVIII в., может помочь историкам и палеографам, как они послужили в свое время Н.А. Резцову в деле изучения бумаги в России¹⁵.

Во второй половине XVIII в., когда расширилась практика издания разного рода словарей, появились русские переводы иностранных коммерческих словарей. В них перечислялись сорта и форматы иностранной бумаги, многие из которых были связаны с названиями филиграней. В качестве примеров таких справочников укажем "Экстракт Савариева лексикона о коммерции" (пер. с фр. по поручению коммерц-коллегии секретарь Академии наук С. Волков. СПб., 1747) и "Словарь коммерческий" (пер. с фр. В. Левшина. М., 1787. Т. 1).

В литературе второй половины XVIII в. преобладают переводы с французского, как и французские заимствования в русском языке с 60-х годов XVIII в.¹⁶

В XVIII в. в русском языке закладываются основы многих специальных терминологических систем¹⁷. Это положение можно отнести и к бумаговедению. В формирующемся языке специалистов бумажной отрасли промышленности, торговцев бумагой, книгами господствовали русские термины (из интересующих нас – знак, клеймо, бумага разных рук, или доброты и др.), что способствовало

⁹ Лихачев Н.П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. М., 1891. С. 91–92; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I. С. ССVII–ССXII; Кукушкина М.В. Указ. соч. С. 309.

¹⁰ ПСЗ. СПб., 1830. Т. V. С. 756–757. № 3457.

¹¹ Там же. Т. XX. С. 755. № 14810.

¹² Картавов П.А. Исторические сведения о гербовой бумаге в России. СПб., 1900. Вып. I. С. 14–15.

¹³ См. об этом: Рейхель А. Обзор литературы писчебумажного производства. 2-е изд. СПб., 1860.

¹⁴ Там же. С. 41.

¹⁵ Полезно было бы собрать сведения об иностранной бумаге в торговле России по указанным документам, обработать и опубликовать в виде справочника.

¹⁶ История лексики литературного языка конца XVII – начала XIX в. М., 1981. С. 167–168.

¹⁷ Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977. С. 10.

его усвоению и распространению. Это, по-видимому, можно объяснить двумя обстоятельствами. Формирование основ бумажной терминологии проходило в период бурного развития русской бумажной промышленности и совпало со временем складывания общенационального литературного языка, когда "усиливаются пуристические тенденции, охрана "чистоты" общего типа языка, его славно-российского ядра и одновременно наблюдается активный приток иноязычных слов"¹⁸.

Однако главный для русского филиграноведения термин "бумажный водяной знак" еще не сложился, о чем свидетельствуют и материалы "Словаря русского языка XVIII в."¹⁹. Отдельно встречаются все составляющие его слова – знак, водяной, бумажный (относящийся к бумаге и ткани), но употребление целого термина еще нет. Хотя описания филигрانی в литературе имелись, например, в переводном с французского "Словаре коммерческом": "Посредине каждого полулиста кладется на одной половине знак всякой фабрики, а на другой – знак, определяющий свойство бумаги, как-то виноградной гроздь, лилия и тому подобное. И как знаки сии делаются из проволоки же и устанавливаются несколько повыше сетки, дно составляющей, изображаются оные на бумаге, и против свету на оной кажутся прозрачнее"²⁰. Мы видим здесь пояснение основного водяного знака и контрамарки. В официальных указах и других документах, связанных с бумажным производством, применительно к водяному знаку чаще употребляется слово "клеймо", но иногда – "изображение", "герб". Как и слово "знак", они использовались и в других случаях, с иным содержанием.

Примечательно, что хотя на рынке XVII и даже начала XVIII в. из иностранной бумаги сохраняла преимущества голландская бумага, голландская терминология в русском бумагоделании закрепились лишь в ряде названий сортов бумаги. Очевидно, длительный период ввоза французской бумаги, предшествовавший голландскому, пустил глубокие корни, укрепленные тесными связями России с Францией во второй половине XVIII в.

Уже со второго десятилетия XVIII в. входит в русский язык слово "сорт" непосредственно от фр. *sorte* (или через голл. *soorte* и нем. *Sorte*), "ранее всего как торговое слово в значении: класс доброты, качество товара или его вид, ассортимент"²¹. Но чаще употребляется русское его соответствие "рука", в том числе преимущество к сортам бумаги.

В упомянутых словарях XVIII в. фигурирует французское слово "формат" относительно размера бумажного листа. Со временем в XIX в. в русском филиграноведении постепенно закрепились в качестве основных терминов заимствования из французского языка – филигрань (филигран), понтюзо, вержер, часть названий сортов и форматов бумаги.

Обращаясь в связи с изучаемым вопросом к текстам официальных указов и словарей XVIII в., нужно учитывать наблюдения лингвистов о том, что "состояние русского языка в это время следует определить как переходное"²². Одна из характерных особенностей его – "отсутствие во многих случаях общих норм употребления, нередкое отсутствие нормативной регламентации даже в пределах одного речевого контекста, а как следствие этого – слабая семантико-

¹⁸ История лексики... С. 27.

¹⁹ Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2; Л., 1987. Вып. 3.

²⁰ Словарь коммерческий. Т. I. С. 246. О русской терминологии бумажного производства XVIII в. см.: *Участкина З.В.* Русская техника в производстве бумаги; и др.

²¹ *Биржакова Е.Э., Войнова Л.Л., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 141. См.: Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках / Пер. ассессора С. Волчкова. СПб., 1762. Ч. 2.

²² Словарь русского языка XVIII в.: Проект. С. 5.

стилистическая дифференциация близких по смыслу слов и сочетаний"²³, порой возврат к архаизмам.

Останавливаясь на вопросах развития бумажного производства и бумаговедения в России XVIII в., мы учитывали недостаточную их связь с вопросами изучения бумажных водяных знаков в историографии отечественного филиграноведения, которая сама не имеет обобщающего труда. Конкретное проявление этой связи с практикой бумажного производства можно проследить еще в работах Н.П. Лихачева, а позднее З.В. Участкиной, С.А. Клепикова, М.В. Кукушкиной при изучении водяных знаков русского происхождения, а также в работах специалистов Украины, Литвы, Латвии, Грузии. Хотя и в них больше рассматривалась связь тех или иных филиграней с отдельными фабриками, но не историографический аспект влияния бумаговедения на возникновение филиграноведения. Между тем Клепиков в одной из первых своих работ рассматривает филиграноведение даже как раздел бумаговедения²⁴, что справедливо, особенно на ранней стадии его развития. Филиграноведение как научная дисциплина формируется на стыке бумаговедения и палеографии преследующих разные цели в изучении филиграней. Изучаемая тема, ее хронологический период без этого вопроса обойтись не могут.

Гораздо больше изучено наследие XVIII в. в научном плане, с точки зрения развития исторической науки и особенно вспомогательных исторических дисциплин. Не повторяя сказанного в начале статьи, отметим важнейшие положения для нашей темы. Прежде всего выделение исторических сочинений XVIII в. из литературной публицистики в специальную категорию работ научного характера, т.е. становление и развитие русской исторической науки. С этим тесно связан вопрос о создании ее источниковой базы, о выявлении и публикации исторических источников, который глубоко проанализирован в докторской диссертации В.П. Козлова.

Естественно, в XVIII в. уже накапливаются знания по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, в первую очередь дипломатике, археографии, палеографии. Для понимания вопросов изучения филиграней особое значение имеет палеография. Ее развитию в XVIII – первой четверти XIX в. среди последних работ специальное внимание уделила Т.А. Поле²⁵, рассмотревшая исследование внешних признаков рукописных источников, в частности, материала для письма. Последний, считает она, в описаниях XVIII в. еще не стал обязательным элементом.

Наконец, для создания коллекций филиграней важно отметить факт коллекционного бума, который зародился еще в XVIII в. и был вызван обостренным вниманием к национальной истории и ее "остаткам". Как подсчитал В.П. Козлов, в России в конце XVIII – начале XIX в. было около 150 частных рукописных коллекций²⁶. В их комплектовании участвовали купцы, чиновники, представители духовенства, а также привилегированных сословий, среди которых были государственные и общественные деятели, ученые.

Таковы основные предпосылки изучения и коллекционирования бумажных водяных знаков в XIX в.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ Клепиков С.А. Филигранные штампы на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. С. 5.

²⁵ Поле Т.А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии. С. 13–14; Она же. Вопросы палеографии в трудах дворянских историков XVIII – первой четверти XIX в. // Вопросы историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1975. Вып. 2.

²⁶ Козлов В.П. Кружок А.И. Мусина-Пушкина и "Слово о полку Игореве". С. 65; Он же. Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. С. 61, 160 коллекций.

В первой трети XIX в. при изучении древнейших рукописей и их описании материал для письма становится уже обязательным элементом. Но у большинства исследователей этот подход был только, так сказать, бумаговедческим, без учета филиграней. В целом ученые – историки и филологи – разделяли материал для письма на пергамен и бумагу, затем начали упоминать и бересту.

Архаизм терминологии даже в первые десятилетия XIX в. проявлялся в том, что часто любой материал для письма называли "бумагой". Характерны в этом отношении работы и письма Е. Болховитинова (1767–1837), формирование которого как ученого в значительной мере приходится на конец XVIII – начало XIX в. Наиболее концентрированно эта терминология выражена в его "Примечаниях на грамматику в. кн. Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю"²⁷. III раздел "Примечаний" назван "О бумаге и чернилах сей грамоты", а первая фраза гласит: "Бумага сей грамоты есть лист пергаменный". Затем суммируя наблюдения западноевропейской дипломатики по И.Хр. Гаттереру, автор перечисляет "разные роды бумаг": "папирусовую" – с V в. до XI; "пергаменную" – с VI в.; "хлопчатую, делавшуюся из хлопчатой бумаги" – в IX–X вв.; "шелковую, делавшуюся из шелку"; "холстинную", появившуюся с XIII или XIV в. (с. 220). В России же, по его мнению, употреблялись "три рода бумаги": "пергаменная" – до XV почти века, а некоторые грамоты и после того; "хлопчатая"; "холстинная тонкая, появившаяся у нас с XIV в." (с. 221).

Т.А. Поле рассматривает эти определения как характерную ошибку ученого²⁸. Думается, что тут не ошибка, а традиционное использование старых терминов, как, например, *charta pergamentis*, *charta bombicina*. Кстати, то же самое относится и к употреблению термина "чернила" Болховитиновым. В терминологии в то время царил разноречие даже в употреблении основных понятий. Употребление таких терминов, конечно, не означало смешения в исследовании самих материалов письма (иногда в практике это случается). Болховитинов часто употребляет эти слова не только как прилагательные, но и как существительные. Он и другие специалисты не только различали пергамен от бумаги, но и "роды" бумаг (хлопчатую, тряпичную). Относительно хронологического рубежа для России определенно назывался лишь период смены пергамена бумагой – XIV в. Точной границы смены хлопчатой бумаги тряпичной (льняной) еще не было установлено. Причем здесь русские ученые, естественно, шли за западноевропейскими. А новаторство порой приводило к ошибкам по причине неразработанности вопроса. Так, В.С. Сопиков в предисловии к первому тому своего известного библиографического труда писал о русских рукописях на бумаге начала XIII в.²⁹ В рецензии на этот том, посланной Сопикову в январе 1814 г., Болховитинов аргументировал свое несогласие с ним: "По замечанию Гаттерера в его дипломатике хлопчатая бумага и у греков появилась только изредка с 11 в., а холстинная уже с 14 в. Шлэцер полагает употребление бумаги в России также с конца 13 или начала 14 в. Следовательно, есть ли в России были какие бумажные книги, то разве писанные не у нас"³⁰.

Приведенные исследования ценны не только по сути вопроса для определения точки зрения и терминологии одного из известных ученых того времени, архео-

²⁷ Вестн. Европы. М., 1818. Ч. 100. № 15/16. С. 201–205. Впервые эту особенность отметила Л.П. Жуковская (Указ. соч. С. 32).

²⁸ Поле Т.А. К вопросу о развитии русской палеографии в первой четверти XIX в. // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1972. Вып. 1. С. 100.

²⁹ Сопиков В.С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Т. 1. С. 46.

³⁰ Замечания митрополита Евгения на "Опыт российской библиографии" Сопикова. Ч. 1 // Библиограф. 1899. СПб., 1890. № 4/5. С. 105.

графа и палеографа, но и как источник для установления работ зарубежных дипломатистов, использованных в его аргументации. И это естественно, поскольку к тому времени дипломатика из всех вспомогательных дисциплин получила наибольшее развитие. "Дипломатика, – пишет С.М. Каштанов, – возникшая как наука о подлинности документальных источников, первоначально включала в себя ряд других дисциплин, занимавшихся изучением подлинности: палеографию, хронологию, сфрагистику и др. Такое понимание объема дипломатики характерно не только для исследователей XVII в., но и для некоторых дипломатистов XX в."³¹ Не случайно Болховитинов оценивал свои "Примечания" к Мстиславовой грамоте как попытку "составить хотя краткое начертание русской дипломатики, применяясь к общей Гаттереровой"³². А все последующие исследователи справедливо определяют значение его работы как в области дипломатики, так и палеографии.

Это положение важно иметь в виду не только для характеристики ситуации с развитием вспомогательных исторических дисциплин в исследуемый период, но и при анализе книги И.П. Лаптева.

Архаизм в употреблении бумаговедческой терминологии встречается и у более молодого по времени формирования ученого – К.Ф. Калайдовича (1792–1832). В письме от 13 ноября 1813 г. к ученому-архивисту Н.Н. Бантыш-Каменскому по поводу первого тома "Собрания государственных грамот и договоров" (М., 1813) он отмечал необходимость такого элемента описания, как материал для письма: "означено на пергаминах, хлопчатой или тряпичной бумаге они написаны"³³. Хотя чаще в своих работах он отделял эти определения применительно к конкретным источникам. Их палеографический анализ дан Л.П. Жуковской, В.П. Козловым, Т.А. Поле и другими современными учеными.

Довольно подробные рассуждения о материале для письма, основанные на тех же работах западноевропейских дипломатистов и опубликованные даже раньше приведенных замечаний Болховитинова и Калайдовича, мы находим в работах известного историка первой половины XIX в. М.Т. Каченовского. Наиболее полно они изложены в его программной статье "Об источниках для русской истории" (1809). Здесь он называет "египетский папир", "пергамент" и "бумагу", оговаривая, что первый материал в России не употреблялся; сомневался он и в использовании бересты ("едва ли была у нас в употреблении и кора древесная")³⁴. Бумагу он делит на "хлопчатую" и "тряпичную", считая, что на Руси использовали для письма оба вида. Появление тряпичной бумаги, "которая и в южной Европе показалась не ранее четырнадцатого века", в России он тоже относит к этому времени³⁵. Рассматривает он и восточное происхождение слова "бумага"; обращает внимание на ее качество, формат в русских летописях. Предлагает начать "упражняться в славянской палеографии", издавать таблицы снимков букв по векам, руководствуясь работами И. Гаттерера и Г. Шёнемана.

Архаизмов, отмеченных в терминологии Болховитинова и Калайдовича, у Каченовского нет. Любопытно следующее его наблюдение: "В церковных книгах наших встречаются слова дщица (дощечка. – Ю.А.) и хартия. Последнее слово принято с греческого и древние наши рукописи, не на пергаменте писанные, до ныне именуются харатейными"³⁶. В связи с этим термином несколько позже мы рассмотрим полемику Н.М. Карамзина.

³¹ Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 12.

³² Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Н.П. Румянцевым и некоторыми другими современниками, с 1813 по 1825 год включительно. Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 4. (Письмо к А.Н. Оленину в январе 1816 г.).

³³ См. об этом: Шмидт С.О. Малоизвестное письмо К.Ф. Калайдовича: (Из истории вспомогательных исторических дисциплин) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 7. С. 225.

³⁴ Вестн. Европы. М., 1809. Ч. 44. № 5. С. 100.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

Отметим, что в "Вестнике Европы" (№ 1) того же года, в разделе "Смесь" помещена без названия и подписи заметка о бумаге. По своему содержанию и терминологии она прямо перекликается с рассмотренной статьей Каченовского, и думается, также ему принадлежит (в указателе М. Полубенского³⁷ материал раздела не расписан). Автор ссылался также на работы А. Шлёцера, Г. Шёнемана, Г. Круга.

Обязательным элементом при характеристике рукописей являлся материал для письма в "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина. Проследить это позволяет "Ключ, или Алфавитный указатель" (СПб., 1836), составленный к ней П.М. Строевым. На слово "Пергамин (харатья)" отнесены три примечания в "Истории" (Т. IV. Примеч. 187, 373; Т. V. Примеч. 423). На слово "Бумага" – 13 упоминаний в т. IV, V, VIII, X. Они касаются истории и путей появления бумаги на Руси, ее названия, цен и материала конкретных грамот. Кроме того, 9 упоминаний на слова "Бумаги (Акты) государственные: важные для Истории", "Архив Иностранной коллегии" и много скрытых упоминаний. Как видно из этих примечаний, Карамзин не только разделял материал для письма на "пергамен" и "бумагу", но и различал "хлопчатую" и "тряпичную, или ветошную" бумагу. Рассматривал он специально и вопрос о смене материалов для письма, указывая, как и другие историки, что в России до XIV "и даже до XV столетия писали обыкновенно на пергамене"³⁸. Более сложным оказалось определить смену видов бумаги. Опираясь на иностранные источники, Карамзин пишет о тряпичной бумаге: "Мы не знаем подлинно, где и когда изобретена она... знаем только, что не ранее XIII в.", и приводит конкретные примеры иностранного употребления этой бумаги в XIV в.³⁹ Использование хлопчатой бумаги на Руси он считает возможным, "когда славяне российские и ветошную называли ее именем. Сии две бумаги нелегко различать". И очень осторожно предполагает, что "некоторые архивные грамоты и даже летописцы (например, Академический Ипатьевский)" написаны на хлопчатой бумаге.

С гордостью пишет он здесь о таких источниках, как Договор великого князя Семена Ивановича с братьями и его духовная: "Сии две грамоты принадлежат к числу самых древнейших бумажных рукописей, донныне известных в Европе"⁴⁰. Можно было бы считать это преувеличением, если бы далее не следовал ряд примеров употребления тряпичной бумаги для письма в европейских странах в первой половине XIV в. Значит, Карамзин просто включал указанные грамоты в число древнейших документов на тряпичной бумаге, выразив это с присущей ему эмоциональностью.

О договоре Семена Ивановича с братьями читаем в примечании 331 к т. IV, что эта грамота хранится в Архиве под № 3, но так истлела, что нельзя "разобрать многих слов, особенно в середине", и отсылка читателя к ее публикации в первом томе "Собрания государственных грамот и договоров". А ниже он вновь повторяет: "сия грамота есть древнейшая из писанных на бумаге", т.е., судя по его примечанию 373, на тряпичной.

В то же время Болховитинов в "Примечаниях" к Мстиславовой грамоте утверждал, что "древнейшая русская грамота донныне известная на бумаге (и конечно, на хлопковой) писана около 1341 г. или между 1341 и 1353 г. при великом князе Симеоне Иоановиче Гордом"⁴¹.

Видимо, эти противоречия в определении "рода" бумаги грамот были порожд-

³⁷ Полубенский М. Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в "Вестнике Европы", 1802–1830. Б.м., Б.г.

³⁸ Карамзин Н.М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. IV. Примеч. 373.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. См. также примеч. 331.

⁴¹ Вестн. Европы. 1818. № 15/16. С. 221.

дены невозможностью ее досконального исследования по причине ветхости материала уже тогда.

В примечании 187 к т. IV "Истории" Карамзин, опираясь на СИГД, уточняет материал для письма двух грамот: тверского князя Михаила к архиепископу Новгородскому... и от Новгорода к Михаилу: "Обе грамоты писаны не на бумаге, как думал кн. Щербатов, а на тонком пергамене".

В связи с рассмотренными ранее вопросами терминологии обратим внимание на критику, которой подверг Карамзин составителей академического словаря. В т. V "Истории" (2-е изд. С. 400) он писал: "В XV в. мы уже перестали употреблять хартию или пергамен, заменив его гораздо дешевлею тряпичною бумагою..." Далее, в примечании 423 он с гневом отметил: "В *Словаре Академическом*⁴² несправедливо *хартия* названа *бумагою*. Греки называли египетский папир *χάρτου*, а римляне *charta*; но древний *папир* не бумага; у нас же под именем *хартии* всегда разумелся пергамент (*χάρτου περιόρνου*): от того название *харатейный*, или на *пергамене писанный*".

Вспомним приведенные выше определения Болховитинова, Калайдовича и особенно Каченовского, толковавшего слово "харатейные" совершенно противоположно. Видимо, причина такого словосмешения кроется в расширительном понимании как слова "хартия", так и "бумага". Это хорошо показал позднее в своем словаре В. Даль: "Харатья, хартия стар. папирус, пергамент, все, на чем встарь писали, и самая рукопись"⁴³. Любопытно, что и во втором издании ч. 6-й Словаря Академического формулировки статей "хартия" – "бумага писчая" – и "харатейный" – "рукописный на бумаге" – сохранились. Не читать критики Карамзина его составители не могли. Видимо, остались на своей позиции толкования слов. Это тем более странно, что как в первом, так и во втором издании словаря "бумага писчая" рассматривается только как тряпичная. Термин "бумага хлопчатая" относится к хлопку. Слово "харатья" отсутствует. Но во втором издании (1822. Ч. IV) появились слова "паргамин", "пергамин", "паргаминный".

Отметим попутно, как близко подошел Карамзин к вопросу о филигранях. Он не только постоянно отмечает материал для письма (не без влияния А.И. Ермолаева и К.Ф. Калайдовича), но и излагает факты о первом употреблении тряпичной бумаги в России в подразделе "Художества в России" (гл. X. Т. IV). Более того, он один из немногих, а может быть, и первый в России использовал в рассмотренном примечании зарубежные работы, включающие вопросы о бумаге и ее водяных знаках, француз А. Жансена (H. Jansen) "Essai sur l'origine de la gravure..." (P., 1808. Т. I. С. 332) и немецкого автора Георга-Фридриха Верса⁴⁴ "Vom Papier und den vor der Erfindung desselben üblich gewesenenen Schreibmassen" (Hannover, 1788. t. I). Факт упоминания в издании т. IV "Истории" книги Жансена 1808 г. свидетельствует о том, что Карамзин возвращался к рукописи и дополнял ее. Дело в том, что т. IV был завершён в мае 1808 г.⁴⁵, когда этой книги он еще не мог видеть, но знал и имел в своей библиотеке работу Верса XVIII в.⁴⁶ Значит, книгу Жансена Карамзин включил позже, как новейшую крупную работу о бумаге с приложением 287 рисунков филиграней.

⁴² Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. 6. Карамзин использовал в данном случае первое издание словаря, так как ч. 6 2-го изд. вышла только в 1822 г., т.е. после появления первого и второго издания "Истории".

⁴³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. IV. С. 542. Факсим. 2-го изд.

⁴⁴ Отсылка к немецкой книге в примеч. 373 неточная, просто: "Wehrs vom Papier", Т. I. С. 173–320. Но книга имела два издания под несколько измененным названием. Судя по указанным страницам, Карамзин использовал первое издание – 1788 г.

⁴⁵ Письмо Н.М. Карамзина к статс-секретарю Н.Н. Новосильцеву // Москвитянин, 1847. Ч. 1/2. С. 139–140.

⁴⁶ Карамзин Н.М. История... М., 1992. Т. IV. Примеч. 373. Комментар. С. 377. № 182.

На страницу 332 из ее XII главы «Появление бумаги хлопчатой и льняной, или "тряпичной"» и ссылается Карамзин в примечании 373 к т. IV, перечисляя наиболее ранние даты появления тряпичной бумаги в ряде стран. Конкретных данных из книги Верса у него нет.

В "Ключе" Строева к "Истории" нет слов, связанных с водяными знаками. Но Карамзин знал и назвал в примечании 120 к т. II исследования А.И. Мусина-Пушкина и А.Н. Оленина о надписи на Тмутараканском камне. А работа Оленина, как известно, была первой в России, в которой практически ставился вопрос об изучении водяных знаков и были опубликованы их воспроизведения. Тем не менее Карамзин, изучавший древние источники с помощью ряда историков, работавших с филигранями, знавший новейшую иностранную литературу по этому вопросу, с его тонким художественным чутьем не отметил значения филиграней и не упомянул о них. Слишком много было нерешенных вопросов первостепенной важности, вставших перед ним при написании фундаментального труда.

В то же время, на наш взгляд, именно благодаря "Истории" Карамзина смог узнать о книге Жансена И.П. Лаптев.

Суммируя, следует сказать, в отношении истории и терминологии бумаги как материала для письма Карамзин внес большой вклад своими "Примечаниями", обобщив знания того времени, опередив в точности терминов многих историков, еще не освободившихся от архаизмов, вводя в научный оборот последние зарубежные работы о бумаге и филигранях.

Наконец, рассмотрим анализируемый вопрос на примерах крупнейших сборников документов и описаний собраний рукописей.

Как образец фундаментального документального издания и археографического оформления источников среди публикаций первой трети XIX в. историки называют "Собрание государственных грамот и договоров" (М., 1813–1828. Т. I–IV), осуществленное по проекту и на средства Н.П. Румянцева. В его подготовке участвовали историки Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский, П.М. Строев и К.Ф. Калайдович. Общую характеристику материала грамот находим в предисловии А.Ф. Малиновского к т. II: "Помещенные здесь подлинники большей частью на бумаге, кроме весьма немногих пергаменных"⁴⁷. В конкретных описаниях отмечены поэтому, как правило, грамоты на пергамене и лишь в отдельных случаях – на бумаге. Например, под № 8 "Договорная (в списке) грамота Смоленского князя Ивана Александровича... писана между 1330 и 1359 годами" – "на тряпичной бумаге"⁴⁸. Указанный хронологический период ставит вопрос о наличии более раннего документа на бумаге, чем договорная Семена Ивановича с братьями (1341 г. – СГГД. Т. I, № 23) и его завещание (1353 г. – Там же. № 24). Кстати, этот же вопрос возникает относительно грамоты ярославского князя Василия Давыдовича Спасского монастырю (до 1345 г. – по времени княжения), опубликованной Амвросием. После текста грамоты читаем: "Подлинная грамота написана на бумаге..."⁴⁹ Ответа ученые ищут до сих пор⁵⁰.

Водяные знаки в СГГД не описаны.

⁴⁷ СГГД. М., 1819. Т. II. С. IV.

⁴⁸ Там же. С. 10–11. Новейшая публикация в кн.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 69–70.

⁴⁹ История Российской иерархии, собранная... Московским первого класса Новоспасского монастыря архимандритом Амвросием. М., 1815. Ч. VI. С. 231.

⁵⁰ Черепнин Л.В. Русская палеография. М., 1956. С. 218; Кучкин А.В. Договор Калитовичей: (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива // Проблемы источниковедения истории СССР. М., 1984; Он же. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989; и др.

Ценные наблюдения об изучении бумаги и отчасти водяных знаков в этот период дает "Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппеном" (М., 1822). Он был подготовлен к изданию К.Ф. Калайдовичем на средства графа Ф.А. Толстого. Из 174 названий 106 – памятники письменности X–XVII вв. Как известно, Кеппен собирался сопроводить "Список" палеографическими снимками, но не успел. В описаниях источников часто упоминаются снимки текста, которые сделал Кеппен. В каждом указан материал письма ("пергамин", "харатейный список", "бумага"), в отдельных описаниях (№ 79, 117) – водяной знак.

Так, в № 79 характеризуется упомянутая выше договорная грамота смоленского князя Ивана Александровича, между 1330–1359 гг.; "на холстинной, или тряпичной бумаге", и добавлено: "При сем изображение печати и знак, находящийся в бумаге, на коей писана сия грамота. Последний не изображен в Собрании госуд[арственных] грамот". Тут же Кеппен ставит вопрос о точной дате этой грамоты. Сравнивая ее с договором Семена Ивановича с братьями, он считал: "Могло бы стать, что грамота Рижского архива древнее сей Симеоновой".

Можно предположить на основании приведенного здесь указания о снимках, которые должны были сопровождать № 79, что при подготовке "Списка" Кеппен собирался дать в числе других и снимки водяных знаков. Не случайно за отсутствие последних он упрекал публикаторов столь уважаемого издания, как СГГД.

Однако в "Списке" отмечены не все филигранные, изданные к тому времени, а только из бумаги рукописей, фигурирующих в нем (№ 79, 117). Он отдает должное качеству снимков "почерков письмен и знаков в бумаге" гравера А.А. Флорова в издании П.М. Строева "Софийский временник". В № 117, описав "снимок с рукописи царя Иоанна Васильевича", он с сожалением подытожил: "Если присовокупить к сему почерки письмен, приложенные А.Н. Олениным к Письму о камне Тмутороканском, то это будет все, что у нас поныне в сем роде издано".

Как видим, первую публикацию филигранных в "Письме" он не отметил (видимо, потому, что они не относятся к источнику – надписи на камне), хотя в № 21 об этой надписи, описывая работу Оленина, указал, что она издана "с разными изображениями" (среди них были и филигранные). Естественно, что на первом месте для Кеппена, как и для других, были снимки текста. Но важно, что он обратил внимание и на филигранные.

Чрезвычайный интерес для изучения того, как отражен материал для письма в работах историков первой трети XIX в. и их терминологии, представляют описания рукописей библиотек и крупнейших частных собраний. Первое изданное описание частного собрания – рукописей библиотеки графа Ф.А. Толстого – осуществлено К.Ф. Калайдовичем и П.М. Строевым с 1818 по 1825 г. Как сказано в предисловии, в собрании 1093 рукописи XI(XII)–XVIII вв., из которых только 113 имели дату. Остальные датированы описателями по палеографическим и другим признакам⁵¹. При этом "многие рукописи по их содержанию и в отношении палеографическом, заслуживают отдельных и подробнейших розысканий"⁵².

Излагая принципы описания, авторы первым называют материал для письма: "При каждой рукописи означено: А. *Вещество*, на чем она написана: пергамин и

⁵¹ Еще 15 рукописей содержит "Первое прибавление к описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова" (СПб., 1825), также составленное Строевым; Прибавление 2. СПб., 1827.

⁵² *Калайдович К., Строев П.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова (с палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век). М., 1825. С. LIV.

бумага хлопчатобумажная (*charta bombycina*); об обыкновенной или тряпичной умолчано"⁵³. Тут же дана характеристика внешнего вида ранней бумаги: "хлопчатобумажная толще и пухлее обыкновенной, ломается в сгибах и удобно истлеивает; ее употребляли до исхода XV столетия" (!). Как пример, отд. I, № 59: "Рукопись на хлопчатой бумаге, вероятно, болгарская начала XV в." В Примечании на этой же странице подсчитан состав источников по их материалу: "рукописей пергаминных 37, хлопчатобумажных – 11, на обыкновенной бумаге – 1045" (т.е. большинство). При этом указаны и смешанные по материалу рукописи, например, отд. I, № 10 "Евангелие на пергамене... XIV в.", утерянные листы "вставлены после на бумаге полууставным почерком XVII в."

За "веществом" в предисловии следуют такие обязательные элементы описания, как почерк и "*эпоха* написания". Устанавливаются два характера датировки: "*положительно*", если дата указана в рукописи, и "*гадательно*" (век, полвека, десятилетие) по какому-либо событию (вклад, покупка, передача, продажа) или собственно по признакам почерка"⁵⁴. При этом составители, как и другие историки, замечают, что не всегда по почерку можно датировать рукопись.

Водяные знаки не указаны, хотя составители уже использовали их в своих публикациях, и при датировке такого большого числа рукописей собрания, надо полагать, тоже. Значит, этот признак датировки в описании еще не устоялся, а при отсутствии альбомов филиграней не мог применяться постоянно и надежно. К тому же авторы были сторонниками краткого описания.

Отметим, что в описании имеются случаи, когда довольно поздняя рукопись датируется весьма приблизительно. Например, отд. I, № 212: "Родословная книга князей и дворян с выписками из разрядов. Писана скорописью, кажется в начале XVIII в." Данный пример еще раз показывает недостаточность почерка как признака датировки, о чем говорится в предисловии: "В каждом столетии свой общий характер письма, который в последних годах предыдущего и первых последующего имеет столь незаметные оттенки, что нет возможности угадать, тому или другому из них рукопись принадлежит. Посему издатели решились допустить сей тридцатилетний прибавок (до 30-х годов XVIII в. – Ю.А.) к первым трем отделениям, кои надлежало заключить концом XVII в."⁵⁵

В рецензии П.И. Кеппена на описание рукописей собрания Ф.А. Толстого дана высокая оценка палеографических характеристик источников: "Опытность издателей по части словено-русской палеографии позволяет нам смело полагаться на точность сделанных ими показаний", и далее: "доводы палеографические принадлежат к самым убедительным из всех тех, которые служат к определению времени, когда какая-либо книга написана"⁵⁶. Кстати, тут же анализируя характер датировки рукописей, Кеппен детализировал ее; введя между степенями "*положительно*" и "*гадательно*" степень "*приблизительно*", смотря по собственным словам или по содержанию рукописи".

С появлением этого описания связано одно важное обстоятельство. Владелец собрания Ф.А. Толстой разрешил доступ к его рукописям "всем любителям и ученым". Об этом оповестила "Северная пчела" (1825. № 41). В то время решение заниматься с рукописями в архивах и библиотеках получали специально и немногие.

⁵³ Там же. С. LIV–LV.

⁵⁴ Там же. С. LVI.

⁵⁵ Там же. С. VII. Примеч. *

⁵⁶ Библиографические листы 1825 г. № 19. С. 274, 275 // Кеппен П. Материалы для просвещения России. СПб., 1826. Ч. 2.

Один из составителей описания, Строев, еще в 1817–1820 гг. подготовил краткое описание рукописей монастырей, оставшееся в его архиве до конца XIX в. Отмечая материал письма, он назвал и рукописи на хлопчатой бумаге. Так, среди рукописей в лист из Волоколамского монастыря № II–IV, IX он определил как написанные "на хлопчатой бумаге конца XV в."⁵⁷, а XXVII, XXXIII: XXXVII, LXVII – даже XVI в. Вряд ли это соответствует действительности. Скорее всего, на такой вывод натолкнула плохая сохранность источников. Никаких признаков датировки в этих описаниях не указано. О бумаге иногда отмечается: тонкая, лощенная.

Следующее крупное описание – рукописного собрания Н.П. Румянцева А.Х. Востоковым – появилось уже в начале 40-х годов XIX в. Оно свидетельствует как о различиях в составе собраний, так и о росте уровня палеографических знаний, отразившегося в детальной характеристике рукописей. В предисловии сказано, что материал отмечен только у пергаменных рукописей. "На бомбицине же (т.е. хлопчатой бумаге) нет ни одной рукописи в Румянцевском музее"⁵⁸. Тем не менее иногда характеризуются тряпичная бумага и водяные знаки (см. с. 188).

Учитывая, что очерки по истории бумаги в первой трети XIX в. появлялись редко, укажем в заключение известный справочник "Энциклопедический лексикон" А. Плюшара. В нем автор большой статьи исторического плана "Бумага" О.И.С. (Осип Иванович Сенковский, писал под псевдонимом "Барон Брамбеус") также широко трактовал термин "бумага" (как писчий материал). Он писал: "Первая бумага... делана была, как известно, из болотного растения *папир* или *папирус*..."⁵⁹ Далее употребляется определение, как и у Болховитинова, "папировая бумага", "шелковая бумага". Последнюю он разъяснял следующим образом: "Китайская бумага так похожа на шелковое изделие, что в Европе долго давали ей имя шелковой бумаги, *papier de soie*. В ней, однако же, нет ни частицы шелку"⁶⁰. Он подробно описывает изготовление "хлопчатой бумаги"⁶¹ из растительных волокон, или "бумажной бумаги", а затем "льняной бумаги" не ранее конца XIII в. Заканчивая статью описанием производства тряпичной бумаги, автор рассказывает о "сите" черпальной формы, "в середине которого выплетены проволокою число года, имя фабрики, герб, особенная надпись или отличительный знак сорта (от этих надписей и знаков произошли большею частию и названия сортов)..."⁶², и дает примеры названий сортов иностранной бумаги. То есть он описал металлическую филигрань, но не назвал ее и, кроме "знака сорта", не связал ее с изображением в бумаге в отличие от составителей "Словаря коммерческого" (на который автор в других местах ссылается, как и на работы французского исследователя Ж.-Ж. Лаланда). Понятно, что цель статьи была другая. Но пример этой статьи, терминология автора, не говоря о его путаных исторических рассуждениях, вызвавших резко отрицательную

⁵⁷ Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиево-Боровского. СПб., 1891. С. 1–2; Частично опублик. в 1823 г. (Отечест. зап. № 33, 35, 39).

⁵⁸ Востоков А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 11. Ранее, в 1821 г., Востоков составил реестр "редких и любопытных манускриптов как на русском, так и на других известных" языках, в отделе рукописей Публичной библиотеки. В нем указаны дата рукописи, почерк, материал, миниатюры и другие внешние признаки. Водяные знаки не отмечены. См.: Голубева О.Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 221; ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 499. Л. 1.

⁵⁹ Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 7. С. 333.

⁶⁰ Там же. С. 335.

⁶¹ В этом же словаре специальная статья С.М.У. (так в словаре. – Ю.А.) "Бумага хлопчатая" посвящена тканям из хлопка.

⁶² Там же. С. 340.

оценку А. Рейхеля, Н.П. Лихачёва⁶³, свидетельствует о том, что даже в конце 30-х годов XIX в. этот вопрос и по сути, и терминологически был еще недостаточно разработан.

Представленный обзор данных из опубликованных работ известных русских историков первой трети XIX в. показывает, что в описаниях и публикациях рукописей при перечислении внешних признаков материала источника действительно становится обязательным элементом в отличие от работ XVIII в. В связи с вовлечением в научный оборот огромного числа новых источников, в том числе более позднего времени, все большее внимание привлекает такой материал, как бумага. Изучаются первые грамоты на бумаге, хотя единства мнений в их датировке нет. Сведения по истории материала для письма, в том числе бумаги, черпаются из работ зарубежных историков, дипломатистов, палеографов и других специалистов, в частности и по истории бумажных фабрик. Краткие очерки о бумаге появляются и на русском языке. Однако в целом вопрос истории бумаги и ее распространения в России в русской исторической и справочной литературе был еще слабо освещен, терминология бумаги не была свободна от архаизмов, что, безусловно, сдерживало и изучение бумажных водяных знаков.

Не содержат указаний на водяные знаки и первые изданные в 20-е годы описания рукописных собраний, как и большинство оставшихся тогда неопубликованными описаний.

И тем не менее именно в первой трети XIX в. в исследованиях рукописей в России выявляется другая важная особенность – углубление общего бумаговедческого подхода и переход к филиграноведческому.

Рассмотрению этой особенности будет посвящена следующая статья.

⁶³ Рейхель А. Указ. соч. С. 41; Лихачев Н.П. Палеографическое значение... Ч. I. С. VII. Рассмотренная статья, как и статья Сенковского "Бумажная мануфактура" в лексиконе, написаны на основе его статьи "Фабрикация бумаги". См.: Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. XI.

В.Г. Бухерт

Д.Н. БЛУДОВ И АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЕКТЫ 40–50-х ГОДОВ XIX в.

Историю науки можно рассматривать как историю научных замыслов, проектов, из которых были реализованы полностью или частично лишь некоторые, однако и то, что осталось за пределами воплощения, заслуживает самого пристального внимания, ибо позволяет проследить движение научной мысли, установить связь между осуществленным и задуманным, выявить подлинных инициаторов научных проектов и, в конечном итоге, представить развитие науки как живой процесс.

Археографическая деятельность в России в 1840–1850 гг. также сопровождалась выдвижением ряда проектов, в судьбе которых последнее слово оставалось подчас за верховной властью. Оживление ее интереса к организации хранения и использования исторических источников во многом было связано с обсуждением проекта создания Государственного древлехранилища хартий и рукописей, разработка которого была поручена главному управляющему II Отделением Собственной е.и.в. канцелярии графу Дмитрию Николаевичу Блудову.

У императора Николая I Блудов имел репутацию знатока русской истории и архивов, приобретае ее, конечно же, не только своей службой в Московском архиве Коллегии иностранных дел (МАКИД) с 5 июля 1800 г. до 29 октября 1802 г., где находился "при переводах и при разборе столбцов"¹. В 1823–1825 гг. под руководством Блудова было осуществлено издание важнейших дипломатических документов об отношениях России с европейскими государствами того времени².

8 декабря 1826 г., по повелению Николая I, Блудов приступил к разборке архива Кабинета его императорского величества³, и 16 ноября 1830 г. представил по итогам разборки докладную записку⁴, на которую Николай I наложил резолюцию о передаче большей части документов в С.-Петербургский архив КИД, которые и были туда переданы в марте–мае 1831 г. Впоследствии Блудовым был подготовлен для императора целый ряд подобных записок с изложением содержания документов, поступавших затем по распоряжению Николая I на хранение в Государственный архив МИД. Таким образом, Блудов выполнял функции эксперта при императоре, предпочитавшим самолично решать судьбу архивных документов.

23 января 1841 г. Николаю I была представлена Блудовым докладная записка об обнаруженной в Швеции рукописи "Списание о Сибирской земле"⁵. Блудов писал, что рукопись – сборник в составе списков Строгановской и Есиповской

© В.Г. Бухерт

¹ РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 1. Д. 76. Л. 374 об., Д. 77. Л. 151, 910; Д. 78. Л. 722.

² Подробнее см.: Чиркова Е.А. Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // АЕ за 1985 год. М., 1986. С. 217–221.

³ РГАДА. Ф. 6 (Уголовные дела по государственным преступлениям). Оп. 1. Д. 560. Л. 5–6.

⁴ Там же. Л. 48–51.

⁵ Там же. Д. 580. Л. 37–45.

летописей, а также "истории о Хинском царстве", представляющей собой не историческое, а статистическое описание Китайского государства. Списки летописей сборника оказались "гораздо полнее изданных"⁶, в связи с чем Блудов 28 января 1841 г. направил сборник в Археографическую комиссию для подготовки нового издания летописей⁷.

14 октября 1841 г. Нессельроде по повелению императора переслал Блудову "поденные записки князя А.Д. Меншикова" 1716–1720, 1726–1727 гг. в семи томах⁸. По просьбе Блудова было предпринято выявление документов Меншикова в библиотеке Императорской Академии наук, о чем Блудов докладывал Николаю I 29 января 1842 г. и получил указание, чтобы найденные документы "были рассмотрены и соображены" с "поденными записками", полученными от Нессельроде⁹.

20 мая 1843 г. Блудов представил императору докладную записку, в которой о "поденных записках" писал: "Сей журнал есть не что иное, как простое и, следовательно, сухое ежедневное означение наружных, так сказать, деяний князя Меншикова, которое, как видно, было поручено одному из его секретарей, или даже служителей"¹⁰. Все же необходимость публикации "поденных записок" сомнений у него не вызывала, более того, он полагал, что "обнародование их, кажется, не только возможно без всякого неудобства, но и принесло бы пользу, сохранив для будущих изыскателей и читателей такой исторический материал, который, существуя лишь в рукописи и в одном экземпляре, может легко погибнуть"¹¹.

29 мая 1843 г. Блудов писал Нессельроде о своем намерении по возвращении из-за границы хлопотать об издании "поденных записок" Меншикова¹².

25 ноября 1843 г. Блудов представил Николаю I докладную записку по делу о Федоре Шакловитом и его сообщниках, в которой предлагал осуществить издание этих документов. Записка была возвращена Блудову 9 декабря 1843 г., а через несколько дней Блудов писал министру императорского двора П.М. Волконскому: "При рассмотрении моего всеподданейшего доклада о деле Ф. Шакловитого, государю императору благоугодно было войти в некоторые довольно подробные рассуждения и соображения о лучших средствах для надежнейшего сохранения и приведения в совершенную известность и порядок наших государственных прежнего времени бумаг и других более или менее важных для истории документов, а с тем вместе и о мысли его величества, конечно, уже известной Вашей светлости, устроить для сего общий в Москве архив в предполагаемом новом здании Оружейной и Мастерской палаты"¹³. Кроме Волконского Блудову надлежало обсудить этот вопрос с Уваровым и Нессельроде. Очевидно речь шла о будущем Государственном древлехранилище хартий и рукописей.

Получив согласие императора на издание "всех или некоторых из бумаг" дела о Ф. Шакловитом и его сообщниках, Блудов 21 января 1844 г. выслал его в Археографическую комиссию¹⁴.

⁶ Издание летописей было осуществлено Г.И. Спасским: Строгановской – в 1821 г. отдельным изданием, Есиповской – в 1824 г. в журнале "Сибирский вестник".

⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 60–61 об.

⁸ Там же. Л. 133.

⁹ Там же. Л. 136–136 об.

¹⁰ Там же. Л. 143–143 об.

¹¹ Там же. Л. 163 об.

¹² Там же. Д. 139–139 об.

¹³ Там же. Д. 569. Л. 249–249 об. Хранившийся в архиве Оружейной палаты "запечатанный ящик с делом о Федьке Шакловитом" был выслан Блудову Волконским 29 апреля 1837 г. См.: Там же. Л. 4.

¹⁴ Там же. Д. 577. Л. 254–255.

За два месяца до этого Блудов вернул Волконскому хранившийся во II Отделении Собственной е.и.в. канцелярии подлинник Соборного уложения 1649 г.¹⁵ Было задумано новое его издание "с надлежащими историческими к нему объяснениями и замечаниями", о чем Блудов "за множеством других дел и работ" имел возможность "лишь предварительно, на словах, доводить до сведения" Николая I "и не успел еще представить подробного всеподданейшего доклада". По свидетельству Блудова замысел издания Уложения 1649 г. состоял "в связи с другим, о издании вообще древних законоположений, как коренной России, так и вошедших в разные времена в состав ее частей..."¹⁶ и поэтому приступить к научному изданию Уложения 1649 г. предполагалось "не скоро"¹⁷.

Блудов старался опираться на мнение специалистов, знающих профессионально архивное дело. Таковым, без сомнения, был управляющий Московским главным архивом Министерства иностранных дел кн. Михаил Андреевич Оболенский.

4 января 1845 г. Оболенский направил Блудову экземпляр изданных им по поручению Московского общества истории и древностей российских совместно с И.Н. Даниловичем и др. "Книг посольских метрики Великого княжества Литовского". «Издавна занимаясь архивскими делами, – писал Оболенский, – я неоднократно чувствовал вместе с многими исследователями русской истории крайнюю необходимость истории самих архивов доселе почти нетронутой. Вашему сиятельству известно, – обращался он к Блудову, – как много повредила немецкая система Миллера Московскому главному архиву. Рассортировав по своей теоретической системе акты, он сбил естественное расположение их по приказам, столам, повытьям и т.д. От этого часто не знаешь, где чего искать должно и каким образом известный акт мог попасть в наш Архив. Это затруднение чувствовал и наш бессмертный Карамзин. Руководствуясь этими мыслями, – продолжал Оболенский, – при издании "Книг посольских метрики Великого княжества Литовского" я вознамерился начертать историю самих метрик или государственных архивов Царства Польского и Великого княжества Литовского, историю их составления и сохранения и преимущественно показать где и что именно находится из обеих метрик в настоящее время»¹⁸.

В ответном письме от 28 января 1845 г. Блудов выражал надежду, что Оболенскому может быть удастся устранить "последствие мнимого порядка, введенного неудачным методизмом" Миллера¹⁹.

1 февраля 1846 г. Блудов обратился к Оболенскому с просьбой прислать сведения "о всех послах, посланниках, министрах, поверенных в делах и других дипломатических агентах держав иностранных, которые были аккредитованы при российском дворе со времени Петра Великого до начала царствования императрицы Екатерины II", т.е. "подробное по возможности означение как имен и званий всех сих агентов, так и времени прибытия, отъезда и вообще пребывания в России". Блудову понадобились также сведения и о "дипломатических агентах" России, которые в то время были аккредитованы "при иностранных дворах"²⁰. В марте 1846 – декабре 1848 г. списки "дипломатических агентов", составленные в МГАМИД, были высланы Блудову. Списки

¹⁵ Он был выслан во II Отделение Собственной е.и.в. канцелярии из архива Мастерской и Оружейной палаты в марте 1827 г.

¹⁶ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 577. Л. 9 об.–10.

¹⁷ Там же. Л. 12–12 об.

¹⁸ Там же. Ф. 395 (М.А. Оболенский). Оп. 1. Д. 164. Л. 1–2.

¹⁹ Там же. Л. 3 об.

²⁰ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 545. Л. 1–1 об. 14 августа 1853 г. Блудов попросил Оболенского прислать такие же сведения "за все время царствования императрицы Екатерины Великой" и получил их в августе 1853 – марте 1854 г. См.: Там же. Д. 1315. Л. 1.

были заново составлены и изданы С.А. Белокуровым почти полвека спустя²¹.

1 апреля 1849 г. Оболенскому было сообщено, что граф Д.Н. Блудов, "имея нужду объяснить по некоторым предметам", ищет с ним встречи²². Воспользовавшись этим, Оболенский подготовил для Блудова докладную записку "Об учреждении в Москве Императорского Российского музея"²³, которую просил представить императору. С аналогичной докладной запиской²⁴, датированной 5 апреля, к Блудову обратился В.М. Ундольский – в то время правитель дел при инспекторе государственных архивов П.И. Иванове²⁵. В ней он писал: "Есть слухи, что правительство намеревается устроить в нашей древней столице национальное Русское Древлехранилище. ... На первый раз довольно было бы собрать книги, находящиеся в библиотеках гражданского и духовного ведомств в Москве и Московской губернии", в результате чего "образуется вполне достойное России Древлехранилище" объемом до 5000 рукописей, из библиотек:

1. МГАМИД – до 1000 рукописей
 2. Общества истории и древностей российских – до 400
 3. Синодальной – до 1000
 4. Успенского собора – до 200
 5. Монастырей – до 2350
- в т.ч. (Чудова монастыря – до 600, Троице-Сергиевой лавры – до 900, Ново-Иерусалимского – 145, Иосифо-Волоколамского – 690, Саввино-Сторожевского – 17)".

Ундольским называлась также библиотека Московской синодальной типографии, но без упоминания числа хранящихся в ней рукописей, ибо "она по своему положению почти вовсе неизвестна нашим ученым", – сообщал Ундольский²⁶.

В свою очередь, Оболенский указывал на то обстоятельство, что в 1849 г. закончена постройка нового Кремлевского дворца и "как необходимая принадлежность дворца в одной связи с ним построено здание" для Оружейной палаты, в старом здании которой можно разместить музей, проектируемый как собрание рукописей, основой которого стали бы собрания московской Синодальной библиотеки, Успенского собора, Чудова монастыря, библиотеки МГАМИД²⁷. Впоследствии, полагал Оболенский, можно было бы приобрести для музея собрания М.П. Погодина, И.Н. Царского и др. "Нет сомнения, – писал он, – многие собиратели древностей поспешили бы принести в дар свои собрания"²⁸. В состав музея предлагалось включить и публичную библиотеку, комплектуемую первоначально из дубликатов императорской С.-Петербургской Публичной библиотеки. Директор музея, назначаемый Министерством императорского двора, должен был осуществлять лишь общий надзор за хранителями рукописей (библиотекарями). Собрания, составившие музей, оставались в собственности прежних ведомств и в непосредственном ведении прежних лиц.

²¹ См.: Белокуров С.А. Списки дипломатических лиц, русских за границей и иностранных при русском дворе. М., 1893. Вып. 1.

²² РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 164. Л. 6.

²³ Там же. Л. 8–9; Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 14–16.

²⁴ Там же. Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 17–19 об.

²⁵ В апреле 1846 г. Ундольский по просьбе Общества истории и древностей российских был допущен "к подробнейшему обозрению" Синодальной (Патриаршей) библиотеки, а затем и библиотеки Успенского собора. См.: РГАДА. Ф. 1183 (Московская контора Синода). Оп. 1 (1846 г.). Д. 95. Л. 5–5 об., 13–14.

²⁶ Там же. Ф. 180. Оп. 10. Д. 1. Л. 18 об.

²⁷ Там же. Ф. 395. Оп. 1. Д. 164. Л. 8.

²⁸ Там же. Л. 9.

5 апреля 1849 г. Оболенскому было сообщено о просьбе Блудова, готовящегося к докладу императору, представить "Краткое означение" хранящихся в МГАМИД "любопытнейших рукописей"²⁹.

Блудов сделал доклад 7 апреля и получил разрешение "приступить к изданию в свет записных и разрядных книг" в типографии II Отделения Собственной е.и.в. канцелярии. "В сих книгах, – писал Блудов, – обнимающих, с немногими промежутками, всю, так сказать, историю управления государства до 1706 года, означены распоряжения правительства о службе придворной, военной и гражданской"³⁰. 9 апреля Блудов сообщал Оболенскому, что составленное им "обозрение любопытнейших рукописей", хранящихся в МГАМИД, было рассмотрено Николаем I "с особенным вниманием", после чего он поручил Блудову "обозреть при первом удобном случае некоторые из означенных в нем памятников"³¹. Оболенский, очевидно, расценив это, как проявление внимания к предложенному им проекту учреждения Императорского Российского музея, пришел к следующему выводу: "Из слов графа Дмитрия Николаевича (Блудова. – В.Б.) можно заключить, что государю императору вероятно угодно будет взять из Архива некоторые из любопытнейших памятников для помещения в новоосуществляемую московскую Оружейную палату"³².

28 апреля министр иностранных дел К.В. Нессельроде распорядился о допуске в МГАМИД назначенных Блудовым лиц и о "доставлении графу Дмитрию Николаевичу тех рукописей, которые он потребует"³³. 15 апреля 1849 г. Блудов был допущен в библиотеки Синодальную и Московской синодальной типографии с тем, чтобы "обозреть и, сколько будет возможно, пересмотреть рукописи и печатные книги", в том числе и те, что хранились за печатью³⁴.

Блудову был открыт доступ и в архив Чудова монастыря. Хотя было известно, что Блудов исполнял повеление императора, он встретил нежелание митрополита Филарета выдать рукописи и печатные книги, находившиеся на секретном хранении. Филарет знал о предположении Блудова, что в запечатанных пакетах хранятся документы, представляющие исторический интерес, которые следует передать в формируемое Государственное древлехранилище хартий и рукописей. В конце концов Филарет добился своего. Из семи запечатанных рукописей и книг Блудову он выслал пять, фактически утаив то, что несомненно представляло для Блудова интерес, в первую очередь: дела о суде над патриархом Никоном и над Д.Е. Тверитиновым и его единомышленниками³⁵.

Работа над рукописями состояла, прежде всего, в их подробном описании, этим занимался К.С. Сербинович. Результатом осмотра Блудовым рукописей были две докладные записки императору от 9 февраля и 16 марта 1850 г. ·

²⁹ Там же. Л. 10.

³⁰ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 904^а. Л. 2. О подготовке к изданию "Дворцовых разрядов" см.: Шохин Л.И. Систематизация, описание и изучение материалов по генеалогии в Московском архиве Министерства юстиции во второй половине XIX – начале XX в. // ВИД. Л., 1991. Вып. 22. С. 53–54. В мае–июле 1849 г. Блудову из МГАМИД высылались разрядные книги с 1586 по 1631 г. См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 856. Л. 5.

³¹ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 853. Л. 1.

³² Там же. Л. 2.

³³ Там же. Д. 904^а. Л. 1 об.

³⁴ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 575. Л. 195; Ф. 1183. Оп. 1 (1849 г.). Д. 117. Л. 1–1 об.; Оп. 10 (1849 г.). Д. 18. Л. 1–1 об. 8 февраля 1836 г. Блудову было сообщено о повелении императора рассмотреть некоторые из рукописей Синодальной библиотеки, которые и были высланы Блудову обер-прокурором графом Н.А. Протасовым 14 марта того года (35 рукописей и 1 печатная книга). См.: РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 575. Л. 3, 7; Ф. 1183. Оп. 10 (1836 г.). Д. 360. Л. 1, 8.

³⁵ Там же. Л. 204–205 об. Указ Синода, снявший секретность с дела о суде над патриархом Никоном, последовал лишь 9 марта 1860 г. в ответ на просьбу С.М. Соловьева.

Все рукописи Блудов предлагал вернуть в Синодальную библиотеку: "Важнейшие из них уже известны, – писал он, – большую часть других, в том числе и старинные переводы, едва ли удобно, и уже конечно, не нужно издавать в свет; они должны остаться в наших древних книгохранилищах как памятники прежнего времени, и могут быть полезны, служа материалами для ученых исследований об истории отечественного языка и словесности. Иные, хотя и не многие, могли бы служить пособием в трудах Археографической комиссии и я полагал бы обратиться на них внимание"³⁶.

Возвратив рукописи обер-прокурору Синода, он дал знать о четырех из них, представляющих, по его мнению, особый интерес Археографической комиссии (в том числе о сборнике "Грамот и деловых бумаг о владениях и вотчинах митрополитов и патриархов всероссийских" с 1521 по 1640 г., ценность которого подчеркивал Блудов)³⁷.

Блудов заручился разрешением императора на допуск В.М. Ундольского к описанию рукописей библиотек Синодальной, Московской синодальной типографии и Успенского собора, о чем сообщил 4 июня 1849 г. обер-прокурору Синода графу Н.А. Протасову³⁸, но московский митрополит Филарет, а за ним и Синод отказались допустить Ундольского к Синодальному собранию, сославшись на то, что его описанием уже занимаются профессор А.В. Горский и К.И. Невоструев. Ему разрешили начать с описания рукописей библиотеки Московской синодальной типографии, но выдвинули при этом ряд условий, в частности лишили Ундольского права самостоятельно отбирать рукописи для описания. Митрополит Филарет считал, что "неверное или неосмотрительное употребление древних рукописей" может "произвести соблазн и дать пищу лжеучениям"³⁹, и потому вполне допустимо предположить, что проект создания Императорского Российского музея руководством православной церкви был встречен весьма настороженно, а при таком отношении осуществить его было невозможно, поскольку именно церковные собрания рукописей должны были стать основой музея.

Не отступая от своей "задушевной мысли", Оболенский в письме барону М.А. Корфу 6 мая 1850 г. писал, что "несмотря на общее желание Москва не имеет еще публичной библиотеки, в которой бы заключались памятники духовной жизни России"⁴⁰ и предлагал приурочить создание таковой к 25-летию начала царствования Николая I. Предлагая сформировать библиотеку на основе дубликатов, Оболенский рассчитывал в дальнейшем пополнять ее дарами – собраниями рукописей. Однако вместо более значимого и перспективного в научном плане проекта Оболенского-Ундольского, 6 октября 1851 г. Николай I одобрил создание Государственного древлехранилища хартий и рукописей⁴¹, в котором сосредотачивался значительно меньший круг рукописных источников, объединение которых к тому же носило в немалой степени искусственный характер⁴².

³⁶ Там же. Л. 44 об.–45.

³⁷ Там же. Л. 191–192 об. Среди рукописей Патриаршей библиотеки, переданных Блудову, находились и "Записки посольства Н.М. Толочанова в Имеретию 1650–1653 гг.", однако о них Блудов не посчитал нужным сообщить Археографической комиссии, не просил о разрешении передать их в МГАМИД.

³⁸ Там же. Л. 220–220 об.

³⁹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 575. Л. 221 об; Ф. 1183. Оп. 1 (1849 г.). Д. 220. Л. 1–2 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1000. Л. 2–4 об.

⁴¹ Там же. Оп. 10. Д. 1. Л. 30–33.

⁴² Подробнее об истории создания Государственного древлехранилища хартий и рукописей см.: Дремлина Г.А., Чернов А.В. Из истории Центрального государственного архива древних актов (Государственное древлехранилище хартий и рукописей и Московский архив Коллегии иностранных дел). М., 1959.

Заведуя этим хранилищем, Оболенский заботился и о его комплектовании, рассчитывая при этом на содействие Блудова. 28 февраля 1854 г. Оболенский обратился к нему с предложением приобрести в собственность Государственного древлехранилища хартий и рукописей предложенную московским купцом Д.В. Пискаревым рукопись XVI в. – сочинения Иоанна Дамаскина, переведенные Андреем Курбским, с предисловием переводчика⁴³. В повторном обращении 2 апреля 1855 г. Оболенский писал: "Приобретение сей рукописи, как весьма замечательного памятника русской старины, по общему мнению московских археологов, могло бы достойно украсить любое собрание отечественных древностей"⁴⁴.

Значительный интерес представляет и другой археографический проект, обсуждавшийся в то же время Блудовым и Оболенским. 2 августа 1849 г. Блудов сообщил управляющему МГАМИД, что вслед за изданием разрядов намерен добиться разрешения на издание, "если дозволят средства", и "статейных списков"⁴⁵, в связи с чем просил Оболенского сообщить сведения "о том, в каком виде и все ли вполне сохранились упомянутые статейные списки, а равно правильно ли составлены выписки из оных господином Бантыш-Каменским"⁴⁶. 20 августа 1849 г., прислав реестр, включающий 727 посольских книг (по терминологии Оболенского – "статейных списков"), хранящихся в МГАМИД (в том числе 522 по сношениям с европейскими и 205 с азиатскими государствами)⁴⁷, Оболенский счел необходимым сообщить следующие сведения о трудах своего предшественника: "Особенных выписок из статейных списков Николай Николаевич Бантыш-Каменский не делал. В Архиве хранится рукописное его сочинение под заглавием "Сокращенное известие о взаимных между российским монархами и европейским дворами посольствах, переписках и договорах с 1481 по 1801 год", но исследование это составлено на основании данных, извлеченных не из одних только статейных списков, а из всех дел, хранящихся в Архиве. Что же касается до ученого значения труда Николая Николаевича Бантыш-Каменского, то труд этот заслуживает полного уважения потому, что составлен самым добросовестным образом, и есть одно из превосходнейших и замечательнейших исследований по русской истории"⁴⁸.

20 октября 1849 г. Блудов, сделав доклад императору, получил его согласие на издание "статейных списков". Сообщая об этом Оболенскому, Блудов предложил в качестве приложения к ним "в конце года или царствования" печатать и другие, "относящиеся к тем же посольствам и сношениям документы" МГАМИД⁴⁹. "Собирание, приведение в порядок и списывание этих актов, писанных на разных языках так затрудняет успешный ход издания, – отвечал Оболенский, – что мне, кажется, гораздо удобнее напечатать их отдельно в виде приложения к собранию статейных списков"⁵⁰. Наряду с двумя группами источников (по сношениям с европейскими и азиатскими державами) Оболенский предлагал выделить и третью (по сношениям "с властями православной церкви на Востоке" так называемые "греческие дела")⁵¹. С этим согласился и император. Во время доклада ему Блудова 1 декабря 1849 г., окончательно одобрив план издания, он повелел "греческие дела" не печатать, "без предвари-

⁴³ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1424. Л. 3–3 об.

⁴⁴ Там же. Л. 8–8 об.

⁴⁵ Оболенский и Блудов именуют статейными списками посольские книги.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 862. Л. 1.

⁴⁷ Там же. Л. 4–5.

⁴⁸ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 862. Л. 3.

⁴⁹ Там же. Ф. 179 (Комиссия печатания государственных грамот и договоров). Оп. 1. Д. 413. Л. 4.

⁵⁰ Там же. Л. 8 об.

⁵¹ Там же. Л. 7 об.

тельных объяснений" с членами Синода⁵². Изготовление копий посольских книг проводилось непосредственно в МГАМИД, их сверка с подлинниками поручалась правителю дел Комиссии печатания государственных грамот и договоров С.С. Иванову. Копии затем высылались во II Отделение Собственной е.и.в. канцелярии, служащий которого А.Н. Попов 13 декабря 1849 г. писал Оболенскому: "Здесь непосредственно буду я заведывать изданием; приступим же к нему тогда, когда будем иметь копии со всех статейных списков времен Иоанна III. На вопрос: сколько томов предполагаем мы издавать в год – не могу Вам отвечать утвердительно, скажу только: тем лучше, чем больше. При средствах нашей типографии, не прерывая издание разрядов, кажется, возможно будет издавать от 2 до 3 томов в год, компактных в два столбца, как издаются и разряды, которых два первых тома я надеюсь окончить к Светлому Воскресению"⁵³.

Касаясь организации работы по копированию, Попов писал: "В копиях должна быть соблюдаема древняя орфография, которая будет соблюдена и при издании. К каждой копии должно быть присоединяемо палеографическое описание подлинной рукописи с обозначением номера, под которым она хранится в Архиве"⁵⁴.

О том, как продвигалась реализация проекта изданий "статейных списков", узнаем из отчетов МГАМИД. В отчете за 1849 г. указывалось, что Комиссия печатания государственных грамот и договоров в конце этого года "внимательно обзрев статейные списки, приступила к изготовлению копий с них и к проверке копий с подлинниками" и работа эта "весьма деятельно подвигается вперед"⁵⁵. В 1850 г. во II Отделение Собственной е.и.в. канцелярии были высланы 48 томов копий "старинных" посольских книг "и дел по посольствам сохранившихся в столбцах", из них 26 томов по сношениям России с Австрией, которые предполагалось издавать в первую очередь; была начата работа по подготовке к изданию "посольских дел и статейных списков" по сношениям с Хивой, Бухарой и Китаем⁵⁶.

23 марта 1850 г. Попов сообщал Оболенскому: "Я приступаю уже к напечатанию статейных списков сношений с Австриею"⁵⁷. Со временем, МГАМИД вместо копий стал высылать подлинные посольские книги. Это вошло в практику после обращения к Оболенскому 12 мая 1865 г. статс-секретаря графа В.Н. Панина, сменившего Блудова. В нем Панин распорядился изготовить копии посольских книг "по сношениям сначала с римскими папами, Тосканою и Мальтою, а потом с Венециею, Англиею, Франциею и другими державами"⁵⁸. Оболенский на это отвечал, что Комиссия печатания государственных грамот и договоров "за уволнением от службы бывшего ея правителя дел (А.Н. Афанасьева. – В.Б.) и за недостатком чиновников, вполне знакомых с старинным нашим письмом"⁵⁹ приступить к копированию не в состоянии. Заслуживет внимания и другой довод Оболенского: "Предстоящая судебная реформа в России ныне привлекает к себе внимание наиболее способных молодых людей, и потому теперь, при скудных материальных средствах, чрезвычайно трудно склонять их к усидчивым архивным занятиям"⁶⁰.

⁵² Там же. Л. 10. В 1858–1860 гг. некоторые из этих дел были опубликованы Андреем Николаевичем Муравьевым "по внушению" М.А. Оболенского. См.: Сношения России с Востоком по делам церковным. СПб., 1858–1860. Ч. 1–2.

⁵³ Там же. Л. 17–17 об.

⁵⁴ Там же. Л. 16 об.

⁵⁵ Там же. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 13, Л. 537.

⁵⁶ Там же. Л. 584–585 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 179. Оп. 1. Д. 365. Л. 5.

⁵⁸ Там же. Д. 413. Л. 39–39 об.

⁵⁹ Там же. Л. 41–41 об.

⁶⁰ Там же. Л. 41 об.

Нельзя не оценить грандиозность замысла – издать собрание основной дипломатической документации допетровского времени, равно как и признать, что осуществить это можно было лишь в течение длительного времени и при значительных затратах.

Этот проект удалось реализовать частично в виде десяти томного издания "Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными"⁶¹.

Блудов проявил также интерес еще к одной группе источников – к "описаниям церемониалов коронований" императоров и императриц и объяснял его в уже упомянутой докладной записке императору от 9 февраля 1850 г. следующим образом: "Древние памятники сего священного обряда любопытны разными подробностями в описании предметов, которых объяснение сопряжено теперь с историческими розысканиями: одеяния царей и лиц, участвовавших в совершении торжества, убранства царского пути и чертожного места, святыни мономаховой (т.е. регалий царских), действия при коем царей осыпали золотыми и серебрянными деньгами и т.п.; в некоторых помещены и подлинные речи, с коими царь и патриарх взаимно обращались друг ко другу во время священнодействия, и принадлежащие к оному молитвы, замененные впоследствии другими"⁶².

Среди рукописей Синодальной библиотеки Блудов нашел два церемониала коронований царей Алексея Михайловича в 1646 г. и Федора Алексеевича в 1676 г., второй из них к тому времени еще не был издан, и Блудов предполагал им воспользоваться "для дополнения Дворцовых разрядов"⁶³.

24 декабря 1850 г. он сообщал Оболенскому, что в связи с изданием камер-фурьерских журналов понадобились описания церемониалов коронований императоров и императриц, за исключением церемониалов коронований Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны, "кои отысканы нами здесь"⁶⁴, т.е. в С.-Петербурге.

6 июня 1850 г. П.И. Иванов писал Блудову о своей находке: "Занимаясь по службе приведением в порядок монастырских грамот, хранящихся в Государственном архиве старых дел, а равно собирая материалы для палеографических снимков, изданных мною для руководства воспитанников Константиновского межевого института, давно желал я открыть подписи Бориса Федоровича Годунова – лица знаменитого в нашей истории сколько по своим личным достоинствам, столько же и по разительной превратности счастья.

Лет десять тому назад напал я на след его подписи, но след так был неясен, приметы так неотчетливы, что из всех моих розысканий не вышло ничего удовлетворительного.

Мнение о важности этой находки разделяли все здешние ученые археологи и

⁶¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1851–1871. Т. 1–10. Подробнее об этом и других изданиях посольских книг см.: *Рогожин Н.М.* Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в ЦГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990.

⁶² РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 575. Л. 37 об.–38.

⁶³ Там же. Л. 37.

⁶⁴ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 13. Л. 481–484; Ф. 180. Оп. 7. Д. 984. Л. 1. 23 февраля 1854 г. Оболенский выслал Блудову два походных журнала Петра I 1703–1713 гг., считая, что они также интересуют графа в связи с подготовкой к изданию камер-фурьерских журналов. См.: Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1420. Л. 1–1 об. 4 декабря 1858 г. Блудов писал Оболенскому о согласии императора Александра II на издание при II Отделении Собственной е.и.в. канцелярии хранящихся в Государственном древлехранилище хартий и рукописей и МГАМИД "чинов поставления на царство и описаний коронования наших великих князей, царей и императоров". В сентябре 1858 г. "краткая опись" документов была выслана Блудову, при этом Оболенский напомнил, что "дела относящиеся до коронований" ряда императоров и императриц (Екатерина I, Петр II, Екатерина II, Павел I) были высланы ранее. См.: Там же. Д. 1927. Л. 1–1 об.

хранители архивов, поелику почерка Годунова никому не удалось видеть ни в государственных архивах, ни в частных книгохранилищах⁶⁵. Подпись Годунова была обнаружена на трех грамотах по Костромскому уезду (двух данных 1572 и 1576 гг. и одной жалованной 1603 г.). Иванов отправил Блудову факсимиле подписей, а затем опубликовал сообщение о своей находке в "Сыне Отечества"⁶⁶.

3 апреля 1851 г. Иванов сообщал Блудову, что в Разрядно-Сенатском архиве ему удалось обнаружить "подлинное производство" о подготовке и осуществлении экспедиции кн. А. Бековича-Черкасского в Хиву в 1716–1717 гг. и о намерении напечатать его хотя бы в "Географическом вестнике"⁶⁷. Блудов решил ходатайствовать о публикации как этих документов, так и общего алфавита "всем фамилиям и лицам вошедшим в состав боярских книг", о завершении подготовки которого также сообщал Иванов. Однако в ответ министр юстиции Панин 21 июля 1851 г. писал, что считает "неудобным в настоящее время предать тиснению" дело об экспедиции Бековича-Черкасского⁶⁸.

В 1850–1851 гг. увидели свет два тома нового издания "Дворцовые разряды", основой которого стали документы Московского главного архива Министерства иностранных дел и частных собраний.

4 ноября 1851 г. Блудов сообщил министру императорского двора кн. П.М. Волконскому о намерении издать документы Архива Оружейной палаты в виде дополнения к "Дворцовым разрядам" и известив, что император уже дал на это согласие, просил сообщить сведения о составе документов архива. Обращению Блудова предшествовало "соображение" Забелина, что приходно-расходные книги и столбцы дворцовых приказов "содержат в себе множество любопытных сведений, относящихся прямо или косвенно" к издаваемым "Дворцовым разрядам", переданное в 1851 г. отвечавшему за издание А.Н. Попову, который довел его до сведения Блудова⁶⁹.

19 ноября 1851 г. в распоряжение директора Оружейной палаты М.Н. Загоскина был командирован помощник архивариуса Московской дворцовой конторы И.Е. Забелин с тем, чтобы сделать "общий подробный обзор Архива", на основе которого была составлена "Записка о хранящихся в Архиве древних бумагах", направленная за подписью Загоскина президенту Московской дворцовой конторы барону Л.К. Боде 10 марта 1852 г.⁷⁰ В "Записке" отмечалось, что "Архив Оружейной палаты включает в себе более 1000 рукописных книг и несколько тысяч древних столбцов или свитков, относящихся к XVIII столетию", которые – "суть остатки дел разных приказов Дворцового ведомства..." Среди документов "встречаются также бумаги по своему содержанию имеющие более или менее близкое соотношение с издаваемыми ныне по высочайшему повелению дворцовыми разрядами". Как наиболее интересные назывались "расходные книги и записки, в которых по поводу выдачи денег или каких-либо вещей почти всегда отмечалась и причина этой выдачи или случай, по которому она делалась".

Загоскин рекомендовал "для подробного пересмотра всех документов Архива

⁶⁵ Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 298–298 об.

⁶⁶ См.: Иванов П.И. Вновь открытые сведения о почерке руки царя и великого князя Бориса Федоровича Годунова // *Сын Отечества*. 1850. Кн. 8. С. 1–8.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 580. Л. 305 об.–306.

⁶⁸ Там же. Л. 311–311 об. Тем не менее 7 сентября 1851 г. Иванов отослал Панину составленное им "систематическое изложение" экспедиции Бековича-Черкасского. См.: Там же. Ф. 336 (Канцелярия инспектора московских сенатских архивов). Оп. 1. Д. 275. Л. 5–5 об. Дело об экспедиции Бековича-Черкасского было опубликовано лишь в 1871 г. См.: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. СПб., 1871. Т. 1.

⁶⁹ ЧОИДР. 1882. Кн. 1. С. I–XV.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 1239 (Дворцовый отдел). Оп. 3. Д. 18429. Л. 7–11.

и составления выписок" Забелина, "как чиновника способного, которого опытность и знания по этому предмету лично были мне известны прежде и вполне подтверждены при настоящих его занятиях при разборке и обзоре древних документов Архива". Блудов одобрил выбор Загоскина и в письме Боду от 27 марта 1852 г. писал: "Что касается мысли господина Загоскина поручить исполнение сих предположений господину Забелину, то зная его по некоторым литературным трудам его, я с своей стороны уверен, что он исполнит сие поручение самым удовлетворительным образом и с возможною скоростью"⁷¹.

О масштабах предстоящей работы делалось следующее заключение: "Судя предположительно все выписки из документов Архива должны составить целый том, равный тому издаваемым разрядам"⁷².

Характеризуя интересы Блудова в области истории и археографии, выявляя его научные контакты, нельзя не упомянуть о запросах, с которыми граф неоднократно обращался в МГАМИД. 12 марта 1853 г. Блудов, выполняя волю императора, запрашивал Оболенского, не имеется ли в МГАМИД "каких-либо следов тайной, происходившей в Вене в начале 1711 года негоциации"⁷³, имея ввиду переговоры России и Австрии о союзе, имевшем антитурецкую направленность. Выяснилось, что "подробностей о тайной негоциации" в документах МГАМИД "никаких не находится"⁷⁴.

16 февраля 1854 г. Блудов запросил у Оболенского сведения по истории рода Романовых. Его интересовало: от какой жены (первой – Варвары из рода Ховриных или второй – Евдокии из рода кн. Горбатов-Суздальских) боярина Никиты Романовича Юрьева родился Федор Никитич Романов (будущий патриарх Филарет); был ли кн. Андрей Ярославич, потомками которого являлись кн. Горбатовы-Суздальские, старшим или младшим братом кн. Александра Невского. "Сие обстоятельство, – писал Блудов, – нашими историками или показывается различно, или оставлено без положительного объяснения"⁷⁵, между тем оно важно, поскольку решается вопрос "который из сих братьев был старший и, следовательно, которая отрасль князей наших была старшая: Александра ли Невского, от коего происходили великие князья и цари русские до Федора Иоанновича, или же, напротив, отрасль князей Суздальских из рода коих, по женскому колону, происходил, как я полагаю, через бабу свою Евдокию Александровну княжну Горбатову, и царь Михаил Федорович?"⁷⁶.

Дать определенный ответ на первый вопрос Оболенский не смог и писал Блудову, что "если возможно решение сего вопроса, то его следует искать в вкладных росписях и синодиках разных, преимущественно московских монастырей и, в особенности, Новоспасского монастыря, как родовой усыпальницы Дома Романовых"⁷⁷. Он предлагал Блудову обратиться за содействием к митрополиту Московскому и Коломенскому Филарету.

⁷¹ Там же. Л. 14–14 об.

⁷² Там же. Л. 10 об. 18 декабря 1858 г. Блудов сообщал новому президенту Московской дворцовой канторы кн. П.И. Трубецкому, что императору было доложено "об окончании порученных архивариусу московской Оружейной палаты титулярному советнику Забелину выписок из дел сего Архива, дополняющих издаваемые по высочайшему повелению дворцовые разряды", и он просил выдать Забелину "в вознаграждение за 6-летние труды его по сему предмету тысячу рублей серебром" (Там же. Д. 7069. Л. 30–30 об.). Результаты своих многолетних трудов Забелину удалось опубликовать лишь 30 лет спустя. См.: *Забелин И.Е.* Дополнения к "Дворцовым разрядам" // ЧОИДР. 1882. Кн. 1, 3; 1883. Кн. 2, 4.

⁷³ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 10. Л. 82^a–82^a об.

⁷⁴ Там же. Л. 82–82 об.

⁷⁵ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 1423. Л. 5 об.

⁷⁶ Там же. Л. 6–6 об.

⁷⁷ Там же. Л. 7–7 об. "Он когда-то хотел написать историю дома Романовых", – писал в 1856 г. о Блудове А.В. Никитенко. См.: *Никитенко А.В.* Дневник. [Л.], 1955. Т. 1. С. 449.

Ссылаясь на родословные книги и летописи, Оболенский писал, что Андрей Ярославич являлся младшим братом Александра Невского. Оболенский готовил ответ Блудову с помощью С.М. Соловьева, обращался за разъяснением к П.М. Строеву.

28 марта 1859 г. Блудов обратился к министру иностранных дел с просьбой сообщить Русскому археологическому обществу сведения о документах Государственного архива МИД и МГАМИД, "в которых не заключается никакой государственной тайны, а содержатся любопытные сведения о домашней жизни наших царей и великих князей московских, о внутреннем быте в России XVI и XVII веков, наконец, и о состоянии искусств, ремесел и промыслов в нашем Отечестве до конца XVIII столетия"⁷⁸. В ответ Оболенский писал, что "почти все любопытные для внутренней истории документы XVI и XVII столетий, принадлежащие Архиву, уже были напечатаны", а документы, представляющие интерес непосредственно для археологии (например, о приезде "чужеземных мастеров" в Россию) "зарыты в массу различных дипломатических известий", так что их поиск – "труд, не только требующий долгого времени, но и археологического образования" и предлагал поручить его кому-нибудь из членов Русского археологического общества. Оболенский добавлял, что, по его мнению, "все архивские акты, до воцарения императора Павла, могут быть свободно преданы печати", за исключением секретных, "раскольничьих" и о самозванцах⁷⁹.

24 апреля 1859 г. Оболенскому сообщалось, что Блудову необходимы сведения о том, "какие документы, относящиеся до Ингерманландии, были отданы Швециию Россией вследствие Ништадского мира и не находилась ли в числе их" писцовая книга Ингерманландии 1696 г., которой интересовался академик А.А. Куник⁸⁰. В ответ Оболенский писал, что обязательство Швеции в отношении передачи документов, возложенное на нее Ништадским мирным договором 1721 г., "было далеко не исполнено во всей точности". Посланные императрицей Екатериной I в Стокгольм в 1725 г. особые комиссары для приема документов, пробыли там более двух лет и "встретили много затруднений со стороны шведского правительства". Наконец, им были переданы 26 ящиков с документами по Лифляндии и Эстляндии, а в апреле 1727 г. они представили послу в Стокгольме кн. В.Л. Долгорукому "две описи архивов ими не полученных"⁸¹. Оболенский предполагал, что среди этих документов оказалась и писцовая книга Ингерманландии 1696 г.

Историю русской археографии второй четверти XIX в. невозможно воссоздать без изучения вклада известного государственного деятеля Дмитрия Николаевича Блудова. Помятуя слова А.И. Герцена, что Блудов – "продолжатель истории Карамзина, не написавший ни строки далее"⁸², отметим, что видным сановником николаевской эпохи все же было сделано немало для того, чтобы у Карамзина нашлись преемники и продолжатели.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 2015. Л. 2–3.

⁷⁹ Там же. Л. 5–6 об.

⁸⁰ Там же. Д. 2016. Л. 1–1 об.

⁸¹ Там же. Л. 4–5 об.

⁸² Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 8. С. 304.

Е.А. Чиркова

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИИ
И РУССКАЯ ПЕЧАТЬ
В 60–70-х ГОДАХ XIX в.**

Издательская деятельность российского МИД в этот период еще не была предметом специального изучения, равно как и отношение общественного мнения России, в частности, прессы к издательским предприятиям дипломатического ведомства. Перечни публикаций внешнеполитических документов и самая общая их характеристика содержатся в ряде общих работ и учебных пособий¹.

Между тем данный аспект занятий МИД заслуживает изучения, во-первых, потому что позволяет представить во всем объеме его многообразную деятельность. Во-вторых, и это главное, дипломатическое ведомство не только проводило определенную политику, но и стремилось сделать эту политику популярной путем инспирирования статей в периодической печати отечественной и зарубежной, издания газет на казенный счет и т.п. Публикации дипломатических документов не только текущей политики, но и предшествующего времени также должны были способствовать формированию общественного мнения в благоприятном для правительства духе. По меткому замечанию А.Дж. Тейлора, "ни одно правительство не станет оплачивать издание многотомных трудов из бескорыстной любви к науке. Иногда оно старается оправдать, таким образом, своих предшественников, а иногда дискредитировать их или даже возродить национальную гордость, выставляя напоказ славное прошлое"². С этой точки зрения, выяснение того, что печаталось, а что нет, позволит сделать вывод, какие именно внешнеполитические мероприятия правительство считало необходимым обнародовать, какие аспекты внешней политики представлялись ему важнейшими в тот или иной период времени.

Другими словами, на наш взгляд, необходимо изучать не только внешнюю политику России, но и ее идеологическое обоснование посредством анализа периодических официозов, документальных публикаций и т.п. источников.

В условиях общественного подъема в конце 1850-х – начале 1860-х гг. резко возрос интерес широкой публики к вопросам внешней политики, что было вполне естественно после Крымской войны. Это повлекло повышенное внимание к деятельности дипломатического ведомства. Характерно, что МИД шло навстречу возросшему историзму общественного сознания, возобновив и значительно расширив свою издательскую деятельность в рассматриваемое

© Е.А. Чиркова.

¹ *Грaбарь В.Э.* Материалы к истории международного права в России. М., 1956; *Софинов П.Г.* Из истории русской дореволюционной археографии. М., 1957; *Корнева И.И., Тальман Е.М., Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России. М., 1969; *Киняпина Н.С.* Источники по истории внешней политики России XIX в. // Источниковедение истории СССР XIX – начала XX в. М., 1970. Гл. 5; *Эпштейн Д.М.* История археографии в дореволюционной России: период феодализма. М., 1977; *Она же.* История археографии дореволюционной России: период капитализма. М., 1979.

² *Тейлор А.Дж.П.* Борьба за господство в Европе, 1848–1918. М., 1958. С. 572.

время. С годами, особенно в конце века, объем печатной продукции, издаваемой МИД, вырос. В то время, в 60–70-е годы, все начиналось с самого крупного издания дипломатических документов, осуществленного под эгидой министерства, – "Собрания трактатов" Ф.Ф. Мартенса. Поэтому в настоящей статье центральное место отведено начальным, вышедшим в 70-е годы томам "Собрания", а также предыстории этой публикации и откликов на нее в русской печати.

"Свежий ветер" реформ проник и в дипломатическое ведомство, одно из самых консервативных государственных учреждений России. Готовилась реформа центрального аппарата министерства. В 1861 г. начал издаваться "Ежегодник МИД", где наряду со справочным материалом печатались и дипломатические документы. К середине XIX в. большинство европейских стран уже обнародовали или по крайней мере приступили к изданию национальных собраний важнейших дипломатических документов³. Нельзя сказать, что в России с 1820-х гг.⁴ никакие дипломатические документы не издавались. Сенатская типография печатала отдельными оттисками важнейшие несекретные международные договоры России; регулярно пополнялось ПСЗ; трудилось II отделение императорской канцелярии; к 70-м годам РИО уже издало около 10 томов своих сборников.

Помимо этого, в 1845 г. Морское министерство опубликовало первое собрание действующих договоров – "Собрание трактатов, конвенций и других актов, заключенных Россией с европейскими и азиатскими державами, а также с С.А. Штатами"⁵, которое, однако, осталось не оцененным ни современниками, ни позднейшими историками русской археографии⁶. А между тем это была попытка собрать воедино для всеобщего сведения (действительно всеобщего, так как договоры печатались только на русском языке) и для удобства пользования все отдельные оттиски договоров, издаваемых по указу Правительствующего сената. Попытка оказалась не столь удачной, поскольку "масса сырого и необработанного материала", как характеризовал Мартенс подобные зарубежные издания, не могла удовлетворить даже практической надобности, не говоря уже о научном значении. Может быть, поэтому Мартенс, отдав должное своим предшественникам и коллегам по публикаторскому делу, это издание даже не упомянул.

В 1863 г. в МИД был поднят вопрос об издании специального сборника русских дипломатических документов. Инициатором был известный дипломат Ф.И. Бруннов (в то время посол в Лондоне)⁷. Характеризуя Бруннова, Г.В. Чичерин писал: "Нередко он давал министерству советы, и многие из политических мероприятий русского правительства принимались в действительности по почину барона Бруннова"⁸. Неудивительно, что и на этот раз в министерстве со вниманием отнеслись к предложению старейшего дипломата.

Инициативный документ, т.е. записку Бруннова с этим предложением в материалах посольства в Лондоне и в фонде канцелярии Архива внешней политики Российской империи пока обнаружить не удалось. Но из ответного письма, составленного управляющим С.-Петербургским Главным архивом МИД

³ *Ивановский И.А.* Собрание действующих договоров, заключенных Россиею с иностранными державами. Одесса, 1890. Ч. 1, т. 1, предисл.

⁴ См. об этом: *Чиркова Е.А.* Издание документов внешней политики XIX в. дипломатическим ведомством России в 1820-х годах // АЕ за 1985 год. С. 217–221.

⁵ Дополнение к этому "Собранию". СПб., 1847; Прибавления. СПб., 1858, 1862, 1868 и 1874 гг.

⁶ Это издание упоминается только в "Материалах к истории международного права в России" В.Э. Грабаря.

⁷ См. подробнее: РБС. СПб., 1908. Т. 3. С. 382.

⁸ РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 963. Л. 185.

К.К. Злобиным⁹, видно, что Бруннов предлагал продолжить "до настоящего времени", т.е. до 60-х годов двухтомную публикацию, изданную в 1822–1825 гг. МИД под заглавием "Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году"¹⁰.

Ответ Бруннову датирован "августа... дня 1863 года", хотя записка К.К. Злобина, препровождавшего это письмо на подпись другому (неустановленному) лицу, имеет дату 15/27 июня. В этом письме делался обзор современного состояния издания дипломатических документов и всемерно поддерживалась идея публикации "российского дипломатического сборника". Поскольку данное письмо для нашей темы имеет в известной степени принципиальный характер, позволим себе привести из него обширную цитату.

К.К. Злобин писал: "Правда, что мы до сих пор еще не имеем систематического собрания дипломатических собственно российских актов и поставлены в необходимость довольствоваться иностранными сего рода сочинениями, которые в отношении российской дипломатии представляют значительные пропуски. По сей причине полезно было бы составить собственно дипломатический сборник, в который были бы помещены трактаты, декларации, ноты и вообще государственные акты, определяющие теперешние отношения России к иностранным державам или служившие прежде основанием нашей дипломатии. ... Такое собрание, изданное без особенного великолепия, но полное и достоверное было бы не только необходимым и доступным для средств каждого пособием при изучении дипломатической науки, но в то же время служило бы руководством для обсуждения международных вопросов, до России касающихся.

Министерство иностранных дел признавало бы полезным приступить согласно с первоначальным предположением в высокопр-ва к осуществлению при первой возможности сего предприятия на вышеизъявленных здесь основаниях"¹¹.

Нетрудно заметить из всего процитированного, что основная цель издания дипломатического сборника и соответственно одно из главных к нему требований – необходимость сделать его общедоступным, подразумевая под этим не столько доступную цену, сколько возможность для самых широких читающих, но не владеющих иностранными языками слоев публики, ознакомиться с важнейшими документами по внешней политике России¹².

Одновременно с ответом Бруннову Злобин составил программу планируемого сборника, которая отличалась от предлагаемого Брунновым состава публикации более широкими хронологическими рамками – с древнейших времен до вступления на престол Александра II¹³.

Вообще в те годы в недрах МИД, по-видимому, делались попытки изучить и осмыслить как опыт предыдущего царствования, так и, шире, историю международной жизни России в системе европейских и сопредельных с ней азиатских государств с середины XVII в. до современности. Так, по всей вероятности, в то время¹⁴ в министерстве была составлена обширная записка

⁹ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел. (Далее: ДЛСиХД). Исп. отд. стол I. Оп. 749/4. Д. 74. Л. 1–3.

¹⁰ См. об этом: *Чиркова Е.А.* Указ. соч. С. 218–220.

¹¹ АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Исп. отд. стол. I Оп. 749/4. Д. 74. Л. 2, 3.

¹² Ср., например, с "Ежегодником МИД", материалы которого до 1890-х гг. публиковались на фр. яз.

¹³ Подробнее об этом проекте см.: Записка К.К. Злобина об издании российского дипломатического сборника // АЕ за 1984 год. М., 1985.

¹⁴ Судя по упоминаемым в тексте событиям, не ранее 1860 г.

(176 рукописных страниц французского текста) под заглавием "Политические соглашения императорского кабинета во время царствования Николая I"¹⁵.

Приблизительно к тому же времени (не ранее 1863 г.) относится перечень важнейших дипломатических актов, озаглавленный "История мирных трактатов"¹⁶. Наряду с трактатами в него вошли важнейшие конвенции, заключенные Россией с Турцией и Персией, с западноевропейскими державами по греческому и польскому вопросам, а также документы, имеющие общеевропейское значение, но в подписании которых Россия не участвовала.

Как были использованы эти документы, установить пока не удалось, хотя не исключено, что этот перечень привлекался при подготовке списка трактатов России, опубликованного позже в "Ежегоднике МИД". Как бы то ни было, знаменательна сама попытка предпринять такую работу по подведению итогов и осмыслению предшествующего опыта.

Однако вернемся к затеянному Ф.И. Брунновым дипломатическому сборнику. В 1860-х гг. эта публикация по невыясненным причинам не была осуществлена. Только через десять лет после появления проекта К.К. Злобин и спустя почти столетие после указа Екатерины II об издании сборника трактатов наподобие "Дюмонова собрания" МИД приступило наконец к осуществлению давно задуманной публикации. Программа нового "Собрания трактатов" была разработана Ф.Ф. Мартенсом, с 1868 г. причисленным к Министерству иностранных дел¹⁷, а 5 декабря 1873 г. по докладу канцлера А.М. Горчакова была утверждена Александром II.

Необходимость издания "Собрания трактатов" Мартенс обосновывал прежде всего практическими целями. "Трактаты и конвенции, – писал он в своей записке, – обнародованные во всеобщее сведение, касаются самых разнообразных государственных интересов и всех ведомств. В них не только определяются специальные политические отношения договаривающихся государств между собою, но также торговые, промышленные и финансовые интересы получают в них конкретное выражение"¹⁸. Поэтому не только дипломатическое ведомство, но и самые широкие круги промышленников, финансистов, а также судебные органы и т.п. были заинтересованы в том, чтобы "все международные договоры для удобства пользования ими были сосредоточены в одном специальном издании".

Однако, "решаясь издать подобное собрание международных договоров, Министерство иностранных дел... поставило себе более широкую задачу", чем имелось в виду при опубликовании аналогичных заграничных сборников. По мысли Мартенса, предстояло издать не только действующие трактаты и конвенции, "но также те, имеющие только исторический интерес, без которых, однако, часто трудно будет уяснить себе истинный смысл и значение ныне действующего международного договора". Предусматривалось начать публикацию с середины XVII в., когда, по мнению Мартенса, "Россия стала принимать более деятельное участие в международной жизни". Для лучшего осмысления какого-либо трактата и правильного его применения каждый публикуемый документ должен был предваряться "сжатым и объективным изложением обстоятельств и причин, под влиянием которых состоялось его заключение"¹⁹.

Для написания этих вводных очерков в распоряжение Мартенса были предоставлены все, в том числе и секретные, документы, включая, например,

¹⁵ АВПРИ. Ф. 340. Коллекция личных документов чиновников МИД. Оп. 802а. Д. 20.

¹⁶ Там же. Д. 11.

¹⁷ Подробнее о нем см.: *Грaбapь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России.

¹⁸ АВПРИ. Ф. ДЛСиХД. Справочный материал. Оп. 664/1. Д. 17. Л. 1–6.

¹⁹ Там же. Исп. отд. стол II (1873–1886 гг.), Оп. 749/4. Д. 26. Т. 1. Л. 2–4.

переписку Николая I с его венценосными родственниками в Пруссии. Руководствуясь при разработке программы издания сугубо практическими целями, в ходе работы над ним Мартенс настолько углубился в изучение неизвестных для него архивных материалов, что добросовестность и основательность ученого взяли верх над практическими соображениями. Вместо кратких введений к публикуемым документам у Мартенса, по сути дела, получилась история дипломатических отношений России с важнейшими державами Европы.

Неудивительно поэтому, что первоначальное намерение уместить все издание в 12–15 томах (30 п.л. в каждом) и завершить публикацию в течение 6–7 лет не было осуществлено. Мартенс проработал над этим изданием всю оставшуюся жизнь – 35 лет, выпустил 15 томов, но публикация осталась незаконченной.

В 70-х годах XIX в. было издано четыре тома "Собрания трактатов", освещающих историю русско-австрийских отношений с 1648 по 1877 г.: Т. 1 (1648–1762). СПб., 1874; Т. 2 (1772–1808). СПб., 1875; Т. 3 (1808–1815). СПб., 1876; Т. 4, ч. 1 (1815–1849), ч. 2 (1849–1877). СПб., 1878. Эти тома составили первую серию "Собрания". В них вошло 175 документов, из которых значительное число было опубликовано впервые, в том числе ряд секретных и сепаратных статей, ранее неизвестных. Текст некоторых трактатов, уже напечатанных в том или ином зарубежном собрании, был воспроизведен Мартенсом по подлинникам, хранившимся в архивах МИД, с существенными отличиями.

Однако, как уже отмечалось, особенностью "Собрания трактатов" были исторические введения, как их именовал сам автор, которые предваряли каждый документ, помещаемый в первых трех томах и первой части четвертого тома "Собрания". Эти введения представляют собой связную и достаточно полную историю дипломатических отношений России с Австрией за два столетия (с 1649 по 1849 г.). Хотя Мартенс со свойственной ему скромностью писал, что от него "во всяком случае далека была ... претензия представить в этих исторических набросках полную картину дипломатических отношений России с Австрией... Эта трудная задача ждет своего исполнения от более компетентных исследователей"²⁰.

При освещении ранних этапов истории сношений России с австрийско-цесарским двором Мартенс использовал опубликованные материалы, список которых он привел во введении к первому тому "Собрания". Кроме того, по его собственному признанию, для исторического очерка русско-австрийских отношений до середины XVII в., которым открывался первый том, и "для объяснения отдельных актов... были в особенности полезны извлечения из дипломатической переписки, хранящейся в Московском Главном архиве, сделанные Бантыш-Каменским"²¹. Они были изданы в 1894–1902 гг. под заглавием "Обзор внешних сношений России" (до 1800 г.) в четырех частях. Это отразилось на тексте исторических введений к первому тому: в них почти отсутствуют прямые цитаты из документов.

Но уже при работе над вторым томом, изучая дипломатическую переписку, хранящуюся в архивах МИД, Мартенс, по его словам, нашел "столько чрезвычайно любопытных и неизвестных вполне данных", что признал себя нравственно обязанным "воспользоваться ими для лучшей характеристики отношений России к Австрии и заключенных между ними трактатов"²².

В дальнейшей работе при изучении более близких эпох Мартенс столкнулся с нарастанием объема дипломатической переписки, в том числе и ранее не известной. Соответственно увеличились и исторические введения. В третьем

²⁰ Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 2. С. VII.

²¹ Там же. Т. 1. С. XVI.

²² Там же. Т. 2. С. VI.

томе их набралось 132 страницы петица, т.е. четверть объема всего тома, в первой части четвертого тома – 190 страниц, что составило почти треть объема части. В этих томах текст исторических введений изобилует обширными цитатами из документов. За период с 1815 по 1849 г., в частности, по признанию самого автора, "в исторических очерках приведено больше новых фактов, чем во всех первых трех томах вместе взятых"²³. Впрочем, это объяснялось и тем, что новейший по тому времени период истории России был малоизучен.

Таким образом, связное изложение истории русско-австрийских отношений заканчивалось 1849 г. Во второй части четвертого тома введений к документам не было, так как, по мнению Мартенса и, очевидно МИД, "для полного и объективного изложения новейшего, современного фазиса дипломатических сношений еще не наступило время"²⁴.

Видимо, этими же соображениями объясняется и тот факт, что в заключительной части "австрийской" серии "Собрания" (1849–1878) были опубликованы преимущественно конвенции, не имевшие политического значения: почтовые, телеграфные, торговые, картельные и т.п. В некоторых случаях (документы 150, 167, 173) текст этих конвенций предварялся кратким изложением непосредственной истории их подписания.

Мартенс и его "Собрание трактатов" не могли пожаловаться на невнимание критики. Сразу по выходе первого тома печать живо откликнулась на это событие, появилось несколько рецензий²⁵. Предпринятое МИД издание было встречено с интересом как давно ожидаемое событие: "давно назревшая необходимость", "долго ощущаемая потребность" и т.д. В откликах преобладал тон благожелательного выжидания. Мелькали эпитеты "единственное в своем роде", "превосходное" и т.п. На фоне превосходных эпитетов появилось несколько серьезных замечаний, на которых Мартенс счел нужным ответить в предисловии к четвертому тому.

Эти замечания касались в основном исторических очерков. Одни критики требовали расширить их с тем, чтобы полнее использовать дипломатическую переписку даже посредством публикации полного текста всех инструкций посланникам и всех наиболее важных дипломатических депеш. На это пожелание Мартенс отвечал, что в настоящем издании опубликование дипломатической переписки "очевидно невозможно". "Но если в этом желании скрывается некоторая доля подозрительности к нашей (т.е. Мартенса. – Е. Ч.) объективности при изложении видов русской политики, – писал он, – то стоит только другим правительствам открыть свои архивы и тогда, путем обоюдной проверки, обнаружится истина"²⁶.

Другие критики, напротив, полагали, что эти исторические введения слишком подробны и мешают восприятию текстов самих трактатов. На это Мартенс заявил в том же предисловии, что не было ничего легче, "как сократить эти комментарии и изложить в немногих общих словах главные фазисы в истории дипломатических сношений между Россией и Австрией" на основе уже имевшейся литературы, но автор счел себя не в праве проигнорировать непочатые источники из богатейших хранилищ МИДа²⁷.

Однако наиболее значительное критическое выступление по поводу начальных томов "Собрания" Мартенс оставил без ответа. Имеется в виду обширная

²³ Там же. Т. 4, ч. 1. С. X.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Вестн. Европы. 1874. Май: Библиогр. листок; Древняя и новая Россия. 1875. № 6/7; ЖМНП. 1876. № 10.

²⁶ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 4, ч. 1. С. IX.

²⁷ Там же. С. VII–VIII.

рецензия известного в свое время историка Евг. Белова²⁸. Приветствуя начавшееся издание дипломатических документов, рецензент отметил вместе с тем целый ряд значительных, на его взгляд, недостатков "Собрания". Главный упрек – подмена национальных, народных интересов интересами династическими, "которые редко совпадают друг с другом... Мало того, династическая солидарность часто идет вразрез с народными интересами". Непростительно, по мнению Белова, что "для профессора международного права, утонувшего в отвлеченностях учебников своего предмета, не существуют исторические задачи народов, не существует принцип национальности". В итоге это привело Мартенса к субъективной трактовке ряда моментов из истории русско-австрийских и русско-прусских отношений. Отсюда категорический вывод Белова: "К сожалению, можно сказать почти утвердительно, что собственный труд г. Мартенса, т.е. его частные введения никоим образом не могут служить материалом для будущего историка русской дипломатии". И не должны, – добавим мы от себя.

Не появились отклики только в демократической прессе. Но, зная отношение революционных демократов к буржуазному международному праву, его истории, воплощенной в сборниках трактатов²⁹, нетрудно представить, что отношение с их стороны к Мартенсу и его труду было в лучшем случае сдержанным.

Что бы ни писала русская пресса, думается, прав был академик В.Э. Грабарь: «Россия не только получила "своего Мартенса", но наш Мартенс славой своей затмил своего однофамильца чужого Мартенса»³⁰. В заключение следует добавить, что "Собрание трактатов" доказало свою ценность, пережив создателя почти на 90 лет. А поскольку ничего равноценного за последние десятилетия так и не было создано³¹, то оно и в дальнейшем, по всей видимости, не потеряет своего практического и научного значения.

²⁸ Белов Е.А. Сношения России с Австрией с XV до начала XIX ст. // Древняя и новая Россия. 1875. № 6, 7.

²⁹ О взглядах революционной демократии на международно-правовые вопросы см.: Хевролина В.М. Революционно-демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях, конец 60-х – начало 80-х годов XIX в. М., 1986. С. 21–22.

³⁰ Грабарь В.Э. Указ. соч. С. 310. Под чужим Мартенсом имеется в виду Г.Ф. Мартенс, создатель известного в начале XIX в. "Nouveau Recueil de Traités...".

³¹ Только одно грандиозное издание МИД и АН СССР "Внешняя политика России XIX и начала XX в." могло соперничать с "Собранием трактатов", поскольку содержало в себе не только договорные акты, но и дипломатическую переписку, однако вышли лишь две серии (1801–1830).

Л.И. Шохин

К ИСТОРИИ ЖУРНАЛЬНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ АРХИВИСТОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Популяризация документов – одна из малоисследованных сторон истории архивного дела в России. Она несомненно имела значение в формировании исторического самосознания образованных слоев русского общества, исподволь способствуя усвоению таких шедевров, как изданный В.О. Ключевским "Курс русской истории" М. 1904 – 1910. Н.И. Костомаров, автор известных в то время исторических трудов (которые сейчас снова переиздаются), назвал Московский архив Министерства юстиции "неоценимой хранительницей памятников прошедшей жизни". "Вы не можете себе представить, – писал он своему другу, литератору Д.Л. Мордовцеву, – какое это сокровище и чего здесь нет для всякого, кто бы желал освоиться с былою Русью... А Разбойный приказ, потом переименованный в Сыскной! Какая масса всевозможных романов или, правильнее, источников для романов, драм, трагедий, комедий и пр. и пр. Вот где изучать народную жизнь во всех ее подробностях"¹.

Количество занимавшихся с подлинными документами исчислялось десятками человек, на рубеже XIX–XX вв. – сотнями в год. Среди них ученые и архивисты, преподаватели и студенты, краеведы и любители генеалогии и т.п. Однако большинство людей, просто интересовавшихся историей, не занимались в читальных залах архивов – и не вследствие запретов, а просто из-за отсутствия специальных навыков и времени. Что касается научных документальных изданий, то им не свойственно широкое распространение, неспециалисты с трудом их воспринимают. Начали проводиться выставки архивных документов (при археологических съездах в связи с юбилеями), но вплоть до 1920-х гг. они находились в зачаточном состоянии². Основным каналом, позволявшим ознакомить общественность с архивными богатствами, являлись периодические издания, где печатали основанные на документах научно-популярные работы типа обзоров (реже – публикации полных текстов исторических источников)³.

В 1842 г. директор Московского главного архива Министерства иностранных дел М.А. Оболенский полусуто писал петербургскому историку Я.И. Березникову: "Наша старуха Москва не совсем ослабла для разыскания древностей. Некоторые из сынов ее по-маненьку копаются и кое что откапывают, и таким

© Л.И. Шохин

¹ Цит. по: *Мордовцев Д.Л.* Николай Иванович Костомаров в последние десять лет его жизни, 1875–1885 // РС. 1885. Т. XLI. № 12. С. 647.

² Об участии МАМЮ в организации ломоносовской выставки в 1911 г. см.: Ломоносов и елизаветинское время // ИВ. 1912. № 12. С. 1061–1064; *Долгова С.Р., Сокол А.А.* Документы М.В. Ломоносова в ЦГАДА // СА. 1986. № 5. С. 67–68.

³ Такое направление журнальной археографии конца XIX – начала XX в. начало изучаться недавно. См., напр.: *Афиани В.Ю.* Становление журнальной археографии в России в первой трети XIX в. // АЕ за 1989 год. М., 1990. С. 28–37; *Зайцев А.Д.* Публикации исторических источников в журнале "Русский архив" // Вопросы источниковедения и историографии истории досоветского периода. М., 1979. С. 156–168; *Он же.* Петр Иванович Бартечев. М., 1989.

образом из кусочков и антикварных лоскутиков сшивают что-нибудь целое. Ив.М. Снегирев готовит 3-ю и 4-ю тетрадь "Памятников московской древности". [М.П.] Погодин с [С.П.] Шевыревым издают "Москвитянина", в котором при всей его литературной нескладности довольно помещается материалов для истории Руси и ее просвещения". Бередников воспринял это без иронии, но ставил под сомнение не цель и не средства пропаганды исторических знаний, а качество издания. «О "Москвитянине" Вы сами утверждаете, что он *литературно нескладен*. Как же два профессора, имеющие под руками обильные материалы, и которых некоторые признают за ученых не последней, если не первой величины, вместо сытной и непротивной вкусу трапезы довольствуют нас, читателей, гнилым виногребом? Я сам нахожу, что этот журнал скорее похож на сборник XVI или XVII века, нежели на периодическое издание XIX-го»⁴. Так или иначе, Погодин издавал свой журнал много лет, и у него были постоянные сотрудники. Один из них, И.Д. Беляев, работавший в МАМЮ, заверяя редактора в неизменной преданности, просил только не тянуть с выплатой гонорара: «Ради Бога, Михаил Петрович, подумайте о денежных средствах "Москвитянина", этого русского, чисто русского православного молодца. Он вполне достоин того, чтобы поболеть о нем. Мы, Ваши участники, готовы работать до упаду, но увы, мы не бесплотны, а чтобы кормить и поить плоть нужны деньги»⁵.

В 1858 г. Н.В. Калачов обратился к М.А. Оболенскому с просьбой принять участие в основанном им петербургском журнале "Архив историко-юридических сведений". Оболенский в 1840-е гг. был начальником Калачова, заведовавшего тогда библиотекой МГАМИД, и в письме Калачов не забыл упомянуть об архиве, "с которым меня до сих пор связывают самые приятные воспоминания". «Труды, которыми Вы находите возможность посвящать значительное время, дают мне надежду думать, что я буду иметь возможность украшать книжки "Архива" получаемыми от Вас статьями и историко-юридическими материалами, – обращался Калачов к Оболенскому. – Не могу не сознаться, что сообщая их, Вы тем самым поощрите меня к усердному продолжению начатого мною предприятия»⁶. Оболенский ответил, что видит в новом журнале "необходимое пособие для распространения правильных юридических и исторических сведений в нашем обществе" и обещал "доставлять из богатого архивского запаса исторических материалов с некоторыми моими замечаниями"⁷. Вскоре Калачов разделил журнал на два издания: "Архив исторических и практических сведений" и "Юридический вестник", но регулярно печатать их было нелегко. Уже в конце 1858 г. Калачов просил Беляева прислать "статью юридического содержания, которая мне была бы особенно приятна в настоящее время, т.к. в статьях я нуждаюсь, а сотрудников у меня пока мало"⁸. С такой же просьбой он обращался к коллеге И.Д. Беляева по МАМЮ, В.М. Ундольскому, заранее обещая напечатать все, что тот пришлет, "вполне зная Вашу ученость"⁹.

В 1859 г. Юрьевское общество сельского хозяйства, вдохновленное начатым изданием "Архива историко-юридических сведений", выступило с инициативой издания летописей "для народного чтения" (президентом общества был брат

⁴ РГАДА. Ф. 395 (М.А. Оболенский). Оп. 1. Д. 162. Л. 30, 32.

⁵ ОР РГБ. Ф. 231/II (М.П. Погодин). К. 3. Д. 55. Л. 71 (Беляев Погодину 29 марта 1856).

⁶ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 291. Л. 1–2.

⁷ Там же. Д. 595. Л. 1.

⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 450 (Е.В. Барсов). Оп. 1. Д. 846. Л. 12 об–13 (Калачов Беляеву 25 ноября 1858 г.). В письме А.Н. Афанасьеву 4 октября 1860 г. Калачов жаловался, что "Архив" и "Юридический вестник" не дали ему ничего, кроме больших убытков. См.: ГАРФ Ф. 279 (Якушкины). Оп. 1. Д. 1107. Л. 1.

⁹ ОР РГБ. Ф. 704 (В.М. Ундольский). К. 26. Д. 30. Л. 155–157.

Н.В. Калачова). Археографическая комиссия, занятая другими делами, оказалась "не в состоянии приступить к такому изданию, хотя бы оно и было признано ее членами особенно полезным". Оболенский подхватил эту идею, "Известие Ваше о желании Юрьевского общества сельского хозяйства приступить к изданию наших летописей для народного чтения и тем содействовать скорейшему распространению в низших классах грамотности меня чрезвычайно обрадовало". Оболенский предложил опубликовать, в первую очередь, украшенную рисунками летопись из Синодальной библиотеки. "Простолюдин русский любит, чтобы текст наглядным образом пояснялся ему в рисунках. Таковы все лубочные издания, столько любимые народом и столько распространенные в его среде издания...". К сожалению, предложение, поданное по мысли Н.В. Калачова, оказалось слишком заманчивым и, может быть, потому невыполнимым¹⁰.

В 1860 г. Калачов просил у Оболенского "извлечения из бумаг" МГАМИД, "относящихся до Кантемира" (молдавского господаря, союзника Петра I в войне с Турцией в 1711 г.), чтобы "украсить" «"Архив историко-юридических сведений" любопытными сведениями о лице, весьма замечательном, но еще недостаточно известном во многих отношениях»¹¹. В 1877 г., когда Калачов сам возглавлял архив (МАМЮ), он собирался редактировать исторический и историко-юридический отделы нового журнала ("Русский исторический журнал" или "Историческая библиотека") и рассчитывал привлечь к сотрудничеству своих архивистов ("... желающих трудиться и работать чиновников у нас все прибавляется"¹², – писал об этом Н.В. Калачов И.Е. Забелину). Забелин весьма одобрил намерение Калачова, считая его вполне своевременным: «Получив Ваше дорогое любезнейшее письмо, я тогда же просил В.И. Холмогорова (начальника Поместно-Вотчинного отделения МАМЮ – Л.Ш.) передать Вам мою искреннюю радость о предполагаемом историческом журнале и искреннюю готовность чем только могу быть полезным этому необходимому и давно желанному изданию. Да воскреснет в нем и упрочится на долгие годы Ваш прежний достославный "Архив историко-юридических сведений" с наибольшим распространением отдела свежих архивных материалов, в которых так теперь нуждается русская историко-юридическая наука»¹³. Хотя издание и не удалось воплотить в жизнь, важна и сама постановка вопроса.

Калачов даже в "Описании документов и бумаг, хранящихся в МАМЮ" поместил научно-популярную статью о восстановлении в Москве Головинского дворца, сгоревшего в 1753 г. Изложение "решенных дел" по этому предмету показывает рекордную быстроту строительства – 32 дня. Кроме того, Калачову понравились "характерные данные, объясняющие тогдашний быт Москвы и меры, употребленные на исполнение означенных работ"¹⁴.

Калачов, его ученики по Петербургскому археологическому институту (А.А. Востоков, Н.Н. Оглоблин и др.), архивисты разного стажа считали популяризацию исторических документов работой на благо архивов и просвещения. Калачов считал "большой честью для архива и археологического института" публикацию исторических статей его сотрудников по материалам, выявленным ими в ходе описания архивных документов¹⁵. Если архивисты не проявляли расторопности в этом деле, то плодами их работы по разбору и изучению до-

¹⁰ РГАДА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 595. Л. 8–9, 11–14.

¹¹ Там же. Д. 210. Л. 7 об.–8.

¹² ОПИ ГИМ. Ф. 440 (И.Е. Забелин). Оп. 1. Д. 54. Л. 94–94 об.

¹³ Там же. Д. 124. Л. 13–14.

¹⁴ Калачов Н.В. Заметка по поводу предпринимаемого описания Архива Министерства юстиции // Журн. М-ва юстиции. 1866. № 4. С. 8.

¹⁵ РГАДА. Ф. 337 (Канцелярия МАМЮ). Оп. 1. Д. 1350. Л. 4 (Рапорт Калачова о награждении Оглоблина за службу в архиве).

кументов пользовались другие. Можно привести примеры плагиата из "Обозрения историко-географических материалов XVII–XVIII вв.", откуда почерпнуты целые куски И.Ф. Токмаковым (новым библиотекарем МГАМИД) в брошюре "Краткий обзор материалов по истории пчеловодства по документам московских архивов с приложением литературы по пчеловодству 1741–1888 гг." (М., 1889) и К.Д. Головщиковым в "Истории города Ярославля" (Ярославль, 1889).

На эти факты было указано и в рецензиях¹⁶. В.Н. Сторожев выражал признательность редактору "Исторического вестника" С.Н. Шубинскому: «Я очень благодарен Вам за то, что вы напечатали мою заметку о брошюре г. Токмакова в "ИВ". Я показывал Ваше письмо ко мне Н.Н. Оглоблину, который также остался очень доволен, ибо нахальство г. Токмакова действительно не знает границ»¹⁷. Токмаков давал печатные объявления, предлагая всем желающим за плату составлять "церковно-исторические и археологические описания монастырей, церквей, губернских и уездных городов, поселков и сел в России"¹⁸. Такие, как он, откровенно эксплуатировали общественный интерес к истории и краеведению.

Многие архивисты смотрели на написание популярных работ как на средство дополнительного дохода, помогавшее им сводить концы с концами и заниматься "чистой" наукой. Калачов с пониманием относился к этому. Вместе с тем при первой же встрече с Оглоблиным Калачов предупредил его, чтобы не рассчитывать всецело на авторские гонорары: они не так уж велики. Вскоре Оглоблин на собственном опыте убедился, что опубликование его кандидатской диссертации в журнале¹⁹ принесло ему всего 10 руб. за печатный лист²⁰. С одной стороны, это удерживало людей на службе в архиве, а с другой – заставляло проявлять настойчивость в стремлении изредка пробиться на страницы журналов, чтобы не остаться совсем без дополнительного заработка. Исключением из общего правила можно считать А.А. Голубева.

Как и многие сотрудники МАМЮ, А.А. Голубев происходил из среды бедного сельского духовенства, но в отличие от других стал независимым в материальном отношении благодаря состоянию жены²¹. Покинув архив, он перешел от сочинения исторических рассказов к историческим романам. Их тематика была в основном связана с родным Голубеву Поволжьем. Хорошо зная язык древних документов и народных сказаний, автор умел несколькими штрихами мастерски создавать картины нравов и быта²². Популярные статьи включали в списки научных трудов вместе с исследованиями, описаниями и публикациями документов (перечень в "Памятной книжке МАМЮ" и в других изданиях). Даже в "ЧОИДР", где часто печатали работы архивистов, такие статьи помещались рядом с серьезными научными трудами.

Изучение переписки архивистов позволяет дополнить картину их популяризаторской деятельности изображением постоянных связей с некоторыми периодическими изданиями. Реальные жизненные свидетельства весьма красноречивы. «Жалованьишко наше плохонькое, поневоле желаешь более производительно тратить свое свободное время, – объяснял Н.Н. Оглоблин редактору

¹⁶ См.: ИВ. 1889. № 9. С. 663–665; Русская мысль. 1890. № 2. С. 50.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 874 (С.Н. Шубинский). Д. 44. Л. 69 (Сторожев Шубинскому 8 августа 1889 г.); Сторожев В.Н. Заметка о брошюре И.Ф. Токмакова // ИВ. 1889. № 9.

¹⁸ Токмаков И.Ф. Список работ. М., 1889. С. 11.

¹⁹ Оглоблин Н.Н. Арсений – архиепископ Элассонский и его "Описание путешествия в Московию (1588–1589)" // Ист. б-ка. 1879. № 8, 9.

²⁰ Оглоблин Н.Н. Из воспоминаний слушателя Археологического института 1-го выпуска (1878–1880) // Вестн. археологии и истории. СПб., 1903. Вып. 15. С. 373, 392.

²¹ РГАДА. Ф. 337. Оп. 1. Д. 941. Л. 61–62.

²² См. некролог А.А. Голубева // ИВ. 1895. № 12. С. 1009–1010.

"Киевской старины" Ф.Г. Лебединцеву. – Иные из нашей братии опускаются для того в низшие этажи разных московских газет²³, но мне это претит. Пробую с разными статьями проникнуть в серьезные издания, но это крайне трудно – чином не вырос. Все редакции завалены "генеральскими" работами и для нашего брата – "прапорщика от науки" – мало остается места»²⁴. Среди архивистов в то время закрепился обычай обмениваться статьями. Вслед за одним в подходящее издание нередко обращались и другие. А.А. Востоков, посылая работу в "Исторический вестник", писал редактору С.Н. Шубинскому, что до тех пор трудился под руководством Калачова для "чистой" науки, и Забелин охотно взял бы написанное Востоковым в "ЧОИДР", "но, кроме оттисков, Общество ничем не может утешить автора, – жаловался Востоков, – а между тем я не имею возможности работать из любви к искусству"²⁵.

Историк и литератор Сергей Николаевич Шубинский и сам был не чужд архивным исследованиям. В 1860-х гг. он занимался в МАМЮ и МГАМИД изучением документов по военной истории России. Любопытна его характеристика, содержащаяся в письме профессора Петербургского университета П.Н. Ардашева (брата сотрудника МАМЮ Н.Н. Ардашева) архивисту А.А. Гоздаво-Голомбиевскому: «Тут познакомился с Шубинским, редактором "Исторического вестника", с Михайловским, известным публицистом, а в настоящее время одним из соредакторов "Русского богатства", с Скворцовым, бывшим когда-то одним из главных сотрудников Поповицкого в "Церковно-общественном вестнике", потом редактором-издателем "Еженедельного обозрения", а теперь "Литературного обозрения", в котором я начал сотрудничать маленькими заметками критико-библиографического характера. [...] Ничего специфически редакторского, генеральского. Зато далеко нельзя сказать того же про Шубинского с его не то равнодушной, не то надменной манерой литературного генерала, с его холодным и проницательным взглядом дельца. Впрочем, был очень любезен и даже разговорчив. Сетовал на университеты, особенно на свой, Петербургский. Это было сетование обиженного литературного генерала. "Представьте себе, что за последние годы никто, буквально никто ни разу не явился ко мне" (подразумевалось – с предложением сотрудничества). Заодно о своих сотрудниках не стеснялся выражениями, судя по тому, как он отзывался о проф. Брикнере как о "немчуре, который норовит по семи пенек снимать со всякого подходящего материала". (В пример привел, как он эксплуатирует открытые им записки Ланжерона об Екатерине II). Шубинский довольно уже пожилой с сильной проседью в волосах и в бороде...»²⁶. Оглоблин, переписывавшийся с Шубинским в течение 30 лет, издал после смерти последнего сорок писем, отражавших взгляды редактора на особенности журнальных статей для массового читателя²⁷. Сопоставление опубликованных и неопубликованных писем позволяет раскрыть основные проблемы, возникавшие у архивистов в работе с редакциями.

Начало сотрудничества Оглоблина в "Историческом вестнике" относится к 1883 г., когда Шубинский согласился напечатать присланные Оглоблиным письма современников об эпидемии холеры в 1830–1831 гг. в отделе журнала, предназначенном "сырым материалам". Затем Оглоблин подготовил статью

²³ К примеру, И.С. Беляев поместил под псевдонимом и без подписи много исторических статей и рецензий в "Московских ведомостях", "Русском листке", "Русском голосе", "Голосе Москвы", в 1897 г. издавал журнал "Родная речь".

²⁴ ИР ЦНБ. Ф. III. № 6567. Л. 2 об. (Оглоблин Лебединцеву 8 мая 1887 г.).

²⁵ ОР РНБ. Ф. 874. Д. 30. Л. 191 (Востоков Шубинскому 22 мая 1885 г.).

²⁶ РГАДА. Ф. 1468 (Сборный личный). Оп. 2. Д. 175. Л. 1–2 (Письмо под названием "Петербургский дневник" 26 октября 1895 г., машиноп. копия, посланная Н.Н. Ардашеву).

²⁷ Оглоблин Н.Н. Из переписки с С.Н. Шубинским // ЧОИДР. 1915. Кн. 2. Смес. С. 1–18.

"Вяземский архимандрит Феодосий", которая могла принести ему более значительное вознаграждение, чем 25 руб. за печатный лист исторических источников, изданных в необработанном виде. Шубинский отметил, что автору попался очень интересный и довольно живой материал. Статья с первых страниц заинтересовывает, но загромождается мелкими подробностями и рассуждениями, становится растянутой, сухой, утомительной. По мнению редактора, такая форма изложения подходит для научного издания, рассчитанного на специалистов, но не для литературного журнала. Главная задача – захватить внимание неискушенного читателя. «Постарайтесь, чтоб Ваш рассказ шел поживее, так сказать, "картиннее"», – советовал Шубинский. Дело о монахах давало прекрасные возможности создания бытовых зарисовок, в большей степени подходивших для "Исторического вестника", чем присланная Оглоблиным вторая, не совсем удачная статья "Раскопки клада в 1702 г.". К вопросам археологии большинство читателей были равнодушны, и Оглоблин передал рукопись в издание Петербургского археологического института²⁸. А за статью об архимандрите Феодосии, изложенной в форме очерков монастырского быта конца XVII в., автору выплатили немалый по тому времени гонорар – 60 руб.²⁹

Таким образом, Оглоблин без возражений согласился переделать свою первую статью, в которой впервые попробовал писать "в легком историческом жанре" и добился успеха. Но и последующие его работы не всегда легко проходили в "Исторический вестник". "Неужели в архиве нет, например, следственных дел, которые можно было бы передать в живом, образном рассказе, или других документов, которые могли бы послужить темой для общедоступной небольшой статьи, – спрашивал Шубинский. – Неужели разработки заслуживают только ученые специальные материалы?". Подготовленные Оглоблиным к печати в 1885 г. "Путевые записки экспедиции Ивана Соловьева на Алеутские острова в 1770–1775 гг." передали в "Известия Русского географического общества", а затем в "Русскую старину" (1892, № 9, 10). Шубинскому казалась неудобной манера Оглоблина наполнять изложение "буквально приведенными документами и выписками, имеющими бесспорное значение для немногих специалистов"³⁰.

Ряд подобных статей Н.Н. Оглоблин послал в 1885–1886 гг. редактору "Киевской старины" Ф.Г. Лебединцеву. Зачастую они являлись существенным вкладом в изучение того или иного вопроса, немаловажного с точки зрения исторической науки. С.М. Соловьев и Н.И. Костомаров использовали документы МАМЮ для исследований об украинском казацком полковнике С. Палее, но ими было извлечено из архива далеко не все. Оглоблин выявил комплекс документов, обобщенных в его статье "Новые данные о Семене Палее"³¹. Как уроженец Киева, Оглоблин с самого начала архивной службы собирал источники по истории Украины (точнее сказать, он чаще оперировал понятием "Малороссия") и употребил их для различных статей и очерков в "Киевской старине"³². Лебединцев, как и Шубинский, считал, что "живость, картинность, драматизм, если они есть, полнота очерка и простота рассказа – вот что может скрасить работу, без того очень однообразную и скучную". В "Киевской старине" в отличие от "Исторического вестника" часто переделывали

²⁸ Оглоблин Н.Н. Раскопки клада в Можайском уезде в 1702 г. // Вестн. археологии и истории. СПб., 1888. Вып. 7.

²⁹ Оглоблин Н.Н. Вяземский архимандрит Феодосий: Очерки монастырского быта конца XVII в. // ИВ. 1894. № 7; Он же. К истории холеры в 1830–1831 гг. // ИВ. 1883 № 10.

³⁰ См. об этом: Оглоблин Н.Н. Из переписки с С.Н. Шубинским... С. 3; ОР РНБ. Ф. 874. Д. 32. Л. 3, 5 (Оглоблин Шубинскому 1885 г.)

³¹ Эта статья, по-видимому, все же не была издана.

³² ИР ЦНБ. Ф. III. № 6560, 6564 (Оглоблин Лебединцеву 5 апреля 1885 г. и 10 апреля 1886 г.).

присылавшиеся авторами рукописи (Шубинский ссылался на то, что ему некогда этим заниматься). Лебединцев в большей мере, чем столичные редакторы дорожил участием московских архивистов в качестве постоянных сотрудников его "скромного, не выбившегося в люди издания". Другое отличие заключалось в требовании "Киевской старины" охарактеризовать источники в предисловии к статье.

Востоков и Лебединцев задумали опубликовать описание всех документов МАМЮ по истории Украины, начиная с фонда Малороссийского приказа. План в полном объеме не удался. Но, как указывал редактор, можно знакомить читателей с документами по историческим периодам или применительно к выдающимся событиям, как-то: "поход Сагайдачного" (на Москву в начале XVII в. – Л.Ш.), "эпоха воссоединения Украины с Россией", "эпоха Великой Руины" (так называли на Украине военное разорение середины XVII в., причиненное поляками и татарами, напомиравшее Смутное время в России в начале XVII в. – Л.Ш.), гетманство Д. Многогрешного, И. Брюховецкого, Г. Самойловича, деятельность П. Дорошенко, С. Палия и пр.³³ В конце 1887 г. по финансовым причинам пришлось приостановить издание "Киевской старины", но Лебединцев обещал Оглоблину и Востокову рекомендовать их своим преемникам в числе лучших сотрудников.

Вскоре выход журнала возобновился под редакцией А.С. Лашкевича. Оглоблин поспешил заверить его в том, что "с удовольствием готов служить – чем могу и как умею" и вышлет продолжение "Очерков из быта Украины конца XVIII в."³⁴. Востоков, уже будучи тяжело больным, также обратился к новому редактору с предложением широко развернуть работу: «От души радуюсь возрождению "Киевской старины", которую я привык считать своей родной. Желаю ей всякого успеха. Я с своей стороны с большим удовольствием готов снабжать редакцию как материалами, так и статьями. Как сырой материал у меня имеется опись приданного, данного гетманом Самойловичем Шереметеву за дочь, и многое другое. В виде обработанных статей у меня готова "Нежинская рада" и собран материал по делу Г. Самойловича с полковником Милашевским, по обвинению которого он казнен. Мною собрано немало материалов по сношению Москвы с Малороссией (1654–1691 гг.), по истории Коша Запорожского, по истории самого города Киева»³⁵.

В одних случаях архивисты популярно излагали содержание исторических источников, в других – они популяризировали научные труды, написанные по подлинным документам. Так, реферат В.Н. Сторожева "Родоначальник русской ветви Лермонтовых", прочитанный им в Московском обществе истории и древностей российских 18 марта 1894 г., послужил основой одноименной популярной статьи³⁶. Краткий отчет о докладе Г.Н. Шмелева "Об источниках Соборного уложения 1649 г." на заседании Археографической комиссии Московского археологического общества появился в "Историческом вестнике" на три года раньше, чем в "Древностях" Московского археологического общества³⁷. Оглоблин являлся членом Московского библиографического кружка и активным сотрудником его печатного органа – журнала "Библиограф", где он помещал

³³ Оглоблин Н.Н. Пять писем Ф.Г. Лебединцева к А.А. Востокову // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. С. 21–27.

³⁴ ИР ЦНБ. Ф. III. № 9854 (Оглоблин Лашкевичу 19 декабря 1887 г.).

³⁵ Там же. № 7856 (Востоков Лашкевичу 22 декабря 1887 г.); Востоков А.А. Нежинская рада 1663 г. // Киев. старина. 1888. № 5; Он же. Приданое боярыни П.И. Шереметевой // Там же. № 8; Он же. Суд и казнь Григория Самойловича // Там же. 1889. № 1.

³⁶ ЧОИДР. 1895. Кн. 2. С. 12–13; Сторожев В.Н. Родоначальник русской ветви Лермонтовых // Книговедение. 1894. № 5/6 (Отзыв в ИВ. 1894. № 12).

³⁷ ИВ. 1899. № 12. С. 1286; Древности // Труды Археографической комиссии МАО. М., 1902. Т. 2, вып. 2. С. 391.

небольшие публикации документов из книг и столбцов Сибирского приказа, с соблюдением всех археографических правил, вплоть до воспроизведения помет на обороте подлинника.

Иногда случайная находка давала автору творческий импульс. В январе 1887 г. Востоков сообщил Шубинскому, что среди документов Преображенского приказа встретил дело "О блудном воровстве монахини Переяславского монастыря с земским дьячком 1703 г.". У архивиста возникло намерение "выкроить" из него очерк под названием "Знахарь XVII века", с описанием того, откуда знахарь почерпнул медицинские познания, чем пользовал больных и какие употреблял заклинания, когда врачебная помощь была бессильной³⁸. Не только для "Киевской старины", но и для "Исторического вестника" подбор материалов мог проводиться целенаправленно. В этом смысле журнал откликнулся не на вкусы читателей, а на интересы науки, которой важны неизвестные документы. В 1886 г. Востоков послал Шубинскому "маленький рассказец, имеющий отношение к характеристике Петра I". Одновременно он заметил, что «в февральской книжке "Исторического вестника", в статье "Наталья Долгорукая", проф. [Д.А.] Корсаков высказывает желание видеть напечатанным завещание графа Бориса Петровича Шереметева. Я нашел это завещание в делах МАЮ, – продолжал Востоков. – Причем оказалось, что завещание это оспаривалось наследниками дважды – в 1722 г. и в 1737 г. Не написать ли из этих дел статью для "Исторического вестника"?»³⁹. Показателен резонанс другой статьи Востокова⁴⁰, в которой А.Н. Труворов (один из сотрудников Археографической комиссии, позднее – директор Петербургского археологического института) нашел упоминание о документах, касающихся темы его научной работы и представляющих часть судного дела о князьях Голицыных конца XVII в. Он просил Востокова и Холмогорова поискать сведения о дальнейшем нахождении ссыльных Голицыных в Мезени, чтобы установить, поселились ли они там навсегда («иначе четыре тома "Розыскных дел о Ф. Шаковитом и его сообщниках" останутся незавершенными»)»⁴¹.

Позволив себе привести еще пару примеров, подтверждающих научное значение популярных работ, надписанных по архивным источникам. В 1893 г. председатель Московского археологического общества графиня П.С. Уварова заинтересовалась археологическими статьями Н.Н. Оглоблина о кладях XVII в.⁴², в связи с чем А.А. Гоздаво-Голомбиевский высказал предположение, что "в делах МАЮ должны быть и еще подобные сведения. Предполагаю, что можно больше встретить, однако, относящихся к XVIII ст. Я с готовностью возьмусь за это дело и употреблю все старание, чтобы найти новые данные по этому вопросу. Если окажутся какие-либо результаты, то я сообщу о них в МАЮ. Кроме того, я пересмотрю дела о Шацком кладе. Быть может, Оглоблин воспользовался ими не вполне"⁴³. Весьма беспардонно поступил известный историк П.А. Кулиш с популярной статьей Востокова "Первые сношения Богдана Хмельницкого с Москвой"⁴⁴, включив ее текст в свою научную статью

³⁸ ОР РНБ. Ф. 874. Д. 36. Л. 94 об.–95; *Востоков А.А.* Волшебный камень: (Из быта XVII в.) // ИВ. 1887. № 8.

³⁹ Там же. Д. 33. Л. 159 (Востоков Шубинскому 16 августа 1886 г.).

⁴⁰ *Востоков А.А.* Пребывание ссыльных князей В.В. и А.В. Голицыных в Мезени // ИВ. 1885. № 8.

⁴¹ См. протоколы Археографической комиссии от 10 мая и 20 июня 1886 г. (ЛЗАК. СПб., 1895. вып. 10. С. 47–50) и письма А.Н. Труворова управляющему МАЮ Н.А. Попову от 8 августа, 1 ноября и 20 декабря 1886 г., 15 января 1887 г. (ОР РГБ. Ф. 239 (Н.А. Попов). К. 20. Д. 12. Л. 25–27 об., 31 об., 35).

⁴² *Оглоблин Н.Н.* Сыскные дела о кладях в XVII в. // Вестн. археологии и истории. СПб., 1889. Вып. 8.

⁴³ ОПИ ГИМ. Ф. 17 (Уваровы). Оп. 1. Д. 547. Л. 314.

⁴⁴ Киев. старина. 1887. № 8.

"Отпадение Малороссии от Польши"⁴⁵. Востоков рассказал Оглоблину о своей реакции, когда увидел эту проделку: "Спервая я было очень рассердился на такое бесцеремонное обращение с чужими работами и хотел было написать и туда, и сюда, но потом быстро остыл и махнул рукой на почтенного ученого вора"⁴⁶.

Со временем наплыв обработанных статей окончательно вытеснил в "Историческом вестнике" отдел "Из прошлого", где могли публиковаться "архивные мелочи" – отдельные примечательные документы. (В "ЧОИДР" и ряде других изданий был аналогичный отдел "Смесь"). В 1905 г. редакция подвела итоги изучения писем читателей за 25 лет. Подтвердилось, что меньше всего интереса вызывают статьи по археологии, описания монастырей, всевозможные научные исследования, воспоминания об учебных заведениях. Исчерпав запас подобных материалов, Шубинский решил их больше не принимать. Он советовал Оглоблину обратиться в "Русскую старину" и "Русский архив", пользовавшиеся спросом у специалистов и любителей истории в серьезном, а не развлекательном изложении. Оглоблин и раньше печатал свои работы в этих изданиях и успел познакомиться с редакторами – М.И. Семевским и П.И. Бартеневым. Статьи Оглоблина прозвучали диссонансом в "Русской старине"⁴⁷, где сначала отдавали предпочтение биографическому жанру. К тому же тематика Оглоблина фактически расширила хронологические рамки журнальных публикаций с XVIII–XIX вв. до XVII в. В 1891 г. Семевский писал Оглоблину: "Заняли у меня много места "дневники" да "записки", так что кратким очеркам и заметкам не всегда удается выгадать место. Между тем этот род сообщений, как Ваши и Ваших сослуживцев по архиву, я очень ценю и этими заметками весьма интересуюсь"⁴⁸.

В 1896 г. новый редактор Н.Ф. Дубровин также призывал Оглоблина писать для журнала: «Надеюсь, Николай Николаевич, что Вы не откажитесь сообщать "Русской старине" не только статьи, но и отдельные интересные документы. Я бы желал, чтобы в том и в другом Вы коснулись начала и до половины XIX века. Это время наиболее интересное и пригодное для журнала. Во всяком случае, чтобы Вы ни доставили, страницы журнала для Вас открыты"⁴⁹. Выявление Оглоблиным исторических источников, использованных в популярных изданиях, связано с архивными работами над "Обозрением историко-географических материалов Разрядного приказа" и "Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа". Кстати, документы Сибирского и Малороссийского приказов хранились вместе. Эта архивная путаница замедляла разбор, но вместе с тем позволяла Оглоблину попутно находить то, что его интересовало по истории Украины.

После ухода Оглоблина из МАМЮ в 1897 г. его активность на поприще исторической публицистики уменьшилась, но кое-какие ранее отложенные материалы он продолжал обрабатывать и печатать или передал для использования бывшим сослуживцам (в частности, документы о Хабарове, по которым Н.П. Чулков написал большую статью⁵⁰). Ранее сам Оглоблин нередко выступал

⁴⁵ ЧОИДР. 1889. Кн. 4.

⁴⁶ Оглоблин Н.Н. Из бытовой истории XIX в. // ЧОИДР. 1912. Кн. 1. Смесь. С. 19–20 (Оглоблин опубликовал отрывок из письма Востокова под заголовком "Из нравов ученого мира").

⁴⁷ Оглоблин Н.Н. Путешествия русских купцов в Ташкент в 1741–1742 гг. // РА. 1888. № 8; *Он же*. Остязские князья в XVII в. // РС. 1891 Т. LXXI. № 8; *Он же*. Первый японец в России // РС. 1891. Т. LXXII. № 10; *Он же*. Бытовые черты XVII века // РС. 1892. Т. LXXIII – LXXIV. № 2, 3; Т. LXXVI. № 6, 9; и др.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф. 1271 (Оглоблины). Оп. 2. Д. 4. Л. 1; Д. 11. Л. 1.

⁴⁹ Там же. Д. 5. Л. 4.

⁵⁰ Чулков Н.П. Ерофей Павлович Хабаров: Добытчик и прибыльщик XVII века // РС. 1898. Т. XCIII. № 2.

как популяризатор источников, найденных другими сотрудниками архива и опубликованных ими в научных изданиях. В статье "Государево великое верхнее дело (Очерк из жизни XVII в.)"⁵¹ Оглоблин изложил содержание сыского дела 1642–1643 гг. о намерении отравить царицу Евдокию Лукьяновну, напечатанное А.Н. Зерцаловым⁵². Оглоблин закончил публикацию "граммоток" из личного архива кн. В.В. Голицына, начатую А.А. Востоковым⁵³. Вслед за изданием Зерцаловым документов, относящихся к неудачной осаде Смоленска в 1634 г.⁵⁴, Оглоблин выпустил очерк "Правда о боярине М.Б. Шеине"⁵⁵. На это откликнулся историк Д.И. Иловайский, выступивший против исторического оправдания казненного воеводы⁵⁶.

Между прочим, некоторые архивы в России избегали популяризации документов. Даже консервативные историки, пользовавшиеся доверием правительства и двора, рисковали потерять доступ к архивным материалам, если начинали сотрудничать в периодической печати. Когда генерал Н.К. Шильдер, автор официальных биографий Павла I, Александра I и других богато документированных исторических трудов, стал редактором "Русской старины", он напугал руководство Государственного архива МИД. Директор архива забеспокоился, что этот ученый "собрал весьма значительный материал" по политической истории первой четверти XIX в. Шильдеру пришлось отмежеваться от журнала, чтобы спокойно продолжать свою научную работу⁵⁷.

Популяризации архивных документов и написанных по ним работ способствовал также отдел рецензий, имевшийся во всех журналах. Хотя такие рецензии не всегда отличались научной глубиной, но, пересказывая содержание, они все же помогали малосведующим читателям уяснить суть затронутых проблем и степень новизны в их освещении⁵⁸. (Чаще всего это оттиски, изданные в отдельной обложке.)

В заключение приведем несколько характерных примеров из современной историографии, ибо нет нужды доказывать, что и теперь исследователи продолжают пользоваться старыми журнальными статьями, извлекая из них информацию об архивных документах. Такие работы почти столь же долговечны, как и научные публикации и справочники. Многие документы, найденные в прошлом веке, вошли в современные научные издания, например по истории Сибири⁵⁹.

⁵¹ ИВ. 1896. № 7.

⁵² Зерцалов А.Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси // ЧОИДР. 1895. Кн. 3. Разд. 1. С. 1–38.

⁵³ Востоков А.А. Князь В.В. Голицын: Письма к нему разных лиц // РС. 1888. Т. LVII. № 3; *Он же*. Письма к князю В.В. Голицыну // Там же. 1889. Т. LVIII. № 8; Оглоблин Н.Н. Боярин князь Василий Васильевич Голицын: Письма к нему от родных в 1677 г. // Там же. 1892. Т. LXXIV. № 5.

⁵⁴ Зерцалов А.Н. М.Б. Шеин под Смоленском // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Разд. 4. С. 11–29.

⁵⁵ ИВ. 1898. № 6.

⁵⁶ Иловайский Д.И. М.Б. Шеин при ином историческом освещении // РС. 1898. Т. XCVI. № 11.

⁵⁷ Самошенко В.Н. Исторические архивы Москвы и Петербурга (XVIII – начало XX в.). М., 1990. С. 137.

⁵⁸ Ардашев Н.Н. [Рецензия] // ИВ. 1890. № 8. – Рец. на кн.: Регламент Вотчинной коллегии в проектах 1723, 1732 и 1840 гг. М., 1890; Зерцалов А.Н. [Рецензия] // ИВ. 1891. № 4. – Рец. на кн.: О мятежах в Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. М., 1890; Оглоблин Н.Н. [Рецензия] // РС. 1891. Т. LXX. № 5. – Рец. на кн.: Семен Дежнев. СПб., 1890; Кизеветтер А.А. [Рецензия] // Образование. 1897. № 10. – Рец. на кн.: Акты XVI–XVIII вв., изданные А.Н. Зерцаловым. М., 1897; и др.

⁵⁹ Кудрявцев А.Ф. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII в. Иркутск, 1939; Белов М.И. Семен Дежнев, 1648–1948: К 300-летию открытия пролива между Азией и Америкой. М., 1948; Сафронов Ф.Г. Ерофей Павлович Хабаров. Хабаровск, 1956; Никитин Н.И. Служилые люди Западной Сибири в XVII в. Новосибирск, 1987; *Он же*. Сибирская эпопея XVII в.: Начало освоения Сибири русскими людьми. М., 1987; Аксенов А.И. Генеалогия русского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988; Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973.

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗДАНИЯ ПЕРЕПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II И Г.А. ПОТЕМКИНА

Эпистолярное наследие императрицы Екатерины II огромно. Богатство документальных материалов и широкий круг корреспондентов как за границей, так и внутри страны, два века привлекают внимание ученых и издателей. "Опубликованные письма занимают уже тысячи печатных страниц, – отмечал известный исследователь екатерининского царствования Я.Л. Барсков, – но многие остаются еще в рукописях, рассеянные по разным собраниям не только в России, но и за границей"¹.

Один из крупнейших издателей документов Екатерины II Я.К. Грот указывал, что императрица ни с кем не вела такой обширной переписки, как с кн. Г.А. Потемкиным-Таврическим². Это мнение является вполне обоснованным. За 22 года эпистолярного диалога (с 1769 по 1791 г.) корреспондентами было написано порядка 2 тыс. посланий друг к другу. Публикация некоторых, довольно значительных фрагментов этой переписки, предпринималась в России и за рубежом во второй половине прошлого и в течение нынешнего столетия. В данной статье рассматриваются публикации переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина, делается вывод о степени опубликованности источника и возможных издательских перспективах в этой области.

Переписку Екатерины II и Г.А. Потемкина постигла общая участь документального наследия императрицы: долгое время она, подобно "Мемуарам", хранилась в глубокой тайне потомками покойной монархини. Однако именно секретные бумаги Екатерины II рано стали появляться и ходить по рукам в копиях (далеко не всегда точных)³. Первые усилия по изданию переписки Екатерины II и Потемкина были предприняты после ослабления цензурного гнета в царствование Александра II сразу несколькими видными русскими публикаторами.

Известный издатель Я.К. Грот включил ряд писем и записок Екатерины II и Г.А. Потемкина в обширную публикацию "Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве министерства иностранных дел"⁴. Издание "Бумаг..." было начато членом Русского исторического общества академиком П.П. Пекарским. Однако, не окончив печатать второй их том (Сб. РИО. Т. X), Пекарский скончался. Издание третьего тома "Бумаг...", отчасти уже подготовленного к печати, было предложено Я.К. Гроту. Получив доступ к документам Архива МИД, Грот значительно пополнил состав издания, включив письма Екатерины II к Вольтеру, барону Гримму, г-же Бьельке, записки Г.А. Потемкину и документы, касающиеся Пугачевского бунта⁵.

© О.И. Елисеева

¹ Барсков Я.Л. Письма Екатерины II к Потемкину // ОР РГБ. Ф. 369 (Собр. В.Д. Бонч-Бруевича). К. 375. № 29. Л. 3.

² Сб. РИО. 1880. Т. XXVII. С. V.

³ ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29. Л. 19.

⁴ Сб. РИО. 1874. Т. XIII; 1880. Т. XXVII; 1885. Т. XLII.

⁵ Грот Я.К. Предисловие // Сб. РИО. 1874. Т. XIII. С. I–II.

В предисловии к тому, содержащему "Бумаги..." за 1774–1788 гг., Грот писал, что большинство введенных им документов составляют указы, рескрипты, письма и записки императрицы к кн. Г.А. Потемкину-Таврическому. "Эти годы, – отмечал он, – в правлении императрицы Екатерины II представляют период наибольшего проявления ее внешней политики, с которым параллельно идут внутренние ее реформы. В это время полного развития ее правительственной деятельности императрица ни с кем не вела такой обширной переписки, как с князем Потемкиным"⁶. Далее Грот называет переписку между Екатериной II и ее знаменитым сподвижником "перепиской первостепенной важности"⁷ и отмечает, с сожалением, что многие из их писем и записок не имеют даты. В 1885 г., уже оканчивая публикацию "Бумаг...", Грот поместил в "Сборнике РИО" подборку писем и записок Екатерины II и Потемкина за разные годы⁸, не вошедших ранее в соответствующие тома издания.

Всего в томах "Бумаг..." Я.К. Гротом помещено 400 писем и записок корреспондентов, из них 354 принадлежат Екатерине, 46 – Потемкину, 189 посланий не датированы самими корреспондентами. Издавая их, историк предпринял попытку датировать некоторые письма на основании сведений, полученных из переписки императрицы с П.И. Паниным, А.А. Вяземским, М.Н. Волконским, бароном Гриммом. В четырех случаях Грот указал точную дату, для 84 посланий – предположительную, не пояснив, однако, на чем базируются его выводы, остальные – 91 – ученый не смог датировать.

Видимо, именно во время работы над изданием "Бумаг..." Яков Карлович снял для себя 243 копии с писем и записок Екатерины II и Г.А. Потемкина⁹.

Далеко не все материалы, накопленные Гротом о переписке Екатерины II и Г.А. Потемкина, ученый смог опубликовать. Цензурные ограничения заставили его отказаться от издания записок личного характера. Однако яркой особенностью посланий корреспондентов является как раз то, что сюжеты личного и делового свойства очень тесно переплетаются в них и зачастую неразрывно связаны. Публикуя такие послания, Грот просто опускал в них все, касающееся личных отношений корреспондентов. Например, в подлиннике записка Екатерины II о неучастии А.В. Суворова в поимке Е.И. Пугачева звучит так: "Голубчек, Павел¹⁰ прав: Суворов тут участия более не имел, как Томас¹¹, а приехал он по окончании драк и по поимке злодея; а надеюсь, что все распри и неудовольствия Павла¹² кончатся, когда получит мое приказание ехать к Москве¹³. Пожалуй, возврати ко мне письма П[етра] И[вановича]¹⁴: ответ нужно сочинить и разрешить некоторые запросы его. А я, милинкой, очень тебя люблю и желаю, чтоб пилюли очистили все недуги; только прошу при них быть воздержен, кушать булок и пить чай без молока"¹⁵. В публикации Грота последняя фраза текста отсутствует. Таким образом, из записки изъята та ее часть, где Екатерина выражает заботу и нежность к своему любимцу.

При воспроизведении текста публикатор аккуратно исправляет все ошибки, сделанные корреспондентами. Несмотря на то, что Екатерина довольно бойко и

⁶ Сб. РИО. 1880. Т. XXVII. С. V.

⁷ Там же. С. VI.

⁸ Там же. 1885. Т. XLII. С. 380–418.

⁹ ОР РНБ. Ф. 227 (Собр. Я.К. Грота). Оп. 1. № 34.

¹⁰ Имеется в виду П.С. Потемкин.

¹¹ Комнатная собачка императрицы по кличке сэр Томас.

¹² П.С. Потемкин, руководивший Казанской следственной комиссией, был в натянутых отношениях с П.И. Паниным, командовавшим правительственными войсками.

¹³ П.С. Потемкин был направлен в Москву для участия в следствии и суде над Е.И. Пугачевым.

¹⁴ Имеется в виду П.И. Панин.

¹⁵ РГАДА. Ф. 5. Оп. 17 Д. 85. Ч. 1. Л. 6.

живо писала на языке своего нового отечества, она нередко путалась в окончаниях русских слов, плохо склоняла и спрягала, благодаря чему ей не всегда удавалось правильно согласовать слова в предложении. Кроме того, императрица неверно использовала местоимения: "мне" вместо "меня", "тебе" вместо "тебя". Что касается Потемкина, то он в спешке пропускал буквы, позволял себе описки, "глотал" слова. Князь на письме почти не употреблял мягкого и твердого знаков внутри слова. Кроме того, русская грамматика второй половины XVIII в., сообразуясь с требованиями которой старались писать оба корреспондента, несколько отличалась от грамматики, современной Гроту и его читателям.

"Облагораживая" язык императрицы, Грот вставляет пропущенные ею буквы, добавляет в предложении недостающие, по его мнению, слова, меняет окончания существительных и прилагательных. Аналогичной правке, хотя и в меньшей степени, подвергался язык записок Г.А. Потемкина. Все особенности письменной речи корреспондентов старательно устранены ученым. Таким образом, по публикации Грота нельзя судить о том, как же на самом деле писали Екатерина и Потемкин.

К несомненным достоинствам публикации Грота относится то, что все письма и записки корреспондентов, написанные ими по-французски, а также вкрапления в русский текст слов и выражений на французском языке воспроизведены издателем в публикации как в подлиннике, перевод же дан в примечаниях на той же странице.

Публикация, осуществленная Гротом, вполне соответствовала археографическому уровню своего времени и на тот момент до известной степени удовлетворяла научным потребностям в этом вопросе. Помещенная издателем в окружении других источников (рескриптов, указов Екатерины, ее писем к разным лицам), переписка императрицы с кн. Потемкиным как бы оказывалась в кругу тех документов, одновременно с которыми она возникла, что, конечно, имеет особую ценность для исследователя.

Другой известный русский издатель М.И. Семевский в 1876 г. предпринял в редактируемом им журнале "Русская старина" издание документов, освещающих жизнь и деятельность "великолепного князя Тавриды"¹⁶. Начиная печатать собрание материалов о кн. Г.А. Потемкине (его письма к разным лицам, мемуары современников, служебную документацию и т.д.), Семевский счел нужным предпослать им краткий очерк биографии светлейшего князя. «Исполинская личность Потемкина, – писал историк, – резко выделяется из сонма сподвижников Екатерины II. Его ум, дарования, способности, разнообразная деятельность во всех правительственных сферах, гигантские замыслы и подвиги, наконец, самый склад характера, сотканного из противоречий, – все своеобразно в этом баловне счастья. Почти двадцать лет (1773–1791) Потемкин – по выражению Державина – "был наперсником Северной Минервы и этот период был самым блестящим временем ее царствования"»¹⁷.

Причину того, что "Потемкину еще не отведено место по заслугам в отечественной истории", Семевский видел в узости круга опубликованных источников о деятельности светлейшего князя. Приступая к изданию значительного собрания разнообразных документов, посвященных жизни Потемкина, Семевский считал, что основная их ценность состоит в ознакомлении русского читателя "как с некоторыми новыми сторонами государственной деятельности Потемкина, так и с нравственными его чертами и отношениями к современникам". "В этих бумагах, – писал издатель, – видны проблески высоких

¹⁶ РС. 1876. Т. XVI. № 5. С. 33–58; № 6. С. 239–262; № 7. С. 441–478; № 8. С. 571–590; Т. XVII. № 9. С. 21–38; № 10. С. 205–216; № 11. С. 403–426; № 12. С. 635–652.

¹⁷ Семевский М.И. Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический. 1739–1791 // РС. 1875. Т. XII. № 3. С. 481–482.

свойств и оттенки слабостей, присущих человеку, но в тех и в других видна мощная, широкая натура"¹⁸.

Публикацию писем Екатерины II и Г.А. Потемкина подготовил для журнала профессор Николаевской академии генерального штаба П.С. Лебедев. Однако при жизни он не успел передать собранный им материал в "Русскую старину" это сделали уже дети покойного¹⁹.

К сожалению, историк не пояснил в примечаниях, где и при каких обстоятельствах им были сняты копии писем Екатерины II и Потемкина. Возможно, однако, что подобное примечание оказалось "потеряно" уже при публикации собрания, и эта оплошность ускользнула от глаз редактора. На последнюю мысль наводит одна из ссылок, в которой П.С. Лебедев пишет: "Предъидущие две записки и письмо отысканы нами в другом портфеле, но по числам и содержанию относятся к началу 1789 г."²⁰ Без сомнения, этому примечанию должно было предшествовать еще одно, поясняющее, о каких портфелях идет речь.

Подлинники писем, опубликованных П.С. Лебедевым в "Русской старине", ныне находятся в РГАДА²¹ (кроме одного, прощального письма Г.А. Потемкина, которое хранится в РГВИА²²), в фонде V "Переписка высочайших особ с частными лицами", в Д. № 85 (Ч. 2–3) "Переписка Екатерины II с князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим". Сюда они попали в составе фондов бывшего Государственного архива МИД²³. Видимо, работая над материалами этого архива, П.С. Лебедев получил возможность снять копии с писем Екатерины II и Потемкина.

Всего в "Русской старине" Лебедевым опубликовано 223 письма корреспондентов, из них 204 принадлежат Екатерине II и 19 – Г.А. Потемкину. Основная часть материалов: 194 письма – относятся ко времени второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.). За предшествующие 1782–1786 гг. писем сохранилось крайне мало, что и получило отражение в данной публикации. Лебедев сумел обнаружить и издать всего 39 посланий предвоенного периода.

Документы размещены в хронологическом порядке в соответствии с датами, указанными самими корреспондентами в письмах. Исключение составляют те письма и записки, которые не датированы Екатериной II и Потемкиным. Таких посланий в данной публикации 13. Лебедев не дает их предположительной датировки, но размещает в своем собрании рядом с письмами того года, к которому они, по его мнению, относятся. Однако историк не поясняет в примечаниях своей аргументации.

Воспроизводя в публикации послания корреспондентов, Лебедев допустил ряд неточностей, заставляющих не вполне доверяться тексту этого издания. В двух случаях ученый называет недатированными письма, в подлиннике имеющие дату²⁴. Возможно, Лебедев не обратил на даты внимания, поскольку они находятся на обратной стороне листов вместе с короткими постскриптумами. В другом письме историк принял длинный постскриптум, который занимает после даты еще целую страницу, за отдельное недатированное послание²⁵. Таким образом, как мы видим, текст публикации в "Русской старине" требует внимательного сопоставления с текстами подлинников.

¹⁸ Там же. С. 482–483.

¹⁹ РС. 1876. Т. XVI. № 5. С. 33.

²⁰ Там же. Т. XVII. № 9. С. 26.

²¹ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 85. Ч. 1–3.

²² РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. № 22. Л. 191.

²³ См. об этом: Центральный государственный архив древних актов. М., 1946. С. 158.

²⁴ РС. 1876. Т. XVII. № 9. С. 25–26.

²⁵ Там же. № 11. С. 206.

Подобно Я.К. Гроту, Г.Н. Лебедев старательно исправляет все ошибки, сделанные корреспондентами, и особенности языка Екатерины II и Потемкина исчезают в данной публикации, причем без всяких оговорок на этот счет в примечаниях. Как и у Грота, все вкрапления в русский текст слов и выражений на французском языке воспроизведены издателем в публикации, как в подлиннике, перевод же дан в примечаниях.

В целом публикация, подготовленная П.С. Лебедевым, соответствовала археографическому уровню своего времени, и единственной ее серьезной погрешностью является не вполне корректное отношение к тексту источника. Необходимо подчеркнуть один важный момент. Почти весь изданный им материал вошел в публикацию "Бумаг императрицы Екатерины II..." Я.К. Грота. Издание "Бумаг..." началось раньше, чем была предпринята публикация в "Русской старине", но оно растянулось более чем на десятилетие, и, опубликовав в 1876 г. письма корреспондентов за 1782–1791 гг., М.И. Семевский смог опередить выход Сборников РИО на 4–9 лет.

Через 6 лет, в 1881 г., М.И. Семевский вновь возвращается на страницах "Русской старины" к переписке Екатерины II и Г.А. Потемкина. На этот раз он предпринимает уже подготовленную им самим публикацию под звучным названием "Язык любви сто лет назад"²⁶.

Подзаголовок этой публикации гласил: "Выдержки из писем неизвестной дамы". Предваряя текст писем, издатель писал: "Для составителей исторических романов и хроник мы представили образцы любовных эпитетов из переписки XVIII-го века... Материал небесполезный при обработке ими сюжетов из жизни русского общества во второй половине прошлого столетия". Семевский сообщает читателям, что ранее им было напечатано "довольно большое собрание писем великолепного князя Тавриды Г.А. Потемкина к Прасковье Андреевне Потемкиной, рожденной Закревской, предмету его пылкой страсти". "Перед нами теперь, – продолжает историк, – несколько коротеньких, нежно любовных, ответных цидулок графу Григорию Александровичу Потемкину"²⁷. Не слишком внимательный читатель легко мог обмануться и подумать, что в публикации представлены ответы Закревской на письма Потемкина.

Всего Семевским было опубликовано 111 записок "неизвестной дамы". При сличении их текста с текстом подлинников записок Екатерины II выясняется, что под вуалью "неизвестной дамы" скрывалась императрица.

Подлинники "цидулок", избранных ученым для своей публикации, ныне хранятся в РГАДА²⁸, а ранее находились в Государственно архиве МИД, где, видимо, и снял с них копии для своей публикации Семевский. По всей вероятности, опубликованный издателем в 1881 г. материал был накоплен им во время работы над книгой "Князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический"²⁹. В этот биографический очерк Семевский помещает одну записку Екатерины II к ее любимцу, в которой императрица просит Г.А. Потемкина не вредить Г.Г. Орлову. Перед запиской сказано: "Вот еще одно письмо Потемкину, свидетельствующее об его успехах в петербургском обществе в 1770-х годах. Писано оно одной из придворных дам"³⁰. Орлова Семевский называет: "N", имя Панина сокращает до одной буквы: "П.", – таким образом, становится трудно понять, чему вообще посвящена записка, тем более атрибутировать ее авторство.

Точно так же Семевский поступает и, публикуя письма Екатерины II в 1881 г. Он назвал издаваемые им послания "выдержками" и действительно в ряде слу-

²⁶ Там же. 1881. Т. XXXI. № 7. С. 498–503; № 9. С. 195–200.

²⁷ Там же. № 7. С. 498.

²⁸ РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 85. Ч. 1.

²⁹ РС. 1875. Т. XII. № 3, 4; Т. XIII. № 5, 6.

³⁰ Там же. Т. XII. № 4. С. 684.

чаев опускал те части писем и записок, в которых императрица говорила о делах (ведь именно эти места "цидулок" более всего выдавали инкогнито их автора). Кроме того, всех лиц, упомянутых Екатериной в ее посланиях, Семевский обозначал "NN". Видимо, издатель был вынужден строго сохранять инкогнито "неизвестной дамы", публикуя избранные места из ее интимной переписки, по тем же соображениям, по которым Я.К. Грот примерно в те же годы, назвав автора издаваемых им писем, оказался перед необходимостью изымать из посланий Екатерины II все места сугубо личного содержания.

Возможно, эти записки обнаружил и скопировал не сам Семевский. Они могли попасть к нему вместе с собранием П.С. Лебедева и не были изданы одновременно с другими письмами из-за своего личного характера.

Следует отметить, что самые внимательные читатели публикации Семевского из числа знатоков екатерининской эпохи все же догадались о том, кто был настоящим автором собранных издателем "Русской старины" записок, и сумели намекнуть на это в своих работах. Так, А.Г. Брикнер, поместив в книге о Г.А. Потемкине некоторые из опубликованных Семевским "цидулок", замечает: "Нельзя не пожалеть о том, что издатели этих любопытных материалов не сообщили ни слова о том, где были найдены эти записки. Не принадлежат ли некоторые из этих записок перу Екатерины II? Вопрос этот можно было бы легко решить по почерку"³¹. Примечание это, набранное петитом, помещено было Брикнером в подстрочник и предназначалось для самых любопытных читателей. В тексте же самой книги ученый, подобно Семевскому, предваряет текст записок словами: "одна дама писала".

Все записки, выдержки из которых опубликовал Семевский, относятся к периоду фавора Г.А. Потемкина (1774–1776). Об этом говорит их содержание, лаконичный тон, нежные любовные обращения.

Ставил ли М.И. Семевский себе вопрос о датировке публикуемых материалов? Видимо, да. Полагаем, что издатель считал все напечатанные им послания появившимися не позднее 21 марта 1776 г. В небольшом вступительном слове, предваряющем текст записок, Семевский называет Потемкина сначала "князем", когда речь идет о его письмах к П.А. Закревской, относящихся к последним годам жизни светлейшего, а потом "графом", когда говорит о приводимых в предложенной читателю подборке записках "неизвестной дамы". Действительно, в период романа между Екатериной и Григорием Александровичем Потемкин сначала не имел никакого титула, а затем (с 10 июня 1775 г.) носил титул графа³². К моменту же получения им титула князя Священной Римской империи (21 марта 1776 г.)³³ его фавор клонился к концу, и личные отношения с императрицей были перенесены ею в плоскость дружеских.

Как и Лебедев, Семевский исправил все ошибки, сделанные Екатериной в ее записках, лишив их, таким образом, значительной доли индивидуальности. Подобно Гроту и Лебедеву же, он воспроизвел в своей публикации все места, написанные Екатериной по-французски, на французском языке, не сопроводив, однако, переводом на русский.

Следует сказать, что в том "обезличенном" виде, в каком выдержки из посланий Екатерины II к Потемкину увидели свет в публикации М.И. Семевского, они оказались чрезвычайно сложными для научного использования. Представить себе записку в целом по одному ее небольшому отрывку, из которого к тому же изъяты все имена собственные, практически невозможно. Сам издатель, по всей

³¹ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 258.

³² Самойлов Н.А. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. № 7. Стб. 1027.

³³ Екатерина II. Письмо Г.А. Потемкину о разрешении принять титул князя. 21 марта 1776 г. // РГАДА. Ф. 5. Оп. 1. Д. 85. Ч. 1. Л. 43.

вероятности, прекрасно осознавал эти вынужденные изъятия своей публикации и адресовал ее во вступительном слове не ученым, а романистам.

В начале XX в. исследованием писем и записок Екатерины II и Г.А. Потемкина занялся Я.Л. Барсков. Тонкий знаток екатерининской эпохи, допущенный к разбору рукописей дворцового архива и имевший доступ к недосягаемым для большинства ученых историко-литературным материалам, он много и плодотворно занимался изучением литературной деятельности Екатерины II и ее эпистолярного наследия. Именно Барсков возглавил после кончины А.Н. Пыпина публикацию академического издания сочинений Екатерины II, и ему принадлежит заслуга составления и комментирования последнего тома этого собрания, включавшего в себя семь редакций мемуаров императрицы³⁴.

Изучая переписку Екатерины II, Барсков не обошел вниманием и послания императрицы к своим фаворитам. В 1918 г. выходит в свет подготовленная ученым еще до революции публикация "Письма имп. Екатерины II к гр. П.В. Завадовскому"³⁵. Эта работа как бы предваряет собой более сложное и обширное исследование писем и записок Екатерины II к Г.А. Потемкину, к которому Барсков приступил несколько позже.

В 1932 г., попытавшись напечатать собранный им материал, Барсков обратился за помощью к В.Д. Бонч-Бруевичу, организатору и первому директору Государственного литературного музея в Москве, который собрал огромное количество исторических и литературных материалов, публикуемых им в сборниках "Звенья" и в "Летописях" Государственного литературного музея³⁶. В собрании Бонч-Бруевича сохранилась корректура предложенных ему Барсковым "Писем Екатерины II к Потемкину"³⁷ и краткая пояснительная записка Бонч-Бруевича.

Поскольку публикация, подготовленная Барсковым, так и не увидела свет в том виде, в каком ее предполагалось напечатать, исследователям приходится судить о ней лишь по корректуре. Эта публикация представляет собой подборку посланий Екатерины II и Г.А. Потемкина, снабженную комментариями и предисловием. В нее вошли исключительно записки корреспондентов. Все они не датированы, но по большей части относятся ко времени фавора Потемкина. Собрание охватывает 419 посланий (411 из них принадлежат императрице, 8 – Потемкину) и полностью поглощает ранее изданную М.И. Семевским подборку личных "цидулок" Екатерины II к своему любимцу.

Барсков сообщает в предисловии, что "при снятии копий письма находились в двух пакетах. Первый пакет поступил в бывший Государственный архив в 1917 г. (из библиотеки Зимнего дворца), второй находился здесь раньше, может быть, с тех пор, как учрежден этот архив"³⁸. Издатель разместил записки в подготовленной им публикации "в том порядке, в каком они находились при снятии копий"³⁹. Сейчас подлинники посланий, составивших публикацию Барскова, хранятся в РГАДА⁴⁰.

Барсков чрезвычайно бережно отнесся к тексту записок Екатерины II и Потемкина. Он позволил себе лишь расставить знаки препинания и раскрыть в квадратных скобках сокращенные корреспондентами слова. В предложенных им для публикации записках была сохранена орфография подлинников. Такм образом, у историков, ознакомившихся с этой публикацией, появлялась возможность

³⁴ Эйдельман Н.Я. Письма Екатерины II Г.А. Потемкину // ВИ. 1989. № 7. С. 112–113.

³⁵ См. об этом: РИЖ. 1918. Кн. 5. С. 223–257.

³⁶ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 111.

³⁷ ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29.

³⁸ Там же. Л. 20.

³⁹ Там же. Л. 21.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54; Ф. 5. № 85. Ч. 1.

судить не только о содержании записок, но и об их языке. Все записки, напечатанные в подлиннике по-французски, а также вкрапления французских слов и выражений в русский текст Барсков воспроизводил по-французски, сделав перевод в примечаниях.

Ученый не ставил перед собой задачи датировать представленные им записки. Однако он иногда помещал в примечаниях к той или иной записке указания на какой-либо источник (камер-фурьерский журнал, переписку иностранных дипломатов, русских чиновников, частных лиц, мемуарную литературу), где речь шла о тех же событиях, что и в записке. Это обстоятельство помогает исследовать вопрос о времени возникновения посланий. Далеко не со всеми предположениями Барскова можно согласиться. Так, отсылая к камер-фурьерскому журналу, описывающему ту или иную придворную церемонию, происходившую во дворце какого-то определенного числа, исследователь не всегда замечает, что эта церемония проводилась регулярно, каждый год, или каждый месяц, и тот же журнал хранит описания множества торжеств, которые могут подойти под упомянутые в записке события. Но в целом замечания Барскова следует признать очень ценными. Подобные комментарии он дал к 100 запискам.

Барсков был первым из публикаторов переписки Екатерины II и Потемкина, кто снабдил свою подборку пространным предисловием. Оно состоит из пяти глав. Первая глава посвящена описанию того впечатления, которое произвела на Екатерину II кончина Г.А. Потемкина. Для этого Барсков использует сведения из "Дневника" А.В. Храповицкого (статс-секретаря императрицы) и из ее писем к барону М. Гримму. Во второй главе Барсков говорит о литературном наследии Екатерины II и о месте, которое занимает в нем переписка. Исследователь пишет: "Литературный талант Екатерины был не велик, но читать и писать она любила и начала рано... Самый крупный из всех литературных трудов Екатерины – это ее мемуары; за ними следуют ее письма"⁴¹. Барсков считает переписку более ценной, чем все комедии, сказки, журнальные статьи и "Записки касательно российской истории", поскольку письма, по крайней мере, многие из них, всецело принадлежат перу императрицы, а "в остальных произведениях большое участие принимали ее секретари и другие сотрудники". Собранные и подготовленные ученым к публикации письма, по его мнению, примыкают к "Мемуарам" в редакции 70-х годов и к "Чистосердечной исповеди", т.е. к автобиографическим материалам из литературного наследия Екатерины II.

Сравнивая письма Екатерины II к Г.А. Потемкину с ее более ранними автографами писем к З.Г. Чернышеву и английскому послу сэру Чарльзу Гэнбери Уильямсу, через которого великая княгиня передавала известия С.А. Понятовскому, Я.Л. Барсков отмечает: "По живости и, как выражались в XVIII веке, по "рассеганности" стиля они очень сходны с письмами Гримму и отчасти Потемкину; политика в них тесно сплетается с любовью"⁴². Останавливаясь на посланиях молодой Екатерины И.П. Елагину, исследователь заключает: "В них много сходного с ее письмами Потемкину, за исключением, конечно, любовных речей. В них налицо и те особенности ее стиля, грамматики и орфографии, которые встречаются в ее дальнейших произведениях. Всего труднее давались ей склонения и спряжения, согласования в родах и числах и словообразование; зато она умела схватить живую разговорную речь. Дамы и кавалеры при дворе пользовались преимущественно французским языком... но камер-юнгферы и камер-лакеи... обогащали ее язык пословицами, поговорками и русскими выражениями"⁴³.

⁴¹ ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29. Л. 3.

⁴² Там же. Л. 7.

⁴³ Там же. Л. 8.

На основании изученных им материалов Барсков выделяет основные черты литературного стиля и психологического склада Екатерины: «Чувственность и чувствительность выступают в характере императрицы, в ее "Мемуарах" и в письмах Потемкину. Третью характерную черту – грубость, которой так много в этих письмах, если не породили, то развили в Екатерине прежде всего замужество, а затем многолетняя связь с Г.Г. Орловым: от которого она терпела не только брань, но и побои»⁴⁴.

В третьей главе Барсков бегло освещает причины переворота 28 июня 1762 г., приведшего Екатерину II к власти, и останавливается на явлении фаворитизма в государственной жизни России второй половины XVIII в. Ученый считает, что в царствование Екатерины II "фаворитизм – своего рода учреждение, с огромным, хотя и неустойчивым кругом дел, с обширным, хотя и неопределенным бюджетом". Корни возникновения этого явления ученый видит не в развращенности отдельных европейских монархов, а в нестабильности абсолютизма как формы правления. Екатерина "превозносила самодержавие и видела в нем спасение России, – пишет Барсков, – однако при всем желании абсолютного господства она не могла справиться со страшной властью, оказавшейся в ее руках"⁴⁵.

В четвертой главе Я.Л. Барсков останавливается на положении Г.А. Потемкина в системе государственной власти России во время его фавора и после него. «В повседневной жизни двора, – писал ученый, – Потемкин как генерал-адъютант принял самое деятельное участие, стал рядом с Екатериной движущей силой в этой огромной машине, в свою очередь, сообщавшей свое движение бюрократическому аппарату всей империи. Получить видную должность, большую награду, выгодный подряд, заключить торговый договор, разрешить дипломатическую задачу, вообще сделать "крупное" дело, минуя двор, почти не было никакой возможности, а при дворе все зависело от "партий", которые поддерживали фаворитов или боролись с ними. Потемкин сразу вошел в свою роль, назначенную ему императрицей»⁴⁶. Далее Барсков указывает, что письма и записки Екатерины к ее любимцу, в которых "рассеяно" множество мелких и больших дел, свидетельствуют о том, что "Потемкин делит с нею все мелкие делишки и большие заботы, и, главное, самую власть... В этом отношении из всех фаворитов он представляет собой исключение: никому... не уступала императрица из своей власти так много, как Г.А. Потемкину, и притом сразу, в первый же год его случая"⁴⁷.

Барсков видит исключительность Потемкина и в области чисто личных отношений, возникающих между ним и государыней. «Как показывают публикуемые здесь письма, – пишет он – только его (Потемкина. – О.Е.) называла она своим "мужем", а себя его "женою", связанною с ним "святейшими узами"⁴⁸. Далее публикатор пересказывает ряд свидетельств о браке Екатерины II и Г.А. Потемкина, приведенных П.И. Бартевым в 1906 г.⁴⁹ Отсылая к семейным преданиям Энгельгардтов, Браницких, Воронцовых, Самойловых и Голицыных, а также к рассказу графа Блудова, которому Николай I поручал разбор секретных бумаг XVIII в., Барсков вслед за Бартевым сообщает, что венчание происходило осенью 1774 г. или в середине января 1775 г., перед отъездом двора в Москву, у Самсония на Выборгской стороне. Пересказав сведения, приведенные Бартевым, Барсков делает свой вывод: «Все эти рассказы и

⁴⁴ Там же. Л. 9.

⁴⁵ Там же. Л. 9–10.

⁴⁶ Там же. Л. 11–12.

⁴⁷ Там же. Л. 15.

⁴⁸ Там же. Л. 17.

⁴⁹ РА. 1906. № 11. С. 613–616.

приведенные здесь письма дают повод решительно утверждать, что Потемкин был обвенчан с Екатериной... Уже один слух о том, что они были обвенчаны, создавал для Потемкина исключительное положение... в нем действительно видели "владыку", как называет его в письмах сама Екатерина, и ему оказывали почти царские почести при его поездках в подчиненные ему области или на театр военных действий и обратно в столицу.

Как ни велико расстояние от брачного венца до царской короны, но по тем временам так же велико было расстояние, отделявшее случайного любовника императрицы от ее мужа, которого она явно считала первым лицом в государстве после себя. Всем дальнейшим фаворитам она ставила в обязанность "поклоны" Потемкину в письмах и, по ее собственному примеру, почтительное с ним обращение при дворе. Это был царь, только без титула и короны»⁵⁰. Следует согласиться с Барсковым, Потемкину действительно оказывались при дворе почести, как члену царской фамилии, это обстоятельство отмечали и другие исследователи⁵¹.

В пятой главе Барсков рассказывает о судьбе писем и записок Екатерины, находившихся у Потемкина, после смерти корреспондента. Ученый замечает, что письма императрицы к своему любимцу не раз перебирали, часть из них, возможно, была утрачена, в течение многих лет на них, как и на "Мемуары", наложен был строгий запрет⁵². Затем публикатор сделал несколько тонких и точных наблюдений о стиле и языке писем Екатерины к Потемкину. Барсков отмечал, что императрица "писала нервно и небрежно даже иностранным корреспондентам, не говоря уже о Потемкине и других любовниках. Вообще она писала, по-видимому, так же, как говорила, и речь ее была жива, ярка, но не отделана"⁵³. С этими замечаниями следует полностью согласиться.

Предисловие Я.Л. Барскова демонстрирует высокий научный уровень исследователя. Без сомнения он был тонким знатоком екатерининской эпохи. Но, на наш взгляд, этому предисловию недостает собственно источниковедческой критики писем и записок Екатерины и Потемкина, вошедших в подготовленную им публикацию. Барсков даже не попытался поставить перед собой вопрос о датировке предложенных им к публикации посланий, о подлинности ряда записок, не касается он палеографических особенностей исследуемых им материалов. Однако, в целом, надо признать, что предисловие Барскова, особенно в полном его виде, как оно представлено в корректуре "Писем Екатерины II Г.А. Потемкину", хранящейся в ОР РГБ, является (в данный момент) самой серьезной работой по этой тематике.

К сожалению, публикация Я.Л. Барскова так и не увидела свет в том виде, в котором предполагал издать ее ученый. Некорректное обращение с текстом позднейших публикаторов во многом свело на нет его достижения.

Обратимся к пояснительной записке В.Д. Бонч-Бруевича от 10 октября 1950 г., она отчасти проливает свет на историю неудавшейся публикации Я.Л. Барскова. В ней Бонч-Бруевич сообщает, что получил материалы в 1932 г., дважды пытался их опубликовать: сразу по получении в сборнике "Звенья" и после войны – в "Летописях" Гослитмузея, но они "не были разрешены к печати в советское время". Далее Бонч-Бруевич излагает свой взгляд на работу Барскова: "Предисловие Барскова аполитично. Он не вскрыл по ним (по запискам. – О.Е.) всю ту мерзость и запустение, которые царили при дворе Екатерины II-ой и ее окружении, – этой кульминационной точки разложения феодального дво-

⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29. Л. 16–17.

⁵¹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 200.

⁵² ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29. Л. 19.

⁵³ Там же. Л. 23.

рянства и аристократии. Если написать такое предисловие, то и эти письма и записочки великой блудницы принесут пользу истории ...Может быть, удастся их напечатать при моей жизни. Мне очень желательно написать предисловие и политически осветить эту закулисную придворную жизнь того времени, а также характеристику действующих лиц"⁵⁴.

Поскольку Бонч-Бруевич не являлся специалистом по истории России времен Екатерины II, то предисловие он так и не написал. Получив отказ опубликовать в "Звеньях" подготовленные им материалы, Барсков предпринял в следующем, 1933 г., вторую попытку издать "Письма Екатерины II Г.А. Потемкину" теперь уже в "Литературном наследстве". Там как раз готовился том "XVIII век", который редактировали И.С. Зильберштейн и И.В. Сергиевский. Зильберштейн вспоминал, что "один из авторов тома, известный ученый Я.Л. Барсков, предложил нам публикацию неизданных писем Екатерины II к Г.А. Потемкину, но мы от нее отказались: документы эти не имели никакого отношения ни к литературе, ни к истории и отличались изрядным количеством интимных подробностей"⁵⁵.

Сравнивая отношение Бонч-Бруевича и Зильберштейна к предложенной им публикации, Эйдельман справедливо замечал: "Если Зильберштейн совершенно отрицал ценность писем Екатерины Потемкину, то Бонч-Бруевич хорошо представлял себе значение этих материалов, но полагал, что они требуют строгого политического комментария. Обе эти точки зрения характеризуют в разной степени тот период развития отечественной историографии, когда документы и материалы, связанные с царской фамилией, ценились преимущественно за то, что содержали разоблачения и саморазоблачения монархии"⁵⁶.

В 1934 г. в Париже появилось анонимное издание писем Екатерины II к Потемкину⁵⁷, снабженное предисловием некоего Жоржа Ударда и восходящее к тексту, представленному ранее Барсковым⁵⁸. Видимо, отчаявшись опубликовать свою работу на родине, ученый предложил ее издание французским коллегам. Французское издание содержало 357 записок Екатерины II вместо 419, подготовленных Барсковым. Все послания были напечатаны на французском языке, без указания в примечаниях, где в подлиннике идет русский текст, где французский. Публикуемые записки были снабжены немногочисленными примечаниями, которые представляют собой донельзя сокращенные и облегченные примечания Барскова. Не было помещено предисловие Барскова. Возможно, таково было желание самого ученого, согласившегося издать свою работу за границей, но только анонимно. Предисловие же Ударда не было простым переложением предисловия предшественника.

Удард считал систему фаворитизма, сложившуюся в России при Екатерине II, сходной с той, которая существовала во Франции при Людовике XV. По его мнению, фавориты Екатерины были прямыми аналогами фавориток Людовика XV⁵⁹. Потемкин и по своим талантам, и по душевным качествам был исключением из общего списка фаворитов. Затем Удард довольно подробно пересказывает мнение Барскова о том, что Екатерина была обвенчана с Потемкиным.

Удард сообщает, что Екатерина отправляла свои записки к Потемкину чаще всего по утрам, к 7 час., после своего туалета. Действительно, многие записки

⁵⁴ Там же. Л. 1.

⁵⁵ Цит. по: Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 112.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Lettres d'amour de Catherine II a Potemkine*. P., 1934.

⁵⁸ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 112.

⁵⁹ *Lettres d'amour de Catherine II...* P. 40.

императрицы, особенно за 1774–1776 гг. имеют указания на то, что они написаны в утренние часы. В 7 час. утра Екатерина обычно приступала к работе⁶⁰, вставала же она чаще всего в 5 час⁶¹. Однако, сведений о том, когда именно императрица отправляет свои утренние "цидулки" – сразу по пробуждении, после туалета или уже начав работать – мы не имеем. Удард делает предположение о побудительных причинах, вызывавших обмен записками. По мнению французского автора, переписывались Екатерина и Потемкин из-за огромных размеров петербургских дворцов, которые утомляли Екатерину длинными переходами.

На наш взгляд, причина довольно живой переписки между императрицей и ее любимцем, происходившей в то время, когда Потемкин жил во дворце и, казалось бы, мог в любой момент лично обо всем переговорить с Екатериной, состоит не в утомительности дворцовых переходов, хотя и они, возможно, сыграли в этом вопросе свою роль. Судя по свидетельствам статс-секретарей императрицы⁶² и по той информации, которую нам удалось почерпнуть из камер-фурьерского журнала, день Екатерины был расписан по часам. Под это расписание вынужден был подстраиваться любой из фаворитов, хотел он этого или нет. Фаворит не мог видеть императрицу, когда ему заблагорассудится, за непонимание этого правила Екатерина не раз бранила П.В. Завадовского в своих записках к нему: "Я повадила себя быть прилежна к делам, терять время, как можно менее... время не мне принадлежит, но империи. Спроси у кня[зя] Ор[лова], не истари ли я такова?"⁶³ Подобных замечаний в записках Потемкину не встречается, зато в них императрица довольно часто упоминает о том, что, когда она собиралась утром навестить Григория Александровича, то обнаружила его уже начавшим работу с секретарями и не решилась войти⁶⁴. Итак, необходимость обмена записками обуславливалась скорее занятостью обоих корреспондентов, чем нежеланием Екатерины утомлять себя долгими переходами.

Далее Удард пишет о языке Екатерины. По его мнению, императрица крайне плохо знала французскую орфографию. Ученый справедливо считает, что в посланиях Екатерины часто встречаются прозвища и сокращения, призванные назвать каких-то конкретных известных корреспондентам лиц, из-за этого в некоторых записках нельзя понять, о чем идет речь. Одну из важных задач исследователей он видит в расшифровке этих прозвищ и сокращений. Однако сам Удард не пытался разрешить намеченных им вопросов.

Благодаря французской публикации писем Екатерины II Г.А. Потемкину широкие слои читателей и исследователей за рубежом смогли познакомиться с этим историческим источником.

На русском языке публикация Я.Л. Барскова появилась только в 1989 г. благодаря усилиям Н.Я. Эйдельмана⁶⁵. За 20 лет до этого, собирая материалы для своей будущей книги "Грань веков", посвященной политической истории конца XVIII – начала XIX в., Эйдельман в собрании Бонч-Бруевича обнаружил корректуру "Писем Екатерины II к Потемкину" и снял с подготовленной Барсковым публикации копию⁶⁶. В 1989 г. публикация была проведена по снятой копии, содержавшей значительное число ошибок и искажений, которые

⁶⁰ Грибовский А. Записки А. Грибовского, статс-секретаря императрицы Екатерины II // Хрестоматия по русской истории. М., 1923. С. 233.

⁶¹ Журнал путешествия императрицы Екатерины II на юг. 2 января – 15 июля 1787 г. // ЦГИА г. Москва. Ф. 16. Оп. 1. № 36. Т. 2. С. 38.

⁶² Грибовский А. Указ. соч. С. 233–234.

⁶³ Цит. по: РИЖ. 1918. Кн. 5. С. 249.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 5.

⁶⁵ Барсков Я.Л. Письма Екатерины II к Г.А. Потемкину // ВИ. 1989. № 7–10, 12.

⁶⁶ Там же. № 7. С. 111.

автоматически воспроизведены в "Вопросах истории", что сильно снизило научную ценность публикации.

К серьезным недостаткам публикации относится прежде всего то, что подготовитель, воспроизводя текст писем и записок Екатерины, стремился усилить безграмотность императрицы, создать ей некий "немецкий" акцент, употребляя мягкий знак везде, где в подлиннике и текстах, подготовленных Барсковым, был твердый. Так, в письмах Екатерины были сочинены новые, реально не существовавшие ни в подлинниках, ни в корректуре Барскова ошибки. Если публикаторы XIX в. правили ошибки Екатерины II, то Эйдельман, напротив, прибавил нелюбимой им императрице лишние орфографические погрешности. При всей разнице этих двух подходов археографический эффект оказался абсолютно одинаковым: ни по публикации Я.К. Грота, ни по эйдельмановской редакции публикации Барскова нельзя судить о том, как в реальности писала Екатерина II. Часто записки, опубликованные в "Вопросах истории", по сравнению с подлинниками не имеют начала, конца или середины. Это можно объяснить тем, что когда ученый копировал эти записки у Барскова и не предполагал еще возможности их публикации, от выписывал для себя не весь текст, а лишь наиболее заинтересовавшие его отрывки.

Все записки, написанные Екатериной по-французски, и французские слова и выражения, встречающиеся в тексте записок, написанных по-русски, воспроизведены в публикации по-русски, без всяких примечаний по этому поводу. Такую погрешность тоже легко можно объяснить тем, что копируя послания для себя, Эйдельман сразу записывал перевод Барскова, не помечая при этом, как было в корректуре.

Барсков поместил в свою публикацию, кроме записок Екатерины, восемь записок Потемкина. Эйдельман не всегда помечал над записками Григория Александровича, что они принадлежали ему. Таким образом, некоторые записки Потемкина оказались в копии, сделанной Эйдельманом, приписанными Екатерине II, что создает путаницу. Кроме того, Барсков поместил в приложение семь записок "чужой рукой". Они были найдены ученым в тех же "пакетах", что и послания Екатерины и Потемкина. Барсков предполагал, что эти письма написаны рукой Варвары Васильевны Энгельгардт, племянницы светлейшего князя, близко стоявшей к императрице в 70-е годы XVIII в.⁶⁷ Эйдельман ввел послания "чужой рукой" в текст публикации без всяких примечаний по этому поводу. В ряде случаев примечания, сделанные Барсковым к одной записке, оказались в "Вопросах истории" под другой.

Остается только догадываться, что помешало Эйдельману в 1989 г., когда он решил опубликовать работу Барскова, обратиться не к своей копии, явно не предназначавшейся первоначально для издания, а к корректуре.

Несмотря на серьезные недостатки, публикация в "Вопросах истории" является в данный момент одной из самых крупных подборок этих материалов, правда по типу научно-популярной. Заниматься же исследованием представленных в ней посланий следует по подлинникам.

Н.Я. Эйдельман написал к публикации собственное предисловие, в котором касается ряда важных вопросов изучения переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина. Рассказав об обстоятельствах, при которых он обнаружил в собрании Бонч-Бруевича корректуре публикации Барскова, и остановившись на некоторых биографических сведениях об этом ученом, Эйдельман приступает к характеристике предисловия Барскова, попутно сообщая свои весьма интересные соображения о представленном комплексе документов.

Эйдельман соглашается с характеристикой, данной Барсковым системе фаво-

⁶⁷ ОР РГБ. Ф. 369. К. 375. № 29. Л. 21.

ритизма. «Каждый из них, – пишет ученый о фаворитах, – и затем смена любого имели немалое влияние как в России, так и порою за ее пределами на судьбы миллионов людей... Очередного "вельможу в случае", как правило, готовит определенная придворная партия... Как царский двор, так и сама Екатерина II не видели ничего зазорного в том, что у нее имелись фавориты. Это было тогда в порядке вещей»⁶⁸.

Размышляя о переменах, происшедших во второй половине XVIII в. во взаимоотношениях между "разными этажами российской государственной власти", Эйдельман резонно возражает Барскову, видевшему в системе фаворитизма ослабление императорской власти. «Если при Петре I и его ближайших преемниках обычной формой политических перемен были государственные перевороты, аресты, казни сановников, то при Екатерине II устанавливаются более гибкие формы: отставка министра и смена фаворита происходят сравнительно безболезненно, без пыток и казней... Дело, конечно, не в доброте или жестокости правителя, а в поисках более оптимальных форм взаимоотношений дворянства, высшей бюрократии и самодержецы. В связи с этим можно упрекнуть Барскова в том, что он считал подобное "смягчение форм" признаком ослабления императорской власти и усиления ее зависимости от фаворитов. На деле новый тон придворной жизни, наоборот, усиливал политическую роль Екатерины II»⁶⁹.

В отличие от Барскова, который не включил в свою подборку записку, названную Екатериной "Чистосердечная исповедь", и, как кажется, считал ее скорее автобиографической заметкой императрицы, чем запиской, Эйдельман поместил это послание в своем предисловии. Ученый справедливо считал, что этот документ многое объясняет в отношениях и переписке императрицы и ее фаворита. Однако Эйдельман полагал, что "Чистосердечная исповедь" (1774) открывает переписку Екатерины и Потемкина, хотя на самом деле переписка эта началась еще в 1770 г.

Затем ученый касается и языка писем Екатерины. "Филологи оценят значение этого комплекса для истории русского языка, – пишет он, – в частности при анализе языка царицы-немки, стремившейся говорить и писать по-русски. Это было связано также... с поиском достаточно откровенного стиля выражений, не прикрытого лаком отработанного французского политеза. Парадоксально быстрые переходы от интимных излияний к политическим вопросам передают общую отмененную выше особенность фаворитизма как почти неразделимого сочетания сугубо личных моментов с экономическими и политическими". По мнению ученого письма Екатерины "характеризуют общий тон придворных отношений той поры, включая переплетения куртуазности с откровенной грубостью. Безграмотность писем, неправильные, причудливые, порой оригинальные словосочетания, разговорность эпистолярных оборотов, отсутствие в то время твердых правил русской грамматики и правописания придают текстам своеобразный колорит"⁷⁰.

В конце предисловия ученый ставит весьма важный вопрос о датировке писем и записок, правда, не пытаясь его решить.

Предисловие Эйдельмана в сравнении с другими наиболее выпукло показывает сложность и неизученность переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина как исторического источника.

Рассмотрев существующие в данный момент публикации писем Екатерины II и Г.А. Потемкина, следует признать, что к настоящему времени учеными про-

⁶⁸ Эйдельман Н.Я. Указ. соч. С. 113.

⁶⁹ Там же. С. 118.

⁷⁰ Там же. С. 117.

делана значительная работа по изданию этих документов. Всего (если учесть повторения одних и тех же посланий в разных публикациях) издано 820 писем и записок корреспондентов, из них 765 принадлежат Екатерине, 55 – Г.А. Потемкину. Это составляет чуть менее половины всей сохранившейся переписки корреспондентов. Более половины писем еще остается не введенной в научный оборот. Самыми серьезными и объемными подборками следует признать публикацию Я.К. Грота в Сборнике РИО и неизданную корректуру публикации Я.Л. Барскова. Они не только поглощают остальные издания, но и снабжают предложенные читателю документы рядом весьма ценных комментариев. К сожалению, самым серьезным недостатком почти всех публикаций писем Екатерины и Потемкина (за исключением корректуры Барскова) являются произвольные исправления в тексте и изъятия его частей.

В данный момент не имеется ни одного полного издания переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина. Без такого издания с пространным предисловием, рассматривающим эту переписку как исторический источник, с серьезными примечаниями к каждому посланию, где исследовались бы обстоятельства его возникновения и делалось бы предположение о возможном времени его появления (если письмо не датировано), с обширным справочным аппаратом – невозможно полное введение этого богатейшего источника в научный оборот.

А.А. Александров

**КОМИССИЯ ПО ИЗДАНИЮ СОЧИНЕНИЙ,
БУМАГ И ПИСЕМ
ГРАФА М.М. СПЕРАНСКОГО***

Труды комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского – малоизвестная страница истории отечественной археографии. В период общественного, морального кризиса первой мировой и гражданской войн российские ученые объединились для того, чтобы опубликовать сочинения реформатора, правоведа, внесшего значительный вклад в развитие российской государственности, либеральной политической мысли.

"Явление культуры не только сам памятник, но и методика его изучения и использования"¹. Эти слова прямо относятся к деятельности комиссии. Работа научного сообщества – эпизод истории отечественной культуры и интеллектуальной жизни на фоне жестоких событий, происходивших в России в 1916–1919 гг.

Краткие упоминания комиссии можно найти в публикациях, посвященных памяти академика А.С. Лаппо-Данилевского, в книге М. Раева о М.М. Сперанском². Впервые сведения о работе археографов ввел в научный оборот С.Н. Валк, им были указаны документы, хранящиеся в Санкт-Петербургском филиале АРАН³. Сохранились в основном делопроизводственные документы: журналы заседаний, официальная переписка, отчеты. Зафиксирована хроника работ, организационная сторона труда. С.Н. Валк заметил, что существует ряд крупнейших археографических предприятий, появление которых всегда связано с ключевыми проблемами историографии⁴. Безусловно, план всеобъемлющего свода сочинений М.М. Сперанского – попытка найти ответы на вопросы, возникшие в исторической науке, правоведении в XIX – начале XX в.

Созданию Комиссии предшествовали десятилетия исследований жизни М.М. Сперанского. М.А. Корф, А.Ф. Бычков, В.И. Семевский, С.М. Середонин, Н.М. Коркунов показали, что невозможно оценивать известные книги, статьи и проекты М.М. Сперанского в отрыве от обширного корпуса его рукописей, рассеянных в государственных архивах и частных коллекциях. В.И. Семевский, например, доказал, что принципиальное значение имеют черновые

© А.А. Александров

* О роли академика А.С. Лаппо-Данилевского в подготовке издания сочинений М.М. Сперанского см. статью А.А. Александрова в АЕ за 1994 год.

¹ Шмидт С.О. Некоторые вопросы развития советской археографии // АЕ за 1978 год. М., 1979. С. 141.

² Ольденбург С. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 177; Пресняков А.Е. А.С. Лаппо-Данилевский. Пг., 1922. С. 39; Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772–1839. 2-nd ed. The Hague. 1969. P. VIII.

³ Валк С.Н. Предисловие // Сперанский М.М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 9–10.

⁴ Валк С.Н. Сборник грамот Коллегии экономии: Историогр. заметки // Избранные труды по археографии: Науч. наследие. СПб., 1991. С. 34–52.

редакции и варианты текстов реформатора, практически не известные в XIX в.⁵. Публикации сочинений М.М. Сперанского не могли удовлетворить запросы науки: это касалось как приемов подготовки текстов к печати, так и комментариев.

В мае 1916 г. А.С. Лаппо-Данилевский представил Академии наук один из публикаторских замыслов В.И. Семевского. Предлагалось подготовить издание записок М.М. Сперанского 1802 и 1809 гг. (Только этих текстов, а не полного собрания сочинений). Было решено поместить труд В.И. Семевского во втором выпуске "Материалов по истории русского законодательства"⁶. Итак, к 1916 г. стало ясно, что необходимы масштабное изучение архивных материалов о М.М. Сперанском, сравнение его произведений, новый поиск в хранилищах. Так "возникла мысль о желательности издать собрание бумаг, сочинений и писем графа М.М. Сперанского" (Л.З)*.

30 марта 1916 г. на заседании секции русской истории Исторического общества при Петроградском университете была создана специальная комиссия. С.Ф. Ольденбург и А.Е. Пресняков считали А.С. Лаппо-Данилевского создателем этой ученой организации, С.Н. Валк подчеркивал личную инициативу В.И. Семевского. Думается, принципиальных противоречий нет: исследования В.И. Семевского – фундамент любой серьезной работы над сочинениями М.М. Сперанского⁷.

Председатель комиссии А.С. Лаппо-Данилевский, крупнейший знаток отечественной и зарубежной археографии, фактически координировал в Академии публикацию исторических источников. Он был одним из участников подготовки к печати "Писем и бумаг Петра Великого", и, что особенно важно, в эти годы работал над "Правилами издания Сборника грамот Коллегии экономии"⁸. По мнению С.Н. Валка именно публикация "Сборника" открыла новый этап развития отечественной археографии, вывела ее "на путь передовых", обще-европейских достижений⁹. Принципы работы над "Сборником" оказали большое влияние на изучение рукописей М.М. Сперанского. По наблюдению С.В. Чиркова, с точки зрения социальной-психологической, А.С. Лаппо-Данилевский был организатором классической научно-исследовательской школы: он успешно координировал работу отдельных исследователей в непосредственном общении, реализуя общую рабочую программу¹⁰. Эта черта отличает его деятельность и в комиссии, в работу которой включились молодые ученые, его ученики. Например, С.Н. Валк, впоследствии много сделавший для изучения наследия М.М. Сперанского. Ученик А.С. Лаппо-Данилевского С.В. Вознесенский составлял картотеку библиографии М.М. Сперанского. Он должен был обследовать и архив Пензенского губернского правления (Л. 5 об.). В комиссии не доминировали ученики А.С. Лаппо-Данилевского. Школу С.Ф. Платонова представляли, например, Н.В. Голицын, К.Я. Здравомыслов, И.А. Блинов, С.В. Рождест-

⁵ Цит. по: Валк С.Н. Законодательные проекты М.М. Сперанского в печати и в рукописях // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 189.

⁶ ИАН. Сер. VI. 1916. Т. X. № 14. С. 1227.

* Здесь и далее в скобках указываются листы из: СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097.

⁷ См.: Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов / Предисл. В.И. Семевского // Историческое обозрение. СПб., 1899. Т. 10. С. 1–62; Семевский В.И. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования Александра I // Отечественная война и русское общество. М., 1911. Т. 2. С. 152–194.

⁸ См. об этом: Материалы для биографии А.С. Лаппо-Данилевского. Л., 1929. С. 7.

⁹ Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 34.

¹⁰ Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ за 1989 год М., 1990. С. 23.

венский, близки к нему были Е.И. Тарасов, А.Э. Нольде. Последние четыре названные фамилии мы видим в списке авторов сборника в честь С.Ф. Платонова, изданном в 1911 г. Причем темы статей тесно связаны с научными проблемами, поставленными в программе комиссией¹¹.

С момента создания комиссии до дня составления последнего отчета в нее вошли 27 человек (некоторые не смогли приступить к общим занятиям). Первые баллотировались на заседания Исторического общества, остальные были кооптированы позже. Кроме членов де юре несколько ученых постоянно работали по единому плану. Поэтому А.С. Шацких, С.Н. Валка, С.В. Вознесенского можно назвать членами комиссии *de facto*.

В.И. Семевский скончался, не успев приступить к непосредственной подготовке собрания сочинений. Коллеги стремились приобрести (с помощью Академии) собранный им ценнейший архив (Л. 6–7 об., 13–13об). Членом комиссии стал С.В. Рождественский, опубликовавший некоторые записки М.М. Сперанского в книге "Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв."¹². В числе учредителей – А.А. Корнилов, специалист по истории общественного движения при Александре II (напомним, что М.М. Сперанский читал лекции по теории и истории права цесаревичу Александру Николаевичу), автор известного "Курса истории России XIX в.", в котором так подробно проанализирована карьера реформатора¹³. У нас нет данных об участии А.А. Корнилова в общих работах (в сентябре 1917 г. он покинул столицу).

В протоколах заседаний мы видим много имен историков-юристов. Особенно активно участвовал в архивных розысканиях барон С.А. Корф, специалист в области государственного и административного права¹⁴, писавший о сословном представительстве в России, истории Финляндии¹⁵. В работе участвовал и барон А.Э. Нольде, чья диссертация посвящена проблемам кодификации законодательства времен Николая I¹⁶.

Назовем представителей архивов. Член-корреспондент Императорской академии наук И.А. Бычков опубликовал в начале XX в. большое число документов, историографических материалов о жизни М.М. Сперанского¹⁷. Участие заведующего отделом рукописей Публичной библиотеки было особенно важно – ведь значительная часть архива М.М. Сперанского хранится именно в этом собрании (Ф. 731). Директор Московского и Петербургского архивов МИД кн. Н.В. Голицын вместе с И.А. Бычковым курировал подготовку к печати описей архива

¹¹ Блинов И. Проект реформы сената барона Кампенгаузена // Сергею Федоровичу Платонову, ученики, друзья и почитатели: Сб. статей. СПб., 1911. С. 476–484; Нольде А. К истории составления проекта "Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири" // Там же. С. 502–521; Рождественский С. М.М. Сперанский и комитет 1837 г. о степени обучения крепостных людей // Там же. С. 254–279; Тарасов Е. К истории масонства в России. Забытый розенкрейцер А.М. Кутузов: По неизданным документам // Там же. С. 202–234.

¹² Сперанский М.М. Об усовершенствовании общего народного воспитания // Рождественский С.В. Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1910.

¹³ Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. 3-е изд. М., 1993. С. 83–91.

¹⁴ Корф С.А. Административная юстиция в России. СПб., 1910. Т. 1–3; Он же. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг. СПб., 1906;

¹⁵ S.A. Korff: Professor i rusk statsrätt och rusk rättshistoria // Carpelan T., Tudeer L. Helsingin yliopisto: Opettajat ja virkamiehet. Helsingissa, 1925. Vol. I. P. 476–477. Книга любезно предоставлена С.Н. Богатыревым.

¹⁶ Нольде А.Э. Очерки по истории кодификации местных гражданских законов при графе Сперанском. СПб., 1906–1914. Вып. 1–2; М. Раев упоминает его объемную рукопись, хранящуюся в библиотеке Колумбийского университета, См.: Raeff M. Michael Speransky. P. 374.

¹⁷ См., например: Несколько данных к истории книги бар. М.А. Корфа "Жизнь графа Сперанского": Из бумаг академика А.Ф. Быčkova / Сообщ. И.А. Быčkova // РС. 1902. Т. СІХ. N.1. С. 141–176; К биографии графа М.М. Сперанского. Материалы. Заметки бар. М.А. Корфа: Из бумаг акад. А.Ф. Быčkova / Сообщ. И.А. Быčkova // Там же. N. 2. С. 283–306.

М.М. Сперанского. Мало известно о роли А.В. Васильева¹⁸, предполагалось, что он будет работать в группе, изучающей архив Министерства финансов (Л. 50–50 об.).

Итак, в мае 1916 г. в комиссию вошли 9 человек. Росли планы, все больше ученых присоединялось к единой научной программе. Не удивляет и избрание А.Н. Филиппова – автора классических трудов о развитии отечественного законодательства. Во-первых, он специально изучал период кодификации времен Николая I¹⁹. Во-вторых, в 1916 г. он представил в Академию наук тексты и комментарии отчетов II отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии за время подготовки Полного собрания и Свода законов. По предложению А.С. Лаппо-Данилевского их планировали опубликовать в "Материалах по истории русского законодательства"²⁰.

Привлекались к работе над текстами М.М. Сперанского и другие специалисты-правоведы. Барон Б.Э. Нольде, историк конституционного права²¹, Г.Э. Блосфельд, автор историко-юридических исследований²², приват-доцент университета А.Н. Макаров (с 1917 г. – управляющий архивом Государственного совета), стал секретарем Комиссии 26 ноября 1916 г.

В подготовке издания участвовал Б.Л. Модзалевский, видный историк культуры, один из создателей Пушкинского Дома. Именно он предложил обследовать архив и коллекцию автографов принцев Ольденбургских. Был избран и П.О. Морозов, крупный литературовед и библиограф, редактировавший в 1910-х гг. третий и четвертый тома академического собрания сочинений А.С. Пушкина²³.

Организаторы издания стремились к тому, чтобы лучшие специалисты исследовали те архивы, в которых могли находиться рукописи М.М. Сперанского. Понятно и участие И.А. Блинова – составителя многотомной "Описи документов и дел" Сенатского архива²⁴; генерала А.С. Лыкошина, который планировал работу в военном ведомстве; А.И. Лотоцкого – ему предполагалось поручить работу в архиве государственного контроля; заведующего отделом рукописей Румянцевского музея Г.П. Георгиевского; С.А. Панчулидзева, управляющего архивом Государственного Совета. В июне 1917 г. А.С. Лаппо-Данилевский сообщал ему, что получено разрешение работать в архиве Совета министров, однако С.А. Панчулидзева скончался в июле того же года²⁵. В документах встречаем также имя В.Н. Строева, профессора университета и автора исследования о Собственной Е.И.В. Канцелярии²⁶.

В 1917 г. в комиссию были кооптированы: Е.И. Тарасов, автор монументальной монографии о Н.И. Тургеневе (строгом критике трудов М.М. Сперанского), увидевшей свет в 1923 г.²⁷; специалист по истории государственных учреждений XVIII в. В.И. Веретенников²⁸; директор МАМЮ Д.В. Цветаев. Отметим, что Д.В. Цветаев совместно с А.С. Лаппо-Данилевским разраба-

¹⁸ Васильев А. Прогрессивный подоходный налог 1812 г. и падение Сперанского // *Голос минувшего*. 1916. N 7/8. С. 332–339.

¹⁹ Филиппов А.Н. Император Николай I и Сперанский: К вопросу о кодификации русского права в царствование Николая I // *Учен. зап. Юрьевского ун-та*, 1897. Юрьев, 1897, № 2.

²⁰ ИАН. Сер. VI. 1916. Т. X. № 14. С. 1227.

²¹ Нольде Б.Э. *Очерки русского государственного права*. СПб., 1916.

²² Блосфельд Г.Э. "Законная" сила Свода законов в свете архивных данных. Пг., 1917.

²³ См. об этом: *Валк С.Н. Избранные труды по археографии*. С. 65, 84.

²⁴ *Памятная книжка Сенатского архива* / Сост. И.А. Блинов. СПб., 1913.

²⁵ РГИА. Ф. 1652. Оп. 1. Д. 93. Л. 1.

²⁶ *Строев В.Н. Столетие Собственной е.и.в. Канцелярии*. СПб., 1912.

²⁷ *Тарасов Е.И. Декабрист Н.И. Тургенев в александровскую эпоху*. Самара, 1923.

²⁸ См. об этом: *Базалей Д.И. Отзыв о работах приват-доцентов М.В. Клочкова и В.И. Веретенникова* // *Учен. зап. имп. Харьк. ун-та*, 1914. Харьков, 1914. Кн. 1. С. 42–62.

тывали обширные планы издания исторических документов²⁹. Кроме того, в центре его интересов были международные связи, история иностранцев в России.

8 октября 1918 г. на последнем общем заседании избирались еще два участника комиссии: известный коллекционер, эрудит В.Я. Адарюков. Судя по годовому отчету комиссии за 1918 г. А.А. Сиверс, генеалог и нумизмат, баллотировался в тот же день, однако в протоколе соответствующей записи нет.

С февраля 1919 по август 1919 г. после кончины А.С. Лаппо-Данилевского пост председателя занимал академик М.А. Дьяконов. Его болезнь и смерть оставили комиссию без общего научного руководства³⁰.

В имеющихся в нашем распоряжении источниках (в том числе и опубликованных до февральских и октябрьских событий 1917 г.) не обнаружено упоминаний о том, что крупнейший историк и публикатор документов эпохи Александра I вел. кн. Николай Михайлович участвовал в занятиях комиссии, со многими членами которой он поддерживал творческие, научные контакты. Это особенно странно, учитывая, что недавние публикации показывают что в последние месяцы жизни историк готовил "большую работу о Сперанском"³¹.

Комиссия объединила ученых, которым принадлежали наиболее авторитетные исследования по русской истории XVIII–XIX вв. Поражает широта их научных интересов: здесь историки, архивисты, правоведы, археографы. Это профессора и приват-доценты университета, сотрудники архивов, представители различных научных изданий. Все они совместно трудились и над другими серийными археографическими изданиями того времени ("Памятники русского законодательства", "Письмами и бумагами императора Петра Великого", "Сборником грамот Коллегии экономии", академическим собранием сочинений А.С. Пушкина). Они были коллегами и во многих других научных обществах, например, в Союзе Российских архивных деятелей.

Инициатива петербургских историков получила достаточно широкий резонанс в ученом мире. Этому способствовало и опубликованное Академией обращение к владельцам писем М.М. Сперанского, его корреспонденции, документов о деятельности реформатора с просьбой указать место хранения бумаг и предоставить возможность скопировать их³². Саратовская губернская ученая архивная комиссия в августе 1916 г. передала подлинник письма М.М. Сперанского из Пензы 10 марта 1817 г. Этот автограф был возвращен в исторический архив губернской комиссии³³. Н.К. Никольский представил копию письма М.М. Сперанского от 13 июня 1799 г., хранившегося в Костромской Духовной семинарии (Л. 32). Копии двух упомянутых документов в СПб. ФА РАН нами не обнаружены, их нет и в Пушкинском Доме. А.В. Годобину была возвращена присланная им из Москвы рукопись "студента Сперанского" (конец XVIII в.)³⁴, так как эксперты решили, что речь идет об однофамильце государственного

²⁹ См. об этом: *Шохин Л.И.* К истории публикации документов Московского архива Министерства юстиции во второй половине XIX – начале XX в. // АЕ за 1988 год. М., 1989. С. 165; *Цветаев Д.В.* Новые издания МАМЮ // РИЖ. 1917. Кн. 1/2. С. 151–161.

³⁰ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г. / Сост. С.Ф. Ольденбург. Пг., 1920. С. 291.

³¹ *Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования.* СПб., 1912. Т. 1–2; Переписка имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной / Сост. вел. кн. Николай Михайлович. СПб., 1910; Великий князь Николай Михайлович. Письмо из заточения / Публ. Н. Смирнова // Наше наследие. 1992. N 25. С. 87; *Зайцева А.А.* Письма великого князя Николая Михайловича к Ф. Массону // Книга в России: Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1991. С. 75.

³² Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год / Сост. С.Ф. Ольденбург. Пг., 1917. С. 310.

³³ ИАН. Сер. VI. 1916. Т. X. № 16. С. 1460.

³⁴ ИАН. Сер. VI. 1917. Т. XI. № 13. С. 910.

деятеля³⁵. Комиссия состояла в переписке с историком В. Солстратом, редактором исторического журнала в Хельсинки³⁶. Один из последних отчетов об архивных розысканиях был получен в конце марта 1919 г. от К.З. Здравомыслова.

Судя по статьям и книгам, опубликованным до 1916 г., различные стороны политической карьеры М.М. Сперанского были в центре внимания членов комиссии задолго до ее создания. Начиная совместную работу, они, очевидно, руководствовались убеждением, что современная наука не может успешно развиваться без соответствующей организации³⁷. Учреждение комиссии – инициатива ученых, объединивших свои усилия для комплексного изучения наследия М.М. Сперанского. Это результат нового подхода к изучению и публикации работ одного автора. И по масштабам, и по методам было заметно отличие от "кустарного" (С.Н. Валк) периода археографии.

Существует еще одна причина интереса к наследию М.М. Сперанского. Исследование его трудов – неперенный шаг на пути научного изучения эволюции государственности, политических и социальных институтов, общественного движения. Имя М.М. Сперанского являлось одним из символов борьбы за конституцию и эволюцию режима, легитимного выбора либеральных и демократических ценностей XIX в. Недаром в комиссию вошли специалисты, занимавшиеся и реформами Александра II, и государственным правом европейских демократий³⁸.

Многие из публикаций о М.М. Сперанском, появившихся в России в XIX–XX вв., по сути своей были теми, что Гёте назвал "непроизнесенными парламентскими речами"³⁹. Получив возможность практической деятельности, члены комиссии (многие из которых были кадетами, а А.А. Корнилов с 1915 г. являлся секретарем ЦК этой партии), сочли своим долгом принять участие в законодательной деятельности периода Временного правительства. А.С. Лаппо-Данилевский участвовал в подготовке Учредительного собрания, в выработке избирательного закона, он был автором "Воззвания ученых" – решительного протеста против переворота, в защиту Учредительного собрания⁴⁰. А.А. Корнилов после февральской революции стал сенатором⁴¹. Г.Э. Блосфельд, А.Н. Макаров, А.Э. Нольде, Б.Э. Нольде были в 1917 г. членами Особой комиссии для выработки проекта основных законов страны⁴². Они готовили текст конституции, разрабатывали принципы государственного устройства, т.е. трудились над тем, что в совершенно иных условиях, на несколько иных теоретических основах

³⁵ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. СПб. 1861. Т. 2. С. 387–388.

³⁶ Отчет о деятельности Российской академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. С. 310.

³⁷ Ольденбург С. Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 165.

³⁸ Корнилов А.А. Общественное движение при Александре II, 1855–1881. Париж, 1905; 2-е изд. М., 1909; Современные конституции: Сб. действующих конституционных актов / Под ред. В.М. Гессена, Б.Э. Нольде. СПб., 1905–1907. Т. 1–2; Нольде А.Э. К.П. Победоносцев и судебная реформа. Пг., 1915; Корф С.А. Реформа Сената // Вопр. права. 1912. № 9; Он же. Государственное устройство Канады // Вопр. права. 1911. № 5.

³⁹ Цит. по: Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / Пер. Н. Мани. М., 1981. С. 170.

⁴⁰ См. об этом: Гревс И.М., А.С. Лаппо-Данилевский: Опыт истолкования души // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 79; Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. С. 25; Алексева Г.Д. Октябрьская революция и историческая наука в России 1917–1923. М., 1968. С. 202–203.

⁴¹ Левандовский А.А. Последний общий курс русской истории и его автор // Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. С. 15.

⁴² Учредительное собрание. Россия, 1918 г.: Стенограмма и др. документы / Сост. Т.Е. Новицкая. М., 1991. С. 32, 34–50.

делал человек, полное собрание сочинений которого, согласно первоначальному плану должно было увидеть свет в 1922 г. Интересно проследить, как меняется в документах комиссии определение планов М.М. Сперанского: от лояльного – "проекты государственных преобразований" – (май 1916) – до "конституционных проектов... существенных звеньев в длинной цепи попыток установить в России ограниченную форму правления" (март 1918)⁴³.

Упомянутое письмо из тюрьмы вел. кн. Николая Михайловича заставляет задуматься над общественным звучанием темы реформ, трудов М.М. Сперанского в годы жестокого кризиса. 6 января 1919 г. (за несколько дней до расстрела) арестованный пишет о своих занятиях над трудом о М.М. Сперанском. Это свидетельство поиска ответов не только на научные, но и философские, мировоззренческие вопросы. Либеральная мысль начала XX в. оперировала понятиями, категориями, одним из сторонников которых в России был М.М. Сперанский. 1916–1919 гг. стали годами испытания такого "способа видения", такого способа мышления. Люди, имевшие аналитический склад ума, обратились к идейному фундаменту общеевропейской политической теории. Недаром в 1916 г. академик Лаппо-Данилевский говорил о русских ученых: "Их работа связывается с жизнью, с тем, что мы в России зовем идеею"⁴⁴. Труды Комиссии 1916–1919 гг. – попытка найти ответы на вопросы, которые наука и жизнь ставили перед российскими интеллектуалами.

* * *

Цель издания – не только публикация текстов сочинений М.М. Сперанского. Предметом особого внимания А.С. Лаппо-Данилевского был научно-справочный аппарат издания. В виде составной его части, в рамках комментариев или в "Трудах" введены были в научный оборот и материалы о жизни реформатора. Это видно, например, из обращения Академии, где речь идет не только об автографах М.М. Сперанского, но и о "бумагах, касающихся его деятельности"⁴⁵. Инструкция переписчикам говорит о копировании документов, не принадлежащих перу М.М. Сперанского⁴⁶. Сохранилась опись бумаг реформатора в Публичной библиотеке, выполненная И.А. Бычковым по просьбе комиссии. В нее включены не только автографы М.М. Сперанского, но и другие документы его частного собрания⁴⁷. Комиссию интересовала судьба данного архива прежде всего потому, что историки рассчитывали получить наиболее точное представление о сохранившихся рукописях государственного деятеля.

Личный архив М.М. Сперанского (понятие, не совпадающее с определением "сочинения, бумаги и письма") специально интересовал комиссию. В первый выпуск "Трудов" вошла опись документов, опечатанных в доме государственного секретаря ночью 17 марта 1812 г. в момент его высылки из столицы. Опись показывает круг дел М.М. Сперанского в годы его политического триумфа (1808–1812), но почти не дает непосредственной информации о местонахождении документов.

Было начато тщательное изучение описей архива М.М. Сперанского 1839 г. (после кончины графа его собрание было разобрано под личным контролем Николая I). Выяснилось, что тогда архив был разделен, и документы, касавшиеся управления Сибирью, были отправлены в Тобольск и Иркутск.

⁴³ ИАН. Сер. VI. 1916. Т. X. № 14. С. 1230; 1918. Т. XII. № 10. С. 903.

⁴⁴ Цит. по: *Ольденбург С.* Работа А.С. Лаппо-Данилевского в Академии наук // РИЖ. Пг., 1920. Кн. 6. С. 177.

⁴⁵ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. С. 310.

⁴⁶ См. прил. № 5.

⁴⁷ ОР РНБ. Ф. 731. д. 2344. Л. 1–432.

А.С. Шацких тщательно изучала сохранившиеся реестры⁴⁸. Как видно из "Журнала заседания комиссии" 26 ноября 1916 г., опись 1839 г. должна была войти во второй выпуск "Трудов", который редактировал И.А. Бычков. Следует заметить, что в 1956 г. данная опись была специально указана в аннотации фонда Собственной Е.И.В. Канцелярии в путеводителе ЦГИА, вышедшем под редакцией С.Н. Валка. Думается, что С.Н. Валк учитывал значение, которое представлял этот документ, ведь еще А.С. Лаппо-Данилевский обращал на опись особое внимание Отделения исторической науки и филологии Академии в 1917 г.⁴⁹ Источник особенно тщательно был изучен В.А. Корниловым⁵⁰.

Комиссию интересовали две группы документов: все, что было когда-либо написано М.М. Сперанским и любые источники о его жизни, в том числе материалы, составлявшие личный архив сановника.

На первых заседаниях весной 1916 г. были намечены обширные планы: в центре внимания историков были архивные хранилища. С.В. Рождественский в статье 1923 г. писал об археографии как звене единого исследовательского действия: архивные розыскания, археографическая подготовка, историческое познание⁵¹. Занятия в архивах и археографическая работа действительно воспринимались учеными как одно целое.

Было решено обследовать все архивы, в которых находились или могли находиться документы реформатора. Эта часть программы требовала солидной материальной и организационной поддержки. Ученые ходатайствовали о помощи перед Академией наук – "положено было оказать возможное содействие" (Л. 3).

К 18 мая 1916 г. список архивов был представлен Отделению исторических наук и филологии⁵². Перечень дополнялся на протяжении всех лет работы⁵³. Заметим, что в список включены хранилища, которые до 1916 г. были практически недоступны для ученых – Собственная Е.И.В. библиотека, например. Одна из целей комиссии – преодолеть сопротивление властей, преграду на пути отдельных исследователей, создать механизм, позволяющий облегчить работу, недаром одна из постоянных тем в протоколах – поручение обратиться от имени комиссии в те или иные государственные архивы, ведомственные хранилища документов.

На первых же заседаниях было решено, что каждый член комиссии возьмет на себя обязанность выявить и подготовить к печати бумаги М.М. Сперанского из одного или нескольких намеченных архивов.

Вырабатывалась методика обследования. Вначале должны были заполняться специально подготовленные типографские бланки "Описи бумаг М.М. Сперанского"⁵⁴. Предполагалось создать каталог всех документов, систематизировать его, а затем начать переписку бумаг (к сожалению, не удалось установить принцип предполагавшейся систематизации). Составление полного реестра рукописей М.М. Сперанского схоже с работой, выполнявшейся семинарием А.С. Лаппо-Данилевского по составлению Каталога частных актов по истории русского быта и гражданского права⁵⁵.

⁴⁸ ИАН. Сер. VI. 1917. № 13. С. 910. и след.

⁴⁹ Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде: Путеводитель / Под ред. С.Н. Валка и В.В. Бедина. Л., 1956. С. 309.

⁵⁰ Корнилов В.А. К вопросу об исторических взглядах М.М. Сперанского // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 24.

⁵¹ Рождественский С. Историк-археограф-архивист // Арх. дело. 1923. Вып. 1. С. 1–12, Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992. С. 12–16.

⁵² См. прил. 1.

⁵³ См. прил. 2.

⁵⁴ См. прил. 3.

⁵⁵ См. об этом: Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 51.

В ноябре 1916 г. И.А. Бычкову, Н.В. Голицыну, А.И. Макарову и Б.Л. Модзалевскому было поручено составить инструкцию для переписчиков. В мае 1917 г. после обсуждения в Комиссии инструкция была передана в академическую типографию (отпечатана в 100 экземплярах). Публикуемый текст наглядно показывает задачи Комиссии⁵⁶. Он служит также примером того этапа "нормативно-методического творчества"⁵⁷, который обычно остается вне поля зрения историков археографии. Заметим, что в первоначальный проект внесено добавление: должны были составляться перечни только официальных "маловажных" бумаг. Все другие источники потребовали более пристального внимания.

С самого первого дня было начато составление полной библиографии произведений М.М. Сперанского. В нее входила роспись каждого публикуемого документа, а не только сведения об издании 2,5 тыс. карточек – доказательство напряженной работы С.В. Вознесенского⁵⁸. В 1918 и 1919 гг. С.Н. Валк продолжил эту работу.

В 1917 г. А.Н. Макаров специально проводил исследование книг М.М. Сперанского, хранившихся в собрании Государственного совета. В деле комиссии есть черновик его письма 1918 г. в Главное управление архивным делом. В письме говорится о плане, согласно которому предполагалось объединить правительственные библиотеки "юридического содержания" в один фонд⁵⁹. А.Н. Макаров просит, чтобы библиотека сравнительного законовещения (б. Государственного совета) "хотя бы в течение ближайших двух месяцев оставалась в неприкосновенности" (Л. 40 об). Это время требовалось для того, чтобы закончить описание и изучение книг М.М. Сперанского, его маргиналий. Исследователь упоминает о том, что на основании архивных данных была восстановлена опись книг, принадлежащих М.М. Сперанскому. Нам не удалось обнаружить материалы, о которых пишет А.Н. Макаров. Известен только более ранний "Рукописный каталог библиотеки М.М. Сперанского", хранящийся в ОР РНБ⁶⁰. С этим реестром А.Н. Макаров, по всей видимости был знаком, так как он работал с рукописями М.М. Сперанского в Публичной библиотеке⁶¹.

Методика подготовки собрания сочинений М.М. Сперанского шла по схеме апробированной при подготовке "Сборника коллегии экономии": поиск архивных материалов, составление библиографической картотеки публикаций произведений М.М. Сперанского, каталога рукописей, правил издания⁶². Сравнение с данными В.Ю. Афиани показывают некоторое сходство в самой подготовке к печати сочинений М.М. Сперанского и Н.М. Карамзина, над которым работало Отделение русского языка и словесности Академии в 1914–1917 гг. Интересно проследить, как в те годы отвлеченная идея превращалась в строгий план издания, как Академия наук преодолевала трудности финансовые и организационные, как жил мир научной общественности, тесно сплоченный общими трудами⁶³.

⁵⁶ См. прил. 5.

⁵⁷ Добрушкин Е.М. Основы археографии. М., 1992. С. 92.

⁵⁸ СПб. ФА РАН. Р. IV. Оп. I. Д. 245. Л. 1–2442.

⁵⁹ История библиотечного дела в СССР, 1918–1920: Документы и материалы. М., 1975. С. 16–52.

⁶⁰ ОР РНБ. Ф. 731. Д. 51.

⁶¹ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. С. 310.

⁶² Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 50–51.

⁶³ Документы о подготовке издания сочинений Н.М. Карамзина Императорской Академией наук (1914–1917) / Подг. к печати В.Ю. Афиани // АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 281–289; Афиани В.Ю. Археографические особенности изданий "Истории государства Российского" Н.М. Карамзина // Там же. С. 23–32.

Особенно важно, что единая программа – стержень, вокруг которого группировались отдельные, почти автономные исследования ученых. В этом смысле комиссия А.С. Лаппо-Данилевского стала центром, объединившим историков, архивистов, правоведов, самостоятельно изучавших различные научные проблемы. Их исследования должны были входить в сборники "Трудов", а в некоторых случаях и в другие издания Академии.

А.Н. Макаров продолжил работу В.И. Семевского над публикацией конституционных проектов: он считал необходимым дополнить тексты 1802 и 1809 гг. работами М.А. Балугьянского, проектами законов о Государственном совете, министерской и сенатской реформе⁶⁴. В 1917 г. было решено включить книгу, составленную А.Н. Макаровым, в серию "Памятники русского законодательства". Слова С.Н. Валка о необходимости издать материалы о планах реформ 1810–1812 гг., безусловно, относятся именно к этому неосуществленному проекту⁶⁵.

Опись 1812 г. вошла в единственный опубликованный выпуск трудов. Второй том, как уже было сказано, составила бы опись 1839 г. Третья книга должна была включать опись библиотеки, четвертый – библиографию М.М. Сперанского. Эту часть плана сообщает С.Н. Валк. Добавим, что было решено издать обзоры бумаг М.М. Сперанского в архиве управления канцлера Александровского университета в Финляндии и в архиве статс-секретариата Великого княжества Финляндского, которые составил С.А. Корф⁶⁶. Пятую книгу "Трудов" готовил В.Я. Адарюков, она посвящалась иконографии М.М. Сперанского (Л. 74).

За годы работы по единым планам были исследованы фонды Государственного архива (Н.В. Голицын), архива управления канцлера Александровского университета в Финляндии, архива статс-секретариата Великого княжества Финляндского (С.А. Корф), рукописного отделения Публичной библиотеки (И.А. Бычков, А.Н. Макаров), Сенатского архива (И.А. Блинов), архива Св. Синода (К.Я. Здравомыслов), кроме того, Н.В. Голицыну удалось познакомиться с описью бумаг М.М. Сперанского, хранившихся в Собственной Е.И.В. библиотеке. В нашем распоряжении пока имеются только описи К.Я. Здравомыслова и упомянутая выше картотека в ОР РНБ.

В марте 1919 г. К.Я. Здравомыслов представил письмо-отчет о проделанных работах, к которому приложил 12 заполненных бланков описи документов М.М. Сперанского, хранившихся в архиве св. Синода (Л. 75–89)⁶⁷. Это обзор связанных с именем государственного деятеля документов Комитета об усовершенствовании духовных училищ, Комиссии духовных училищ (Учебного комитета за 1806–1812 гг.), канцелярии Синода (1830, 1838), канцелярии обер-прокурора (1835, 1839). Обзор может служить ценным пособием для изучения отношения М.М. Сперанского к вопросам религиозного образования, правового статуса церкви.

Деятельность Комиссии в первые месяцы ее существования получила значительную организационную поддержку. Служащие Сенатского архива, работав-

⁶⁴ Записка А.Н. Макарова об издании проектов конституционных реформ М.М. Сперанского и законодательных актов 1810–1812 гг. // ИАН. Сер. VI. 1918. № 10. С. 902–904.

⁶⁵ См. об этом: Записка А.Н. Макарова об издании проектов конституционных реформ М.М. Сперанского и законодательных актов 1810–1812 гг. // ИАН. Сер. VI. 1918. Т. XII. № 10. С. 902–904; Валк С.Н. Предисловие. С. 15.

⁶⁶ ИАН. Сер. VI. 1917. № 11. С. 816. По любезному сообщению Э. Валлисаари (E. Vallisaari) в архиве Университета Хельсинки материалов С.А. Корфа нет. Местонахождение текста доклада С.А. Корфа неизвестно.

⁶⁷ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1919 г. С. 291.

шие по программе Комиссии под руководством И.А. Блинова, заполнили 806 листов описи (на дела генерал-прокурорской канцелярии за 1797 и 1798 гг.) и составили список сделанных М.М. Сперанским пометок на деловых бумагах (Л. 47, 53). Сотрудники библиотеки Государственного совета по заданию А.Н. Макарова описывали библиотеку М.М. Сперанского. На запросы Комиссии отвечали отделения архива Генерального штаба, представители местной администрации. Сохранилось стандартное ходатайство о разрешении работать в военных архивах одному из членов комиссии. Направлено оно было непосредственно военному министру А.Ф. Керенскому⁶⁸.

Обратим внимание на некоторые детали. Даже в октябре 1918 г. в протоколах комиссии почти демонстративно продолжают употребляться дворянские титулы: одно из свидетельств реакции на происходившие события⁶⁹. С.О. Шмидт отметил, что и на заседании Археографической комиссии в декабре 1918 г. также не считали нужным отказаться от этой традиции⁷⁰.

Читая архивное дело, нельзя не обратить внимание на то, как со временем меняется оформление документов: перепечатанные на качественной бумаге протоколы (1916) уступают место рукописям, написанным чернилами и даже карандашом (1918–1919) – символы наступавшей разрухи.

Дело комиссии было передано в архив Академии 25 июня 1926 г. из управления делами конференции. До этого оно хранилось у А.А. Жижиленко, автора многочисленных трудов по криминологии, работавшего вместе с А.С. Лаппо-Данилевским над изданием "Артикула воинского" в "Памятниках старинного русского законодательства".

С 1918 г. можно говорить только о работе отдельных исследователей по ранее намеченному проекту. Сам проект все больше противоречил новым порядкам⁷¹.

* * *

История комиссии – одно из свидетельств катастрофы традиционного мира научного знания, социальных ценностей русского ученого сообщества. Действительность не пощадила этих людей, их систему жизни и работы, изменялась научная организация, ее институты. Трагически сложилась судьба многих участников комиссии: член-корреспондент С.В. Рождественский был судим по делу С.Ф. Платонова и умер в Томской ссылке в 1934 г. Судебные гонения испытал и А.А. Сиверс⁷². Ряд ученых вынуждены были покинуть пределы распавшейся империи: С.А. Корф оставил в 1919 г. Хельсинкский университет и до своей смерти в 1924 г. работал в США, был избран почетным профессором Колумбийского университета. Б.Э. Нольде в 20-х годах опубликовал за границей ряд статей, в которых анализировал юридическую концепцию М.М. Сперанского.

Некоторые из членов комиссии активно работали в России и после 1919 г.: И.А. Бычков, Е.И. Тарасов, Б.Л. Модзалевский, П.О. Морозов.

Особенно много сделал для изучения творчества М.М. Сперанского С.Н. Валк. В его статье фактически обобщается вся традиция изучения

⁶⁸ См. прил. 4.

⁶⁹ Булгаков М.А. Пьесы 1920-х годов: Театральное наследие. Л., 1990. С. 170, 404; Булгаков М.А. Пьесы 1930-х годов: Театральное наследие. СПб., 1994. С. 109, 346.

⁷⁰ Шмидт С.О. Доклад С.Ф. Платонова о Н.М. Карамзине 1926 г. и противоборство историков // АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 48.

⁷¹ Алексеева Г.Д. Указ. соч. С. 267–268.

⁷² Академическое дело 1929–1931 гг. Т. 1. Дело по обвинению акад. С.Ф. Платонова. СПб., 1993. С. XX, XLIX, 245–246; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 356, 498.

М.М. Сперанского в дореволюционной России⁷³. Это одна из тех работ, о которых сказано: "Статьи Валка зачастую стоят больших книг"⁷⁴. Историк возвращался к документам комиссии по крайней мере дважды – в феврале 1960 г. и в феврале 1972 г.⁷⁵. Первое обращение, очевидно, связано с подготовкой предисловия к изданию "Проектов и записок" М.М. Сперанского, в которых ученый кратко изложил основные вехи работы комиссии⁷⁶ (в 1955 г. С.Н. Валк счел необходимым упомянуть о самом факте работы Комиссии, хотя в этот период не было возможности назвать имена тех историков, которые в ней приняли участие. Проект В.И. Семевского – публикация сочинений М.М. Сперанского 1802–1809 гг. – был реализован (с существенными добавлениями) в 1961 г.⁷⁷ Можно вспомнить, что С.Н. Валк много работал над публикацией трудов другого автора – В.И. Ленина. Возможно, при этом С.Н. Валк использовал опыт, полученный в годы подготовки собрания сочинений М.М. Сперанского. Ведь новая работа началась менее чем через четыре года после труда в комиссии.

Каковы же итоги работы? Прежде всего трудно переоценить значение публикации "Описи 1812 г."⁷⁸. Обзор архива св. Синода представляет несомненный практический интерес для исследователей. Библиография, составленная С.В. Вознесенским, используется при подготовке диссертаций и статей о М.М. Сперанском. Сохранившийся реестр архивов важен для будущего масштабного выявления рукописей М.М. Сперанского.

Но главные результаты – это теоретические выводы и наблюдения. Важен вывод о возможности и необходимости издания комментированного Полного собрания сочинений М.М. Сперанского, введения в оборот значительного корпуса источников о его деятельности. Комиссия поставила перед наукой действительно большие задачи. Они не утратили своего значения и по сей день.

Необходимо комплексное изучение многочисленных архивохранилищ, выявление источников о деятельности М.М. Сперанского. Для расширения источниковой базы трудов по истории политической борьбы первых четырех десятилетий XIX в. важны сведения о судьбе личного архива М.М. Сперанского. Нужно постоянно помнить, что хранящиеся в РНБ и РГИА личные фонды М.М. Сперанского – это только часть материалов разрозненного в 1839 г. архива.

Огромное значение имеет постановка комиссией проблемы сравнительного изучения отдельных произведений мыслителя; выработана схема работы: составление каталога рукописей, единых правил их описания и копирования, списка хранилищ, предварительная публикация отдельных памятников и научных исследований. Мы видим этапы подготовки Полного собрания сочинений реформатора: создание организации под патронажем Академии (финансирование публикаций, контакты с государственными и общественными учреждениями, хране-

⁷³ Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 186–196.

⁷⁴ Шмидт С.О. С.Н. Валк и развитие археографической культуры // Валк С.Н. Избранные труды по археографии. С. 339.

⁷⁵ СПб. ФА РАН Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Лист использования.

⁷⁶ См. об этом: Кукушкина М.В. Исследовательская и научно-организационная деятельность А.И. Копанева в библиотеке АН СССР // А.И. Копанев: Сборник статей и воспоминаний. СПб., 1992. С. 53; Валк С.Н. Археографическая "легенда" // АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 9.

⁷⁷ Сперанский М.М. Проекты и записки / Подг. к печати А.И. Копанев и М.В. Кукушкина. Под ред. С.Н. Валка. М.; Л., 1961; Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М. Сперанского // ВИД. Л., 1991. Т. 22. С. 101–117.

⁷⁸ Опись бумаг М.М. Сперанского 1812 г. / Под ред. Н.В. Голицына // Труды Комиссии по изданию сочинений, бумаг и писем М.М. Сперанского. Пг., 1916. Вып. 1.

ние научных материалов) и при участии университета, участие специалистов, изучающих различные стороны творческого наследия (продолжающих свою преподавательскую и исследовательскую работу), издание ежегодника или специального сборника, обучение молодых ученых.

Такая система соответствует современным стандартам науки, высшего образования, издательского дела и информационных систем. Она удачно соотносится с механизмом работы научных институтов, с интересами отдельных исследователей. В начале века комиссия А.С. Лаппо-Данилевского фактически на практике начала ту работу, которая в современной западноевропейской археографии дает успешные результаты: именно по этой схеме идет, например, подготовка сочинений И. Бентама (высоко, заметим, ценившего М.М. Сперанского)⁷⁹. Фундаментальные издания сочинений служат развитию знаний, сопровождаются выходом монографических исследований. Укажем, например, на выходящее в издательстве Принстонского университета с 1950 г. собрание бумаг Т. Джефферсона, вызвавшее целую серию исследований⁸⁰. Новые возможности предоставляет использование современных компьютерных технологий. Разумеется, требуются коллективные усилия специалистов, значительные затраты времени, средств.

Формально, решение Академии об издании Полного собрания сочинений М.М. Сперанского никогда не было отменено. В 1961 г. С.Н. Валк завершил предисловие к книге М.М. Сперанского тем, что подчеркнул необходимость издать и другие тексты реформатора: "но это – уже дело будущего". Сегодня мы должны повторить эти слова.

⁷⁹ Конвей С. "Бентам проджект" и изучение Бентама // История права: Англия и Россия: Сб. ст. М., 1990. С. 228–230.

⁸⁰ Bedini A.S. Thomas Jefferson, Statesman of Science. N.-Y., 1990. 616 p.; Mapp A.J. Thomas Jefferson: Passionate Pilgrim, 1991. 445 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

№ 1

V-е приложение к протоколу IX заседания Отделения Исторических наук и Филологии Императорской Академии Наук

18 мая 1916 год (к § 189).

Список архивов и других учреждений, в которых предстоит навести надлежащие справки касательно бумаг гр. М.М. Сперанского, а также лиц, предполагающих сообщить таковые

1. Собственная Его Императорского Величества Канцелярия	кн. Н.В. Голицын*
В.П. Строев*
И.А. Блинов? ^{2*} Мурзалов? ^{2*}
2. Собственная Его Императорского Величества Библиотека	кн. Н.В. Голицын
3. Архив Кабинета	бар. А.Э. Нольде
4. Общий Архив Министерства Императорского Двора	бар. А.Э. Нольде

* Зачеркнуто карандашом.

^{2*} Написано карандашом.

5. Государственный и Петроградский Главный Архивы Министерства Иностранных Дел	кн. Н.В. Голицын
6. Архив Государственного Совета	А.Н. Макаров ^{2*}
С.А. Панчулидзеv [*]
В.Н. Строеv [*]
С.А. Панчулидзеv [*]
А.А. Сиверс, просить
И.И. Лодыженского ^{3*}
И.А. Блинов
7. Архив Комитета Министров	С.В. Рождественский [*]
К.Я. Здравомыслов ^{2*}
В.И. Семевский, [*]
кн. Н.В. Голицын,
А.Н. Макаров ^{4*} , В.В.
Яковлев ^{2*} А.А. Шиллов? ^{2*}
А.С. Лыкошин [*]
Габаев ^{2* 1}
8. Архив Правительствующего Сената	И.А. Бычков [*]
переговорить с Габаевым ^{2*}
А.С. Лыкошин
Габаев ^{2*}
9. Архив Святейшего Правительствующего Синода	С.В. Рождественский
10. Архивы Министерства Внутренних Дел (общий Архив. Архив Департамента Полиции)	Д.В. Цветаев
А.Н. Филиппов
А.И. Лотоцкий? ^{5*}
11. Архив Канцелярии Военного Министерства	А.В. Васильев [*]
П.О. Морозов
А.А. Корнилов [*]
М.Г. Курдюмов ^{2* 2}
А.С. Лыкошин [*] Габаев ^{2*}
12. Общий Архив Главного Штаба (Моск. Отд.)	А.С. Лаппо-Данилевский
Б.Л. Модзалевский
И.А. Бычков
А.Н. Макаров
Г.П. Георгиевский
13. Военно-ученый Архив Главного Штаба	А.С. Лаппо-Данилевский
Е.И. Тарасов [*]
14. Архив Министерства Народного Просвещения	бар. С.А. Корф
15. Московский Архив Министерства Юстиции	бар. С.А. Корф
Пензенская Архивная
Комиссия
16. Архив Государственного Контроля	Иркутская Архивная
Комиссия
17. Архивы Министерства Финансов (в том числе и Архив Департамента Таможенных Сборов)	
18. Архив Главного Инженерного Управления	
19. Архив конференции Императорской Академии Наук (дела Российской академии)	
20. Императорская Публичная Библиотека	
21. Императорский Московский и Румянцевский Музей	
22. Отделение рукописей при I Отделении Библиотеки Императорской Академии Наук (Архив бр. Тургеневых)	
23. Финляндский Государственный Архив в Гельсингфорсе	
24. Архив Статс-Секретариата Финляндии	
25. Архив Пензенского губернского правления	
26. Архив Иркутского генерал-губернаторства	

Оттиск, пометы карандашом. Хранится: СПб. РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Л. 50-50 об.

^{3*} Фраза написана карандашом.

^{4*} Дописано и зачеркнуто карандашом.

^{5*} Вопросительный знак поставлен карандашом.

² М.Г. Курдюмов – историк, археограф.

Дополнение к списку архивов^{6*}

1. Архив Государственного Банка: В.И. Веретенников.
2. Рукописное отделение Академии Наук: В.И. Яковлев.
3. Общий Архив Главного Штаба (петроградское отделение)
4. Тобольский Губернский Архив.
5. Архив принца А.П. Ольденбургского, коллекция автографов принца П.А. Ольденбургского: Б.Л. Модзалевский.
6. Личный архив В.И. Семевского: С.А. Корф.
7. Архив управления канцелера Александровского университета в Финляндии: С.А. Корф^{7*}.

**Бланк каталога рукописей М.М. Сперанского
Опись бумаг М.М. Сперанского №**

1. Название архива, библиотеки или другого хранилища
2. Фонд и архивное наименование дела. Шифр (старый и новый)
3. Заголовок документа или краткое указание на его содержание (подчеркивается что именно дается)
4. Подлинник (собственноручно писанный или только подписанный, черновой или белой) или копия (с поправками или без таковых)
5. Начальные слова дела или документа
6. Место и время написания
7. Формат и число страниц
8. Имеются ли заметки на полях
9. Не находится ли описываемая бумага в связи с другими и какими именно?
10. Указание на издание, в случае, если дело или документ напечатаны
11. Примечания

Типографская печать.

ОР РНБ. Ф. 731. Д. 2344. Л. 1 и след.; СПб.ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Л. 78.

Письмо Комиссии на имя военного министра

Милостивый Государь Александр Федорович,
образованная при отделении Исторических Наук и Филологии Академии Наук Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем Графа М.М. Сперанского имеет честь просить Вас о допущении члена Комиссии генерал-майора Александра Сергеевича Лыкошина во все Архивы Военного Ведомства для наведения необходимых Комиссии справок и снятий копий с архивных документов.

Председатель комиссии
Секретарь

Г. Военному Министру А.Ф. Керенскому

Между 5 мая и 26 августа 1917 г. (датировка авт. – А.А.). Отпуск, чернила: СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Л. 26.

^{6*} Составлен по документам: СПб. ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097.

^{7*} Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделению физико-математических и исторических наук и филологии за 1917 год. Пг., 1917. С. 310.

Приложение к протоколу VIII заседания
Отделения Исторических наук и Филологии
Академии наук 3 мая 1917 г.
(к § 209)

Инструкция для снятия копий с рукописей Сперанского

I

§ 1. При переписывании должно различать собственноручные рукописи Сперанского от рукописей, написанных рукой писца; последние надлежит переписывать, объясняя каждый раз, почему документ признается принадлежащим Сперанскому.

§ 2. Отпуски официальных маловажных бумаг лишь подписанных Сперанским не надлежит переписывать, а лишь составлять к ним регесты, которые давали бы возможно более точное понятие о содержании каждого документа данной группы или целой их совокупности, если они однородны.

§ 3. Неоконченные черновые наброски, отдельные редакционные поправки, не имеющие самостоятельного значения в бумагах, не написанных лично Сперанским, не подлежат переписке и лишь заносятся в бланки описи.

§ 4. Письма и другие бумаги к Сперанскому надлежит переписывать лишь в тех случаях, когда они необходимы для уразумения писем Сперанского.

II

§ 5. В основу текста документа надлежит полагать его окончательную редакцию, к которой под строкой присоединять варианты и т.п. из более ранних редакций.

§ 6. Если сохранился документ, написанный собственноручно Сперанским, он переписывается с полной точностью; лишь сокращения раскрываются скобками, по возможности, сообразуясь с правописанием Сперанского.

§ 7. Если имеется и собственноручная черновая рукопись Сперанского и беловой список, то переписывается последний с восстановлением, однако, правописания черновика.

§ 8. Если имеется только список документа, то при переписывании дается точная его копия.

§ 9. В случае напечатания актов, принадлежащих перу Сперанского при его жизни, надлежит при переписывании придерживаться этой печатной редакции, как в отношении правописания, так и знаков препинания.

§ 10. При переписывании надлежит держаться современной расстановки знаков препинания, оговорив в предисловии главнейшие особенности интерпунктуации самого Сперанского.

§ 11. Места, зачеркнутые в черновой рукописи Сперанского, переписываемой с белового списка, выносятся под строку после того слова, за которым они следуют, с предварительным указанием на то словом: *зачеркнуто*.

§ 12. Зачеркнутые места в собственноручных рукописях Сперанского, не имеющих окончательной беловой редакции, переписываются в самом тексте и заключаются в прямые скобки.

§ 13. Все слова и места, подчеркнутые Сперанским одной или более чертами, надлежит подчеркивать волнистой линией при переписывании.

§ 14. Заголовки документов, написанные рукой Сперанского, надлежит подчеркивать двумя волнистыми линиями для набора их корпусом, заголовки же,

проставленные самим редактором и другие его замечания, подчеркивать прямой линией, для набора – курсивом.

§ 15. Документы, не снабженные точной датировкой, надлежит, по возможности, снабжать предположениями о времени их написания, с соответственной мотивировкой.

Напечатано по распоряжению Академии Наук. Июнь 1917 г. Непременный Секретарь академик С. Ольденбург. Типография Академии наук.

Типографский оттиск.

СПб.ФА РАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1097. Л. 16–16 об.

П.А. Плютто

А.А. БОГДАНОВ И М. ГОРЬКИЙ: ЭПИСТОЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ ОДНОГО РАЗРЫВА

В 1989 г. в Москве проходила международная конференция "А.А. Богданов (Малиновский) – революционер и мыслитель". На ней исследовательница архивного наследия этого известного русского философа, ученого и политического деятеля, жившего в 1873–1928 гг., Ютта Шеррер (Франция) выступила с докладом "А.М. Горький – А.А. Богданов (переписка)". Говоря о переписке, значительная часть которой хранится в настоящее время в Италии¹, она отмечала, что наибольшее количество писем Богданов получил от Горького и других единомышленников в 1908–1910 гг. «В большей части этих писем незримо присутствует третий человек, которого корреспонденты (Горький, Богданов, Луначарский, Вилонов) называют главным образом "старик" или Ильич, т.е. Ленин. Абсолютное присутствие "старика" в этих письмах безусловно усиливает и исторический, и политический, а также историографический интерес к нашей публикации»².

Докладчица констатировала, что отношения между В.И. Лениным и М. Горьким в этот период изучены недостаточно. Издания писем Ленина и Горького показывают, что их переписка прекратилась в апреле 1908 г., после визита Ленина на Капри, и восстановилась в конце 1909 – начале 1910 г. Письма Горького публиковались сокращенно. О большинстве же писем Богданова к Горькому вообще не упоминается. «"Архив А.М. Горького" и "Летопись жизни и творчества Горького" почти полностью молчат об их отношениях. Хуже всего даже не это: в обеих публикациях часто допущены ошибки и искажена информация, вероятно, с целью скрыть действительный характер отношений между Горьким и Богдановым с 1908 по 1910 г.», – сказала Шеррер³.

Каков же был характер этих отношений? Известно весьма лестное мнение Горького о Богданове в 1908–1909 гг.: «Вообще я очень высоко ставлю Богданова и его группу. Это чрезвычайно ценные люди... – писал Алексей Максимович Горький К.П. Пятницкому в сентябре 1908 г., – Богданов предлагает свою книгу: "Из психологии об-ва", 3-е издание... Это – хорошая книга, очень ходкая, как видите. Я бы издал и три книги "Эмпириомонизма", ибо, как уже сказал, очень ценю труды Богданова»⁴.

Как отмечала Ю. Шеррер, «Горький видел в Богданове "наиболее интересного и, возможно, наиболее важного философа в Европе". Своей бывшей жене

© П.А. Плютто

¹ В частном архиве сенатора-социалиста Лелио Бассо, основавшего в Риме Институт исследования социальной истории.

² По словам Шеррер, она готовит издание этих писем отдельной книгой на итальянском и французском языках.

³ Стенограмма международной конференции "А.А. Богданов (Малиновский) – революционер и мыслитель" (Москва, 10–11 апреля 1989 г.). Выступление Ю. Шеррер 10 апреля 1989 г. С. 25, 31. Машиноп. экз. (Мосгорархив). (Далее: "Стенограмма конференции...").

⁴ Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29. С. 80. (Далее: Горький М. Т. 29).

Е.П. Пешковой он писал, что "не без причин немцы будут восхищаться Богдановым", а Богданову: "Для меня, чем более я вчитываюсь в ваши книги, все яснее, глубже и шире видна Ваша воистину революционная мысль, и – не примите за лесть, – мне кажется, что в лице Богданова не только российский пролетариат узнает и оценит своего философа"⁵.

Последнее замечание Горького – определенный показатель того не всегда прямо выраженного значения, какое придавали деятельности Богданова не только его современники, но и он сам. Так, в записных книжках Богданова есть место, где он косвенно указывает на "европейский" смысл своей деятельности. Данные книжки, относящиеся к 1925–1927 гг., отражают, в частности, и мышления Богданова о Ленине: "В борьбе за единоличную диктатуру он был объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость; а единичные случайно развившиеся сильные индив[идуально]сти европ[ейского] типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самым своим сущ[ествован]ием в организации основной ее, авторитарный тип связи, – при его огранич[енном] образовании, целые области "духа" его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих инд[ивидуально]стей"⁶.

Итак, в 1908–1909 гг. Горький находился под явным и сильным влиянием Богданова. Ю. Шеррер задается вопросом, как объяснить этот горьковский энтузиазм по поводу Богданова. Например, Горький писал Богданову, «как на протяжении нескольких дней он пытался научить своего попугая Пепито произносить слово "эмпириомонизм"? И когда он гордо замечал Богданову, что для его маленького сына, который навещал его на Капри, Богданов казался более умным, чем его собственный отец? Когда Горький спросил своего сына "почему?", мальчик ответил: "из-за его эмпириомонизма".

Сам Горький не был философом, и вряд ли он понимал сложную философскую систему богдановского эмпириомонизма. Фактически это не столько богдановская система в целом, как богдановская концепция "коллективизма" привлекала Горького. В этом смысле эссе Горького "Разрушение личности" (существенная часть этого сочинения почти буквально была воспроизведена Горьким в его знаменитой речи на Первом съезде писателей в конце 1934 г.) представляет собой наиболее откровенное заимствование богдановских идей коллективизма (хотя и очень упрощенное)⁷.

Мысль о неформальном и глубинном сходстве мировоззрений Богданова и Горького кажется чрезвычайно важной. Тяга "нервного" – эмоционального и "слепого" – мировосприятия Горького к социальной подоплеке богдановской философии отнюдь не случайна: и Горький, и Богданов – монисты, исповедовавшие революционную "редукцию" сложностей только начинавшего свое развитие в России "индивидуализма", того нового, необычного, многопроблемного состояния общества, которое безусловно разрушает "традиционного человека". В мировоззрении Богданова Горький нашел форму, в которую "отлил" бурливший в нем по поводу этого разрушения протест: «Чего Вы меня все "большевизмом" шпыняете? – пишет он А.В. Амфитеатрову в декабре 1909 г. – Вы же внимательный читатель! Большевик мне дорог, поскольку его делают монисты, как социализм дорог и важен именно потому, что он единственный путь, коим человек всего скорее придет к наиболее полному и глубокому сознанию своего *личного* человеческого достоинства.

Иного пути – не вижу. Все иные пути – от мира, один этот – в мир. Требуется, чтобы человек однажды сказал сам себе: "Аз есмь создатель мира".

⁵ Цит. по: Стенограмма конференции... С. 37.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 48. Л. 36.

⁷ Стенограмма конференции... С. 37–38.

Именно отсюда – и только отсюда! – может родиться новый человек и новая история.

Не трогайте мой социализм»⁸.

Фигура "третьего человека" – В.И. Ленина – как верно заметила, на наш взгляд, Ю. Шеррер, не может быть обойдена в истории разрыва Горького с Богдановым. Интересен в этом отношении отзыв Горького на ленинский "Материализм и эмпириокритицизм" (1909), который Шеррер привела дословно из письма Горького Богданову в июне 1909 г. (посланного через жену Богданова): «Получил книгу Ленина, начал читать и – с тоской бросил ее к черту. Что за нахальство! Не говоря о том, что даже мне, профану, его философские экскурсии напоминают, как это ни странно – Шарапова и Ярморкина, с их изумительным знанием всего на свете – наиболее тяжкое впечатление производит тон книги – хулиганский тон!

И так, таким голосом говорят с пролетариатом, и так воспитывают людей "нового типа", "творцов новой культуры". Когда заявление "я марксист!" звучит, как "я – рюрикович!" – не верю я в социализм марксиста, не верю! И слышу в этом крике о правоте своем – ноты того же отчаяния погибели, ко[и] столь громк[и] в "Вехах" и подобных надгробных рыданиях.

Все эти люди, взывающие городу и миру: "Я марксист", "я пролетарий", и немедля вслед за сим садящиеся на головы ближних, харкая им в лицо – противны мне, как всякие бары; каждый из них является для меня "мизантропом, развлекающим свою фантазию", как их поименовал Лесков. Человек – дрянь, если в нем не бьется живое сознание связи своей с людьми, если он готов пожертвовать товарищеским чувством – самолюбию своему.

Ленин в книге своей – таков. Его спор "об истине" ведется не ради торжества ее, а лишь для того, чтобы доказать: "я марксист! Самый лучший марксист – это я!".

Как хороший практик – он ужаснейший консерватор. "Истина незыблема" – это для всех практиков необходимое положение, и если им сказать, что мол, относительно всякая истина – они взбесятся, ибо не могут не чувствовать колебания почвы под ногами. Но беситься можно и добросовестно – Ленину это не удалось. В его книге – разъяренный публицист, а философа – нет: он стоит передо мной как резко очерченный индивидуалист, охраняющий прежде всего те привычки мыслить, кои наладили его "я" известным образом и – навсегда. Безнадежный человек. Вероятно, и на практике он теперь будет уже, и хуже. Вообще – бесчисленное количество грустных мыслей вызывает его работа – неряшливая, неумелая, бесталанная»⁹.

Мировоззрение Горького, Богданова и Ленина совпадало в своей "абсолютности". Совпадают даже характеристики, которые давал, например, Горький в отношении основных черт мышления Ленина в 1908 г. или Богданова в 1910 г. Для изучения "механизма" ленинского мышления представляют особый интерес богдановские высказывания в его книге¹⁰ и неопубликованном "Десятилетии отлучения от марксизма" (1914 г. РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 25). Можно отметить принципиальное совпадение этих высказываний с мыслями Горького времени 1908 г. Помимо "религиозности" ленинского мышления в названных произведениях (где подчеркивается догматическая устремленность ленинской мысли к "абсолютной истине", склонность к мыслительной редукции "по шаблону") Богданов говорит о ленинском авторитаризме, подразумеваемом уже вполне горьковские характеристики "консерватизма и деспотизма" в мышлении. Можно,

⁸ Горький М. Т. 29. С. 104.

⁹ Цит. по: Стенограмма конференции... С. 41–43.

¹⁰ Богданов А. Падение великого фетишизма. Вера и наука. СПб., 1910.

таким образом, говорить о каких-то глубинных основаниях "социалистического" мышления в целом. Тем не менее все это не помешало появлению в разное время определенного мировоззренческого разрыва между Богдановым и Лениным, между Лениным и Горьким, между Горьким и Богдановым.

История последнего разрыва, отразившаяся в их переписке, невольно связалась с философским вопросом о смерти: принципиальная второстепенность личной смерти рядом с бессмертием коллектива и даже неуместность подобного вопроса – точка зрения Богданова – столкнулась здесь с проявившимся индивидуалистическим подходом у Горького, который избегал ответа на этот неприятный для неколлективиста вопрос. Именно этот вопрос стал тем последним рубежом, после которого была вполне ясна принципиальная несовместимость взглядов Богданова и Горького. Горький вновь свернул на ленинский политический путь "непримиримого и ортодоксального марксиста", обещающий быструю и "ощутимую" революционную редукцию, отказавшись от постепенных и терпеливых методов "европейского" пути выращивания "пролетарской культуры".

Легко заметить, что ленинской безапелляционной критике буржуазного позитивизма Богданова в "Материализме и эмпириокритицизме" Горький не противопоставил никакой собственной мировоззренческой теории: он только отстаивал принятую им богдановскую точку зрения. Поразительны в этом отношении почти дословные формулировки богдановских идеалов, декларируемые Горьким в качестве своих собственных. Из письма К.П. Пятницкому (май 1908 г.): «Мне кажется, что на "Знании" лежит задача неуклонного служения тем принципам, коим оно служило до сей поры. Эти принципы я понимаю как демократизм, позитивизм. Чем более живу и думаю, читаю и вижу, тем более укрепляюсь в мысли, что победит мерзость жизни, облагородит человека не греза, не мечта, а – опыт, накопление опыта, его стройная организация"¹¹. Однако, если мысли и слова Горького о "позитивизме" и "опыте" – негорьковские, привносные, законно будет предположение о подлинно горьковской философии, о том, как он думал "запросто", действительно, максимально свободно от чужих влияний. Здесь мы обнаруживаем поистине чудовищное несовпадение подобных горьковских взглядов с богдановским рационализмом относительно человека и общества. Горький прямо пишет об алогичности существования человека. Вот его письмо к малоизвестной писательнице Л.А. Никифоровой, где он сообщает, что повесть Никифоровой "Человеческие узы", посланная ему для рецензии, "не удалась": "Общий тон – педагогичен. Вы учите читателя, а не рассказываете ему о том, что Вам известно, что мучает и радует Вас. Но все, чему Вы учите, читатель уже знает из статей по педагогике, он все знает! Человек – не логичен и не любит логики"¹².

Письмо Л.А. Никифоровой помечено 20 мая (2 июня) 1910 г., а слухи о разрыве с Богдановым поползли раньше. Еще в марте 1910 г. Ленин писал Н.Е. Вилонову: "С Горьким переписки нет. Слышали, что он разочаровался в Богданове и понял фальшь его поведения"¹³. Этот "слух" (возможно, даже от самого Вилонова) дошел и до Богданова. В связи с этим Ю. Шеррер, касаясь разрыва Богданова и Горького, заметила: «В большой степени ухудшению отношений между Горьким и Богдановым способствовали неприязнь Андреевой и сестры Богданова, жены Луначарского. В Париже сестра Ленина распространила слух, что Горький разорвал отношения с Богдановым. Одно из последних писем Богданова к Горькому было довольно острым и резким: "как он [Горький] мог позволить, чтобы Ленин использовал эти слухи...". Горький в свою очередь чувствовал себя обиженным. Свое последнее письмо к Богданову, написанное в

¹¹ Горький М. Т. 29. С. 71.

¹² Там же. С. 117.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 241.

конце 1910 г., он горько характеризует, как "наша последняя беседа": "Я, как вам известно, очень уважаю и ценю вас – мыслителя и революционера, но не стану отвечать на ваши письма: вы пишете их слишком строго и так, точно вы унтер-офицер, а я – рядовой вашего взвода"»¹⁴.

Интересно, что в письме к Г.А. Алексинскому А.М. Горький, выступая с критикой Богданова, говорит о богдановском "консерватизме и деспотизме" – точная и совсем недавняя характеристика Горьким Ленина: "Мне кажется, что он, Богданов, по натуре своей – не революционер, а систематик, человек с высоко развитым стремлением к синтезу, и как всякий такой человек – консервативен и деспотичен. Людей же – всех! – презирает, числа себя безгранично умнее и значительнее их, отсюда его небрежное отношение ко всем. Но талантливый человек! И я глубоко уверен, что он многое сделает"¹⁵.

Разрыв между Горьким и Богдановым пришелся на 1910 г. – время открытия и работы второй социал-демократической партийной школы в Болонье. Если в деле создания первой школы – на Капри – первенство в смысле ее замысла и практической организации нужно, пожалуй, оставить за рабочим-социалистом Н.Е. Вилоновым, то в организации партшколы в Болонье ведущая роль, несомненно, принадлежала Богданову. Он же, впрочем, являясь идейным вдохновителем группы "Вперед", созданной перед роспуском первой школы, играл и в ней первостепенную роль в качестве лектора и партийного теоретика.

В 1909 г. на Капри Горький читает лекции в первой партшколе. В письме М.М. Коцюбинскому он, говоря, о своей чрезвычайной занятости, упоминает о школе, где читает "две лекции в неделю по литературе"¹⁶. Вместе с рабочими – учениками школы – Горький бывает в музеях и на концертах, осматривает достопримечательности Неаполя, Помпеи, Рима: "Хорошо они смотрят, хорошо судят, и – вообще – хорошо с ними демократической моей душе!

Конечно, все это – вне крепостных стен с.-дечной программы, но – что ж? – я всегда высоко ценил удовольствие быть еретиком"¹⁷.

Кем финансировалась партшкола на Капри? Основной взнос сделали Ф.И. Шалляпин, "либеральствующий писатель Амфитеатров", нижегородский пароходчик Каменский, М. Горький и его жена М.Ф. Андреева¹⁸. В ответ на просьбу А.А. Богданова к А.В. Амфитеатрову прислать денег для второй школы, последний в своем письме от 3 декабря 1910 г. поначалу ответил категорическим отказом. Сохранился пространный черновик ответа Амфитеатрова от 11 декабря 1910 г. на вторичную просьбу Богданова о присылке денег. Из него ясно, какую значительную роль играл авторитет Горького для "жертвователей" (см. Прил.).

Отвечая Богданову на первое письмо, Амфитеатров одновременно (4 декабря) известил о его настойчивых просьбах и Горького: «Получил вчера от А.А. Богданова письмо о школе в Болонье. Сия последняя для меня совершенный сюрприз, и, конечно, ничего ровно ни уму, ни сердцу не говорящий. Конечно, просят денег. Я отказал. Что такое "впередовцы" и почему я должен радоваться, что Ленин в чем-то и как-то там провалился с первой школою? Я всего этого не знаю. Когда Вы у меня были, то о школе мы говорили довольно много, но сих глубокомыслий как-то не коснулись, а Ленина, помнится, Вы мне очень хвалили»¹⁹.

Повторную просьбу Богданова Амфитеатров прямо переслал Горькому, на

¹⁴ Цит. по: Стенограмма конференции... С. 47.

¹⁵ Там же. С. 47–48.

¹⁶ Горький М. Т. 29. С. 97.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Лившиц С. Каприйская партийная школа (1909) // ПР. 1924. № 6 (29). С. 41.

¹⁹ Цит. по: Горький М. Т. 29. С. 538.

что последний 15 декабря 1910 г. писал: "Дорогой мой А[лександр] В[алентинович] – что скажешь Вам по поводу писем строгого человека Богданова? Формальная точка зрения: обещал? Подай! Мне было стыдно читать его письмо к Вам. Может быть, Вы позволите мне расплатиться за Вас, – да не обидит Вас это предложение! Я просто не знаю, что мне делать: писать ему – я не могу, ибо давно уже отказался от всяких сношений и отношений с ним. И вообще с ними, но – с рабочими у меня есть отношения, хотя в школу я не поеду, о чем и заявил рабочим, указав причину: не хочу встречаться с людьми, неприятными мне"²⁰.

Горький действительно отказался читать лекции в Болонской школе, однако мы видим опять подлинного и внешнего Горького: если принять за искренность то, что он писал Амфитеатрову, то причина официального отказа, которую он действительно "заявил рабочим", совсем иная: "Поверьте, – пишет он слушателям школы в Болонье в ответ на их приглашение читать лекции, – мне очень хочется быть с Вами, но если бы я приехал – мне пришлось бы молчать, ибо сильный кашель почти не позволяет мне говорить и все время мучают головные боли. Вместе с нездоровьем мне мешает приехать и обилие работы"²¹. Здесь мы снова сталкиваемся с алогичным – подлинным Горьким, его "удовольствием быть еретиком".

В 1912 г. Горький просил Г.А. Алексинского об адресе Богданова – он хотел послать ему свою книгу. Это последняя известная информация об отношениях Горького и Богданова²². Почти ничего не известно по поводу их отношений после 1917 г. В 1917–1918 гг. А.А. Богданов писал свои статьи для горьковской "Новой жизни", но он так никогда и не возобновил своей переписки с А.М. Горьким.

Приложение

Письма А.В. Амфитеатрова¹ А.А. Богданову

1

3 декабря 1910 г.
Fezzano

Многоуважаемый Александр Александрович [!]

К сожалению, не могу исполнить Вашего желания.

Причины:

1. Нет денег.

2. О предприятии школы в Болонье узнаю впервые из Вашего письма и, конечно, никак не могу признать в ней то же самое учреждение, которому я сочувствовал, когда оно возникало на Капри под авторитетом А.М. Пешкова.

3. К новым начинаниям такого сорта примыкать не могу, ибо совершенно в них разочарован. Сверх того, имею на руках самостоятельное предприятие, которое, для революционных целей, считано более полезным.

Поздравляю Вас с легализацией Вашего учреждения, равно как и с тем, что занятия в нем ведут впередовцы, хотя должен сознаться: что есть впередовцы, я не очень смыслю.

Очень печален провал такого огромного % слушателей первой школы.

Опасаясь, что слушателей, отмеченных арестами уже в Австрии, а в Италии легализацией, трудно будет Вам вернуть на работу в Россию. Населять же слушателями русские остроги вряд ли значит содействовать сдвигению России с мертвой точки.

Желаю Вам всего хорошего.

Ваш Ал. Амфитеатров

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 55. Л. 2. Автограф. Подлинник².

²⁰ Там же. С. 145.

²¹ Там же. С. 142.

²² Стенограмма конференции... С. 48–49.

Примечания

¹ Писатель А.В. Амфитеатров (1862–1938) по своим политическим взглядам был противником монархии, стоял на демократических позициях, поддерживал дружеские отношения с А.М. Горьким, Г.А. Лопатиным, А.В. Луначарским. В августе 1921 г. Амфитеатров эмигрировал в Италию, где и умер.

² На письме имеется штамп Русского заграничного исторического архива в Праге (№ 3727). После второй мировой войны правительство Чехословакии передало документы упомянутого архива в Москву, в ЦГАОР СССР, который в 1958 г. передал материалы Амфитеатрова в ЦГАЛИ СССР (ныне РГАЛИ).

2

11 декабря 1910 г.
Fezzano

Нет, Александр Александрович, отношение Горького к вопросу имеет очень большое значение. Настолько, что, если бы Вы в первом письме сообщили мне то, что сообщаете во втором от 9/ХІІ, то не получили бы от меня^{1*} моего^{2*} письма, по крайней мере, прежде чем не списался бы я о Вашей просьбе с Алексеем Максимовичем. Я считал дело первой школы ликвидированным, на что имел право, во-первых, по многим печальным сведениям о нем^{3*}, во-вторых, потому, что Вы оставляли меня без всяких известий о школе в течение добрых девяти месяцев и вспомнили о моем адресе лишь теперь, когда Вашему делу понадобились деньги. Из грустного рассказа Алексея Максимовича я получил такое же впечатление развала и ликвидации. Что последняя у Вас денежно устроилась, Вы мне писали раньше из Женева, да и теперь вот пишете, что кто-то из кредиторов Ваших даже отказался от получения своего долга. В сих условиях, для чего же я послал бы Вам 750 fr.^{4*}? Старое дело устроилось и без меня, а переносить свое пожертвование в новое дело я не согласен, так как школа не оправдала себя и заставила меня потерять веру в ее пользу и надобность, тем более, что единственный человек, для меня в этом случае авторитетный, казалось, от нее отошел? Пятьсот дал – потерял на удачу и не плачу, но давать еще триста на ветер – я не рантье, мне их^{5*} выработать надо. Затем нельзя иметь сношения^{6*} по законам внезапностей. Когда школу переместили с Капри в Париж, меня даже не потрудились известить об этом проекте, против которого я протестовал бы всеми силами, а прямо прислали мне из Парижа предписание^{7*} выслать деньги при генеральском письме от Алексинского. Когда я выразил по сему поводу изумление, Вы прислали мне письмо, в котором признавали поведение школы в отношении меня неловким, а я ответил Вам посылком денег, прибавляя, что делаю это лишь в личное уважение к Вам и что иначе на парижскую авантюру ни гроша не дал бы. Затем Вы, школа и все, что с нею связано, исчезает из кругозора моего на девять месяцев, унесших много воды вообще, а у меня, в частности, и много материальных средств. В это время ходят о школе и печатаются самые^{8*} зловещие слухи – Горький и писал, и говорил при свидании слова, полные печали^{9*}, – о болонских проектах ни слова – учеников школы, сами же Вы пишете, арестуют уже, когда они поедут отсюда и едва они в России нос покажут. И вдруг, Вы присылаете мне письмо, подписывающее прислать Вам в Болонью 750 fr., которые я "должен" первой школе. Почему же в Болонью? Почему не в Копенгаген? в г. Дебречино? на Северный полюс? Кто решил? Когда? С кем Вы там сейчас? Темна вода в облацах небесных. Единственный ответ, который Вы могли от меня получить *в этих условиях* – тот, который Вы получили:^{10*} считаю бесполезным давать деньги на предприятие, идущее где-то, путями мне неизвестными, практическим результатом которого являются^{11*} бесполезные тюрьма и ссылка. То, что Вы писали мне о каких-то "впередовцах"¹ и Ленине – для меня мертвые слова. По-моему, после провокации, фракционерство – самое противное зло русской эмиграции. Словом: если бы Вы

^{1*} Над строкой зачеркнуто: наотрез отказного.

^{2*} Над строкой зачеркнуто: моего категорического отказа.

^{3*} Далее зачеркнуто: с Капри.

^{4*} франков.

^{5*} Далее зачеркнуто: три недели.

^{6*} Далее зачеркнуто: с взрослыми людьми.

^{7*} Далее зачеркнуто: дать денег.

^{8*} В тексте: сами.

^{9*} Далее зачеркнуто: и недовольства.

^{10*} Далее зачеркнуто: что школы Вашей знать не знаю.

^{11*} Далее зачеркнуто: фракционерство (после провокации, самое противное для меня зло эмигрантского мира).

ограничились во втором Вашем письме "деловой частью" без упоминания о М. Горьком, я ответил бы Вам точно так же и сегодня, потому что эта деловая часть, извините, никакого делового значения не имеет. Пожертвование есть результат сочувствия и дается по доброй воле. Если дело потеряло сочувствие жертвователя, то обязательство его падает само собою, а то, что дается не по доброй воле, согласитесь, носит уже название не пожертвования, но иное.

Но – коль скоро, по Вашим словам, Горький продолжает участвовать в Вашей школе, это морально продолжает и мое обещание, данное *ему*, и я исполню обещанное. Как я уже писал Вам, свободных денег у меня сейчас нету^{12*}, как и у каждого русского литератора в ноябре и начале декабря. Жду из России. Как получу, перешлю Алексею Максимовичу на К[апри] перед русским Рождеством.

РГАЛИ. Ф. 34. Оп. 2. Д. 55. Л. 3. Автограф, черновик.

Примечание

¹ Группа "Вперед" состояла из Г.А. Алексинского, А.А. Богданова, В.Л. Шанцера, А.В. Луначарского, М.Н. Лядова, М.Н. Покровского, П.И. Лебедева-Полянского, Д.З. Мануильского, В.Р. Менжинского, А.В. Соколова, Ф.И. Калинина и др: Некоторое время к ней примыкали А.М. Горький и М.Г. Цхакая. Участники группы приняли платформу "Современное положение и задачи партии", написанную А.А. Богдановым, которая 28 декабря 1909 г. была направлена в ЦК РСДРП вместе с извещением об образовании группы и просьбой утвердить ее как "литературную организацию". Весной 1911 г. Богданов вышел из группы "Вперед" из-за внутренних разногласий и, в частности, из-за протеста Г.А. Алексинского, М.Н. Покровского и некоторых других членов группы против пропаганды А.А. Богдановым и А.В. Луначарским идеи "пролетарской культуры", как необходимого – наряду с "войной против капитализма" – элемента борьбы за социализм.

^{12*} *Далее все зачеркнуто.*

А.Б. Закс

ФАКУЛЬТЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК МГУ (1921–1924)

Из воспоминаний историка

Элементарные знания по русской и всемирной истории я получила в Двинской* казенной женской гимназии, которую закончила в 1915 г. Историю в старших классах преподавала Евгения Владимировна Цыпкина. Дочь почтового служащего, она по окончании Бестужевских курсов, известных своей демократичностью и прогрессивностью, была направлена в эту гимназию и всю свою жизнь посвятила преподаванию истории, считая, что эта наука способна не только поднять общий культурный уровень, но и заложить нравственную основу для будущей жизни учащихся. Именно так она определила задачу своей работы много лет спустя в Москве на встрече, которую организовали ее ученицы.

Она дифференцированно подходила к своей аудитории. Выделяла наиболее интересующихся, приучала не ограничиваться учебником, читать историческую литературу – С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, литературу по истории Запада. Большое внимание уделяла истории культуры. Именно под ее влиянием в старших классах гимназии я твердо решила стать преподавательницей истории, подобно любимой учительнице. Сложные годы революции и гражданской войны отодвинули осуществление этой мечты. Лишь в 1921 г. я смогла продолжить образование.

"Путевку" в МГУ можно было получить в Наркомпросе. Ведал этим делом известный деятель в области народного образования Н.В. Чехов.

Помню, несмело вошла к нему в кабинет (никакой очереди не было). В глубине его полусидел, полулежал пожилой человек. Его очень длинная, желтоватая борода, несколько выпуклые зеленые глаза и какое-то колыхающееся полное тело почему-то напомнили мне Нептуна, так и хотелось дать ему в руки трезубец. Говорил он со мной ласково и внимательно. Узнав о моем образовании (золотая медаль, аттестат зрелости), он, не требуя никаких подтверждающих документов, предложил поступить на общественно-педагогическое отделение ФОН. Поставив соответствующую резолюцию на моем заявлении, он сказал: "Вот и все. Вы приняты на первый курс. Получите входной билет в канцелярии. Предъявите аттестат и фотографию". Так я стала студенткой.

Университет находился в "старом" и "новом" зданиях на Моховой. Надпись на фронтоне "Свет Христов просвещает всех" была заменена лозунгом "Наука трудящимся", написанным громадными синими буквами.

Состав студентов по возрасту и по положению был пестрый. Вместе учились и умудренные опытом участники революции и гражданской войны, и только что окончившие уже достаточно реорганизованную среднюю школу. Преобладали,

© А.Б. Закс

* Двинск – ныне Даугавпилс.

как мне вспоминается, разночинцы. Пролетарии еще только заканчивали рабфаки, а для потомков "эксплуататорских классов" существовали определенные "фильтры". Подавляющему большинству жилось трудно, голодно. Приходилось учебу постоянно совмещать с какой-либо работой. Неработающим полагалась стипендия 9 р. 90 коп., на которую прожить было невозможно. Подрабатывали физическим трудом – разгрузкой вагонов, подметанием улиц и т.п. Помню пользовавшуюся успехом частушку, посвященную ректору МГУ В.П. Волгину: "Сидит Волгин на заборе, держит серп и молоток, а студенты кругом бродят без сапог и без порток".

Для меня условия обучения также были трудными. Работала в детском доме, созданном в помощь голодающему Поволжью. Выбираться в университет удавалось не часто. Лишь изредка посещала Румянцевскую библиотеку (ныне РГБ) и тогда, сидя за стопкой книг, испытывала полное счастье. Имевшиеся на руках книги читала обычно в трамвае на пути в университет или направляясь куда-либо по делам детского дома, а чаще всего ночью, когда дети уже спали. Лишь на последнем, третьем курсе я ушла с работы и жила на стипендию. Зато получила возможность активно участвовать в семинарах, постоянно посещать библиотеку, разыскивать дефицитную литературу и, преодолевая характерную для тех лет организационную неразбериху, записываться в очередь на сдачу экзаменов и зачетов, разыскивать самих экзаменаторов.

Лекции посещала редко. Помню блестящее изложение истории Рима проф. В.С. Сергеевым; несколько суховатые, но богатые по содержанию лекции Н.М. Лукина, посвященные французской революции. Однажды пронесся слух – приедет Н.И. Бухарин. Сбежались студенты всех факультетов. Университетский двор был заполнен настолько, что лектор не смог пробиться через толпу и уехал. В следующий раз вход в аудиторию был ограничен студентами ФОН. Бухарин, рыжеватый, остроносый, излагал нам основное содержание своей "Азбуки коммунизма" очень живо, интересно и заслужил бурные аплодисменты.

Экзамены приходилось сдавать обычно без прослушивания лекций, по учебникам и другой литературе. Помню экзамен у проф. Д.М. Петрушевского (средневековье), которого все боялись, как огня. Он требовал знаний, без скидок на "социальное происхождение" и участие в гражданской войне. Почти никто не сдавал ему экзамен с первого раза.

Когда я зашла к нему в аудиторию, меня обуял такой страх, что, еще не получив "билет", к его удивлению, сказала, что приду в другой раз. В другой раз я осмелела и отвечала на все вопросы. Когда профессор узнал, что я знаю латынь и читала его большой труд по средневековью, он совсем подобрел и, улыбаясь, поставил пятерку.

Следующий экзамен я сдавала у профессора В.Н. Сторожева, который вел спецкурс по истории революции 1905 г. Он был стар и болен, принимал экзамены у себя дома в единственной теплой комнате – ванной. Услышав мою фамилию, он взбодрился и спросил: "Это не ваш родственник был со мною на баррикадах в 1905 г.?" Увы, этот Закс ко мне отношения не имел. Но профессор сразу же поставил зачет. Сторожев, как и некоторые другие, не верил в серьезность "советского" обучения.

Затем предстояла встреча с профессором А.И. Яковлевым, лекции которого по истории России XIX в. я ни разу не посетила. Узнала не очень точный адрес и пошла его разыскивать в каком-то большом, типично московском дворе на Волхонке. Посреди двора между снежными сугробами стоял человек в ватнике и ловко колот дрова. Спросила у него, как найти проф. Яковлева. Он выпрямился и довольно сердито ответил: "Это я". Увидя мое перепуганное лицо, он смягчился и сказал: "Понимаю, вам нужен зачет. Скажите прямо – вы хоть что-нибудь знаете?" Я даже обиделась, перечислила всю знакомую мне литературу.

Тогда он поставил зачет и пригласил меня на свой семинар. Без особого напряжения сдавала другие экзамены. Семинары старалась посещать аккуратно. Расскажу о некоторых.

Семинар проф. С.А. Пионтковского меня привлек названием "Октябрьская революция". Сам молодой ученый не вызывал у меня симпатии. Во-первых, не могла простить ему утверждение, что поражение наполеоновской армии было в значительной мере обусловлено русскими морозами. В гимназии учили нас по-другому. Мне было неприятно его насмешливое и даже презрительное отношение к аудитории. Над своей темой "Февральская революция 1917 г." я работала с интересом. Хотелось не только рассказать о ранее не известном мне ходе событий, но и выявить неотвратимость, обусловленность революционного процесса. Несмотря на остроту тематики – в кулуарах шли постоянные споры о характере революций 1917 г., о причинах гражданской войны, о том, кто прав, кто виноват, – на семинаре освещалась единая, официальная точка зрения, и в целом он был скучноватым.

Иное дело – семинар А.И. Яковлева (на который он меня пригласил). Хотя тема звучала довольно сухо и академично – "Юридические проекты эпохи Александра I", в аудитории горели страсти. Одна группа участников, считая себя марксистами и увлеченная трудами М.Н. Покровского, критиковала "старых" историков, провозглашала прямую зависимость "надстройки" от "базиса" и классовую борьбу единственным двигателем прогресса. Их лидером был студент Я., державшийся довольно нахально: ругал "фактологию" и сыпал цитатами из Маркса–Ленина–Покровского. Его ярким оппонентом был будущий известный историк Н.В. Устюгов. Внешне он проигрывал в сравнении с высоким, громко-голосым Я. Худенький, с острой бородкой и небольшими умными глазами он поражал не только знанием фактического материала, но и умением создать образ "действующих лиц". Возникло впечатление, что он лично знаком со всеми – от царя до крестьянина. Он единственный из всех нас использовал для своего доклада архивные материалы. Семинар нередко посещали студенты других отделений, желающие "послушать классовую борьбу" на яковлевском семинаре. Мною овладевали сомнения. С одной стороны, привлекали социологические концепции. Я с интересом читала книги М.Н. Покровского, которые по-своему освещали знаковый фактический материал. С другой стороны, привлекал устюговский историзм.

Мне была поручена тема "Военные поселения". Официальные материалы и многочисленные воспоминания современников давали возможность уяснить задачи и фактическую историю этого жестокого эксперимента. В конце доклада я позволила себе "вольность" – сравнила организацию военных поселений с некоторыми чертами только что ушедшего "военного коммунизма". Проф. Яковлев, внимательно и одобрительно слушавший доклад, прервал меня, поднял палец и, словно погрозив им, сказал: "Но-но-но, без исторических аналогий. Они антинаучны и опасны!" (Впрочем, в его глазах светились искорки смеха.) Зачет я получила даже без обычного дополнительного собеседования.

Талантливо – иначе не скажешь – вел семинары проф. Циреса по психолого-педагогическим проблемам. Он сопровождал их опытами, тут же в аудитории давал "блицзадания" (например, дать письменное определение такому всем известному термину, как "праздник", что оказалось сложным и многовариантным), доказывал необходимость индивидуализированного подхода к любой аудитории. Полезны были занятия с проф. Н.Г. Тарасовым, вооружившим нас методикой преподавания "обществоведения" (суррогата истории, которая в те годы начала изгоняться из школ).

Особо остановлюсь на семинаре "Экскурсионное дело и краеведение", который вел известный историк Москвы, педагог, один из основателей российского

экскурсионного дела Н.А. Гейнике¹. Задача семинара – научить понимать, изучать и пропагандировать историю города по его "каменной летописи" – памятникам зодчества. Объектом изучения была Москва. Основной методический прием – зрительный анализ (научить "видеть") в сочетании с моторным восприятием, что, по мнению Н.А. Гейнике, составляло сущность экскурсионного метода. В 20-х годах этот метод получил в России широкое распространение, поскольку способствовал, как тогда говорили, преодолению отрыва обучения от реальной жизни, активизации учащихся.

Теоретические занятия сочетались с циклом экскурсий, которые вел сам руководитель семинара. Для дипломной работы его участникам предлагалось составить историю какой-либо части Москвы – архитектурного ансамбля, улицы, дома. Зрительный анализ (архитектура, топография, даже демографические наблюдения) проверялся и дополнялся материалом из литературы, разнообразных справочников ("Вся Москва", путеводители), мемуаров и даже художественных произведений. Организовывался и опрос местных жителей. В итоге студент составлял письменный доклад и проводил с участниками семинара экскурсию по изученному объекту. Отмечу, что Н.А. Гейнике заботился об устройстве своих учеников на работу в различные экскурсионные учреждения, подключал их к составлению топографического справочника "По революционной Москве"². Дружеские и творческие связи членов семинара сохранились на долгие годы. Данный семинар может служить примером сочетания науки и практики, которого до сих пор не хватает во многих вузовских начинаниях.

Семинар по политэкономии почти не остался в памяти, хотя его вели достаточно известные ученые: начал его Н.Н. Суханов, видный меньшевик, надменный и суховатый, а после его непонятого для нас исчезновения – милейший и доброжелательный И.И. Рубин, безвременно пропавший тогда в каком-то так и неустановленном ГУЛАГе.

Для более полной характеристики содержания университетского обучения приведу список лекционных курсов и семинаров, помещенный в хранящемся у меня дипломе – удостоверении об окончании Общественно-педагогического отделения Факультета общественных наук.

"Выдержала испытания по следующим предметам: логика, психология, история философии, учение о происхождении и развитии общественных форм, исторический материализм, история социализма, история рабочего класса и рабочего движения, экономическая политика СССР, государственное устройство РСФСР, государственное право, политическая экономия, теория статистики, история первобытной культуры, история Рима, история Греции, история средних веков, история Западной Европы XIX в., политическая история России XIX и XX веков, история хозяйственного развития России, теоретические основы педагогики, история народного образования, немецкий язык.

Получила зачеты семинаров по: политической экономии, историческому материализму, истории Рима, юридическим проектам эпохи Александра I, истории Октябрьской революции, психологии и педагогике мышления, обществоведению в современной школе, педагогической психологии, экскурсионному делу и краеведению".

Приведенные списки говорят о несовершенстве программ. Состав "предметов" (лекций) кажется случайным. В нем нет систематического курса по истории России, политическая история Западной Европы кончается XIX в., а история России начинается с XIX в. Не выделены основные и специальные курсы. Отсутствует столь важный для историка предмет – источниковедение. Критику можно было бы и продолжить. Такая программа не могла дать необходимые фундаментальные знания истории. Я это почувствовала, когда приступила к преподавательской работе на рабфаке и в педвузе. К каждому занятию приходилось готовиться по многу часов, осваивать классическую и новую историческую литера-

¹ Зака А.Б. Три портрета Н.А. Гейнике // Краеведы Москвы. М., 1991.

² По революционной Москве: Ист.-топогр. справочник-путеводитель. М., 1926.

туру. Словом, все было так, как писал А.Д. Сахаров (конечно, в совершенно ином масштабе): «Лишь читая лекции, я "выучил" для себя ядерную физику на том уровне, который был достигнут тогда»³.

И все же Университет дал мне основу для дальнейшей специализации, интерес и некоторые навыки к исследовательской работе, методические основания для педагогической, преподавательской деятельности, ознакомил с теорией, методикой экскурсионного дела и дал практический опыт проведения экскурсий. Нам было ясно, чего мы хотим, что можем, как совершенствовать наши знания и умение. Поэтому, несмотря на все недостатки в программах и в организации учебного процесса, я с благодарностью вспоминаю ФОН МГУ.

³ Андрей Сахаров. Горький–Москва, далее везде // Знамя, 1991. № 2. С. 52.

Г.В. Михеева

К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Х.М. ЛОПАРЕВА

Одно из характерных направлений деятельности историков сегодня – попытка "очеловечить" нашу историю. Касается ли это всей страны или одного учреждения, период безликости, к счастью, отошел в прошлое. Немало знаменитых, непревзойденных в свое время ученых прошли определенный путь становления в стенах Публичной (ныне Российской национальной) библиотеки, а иные связали с ней всю свою жизнь. Феномен "Публичная библиотека", ее роль и место в жизни общества, науки и культуры – это люди, работавшие в ней, от канцелярского чиновника и швейцара до директора. Именно все, вместе взятое, с их достоинствами и недостатками, с их научными достижениями и скромными библиотечными трудами, во всей сложности их взаимоотношений друг с другом, они и являли собой нечто целое, именуемое "Публичной библиотекой". Так было всегда, так есть и сегодня. И мы отчетливо должны себе представить, что не было и нет незаметных сотрудников. Есть просто неизученные, порой незаслуженно забытые имена. Кажется мы начинаем это осознавать. Свидетельство тому – вся сложная и трудоемкая работа по созданию словаря сотрудников, в котором будет "очеловечена" история Публичной библиотеки¹.

Разные люди по социальному происхождению, по уровню материального состояния, по возрасту и по кругу научных интересов приходили в библиотеку. Всех их объединяла любовь к книге. Я познакомлю вас с одним из них – Х.М. Лопаревым. Отчасти потому, что жизнь его была в чем-то типична для круга его сослуживцев, отчасти потому, что, как каждый человек, он был по-своему уникален, и наконец, потому, что к концу жизни он был незаслуженно забыт, не говоря о днях сегодняшних, хотя вклад его в науку был весом, и в свое время он был одним из известнейших ученых в области византиноведения.

Хрисанф Мефодьевич Лопарев родился 19 марта 1862 г. в с. Самарове Тобольской губ. (сегодня это в черте г. Ханты-Мансийска). Фамилия "Лопаревы", как и все население Самарова, восходит к XVII в., когда край заселялся ямщиками, преимущественно из Пермской и Вятской губерний, державшими ямскую гоньбу и, как писал впоследствии в автобиографии Х.М. Лопарев,

© Г.В. Михеева.

¹ В настоящее время в РНБ завершается работа над первым томом биобиблиографического словаря "Сотрудники Публичной библиотеки". Он будет включать имена сотрудников, поступивших на работу до конца 1917 г. Кроме плеяды широко известных деятелей, таких как А.Н. Оленин, А.Ф. Бычков, В.Ф. Одоевский, Н.И. Гнедич, А.Х. Востоков, А.И. Ермолаев и другие, есть немало имен, недостаточно известных широкому кругу научной общественности. Многие видные деятели отечественной культуры были не только ее читателями, но и сотрудниками. Эти факты их жизни не всегда широко известны. Например, в разные годы в Публичной библиотеке работали Г.П. Федотов, Л.А. Зандер, С.С. Безобразов (епископ Кассиан), А.В. Карташев, А.А. Мейер, Г.П. Дюперрон, В. Чудовский, М.Л. Лозинский и др. Цель создания упомянутого словаря, с одной стороны, показать органическое влечение феномена "Публичная библиотека" в канву культурной и политической жизни России, с другой – осветить влияние общественных изменений на судьбы ее сотрудников.

"сохранявшими все черты лапландского племени: небольшие глаза, приплюснутый нос, выдающиеся скулы"². Хрисанф Мефодьевич родился в семье неграмотного крестьянина, опытного рыбака и охотника, и с детства разделил участь ребят бедных крестьянских семей. Первое обучение мальчик получил в местном училище от слепого солдата, который учил детей азбуке с поздней осени до ранней весны, а потом их распускали, и за лето забывалось все. Если осенью родители отпускали в училище – начинать надо было сначала. Вот как вспоминал Лопарев: "Каждый из нас учился до тех пор, пока мог. Нас драли за все, за всякую мелочь: сломаешь ли грифель – пороть... разобьешь ли стекло – драть, не приготовишь урока – порка, опоздал – заушение, неправильно сложил писчую бумагу... – на колени" (Л. 6–7). Так и тянулись бы детские годы. Но цепь событий изменила судьбу мальчика.

В 1870 г. местный купец отvez своего сына в Тобольскую гимназию. На лето тот возвращался в с. Самарово в гимназической форме и фуражке на зависть местных мальчишек. Впоследствии Лопарев напишет в своей книге: «Снимая с гряд картофель или копая землю, я видел, как уезжал сын купеческий на пароходную пристань. "А он туда учиться... в Тобольск ... эх!", – думал я, но что мог сделать отец-купец, о том не мог и подумать тятенька»³. В 1873 г. благодаря счастливой случайности жизнь его резко изменилась. Проезжавший через Тобольск вел. кн. Алексей Александрович заехал на день в с. Самарово, и в память этого события самаровские и окрестные крестьяне "собрали 3 тыс. руб. с тем, чтобы на проценты с этого капитала воспитывался в Тобольской гимназии один из крестьянских мальчиков Самаровской волости"⁴. Выбор пал на Хрисанфа Лопарева, как на одного из самых способных учеников, который и стал первым стипендиатом и не подвел своих односельчан.

Окончив Тобольскую гимназию в 1882 г. с серебряной медалью, он мечтал уже о большем – учиться на историко-филологическом факультете Петербургского университета. Лопарев с трудом добивается увольнительного свидетельства от Самаровского сельского общества и, получив 20-рублевую стипендию от Тобольского общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губ., уезжает учиться в Петербург. Надо сказать, что бывший питомец Тобольской гимназии не забыл об этой помощи и отблагодарил родной город за поддержку. В последние годы жизни он на заработанные научным трудом и скопленные в течение ряда лет 7 тыс. руб. учредил в местной гимназии стипендию им. Хрисанфа Лопарева⁵.

Студенческие годы Лопарева протекали в жесточайшей бедности. В его архиве хранятся прошения на имя ректора Петербургского университета, в которых студент Лопарев просил освободить его от платы за обучение, ссылаясь на бедственное положение семьи, прикладывая документы, которые называются "свидетельство о моей бедности" или "документ о бедности моих родителей" (Ед.хр. 80, 81)⁶. Преподаватели университета довольно быстро отметили способного юношу и, зная о его крайней нужде, так или иначе старались помочь ему. Крупнейший византиновед академик В.Г. Васильевский нашел ему небольшой заработок – переписка ученых трудов (Ед.хр. 80. Л. 14–14 об.).

² СПб. ФА РАН. Ф. 107 (Х.Ф. Лопарев). Оп. 1. Ед.хр. 80. Л. 4. Далее ссылки на дела фонда даны в тексте.

³ Лопарев Х.М. Самарово – село Тобольской губернии и округа: Материалы и воспоминания о его прошлом. СПб., 1892; 2-е изд., 1896. С. 146.

⁴ Замахаев С.Н., Цветаев Г.А. Историческая записка о Тобольской гимназии, 1789–1889. Тобольск, 1899. С. 319–320.

⁵ Срезневский В.И. Хрисанф Мефодьевич Лопарев: Припоминания о его жизни и трудах // РИЖ. 1918. Кн. 5. С. 328.

⁶ См. также: Азадская Л.В. Крестьянин села Самарово // Сиб.огни. 1964. № 8. С. 178–179.

Уже в первый год учебы в университете формируются интересы молодого студента, впоследствии определившие основные направления его научных исследований. Более всего его заинтересовала Византия. На втором курсе он пишет конкурсную работу на тему, с которой студенты знакомятся обычно на более поздних курсах. К великому удивлению автора, его работа "Хронографическое обозрение царствования Василия I Македонянина" получила серебряную медаль. Причем главная заслуга конкурсанта, что было отмечено самим В.Г. Васильевским, "сочинение обнаружило готовность автора к серьезным и самостоятельным занятиям и хорошее ознакомление с источниками"⁷. Само собой разумеется, что с этого времени Лопарев становится учеником Васильевского, под его влиянием усердно изучает источники Византийской истории, увлекаясь, главным образом, теми, которые характеризуют отношение Византии к России. Однако научная сторона его работ, благодаря привходящим обстоятельствам, получает особый характер. Лопарев впитал убежденность православия с детства, привык строго исполнять церковные обряды и досконально знал церковные правила. Отсюда и взгляд ученого на Византию по отношению к России как на вскормившую ее в младенческие годы "кормилицу", благодетельницу, наделившую Россию массой добра. В одной из своих работ он перечисляет эти благодеяния: азбука, крещение, православие, богослужебные святыни, святоотеческая и каноническая литература, воспитание дикого народа в духе веры и княжеской власти, поощрение к развитию торговли и коммерческих связей. Как писал Лопарев: "Византия взяла на руки варвара и воспитала его в своих понятиях в набожного христианина"⁸.

Еще на студенческой скамье он задумал грандиозный труд "Греки и Русь", предполагая создать полное собрание историко-литературных и археологических данных для суждения о русско-византийских связях в хронологическом порядке с древних времен до середины XV в. Он собирался привлечь и западные (скандинавские) памятники, и восточные – из Сирии, а также из Армении, Грузии. Конечно, этот обширный замысел с течением времени при более близком знакомстве с предметом оказался утопией. Он был не по силам даже огромному коллективу. Однако сам замысел говорит о масштабах личности ученого. Лопарев "примирился с мыслью об издании лишь подлинников с русским переводом". Это составило одно из важных направлений деятельности ученого на многие годы.

В 1886 г. он окончил университет. К этому времени определяются как бы три ветви его научных интересов, которые в общем не менялись в течение всей жизни. Как уже отмечалось, – византийско-русские отношения (впоследствии, более углубленно – византийская история и агиография), древнерусская литература и изучение рукописей и краеведческие, "сибирские" изыскания.

Еще в университете по рекомендации В.Г. Васильевского Православное палестинское общество поручает Х.М. Лопареву подготовить к изданию "Хождение купца Василия Позднякова по святым местам Востока"⁹. Удачный опыт – и снова поручение Палестинского общества – подготовить издание сочинений Трифона Коробейникова, что привело к большой исследовательской работе по выяснению авторства, подлинных текстов "Хождений". Так началась деятельность Лопарева в Палестинском обществе, поручавшем ему и впоследствии ведение многих своих изданий. На средства общества Лопарев в течение полугода изучал паломническую литературу в Москве, Казани, Ярославле.

⁷ Цит. по: *Срезневский В.И.* Указ. соч. С. 329.

⁸ *Лопарев Х.М.* *Summa rerum Romaeorholicarum.* СПб., 1898. С. 5.

⁹ Православный палестинский сборник. СПб., 1887. Вып. 18.

По возвращении в Петербург он был привлечен к работе в Обществе любителей древней письменности, а именно к описанию рукописей из собрания его музея. Привлек его не кто-нибудь, а временно исполнявший должность председателя общества, впоследствии директор Публичной библиотеки Д.Ф. Кобеко. Вот как писал в автобиографических заметках Лопарев: "Дело это было точно для меня предназначено, в нем я нашел полное удовлетворение своим желаниям и энергично взялся за его исполнение" (Ед. хр. 81. Л. 1). В 1887–1889 гг. Лопарев описал 624 рукописи¹⁰. Благодаря этой работе он вошел в старую и древнюю русскую книжность, изучил опытным путем русскую палеографию, стал знатоком источников и библиографии, собрал много материалов по интересующим его русско-византийским связям. Уже в 1888 г. он становится сначала помощником секретаря и библиотекарем общества, а затем по предложению сложившего с себя полномочия И.В. Помяловского занимает должность секретаря общества¹¹ (Ед. хр. 88).

Председатель общества граф С.Д. Шереметев уже по первым опытам молодого ученого убедился в его способностях и трудолюбии и, чтобы облегчить труд и обеспечить жизнь, дал ему побочную, скорее номинальную, чем действительную службу, назначив секретарем Странноприимного дома своего имени, что давало право на небольшую квартиру в доме графа и устраняло всякие заботы о пропитании. Покровительство в отношении Лопарева граф Шереметев и его семья сохранили до конца жизни ученого (Ед. хр. 121). Итак, Лопарев мог спокойно заниматься любимым научным трудом: зимой – в обществе, а летом путешествовал вместе с Шереметевым по русским святым местам, изучал памятники.

Описание рукописей интересовало Лопарева и само по себе, потому что позволяло открывать не только новые списки знаменитых рукописей, но и неизвестные рукописи. Имя его в ученой среде становилось все более известным, он стал душой ОЛДП.

Европейскую известность принесло Х.М. Лопареву сенсационное открытие. В 1892 г. он обнаружил в одной Псковской рукописи XV в. поэтическое "Слово о гибели Русской Земли", произведение, судя по описываемым в нем фактам, первой трети XIII в. Правда, это был лишь отрывок. Но он заключает в себе такие яркие описания и столь замечателен по своему языку, что ученые с полным правом ставили его в один ряд со "Словом о полку Игореве". Лопареву-открывателю принадлежала и находка неизвестного произведения русской паломнической литературы "Слово о некоем старце". Ряд открытий можно было бы продолжить. Назовем только одно – особое. Это найденный им текст рукописи "Отразительноеписание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей" – обширный старообрядческий трактат против самосжигателей, написанный в 1691 г. По словам В.О. Ключевского, этот трактат – "один из лучших материалов для изучения патологии старообрядчества"¹². А.Н. Пыпин оценил это сочинение как "одну из самых страшных книг в русской литературе"¹³.

К 1894 г. Х.М. Лопарев – известнейший ученый, автор и публикатор более 100 капитальных научных трудов, двухтомного Каталога библиотеки графа С.Д. Шереметева (СПб., 1890–1892), "Описания рукописей князя П.П. Вязем-

¹⁰ Описание рукописей Имп. Общества любителей древней письменности. СПб., 1892–1899. Ч. 1–3.

¹¹ См. также: Ист. вестн. 1910. Дек. С. 1209–1210; Имп. Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие своего существования (1864–1914). М., 1915. Т. 2. С. 208.

¹² Ключевский В.О. Новооткрытый памятник по истории раскола // Богослов. вестн. 1896. Т. 1. № 3. С. 490.

¹³ Вестн. Европы. 1895. № 11. С. 429.

ского" (1902). Многочисленные его исследования, статьи, заметки публиковались в серии "Памятники древней письменности", в "Православном Палестинском сборнике", "Записках имп. Русского Археологического общества", "Сообщениях имп. Православного Палестинского общества", "Византийском Временнике", "Чтениях ОИДР", "Известиях ОРЯС", ЖМНП и других изданиях. Но столь упорные труды не могли не сказаться на здоровье Лопарева, которое и без того было подорвано, обострилась тяжелая хроническая болезнь, это заставило его оставить службу в ОЛДП и искать "тихой гавани".

Таковой стала для него Имп. Публичная библиотека, куда он поступил по приглашению хорошо знавшего его Д.Ф. Кобеко с 1 января 1896 г.¹⁴ Лопарев был определен на должность младшего помощника библиотекаря в отделение полиграфии, а затем богословия. К 1901 г. Лопарев привел в порядок и описал в отделении богословия 1216 старых книг. С 1904 г. переведен в отделение рукописей помощником библиотекаря. Понятие "тихой гавани" было относительным. Несмотря на тяжелую болезнь, затрудненное движение, значительную утрату слуха и ослабление зрения, Лопарев продолжает интенсивно трудиться, неоднократно с научной целью посещает Константинополь, Афон, Геную, Флоренцию, Рим, где изучает византийские памятники.

Он состоял членом и принимал активное участие в деятельности многих ученых обществ: кроме ОЛДП, членом которого он был с 1897 г., а в 1902 г. избран членом-корреспондентом, и Православного палестинского общества (с 1886 г.). Х.М. Лопарев являлся членом Общества ревнителей русского исторического просвещения в память имп. Александра III, Общества "Соборная Россия", Общества славянской взаимности, ОИДР, Имп. Археологического общества, Русского библиологического общества (со дня основания до своей кончины), Русского географического общества, Комиссии по научному изданию Славянской библии, Общества изучения Сибири и улучшения ее быта, многих ученых архивных комиссий (Тульской, Псковской и др.). С 1906 г. он вошел в состав Комиссии при Святейшем Синоде по пересмотру и исправлению богослужебных книг, годом позже стал членом Археографической комиссии (Ед.хр. 88, 89, 100).

Не оставлял Лопарев и идеи завершить магистерскую диссертацию. Магистерский экзамен по всеобщей истории он выдержал еще в 1890 г. И все-таки он защитил в Юрьевском университете магистерскую диссертацию на тему "Греческие жития святых VIII–IX вв. как исторический источник" (опубл. СПб., 1914).

Однако болезнь сломала этого неумного человека. Х.М. Лопарев уволился из Публичной библиотеки 29 июля 1916 г., прослужив в ней более 20 лет¹⁵. За время службы он был награжден орденами св. Станислава 3-й и 2-й степеней, св. Анны 3-й и 2-й степеней, св. Владимира 4-й степени. Ушел в отставку в чине статского советника и остался жить там, где прожил все годы работы в Публичной библиотеке – на Садовой, 20. Однако феномен Публичной библиотеки, как многим хорошо известно, обладает определенной, устойчивой и по сию пору сохраняющейся способностью притягивать людей, даже однажды ушедших из нее. История знает много примеров, когда люди, пришедшие случайно или на время, оставались в ней навсегда либо, покинув, стремились вновь туда вернуться.

Так было и с Х.М. Лопаревым. В 1918 г. он пишет заявление с просьбой принять его на службу на 5 лет – с 1918 по 1923 г. (Ед.хр. 86. Л. 2). Но силы были уже не те, не мог ничем помочь и Д.Ф. Кобеко. А 30 сентября 1918 г. Х.М.

¹⁴ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1896. Д. 86 (Дело о службе Х.М. Лопарева). Л. 1.

¹⁵ ОР РНБ. Ф. 4. Ед.хр. 58. Л. 1–1 об.

не стало¹⁶. В появившихся в связи с его смертью в том же году "Припоминаниях" В.И. Срезневского (см. сн. 5) отмечалось, что тогдашнее поколение ученых почти не знает скончавшегося Х.М. Лопарева. Не известна и его могила. Не стали предметом изучения его жизнь и деятельность и в последующие годы, кроме упомянутой заметки Л.В. Азадовской (см. сн. 6), раскрывающей сибирскую краеведческую деятельность ученого. В течение всей жизни он собирал материалы по истории Тобольского края, а своему родному с. Самарову посвятил целое обширное исследование, вышедшее двумя изданиями (сн. 3). По материалам, сохранившимся в его архиве, Лопарев готовил 3-е и 4-е, еще более обширное издание (Ед.хр. 380).

По свидетельству В.И. Срезневского, Лопарев был фигурой оригинальной, яркой, красочной, неповторимой. В молодые годы он кипел энергией, страшно увлекался работой, ради научных интересов забывал обо всем на свете, совершенно не думая о "бытовых мелочах" – жилье, одежде, пище¹⁷. Его не интересовали политика и современная ему жизнь – он их не понимал и не обращал внимания, не заметил он и ни одной из революций и не отреагировал на них. Дневниковые записи этих дней пестрят лишь толкованиями древнегреческих слов и цитатами из научных трудов (Ед.хр. 112). Лопарев увлеченно играл в шахматы и, по-видимому, был неплохим шахматистом, о чем говорит тот факт, что в декабре 1894 г. он играл с М.И. Чигориным, а в апреле–мае 1901 г. состоялся матч Н.Д. Чечулин – Х.М. Лопарев в Петербургском шахматном клубе (Ед.хр. 146).

Не чужд он был и поэзии. В 1912 г. в Петербурге отдельным изданием вышло его стихотворение "Пророк", в котором он попытался дописать то, что, по его мнению, не успели выразить А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов.

О его чудачествах было широко известно. Так, к концу жизни, когда у него были достаток, чины и ордена, высокое служебное положение, Х.М. Лопарев ежегодно летом посещал Самарово. Он являлся важным сановником, "въезжал в село с помпой, шел в церковь и делал визиты местной сельской знати в мундире и треуголке, щеголял своими связями и оказывал покровительство и протекцию, сыпал деньгами; на него, бывшего крестьянского мальчугана, смотрели с подобострастием, как на всесильного человека, и преклонялись перед его могуществом"¹⁸.

Широкою и скандальную известность в свое время имела история, характеризующая Х.М. Лопарева и как чудака, и как блестящего знатока своего предмета. Работая над исследованиями по византийской агиографии, он знакомился с одним из житий в геноузской библиотеке, где был, как он сам отмечал, встречен "с трогательной готовностью и несказанным гостеприимством". Изучив памятник, Лопарев из желания оставить свою отметку в книге, в конце написал по-древнегречески "Хрисанф из Сибири, август 902 г.". В 1904 г. он прочитал в одном известнейшем научном журнале, что знаменитый ученый Анри Грегуар изучал эту же рукопись и обратил внимание на до тех пор не привлекавшую внимания приписку в конце, позволившую определить владельца, происхождение рукописи и изменить ее датировку, так как она в самом конце 9 или начале 10 в. принадлежала некоему Хрисанфу, уроженцу Каппадокийского города древнего Сибериона.

Лопарев был в ужасе, и, несмотря на советы друзей помалкивать, написал покаянное письмо редактору журнала. Разразился невероятный скандал. Следствием его легкомысленного поступка было надолго отлучение Лопарева от

¹⁶ Чуваков В.Н. Русский зарубежный некрополь (1917–1967). М., 1967. С. 663.

¹⁷ Срезневский В.И. Указ. соч. С. 341.

¹⁸ Там же. С. 327.

работы в зарубежных древлехранилищах. Никто, однако, не оценил по достоинству способности ученого, владение им графикой, что ввело в заблуждение даже такого маститого ученого, как А. Грегуар. Сам Лопарев так до конца и не понял, что плохо, а что хорошо, что можно ученому, а что запрещено¹⁹.

Данное сообщение не претендует на сколько-нибудь полное изложение научных взглядов Х.М. Лопарева – оставим это специалистам. До конца не прояснен и ряд биографических фактов: в упоминавшемся справочнике, посвященном 50-летию Московского археологического общества, указано, что он "прямой потомок князей Югорских" (с. 280)²⁰. Известно также, что совершенно больной, замкнутый и чудаковатый Лопарев 23 августа 1917 г. за год до смерти, внезапно женился, посаженным отцом на свадьбе был Д.Ф. Кобеко, а Шереметевы, И.А. Шляпки и сотрудницы Публичной библиотеки М.Я. Майхровская и З.И. Ян тепло поздравили его с бракосочетанием (Ед.хр. 121). Кто была его избранница, почему она решила связать свою судьбу с Х.М. Лопаревым? Неизвестно. Ни подробной биографии, ни полной библиографии его трудов не существует, хотя сохранился богатейший личный архив Х.М. Лопарева. В нем немало автобиографических материалов. Записи мемуарного характера порой неприятно поражают своей натуралистичностью, откровенностью (см., например, ед.хр. 81). Для чего он писал о себе такие нелюбезные подробности? Было ли это стремлением к самоанализу и очищению, своего рода христианской исповедью (кстати, глубокая религиозность ученого привела к тому, что в 1913 г. он был посвящен в стихарь по благословению митрополита Владимира)?²¹ Или это была сверхгордыня, уверенность, что каждый штрих биографии ценен и исключительно важен для будущих биографов? Вот пусть они и решают эти задачи.

¹⁹ Подробнее об этом эпизоде см.: *Срезневский В.И.* Указ. соч. С. 339–341.

²⁰ По-видимому, предки Лопарева происходили из знатного рода одного из финно-угорских племен.

²¹ *Имп. Московское археологическое общество...* Т. 2. С. 209.

Т.А. Бакунина

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А.А. КИЗЕВЕТТЕРЕ

(К 60-летию со дня его кончины)

Имя Александра Александровича Кизеветтера (1866–1933) как историка и политика в последнее время все чаще вспоминается отечественными исследователями. Дочь А.А. Кизеветтера в Россию был передан архив историка (ОР РГБ. Ф. 566), появилась и специальная работа М.Г. Вандалковской¹. Однако научные обсуждения творчества А.А. Кизеветтера не должны заслонять собой живых свидетельств о руководителе Русского заграничного исторического архива.

После кончины Александра Александровича Кизеветтера в Праге был создан комитет по увековечению его памяти, в который вошли Е.Ф. Шмурло, Н.И. Астров, С.В. Завадский, А.В. Флоровский². 15 февраля 1933 г. в аудитории Славянского семинара Русского исторического общества в Праге прошло собрание памяти историка, на котором выступали Б.А. Евреинов, А.Ф. Изюмов, Н.Ф. Новожилов, С.Г. Пушкирев, А.В. Флоровский и Е.Ф. Шмурло. Заседания научной общественности и речи на православных панихидах в Праге в какой-то мере были обобщены А.В. Флоровским³.

В 1933 г. А.А. Кизеветтера вспоминали не только жители Праги, но и Парижа. 1 февраля 1933 г. Русский академический союз провел в Сорбонне заседание памяти двух историков – С.Ф. Платонова и А.А. Кизеветтера. Со вступительным словом выступил Луи Эземанн, затем Д.М. Одинец говорил о С.Ф. Платонове, потом шли три доклада об А.А. Кизеветтере: П.Н. Милюкова о Кизеветтере как историке, Т.А. Бакуниной как об учителе, К.И. Зайцева о научно-просветительской деятельности Кизеветтера за рубежом. Краткое изложение этих докладов было помещено Н.П. Вакаровым в лучшей газете русской эмиграции⁴.

В настоящем сборнике печатаются воспоминания об А.А. Кизеветтере, написанные Татьяной Алексеевной Осоргиной (урожденной Бакуниной). Первый отклик Т.А. Бакуниной на кончину историка под заголовком "Памяти А.А. Кизеветтера" появился в "Последних новостях" 17 января 1933 г.⁵, затем для заседания Русского академического союза эти воспоминания были значительно дополнены⁶. Сходной теме была посвящена и ранее напечатанная статья "Четыре года в Московском университете", в которой Т.А. Осоргина рассказывала о жизни университета в 1920–1924 гг.⁷ Воспоминания об А.А. Кизеветтере печатаются по авторизованной машинописи, хранящейся в архиве М.А. Осоргина, с рядом дополнений, внесенных в них Т.А. Бакуниной специально для "Археографического ежегодника".

А.И. Серков

© А.И. Серков

¹ См.: Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: История и политика. М., 1992.

² Последние новости. Париж, 1933. 7, 15 февр.

³ См.: Записки Русского исторического общества в Праге. Прага Чешская; Нарва, 1937. Кн. 3.

⁴ Последние новости. 1933. 4 февр.

⁵ Там же. 17 янв.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1464 (М.А. Осоргин). Оп. 3. Ед.хр. 97.

⁷ Последние новости. 1927. 11 февр. (за подписью Т. Алексеева).

ПАМЯТИ А.А. КИЗЕВЕТТЕРА

Смело могу сказать, что я самая младшая ученица А.А. Кизеветтера, во всяком случае по Московскому университету. Мне пришлось слушать лекции и работать под его руководством в очень тяжелые для университета годы – 1920–1922: холодные аудитории, хаос, постоянные смены программ. Лекции читались в главном здании университета, а семинарские занятия происходили в доме по Шереметьевскому переулку и у Никитских ворот. В пятиминутный перерыв приходилось перебежать из одного помещения в другое.

Все это, однако, не мешало А.А. относиться с вниманием и полной серьезностью к тем, кто хотел слушать и учиться у него.

Как лектор он достаточно известен, и не мне об этом писать. Скажу только, что он был незаменим для начинающих студентов. Чтобы почувствовать настоящий вкус к историческому прошлому, нужно было слушать именно его лекции. Образная, живая речь, умение в нескольких словах охарактеризовать действующее лицо создавали такие представления, которые были для неопытных слушателей, не охвативших еще общей схемы, ценнее всякой детальной разработки отдельных вопросов. И Дмитрий Михайлович Голицын с его древнерусским чином жизни и благочестием, и Меншиков, и Елизавета Петровна с ее постоянными переездами из одного дворца в другой, неутомимым кипением сил и беспробудной ленью превращались для слушателей из исторических персонажей в близко знакомых людей.

Живость изображения никогда не мешала глубине освещения. Внутренние причины происшедших событий, борьба сословий и внутрисословных группировок освещались им одинаково отчетливо. И история секуляризации церковных имуществ, и смена одного землевладения другим – находили свое место в изложении быстрых изменений дворцовых настроений XVIII в.

За А.А. установилась слава строгого экзаменатора. Мне кажется это не совсем верно. Он требовал только сознательного отношения к предмету. Если он видел, что экзаменующийся не знает чего-нибудь потому, что не понял, он тут же старался объяснить ему это в нескольких словах. Бывали, правда, случаи, когда терпение его оставляло. После ряда наводящих вопросов, которые не приводили к желаемому результату, он, наконец, кричал: "Ну, а чья дочь была Елизавета Петровна? Петровна! Вы слышите?". Когда и такой наводящий вопрос не помогал, А.А. позволял себе сказать что-нибудь очень ядовитое.

Обязанностью своей и, видимо, приятной А.А. считал помогать тем, кто не ограничивался студенческими годами и выражал желание продолжать занятия. В таких случаях он прежде всего старался выяснить, обрекает ли себя человек на всю жизнь на участь ученого специалиста-историка, избирает ли это раз и навсегда своим жизненным призванием? Для тех, кто ставил целью своей жизни учено-исследовательскую деятельность, он считал необходимым приобрести основной общий фундамент специальных знаний в избранной отрасли исторической науки. Разработать несколько отдельных сюжетов еще не значит сделаться ученым историком в полном смысле этого слова, – говорил он, – можно стать автором хороших работ, но все еще не сделаться хозяином в области всей своей науки вообще.

А.А. понимал, конечно, что изучение специальных вопросов очень заманчиво для начинающего историка в том смысле, что дает конкретный результат в виде

написанной работы, но предостерегал от такого увлечения и вспоминал, что сам он не печатал ничего очень долго, если не ошибаюсь – 12 лет.

Обрекать себя на участь ученого специалиста-историка, это, по его словам, "все равно, что в монастырь постричься. Конечно, это не значит, что кроме истории никаких других интересов уже не будет. Вот, хоть бы я, грешный: я и газетчик, и политик, и театрал, и проч., и проч. Но это значит, что первое всего и превыше всего будет все-таки всегда – исторически-научная работа; вот как полюбивший глубоко и искренно человек чувствует, что не может жить без предмета своей любви" (из его письма).

Человеку, решившему подчинить себя такой строгой дисциплине, он советовал только скорее "втянуться в работу и побороть податливость на отклонения в сторону без серьезной необходимости". И тогда "на всю жизнь будете обеспечены от бесплодной скуки и тоски".

Особенно ценна была его способность отнестись с полным уважением к любому сомнению начинающего исследователя, и его ученик мог быть вполне уверен, что А.А. зря не похвалит и ничего необдуманного не посоветует. Можно было только удивляться, с какой заботливостью, не жалея своего времени, он обсуждал мельчайшие вопросы занятий, составлял программы, указывал, с какой точки зрения лучше подойти к тому или другому вопросу.

Его личные исторические труды были сосредоточены на изучении "Посадской общины в России в XVIII веке" и на "Истории Городового положения Екатерины II 1785 года". Эти две диссертации принесли ему прочное положение в ученом мире и в университете. Но он на этом не остановился и продолжал свои архивные занятия. Вспоминая о них позже, он говорил, что они были для него отраднейшими часами его жизни. Истинное душевное удовлетворение он испытывал только в архиве. И это после своей деятельности на самых разных поприщах!

Высылка из Москвы прервала начатую А.А. большую архивную работу о гостях Московского государства. Она очень его увлекала. "Такие были лакомые материалы и такие интересные перспективы. Теперь только облизываюсь, вспоминая о всем этом".

Лишенный этой любимой работы, он продолжал интересоваться тем, "что у кого зреет в кабинете" в оставленной им Москве, и радовался, узнав о неизвестных ему именах начинающих историков. "Значит, несмотря ни на что, из гущи жизни выпирает неудержимо творческая сила, и столь настойчиво и грубо вытаптываемое поле русской культуры зеленеет-таки свежей порослью". И непременно хотел знать, продолжает ли такой-то изучать архив Московской Кадашевской Слободы и неужели вот этот отстал от компании историков? Огорчало его только то, что никто из его старых товарищей и учеников не присылает сюда своих печатных работ.

Тяжелая жизнь, которая выпала ему на долю с момента высылки его из Москвы, не сломила его бодрости. Во всяком случае он не позволял себе предаваться "кислым" настроениям, и считал, что в нашем положении мы не можем позволить себе роскоши резиньяции.

* * *

Я не считаю себя вправе делать оценку педагогических методов А.А. Кизеветтера, а потому расскажу лишь о последних годах, проведенных им в Московском университете и о том, как он руководил своими учениками.

Тот год, когда я поступила в Московский университет и познакомилась с А.А., был последним годом старого Университета. Многое и тогда уже изменилось, но общий дух еще сохранялся. Тогда возможны были еще студенческие собрания и

открыто происходили споры между коммунистической и беспартийной частями студенчества. Через год этого и в помине не осталось.

Программа также была построена вполне разумно и даже свободно. Юридический факультет, который позднее был переименован в факультет общественных наук, делился на три отделения: юридическое, экономическое и историческое. Причем программа первого курса в основе своей была для всех трех отделений одна и та же. Именно один из таких общих для всех отделений курсов и читал А.А. Читал он в большой юридической аудитории, которую воспитанники Московского университета должны хорошо помнить. Свободного места в этой огромной аудитории никогда не оказывалось. А.А. привлекал слушателей несомненно своим мастерским изложением. Не увлекаясь кропотливым разбором, он делал обзор наиболее значительных моментов и явлений изучаемого периода, расцветивая их характеристиками действующих на этом фоне лиц. Каждая лекция получала характер законченного целого. Особенно подходящим для его ораторского искусства был пестрый событиями XVIII в. Если слушатель и не подчинялся настроениям А.А., он все же не мог отказать ему в точности и завершенности высказанных суждений.

Но вот семинарий, который А.А. объявил для первого курса, оказался мало-доступным для начинающих. Это произошло потому, что как раз в этот год заканчивали университет те, которые прервали свои занятия из-за войны и революции. Разница в возрасте меж ними и студентами первого курса получалась таким образом большая и совместная работа оказалась невозможной. А.А. тщетно напоминал о том, что он предполагал вести занятия именно с начинающими. Это не помогало, и семинарий был постепенно завоеван этими старшими его учениками. Упорство, которое было в данном случае проявлено, указывает на то, как дорожили студенты тех дней занятиями под его руководством.

К началу следующего 1921/22 учебного года факультет был совершенно преобразован, историческое отделение исчезло и было заменено педагогическим. Программа потеряла свою академичность и была приспособлена к тому, чтобы готовить работников определенных профессий. В связи с этим все исторические курсы были сделаны дополнительными. Одновременно и состав студенчества изменился. Именно в это время введен был прием по командировкам от различных учреждений и заводов, причем производился тщательный политический и социальный отбор. Понятно, что на этот курс А.А. привлекал уже гораздо меньшее число слушателей. Новые студенты ждали от лектора не то, что он мог и хотел им дать.

А еще через год, т.е. осенью 1922 г., А.А. был выслан за границу в первой группе профессоров и писателей. Когда разнеслась весть о предполагаемой высылке, наиболее верные его ученики и слушатели решили организовать проводы и пойти с ним проститься. Наметили день, и инициаторы этого собрались в передней Психологического института. Думали, что провожающих будет не очень много, но в действительности оказалось не так. Собралось человек до ста, что по тому времени являлось значительной демонстрацией, двинулись толпой по двору Нового здания и по Моховой к дому, в котором он жил. Когда первые входили в дом на Волхонке, в котором жил А.А., последние только выходили из ворот тогдашнего нового здания Университета. Процессия растянулась почти на квартал. Встречные останавливались и смотрели с недоумением: настолько внушительна была наша процессия. Когда пришли — заполнили его комнату, переднюю и часть лестницы. Остановились молча и А.А. тоже молчал, опершись на стол и наклонив голову. Был момент общего смущения. Потом он сказал, что молчание наше придает особую торжественность прощанию, что он очень, тем более тронут вниманием

учеников, что вернуться в Москву не надеется. И только после того, как он кончил, один из пришедших, постоянный участник семинарских занятий, Бордзенко, высказал то, что было на уме у всех пришедших. На вокзале, в день отъезда, студентов уже не было, были только близкие. Обращала на себя внимание семья Ю.И. Айхенвальда, стоявшая в стороне. Он уезжал один, жена и сыновья оставались в Москве.

Приятнее всего мне вспомнить о том, каким А.А. был руководителем в специальных исторических занятиях, и знаю я это по личному опыту. Убедившись в том, что человек действительно стремится к серьезным занятиям и решил преодолеть трудности длительной подготовительной работы, он готов был помогать всем, что было в его силах. Когда речь шла о подготовке магистерского экзамена, он составлял программу, причем непременно хотел знать, вполне ли она удовлетворяет начинающего исследователя; если нет – он был готов внести некоторые изменения. Он подробно указывал литературу, отвечал с полной готовностью на все вопросы и недоумения и взамен требовал только систематических занятий, без напрасного разбрасывания и спешки. Он доводил свою заботливость до того, что давал указания в какой библиотеке найти те или иные книги. Он предвещал начавшего такие занятия о всех трудностях, которые встретятся на его пути и убеждал не торопиться с выступлениями в печати. Он считал, что только заложив прочный фундамент знаний – возможна дальнейшая действительно плодотворная работа.

Когда его ученик высказывал желание заняться исследованием какого-нибудь специального вопроса, то и тут А.А. охотно приходил на помощь. В истории XIX в. он намечал, между прочим, две очередные проблемы для изучения. Первая – история практического применения Положения 19 февраля 1861 г. непосредственно в первые годы после их издания. Он советовал обрабатывать этот вопрос исподволь, постепенно расширяя масштаб работы и переходя от ознакомления с печатным материалом к изучению некоторых типических районов при помощи местных архивов. При этом А.А. остерегал от одного ложного для историка пути, особенно страшного при изучении крепостного права и реформы 1861 г., – а именно пристрастия к общим местам, которое неминуемо повело бы к извращению исторической действительности. Он вспоминал при этом – беру из его письма – что было время, когда и безвкусовые писатели рисовали всех помещиков чуть ли не поголовно свирепыми и жестокими тиранами и не хотели признавать тех общих исторических условий, на почве которых в свое время возникло крепостное право помимо злой воли отдельных людей; а теперь – впадая в "обратное общее место", как он выражался, – начинают столь же чрезмерно идеализировать положение крепостных крестьян.

Вторая проблема – монографическое изучение крепостного хозяйства в различных вотчинах. Такого рода монографии, не восходящие к широким обобщениям, А.А. считал важными потому, что, как он писал, "обобщения у нас уже есть, общая схема уже установлена и в литературе представлена. Она была установлена прежде, чем накопились точные описания фактов. Теперь необходимо накопить побольше точных описаний отдельных крепостных хозяйств, чтобы теоретические схемы могли быть проверены на данных подлинной исторической действительности".

Все эти советы относились, конечно, к тем, из его учеников, которые оставались в России и могли пользоваться нашими богатейшими архивами. Что касается до работы за границей, то особых надежд на сокровища здешних архивов в смысле использования их для русской истории, он не возлагал. Такое скептическое отношение А.А. к архивным материалам за границы, объясняется может быть тем, что в тот момент, когда он вынужден был покинуть Москву, в

архивы начали стекаться интереснейшие материалы с мест, ранее не доступных для исследователя. И он не мог примириться с потерей этой архивной работы. Хотя Прага и явилась для него "милым прибежищем в пору невзгод", он до последних дней не мог успокоиться на том, что оставил в Москве начатую архивную работу и говорил о ней почти "языком гастронома": "Такие были лакомые материалы и такие интересные перспективы. Теперь только облизываюсь, вспоминая о всем этом".

Повторяю, этим кратким рассказом я не рассчитываю дать сколько-нибудь полную характеристику А.А. Кизеветтера как учителя. Но что он был учителем настоящим и внимательным, а главное бесконечно ценным строгостью и определенностью своих указаний – в этом я убедилась лично, как убедились и многие из университетских товарищей.

В.В. Дорошенко

УРОКИ ИСТОРИКА Б.Р. БРЕЖГО*

Болеслав Ричардович Брежго едва ли предположил бы, что его юбилей (сто-летие) будет отмечен так торжественно и многолюдно. Это был исключительно скромный ученый. Про таких не говорят иначе как "подвижник", "служитель" или "рыцарь" науки. У него не было особых титулов (хотя московские учреждения признавали его профессором), он вообще не был "остепененным", как теперь принято говорить. Он и сам этих степеней особенно не домогался. Не приходилось слышать от него и жалоб на то, что его обошли, чего-то ему недодали и т.п. А жил он бедно, подозреваю, что временами и впроголодь, хотя в институте не появлялся иначе как в ослепительно белой сорочке при галстукe и прочих аксессуарах профессорской внешности.

Б.Р. был скромен и внутренне. Скромнен в своих работах, в манере письма. Мне довелось прочитать не одну сотню страниц Брежго, опубликованных или оставшихся в черновиках, и ни разу не встретилось выражение вроде "я думаю", "я полагаю" и т.п. В трудах Брежго фактура источников говорит как бы сама за себя, без нажима со стороны автора. Говорю как бы, ибо кому ж не известно, сколько умения и труда требуют и поиск, и организация сырого материала, его группировка, отбор и оценка, но стиль Брежго-историка действительно объективизирован до предела. Хочется подчеркнуть именно скромность исследователя, его уважение, пиетет к материалу. И уважение к читателю тоже: Брежго как бы боится его обмануть, подсунуть вместо реального факта собственные предположения. Скромность и то, что за нею стоит: ответственность, точность – это урок № 1 из жизни и творчества Болеслава Брежго. Урок и отчасти упрек

* Публикуемая посмертно статья В.В. Дорошенко (список его трудов см. в АЕ за 1991 год, некролог – в АЕ за 1992) – подготовленный им к печати текст выступления на заседании к 100-летию со дня рождения Б.Р. Брежго (1887–1953) весной 1987 г. на родине ученого, в Латгалии. Когда во время одной из наших встреч Василий Васильевич сказал об основном содержании своего выступления, я сразу же предложил ему подготовить материал для Археографического ежегодника, чтобы и там отметить юбилей выдающегося латышского историка и архивиста. В.В. Дорошенко не возражал, но замешкался. Возможно, потому, что с сокращенным изложением этого материала можно было ознакомиться в изданной Государственным Латвийским университетом брошюре 1990 г. (на латыш. яз.). Однако в полном виде статья так и осталась не известной читателю.

Между тем размышления В.В. Дорошенко 1987 г. – это оригинальное историографическое эссе, глубокое по мысли и очень привлекательное манерой изложения. И в то же время – высокий и поучительный для археографа пример подхода к документации личного архива историка, с позиций "понимания и уважения". Воссозданы образ мысли и приемы работы ученого-историка. Это уроки жизни человека науки. Причем не только Болеслава Ричардовича Брежго, но и самого автора. Становятся очевидными его критерии в оценке трудов предшественников и современников, его представления о характерном и особенно существенном в развитии исторической мысли, о дальнейшем движении нашей науки. Знакомимся с историософией и выдающегося историка уже моего поколения, мыслителя и эрудита, с опытом, накопленным им за десятилетия труда – "сладкой каторги". Тем самым посмертная публикация статьи может восприниматься и "как уроки историка Дорошенко".

С.О. Шмидт

всем нам, в первую очередь тем современным ученым, которые отнюдь не склонны проводить четкую грань между реальностью и желанным, между наукой и вымыслом.

На своем веку Брежго пережил три революции и две мировые войны. Можно только представить, чего он насмотрелся и что претерпел. Один из лучших романов о революции носит название "Хождение по мукам". Лучше не скажешь и применительно к Брежго: вечные переезды, кочевая жизнь между Москвой, Витебском, Даугавпилсом–Двинском и Ригой; поиски места и куска хлеба, пожар от попадания бомбы в своем жилище, пропажа библиотеки и рукописей (1944 г.). А через все это и выше этого – поиск возможностей для спокойной научной работы, ибо никаких других интересов, кроме науки, Брежго не знал и знать не хотел. В этой своей единственной и всепоглощающей страсти, в бескорыстной любви и преданности науке Брежго – большой человек. И в этом – его урок № 2. Брежго дает нам пример высококонраваственного ученого, преданного своей науке.

Не стоит идеализировать облик Б.Р. "Идеалов" на этом свете просто не существует, об этом знают все взрослые. Можно было бы бросить ему упрек, скажем, в аполитичности, но, во-первых, она была характерна для большинства ученых его поколения и воспитания, а во-вторых, известное безразличие к проблемам текущей политики отнюдь не исключало симпатий и антипатий ученого в вопросах научной порядочности, справедливости и других общепризнанных ценностей.

Официальная биография Брежго, отложившаяся в бумагах, выглядит поразительно скудно: происхождение – из семьи ремесленника, римско-католическое вероисповедание, тяжелое фронтовое ранение (1914) и кое-какие чисто внешние события из тех самых "хождений по мукам", о которых упоминалось, а в основном переходы с одной должности на другую. "Vitae curriculum"* Брежго принимал, следует полагать, временами и драматический оборот. "Маленький человек" между молотом и наковальней, между красными и белыми, между правыми и левыми – такова в сущности типичная ситуация для трудящегося интеллигента начала XX в.

И здесь тоже один из уроков истории с Брежго: как мало мы знаем о людях, о человеке. Политическая и социальная (коллективная) история нашего времени отражена в сотнях исследований. А вот "судьба человека", повседневность революционной эпохи (включая и быт рабочих, крестьян, ученых) пока отражаются только в художественной литературе, но не в науке. Характерно, что личность часто отсутствует даже в таком жанре, как мемуары (особенно мемуары начальников). А ведь это важно – учитывать человека, его личное отношение к происходящему, видеть не только лес (общество в целом), но и деревья (отдельных людей). К этой задаче историческая наука делает только первые подступы, да и то применительно к прежним, досоциалистическим формациям.

Забота о сохранении нашей исторической памяти должна охватывать и большие, и малые факты. В отношении Брежго эта забота была проявлена. Подлинная биография ученого – это не подробности его быта, это прежде всего его книги и рукописи.

В списке опубликованных работ Брежго – боле дюжины книг, десятки статей и брошюр. Было бы неправильным утверждать, будто Б.Р. Брежго занимался только историей феодальной Латгалии (XIII в. – 1860 г.) По образованию преимущественно филолог, он проявлял интерес (в смысле: на эти темы писал) также и к так называемым вспомогательным историческим дисциплинам (источнико-

* Жизненный путь.

ведению в самом широком смысле) к метрологии и архивоведению, топонимике и даже к искусству и литературе.

Территориально его внимание привлекали, кроме латышских земель, также Россия и Белоруссия, Литва и Польша. Тем не менее, главным предметом его занятий была все же родная Латгалия, ее отдаленное и более близкое прошлое. В этом смысле Б.Р. был "однолюбом" и если писал о чем-либо другом, то лишь постольку, поскольку это так или иначе было связано с латгальским прошлым. Судьбы крестьянской Латгалии, как известно, решались сначала в Риге, потом в Варшаве и Вильно, потом – в Москве и Петербурге. Поэтому приходилось включать в круг своих интересов весь близкий к Латгалии "orbis terrarum"*, ее, так сказать, "столичные окрестности".

В собственно латгальской тематике Брежго доминировали работы по аграрной истории. Это естественно: еще и в XIX в. сельское население, крестьянство, составляло более 9/10 всего населения. Назову в этой связи: "Latgales zemnieki krīvu dzimtbūšanas laikus (1772–1861)". (Viļaka, 1940, 243 lpp.); "Latgales pagātne I". (Daugavpils, 1943. 223 lpp.); "Latgales zemnieki pēc dzimtbūšanas atcelšanas 1861–1914" (R., 1954. 126 lpp.); "Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии, 1577–1907" (Рига, 1956. 171 с.).

Четырех этих книг наверняка бы хватило не только для докторской степени. Однако самой значительной работой Брежго (делом его жизни) представляются "Крестьяне Латгалии в XVI–XVIII вв.", – труд, оставшийся, к сожалению, неопубликованным. Русский вариант рукописи, подготовленной к 1953 г., насчитывает около 20 а.л. Смерть настигла автора за подготовкой его к печати. В свое время мне пришлось этот труд рецензировать. С известным смущением (не натворил ли я глупостей) я перечитал в фонде Брежго (Отдел редких книг и рукописей Государственной библиотеки им. В. Лациса, шифр Р $\frac{X}{3}$, связка 3, № 1–

2) собственную рецензию для обсуждения в секторе, помеченную датой 1.VII.1953 г. Она на 7 страницах, подчеркивает "насыщенность конкретным и чрезвычайно ярким материалом" и характеризует эту последнюю работу Б.Р. "как несомненно положительный вклад в историческую науку".

Преимущественно крестьянской тематике посвящены и две важные публикации исторических документов: "Latgales inventāri un generalmēriņš zemu apraksts 1695–1784" (Daugavpils, 1943. 412 lpp.) и "Latgales vēstures materiāli I" (Daugavpils, 1944. 168 lpp.). Эти издания, пожалуй, не менее ценны, чем упомянутые выше исследования Б.Р. Брежго. Парадоксально, что они вышли в провинции во время войны. Это упрек нашему времени, нашей научной общественности: мы потеряли вкус к публикации исторических источников, не занимаемся этим не только в Вильяне или Даугавпилсе, но даже и в Риге.

Изучал Б.Р. Брежго и латгальские города. Видимые плоды этой работы – многочисленные статьи – брошюры о древностях Даугавпилса, Резекне, Лудзы и других городов и местечек. В известном издании К. Арņис "Latvijas pilsētu vēsture" (R., 1931) текст о городах Латгалии (с. 183–248) написан Брежго. Тем самым в книге фактически два автора.

Большая часть научного наследия Б.Р. Брежго, возможно, более половины, не опубликована. Его манускрипты составили так называемый "фонд историка Брежго" в составе отдела редких книг и рукописей Государственной библиотеки им. В. Лациса в Риге (шифр Р $\frac{X}{3}$). В фонде 22 связки, или коробки по 10 и более папок в каждой. В целом, здесь 190 "единиц хранения" – папок, конторских книг,

* Окрестное пространство

тетрадей и т.п. Общий объем манускриптов – свыше 30 тыс. страниц. Сохранением брежговского архива, приобретенного библиотекой в 1964 г., мы обязаны Я.К. Земзарису, составившему подробную опись и компетентный обзор этой ценной коллекции.

Другая важная часть научных бумаг Б.Р. Брежго хранится в ЦГИА Латв. ССР в виде его личного фонда (№ 6984). Здесь 86 дел, в основном – копии исторических документов, отчасти использованных в его печатных работах. Преимущественно это так называемые массовые источники – инвентари и люстрации имений, ревизии владельческих прав латгальских помещиков, всякого рода реестры и описания. Это – незаменимый материал по социально-экономической истории Латгалии XVI–XVIII вв. Поистине незаменимый, так как оригиналов этих источников подчас не существует – они просто погибли.

Трудно судить, который из сохранившихся фондов "важнее". В архивном преобладают источники, как таковые. В библиотечном – собственные работы Брежго на разной стадии обработки источников. Материал этот пестрый и по характеру, и по ценности. Скажем, сохранены тетради с конспектами работ В.И. Ленина и И.В. Сталина. Допускаю, что без нажима со стороны сам Брежго этих конспектов не делал бы. Но это тоже свидетельство той серьезности, с которой ученый относился ко всякой работе. Конспект, я бы сказал, профессиональные, – на порядок выше конспектов моих студентов, изучающих ту же самую работу В.И. Ленина "Развитие капитализма в России". Подозреваю, что вообще Брежго разбирался в марксизме лучше, чем многие молодые ученые, не читавшие полностью ни упомянутого ленинского труда, ни марксова "Капитала". Влияние марксизма на мышление Брежго-историка не вызывает сомнений, особенно в осознании роли народных масс, значения экономических факторов в развитии общества, периодизации исторического процесса и т.д.

Жемчужиной этой коллекции является почти законченный труд Б.Р. Брежго "История городов Латгалии" (9-ая связка, папки 1 и 2 – рукопись в 770 страниц, не менее 15 а.л.). Явно неотработаны только параграфы о социальной дифференциации и внутренних конфликтах в городском обществе XVI–XIX вв. (работа охватывает частично и пореформенную эпоху, до рубежа XIX–XX вв.). Зато основные разделы – древнейшие судьбы латгальского города (с XIII в.), его население, занятия горожан (промыслы и торговля, в значительной мере и земледелие) насыщены конкретным материалом и, так сказать, просятся в печать.

Каждое поколение переписывает историю на свой лад. В этом субъективность нашей науки. Имеется в виду не произвол историка (хотя встречаются и историки-фальсификаторы, вольные и невольные), а, так сказать, коллективная субъективность. Общество пишет само о себе, перемены общественного сознания выдвигают со временем новые точки зрения и новые интересы. (История от этого не теряет, так сказать, в точности, хотя понятие точности здесь будет, конечно, иным, чем в математике.) Движение, непрерывное обновление исторических схем не означает полного их пересмотра. Есть темы "вечные", нестареющие: события в их хронологии, уровень производства, структура общества и организация управления, власть и подданные и т.д. Всем этим занимался и Брежго.

Но встают и проблемы новые, которых прежде наука не ставила. Например, человек и его природное окружение ("Экологический контекст истории"). Или влияние густоты (соответственно редкости) населения на развитие общества (ср. Псковскую область и Францию). Степень (норма) эксплуатации непосредственного производителя – в какую сторону и почему она изменялась? Наконец, история духовной культуры: формы религиозности (католицизм, лютеранство и православие, – как они воздействовали на общество?), особенности мышления, в

частности, – ментальность крестьянина, что мы об этом собственно знаем? На такого рода вопросы работы Брежго (как, впрочем, и многих его современников) не отвечают.

Тем не менее, труды Б.Р. сохраняют свою актуальность, притом – в большей степени, чем работы других историков, даже более талантливых. Дело тут не только в том, что Брежго историк-"монополист" по Латгалии, что ему посчастливилось собрать уникальный материал, отчасти потом погибший. Секрет особой актуальности работ Брежго – в их специфике, если хотите – в их слабости сравнительно с современной наукой.

В рукописном наследии Брежго сохранились не только завершённые тексты, но и заготовки для них (исходный, первичный материал). Дистанция между тем и другим, всегда, разумеется, есть, но она все-таки меньше, чем, скажем, у Я. Зутиса или А. Швабе. Брежго, конечно, знал "муки творчества", но переживал их по-своему. "Каторжные черновики" с вариантами и исправлениями в писаниях Брежго – большая редкость. Он был озабочен истинностью первичного факта (как он ее понимал) больше, нежели его толкованием. В таком-то имении (Плятера, Борха, Корфа), судя по документам 1580 г., мы наблюдаем то-то и то-то, а потом – что и в какую сторону там изменилось в 1630, 1710 гг. и т.д. Как осторожен был Брежго в интерпретации, если рещался на них, показывает такой пример. В "Крестьянах Латгалии XVI–XVIII вв." (С. 250. Даугава, старство 1765 г.) читаем: "Госп. пашня давала 1296 пур разных хлебов. На потребление уходило 324 п. Остальные 972 пурь предназначались к продаже". – Последняя фраза вычеркнута, а над строкой: "От фольваркового урожая оставалось таким образом 972 пурь". Мы ведь и в самом деле не знаем, продан ли был этот остаток. Интерпретации, объяснения перемен мы подчас у Брежго и не встретим, не говоря уже о широких концепциях, на которые очень гораздо сегодняшние дипломники и аспиранты. Брежго "не мудрствовал лукаво" и, если сказать словами графа А.П. Шувалова (1783 г.), он явно предпочитал "прилежание и точность остроумию". Эта забота о точности изложения, этот пиетет перед фактами сообщает работам Брежго особую стойкость: сегодня, как и в XXI столетии, они будут не менее актуальны, чем были в 1957 г.

Прогресс в науке (как и повсюду) имеет свою обратную сторону. Приобретения даются недаром, их сопровождают утраты. По части приобретений все ясно. Расширился фонд источников, также и по Латгалии (археология, Брежго не успел изучить фонд Литовской метрики в ЦГАДА). Совершенствуются и методы их обработки. Имею в виду не ЭВМ (ощутимого толку от них пока не заметно), а статистику. Б.Р. ярко и хорошо пишет о том, что называется социальной историей. Хуже с историей экономической, с обработкой огромного цифрового материала, нередко – серийного, позволяющего судить о динамике изменений в хозяйстве на протяжении длительных сроков, вплоть до столетий. Как плохо Брежго считал – [см.] с. 443 "Истории городов Латгалии", табл. по Двинску за 1825, 1833 ... 1860. По каждому году суммировано количество промышленных предприятий (2), лавок (81), трактиров (9), питейных домов (60) и бань (7) – всего в 1825 г. 159 заведений. Экономическая история Латгалии остается пока ненаписанной. Говоря о завоеваниях новой науки, достаточно привести методику обработки российских писцовых книг XVII ст., как она совершенствовалась от С.Б. Веселовского до Л.В. Милова: старику Брежго далеко до этого уровня.

Но не следует закрывать глаза и на издержки прогресса. Для современной науки характерна специализация, углубление в частную проблематику. "К вопросу о типах сохи в XV–XVI вв.", "К вопросу о смердах в Русской Правде" – такие ведь заголовки украшают статьи во всякого рода "ученых записках". Действительно, украшают, потому что специализация необходима, иначе трудно сказать

в науке новое слово. Но верно и то, что историки разбредаются по специальностям, наука дробится на отделы и подотделы. Фактов мы знаем, положим, больше, чем прежде, но не успеваем осмыслить их взаимную связь или же понимаем эти связи с какой-то одной стороны, вне исторического контекста – системы.

Брежго этой "болезни" не знал. Он изучал свой "объект" (родную ему Латгалию) комплексно, всесторонне. Впрочем, иначе он и не мог. Объект сравнительно небольшой, да и круг имеющихся источников феодальной эпохи доступен для обозрения одному человеку. Брежго стремился собрать решительно все, относящееся к Латгалии XIII–XIX вв. Имел возможность смотреть на это целостным взглядом, писал "всю" историю маленького народа. Исследование на малой площади, но зато – интенсивное. Ученый, а за ним и читатель, видит не только лес, но и деревья, включая отдельных крестьян. Подобный универсализм, а лучше – единство, целостность изображения исторического объекта для современных историков практически невозможен.

Это очень интересная тема – соотношение общего и единичного, закономерного и случайного и т.д. В данной связи хочется подчеркнуть два обстоятельства. Во-первых, бесспорное преимущество местной (региональной) истории перед "всеобщей". Так называемые закономерности в рамках "локальной" истории проступают максимально конкретно, ярко, наглядно. И во-вторых, целостность исторического изображения, которая дается местным историкам легче (а пример Брежго это доказывает), остается идеалом любого историка. В какой мере достижимым – это особый вопрос, но без этого идеала – нельзя.

Я приведу в пример французскую школу историков, группирующихся (с 1928 г.) вокруг журнала "Анналы. Экономика, цивилизация, общество". Как показывает уже подзаголовок, школа "Анналь" (кстати, много взявшая от марксизма: М. Блок, Ф. Бродель) стремится именно к обобщенному, "глобальному" взгляду на историю общества. Придавая особую важность "стыкам" между экономикой и политикой, между сферой материального производства и социальной структурой, сознанием и психологией человека, ученые названной школы стремятся преодолеть излишнюю специализацию исторического знания и его погружение в слишком частные темы, малодоступные для простого читателя.

Работал Брежго не торопясь, но и достаточно быстро, судя по объему оставленного наследия. Торопить его не удавалось никакому начальству. Он и знать не хотел "быстрой отдачи", не признавал кавалерийских наскоков на ту или иную проблему. Не искал актуальной и лучше оплачиваемой тематики, не знал таких понятий, как спрос, конъюнктура или указание сверху, от дяди Никодима (А.Т. Твардовский.). Кропотливый, тяжелый даже физически, труд казался ему вообще не имеющим желанного конца. И тоже один из уроков Брежго для молодых: работа ученого – это сладкая каторга, и если можешь сюда не идти, то лучше и не ходить.

И последнее – стремление к истине, к исторической правде. Это слово (истина) было всегда своего рода знаменем, идеалом для прогрессивных историков, и лишь примерно с 30-х гг. его стали оценивать как устарелое и не современное. Актуальность, партийность, "правильность" – все, что угодно, только не истина. Насколько Брежго стремился к исторической истине, я уже отмечал. Сама манера (стиль) его изложения свидетельствует о том, что историк больше всего опасался пойти против истины. Вспоминается Диодор Сицилийский: если историк не знал, не заметил факта – это его ошибка и только. Но если знал и умолчал о факте или его сознательно искажил – это уже преступление, которому нет прощенья. Разве не характерно, что ни один абзац Брежго не начинается с тезиса, который он собирается доказать. Выдвинуть тезис заранее, хотя бы в форме вопроса, означало в глазах Б.Р. предвзятость, несовместимую со

свободным поиском истины. Истина должна вытекать из материала источников. Сегодня под этим едва ли кто подпишется (я – тоже нет). Дело в том, что помимо источника (документа) существует еще и опыт историка, вооруженного знанием (и подчас не малым) до изучения данного факта, до знакомства с данным источником. "Доисточниковое знание" – это и историческое понятие, наша общая грамотность, которая в постижении истины играет не меньшую роль, нежели сам источник. Тем не менее, позиция Брежго примечательная, заслуживающая и понимания, и уважения.

Мы знаем, как трудно добраться до правды в истории. Истина "в окончательной форме" в нашей науке просто абсурд. Возможна только частичная истина, мы можем исследовать и оценить лишь отдельные стороны изучаемого объекта, – к примеру, той же Латгалии. И это не потому, что разум наш ограничен (хотя и с этим надо считаться), а потому, что исторический факт – это не просто свидетельство документа о чем-то (о факте), но и наша оценка, интерпретация этого факта. Выше об этом уже говорилось. К этому можно, однако, добавить, что правда истории все-таки существует, – хотя бы как недостижимый идеал. Причем одна правда, единственная для всех. Для русских и латышей, для буржуазных и для советских историков, "для нас" и "для них" – одна, общая правда для всего человечества. Не стоит, да и нельзя писать историю "с точки зрения великоросса" или "с точки зрения латыша", с "американских" или "советских" позиций. Так мы иногда говорим – для упрощения и не очень вникая в суть дела, в высокое назначение нашей науки. История объединяет людей в человечестве. Историческая наука – одна, и дело историка – служить ей верно и мужественно, в любую погоду и при любой "конъюнктуре". Замечательный сын Латгалии Б.Р. Брежго был стойким и храбрым рыцарем исторической правды и в этом состоит самый главный урок его жизни и его творчества.

Р.А. Киреева

**ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ
КОНЦА 1940-х гг.:
ПЕРВОЕ ВЕТО В НАУЧНОЙ ЖИЗНИ А.А. ЗИМИНА**

Конец 1940-х гг. – время "борьбы с космополитизмом", "низкопоклонством", "буржуазным объективизмом" – вошел в историю советской науки как один из труднейших ее периодов.

Судьбы и труды историков отражают свое время, как и время накладывает свой отпечаток на их труды и предопределяет их судьбы. Безусловно важны и необходимы для изучения развития исторических знаний опубликованные работы ученых. Но и неосуществленные замыслы не менее важны для науки, особенно тогда, когда тому насильственно воспрепятствовали.

Я рассмотрю только один "частный" случай. Речь пойдет об неосуществленном замысле А.А. Зими́на (1920–1980) написать крупное исследование о великом историке России В.О. Ключевском и о первом вето в научной судьбе Александра Александровича. Основываться буду на неопубликованных документальных материалах, которые хранятся в домашнем архиве ученого (за ознакомление с ними благодарна его вдове В.Г. Зиминой) и частично у меня, а также на личных воспоминаниях. С А.А. Зиминым меня связывала совместная работа по изданию научного наследия Ключевского с середины 1950-х гг. до конца жизни Александра Александровича. В свое время он передал мне копии своих статей о Ключевском, написанных им в 1947–1948 гг., черновики и некоторые другие материалы.

О творческом замысле Зими́на, о его реальных усилиях воплотить задуманное исследование, о его широких планах по изданию неопубликованных рукописей Ключевского, и о причинах, в силу которых книга вынуждена была остаться ненаписанной, попытаюсь рассказать в этой статье.

Шел 1947 год. 27-летний Зими́н недавно окончил аспирантуру Института истории АН СССР, защитил кандидатскую диссертацию и приступил к работе. Тогда он одновременно преподавал по совместительству в МГИАИ и был старшим референтом академика-секретаря ОИФ Б.Д. Грекова. Незадолго до того, в 1946 г., Комиссия по истории исторических наук (тогда она была при Отделении) приобрела значительную и наиболее интересную часть архива Ключевского. Зими́ну поручили разобрать и описать рукописи историка. Огромную научную ценность фонда он понял сразу, а главное, Зими́н как бы попал в биополе Ключевского, силу воздействия которого он испытывал всю жизнь. У Зими́на возникло желание написать о Ключевском докторскую диссертацию и начать публикацию архива историка, чтобы быстрее ввести бесценные материалы в научный оборот. Зими́ным был собран огромный материал – он снял копии с неизданных рукописей Ключевского, хранящихся в ОР ГБЛ, ОРФ ИИ и в ЛОИИ (впоследствии некоторые несохранившиеся материалы печатались по копиям Зими́на).

Собираемые материалы Зимин давал для ознакомления одному из учеников В.О. Ключевского последних лет его преподавания А.Н. Троицкому, который записывал для молодого исследователя свои впечатления, делал пояснения к текстам, делился своими воспоминаниями и размышлениями, отвечал на задаваемые Зиминим вопросы. Троицкой советовал, как, по его мнению, следует изучать Ключевского, чтобы создать истинный образ историка, а это он считал делом "особой глубины и проникновения". Надо снять "вмешательства нашей выдумывающей способности, нашего ума". "Нынешнее отношение к Ключевскому мне прекрасно известно", – писал он. Тем не менее можно бы, пользуясь подходящими материалами "напомнить нашему народу о таком великом его сыне, которого рано или поздно по всей справедливости надо поставить в ряд самых лучших выразителей ума, чаяния русского народа и его любви к своему настоящему, прошлому и будущему". (Воспоминания и размышления Троицкого о Ключевском не публиковались.) Зимин, ободренный учеником Ключевского, продолжал увлеченно трудиться. Рукописи Зимина тех лет свидетельствуют о масштабности его замысла и чрезвычайной интенсивности начатой им работы. Кратко остановлюсь на общей их характеристике.

Первая из рукописей под названием "В.О. Ключевский (1841–1911)" объемом чуть больше 165 машинописных страниц относится к 1947 г. Это, видимо, была заявка на тему (или ее предварительная аннотация), где сжато перечислены основные темы будущей работы без какой-либо конкретизации. Заявка эта обсуждалась – на верхнем, нижнем и боковых полях рукописи Зимин записал услышанные замечания, но не указал, кому они принадлежали. Автору советовали кое-что подробнее раскрыть, пояснить, уточнить, а кое-что и сократить. Например, "творческий и жизненный путь – короче", "слишком выпячена история курса" (Зимин уже тогда придавал особое значение этой теме), "давать ли историографию?", "с чего начать историографию?". Вероятно, говорили о необходимости подчеркивать "буржуазность" Ключевского, ибо среди записанных замечаний есть такие: "политические взгляды – буржуазность", "Буржуазный либерализм Ключевского", и под названием Зимин приписал: "Ключевский – буржуазный историк". В рукописи есть следы и последующей работы автора над текстом: уточнены формулировки, перестановка текста, небольшие дополнения.

Вскоре Зиминим был представлен новый, развернутый план-проспект докторской диссертации¹ "Творческий путь В.О. Ключевского (1841–1911)" – на девяти густо напечатанных машинописных страницах. Здесь была уже детально разработана структура будущего исследования с разбивкой на главы, параграфы и подпараграфы. По замыслу Зимина оно должно было состоять из Предисловия "От автора: План и задачи исследования"; Введения "Рукописное наследие Ключевского", в состав которого входили § 1 "Творческая лаборатория Ключевского" и § 2 "Состав и судьбы рукописного наследия"; девяти глав и Заключения.

Первая глава и итоговая часть исследования имели историографический характер. В четырех параграфах первой главы "В.О. Ключевский и историческая литература" говорилось о том, как оценивали ученого в дореволюционной и советской исторической науке: "Ключевский в критических статьях и воспоминаниях современников", «Отношение к нему историков так называемой "Школы Ключевского"», "М.Н. Покровский и В.О. Ключевский" и "Советская историография о Ключевском". Заключение "В.О. Ключевский в русской историографии" предусматривало две крупные темы. В § 1 "Ключевский и русская историческая наука" были два подпараграфа, где анализировались взаимоотношения Ключевского с современными ему историографическими направлениями.

¹ Это был развернутый план именно докторской диссертации – в одном из черновиков рукой А.А. Зимина дважды над словом "диссертация" позднее было написано слово "монография".

Это: «Ключевский и историки "государственной школы" (Кавелин, Соловьев, Чичерин)» и «Ключевский и историки-"славянофилы" (Погодин, Беляев, Забелин, Бестужев-Рюмин)». § 2 завершал Заключение и всю работу в целом: "Значение исторических трудов Ключевского". Таким образом, Зимин давал Ключевского в историографическом обрамлении.

В восьми конкретно-исторических главах (со второй по девятой) сочетаются два принципа исследования: подробное изучение на широком общественно-историческом фоне жизненного пути Ключевского и детальный анализ трудов ученого. При этом Зимин предполагал не ограничиваться общей характеристикой историко-философских воззрений Ключевского и того, как они отражались в наиболее известных трудах историка (что обычно и делалось). Он поставил перед собой задачу проанализировать буквально *все* работы Ключевского – все монографии, все общие, специальные и частные курсы, публичные чтения, все статьи, речи, отзывы (в том числе и неопубликованные) в строгой хронологической последовательности их написания, а также его дневники, переписку и другие материалы. Зимин добивался максимальной полноты и всесторонности раскрытия темы.

Большое внимание Зимин уделял *процессу* работы Ключевского над своими сочинениями от первоначального замысла, через все стадии работы до печатного их воплощения. Особое значение он придавал восстановлению и анализу творческой истории создания Ключевским знаменитого "Курса" с учетом первоначальных набросков историка; всех вариантов записей из года в год студентов и курсисток (рукописных и литографированных); последующих дополнений и исправлений автора; печатного текста разных изданий. Избранный метод исследования, считал Зимин, "поможет объяснить, когда, как, на основании каких материалов складывалась, видоизменялась и развивалась историко-философская концепция Ключевского, детище русской послереформенной исторической науки". Зимин выделил три крупных периода работы Ключевского над "Курсом русской истории". Это 1870-е гг. (до начала преподавания Ключевского в Московском университете) – рукописи лекций по Русской и Всеобщей истории; 1880–1890-е гг. – комплекты текстов по Древней русской истории, Средней и Новой; 1900-е гг. – главным образом работа над третьей, четвертой и пятой частями "Курса". Такой пристальный текстологический интерес Зимина отразился впоследствии в его Комментариях к "Курсу русской истории" публикации 1950-х гг.

"По мысли автора, – писал Зимин, – исследование должно вскрыть корни и развитие историко-философской концепции Ключевского, социально-политические взгляды последнего и выяснить то место, которое занимал этот выдающийся историк в русской историографии". Документ датирован 19 сентября 1947 г. К нему прилагался "жесткий" график работы над темой на каждое 1 января, начиная с 1948 г. и кончая 1951 г. По предложению автора к 1 сентября 1951 г. монография должна была быть окончательно обработанной и перепечатанной. Завершение своего исследования А.А. Зимин хотел приурочить к 110-летию со дня рождения и 40-й годовщине со дня кончины В.О. Ключевского.

Параллельно с проспектом диссертации Зимин разработал подробный план публикации "Архива В.О. Ключевского" в 10-ти томах. В первом томе объемом в 50 а.л. предполагалось опубликовать "Специальные курсы 80–90-х годов XIX в." Этот том Зимин хотел подготовить к 1 января 1948 г., т.е. всего за три месяца!

Второй том был посвящен 1-й части переписки Ключевского, а 2-ю часть ("В.О. Ключевский и его корреспонденты") Зимин намеревался издать в девятом томе. В третий том должны были войти подготовительные материалы к книгам "Сказание иностранцев о Московском государстве", "Древнерусские жития

святых как исторический источник" и "Боярская дума Древней Руси". Три последующих тома (IV–VI) должны были содержать материалы к "Курсу русской истории". Дневники, сборники афоризмов и историко-философские заметки составляли содержание седьмого тома. Восьмой том отводился материалам, относящимся к общественно-политической и преподавательской деятельности Ключевского. Последний том назывался "Летопись жизни В.О. Ключевского".

В начале 1948 г. Зимин действительно подготовил публикацию, но в этот сборник включались не специальные курсы, с которых он предполагал начинать издание рукописного наследия историка, а статьи, рецензии и наброски Ключевского по вопросам истории и историографии (всего 29 работ). По существу это был новый, одиннадцатый том, не предусмотренный первоначальным планом. В него вошли неопубликованные работы Ключевского, за исключением статьи "Памяти Грановского", да и она была малоизвестна, так как в свое время была напечатана только в газете "Русские ведомости" от 8 октября 1905 г. и не входила в знаменитые три сборника статей В.О. Ключевского, изданные его учениками после смерти историка. Том открывался предисловием Зимина "Новый материал о Ключевской" (40+1 машинопис. стр.) и завершался его примечаниями.

Подготовленную работу Зимин вынес на обсуждение. В нем приняли участие авторитетные ученые, в их числе ученики Ключевского: С.В. Бахрушин, М.М. Богословский, С.К. Богоявленский, Н.М. Дружинин, а также крупный историк А.И. Андреев, М.Ф. Леонтьев (директор Исторической библиотеки), Т.И. Райнов, Федоров (сотрудник библиотеки). Видные ученые поддержали молодого коллегу. Они говорили, что введение в науку новых материалов Ключевского – событие в историографии, что долг историков стимулировать исследования о Ключевском, что надо напечатать доклад Зимина и необходимо выделить средства для работы по изданию материалов Ключевского. Внимание докладчика было обращено и на то, что "поднять все сразу нельзя".

После доработки вводная статья несколько увеличилась – до 50 машинопис. стр., потом появились еще шесть. По косвенным данным можно судить, что с этим текстом знакомилась Л.В. Черепнин, Б.Г. Вебер, Н.В. Устюгов. Кроме того, Зиминным был написан еще один текст "В.О. Ключевский о русской историографии. (Обзор рукописных материалов)" на 16 машинопис. стр. Подготовленный сборник был, видимо, представлен в дирекцию на предмет его утверждения к печати. Все, казалось бы, шло благополучно.

Между тем заместитель директора Института истории АН СССР В.И. Шунков послал сборник на дополнительное рецензирование. Поступивший письменный отзыв резко расходился с мнением всех ученых, принимавших участие в обсуждении. Однако и там признавалось, что материал из рукописного наследия Ключевского "действительно интересен и заслуживает быть напечатанным. Но напечатание его едва ли возможно без серьезного изучения". Приведу несколько фрагментов из этого документа: "Статья тов. Зимина, на мой взгляд, совершенно не удовлетворяет требованиям, которые предъявляются к критическим статьям"; "в оценке взглядов Ключевского на науку и политическую жизнь страны – автор стоит на уровне 19-го века"; "написанное т. Зиминным не годится и методологически, и политически. Из его статьи надо сделать фактическую справку о том, что сохранилось из архива Ключевского, без всяких попыток нарисовать образ Ключевского, или определить его место в науке. Это должны сделать другие".

Далее автор отзыва позволил себе назвать некоторые материалы, которые, с его точки зрения, "нельзя давать". Это работы: "о племенном составе восточных славян"; о полемике с Иловайским по норманскому вопросу; очерки по русской историографии и статья о 19 февраля 1861 г., так как "это настоящая либераль-

ная концепция на реформу и русскую историю" и "выдавать эту статью Ключевского за настоящую науку – после статей Ленина – смешно". "В таком же свете выглядит статья о Грановском". Вывод был следующим: "печатать в таком виде статьи Ключевского нельзя. Их надо поделить среди специалистов", которые составят примечания, "дав наше, современное отношение к ним". "2. Составить редакцию Сборника, не откажусь войти в нее и я. 3. Написать вводную статью к данным работам Ключевского. 4. Дать статью Зимина о наследстве – в целом – фактического, справочного порядка". Далее стоит подпись и дата: "А. Сидоров. 18 июня 1948 г."

Фактически этим отзывом А.А. Зимин отстранялся от своей работы.

Напомню, что в конце 1940-х гг. на "идеологическом фронте" обстановка нагнеталась. В 1946 г. вышли постановления ЦК ВКП(б) о журналах "Звезда" и "Ленинград", "О репертуаре драматических театров и мерах его улучшения", «О кинофильме "Большая жизнь"». Во всех учреждениях и организациях выискивались и обсуждались "ошибки", в которых заставляли каяться. В частности, в январе 1948 г. в Институте истории АН СССР на заседании Ученого совета В.И. Шунков заметил по поводу изданного в 1947 г. сборника статей под редакцией А.И. Андреева "Петр Великий", что "основная ошибка А.И. Андреева состоит в изображении Петра I как слепого подражателя всему английскому". То был по существу упрек в низкопоклонстве перед Западом.

На следующий день Андреев записал в дневнике: "Ночь прошла без сна". Это и понятно, ведь за спиной Андреева был арест по так называемому "делу С.Ф. Платонова", допросы и пять лет ссылки в Енисейск. Поэтому-то он предпочел за лучшее самому подать заявление об освобождении его от руководства группой по изучению эпохи Петра Великого в Институте истории, от должности ученого секретаря Археографической комиссии АН СССР и от редактирования ряда научных трудов. Заявление было принято². Заметим попутно, что в конце 1940-х гг. под редакцией Андреева был подготовлен том "научного наследия" (историков), куда входили неопубликованные статьи Ключевского; но книга в свет не вышла.

По-видимому, Шунков не случайно послал работу Зимина о "буржуазном" историке на дополнительный отзыв, да и рецензент, конечно же, был выбран не случайно. Вскоре мишенью для нападок в области исторической науки стала "Русская историография" Н.Л. Рубинштейна; в прессе подверглись резкой критике и статьи о дореволюционных историках, например, А.И. Яковлева о Ключевском³, Андреева о С.М. Соловьеве и многие, многие другие. В то время считалось, что подобные статьи "приносили" марксистскую историческую науку перед буржуазной. Авторы статей обвинялись в "буржуазном объективизме", академизме и пр. Заниматься историографией стало небезопасно, и изучение истории исторической науки замерло. Много лет спустя, вспоминая те годы, Зимин написал: "Наступил 1948 год, стало ясно, что буржуазным историком во

² Подробнее см.: Простоловская Л.Н., Станиславский А.Л. Мы учим советских людей, а не древних греков: Из истории вузовской исторической науки конца 30–40-х годов // ИСССР. 1989. № 6. С. 92–104.

³ В статье, написанной к 35-летию со дня смерти В.О. Ключевского, А.И. Яковлев привел большой фактический материал и ценные свидетельства. Произведения Ключевского автор называл "классической школой творческой и пытливей научной мысли". "Ключевский мог, – писал он, – с полным правом сказать, что его поколение всегда высоко держало скрижали свободного научного исследования и ни перед кем не склоняло знамени независимой мысли" (Яковлев А.И. В.О. Ключевский // Зап. Науч.-исслед. ин-та при СМ Мордов. АССР. Саранск, 1946. Вып. 6. С. 94–131). В 1949 г., т.е. через три года, в журнале "Вопросы истории" появилась резкая рецензия на эту статью, которая квалифицировалась как "панегирик Ключевскому", а автор осуждался за восторженную популяризацию трудов Ключевского, за игнорирование всех выводов марксизма. См.: Паушто В.Т. [Рец. на работу А.И. Яковлева] // ВИ. 1949. № 8.

времена борьбы с космополитизмом и объективизмом заниматься было невозможно"⁴, – и в такой обстановке он вынужден был отказаться от своей темы. К тому же с 1949 г. А.Л. Сидоров стал заместителем директора Института истории АН СССР, а потом и его директором...

Если бы осуществился замысел Зимина, наука имела бы ценный обобщающий труд о великом историке России, написанный человеком, профессионально занимавшимся теми же проблемами, что и Ключевский. А что касается лично Зимина, то он стал бы доктором наук не в 1959 г., а на 7–8 лет раньше. На десятилетия был задержан ввод в науку ценнейших материалов Ключевского.

И все-таки Зимин сумел немало сделать для изучения и пропагандирования творчества Ключевского. Ему удалось опубликовать, хотя и не сразу, две статьи, в которых им было сказано новое слово, и его выводы восприняты наукой. Так, только в 1951 г. была напечатана заново написанная статья "Архив В.О. Ключевского", где раскрывалось содержание многих новых материалов, которые благодаря Зимину становились известными исследователям⁵. Еще через десять лет появилась его статья "Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского". Автор базировался на неизвестных тогда материалах из архива ученого (в том числе и на его студенческих работах) и на ранних печатных трудах Ключевского. В противоположность многим авторам, утверждавшим, что В.О. Ключевский *на всем* протяжении своей жизни был последовательным учеником С.М. Соловьева и принадлежал к "государственной школе" Соловьева–Чичерина, Зимин пришел к заключению, что в 1860-е гг. (до "Боярской думы") влияние "государственной школы" не обнаруживается. Оно пришло позже, в 70-е и 80-е годы, а на молодого Ключевского оказали влияние Ф.И. Буслаев, а также С.В. Ешевский и А.П. Щапов. Зимин подчеркивал разнотинную основу творчества Ключевского⁶.

Ведущей была роль Зимина в издании Сочинений В.О. Ключевского в 8 томах. (М., 1956–1959, под редакцией М.Н. Тихомирова), где был привлечен значительный комплекс архивных материалов (до того при печатании трудов Ключевского его рукописи не привлекались и пометы ученого не раскрывались). Впервые в этом издании в примечаниях восстанавливался весь научно-справочный аппарат Ключевского и указывались все куски текста, которые он вставил в литографии 1880-х гг. Тем самым, давалась возможность проследить эволюцию взглядов историка на протяжении более 20 лет. Пятый том "Курса" печатался по рукописи, которую автор готовил в последние годы жизни, а не по литографии 80-х годов, как то печаталось ранее. "Работа была адовой", – признавался Зимин. Принцип публикации и комментирования Зимина лег в основу и 9-томных Сочинений Ключевского (М., 1987–1990, под редакцией В.Л. Янина).

Зимина отличала поразительная научная щедрость. Он приобщал молодежь к изучению тогда еще не известных сторон творчества Ключевского в области русской историографии (Р.А. Кирееву), источниковедения (Э.Г. Чумаченко); широко представлял собранные им материалы исследователям творчества Ключевского (Л.В. Черепнину, М.В. Нечкиной и др.).

Благородному делу публикации наследия В.О. Ключевского А.А. Зимин отдал много сил, любви и знаний. Историческая наука обязана ему вводом в научный оборот значительного числа важнейших источников. В конце 1960-х и начале 1980-х гг. под редакцией М.В. Нечкиной вышли книги, составителями и комментаторами которых были А.А. Зимин и Р.А. Киреева: "В.О. Ключевский.

⁴ Рукопись А.А. Зимина "Размышление о пережитом. (Храм науки)". Л. 609–610.

⁵ Зимин А.А. Архив В.О. Ключевского // ЗОР ГБЛ. М., 1951. Вып. 12.

⁶ Зимин А.А. Формирование исторических взглядов В.О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // ИЗ. М., 1961. Т. 69.

Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории" (М., 1968) и "В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения" (М., 1983) (этот том А.А. Зимину не суждено было увидеть изданным). Между названными книгами был подготовлен и сдан в издательство еще один том из наследия Ключевского, но, увы, так и не вышедший из печати. В те же годы были напечатаны небольшие публикации из архива ученого в сборнике "История и историки: Историографический ежегодник, 1972" (М., 1973) и в журнале "Новая и новейшая история" (1969, № 5–6). Однако полностью публикаторский план Зимина 1940-х гг. до сих пор все еще не реализован.

А.А. Зимин всю свою жизнь надеялся вернуться к любимой теме (я говорю об этом как свидетель). Но заветную мечту ему так и не удалось осуществить...

Немногие знают, что Александр Александрович писал прекрасные стихи. Среди них и стихотворение "Ключевский". Оно относится к 1977 г. В нем отразилось поразительное восприятие Зиминым и Ключевского, и судеб России.:

Вот он стоит, сощурившись сурово,
Лукавый старец в черном сюртуке.
А перед ним страстей вкусивший новых,
Бушует зал в туманном далеке.

Как слезы сердца, парадоксов зерна.
Сейчас понять его – не их удел.
Он был судьей, сеятель упорный,
И быть иным Ключевский не умел.

Другие мысли... Времена иные...
Вновь дым борьбы и суета сует.
А он, скорбя печалью России,
Один провидел, что исхода нет.

Конец уж близок. Он вот-вот настанет.
Девятым валом захлестнет страну.
И гром небесный надо всеми грянет.
И Русь, как Китеж-град, пойдет ко дну.

Такого прямого предсказания у Ключевского нет, хотя у него и были тяжелые предчувствия и провидения и о судьбе России, и о судьбах человечества в XX в. Но так Ключевского понимал и образно трактовал А.А. Зимин, и это – его право.

С.П. Рыбаков

В.В. ЛОЖКИН – ИСТОРИК-ИСТОЧНИКОВЕД

Владилен Васильевич Ложкин (7 апреля 1931 – 12 февраля 1993) доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории МГИМО МИД РФ, талантливый педагог, много сделал для развития источниковедения истории России конца XIX–XX в. и внедрения новой научной методикой в область специальных исторических дисциплин.

Окончив с отличием Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина, В.В. Ложкин работал учителем истории в Вологодской области, затем в 1954–1960 гг. научным сотрудником Центрального Музея революции. Работая в последнем, учился заочно в аспирантуре МГПИ им. В.П. Потемкина, а затем в очной аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина, которую окончил в 1962 г. В 1962–1964 гг. В.В. Ложкин работал в Магаданском педагогическом институте. Именно к этому времени относятся его первые статьи в газетах "Магаданский комсомолец" (26 октября 1962 г. и 9 августа 1963 г.), "Магаданская правда" (26 марта и 19 июля 1963 г.) и другие, запечатлевшие атмосферу 60-х годов. После возвращения в Москву в 1964–1969 гг. он трудится в МГИАИ, а с апреля 1969 г. был заведующим отделом в ЦМР. В 1973–1993 гг. преподавал в МГИМО.

Тема кандидатской диссертации, представляющая в наше время лишь переходящий интерес, волновала молодого исследователя. Разрыв между словом и делом – одно из печальных наследий, которые приходилось преодолевать¹. Научным руководителем был Л.К. Ерман – автор работ по истории интеллигенции. Защита состоялась в 1965 г. в МГПИ им. В.И. Ленина². Параллельно с названной темой зарождается интерес к персоналиям революционеров, который на многие годы определит окончательный научный выбор Владилена Васильевича. Первоначально это были эпизодические очерки о Камо (С.А. Тер-Петросяне), Д.И. Курском³ и др.

В конце 60-х – начале 70-х годов участие в научных экспедициях ЦМР, работа с архивными первоисточниками принесли ему известность как вдумчивого, скрупулезного исследователя⁴.

© С.П. Рыбаков

¹ Ложкин В.В. Главное – связь с жизнью. Магадан, 1964; *Он же*. Решающее условие укрепления связи политического просвещения с жизнью // Учен. зап. Магадан. пед. ин-та. 1963. Вып. 1, ч. 2; и др.

² Укрепление связи партийного просвещения с жизнью в период между XXI и XXII съездами КПСС (1959–1961): Автореф. ... канд. ист. наук. М. 1965.

³ Ложкин В.В. Ярость, рожденная борьбой // О людях с горящими сердцами. М., 1958; *Он же*. Наркомост Д.И. Курский // Сов. юстиция. 1967. № 18; и др.

⁴ Ложкин В.В. Из истории революционного движения в Латвии в конце XIX в. по февраль 1917 г. // ТЦМР. М., 1972; *Он же*. Важный источник по изучению российского пролетариата: Конкр.-социол. исслед. // Музейное дело в СССР. М., 1974; *Он же*. Материалы Центрального музея революции СССР как источник по изучению положения российского пролетариата с конца XIX в. по октябрь 1917 г. // Пролетариат России и его положение в эпоху капитализма: Материалы к Всесоюз. науч. сес., 19–22 октября 1972 г. Львов, 1972. Ч. 1.

Владилен Васильевич был одним из подготовителей комплекта портретов выдающихся рабочих-революционеров России конца XIX – начала XX в., вышедших в 1979 и 1983 гг. тиражом 26 тыс. и 38 тыс. экз. К портретам им были написаны краткие биографии С.Н. Аллилуева, Ф.Н. Самойлова, П.А. Моисеева и др.

В сборник "Соратники"⁵ Ложкин представил материалы по некоторым малоизвестным персоналиям.

В начале 70-х годов Ложкин руководил одной из научных экспедиций ЦМР в Саратовскую область. Комплексный подход к изучению разных источников по революции 1905–1907 гг., ранее неизвестных, которые Ложкин обнаружил более чем в двадцати государственных, семейных архивах, музейных фондах, в ряде случаев стенографирование воспоминаний участников событий, запись бесед с ними позволили открыть много нового. Результатом явилась книга⁶, посвященная истории крестьянского восстания в с. Николаевский Городок Саратовской губ. в 1905 г. В ней был показан сам процесс исследования и как результат – открытие малоизвестных страниц истории первой российской революции, борьбы против самодержавия, судеб революционеров.

Центром и опорным пунктом восставших стало расположенное в этом селе Мариинское земледельческое училище. Здесь возникла "Николаевская", или как ее еще называли "Мариинская республика". Вожаками республики стали ученики И. Уханов, И. Илларионов, А. Кузнецов, Н. Карцев. Автором книги показан путь учащейся молодежи в революцию.

Одной из источниковедческих находок Ложкина были воспоминания мариинца А.Г. Кузнецова о В.И. Ленине – "Незабываемые встречи". Биографическая хроника В.И. Ленина указывает, что 15 и 16 октября 1909 г. он выступал с рефератами в Льеже. При этом дается ссылка на письмо В.С. Довгалевского. Рукопись А.Г. Кузнецова, находившегося в 1909 г. в Льеже, датируется 1933–1936 гг. и дает новое подтверждение факта⁷.

В целом проведенный Ложкиным поиск был значителен: редчайшие фотографии крестьян и ученых "Мариинки", расписки революционного крестьянского комитета и другие материалы.

Для анализа массовых источников информации о положении и борьбе рабочих ("черных журналов" капиталистических предприятий, сбора сведений об инициаторах и руководителях социал-демократических кружков, групп, "Союзов борьбы", содержащихся в литературе и архивах, статьях, корреспонденциях № 1–52 "Искры") Ложкин создал информационно-поисковую систему (ИПС) на перфокартах.

Главная ИПС аккумулировала сведения о деятельности 5086 участников социал-демократического движения в России в 1883–1904 гг. В ее основу легли материалы многолетней работы группы советских историков 20–30-х годов во главе с В.И. Невским. Перечень только наиболее часто употребляемых названий источников и литературы содержит 866 наименований.

Ложкин дополнил публикации В.И. Невского и других данными из разных архивохранилищ, опубликованных источников и литературы, вышедших с середины 30-х до середины 80-х годов.

Метод кодировки этих сведений состоял в следующем. На перфокарте, разбитой на 25 полей, записывалась биография члена социал-демократической орга-

⁵ Соратники: Биографии активных участников революционного движения в Москве и Московской области. М., 1985.

⁶ Ложкин В.В. История одного поиска: "Николаевская республика": Страницы борьбы. М., 1979; Рец.: Розенталь И.С. Феномен Николаевского Городка // Молодой коммунист. 1981. № 4; Угаров И.Ф. // ВИ. 1980. № 5.

⁷ См. об этом: Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. М., 1971. Т. 2. С. 512–513; Ложкин В.В. История одного поиска. С. 112–114.

низации или лица, участвовавшего в социал-демократической работе в 1883–1904 гг., указывалось, в каких архивных документах, газетах, журналах, литературе опубликованы его произведения и упоминания о нем.

"Запись" Ложкин осуществлял как обычным способом, так и путем глубоких и мелких вырезов краев. Эти вырезы и их сочетания (в соответствии с определенными "ключами") давали возможность нахождения нужной информации. В ИПС были закодированы биографические сведения каждого участника социал-демократического движения: пол, социальное происхождение, год рождения, национальность, отрасль, в которой трудился рабочий или интеллигент, профессия, образование, годы начала революционной деятельности, вступления в социал-демократическую организацию, выполняемые партийные поручения, данные о репрессиях царизма, участие в буржуазно-демократических и социалистической революции и т.д.⁸

ИПС, в которую вошли сведения о 35% всех социал-демократов страны 1883–1904 гг. (без национальных организаций: Бунда, литовских, латышских, польских), давала богатую, разностороннюю информацию, которая возникала в массиве перфокарт, в их совокупности, являлась важным средством количественного анализа, облегчала статистический подсчет.

Еще в 1974 г. Ложкин начал изучение "черного журнала" типичного для российской промышленности конца XIX – начала XX в. предприятия – фабрики Э. Циндель (ныне 1-я Московская ситценабивная фабрика). В него заносились имена неугодных хозяину рабочих с 1876 по 1910 г. Первоначально Ложкин не применял перфокарт. В итоге четко прослеживалась связь между числом занесенных в "черный журнал" жертв произвола и развитием рабочего движения (больше всего записей падает на 90-е годы и на 1905–1907 гг.). В периоды революционных взрывов усиливаются социально-политическая активность молодежи как наиболее грамотной части населения. В первых рядах революционных борцов находились выходцы из Московской губернии.

В 1979 г. Ложкин опубликовал обобщающее исследование по указанной теме⁹. Судьба "черных журналов" сложилась необычно: хотя их существование общеизвестно, они почти не привлекали внимания историков и источниковедов. Ложкин выявил в архивах и музеях ряд "черных журналов", ему удалось убедительно показать их большую источниковедческую ценность.

Он дал тщательное археографическое описание "черного журнала" фабрики Э. Циндель, выявил его связи с другими источниками и, наконец, провел статистическую обработку его данных. Записи журнала были обчисланы с помощью перфокарт типа К-5 (всего составлено 1695 перфокарт, на каждой из которых было закодировано 89 показателей, а для 1905–1907 гг. – 112). Результаты, полученные в ходе исследования, сведены в несколько таблиц, характеризующих причины увольнения рабочих и состав уволенных. В итоге были получены интереснейшие данные о положении и борьбе текстильщиков за свои права. Таким образом, в процессе исследования и анализа "черных журналов" капиталистических предприятий Ложкин предложил новые пути научного исследования.

Другой функцией ИПС было упрощение поиска необходимой информации, часть которой была закодирована и уже готова к использованию. Эта часть хранится в виде ссылок на источники и литературу. При этом Ложкин подчеркивал, что ИПС является лишь инструментом в руках исследователя. Во всех

⁸ Ложкин В.В. К вопросу об изучении состава участников социал-демократического движения в России (1883–1903): Методика обработки данных // ИСССР. 1983. № 2. С. 89–95.

⁹ Ложкин В.В. К методике изучения "черных журналов" капиталистических предприятий конца XIX – начала XX в. // Источниковедение отечественной истории, 1979. М., 1980.

случаях недопустима абсолютизация количественных факторов без анализа качественных. Но ИПС упрощает исследователю определение качественно новых явлений, позволяет выделять и изучать типичные, яркие, адекватно характеризующие исторический процесс.

ИПС помогла Ложкину открыть новые факты, в частности, ленинскую работу 1894 г., которую искали специалисты в течение долгого времени¹⁰. Это ленинский вопросник 1894 г., когда Ленин и его соратники занимались изучением условий труда и быта рабочих. Ложкин установил в пользу ленинского авторства три группы аргументов и свыше сорока смысловых и двадцати текстуальных совпадений в вопроснике и в трудах Ленина.

Ложкиным была также обнаружена рукописная брошюра "Как живут портовые рабочие" и листовка "Чего следует добиваться портовым рабочим?". Было проведено обоснование ленинского авторства рукописи брошюры и листовки 1894–1895 гг. В личном архиве Ложкина сохранилась рукопись (42 машиноп. с.) с обоснованием ленинского авторства. Частично аргументация опубликована¹¹.

Впервые мысль о ленинском авторстве брошюры в 30-е годы высказал Г.А. Тихомирнов и привел комплекс доказательств, заслуживающих внимания. В 50-е годы большой знаток источников по истории "Союзов борьбы" С.Н. Валк также предполагал ленинское авторство. Их изыскания продолжил Ложкин. Он установил связь между брошюрой "Как живут портовые рабочие" и ленинским "Объяснением закона о штрафах..." Обе работы содержат много примеров положения рабочих Нового Адмиралтейства. Одним из доказательств ленинского авторства рукописной брошюры могут служить более тридцати текстуальных совпадений в брошюре и в работах Ленина, написанных в 1895–1896 гг.

В апреле 1980 г. Ложкин получил отрицательный отзыв ИМЛ по поводу обоснований ленинского авторства брошюры. Но свою точку зрения Ложкин не изменил. В 1990 г., выступая на встрече участников "круглого стола" по теме "Актуальные вопросы исследования дооктябрьского периода", он говорил: «Мы далеко не все знаем о его (В.И. Ленина. – С.П.) работе в "Союзе борьбы" (впрочем, как и о многих других деятелях). Недостаточно энергично ищем многочисленные ленинские документы, не известные еще исследователям. И даже больше – не признаем найденные на основе того, что они не укладываются в наши схемы и догмы... Думается, не правы были старые работники сектора В.И. Ленина ИМЛ, отвергнувшие ленинское авторство найденных мною рукописной брошюры "Как живут портовые рабочие" и листовки "Чего следует добиваться портовым рабочим?" (1895). Как можно к описанию "одного только завода", составленного, по словам Ленина, "кое-как", "с громадным трудом" (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 152), предъявлять требования как теоретическому труду, подготовленному к печати»¹².

В 1984 г. на XV зональной межвузовской конференции, посвященной 100-летию Морозовской стачки (г. Владимир) Ложкин высказал предложение по созданию на базе ЭВМ банка информации об участниках революционного движения¹³. При разработке программы, вероятно, можно будет использовать опыт Ложкина

¹⁰ Ложкин В.В. Ленинский вопросник 1894 г. // АЕ за 1982 год. М., 1983; Новый документ Владимира Ильича Ленина // Коммунист. 1985. № 6. С. 3–8; Вопросник // Ленинский сборник, XL. М., 1985. С. 19–26.

¹¹ Ложкин В.В. Обследование ленинским "Союзом борьбы за освобождение рабочего класса" положения рабочих // ВИ. 1982. № 7.

¹² ВИ КПСС. 1990. № 9. С. 46.

¹³ Ложкин В.В. Роль рабочих-революционеров в социал-демократическом движении России и создании ленинской партии (1883–1903 гг.) // Морозовская стачка 1885 г. и рабочие Центрального промышленного района России в конце XIX – начале XX в. М., 1984. С. 95.

по созданию ИПС на перфокартах, а также опыт применения ЭВМ в кадровых и иных службах, при изучении историко-экономических и других проблем.

В 1986 г. в МГПИ им. В.И. Ленина состоялась защита докторской диссертации В.В. Ложкина¹⁴. Специальная глава была посвящена анализу количественного и качественного состава рабочих-революционеров, членов социал-демократических организаций России в 1883–1903 гг. Идея о банке информации была принята как рекомендация специализированного Совета по защите докторских диссертаций.

Для получения результатов анализа социал-демократических организаций 1883–1903 гг. Ложкин рассматривал не весь объем "Словаря" В.И. Невского, а репрезентативную выборку. Он исследовал сохранившиеся биографии социал-демократов, чьи фамилии начинались с букв от "А" до "К". Эта выборка составляла около 35% генеральной совокупности. Определяя объем выборки, он исходил из наличия закономерности и распространенности фамилий на разные буквы алфавита. Чтобы узнать их соотношение, Ложкин проанализировал списки лиц, близкие к изучаемым по времени, характеру деятельности, национальности. Он провел анализ списка фамилий членов Всесоюзного общества старых большевиков и списка абонентов Московской телефонной сети 1915 г. Выборка фамилий от "А" до "К" составила соответственно 34,8 и 36,1%.

Кроме того, для выявления репрезентативности выборки ИПС Ложкиным была использована методика, применяемая в случаях, когда неизвестна генеральная совокупность. Из выборки социал-демократов ИПС была выделена меньшая выборка, куда вошли те, чьи фамилии начинались от "А" до "Г". Обсчет данных малой (буквы от "А" до "Г") и большой (буквы от "А" до "К") выборок дал близкие результаты по таким признакам, как возраст, отрасль, в которой трудился рабочий, профессия, национальность, грамотность, время начала революционной и социал-демократической деятельности¹⁵.

ИПС дала исследователю возможность обнаружить новые сведения при анализе вопроса о социальном составе социал-демократических организаций в период создания РСДРП. Оставляя в стороне критику методологического тезиса западных авторов, согласно которому характер РСДРП определялся главным образом ее социальным составом, Ложкин показал фактическую неверность утверждения, что РСДРП по своему составу не была рабочей партией. Вместе с тем он отметил, что пролетарский характер партии определяется не только этим фактором, но и тем, "кто ею руководит и каково содержание ее действий и ее политической тактики"¹⁶.

В начале 1980-х гг. вопрос о социальном составе социал-демократии 1883–1903 гг. оставался малоизученным. Впервые социальный состав РСДРП в целом на начало 1905 г. был определен путем ретроспективного анализа данных партийной переписи 1922 г. (61,7% рабочих). Затем в 1976 г., опираясь на 4,5 тыс. биографий членов РСДРП, М.С. Волин проанализировал состав РСДРП накануне (1904) и в период первой российской революции (в группе социал-демократов со стажем до 1904 г. рабочие составляли 61%). В настоящее время картотека группы М.С. Волина находится в Рукописном отделе института российской истории РАН.

Итоги выборки Ложкина обнаружили близкие результаты: среди участников социал-демократического движения 1883–1904 гг. было 2108 рабочих (59,6%)

¹⁴ Ложкин В.В. Роль рабочих-революционеров в борьбе за создание ленинской партии (1895–1903): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1985.

¹⁵ Ложкин В.В. Состав рабочих социал-демократов и их роль в создании ленинской партии // ВИ. 1983. № 7. С. 67–68.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 261.

и 1420 интеллигентов и служащих (40,4%); у 939 человек социальное положение указано не было¹⁷. Факты, приведенные в его исследованиях, показывают, что по своему составу РСДРП с самого начала была партией сознательной части революционного пролетариата России. Рабочее ядро партии существенно определяло ее политический облик и поведение. Рабочие составляли значительную часть профессиональных революционеров.

При этом в полемике с А.В. Ушаковым¹⁸ Ложкин подчеркивал, что вряд ли верно объяснять стремление изучать социальный состав РСДРП необходимостью доказать ее пролетарский характер. Ясно, что, если бы анализ состава РСДРП показал, что рабочих было меньшинство, это не изменило бы вывода о ее пролетарском характере.

В 1986 г. вышла книга Ложкина "Когорта славных". Как отмечали рецензенты, автору была свойственна "точная источниковедческая техника"¹⁹. С помощью ИПС Ложкин определил численность рабочих в социал-демократических организациях. Репрезентативная выборка при анализе показала, что пролетарское ядро РСДРП дали Петербург, Центрально-промышленный район и другие развитые в капиталистическом отношении губернии; революционеры формировались, главным образом, из числа потомственных, квалифицированных кадровых пролетариев с высоким уровнем грамотности.

По подсчетам Ложкина, рабочие составляли около трети партийных пропагандистов, они в основном распространяли в фабрично-заводской среде нелегальную литературу. Почти каждый третий – автор книг, брошюр, статей, листовок – был представителем рабочего класса²⁰.

Интересен также проведенный В.В. Ложкиным анализ тематики публикаций в "Искре" и их авторов. Он показал, что более 600 статей, корреспонденций, заметок были посвящены характеристике экономического и политического положения пролетариата.

10–11 октября 1991 г. Институт истории РАН и Львовский государственный университет им. И. Франко провели межреспубликанский симпозиум по использованию количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Было заслушано 15 докладов ученых России, Украины и Белоруссии. В.В. Ложкин выступил с докладом "Анализ состава рабочих – участников социал-демократического движения в России в 1883–1903 гг." и показал отсутствие тесной связи (при парном корреляционном анализе) между ростом членов РСДРП, например, и других политических партий России и размахом массового движения в стране. «Это свидетельствует об огромном значении стихийного элемента в движении, роли объективных факторов, значение которых, – подчеркивал Ложкин, – мы, по-видимому, недооцениваем, нередко субъективистски обвиняя левые силы, революционно-демократические партии в таких "грехах", в которых они неповинны»²¹.

Девизом книг и статей В.В. Ложкина стало: "Без людей нет истории!"²² Ложкин подчеркивал, что в настоящее время назрела необходимость переиздания

¹⁷ Ложкин В.В. Состав рабочих социал-демократов. С. 69–70.

¹⁸ Ложкин В.В. По поводу статьи А.В. Ушакова "Демократическая интеллигенция России на пути к социалистической революции" // ВИ. 1988. № 5. С. 142–146.

¹⁹ Ложкин В.В. Когорта славных. М., 1986; Рец.: С.В. Карпачев // ВИ. 1986. № 10. С. 141–142; Ю.И. Кирьянов // ВИ КПСС. 1987. № 1. С. 133–136.

²⁰ Ложкин В.В. Когорта славных. С. 60–61. См. также публикации Ложкина: "Мы сами – государи!" // Памятники Отечества. М., 1977. Кн. 3. С. 147–165; Он же. К изучению источников по истории "Николаевской республики" (1905) // Источниковедение отечественной истории, 1981. М., 1982.

²¹ Личный архив В.В. Ложкина. Рукопись выступления.

²² Ложкин В.В. Без людей нет истории! // ВИ КПСС. 1987. № 12.

двух выпусков Биобиблиографического словаря социал-демократов и доведения его до конца. Он мотивировал это предложение следующим: во-первых, за почти полувековой период вышло много новой литературы и источников, выявлено большое количество персоналий, которые необходимо учесть. Во-вторых, в архивах создан информационно-справочный аппарат, и необходимо шире использовать его, нежели это сделала группа В.И. Невского. По мнению Ложкина, для этого нужно организовать группу или специальный центр по созданию на базе ЭВМ банка информации о социал-демократах дооктябрьского периода. При разработке единой программы сбора такой информации, можно объединить усилия многих историков и архивистов.

Знание деятельности людей обогащает историю, позволяет использовать в научных исследованиях огромное количество новых источников, опубликованных и архивных. Просмотр тысяч дел в фондах Департамента полиции, обозначенных только фамилиями, невозможное дело, и они в большинстве проходят мимо исследователей. А знание участников событий дает возможность найти новые документы и, подчас, дать новую оценку событию.

В 1991–1992 гг. В.В. Ложкин вновь обращается к теме о газете "Искра". Тщательно изучив комплект старой, ленинской "Искры" (декабрь 1900 – ноябрь 1903 г.) и новой, меньшевистской "Искры" (ноябрь 1903 – октябрь 1905 г.), он написал статью «Старая и новая "Искра"» для энциклопедического словаря "Политические партии и организации" в издательство АПН ("Новости"). Прежние справочные издания ограничивались лишь статьями о старой, ленинской "Искре".

Свободный от сиюминутной конъюнктуры, В.В. Ложкин продолжал изучение революционных страниц истории России. Когда выражение "революционное движение" стали заменять на эвфемизм "общественное движение", он закончил монографию "Первое мая в России", написанную по заказу издательства "Московский рабочий". Однако из коммерческих соображений она была снята из плана. Рукопись хранится в личном архиве Ложкина.

Хотелось бы выразить пожелание, чтобы личный архив Ложкина, в том числе 5086 карточек, сохранился бы, как и картотека М.С. Волина. Думается, что Музей революции, которому Ложкин отдал многие годы работы, мог бы проявить заинтересованность в его архиве, в частности к указанной картотеке, чтобы такая картотека стала своего рода эстафетой изысканий В.И. Невского, М.С. Волина при создании банка информации персоналий деятелей революционного движения.

Последние 20 лет Владилен Васильевич работал на кафедре отечественной истории МГИМО. Студенты высоко оценивали его педагогическое мастерство²³. В.В. Ложкин был одним из инициаторов создания Исторического клуба при кафедре. Он учил студентов проходить путь первооткрытий без сенсационности, но кропотливо и терпеливо. Своим примером трудолюбия и неравнодушного сердца он подтвердил мысль поэта: "...труд тебе награда, им ты дышишь".

²³ Там же. С. 110.

Р. Гварамия, Ц. Курцикидзе

К ЮБИЛЕЮ ЕЛЕНА ПАВЛОВНЫ МЕТРЕВЕЛИ

Исполнилось 75 лет со дня рождения заслуженного деятеля науки академика АН Республики Грузия Елены Павловны Метревели. Е.П. Метревели – известный археограф, литературовед и филолог широкого диапазона, внесшая огромный вклад в дело развития грузинской науки. Велика ее заслуга также в деле изучения византийско-грузинских литературных связей. На протяжении 20 лет Елена Павловна руководила Институтом рукописей им. К.С. Кекелидзе АН ГССР и на этом посту являлась достойной преемницей своего предшественника – основателя института и его первого директора проф. И.В. Абуладзе.

Е.П. Метревели родилась в семье педагогов. В 1935–1940 гг. она училась в Тбилиском государственном университете. В 1940–1943 гг. прошла курс обучения в аспирантуре на кафедре древнегрузинской литературы. В 1946 г. Е.П. Метревели защитила кандидатскую, а в 1958 г. – докторскую диссертации. С 1946 г. она работала старшим научным сотрудником рукописного отдела Государственного музея Грузии им. С.Н. Джанашиа, одновременно читала лекции по древнегрузинской литературе в Педагогическом институте им. А.С. Пушкина. С 1958 г. Е.П. Метревели руководит отделом археографии Института рукописей, а в 1968–1989 гг. занимает пост директора того же института. В 1974 г. Е.П. Метревели избирают членом-корреспондентом, а в 1983 г. – действительным членом АН ГССР.

Е.П. Метревели – автор более 130 научных трудов, из них 11 монографий. Тематика ее исследований весьма разнообразна, она охватывает как древнегрузинскую духовную письменность, так и многие сферы светской литературы.

Широта диапазона научной проблематики Е.П. Метревели во многом обусловлена тем, что вся ее деятельность на протяжении долгих лет связана с Институтом рукописей. Годы работы Е.П. Метревели в этом учреждении совпали с широкой археографической деятельностью, развернутой в институте. С 1946 г. она непосредственно включается в работу и руководит составлением научного описания богатых фондов грузинских рукописей, хранящихся как в институтских, так и в других древлехранилищах Грузии и за ее пределами. Именно в данный период грузинским исследователям стали доступны уникальные грузинские зарубежные коллекции (монастыря св. Екатерины на Синае, Иви-рона, Греческой патриаршей библиотеки в Иерусалиме) и малые коллекции из древлехранилищ разных стран. Достаточно отметить тот факт, что из 30 томов "Описаний", составленных сотрудниками института, Е.П. Метревели является соавтором 9 и редактором 17 томов.

Е.П. Метревели принадлежит публикация подготовленного Н.Я. Марром описания некоторых грузинских рукописей из Иерусалимской греческой патриаршей библиотеки. В настоящее время при ее участии и под ее руководством составлено и готовится к публикации обширное описание этой важной грузинской коллекции, опубликованы три тома описания литургических рукописей синайской грузинской коллекции и первый том описания афонской коллекции. Во вступительных частях описаний дается оценка огромного значения данных коллекций

для изучения истории грузинской письменности и культуры; особо отмечается также значение этих рукописей для изучения общих вопросов раннехристианской литературы.

Изучение и описание рукописных коллекций во всей полноте раскрыли и выявили древние и богатые традиции грузинской письменности, во многом определили филологические, литературно-исторические исследовательские направления института. В определении этих ориентиров и реализации научной проблематики вместе с И.В. Абуладзе большой вклад внесен и Е.П. Метревели.

В процессе работы над тематически весьма разнообразными грузинскими рукописями V–XIX вв., которые сохранили нам множество оригинальных и переводных памятников, Е.П. Метревели выявила и изучила немало не известных науке памятников, а также историко-литературных фактов и на основе широкого историко-филологического анализа точно определила их место в грузинской литературе и истории развития грузинской культуры.

Е.П. Метревели изучает оригинальные и переводные памятники светской литературы классического периода ("Витязь в тигровой шкуре", "Амиран-дареджаниани", "Абдулмесиани"), художественную литературу так называемого периода Возрождения (XVII–XVIII вв.); ряд работ посвящается изучению памятников лексикографического, картографического и правового характера. Особо надо отметить вклад Е.П. Метревели в дело изучения и публикации трудов С.С. Орбелиани.

Предметом специального изучения Е.П. Метревели избирает довольно распространенный в грузинской литературе жанр путешествий, изучает и публикует "Путешествия" Т. Габашвили и Г. Авалишвили. Публикация названных сочинений являлась одним из этапов в исследовании проблемы, которой Елена Павловна занимается в течение многих лет, в частности, исследование рукописных коллекций грузинских зарубежных литературно-просветительных центров (Афона, Палестины, Сирии, Синая) и их значение для изучения истории грузинской средневековой письменности и культуры, в более широком плане – вопросы взаимосвязи и взаимообогащения христианских культур Востока и Запада. Определенная часть результатов, полученная автором в этом направлении, нашла свое отражение в книге "Материалы к истории Иерусалимской грузинской колонии (XI–XVII вв.)" (Тбилиси, 1962). Книга содержит обширные сведения, освещающие вопросы истории малоизученных и доселе неизвестных грузинских скрипториев Палестины. Она же установила по письменным источникам существование в Палестине – в Шеханской долине – неизвестного грузинского монастыря, в котором велась интенсивная литературная деятельность в тесном контакте с Иерусалимским Крестным монастырем.

Весомый вклад Е.П. Метревели внесла в изучение грузинских скрипториев на Черной горе близ Антиохии. Среди Черногорских скрипториев она выявила неизвестный науке грузинский монастырь XI в. Этот факт в дальнейшем был подтвержден археологическими раскопками, проведенными в Антиохии американским ученым проф. В. Джобадзе.

Последние 15 лет Е.П. Метревели занимается изучением истории афонского грузинского монастыря, сотрудничает с Парижским центром цивилизации и истории Византии, который готовит дипломатические публикации грекоязычных актов афонских монастырей. Она была приглашена для участия в публикации греческих актов Ивилона, в которой ей принадлежат расшифровка и комментирование многочисленных грузинских приписок греческих актов. Для исследовательской части публикации Е.П. Метревели провела собрание, изучение и оценку грузинских источников истории Ивилона. В настоящее время уже опубликованы первые три тома греческих актов Ивилона с исследованием, готовится к печати четвертый том. Кроме того, Е.П. Метревели уже завершила моно-

графию, посвященную истории грузинской афонской литературной школы, сыгравшей важнейшую роль в истории грузинской культуры.

Предметом особого интереса Е.П. Метревели в области древнегрузинской филологии являются памятники гимнографической литературы (оригинальные и переводные) ранневизантийского периода.

Еще в 1971 г. ею был опубликован фундаментальный труд "Две древние редакции грузинского Ирмология (по рукописям X–XI веков)". На основе ранних списков грузинского Ирмология в книге даны этапы формирования этого памятника, изучены его взаимоотношения с греческим оригиналом и славянским переводом, освещены вопросы, ведущие к малоизученным истокам византийской и грузинской духовной поэзии. Означенный труд Е.П. Метревели получил большое признание в широких кругах отечественных и зарубежных ученых.

В научной литературе неоднократно отмечалось особое значение древнегрузинских переводов греческих литургических, в частности гимнографических памятников для изучения ранневизантийской, иерусалимской богослужебной практики V–X вв. Подтверждением тому служит изданный авторским коллективом (Е.П. Метревели, Ц.А. Чанкиева, Л.М. Хевсуриани) под руководством Е.П. Метревели в 1980 г. по рукописям X в. "Древнейший Тропологий" (сборник песнопений), который вместе с грузинской редакцией Иерусалимского лекционария является уникальным источником для исследования раннего этапа расцвета гимнотворчества в Палестине. "Тропологий" раскрывает новые возможности для изучения развития многообразных форм греческих песнопений V–VIII вв., создававшихся в многочисленных монастырях и церквях Палестины. Издание текста "Древнейшего Тропология" с обширным его исследованием отмечено Государственной премией Республики Грузия.

Глубокое знание рукописного наследия и широкое видение научных проблем дали возможность Е.П. Метревели уже в качестве директора института вести почти всю его научную проблематику. Следовательно, судить о заслугах Елены Павловны приходится не только по ее исследованиям и публикациям, но и по тем работам, которые были успешно выполнены под ее руководством сотрудниками института и многочисленными ее учениками.

Под постоянным наблюдением Е.П. Метревели были продолжены и осуществлены работы, начатые еще под руководством проф. И.В. Абуладзе, а именно подготовка к публикации грузинских редакций книг Ветхого завета (изданы первые три тома), грузинских оригинальных агиографических памятников позднего периода (опубликованы два тома), симфонии к 4-томному изданию грузинских оригинальных агиографических памятников раннего периода, древнейших грузинских палимпсестных текстов (издан первый том), аннотированного словаря личных имен по историческим документам XI–XVII вв. (вышел в свет первый том) и др.

Е.П. Метревели постоянно стремилась к расширению круга исследований института, в результате чего тематика его работ становилась все масштабнее. Это, в свою очередь, привело к включению института в международные научные программы, в частности институт принимает участие в подготовке к публикации корпуса гомилетических сочинений Григория Назианзина, сочинения Максима Исповедника, апокрифической литературы и др.

Огромной заслугой Елены Павловны является также основание в 1978 г. серии "Памятники древнегрузинской письменности". По данной серии уже опубликованы 13 томов первостепенных памятников древнегрузинской оригинальной и переводной литературы, подготовленных сотрудниками института, некоторые из них осуществлены под руководством Е.П. Метревели и под ее редакцией.

Широкий научный диапазон, глубокое и масштабное видение исследуемых проблем, организаторские способности и личностные качества дали возможность

Е.П. Метревели успешно вести весьма многообразную научную тематику института и одновременно руководить делом защиты и хранения богатого рукописного наследия.

По инициативе Е.П. Метревели в институте было открыто три новых отдела: восточный отдел, отдел архивных фондов и отдел хранения и защиты рукописей, формирование которых было продиктовано назревшей необходимостью.

Поддержку и действенную помощь Е.П. Метревели ощущали специалисты, работающие над описанием не только грузинских, но и восточных рукописей, равно как и исследователи, изучающие грузино-греческие, грузино-персидские или грузино-арабские литературные связи.

Е.П. Метревели готовит молодые кадры, заботливо руководит их научными работами.

На протяжении многих лет Е.П. Метревели была членом Археографической комиссии Академии наук СССР и активно участвовала в проводимых ею все-союзных и международных симпозиумах. Одновременно она руководила и Археографической комиссией АН ГССР.

Ныне Елена Павловна Метревели осуществляет многообразную археографическую деятельность уже как глава научной школы, получившей широкое признание мировой науки.

Б.Н. Флоря

К 60-ЛЕТИЮ В.А. КУЧКИНА

30 декабря 1993 г. исполнилось 60 лет со дня рождения Владимира Андреевича Кучкина, крупного специалиста по истории русского средневековья и исследователя древнерусских источников.

Интерес к древнерусской истории и углубленному изучению источников зародился у В.А. Кучкина еще на студенческой скамье в семинаре такого крупнейшего знатока и исследователя нашего национального прошлого, как академик М.Н. Тихомиров. В дальнейшем на формирование научной индивидуальности В.А. Кучкина наложила глубокий отпечаток совместная работа с Арсением Николаевичем Насоновым, изучению творчества которого он посвятил впоследствии ряд специальных работ. Общение с ним сыграло свою роль, и молодой ученый, занимавшийся первоначально XVII в., обратился к изучению источников, освещавших события XIII–XV вв. – эпохи упадка Руси после татаро-монгольского нашествия, борьбы против ордынского ига и политического объединения русских земель. Изучение источников и исторической проблематики этого периода заняло центральное место в его научном творчестве.

В общении с А.Н. Насоновым выработались такие особенности научной индивидуальности В.А. Кучкина, как стремление строить все свои выводы лишь на основе тщательного анализа источников, опирающегося на строгую, продуманную методику исследования, и вместе с тем умение использовать накопленные наблюдения и факты для решения крупных исторических проблем. Эти особенности научного дарования В.А. Кучкина нашли яркое выражение уже в его первом крупном исследовании – "Повести о Михаиле Тверском" (М., 1974). Основную часть работы составило тщательное исследование текстологической традиции Жития погибшего в начале XIV в. в Орде тверского князя, сохранявшейся в составе памятников разного типа на протяжении нескольких веков. Это исследование дало возможность не только установить, каков был первоначальный вид памятника, но и проследить, как под воздействием различных факторов менялось отношение к описанным в нем событиям начала XIV в. в древнерусской исторической традиции. В свою очередь всесторонний источниковедческий анализ первоначального текста дал основание для серьезных исторических выводов о характере политической борьбы и тенденциях развития общественной мысли Северо-Восточной Руси начала XIV в.

Уже эта работа, посвященная важным событиям в истории Тверского княжества, показала, что в подходе к исторической проблематике эпохи ученый стремился развивать взгляды тех исследователей, кто, как А.Е. Пресняков, выступал против того, чтобы сводить проблему объединения русских земель к вопросу о политическом возвышении Москвы, и стремился рассматривать сам процесс объединения как результат борьбы ряда параллельно развивавшихся политических центров.

В соответствии с такой постановкой вопроса изучение политического развития иных центров Северо-Восточной Руси (помимо Москвы) стало одной из важных проблем исторического исследования. Попытка ее решения была предпринята

А.Е. Пресняковым, который, однако, затронул в своей работе только некоторые наиболее крупные центры, а картину их развития смог обрисовать лишь в общем виде, так как опирался исключительно на сравнительно немногочисленные данные нарративных источников XIV–XV вв.

Приступая вслед за А.Е. Пресняковым к решению проблемы, В.А. Кучкин подкрепил тщательный анализ нарративных и немногих документальных свидетельств XIV в. ретроспективным анализом широкого круга документальных источников XV–XVII вв., содержащих сведения о владениях отдельных древнерусских княжеских родов на территории Северо-Восточной Руси. Разработанная исследователем строгая методика их анализа, основанная на тщательном сопоставлении генеалогических и историко-географических данных, позволила получить результаты, которые дали возможность нарисовать конкретную картину внутреннего политического деления едва ли не всех княжеств Северо-Восточной Руси и показать его эволюцию на протяжении XIV в.

Результаты исследования, изложенные В.А. Кучкиным в книге "Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв." (М., 1984), позволили ему прийти к важному общеисторическому выводу: та борьба тенденций централизации и децентрализации, которые исследователи выявили в историческом развитии Московского княжества, могут быть прослежены и в истории других древнерусских политических центров того времени. В свете исследования В.А. Кучкина большая часть XIV в. предстает как эпоха ожесточенной борьбы разных политических центров между собой, борьбы, в которую постоянно вмешивалась Орда. И лишь с последней четверти XIV столетия с политическим возвышением Москвы, утверждением власти московских князей над землями Владимирского великого княжения наступает политический упадок ряда таких центров, усиливается процесс дробления их территорий. Тем самым переломная роль княжения Дмитрия Донского в историческом развитии Северо-Восточной Руси вырисовывается гораздо более отчетливо, чем ранее.

Значение полученных В.А. Кучкиным результатов не ограничивается рамками истории XIV в. Осуществленная им реконструкция внутреннего деления княжеств создает основу для более углубленного изучения их внутренней истории и истории взаимоотношений княжеств с Москвой в конце XIV–XV в. и для более объективного представления об объединении русских земель вокруг этого центра. В монографии содержатся важные конкретные наблюдения и выводы, проливающие свет на многие аспекты и этой темы.

Занимаясь изучением проблематики XIV в., ученый никак не мог пройти мимо такого крупнейшего события русской политической и национальной истории, как Куликовская битва 1380 г. Опираясь на результаты своих исследований по истории древнерусских княжеств, В.А. Кучкин в специальной работе детально рассмотрел те изменения в политической жизни Руси 60–70-х годов XIV в., которые сделали возможным объединение русских княжеств вокруг Москвы для борьбы с Золотой Ордой¹. Особое внимание исследователь уделил восстановлению правдивой картины этого выдающегося исторического события. Поскольку значительную часть сведений о событиях, непосредственно предшествовавших Куликовской битве, и о самом сражении исследователи черпали из таких литературных памятников, как "Задонщина" и "Сказание о Мамаевом побоище", то ученому пришлось предпринять исследование и сложной текстологической традиции памятников, и содержания имеющихся в них сведений. В итоге выяснилось, что "Сказание о Мамаевом побоище" создано спустя 100 лет после описанного в нем события и содержит большое количество легендарных,

¹ Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980.

неправдивых сведений. Прделанное исследование позволило В.А. Кучкину дать описание события, основанное на правдивых, достоверных фактах².

Прекрасное знание источников, тонкие методы их исследования позволили В.А. Кучкину создать и яркие биографии исторических деятелей эпохи – князя Владимира Андреевича Серпуховского³ и игумена Сергия Радонежского⁴. Жизнь Сергия, одного из самых знаменитых русских святых, привлекала к себе внимание многих поколений исследователей, черпавших свои сведения из одного и того же источника – разных редакций его Жития. Предпринятое В.А. Кучкиным изучение этого источника позволило ему обрисовать жизненный путь Сергия существенно иначе, чем это было у его предшественников. Даже ставший хрестоматийным эпизод о встрече Дмитрия Донского с Сергием перед битвой с татарами получил в его работе иное, более соответствующее исторической действительности место.

Этой главной, магистральной темой исследования научное творчество В.А. Кучкина далеко не исчерпывается. В наследии ученого многие десятки работ, посвященных анализу исторических событий, документов, литературных произведений от эпохи Киевской Руси до XVIII в., публикации важных документов и литературных произведений (среди них такое важное, как первоначальная редакция Жития митрополита Алексия). Особо следует выделить большую группу работ, посвященных локализации древних топонимов и установлению пограничных линий, которые вместе с монографией о государственной территории Северо-Восточной Руси вносят важный вклад в развитие историко-географических исследований в нашей стране.

В своих трудах о политическом развитии древнерусских княжеств XIV в. В.А. Кучкин первоначально оставил в стороне Московское княжество. К истории его внутреннего развития он обратился уже обогащенный знанием других исторических вариантов развития и начал, как обычно, с изучения главного источника – завещаний московских князей XIV в. Источник этот, как известно, давно находится в распоряжении ученых – его скрупулезно изучали многие поколения исследователей. Однако, как показывают появляющиеся в последние годы исследования, В.А. Кучкин и здесь сумел внести много нового не только в понимание, но и в само прочтение текстов, заново тщательно вычитанных им по рукописным оригиналам.

Эти исследования показывают, что свое 60-летие В.А. Кучкин встречает в расцвете таланта, и есть все основания ожидать от него новых выдающихся успехов в трудном деле изучения скудных источников нашего классического средневековья.

² Кучкин В.А. Куликовская битва // ВИ. 1978. № 8.

³ Кучкин В.А. Сподвижник Дмитрия Донского // ВИ. 1979. № 8.

⁴ Кучкин В.А. Сергий Радонежский // ВИ. 1992. № 10.

II. ОБЗОРЫ, ОПИСАНИЯ, БИБЛИОГРАФИЯ

И.Г. Пономарева

О ХРОНОЛОГИИ РАННИХ КАЛЯЗИНСКИХ АКТОВ

В третьем томе "Актów социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI века" в числе прочих помещены документы из архива Троицкого Макарьева Калязина монастыря. Почти все ранние акты Калязина монастыря не имеют дат. Исследуя вопросы, связанные с историей калязинской вотчины, автор предлагаемой статьи попыталась установить хотя бы относительную взаимную хронологическую последовательность оформления актов. Результаты работы представлены в таблице в конце статьи, к которой даны необходимые пояснения.

В таблице не упоминаются документы, хранившиеся в калязинском архиве, но не фиксирующие земельные операции монастыря, переданные, очевидно, во время заключения сделок вместе с землей. В таблицу внесены только акты, составленные при жизни основателя монастыря, ставшего его игуменом, Макария Калязинского, который умер в марте 1483 г.

Пользуясь случаем, хотелось бы отметить, что составители издания, включив в него документы до начала XVI в., не учли одного акта из калязинского архива XV в. В описях грамот XVIII в. значится судная грамота "за печатью" суда Якова Захарьевича по тяжбе Калязина монастыря о деревнях в Нерехотском стане в Кашинском уезде¹. В ней упоминаются также вел. кн. Иван Васильевич и игумен Пафнутий. Вряд ли речь может идти об Иване IV. Пафнутий был преемником Макария, и его имя встречается в калязинских актах конца XV в.² В Якове Захарьевиче можно видеть Я.З. Кошкина, участника похода на Тверь в 1485 г.³ Таким образом, составление грамоты следует отнести к концу 1485 – началу 1486 г.

От 1434–1483 гг., т.е. предполагаемого времени основания монастыря (похоже, что это произошло около 1434 г.⁴) до смерти Макария Калязинского, сохранились 30 актов, о четырех грамотах известно по упоминаниям о них в описях XVIII в., но так как многие ранние акты краткие и схематичные, эти записи оказываются практически равноценны грамотам и могут рассматриваться наравне с ними. Далее в тексте не делается различия между собственно актами и запи-

© И.Г. Пономарева.

¹ РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ), Оп. 1. Ч. 1. Кн. 24 (Переписная книга Калязина монастыря). Л. 104; Ф. 1193 (Архив Троицкого Макарьева Калязина монастыря). Оп. 1. Кн. IV. Л. 442 об.

² АСЭИ. М., 1964. Т. III. № 159–161, 172.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 154.

⁴ Пономарева И.Г. Крупная феодальная вотчина Тверского края XV – начала XVII в.; По материалам Троицкого Макарьева Калязина монастыря. С. 33–34 (Рукопись дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Хранится в РГБ).

сями о них. Даты составления имеют только два документа⁵. 31 акт на основании упоминаний игумена, тверских великих князей Бориса Александровича (1425–1461) и Михаила Борисовича (1461–1485) могли быть включены составителями в широкие хронологические промежутки: 1444–1483 гг., 1444–1461 гг., 1461–1483 гг. Одна грамота, не упоминающая ни игумена, ни монастырь, отнесена И.А. Голубцовым к начальному периоду игуменства Макария, при этом отмечено, что монастырь основан в 1444 г. Датировка актов, предпринятая И.А. Голубцовым при их издании, как показывают комментарии, базируется на комплексе признаков (особенности формуляров, упоминание лиц и объектов), он сумел сузить временные рамки появления большинства актов, но лишь для трех актов⁶ подобная датировка приемлема, в остальных случаях она гипотетична.

В представленной таблице документы выстроены в ряд, внутри которого выделены хронологические группы, иногда такая группа представлена всего одним актом. В ряду группы располагаются в относительно хронологической последовательности. Основным критерием датировки является изменение формуляра актов, остальные признаки используются для корректирования. При этом акты, имеющие даты или укладывающиеся в сравнительно узкие хронологические рамки, когда другие признаки определенно позволяют их выявить, вписываются в предназначенные им по главному критерию временные отрезки. Это подтверждает правомерность избранного критерия.

I хронологическая группа представлена одним актом, не упоминающим, как было сказано, ни игумена, ни названия монастыря и появившимся, возможно, до поставления в игумены Макария, ктитора монастыря⁷.

Один из актов, датированный И.А. Голубцовым 1444–1457 гг. на основании упоминания архимандрита Отроча монастыря Моисея, ставшего в 1457 г. тверским епископом⁸, называет святых Бориса и Глеба, поэтому, очевидно, те документы, в которых не упоминаются братья-мученики, относятся ко времени не позднее 1457 г. Это акты I–IV групп.

II группа представлена купчими и меновными, имеющими примерно одинаковый формуляр, для которого характерно отсутствие упоминания о монастыре и братии. Макарий, хотя и назван игуменом, действует как бы от себя лично: "Се аз, игумен Макареи, променил есми...", "Се яз, имя рек, продал есмя игумену Макарию..."

Акты III группы отличаются от документов II лишь тем, что в них внесена формула о границах передаваемых участков типа: "... куда ходили соха, коса, топор..."

В IV и VI группы помещены жалованные грамоты тверского вел. кн. Бориса Александровича. Все эти акты не имеют дат, но среди них явно выделяются два типа формуляров. Одни грамоты (тип "А"), отнесенные к IV группе, начинаются словами: "Се аз, князь великий Борис Александрович, пожаловал есми игумена Макария троецкого з братьею..." Грамоты типа "Б" имеют иное начало: "Милости ради святяга троицы и святых мученик Бориса и Глеба, своего ради спасения, се аз, князь велики Борис Александрович..." Они отнесены к VI группе, так как естественно предположить, что формуляр "А" старше, как более краткий, к тому же в нем не упомянуты святые Борис и Глеб, посвященная которым церковь (или придел в церкви Троицы) была построена на территории монастыря некоторое время спустя после его основания⁹. Существенно, что

⁵ АСЭИ. Т. III. № 133, 155.

⁶ Там же. № 121, 122, 150.

⁷ Пономарева И.Г. Указ. соч. С. 34–35.

⁸ АСЭИ. Т. III. № 122.

⁹ Описание Троицкого Макарьева Колязина монастыря. Тверь, 1853. С. 23.

грамоты тверского вел. кн. Михаила Борисовича повторяют именно формуляр "Б"¹⁰.

Акт V группы, оформивший вклад вдовы кашинского князя княгини Феодосии, появился не позднее 1457 г. В нем, как уже отмечалось, упомянут архимандрит Отроча монастыря Моисей.

В VI группу вместе с жалованными грамотами тверского вел. кн. Бориса Александровича внесена духовная Андрея Тураева, так как ее формуляр близок к формуляру великокняжеских грамот.

В VII группе названы одна из жалованных грамот тверского вел. кн. Бориса Александровича и данная Александра Романова. В них впервые встречается определение "живоначальная троица", используемое более поздними актами.

Меновая Кузьмы Игнатьева имеет дату 1458/59 г. Она отнесена к VIII группе.

Грамоты IX группы составлены после смерти тверского великого князя Бориса Александровича (1461 г.), но при жизни игумена Макария, умершего в 1483 г. Во всех этих актах еще не закрепилось упоминание "живоначальной троицы".

X и XI группы составлены на основании датировки И.А. Голубцова. Меновая игумена Макария со Степаном Андреевым сыном Фроловым X группы оформлена в 1461–1477 гг., когда тверским епископом был упомянутый в акте Геннадий Кожин. В меновой вновь воспроизводится определение "живоначальная троица". На документе XI группы проставлена дата 1472/73 г. и он выделен в отдельную группу.

К последней группе отнесены акты, имеющие формуляр, сходный с меновой X группы, но они лишены каких-либо признаков, позволяющих сузить хронологические рамки их составления.

Как видно из пояснений к таблице определить очередность актов внутри выделенных групп не удастся, возможны перестановки VI, VII, VIII и X, XI, XII групп или их объединение. Но выяснение хронологической последовательности оформления актов даже в таком виде проливает свет на некоторые стороны ранней истории Калязина монастыря и позволяет проследить становление формуляра калязинских актов. Думается, что последнее может представлять определенный интерес для специалистов, так как архив Калязина монастыря отличается редкая сохранность компактного комплекса актовых материалов середины XV в.

Приложение

№ группы	№ грамот в АСЭИ. Т. III*	Предполагаемое время составления актов данной группы
I	120	Около 1434–1444 гг.
II	129, 130, 136, 137, 138, 141, 143	1444–1457 гг.
III	121, 131, 134, 135, 149	1444–1457 гг.
IV	127, 132, 139, 147	1444–1457 гг.
V	122	1444–1457 гг.
VI	123, 124, 125, 148	1457–1461 гг.
VII	126, 144	1457–1461 гг.
VIII	133	1458/59 г.
IX	152, 153, 156	1461–1483 гг.
X	150	1461–1477 гг.
XI	155	1472/73 г.
XII	140, 145, 146	1461–1483 гг.

*Под № 129, 130, 143, 147 опубликованы записи об актах из описей XVIII в.

¹⁰ АСЭИ. Т. III. № 126, 152, 158, 159 (последние два акта выданы после смерти Макария и в таблицу не внесены).

НАПОЛЕОН. ЕГО СЕМЬЯ. ЕГО СПОДВИЖНИКИ

Автографы из собрания Государственного Исторического музея¹

Раздел "Сподвижники Наполеона" включает в себя около 2400 автографов крупнейших французских военачальников и государственных деятелей Первой Империи. Здесь представлены практически все наполеоновские маршалы – Бернадот и Бертье, Брюн и Виктор, Даву, Журдан и Келлерман, Ланн и Лефевр, Макдональд и Мармон, Массена и Монсей, Мортье и Ней, Ожеро и Периньон, Сен-Сир и Серюрье, Сульт, Сюше и Удино, а также обер-гофмаршал Дюрок, соратник Наполеона.

Имеются автографы свыше 400 прославленных генералов, в том числе таких, как Ф. Андреосси, Л. Барагэ д'Илье, Ж. Барбанегр, А. Бертран, Ж. Брусье, А. Вандамм, Л. Гильемино, Г. Гурго, Э. Гюден, П. Дарю, Л. Дезэ, Г. Додэ де ла Брюньери, А. Друо, Н. Дюко, М. Дюма, П. Жубер, А. Жюно, А. Кларка, Ж. Клебер, Ж. Компан, В. Латур-Мобур, Ш. Леклерк, К. Лекурб, Ш. Лефевр-Денуэт, Ж. Лористон, А. Мареско, Г. Молитор, Л. Монбрен, Ш. Монтолон, Д. Моран, Ж. Моро, Н. Мэзон, Э. Нансути, Отпуль-Салетт, К. Пажоль, Ф. Поммерель, А. Рампон, Ж. Рапп, Ж. Ренье, Ф. Рогэ де ла Беллокэ, Ж. Ронья, А. Сантерр, О. Себастиани де ла Порта, Ж. Флао де ла Бейердери, Л. Фриан, М. Фуа, Ж. Шампионнет, П. Шасселу, Ж. Эбле, Т. Эдувиль, Р. Эксельманс, П. Юлен. Некоторые из них стали маршалами после отречения Наполеона, когда перешли на сторону Бурбонов.

Представлены автографы маршала Понятовского, командира Вислинского легиона наполеоновской армии, погибшего под Лейпцигом, и ряда польских генералов, таких, как Я. Домбровский, И. Зайончек, А. Ружнецкий, Ю. Вильегорский и другие, храбро сражавшихся в рядах французских войск. Имеются автографы адмиралов П.Ш. Вильнёва, О.Ж. Гантома, Дюперрэ, Л.Т. Вилларэ, Ж.М. Лермитта, Ш.А. Линуа, К.Ш. Розамеля, Ш. Бодэна и др.

Автографы государственных деятелей наполеоновской эпохи представлены именами Талейрана, Гюга Маре, второго консула при Наполеоне Бонапарте Жана Жака Камбасереса и третьего консула Шарля Франсуа Лебрена², министров полиции Фуше и Савари, военных министров Бертье, Кларка и Даву, управляющих Военным министерством Ж.Ж. Лакюзэ и Ж.Ф. Дежана, морского министра Дени Декрэ, министра внутренних дел Ж.П. Монталиве, министра финансов Годэна, занимавшего при Наполеоне этот пост бессменно в течение 15 лет, государственного казначея Н.Ф. Мольена, министров культа Ж.Э. Порталиса и Биго де Преаме, видных дипломатов П. Бернонвиля, А.О. Колленкура, Л.М. Набонна, М.Ж. Сен-Олера, Ж.Б. Шампаньи, Биньона и А.М. Сен-Марзана; одного из главных редакторов "Гражданского кодекса", А.Ж. Буле, председателя Трибуната в 1804 г.; Франсуа Нёвшательского, сыгравшего большую роль в теоретическом обосновании наследственной импера-

© Ф.А. Петров, А.Д. Яновский

¹ Начало см.: АЕ за 1992 год. М., 1994.

² Самый ранний его автограф датируется 1802 г. Распрощавшись со своим постом в эпоху Империи, 65-летний Лебрен получил титул герцога де Плезанс и должность верховного казначейства, а затем управляющего Голландией. В этой последней должности он написал довольно циничное по откровенности письмо (1810) от отказе Наполеона от строительства канала, поскольку "мир заключен и нужно кормить армию за счет Франции, а не за счет Европы, как раньше" (ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 286. Л. 9).

торской власти Наполеона, а также таких политических деятелей, в разные периоды жизни близких к Наполеону, как Криенфф Саличетти, П.Ф. Реаль, П.Л. Редерер и некоторые другие, и, наконец, его личных секретарей А.Ж. Фэна и Ф. Бурьенна, лейб-медиков Д.Ж. Ларрэя и Ж.Н. Корвизара, камергера графа П.М. де Бонди и духовника Ж.Б. Дювуазена.

Нет возможности рассказать обо всем этом многообразии автографов, запечатлевшихся в самых разнообразных документах – рапортах, приказах, отношениях, официальных и частных письмах, наградных документах, заметках, записках и т.д. Остановимся лишь на наиболее ярких, по нашему мнению, примерах.

Прежде всего хотелось бы рассказать о документах маршала *Луи Александра Бертье*, князя Нёвшательского и Ваграмского, бессменного начальника штаба Наполеона с 1799 г. и до отречения императора в Фонтенбло 6 апреля 1814 г. В собрании ОПИ ГИМ сохранился 51 автограф Бертье, начиная с 1800 г., когда он одновременно (до 1807 г.) был и военным министром Франции (здесь отметим его письмо Нею), и кончая последними месяцами его жизни³. Здесь и приказы, подписанные "Александр Бертье" на бланках Военного министерства, и письма на бланках начальника Главного штаба, подписанные сначала "маршал Бертье", затем с 1806 г., когда он получил титул кн. Нёвшательского, "маршал князь Александр". Начиная с 1811 г. все документы Бертье подписаны просто "Александр". Это был единственный случай, когда маршал Первой Империи получил право подписываться одним лишь именем, подобно самому Наполеону, его пасынку Евгению Богарне и его зятю Иоахиму Мюрату. В это время Бертье женился на принцессе Марии – дочери баварского короля Максимилиана I – союзника Франции. Неизменным остается росчерк Бертье, оптимистически идущий вверх.

Довольно значительным является собрание автографов Бертье войн 3-й и 4-й коалиции 1805–1807 гг., содержащее ценные для военных историков сведения о боевых действиях русских и французских войск, в частности письма о движении русской и прусской армий и положении французов в сентябре 1806 г., за месяц до начала очередной войны, и письма января 1807 г., когда после капитуляции Пруссии Франция осталась один на один с Россией. В этих письмах говорится о действиях маршала Удино и генерала Виктора, который за отличия в этой войне также стал маршалом Франции (ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 119. Л. 14–18). Большой интерес представляет письмо Бертье от 9 июля 1807 г. главнокомандующему корпусом французской армии в Далмации Мармону, в котором подробно рассказывается о политике российского правительства на Балканах (Л. 20).

Особо отметим два письма Бертье 1812 г. Первое из них, датированное 25 августа, написано из Смоленска и адресовано прославленному атаману М.И. Платову, который в то время командовал авангардом отступавших русских армий. В письме говорится об отправке в Мец генерал-майора П.А. Тучкова, который был тяжело ранен в бою под Лубино (Валутиной горой) недалеко от Смоленска 19 августа и попал в плен (Ф. 160. Ед. хр. 260. Л. 83). Как известно, Наполеон долго беседовал с Тучковым о возможности заключения мирного договора с Россией, стремясь завладеть в то же время Москвой.

Прошло два месяца, и заключение мира стало для Наполеона нё фразой, а жизненной необходимостью: французская армия вынуждена была уходить из Москвы. В этом отношении трудно переоценить значение письма, написанного Бертье 20(8) октября 1812 г., через день после начала отступления из древней столицы России и адресованного главнокомандующему русскими войсками

³ Там же. Ед. хр. 119. Л. 1–60; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 36–38; Ф. 160. Ед. хр. 282. Л. 3; Ед. хр. 297. Л. 3, 8; Ед. хр. 260. Л. 33; Ф. 137. Ед. хр. 1208. Л. 1; Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 291. Л. 262.

М.И. Кутузову, о направлении к нему полковника Бертеми для ведения переговоров о заключении мира. В этом письме Наполеон через своего начальника штаба просил Кутузова "о принятии мер, дабы война получила ход, сообразный с установленными правилами" (Ед. хр. 256. Л. 29). Хрестоматийно известен ответ Кутузова: "Трудно остановить народ, ожесточенный всем тем, что он видел, народ, который в продолжение двухсот лет не видел войны на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для Родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных"⁴.

Это письмо Бертье достаточно хорошо известно. Оно неоднократно использовалось исследователями и публиковалось в русском переводе как в прошлом, так и нынешних веках, без указания, однако, на место хранения подлинника. В "Correspondance de Napoléon" приводится другой вариант текста письма со ссылкой на место хранения "D'après la minute. Dépôt de la guerre"⁵. Примечательно, что этот документ помечен не 20, а 18 октября. Есть и некоторые текстологические расхождения. Так, в письме от 18 октября Бертье обращается к Кутузову "Ваше сиятельство", а в письме от 20 октября – "Господин князь Кутузов". Кроме того, первый документ подписан "По приказу императора Александр князь Нёвшательский и Ваграмский", а второй – "Александр, князь Нёвшательский, начальник Главного штаба". Все это свидетельствует о том, что мы имеем дело с двумя разными редакциями одного документа, и что Наполеон, очевидно, решил подождать два дня с отправлением столь важного письма и отослал его не от своего имени, а от имени своего начальника штаба.

Из автографов Бертье периода кампании 1813 г. упомянем его приказы генеральному интенданту графу Дарю – 2 июля 1813 г. о реквизиции зерна, вина, угля, дерева "для нужд Великой армии" и 13 сентября ("в 4 часа утра, из Дрездена") – срочный приказ в связи с наступлением русских, австрийских и прусских войск в ходе осенней кампании. Как известно, последствием этой кампании было не только изгнание наполеоновской армии из Германии, но и перенесение боевых действий на территорию самой Франции. В связи с этим отметим письмо Бертье маршалу Виктору от 6 января 1814 г. с извещением о приказе Наполеона защищать Нанси и другие города северо-востока Франции от вторжения союзников (Ф. 418, Ед. хр. 119. Л. 45–51). Имеются также автографы братьев Александра Бертье – генералов Сезара и Леопольда Бертье (Л. 65–74; Ф. 160. Ед. хр. 170. Л. 1).

В собрании ОПИ ГИМ имеются 72 автографа преемника Бертье по должности военного министра – *Андре Жана Кларка* (с 1808 г. герцог Фельтре), значительно уступавшего ему по организаторскому таланту. Почти не нюхавший пороха Кларк был также произведен в маршалы, но современники его называли "чернильный маршал". Среди документов фонда есть прошение дивизионного генерала Кларка военному министру Бертье с резолюцией Бертье (1805) и, наоборот, письмо начальника Главного штаба маршала Бертье военному министру Кларку с резолюцией последнего (1808). Из других автографов отметим три письма Кларка периода войны 1806–1807 гг., когда он был назначен генерал-губернатором Берлина после вступления туда французских войск; приказы 1812–1813 гг. (11 документов) об укреплении голландских крепостей Бреда, Берг-оп-Зом и других; переписку о наборе рекрут и созыве всеобщего ополчения в январе–марте 1814 г. для организации обороны вступившим на территорию Франции иноземным армиям⁶.

⁴ См., например: Кутузов: Письма. Записки. М., 1989. С. 358.

⁵ Correspondance de Napoléon. P. 1868. T. 24. P. 257.

⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 147. Л. 1–51; Ф. 213. Ед. хр. 59. Л. 6; Ф. 166. Ед. хр. 4. Л. 172, 173; Ф. 160. Ед. хр. 397. Л. 52; Ф. 60. Ед. хр. 2468. Л. 8, 43–45, 60–63, 65.

Впрочем, Кларк, ушедший в тень после первой реставрации, после "Ста дней" сумел вновь стать военным министром, уже при Бурбонах. Через несколько дней после вторичного свержения Наполеона, 26 июня 1815 г., он писал о возвращении Людовика XVIII в Камбрэ: "Цитадель открыла двери его величеству" (Ф. 418. Ед. хр. 147. Л. 44). А в 1816 г. на грамотах появляется подпись "герцог Фельтре" после подписи "Луи", т.е. Людовика XVIII, – подобно тому, как несколькими годами раньше эта же подпись появлялась после подписи Наполеона.

В целом, обширные комплексы материалов Бертье и Кларка представляют интерес с точки зрения отражения напряженнейшей работы Военного министерства и Главного штаба на протяжении 15-летнего периода почти непрерывных войн наполеоновской Франции.

Среди 23 автографов морского министра *Дени Декрэ* – письма военным министрам Бертье и Кларку (1805–1808) о размене военнопленными с Англией в связи со сражениями на море и на суше (в Пиренеях), письмо маршалу Жану Бернадоту (1806), рапорт Наполеону о пороховых складах (1809), письма адмиралу Винтеру, командующему английской эскадрой (1811) и, наконец, письмо маршалу Даву (1815). О порядке проведения "континентальной блокады" говорит заверенная Декрэ выписка из декрета Наполеона о наложении секвестра на все алжирские суда, находящиеся в портах Французской империи и Итальянского королевства (17 февраля 1808 г.).⁷

Имеются 8 автографов предшественника *Жозефа Фуше* всех четырех периодов пребывания его в должности министра полиции – от Директории до Реставрации. Обращает на себя внимание один из первых документов – разрешение архитектору Дистельбарту на свидание с неким Лапейром сроком на один час в знаменитой тюрьме Пелажи, подписанной Фуше (1801). Интерес представляет также паспорт, выданный Фуше, ставшим к тому времени герцогом Отрантским, графу Антуану Тибодо, участнику заговора против Бурбонов в 1815 г. Этот паспорт был приложен к письму Фуше графине Тибодо, в котором ее мужу рекомендовалось покинуть Францию. Это свидетельствует о том, что, и перейдя на службу к Бурбонам, Фуше продолжал вести "двойную игру"⁸.

Представлены в архиве и 13 автографов преемника Фуше *Ренэ Савари*, герцога Ровиго (министр полиции в 1811–1814 гг.), из которых особое внимание обращает на себя письмо о разгроме корпуса Вандамма под Кульмом 29–30 августа 1813 г.⁹

Но вернемся к наполеоновским маршалам. По количеству автографов третье место – после Бертье и Кларка – занимает маршал *Луи Никола Даву*, герцог Ауэрштедтский, князь Экмюльский (26 автографов). Собрание открывается документом о подготовке к войне с Австрией собственноручной резолюцией Даву на рапорте от 10 января 1809 г., подписанной "герцог Ауэрштедтский" (Ед. хр. 164. Л. 1). За отличие в этой войне, в сражении при Экмюле Даву получил титул князя Экмюльского. Именно так подписаны четыре его документа о подготовке к войне с Россией. Как известно, накануне войны Даву командовал французской армией, стоявшей в Германии и в значительной мере состоявшей из полков, набранных из союзных Франции немецких государств. В этом отношении интересно письмо Даву из Гамбурга военному министру королевства Вестфалия о солдатах и офицерах – вестфальцах, о посылке Жеромом, королем вестфаль-

⁷ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 166. Л. 1–18; Ф. 213. Ед. хр. 54. Л. 153. Ед. хр. 59. Л. 4; Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 289. Л. 52.

⁸ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 213. Л. 1–42; Ед. хр. 321. Л. 16–19; Ф. 166. Ед. хр. 7. Л. 103.

⁹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 428. Л. 1–12; Ф. 166. Ед. хр. 16. Л. 131–132; Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 101. Л. 69–70; Ед. хр. 296. Л. 52.

ским, отрядов в Данциг (18 апреля 1811); приказы о закупке лошадей в Германии и реквизиции зерна в Польше (последний документ был подписан незадолго до войны, 13 мая 1812 г.)¹⁰.

16 автографов Даву отражают период "Ста дней", когда он занимал пост военного министра и проделал огромную работу по организации наполеоновской армии. Здесь письма и приказы об обмундировании армии и о подготовке Национальной гвардии, о намерении Наполеона провести специальную аттестацию старших офицеров, которые были произведены в чины после 1 апреля 1814 г., т.е. при Бурбонах. Особое внимание уделялось Даву восточным, т.е. "прифронтовым", районам, о чем свидетельствуют его приказы: о подготовке к обороне г. Лаона, о новых назначениях на должности командующих дивизиями в восточных департаментах Франции, об установлении негласного наблюдения за офицерами в этих департаментах (письмо Даву Фуше от 30 марта), об усилении корпусов специальными кавалерийскими ротами. Отметим также письмо Даву помощнику командующего Национальной гвардией Парижа генерал-лейтенанта Дюронелю, написанное 9 июня, о том, что он не может выполнить просьбы Дюронеля и представить в его распоряжение 5 тыс. ружей (Л. 11–30).

Имеются лишь два автографа любимца Наполеона маршала *Жана Ланна*, но, думается, они представляют не меньшую историческую ценность. Мы имеем в виду два письма Ланна – главному хирургу императорской гвардии Ларрею и Евгению Богарне 18 января 1807 г., накануне битвы при Прёйсиш-Эйлау, где Ланн отличился в очередной раз¹¹.

"Храбрый из храбрых" – маршал *Мишель Ней* представлен четырьмя автографами. Первый из них относится к 1800 г., когда Ней участвовал в военных действиях Рейнской армии (Там же. Ед. хр. 366. Л. 1). Другой документ относится к осени 1813 г., когда маршал Ней командовал 70-тысячной группировкой наполеоновской армии, прикрывавшей Берлин. 6 сентября 1813 г. эта группировка была разбита Северной армией союзников, которой командовал бывший соратник Нея Бернадот, ставший к тому времени наследником шведского престола.

Но и в составе наполеоновской армии были не одни лишь французы. Довольно храбро сражались поляки из V корпуса (Вислинский легион) Понятовского. Перед одним из них, генералом Домбровским (участник восстания Т. Костюшко, долгие годы сражавшийся в наполеоновских войсках) Ней и поставил в своей записке от 12 сентября 1813 г. задачу – отправить отряды к Дессау на правый берег Эльбы и информировать о ходе дальнейших боевых действий. Записка подписана "маршал князь Московский" (этим титулом, как известно, Ней был награжден за сражение при Бородине) (Ф. 166, Ед. хр. 13. Л. 11). Однако спустя год после "битвы под Москвой" счастье изменило французам. Наступление союзников продолжалось, а после поражения наполеоновской армии в Лейпцигской битве французские войска вынуждены были спешно ретироваться через Рейн.

Именно к этому периоду и относится третье письмо Нея, адресованное лично Наполеону и собственноручно наспех написанное 29 декабря 1813 г., когда войска союзников готовились к переправе и вступлению на территорию самой Франции. В письме говорится о нависшей опасности над Францией, ставшей "полем сражений, которые раньше происходили в Италии, Германии, Польше и России". Считая своим долгом откровенно высказать императору свое мнение, Ней писал, что "французские армии не могут более побеждать союзников", а Англия, в свою очередь, "исчерпает последние ресурсы, чтобы сплотить враждебную Франции коалицию" (Ф. 418. Ед. хр. 366. Л. 2).

¹⁰ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 164. Л. 2–10; Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 287. Л. 106. 106об.

¹¹ Там же. Ед. хр. 276. Л. 1; Ф. 166. Ед. хр. 10. Л. 161.

Теперь об автографах (их 16) маршала *Жерара Кристофа Дюрока*, герцога Фриульского, одного из самых близких к Наполеону людей, одного из немногих, кому он всегда безоговорочно доверял и к голосу кого прислушивался. Наиболее ранний – это записка Дюрока личному секретарю Наполеона Бурьенну "13 года Республики", т.е. 1804–1805 гг. Этот документ, а также письмо неизвестному 12 июля 1806 г. подписаны "Дюрок", остальные – "герцог Фриульский" (Ед. хр. 194. Л. 1–2).

Особенно примечательны три собственноручных письма Дюрока из России 1812 г., адресованные герцогине Бассаножене Гюга Маре. В письме говорится о получении из Парижа списка придворных дам для ознакомления с ним Наполеона. Сообщается об отъезде императора в Смоленск, "куда уже двинулась вся армия" (Ф. 160. Ед. хр. 290. Л. 5). Через несколько дней после этого разгорелось кровопролитное сражение за город, о чем рассказывается в следующем письме – от 20 августа, уже из Смоленска (Л. 4).

Но наибольший интерес, конечно, представит третье письмо, написанное в Можайске 10 сентября 1812 г. – через три дня после Бородинской битвы. Ввиду того, что этот документ пролежал в безвестности много лет, позволим себе привести несколько извлечений из него: "Императрица получит все подробные сведения о победе, одержанной императором. С 8 числа наша армия преследует русскую армию по дороге в Москву. Эта армия защищает свою землю изо всех сил, чтобы выиграть время для эвакуации всего, что возможно, и огромное количество раненых находят на дорогах и во всех деревнях. Императорская штаб-квартира и гвардия сегодня находились здесь, но мы рассчитываем двинуться завтра утром, чтобы присоединиться к армии, которая значительно впереди нас. Холода начинают давать себя чувствовать, хотя временами сменяются сильной жарой. Эти обстоятельства и бивачные условия способствовали появлению у императора небольшого насморка, от которого он отделался лишь к сегодняшнему утру, но который ни на минуту не помешал ему исполнять свои государственные обязанности. Мы начали здесь разводить огонь в печах".

В письме говорится об известном эпизоде – получении Наполеоном накануне битвы портрета своего сына – короля Римского: "Портрет доставил императору большое удовольствие, и он нашел его сделанным с большим сходством и с большим мастерством" (Там же. Л. 3–3а).

Маршал *Андре Массена* представлен тремя автографами разных лет. Прежде всего это 1799 г., принесший ему наибольшую известность, когда он командовал войсками в Швейцарии и разбил русско-австрийский отряд генерала А.М. Римского-Корсакова. Нельзя пройти и мимо письма Массены об установлении демаркационной линии между русскими и французскими войсками в день заключения Тильзитского мира 7 июля 1807 г.¹²

Среди пяти автографов маршала *Жана Батиста Журдана* – письмо его как главнокомандующего Самбр-Маасской армией генералу Моро (именно там впервые прославился Журдан как победитель австрийцев при Флерюсе 26 июня 1794 г.); отношение на бланке Законодательного собрания члена "Совета 500" Журдана по поводу присылки Костюшко записки на имя военного министра Бертье о России и русской армии; приказ Журдана – главнокомандующего Итальянской армией о распространении знаков отличия ордена Почетного Легиона, только что учрежденного Наполеоном (1804 г.); предписание Журдана – начальника штаба при короле Испании Жозефе Бонапарте (1812) и, наконец, письмо его как президента Военного Совета Франции уже при Бурбонах (декабрь 1815 г.)¹³.

¹² Там же. Ф. 166. Ед. хр. 11. Л. 66; Ф. 418. Ед. хр. 326. Л. 1; Ф. 160. Ед. хр. 180. Л. 23.

¹³ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 262. Л. 1–3; Ф. 166. Ед. хр. 9. Л. 148.

Почти 15-летним периодом отделены два автографа *Гильома Мари Брюна* – известного республиканского генерала, впоследствии наполеоновского маршала, убитого в 1815 г. роялистами в Авиньоне. Первый документ – письмо главнокомандующего Итальянской армией генерала Брюна военному министру Бертье о посылке батальонов "для защиты Цизальпинской республики" (Милан, 14 вентоза 9-го года Французской республики, т.е. 27 февраля 1801 г.) и один из последних автографов – резолюция маршала Брюна на прошении, датированная 23 мая 1815 г. (Ф. 418. Ед. хр. 134. Л. 1–3).

Примерно таков же диапазон (1800–1821) автографов (17) маршала *Лорана Гувиона Сен-Сира*. Первый из этих автографов относится к периоду участия Сен-Сира в должности дивизионного генерала в войне с Австрией в составе так называемой Рейнской армии (12 сентября 1800 г.), остальные – уже к периоду Реставрации Бурбонов, при которых Гувион Сен-Сир занимал пост военного министра¹⁴.

Представлены шесть автографов маршала *Клода Перрена Виктора* разных лет начиная с 1804 г., когда он, еще в чине генерала, командовал армией в Голландии. Есть и автограф 1812 г., подписанный "маршал герцог Беллюю" (Берлин, 7 мая): как известно, во время нашествия наполеоновской армии на Россию Виктор командовал IX корпусом, который был переброшен на театр военных действий осенью и действовал против Отдельного корпуса П.Х. Витгенштейна. Завершает это собрание предписание о рекрутском наборе 1822 г., когда Виктор стал военным министром при Бурбонах (Ед. хр. 479. Л. 1–11).

Хранится 21 автограф маршала *Андреана Жанно Монсея*, герцога Конельяно, начиная с 1804 г., когда он был произведен в маршалы, и кончая 1822 г., когда 70-летний ветеран наполеоновских войн был вновь послан в Испанию, где он в 1808–1809 гг. уже отличился в боях за Сарагосу. В альбоме представлен автограф Монсея этого периода – письмо графу Луи Марселену де Фонтэну, поэту и великому магистру Парижского университета. Есть также письма Монсея, адресованные Бертье и Удино (Там же. Ед. хр. 343. Л. 1–24).

Имеются 12 автографов *Николя Шарля Удино* за 1808–1829 гг., подписанных "маршал Удино" и "герцог Реджио", в том числе автограф кануна войны 1812 г., в которой Удино командовал II корпусом наполеоновской армии и был тяжело ранен при переправе через Березину¹⁵.

Хранятся три автографа маршала *Пьера Франсуа Ожеро*, герцога Кастильонского, в том числе два относящихся к 1814 г., когда он командовал Обсервационной армией, защищая Францию от вторжения союзников, в том числе его приказ префектам городов северо-восточной Франции от 9 февраля 1814 г. в связи с наступлением иностранных армий¹⁶.

Интересны автографы (всего 7) маршала *Франсуа Жозефа Лефевра*, в том числе письмо генералу Эдувилю о ходе военных действий в Силезии 17 февраля 1807 г. Как известно, в ходе этой кампании за отличие при осаде Данцига (был взят 12 мая 1807 г.) Лефевр получил титул Герцога Данцигского. Так подписаны и остальные три его письма размашистым почерком полуграмотного лихого вояки. Среди них отметим приказ маршала Лефевра по старой гвардии (которой он, как известно, командовал в 1812 г.) об организации военного транспорта "Великой армии" накануне войны (Торн, 4 июня)¹⁷.

¹⁴ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 234. Л. 1–21; Ед. хр. 173. Л. 219.

¹⁵ Там же. Ф. 60. Ед. хр. 2463. Л. 1; Ф. 166. Ед. хр. 14. Л. 34–38; Ф. 137. Ед. хр. 1208. Л. 13–17.

¹⁶ Там же. Ф. 137. Ед. хр. 1208. Л. 12; Ф. 418. Ед. хр. 110. Л. 1–12.

¹⁷ Там же. Ф. 324. Ед. хр. 191. Л. 28; Ф. 418. Ед. хр. 100. Л. 50; Ед. хр. 290. Л. 1–4; Ф. 166. Ед. хр. 10. Л. 164–165; Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 265. Л. 111.

Из четырех автографов маршала *Эдуарда Мортье* (известного у нас как исполнителя воли Наполеона, взорвавшего часть Кремля при отступлении из Москвы в 1812 г.) отметим письмо периода войны 1806–1807 гг., когда он отличился в сражениях с пруссаками, за что получил титул герцога Тревизского, а также его письма маршалам Бертье и Мармону от 1 марта 1814 г. о движении союзников к Парижу¹⁸.

Из девяти автографов *Огюста Фредерика Мармона*, герцога Рагузского особенно интересны те, которые относятся к пятилетнему его периоду пребывания в должности генерал-губернатора "Иллирийских провинций", включавших в себя словенские и хорватские земли. В этом регионе развернулась сложная дипломатическая борьба между Францией и Россией, устремившейся на помощь своим единоверцам – сербским и черногорским повстанцам против турецкого ига. У берегов Иллирии находился 6-тысячный русский флот. "Русские появились перед одним из моих островов..." – писал Мармон в своем письме от 12 декабря 1806 г. Однако, как свидетельствует записка генералов Андреосси и Бельяра, к этому времени он получил необходимые подкрепления. Отметим также письмо Мармона из Испании (Саламанка, 22 марта 1812 г.), где он командовал группой французских войск вместе с другими, не менее известными маршалами – Сультом и Сюше (Ед. хр. 324. Л. 1–11).

В собрании представлено 14 автографов маршала *Николя Жозефа Сульта* начиная с письма генералу Вандамму периода войны 1805 г., где отличился оба военачальника, и кончая письмами 1815 г.

Особенно интересны документы наиболее значительного периода в жизни Сульта, когда он был главнокомандующим французскими армиями в Испании. Из этих документов выделяется подписанный Сультом ("маршал герцог Далматский") "Распорядок взимания десятинного налога в пользу армии в Толедском епископстве" 22 декабря 1812 г. Автографы 1815 г. делятся на две части: резолюции Сульта как военного министра при I Реставрации Бурбонов (январь–февраль 1815 г.) и письма Сульта, ставшего начальником Главного штаба в период "Ста дней", новому военному министру и своему старому товарищу Даву (май–июнь)¹⁹.

Имеются шесть автографов маршала *Луи Сюше*, в том числе того времени, когда он отличился со своим III корпусом в Испании (представление к награждению крестом ордена Почетного легиона 1808 г. и письма 1811–1814 гг.), за что был пожалован титулом герцога Альбуферского²⁰. Интересно также письмо его брата, Габриэля Сюше. Оно написано 5 февраля 1814 г., когда союзники нанесли ряд поражений французам, вынудив их отступить от Труа и Ножана. "Императорская армия, – говорится в письме, – не в силах сопротивляться, она слишком слаба, ее составные части чрезмерно разъединены. Нет больше ни храбрости, ни решимости" (Ф. 418. Ед. хр. 445. Л. 13). Однако через несколько дней, 10–14 февраля, Наполеон нанес контрудар по союзным войскам, заставив их временно оставить эти города. Это отсрочило наступление союзников на Париж, но не могло его предотвратить.

Как бы продолжает эту тему письмо другого маршала Франции – графа *Жана Матье Серюрье*, коменданта Дома инвалидов. Письмо было написано им 30 марта 1814 г., т.е. накануне того, как Сенат объявил о низложении Наполеона (на этом заседании в числе маршалов присутствовал и сам Серюрье). В этом письме Серюрье говорит, что сделает все, чтобы помешать союзникам

¹⁸ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 358. Л. 1–4; Ф. 213. Ед. хр. 59. Л. 1.

¹⁹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 443. Л. 1–17; Ф. 166. Ед. хр. 15. Л. 10; Ед. хр. 16. Л. 226; Ф. 137. Ед. хр. 1208. Л. 13.

²⁰ Там же. Ф. 166. Ед. хр. 16. Л. 93; Ед. хр. 1. Л. 220, 221; Ф. 418. Ед. хр. 445. Л. 1–12.

захватить шпагу Фридриха Великого и знамена, находившиеся в Доме инвалидов под охраной гвардии: "Я сожгу все, если не смогу помешать их вторжению. Не могу уехать, бросив свой пост" (Там же. Ед. хр. 437. Л. 1).

Имеются 19 автографов старейшего из наполеоновских маршалов *Франсуа Кристофа Келлермана*, герцога де Вальми. Особый интерес представляет письмо Келлермана, написанное 8 апреля 1813 г., в трудный для наполеоновской армии период наступления русско-прусских войск, и адресованное маршалу Мармону, герцогу Рагузскому. В этом письме Келлерман, командовавший в то время Резервной армией, извещал Мармона о присылке в его распоряжение из Майнца двух резервных дивизий, эскадронов гусар, кирасир и егерей. Письмо от 7 января 1814 г. свидетельствует уже о войне на территории Франции; в нем говорится о сосредоточении армии Виктора близ Нанси. Последний документ относится к 1815 г., когда армия Келлермана превратилась в период "Ста дней" в действующую и 80-летний маршал выступил на стороне Наполеона, командуя отрядом войск при Ватерлоо. Хранятся также завещание Келлермана (1820) и автограф его сына, адъютанта Наполеона, генерал-лейтенанта²¹.

Разнообразны автографы (всего 16) маршала *Жана Этьена Макдональда*, герцога Тарентского. Здесь и ведомость о получении денег из Государственного казначейства (1810) и письма, в том числе два письма 1815 г. Как известно, в отличие от многих других наполеоновских маршалов, Макдональд в период "Ста дней" остался верным Бурбонам. В первом письме от 23 марта из Лилля говорится о бегстве Людовика XVIII из Парижа, а во втором от 8 июля – о положении в связи с возвращением короля в Париж тех офицеров и генералов, во главе с военным министром Даву, которые сражались на стороне Наполеона. "Будем, однако, надеяться, – писал Макдональд, – на справедливость членов комиссии и главы правительства в отношении проступков офицеров, генералов и князя Экмюльского во имя общего интереса восстановления мира" (Ф. 418. Ед. хр. 313. Л. 19). Отметим и письмо Макдональда своему товарищу Гувиону Сен-Сиру, ставшему в 1815 г. военным министром при Бурбонах, и, наконец, грамоты, подписанные "великим канцлером ордена Почетного легиона" Макдональдом о пожаловании ряду лиц различных степеней этого ордена²².

Представлены три автографа *Жана Батиста Бернадота* периода войны 1805–1807 гг., когда только что произведенный в маршалы Бернадот считался одним из ближайших сподвижников Бонапарта. В 1810 г. Бернадот становится наследником шведского престола, но вопреки ожиданиям Наполеона не только не выступил на его стороне, но с 1813 г. воевал со своим бывшим императором на стороне Австрии, Пруссии и России (впоследствии он был провозглашен королем Швеции под именем Карла Юхана IV)²³.

Не меньшую роль, чем иные наполеоновские маршалы, сыграли в военной славе Франции такие генералы, как Жюно, Клебер и Моро. Прежде всего упомянем о двух автографах любимца Наполеона, его бессменного адъютанта с 1794 г., талантливого военачальника *Андоша Жюно*. Письма подписаны "герцог д'Абрантес": этот титул Жюно получил в 1807 г. Есть также письма его жены, Лауры д'Абрантес, известной своими мемуарами, посвященными наполеоновской эпохе²⁴.

Не менее ценны автографы (5) знаменитого генерала *Жана Батиста Клебера*. Среди них приказы 1794 г., когда он отличился в революционных войнах в

²¹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 265. Л. 1–24; Ф. 166. Ед. хр. 10. Л. 162.

²² Там же. Ф. 418. Ед. хр. 313. Л. 1–23; Ф. 166. Ед. хр. 11. Л. 59–61; Ф. 407. Ед. хр. 72, 73.

²³ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 118. Л. 1–2; Ф. 137. Ед. хр. 1208. Л. 1; Ф. 213. Ед. хр. 22. Л. 3.

²⁴ Там же. Ф. 166. Ед. хр. 1. Л. 2–3; Ф. 418. Ед. хр. 264. Л. 1–2. См. также: *Mémoires de Madame les Duchesse d'Abrantes*. P. 1839.

составе Северной армии, и, что представляет особый интерес, два документа периода Египетского похода. Как известно, после отъезда Наполеона из Египта именно Клебер был оставлен главнокомандующим всеми французскими войсками и несмотря на крайне трудное положение сумел разгромить турецкую армию в сражении при Гелиополисе 30 марта 1800 г. В этом отношении чрезвычайно интересен план этого сражения, начертанный рукой самого Клебера. Не менее интересен и рапорт Клебера Наполеону, ставшему к тому времени первым консулом, от 1 июня 1800 г. Через три дня, 4 июня, Клебер был убит турецким националистом, подосланный Юсуфом-пашой (Ф. 166. Ед. хр. 9. Л. 192, 193, 199–197).

Мы уже упоминали о записке Наполеона к Моро. Имеются и автографы (6) самого *Моро Жана Виктора*, наиболее ранний из них относится к 1792 г. Но особенно интересны документы Моро того периода, когда он командовал Рейнской армией. Первый из них относится к 1799 г., когда Моро потерпел в Швейцарии ряд поражений от А.В. Суворова. Это удостоверение, написанное рукой Моро, одному из начальников бригад, скрепленное сургучной печатью. Второй автограф датируется 1800 г. – именно тем, который и прославил имя Моро победой при Гогенлиндене. Роковой цифрой – 13 лет – отделено письмо Моро 1800 г. от письма из Америки, куда он удалился после высылки из Франции. Письмо датировано маем 1813 г., а через три месяца Моро был убит французским ядром. В этом письме опальный французский полководец рассказывал о карьере Наполеона Бонапарта, которого он близко знал на протяжении десяти лет²⁵.

Говоря о Швейцарском походе, нельзя не отметить автограф генерала *Клода Жана Лекурба*, который осенью 1799 г. командовал 12-тысячной дивизией, защищавшей перевал Сен-Готард от атак русских войск Суворова. Это удостоверение, выданное 12 октября 1799 г. генералом Лекурбом от имени главнокомандующего Рейнской армией на собственном именном бланке (Ф. 148. Ед. хр. 288. Л. 1–12). Отметим также приказ, подписанный известным кавалерийским генералом *Луи Барагэ д'Илле*, временно командующим левым крылом Рейнской армии в 1799–1800 гг. (Ед. хр. 113. Л.1–12), и автограф генерала *Франсуа Шампионнета*, организатора в Неаполе Партенопейской республики, талантливого и просвещенного военного и политического деятеля (Ед. хр. 288. Л. 1).

Имеется 20 автографов генерала *Пьера Огюстена Юлена* – участника взятия Бастилии, президента военного суда, приговорившего к смерти герцога Энгиенского (1804), а затем (1812–1815) занимавшего почетную должность "командира 1-й дивизии и коменданта города Парижа". Отметим также рукопись известного генерала *Франсуа Алликса*, автора "Системы полевой артиллерии" (о боевых действиях артиллерии)²⁶.

Довольно разнообразны документы периода войн 3-й и 4-й коалицией 1805–1807 гг. Прежде всего этого письмо маршалу Сульту от известного генерала *Доминика Рене Вандаммы*, дивизия которого в составе корпуса Сульта отличилась на Праценских высотах в Аустерлицкой битве 2 декабря 1805 г. (Ед. хр. 467. Л. 2). Весьма обстоятельна (30 документов) переписка известного генерала *Теодора Эдувиля* – в кампанию 1806–1807 гг. начальника штаба корпуса Жерома Бонапарта, действовавшего против русских и прусских войск в Силезии. В этих письмах, охватывающих период с 2 октября 1806 по 13 июня 1807 г., рассказывается о начале войны с Пруссией, о действиях различных группировок наполеоновской армии. Содержится подробное, буквально день за днем описание

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. Ед. хр. 10. Л. 160; Ед. хр. 13. Л. 20–23; Ф. 418. Ед. хр. 356. Л. 1–2.

²⁶ Ф. 3. Оп. "С". Ед. хр. 295. Л. 190; Ед. хр. 284. Л. 207; Ф. 418. Ед. хр. 256. Л. 1–22.

передвижений войск, осады Бреслау, Глогау, Швейдница и Данцига, документы об обмене военнопленными и реквизициях²⁷. Не менее ценны письма известного генерала и дипломата *Армана Шарля Гильмино* (впоследствии участник похода на Россию) генералу Сансону с описанием знаменитой Йенской битвы 14 октября 1806 г. (Ед. хр. 243. Л. 1) и кавалерийского генерала *Лебрена Ла Уссе*, отличившегося в не менее знаменитой битве при Прёйсиш-Эйлау, которое было написано через два дня после этой битвы, 10 февраля 1807 г. (Там же. Ед. хр. 254. Л. 1). Интересно и письмо генерала *Жана Тома Саррю* (он был убит в Испании в 1813 г.) генералу Эделе о награждении генералов, отличившихся в кампании 1806–1807 гг. Он сообщает, в частности, что генерал Маршан получил 55 тыс. ренты, Сюше и Газан – по 50 тыс. и по титулу графа; многие бригадные генералы – по 10 тыс. ливров, а другие, в том числе и сам Саррю, – 4 тыс. и титул барона (Ед. хр. 427. Л. 1–2).

Говоря о войне в Испании, ставшей своего рода прелюдией разгрома наполеоновской армии в России, хотелось бы обратить внимание на автографы ряда генералов, сражавшихся за Пиренеи: письма генерала *Дорсенна де ла Пэж* с театра военных действий в Испании из “горячих точек” – Бургоса (21 сентября 1808 г.), Виттории (24 сентября 1808 г.) и Мадрида (1 января 1809 г.); автографы генерала *Жозефа Буаие де Ребвалля*, прозванного Буаие-жестокий за обращение и испанскими повстанцами. Хранится и автограф генерала *Эжена Малёва*, о котором говорилось в первой части нашего обзора (АЕ за 1992 год). Нельзя не упомянуть об автографах генерала, опозорившего себя капитуляцией 23 июля 1808 г. в Байлене, где было взято в плен около 18 тыс. французов. Это был один из опытейших генералов *Пьер Дюпон де Летан*. Дюпон был объявлен изменником и заключен в тюрьму, но при реставрации Бурбонов в 1814 г. словно в насмешку назначен военным министром. Именно к этому периоду и относятся его автографы²⁸.

Безусловно, большинство французских генералов вело себя иначе, чем Дюпон. Отметим три автографа генерала *Луи Рея*, прославившегося героической обороной Сан-Себастьяна против англичан, а также генерала *Максимилиана Фуа*, отличившегося в Испании в 1814 г., когда он прикрывал отступление наполеоновской армии. В 1815 г. Фуа был ранен при Ватерлоо, а в 1819–1824 гг. он стал депутатом парламента, где получил известность своими либеральными взглядами и зажигательными речами²⁹.

Говоря об автографах генералов эпохи войны 1812 г., хотелось бы подчеркнуть, что в собрании ОПИ ГИМ представлена большая часть командного состава “Великой армии”, вторгшейся в Россию. Эти автографы условно можно разделить на две части: периода подготовки к войне и периода самой войны.

К первому разделу относятся приказы генерала графа *Матье Дюма*, главного интенданта “Великой армии” в 1812 г., о материальной подготовке кампании, об обеспечении армии хлебным провиантом накануне войны и устройстве госпиталей в Бромберге и Кёнигсберге, близ границ Российской империи (Ед. хр. 186. Л. 7–11).

Начало войны представлено копией известного воззвания Наполеона к солдатам от 22(10) июня 1812 г. накануне перехода французской армии через

²⁷ Отметим также письмо *Луи Бурьенна*, секретаря Наполеона, генерал-интенданту графу Пьеру Дарю о реквизиции сукна и запасов зерна и муки в Любеке (ноябрь 1806 г.). См.: Там же. Ф. 418. Ед. хр. 252. Л. 1–4; Ед. хр. 101. Л. 1–11).

²⁸ Там же. Ф. 213. Ед. хр. 50, 54; Ф. 418. Ед. хр. 129. Л. 1–2; Ед. хр. 316. Л. 1; Ед. хр. 190. Л. 1–11; Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 249. Л. 65.

²⁹ Ф. 418. Ед. хр. 216. Л. 1–5; Ф. 166. Ед. хр. 7. Л. 128.

Неман и начала войны с Россией (“Солдаты! Вторая Польская война начинается...”), заверенного начальником штаба IV корпуса генералом *Жаном Жозефом Дессолем* (Ед. хр. 175. Л. 2). Есть и более прозаический документ: расписка известного кавалерийского генерала *Жозефа Барбанегра* от 8 июля 1812 г. из Вильно о реквизиции лошадей и повозок у населения Литвы (Ф. 160. Ед. хр. 401. Л. 14). К этому же периоду относятся и автографы трех польских генералов, храбро сражавшихся в составе наполеоновских войск. Прежде всего это предписание дивизионного генерала *Юзефа Виельгорского* о поставке продовольствия. Этот документ датирован 23 июня, когда до начала войны оставался один день (Ф. 418. Ед. хр. 487. Л. 1). Автограф другого польского генерала, *Александра Рожнецкого* (Ружнецкого) датируется, напротив, днем после начала войны, т.е. 25 июня (Ед. хр. 413. Л. 2–3). Рожнецкий командовал 4-й кавалерийской дивизией, которую русские офицеры называли “храбрейшая дивизия польская”³⁰: в Бородинской битве она штурмовала батарею Раевского. Наконец, отметим письмо генерала *Юзефа Зайончека* от 2 июля 1812 г. из Гродно, в котором говорилось: “...император около Вильно, а мы, поляки, под командой его величества короля Вестфальского перешли Неман у Гродно” (Ед. хр. 487. Л. 6). В составе наполеоновской армии Зайончек прошел всю кампанию в России и был ранен при переправе через Березину. На стороне Наполеона в 1812 г. выступал и австрийский фельдмаршал князь *Карл Шварценберг*, который командовал корпусом, действовавшим на вспомогательном театре военных действий – на Волыни против III Западной армии генерала А.П. Тормасова. Этот автограф относится к июлю 1812 г. (Ед. хр. 568. Л. 3).

Обращает на себя внимание автограф генерала *Шарля Сезара Гюдэна*, убитого в сражении при Валутиной горе (Лубино) 19 (7) августа 1812 г. (Ед. хр. 242. Л. 3). По словам одного из участников похода, “это был один из наиболее выдающихся офицеров, достойный сожаления по своим нравственным качествам, талантливости и редкой отваге”³¹. Представлен также приказ, подписанный в 1812 г. одним из лучших наполеоновских генералов, *Луи Огюстом Плезонном*, который был убит под Бородином (Ед. хр. 386. Л. 3). Плезонн стал первым французским генералом, погибшим в Бородинской битве: он был смертельно ранен в 6 час. утра в бою за д. Бородино.

Та же участь постигла и *Луи Пьера Монбрена*, командира II кавалерийского корпуса, убитого в бою за Курганную высоту, где располагалась знаменитая батарея Раевского, во время очередной атаки французов. Как писал в своем рапорте Александру I М.И. Кутузов, “поле между батареями и лесом было покрыто их трупами, и в сем деле лишились они лучшего своего кавалерийского генерала Монбрена...”^{31a}. В ОПИ ГИМ имеются два автографа *Монбрена* (Ед. хр. 347. Л. 1–2). Представлен и автограф знаменитого кавалерийского генерала, командира IV кавалерийского корпуса *Виктора Николая Латур-Мобура*: приказ, данный капитану Эймарду отправиться из Ерманкова в Вязьму и находиться при маршале Бертье (Ед. хр. 279. Л. 1). Приказ датирован 1 сентября (20 августа) 1812 г. Через 6 дней разгорелась Бородинская битва, в которой конница Латур-Мобура отчаянно дралась за овладение Багратионовыми флешами. Имеются и автографы других генералов, отличившихся в боях за Курганную высоту: командира 1-й пехотной дивизии генерала *Жозефа Морана* и командира 4-й кирасирской дивизии генерала *Жана Дефранса*, которые были ранены в бою за

³⁰ 1812 год: Воспоминания воинов русской армии. Из собрания Отдела письменных источников ГИМ. М., 1991. С. 48.

³¹ Французы в России // Россия первой половины XIX века глазами иностранцев. Л., 1991. С. 106.

^{31a} Бородино: Дневники, письма, воспоминания. М., 1962. С. 136.

батарею Раевского (Ед. хр. 355. Л. 3; Ед. хр. 167. Л. 1–3), а также генералов *Жана Брусье, Жана Лоржа и Клода Пажоля*³².

Менее известно имя *Жоржа Жозефа Дюфура*, чей автограф помечен “Витебск, 3 августа” (Ед. хр. 185. Л. 1–9). Между тем, как свидетельствуют современники, генерал Дюфур отличился в боях за д. Семеновскую, защищая “во главе 15-го полка легкой кавалерии высоты впереди деревни”³³.

Есть и автограф генерала *Луи Фриана*, по справедливому утверждению Е.В. Тарле, командира “одной” из лучших дивизий, какими только располагал образцовый корпус Даву³⁴. Именно эта дивизия была послана Наполеоном в разгар боя после нескольких безуспешных попыток захватить Багратионовы флеши. Безусловно, интересны письма знаменитого генерала *Жана Доминика Компана*, отличившегося в 1812 г. при Бородине, в 1813 г. в Германии и в 1814 г. при обороне Парижа, которые адресованы его корпусному начальнику маршалу Даву³⁵. Аналогична датировка писем известного кавалерийского генерала *Жана Пьера Думерга*, в 1812 г. участвовавшего в Бородинской битве и раненого при переправе через Березину (Ф. 418. Ед. хр. 181. Л. 1–4). Хорошо дополняют друг друга и два автографа генерала *Жана Габриэля Маршана*: 1) письмо командиру VIII (Вестфальского) корпуса генералу Вандамму накануне кампании 1812 г., в которой 25-я пехотная (Вюртембергская) дивизия Маршана также отличилась при атаке Багратионовых флешей; 2) письмо Маршана с воспоминаниями о кампаниях 1812–1814 гг. (Ед. хр. 319. Л. 1–3). Представлены также автографы двух других генералов, командиров кирасирских дивизий, *Антуана Луи Сен-Жермена* и *Валанса*, также участвовавших в битве при Бородине³⁶.

Нельзя не упомянуть и об автографе *Жана Ранна*, одного из самых близких к Наполеону генералов, которому неоднократно поручали различные сложные как боевые, так и дипломатические задания: этот автограф относится к походу на Россию.

Интересно и письмо другого мемуариста – участника похода 1812 г., графа *Амбруаза Монтезкью де Фезензака*, командира 4-го линейного полка. В письме рассказывается о судьбе лейтенанта Пецеля, пожалованного во время пребывания наполеоновской армии в Москве Большим офицерским крестом ордена Почетного легиона (Ед. хр. 349. Л. 3).

Говоря о Москве, необходимо отметить охранные листы, подписанные французским комендантом древней столицы генералом графом *Жаном Батистом Мильо* во время длившейся месяц с небольшим ее оккупации, которые были выданы некоторым московским жителям. Среди них охранный лист, врученный русскому генералу-майору С.И. Мосолову “именем императора французов в Москве для ограждения его личности и имущества и оказания ему защиты кордегардией и патрулями” 20(8) сентября 1812 г. Этот охранный лист не спас, однако, имущества русского генерала (Ф. 160. Ед. хр. 193. Л. 5). Как вспоминал впоследствии сам Мосолов, его дом на Малой Дмитровке “от приближающегося пожара также зачал загораться... вещи и книги все сгорели вместе с домом, число коих было более 1500”³⁷.

³² ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 133. Л. 1; Ед. хр. 311. Л. 1–5; Ед. хр. 374. Л. 1–6.

³³ Россия первой половины XIX века... С. 141.

³⁴ Тарле Е.В. Бородино. М., 1962. С. 36. См. также: ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 220. Л. 1.

³⁵ Там же. Ед. хр. 152. Л. 1–3; Ф. 213. Ед. хр. 59.

³⁶ Там же. Ед. хр. 418. Л. 1; Ед. хр. 464. Л. 1.

³⁷ Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1904. Ч. VIII. С. 345.

Хранятся также автографы других наполеоновских генералов, участвовавших в походе на Россию – начальника инженерной службы *Шасселу*, командиров 1-й и 2-й дивизий молодой гвардии Наполеона *Рогэ де Беллокэ* и *Кюриалья*, командиров дивизий из корпуса Удино *Жюль Леграна* и *Жана Вердье*, командира 6-й легкой кавалерийской бригады генерала *Корбино*, известного кавалерийского генерала *Ораса Себастиани де ла Порты* (впоследствии маршала Франции), командиров VII и VIII корпусов генералов *Жана Луи Ренье* и *Доминика Вандамма*, генералов *Фурнье*, *Шарля Луи Гранджана*, *Луи Луазона*, *Жозефа Франсуа Дюрютта*, *Ла Уссе (Лагуссе)* и др.³⁸

Среди 30 автографов графа *Пьера Антуана Дарю* мы находим его письмо, написанное тогда, когда наполеоновская армия была уже изгнана из пределов России (Кёнигсберг, 22 декабря 1812 г.). В нем Дарю как главный кригскомиссар наполеоновской армии предписывал одному из кригскомиссаров заняться устройством госпиталей между Вислой и Одером для многочисленных раненых французских воинов (Ед. хр. 160. Л. 11).

Кампания 1813 г. в Германии. Письмо графа *Ф.Д. Монтиона*, генерала, начальника Главного штаба “Великой армии” во время болезни Бертье, о наступлении прусского генерала Йорка (Ашерслебен, 12 апреля 1813 г.) хорошо дополняется относящимися к тому же времени письмом генерала *Поля Гренье* вице-королю Италии Евгению Богарне о переходе французских войск в контрнаступление³⁹. Измотанные боями, обе враждующие стороны заключили 4 июля Плесвицкое перемирие, длившееся более двух месяцев. В связи с этим начальник штаба корпуса маршала Даву генерал *Сезар Лавиль* писал: “Хорошо, что император согласился на перемирие: его армия удвоится” (Ф. 418. Ед. хр. 285. Л. 2). На самом деле заключение Плесвицкого перемирия было стратегической ошибкой Наполеона, ибо позволило России и Пруссии не только подтянуть дополнительные резервы, но и провести дипломатические переговоры с Австрией и Швецией, которые присоединились к антифранцузской коалиции.

Правда, на первых порах союзники потерпели неудачу в Дрезденской битве 26 августа. О подготовке к этой битве свидетельствует письмо дивизионного комиссара *Фригра*, где говорилось о размещении французских войск в так называемых Больших садах – загородном парке на юго-востоке города (Ед. хр. 221. Л. 1–2). Напротив садов оказался правый фланг союзной армии, которая была разбита и отброшена на юг. Но это был последний успех Наполеона в кампании 1813 г. Через несколько дней, 29–30 августа, русский гвардейский корпус генерала *Остермана-Толстого* одержал победу под Кульмом над 37-тысячным отрядом *Вандамма*. Отряд потерял 10 тыс. убитыми, 84 орудия и 12 тыс. пленными. В плен был взят и сам *Вандамм*. В этом отношении интересно его письмо генералу Яну Домбровскому накануне Кульмского сражения (Ед. хр. 18. Л. 12). Об итогах Кульма говорилось также в письме министра полиции *Рене Савари* (герцог Ровиго) от 7 сентября 1813 г. (Ед. хр. 428. Л. 7). Интересен также автограф генерала (впоследствии маршала *Ораса Себастиани* – письмо с характеристикой боевых действий в Германии осенью 1813 г., когда Себастиани командовал II кавалерийским корпусом (Ед. хр. 432. Л. 1). Отметим также письмо храброго генерала *Ж.Б. Солиньяка* императрице Марии Луизе от 8 декабря 1813 г. Благодаря императрицу за титул “хранителя Сената”, пожалов-

³⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 146. Л. 1; Ед. хр. 411. Л. 1–6; Ед. хр. 156. Л. 1; Ед. хр. 294. Л. 1–17; Ед. хр. 472. Л. 1–5; Ед. хр. 153. Л. 1–6; Ед. хр. 432. Л. 1–6; Ед. хр. 404. Л. 1–2; Ед. хр. 467. Л. 1–10; Ед. хр. 215. Л. 1–2; Ед. хр. 236. Л. 1; Ед. хр. 309. Л. 1; Ед. хр. 197. Л. 1–7; Ед. хр. 254. Л. 1; Ф. 166. Ед. хр. 41. Л. 6; Ед. хр. 15. Л. 53–54; Ед. хр. 7. Л. 86–99.

³⁹ Там же. Ф. 418. Ед. хр. 351. Л. 1; Ед. хр. 238. Л. 2.

ванный ему в награду за недавние ранения, Солиньяк просил разрешить ему поскорее присоединиться “к своим товарищам по оружию на полях сражений” (Ед. хр. 440. Л. 2–3).

После поражения наполеоновской армии в Германии боевые действия в 1814 г. были перенесены на территорию самой Франции. Это вынудило Наполеона заняться укреплением обороноспособности страны. Свидетельство этому – переписка министра финансов *Годэна* (граф Гэт) и государственного казначея *П.Ф. Мольена* с военным министром Кларком о наборе во всеобщее ополчение, о порядке распределения там генералов и офицеров на командные должности и, в частности, о подготовке к обороне департамента Арденны (12 января – 4 февраля 1814 г.)⁴⁰. В феврале-марте в районе Арденн, Марны и других департаментов северо-востока Франции развернулись ожесточенные бои. Войска Шварценберга и Блюхера двинулись на Париж, и наполеоновская армия оказалась в критическом положении. Об этом свидетельствует письмо члена военного совета генерала Виотти коменданту Парижа графу Юлену 8 февраля 1814 г. (Ед. хр. 485. Л. 1). Однако неожиданным маневром Наполеон сумел нанести союзникам подряд три поражения – 10 февраля при Шампобере, 11-го – при Монмирале и, наконец, 14 февраля – при Шато-Тьерри. С существенными потерями сознны войска были отброшены на восток. Об этих событиях говорится в письме известного генерала *Жана Франсуа Левиля* из Монмираля (Ед. хр. 303. Л. 1–11).

О дальнейших событиях рассказывают подробные, как реляции, письма генерала *Франсуа Жозефа Грессо*, начальника штаба VII корпуса. Первое письмо датировано 14 марта, когда Наполеон сумел овладеть Реймсом. В нем говорилось о размещении батальонов французской армии на позициях в окрестностях города, о придании им артиллерийских орудий и, наконец, о движении корпусов Макдональда, Удино, Мармона и Мортье, которые должны были атаковать противника с тыла. В письме от 25 марта, написанном в день сражения при Фершампенуазе, говорилось о “намерении Наполеона атаковать сегодня неприятеля, прижать его к Марне, отбить Сен-Дизье и лично прибыть на место сражения”. Однако победа досталась союзным войскам, которые отрезали главную армию Наполеона от шедших на соединение с ней корпусов Мармона и Мортье, что открыло путь для общего наступления союзников на Париж (Ед. хр. 238. Л. 1–4).

Говоря о “Ста днях”, следует отметить автограф генерала *Клода Этьена Мишеля*, командовавшего гвардейскими гренадерами при Ватерлоо. Есть мнение, что именно Мишель произнес во время этой битвы знаменитые слова, приписываемые Камброну: “Гвардия умирает, но не сдается”. В этом сражении Мишель был убит. (Ед. хр. 335. Л. 3). Представлен в ОПИ ГИМ и автограф *Николя Дюко*, одного из старейших генералов, который участвовал еще в войне за независимость Америки, а затем в Итальянском и Испанском походах в качестве адъютанта Массены. В 1815 г. он в течение двух с половиной месяцев, командуя гарнизоном крепости Лонгви, защищался с отрядом в 300 человек против 18 тыс. пруссаков. Это удостоверение, подписанное Дюко, о представлении лейтенанта Кропсаля к награждению знаком ордена Почетного легиона за храбрость, проявленную во время защиты крепости. На документе написано: “Главная квартира в Лонгви, в состоянии осады. 14 сентября 1815” (Ед. хр. 184. Л. 2).

Любопытны два автографа неоднократно уже упоминавшегося *Вандамма*, героя Аустерлица и неудачника Кульма. Первый автограф относится к периоду

⁴⁰ Там же. Ед. хр. 233. Л. 6–7; Ед. хр. 341. Л. 1–5.

Первой Реставрации Бурбонов: это письмо графу Карлу д'Артуа от 18 сентября 1814 г., в котором Вандамм просил, чтобы его представили королю, которому он "будет служить верно и преданно" (Ед. хр. 467. Л. 5–6). Однако во время "Ста дней" Вандамм возвратился к Наполеону, был в очередной раз назначен командиром корпуса и уже после поражения в битве при Ватерлоо писал другому генералу, командиру IV корпуса Вишери, умоляя его не покидать свой пост: "Все частные соображения должны отойти в этот момент. Только опасности, грозящие Родине и армии, должны нас занимать" (Л. 8–9).

Интересны также автографы генерала *Шарля Лефевра-Денуэта*. В 1812 г. Лефевр-Денуэт участвовал в походе на Россию, командовал гвардейской конноегерской дивизией; в 1813 г. сражался в Германии, а в 1815 г. воевал на стороне Наполеона и после поражения при Ватерлоо продолжал защищать Париж. 24 июня он писал Евгению Богарне из Лаона, что "хотя гвардейская пехота показала себя очень плохо, но кавалерия продолжает верно служить. Мы с генералом Мораном решили оставаться здесь до тех пор, пока будет возможно" (Ед. хр. 292. Л. 4).

Довольно разнообразным является собрание автографов одного из самых близких к Наполеону лиц, генерала *Анри Бертрана* (он сопровождал императора в первой ссылке на о-в Эльба). Здесь мы найдем и письмо Бертрана как генерал-губернатора Иллирийских провинций 1812 г., и его обстоятельные письма графу Григорию Владимировичу Орлову и его жене Анне Ивановне за 1821–1823 гг.⁴¹

Отметим и фрагмент дневника графа *Огюста Эммануэля Лас-Казаса* – камергера Наполеона, сопровождавшего его в 1815 г. на о-в Св. Елены и написавшего впоследствии знаменитый "Memorial de Sainte-Hélène où Journal ou se trouve consigné, jour par jour, tout se qu'a dit et fait Napoléon durant 18 mois"⁴² (Ф. 166. Ед. хр. 110. Л. 112–112 об.)

Чрезвычайно интересен черновик письма генерала *Гаспара Гурго*, сопровождавшего Наполеона на о-в Св. Елены, Александру I, которое, на наш взгляд, отражает отношение российского императора к судьбе бывшего императора Франции. Показательно, что Гурго просил именно Александра I способствовать смягчению участи пленника Англии, что было связано с данным ему Наполеоном поручением в связи с возвращением в Европу – вести переговоры с русским царем. Вот что, в частности, писал Гурго Александру I в августе 1818 г.: "Сир! Многие газеты утверждают, что Ваше Императорское Величество обеспокоены положением, в котором находится бедный Наполеон, и возмущаетесь варварским обращением с этой великой трагической фигурой Истории со стороны тех, кто никогда не достигнет высот его величия" (Ед. хр. 8. Л. 74–76).

Редким документом можно считать письмо известного адмирала *Пьера Шарля Вильнёва* из английского плена. Оно было написано два с половиной месяца спустя после Трафальгарской битвы 21 октября 1805 г., в которой франко-испанская эскадра под командованием Вильнёва была разбита Нельсоном (еще через несколько месяцев Вильнёв, выданный французам и преданный Наполеоном военному суду, покончил с собой в тюрьме.) Больше повезло адмиралу *Шарлю Александру Линуа*, отличившемуся в сражениях против англичан. В ОПИ ГИМ хранится приказ, подписанный Линуа, командующим морскими силами Франции в Индийском океане (мыс Доброй Надежды, 31 октября 1805 г. – Ф. 418. Ед. хр. 308. Л. 1).

⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 342. Ед. хр. 191. Л. 112; Ф. 418. Ед. хр. 121. Л. 1–10; Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 47–52.

⁴² Correspondance de Napoléon. P., 1870. Т. 32. (Записки с острова св. Елены, или Подневные записки всего, что говорил и делал в течение 18 месяцев находившийся там в заключении Наполеон).

Интересны письма адмирала *Шарля Бодэна*. В первом (от 10 сентября 1815 г.) рассказывается об отправке Наполеона на о-в Св. Елены. Второе письмо, написанное 25 лет спустя (1840), говорит о доставке останков Наполеона со Св. Елены во Францию; 15 декабря останки Наполеона были торжественно погребены в ротонде Дома инвалидов (Ед. хр. 225. Л. 1–3).

Перейдем к характеристике автографов французских дипломатов наполеоновской эпохи.

Каждый автограф *Шарля Мориса Талейрана* – это страница в дипломатической истории Франции. 16 документов из собрания ГИМ словно иллюстрируют эти истории.

Первым по хронологии идет письмо Талейрана, министра иностранных дел Франции, известному дипломату Луи Пьеру Биньону. Письмо написано цифровым шифром (между строк вписаны расшифрованные фразы) и датируется 10 фрюктидора 12-го года Республики (т.е. 28 августа 1804). Оно характеризует политику Наполеона в отношении мелких немецких князей, которые постепенно попадали в вассальную зависимость от него. В данном случае речь идет о курфюрсте Гессен-Кассельском, которого Наполеон хотел перевести в Аахен или Майнц. А сам Кассель вскоре стал резиденцией его брата Жерома (Ед. хр. 446. Л. 1).

Следующее письмо – от 3 фрюктидора 13-го года (21 августа 1805) касается Швейцарии, в которой, как известно, с 1803 г. действовал изданный Наполеоном “Акт о медиации” (т.е. посредничестве). Накануне начала очередной войны Франции с Австрией, в которую вступила и Россия, позиция Швейцарии была стратегически важна для Наполеона. Поэтому Талейран писал своему корреспонденту генералу Виалю: “Интересы службы требуют, чтобы в столь серьезных обстоятельствах, в каких сегодня находится Европа, вы непременно были бы в Гельвеции”, т.е. в Швейцарии (Ед. хр. 446. Л. 2).

Австро-русско-французская война 1805 г. была скоротечна и закончилась разгромом союзников при Аустерлице. Переговоры, которые вел Талейран под руководством Наполеона с императором Францем I завершились 26 декабря заключением Пресбургского мира. По этому миру Австрия признала все французские захваты и территориальные изменения в Италии, Западной и Южной Германии. Думается, интересно в этом смысле письмо Талейрана из Вены от 1 января 1806 г., в котором, в частности, говорится, что трактат, подписанный в Пресбурге, ратифицирован Наполеоном и Францем I и “сегодня в Вене состоится обмен ратификационными грамотами” (Л. 3).

Все три письма подписаны “Ш.М. Талейран”. На остальных документах стоит подпись “князь Беневентский” (этот титул Талейран носил с 1806 по 1815 г.)⁴³.

Прежде всего обращают на себя внимание письма Талейрана князю Александру Борисовичу Куракину – послу России во Франции с 1808 до 1812 г. Именно князь Беневентский (со стороны Франции) и князья Куракин и Лобанов-Ростовский (со стороны России) подписали Тильзитский мирный договор 1807 г., о чем говорилось в упомянутом выше “Объявлении” с визой Наполеона. И в дальнейшем между ними установились доверительные отношения, о чем

⁴³ Впрочем, есть еще документ 1810 г., подписанный “вице-электор принц Морис”. Звание “вице-электора” вместе с титулом “высочества” были пожалованы Талейрану сразу же после ухода в отставку после Тильзитского мира. Этот документ подписан также министром внутренних дел Монталиве, выдающимся математиком Ласепедом, ставшим в эпоху Империи “великим канцлером ордена Почетного легиона”, и приемником Талейрана Шампаньи, герцогом де Кадор. См.: ОПИ ГИМ. Ф. 418. Ед. хр. 446. Л. 1. Автографы самого Шампаньи охватывают период с 1801 по 1813 г. См.: Там же. Ед. хр. 143. Л. 1–2; Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 513. Л. 31–31 об.; Ед. хр. 174. Л. 2, 4, 6, 7, 10, 11; Ед. хр. 4. Л. 21, 22.

свидетельствуют письма князя Беневентского, периодически приходившие князю Куракину, написанные характерным для Галейрана “прыгающим” почерком⁴⁴.

Пожалуй, особенно показательно последнее из этих писем. Оно датировано 16(4) сентября 1812 г., когда французы уже вступили в Москву. В письме выражается сожаление по поводу того, что Куракин был вынужден покинуть Париж, а также опасение за состояние его здоровья. Галейран указывает, что “навсегда сохранит воспоминания о тех делах, которые мы вели совместно” и “о тех благородных качествах, носителем которых является Куракин”, к которому лично он испытывает “огромное уважение”. Через два дня Куракин отправил ответное письмо, в котором писал о “несчастных обстоятельствах, которые все мои усилия не смогли предотвратить ... Для блага человечества, для отдохновения мира, – подчеркивал он, – война между нашими странами должна быть прекращена в обоюдных интересах” (Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 101. Л. 68–69).

Зенит могущества Наполеона сменился закатом его империи. После вступления союзных войск в Париж 31 марта 1814 г. Галейран, сформировавший и возглавивший Временное правительство (вновь став в нем министром иностранных дел), активно способствовал реставрации Бурбонов. В своем письме от 24 апреля он дает инструкции одному из королевских комиссаров, чтобы сбор податей происходил “исключительно от имени и властью нового правительства”, т.е. Людовика XVIII. В письме Галейран резко критически относится к “Монсеньеру”, т.е. к брату короля, графу д’Артуа (будущий король Карл X). Он предупреждал, что магистраты, созданные им, будут рассматриваться наравне с оккупационными учреждениями союзников (Ф. 418. Ед. хр. 446. Л. 10–11). И тут же Галейран дает наставления графу Полиньяку, близкому другу Карла д’Артуа, назначенному послом в Риме (записка от 3 апреля 1814) (Л. 12).

Говоря о рескриптах Наполеона периода Консульства, мы уже упоминали о подписях на них наряду с Первым консулом военного министра Бертье и государственного секретаря *Гюга Маре*. Надо отметить, что собрание автографов последнего в ГИМ значительно по объему и составляет 135 документов. “Пунктуальный, точный во всех мелочах”, по справедливому утверждению А.З. Манфреда⁴⁵, Гюг Маре в своих письмах представляет много важной информации современному исследователю. Здесь мы можем найти ценные документы как о военных действиях между Россией и Францией 1805–1807 и 1812–1814 гг., так и о дипломатических отношениях 1808 – начала 1812 г. Эти документы вполне четко делятся на три части.

1805–1807 годы. Кратковременная русско-австро-французская война 1805 г. ознаменовалась целой серией кровопролитных боев. Поначалу эти бои были успешны для русских. Так, 5 ноября у Амштеттена и особенно 11 ноября у Кремса русские войска под командованием М.И. Кутузова нанесли серьезное поражение корпусу Мортье. Об этих жестоких боях и писал Маре 19 ноября принцу Евгению Богарне, давая русским следующую характеристику: “Они стоят насмерть и в плен попадают лишь будучи ранеными или же вне поля боя”. Однако французов Маре считал непобедимыми (Ед. хр. 321. Л. 3).

Прошло немногим более года. Австрия выбыла из антинаполеоновской коалиции и Россия боролась против Франции уже вместе с Пруссией, а после ее разгрома под Йеной-Ауэрштедтом – в одиночку. Одним из ожесточеннейших сражений этой войны была битва при Прёйсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. Очевидно, это сражение и имел в виду в своем письме из Варшавы Гюг Маре: “Вот новости, поступившие к 2 часам ... Очень много убитых, 30 орудий, 25 000

⁴⁴ Там же. Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 101. Л. 67–67 об.; Ед. хр. 267. Л. 284, 305; Ед. хр. 291. Л. 108, 119; Ед. хр. 296. Л. 21.

⁴⁵ Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1989. С. 358.

человек захвачены маршалом Неем”, который, “возможно, захватит еще что-нибудь”. При этом, правда, вскоре выяснилось, что и французы потеряли 20 тыс. человек. Но в дальнейшем ход военных действий складывался в пользу Франции, и ее победа в этой войне увенчалась выгодным для нее и невыгодным для России Тильзитским миром (Ед. хр. 321. Л. 5).

Трудно переоценить значение для изучения истории дипломатии тома в красном переплете из фонда Куракиных, который целиком состоит из писем (их выше ста), написанных князю Александру Борисовичу *Г. Маре*, который к тому времени стал уже министром иностранных дел Франции и получил титул герцога Бассано (Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 174).

Переписка охватывает довольно кратковременный период – около полутора лет, но это было время, когда решалась судьба мира в Европе. Война была неизбежной, и обе стороны готовились к ней.

Конечно, далеко не каждое из этих писем отражает растущее напряжение. Здесь много конкретной информации – о новых назначениях и выдаче паспортов вновь прибывшим членам российской дипломатической миссии и другим подданным Российской империи, приезжавшим во Францию или же проезжавшим через ее пределы, о деятельности генеральных консулов в Амстердаме, Генуе и Мадриде, входивших тогда в состав Наполеоновской империи. Любопытно письмо от 2 августа, в котором *Г. Маре* поздравлял А.Б. Куракина с блестящим успехом М.И. Кутузова, разбившего турок в сражении под Рущуком 4 июля (22 июня) 1811 г. В этом же письме он сообщал, что император Наполеон с большим интересом следит за происходящим на театре военных действий в Валахии (Л. 88).

Несмотря на внешний обмен любезностями, обстановка накалялась. В середине августа 1811 г. во время парадного приема в Тюильрийском дворце по случаю своих именин Наполеон заявил Куракину, что готов объявить войну России. После этого русский посол с полным основанием писал министру иностранных дел канцлеру графу Румянцеву: “...наступает уже для нас то время, чтобы с мужеством и непоколебимою твердостью достоиние и целость настоящих границ России защитить”⁴⁶. Об ухудшении отношений свидетельствует, в частности, переписка *Маре* и *Куракина* по поводу захвата французами русского судна “Св. Николай” в немецком порту Травемюнде. Здесь же хранится и посланное герцогом Бассано князю Куракину приглашение на аудиенцию к Наполеону в Сен-Клу 27 апреля 1812 г. (Л. 279–280).

Это был последний прием русского посла французским императором. Каждая сторона обвиняла другую в несоблюдении принятых обязательств, и с конца апреля Куракин начал хлопотать о получении паспорта для отъезда из Парижа.

Об этом свидетельствует его нота герцогу Бассано от 7 мая 1812 г., в которой он выражал сожаление, “что не смог способствовать поддержанию мира и союза, упрочение которых составляло наибольшее счастье моей жизни в продолжение 5 лет”, в связи с чем считал “совершенно излишним” свое пребывание в Париже⁴⁷. Однако ни на эту ноту, ни на три последующие – от 12, 18 и 19 мая – князь Куракин не получил никакого ответа. В связи с этим 8 мая русский посланник писал в своем донесении Александру I, что подобные отсрочки “подтвердили мое убеждение, что война решена и что меня хотят волочить со дня на день, не говоря ничего решительного, чтобы ввести меня в заблуждение о действительном положении дел и заставить нас потерять драгоценное время для оборонительных действий наших войск” (Л. 287). Считая, что “выбор сделан императором Наполеоном и он решился на войну”, князь

⁴⁶ Сб. РИО. СПб., 1877. Т. 21. С. 360.

⁴⁷ Там же. С. 339–348.

Куракин восклицал: “Невозможно, чтобы русские при явной опасности, угрожающей их отечеству, показали бы менее твердости и преданности, нежели испанцы, против их врагов”⁴⁸.

Естественно, что тон переписки герцога Бассано и князя Куракина был гораздо более сухим. Так, 9 мая, сообщая о том, что он получил ноты от Куракина, Г. Маре писал: “Прежде, нежели я буду отвечать на них, я должен спросить Ваше сиятельство, имеете ли Вы полномочия, чтобы постановить, заключить и подписать соглашение о спорных вопросах, которые возникли между двумя империями?” (Л. 296).

Сложив с себя посольские полномочия, Куракин поселился в загородной резиденции как частное лицо. Однако получение паспортов затягивалось, о чем свидетельствуют последующие письма как герцога Бассано, так и министра полиции Савари от 16 июля 1812 г. (Л. 304). Прошло уже несколько недель с начала войны, а русского посланника не выпускали из Франции в ожидании известия о том, что французский посланник граф Лористон будет свободно выпущен из России. И лишь 12 сентября 1812 г. Маре писал Куракину о решении его судьбы:

“Господин посол!

Как Ваше сиятельство имели честь мне писать 31 июля, нам стало доподлинно известно, что г-н Лористон давно покинул Россию. Когда это письмо дошло до меня (14 августа), я не имел еще никаких подтверждений этой новости. И лишь через много дней спустя я узнал от самого графа Лористона, что он был отправлен 22 июля и с большим трудом переправился через Неман у Пиллау... Его Величество приказал мне уведомить Ваше сиятельство, что больше ничто не препятствует Вашему возвращению в Россию” (Ед. хр. 101. Л. 81–82).

Но на этом переписка герцога Бассано с князем Куракиным не закончилась. Желая, очевидно, показать свое благородство в отношении бывшего российского посланника, претерпевшего немало перипетий, Г. Маре, явно по поручению самого Наполеона, написал Куракину письмо 14 октября в Гамбург, где он в то время находился по пути в Россию.

Как известно, князю А.Б. Куракину принадлежал один из самых красивых домов в Москве, построенный знаменитым русским зодчим М.Ф. Казаковым на Ново-Басманной улице. Рядом с ним находилась церковь и богадельня на 200 человек, на устройство которой князь пожертвовал огромный капитал. Во время оккупации Москвы наполеоновской армией куракинская усадьба была занята командиром I кавалерийского корпуса генералом Нансути, который был ранен в Бородинской битве. Об этом и писал Г. Маре Куракину, сообщая, что по приказу “московского генерал-губернатора герцога Тревизского” (маршал Э. Мортье) для охраны куракинского дома был выставлен специальный пост:

“Вы имели основание серьезно опасаться за судьбу Вашего дворца в центре этого несчастного города. Ваше великолепное жилище осталось нетронутым. Человек, которого я отправил его осмотреть, подтверждает, что ни один предмет мебели, ни одна картина не были повреждены”, а “великолепное бюро императора Павла, подаренное Вашей светлости, не было вскрыто. Воспитанники же отправлены в Саратовскую губернию” (Л. 78). В ответном письме герцогу Бассано князь Куракин, благодаря за участие в судьбе “несчастных малюток”, писал: “Мои желания мира остаются неизбежными”⁴⁹.

⁴⁸ Нота от 8 мая опубликована на языке подлинника с переводом на русский язык. в Сб. РИО (Т. 21. С. 397–398).

⁴⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 101. Л. 79–80. Описание куракинского дворца содержится в письме Б. Кастеллана, адъютанта в штабе императорской гвардии Наполеона. См.: Россия первой половины XIX века... С. 242.

Но вернемся на несколько месяцев назад, поскольку интересные письма Маре содержатся не только в архиве Куракиных, но и в других фондах ОПИ ГИМ.

О подготовке к войне свидетельствует паспорт, выданный герцогом Бассано графу Нарбонну, адъютанту Наполеона, уполномоченному отвезти письмо Наполеона Александру I (4 мая). На этом паспорте сделаны отметки на немецком и русском: “По сему означенной французский посланник препровожден из-за границы” (Ф. 160. Ед. хр. 295. Л. 3). Посылая Нарбонна с “мирными предложениями”, Бонапарт стремился уверить Александра в своем стремлении предотвратить конфликт мирным путем, чтобы дать тем самым возможность французской армии подготовиться к боевым действиям.

В этом отношении чрезвычайно интересно письмо герцога Бассано барону Биньону, представителю Франции в Варшаве. Письмо датировано 27 мая, когда до начала войны оставалось меньше месяца. В нем говорилось о намерении Наполеона усилить власть администрации в герцогстве Варшавском: “император желает, чтобы этот указ держали в тайне до 8 июня; на случай войны против России он изучил польские вольности...” (Ф. 3. Оп. “С”. Ед. хр. 174. Л. 303).

Следующее письмо Г. Маре относится уже к периоду войны. 21 июля он писал из Вильны графу Монтолону, обращая особое внимание на действия правого крыла “Великой армии”, направленные против 2-й Западной армии П.И. Багратиона. Искусно маневрируя и ведя арьергардные бои, армия прославленного русского генерала стремилась выйти из-под удара трех отборных наполеоновских корпусов: Даву, Жерома и Понятовского. Как писал Маре, накануне, 20 июля, “авангард армии вступил в Белоруссию и захватил Могилев. Князь Экмюльский продолжает маневрировать за армией Багратиона; армия короля Вестфальского и армия Понятовского заняты тем же, что и армия князя Экмюльского” (Ф. 418. Ед. хр. 321. Л. 14).

Через три месяца, 20 сентября Маре, оставшийся в Вильне, написал письмо, на наш взгляд, на редкость характерное для настроений французов после Бородинской битвы и вступления в Москву. Он обращался к неизвестному лицу, очевидно, редактору какой-то газеты:

“Месяе, поражение русской армии и полная победа, одержанная его величеством в 7-й день этого месяца, лишили неприятеля возможности защищать Москву. Победоносные армии его величества вошли без новых сражений в эту великую столицу 14-го числа этого месяца в три часа пополудни. Распорядитесь о публикации этого великого известия всеми средствами” (Ф. 1. Ед. хр. 265. Л. 46).

А еще через три месяца Маре вновь писал из Вильны, только уже при совсем иных обстоятельствах: речь шла о спасении остатков французской армии, бежавшей из России. Он сообщал генералу Ренье, командиру VII пехотного корпуса, о движении наполеоновской армии к Березине и о необходимости помешать соединению корпуса Витгенштейна с армией Чичагова. 27 ноября 1812 г. Маре писал кригс-комиссару Бартомеф о страшных впечатления очевидцев о жертвах сильных морозов во французских и саксонских войсках (Ф. 160. Ед. хр. 292. Л. 7).

Несколько автографов Гюга Маре относятся к периоду кампании 1813 г. в Германии. Наиболее интересный из них – его нота министру иностранных дел Австрии графу Меттерниху (Дрезден, 18 августа). Как известно, тайные переговоры между Меттернихом и Наполеоном на Пражском конгрессе монархов Европы летом 1813 г. не увенчались успехом: Наполеон не шел ни на какие уступки. 11 августа Австрия объявила манифестом о разрыве отношений с Францией. 17 августа 1813 г. Наполеон отдал приказ герцогу Бассано отправить от своего имени ноту Меттерниху в ответ на австрийский манифест.

В этой ноте осуждалась “лживая политика” Венского кабинета, враждебные намерения которого по отношению к Франции “стали известны всей Европе”. Австрия обвинялась в нарушении союзного договора от 14 марта 1812 г., в

срыве переговоров между воюющими сторонами в Праге, что помешало заключению мира между Францией, Россией и Пруссией. Вместе с тем герцог Бассано предлагал возобновить прерванные переговоры, созвав новый конгресс “всех держав, больших и малых”, а в качестве первого шага к этому конгрессу организовать встречу полномочных представителей Франции и Австрии (Ф. 418. Ед. хр. 321. Л. 16–18).

“Нота, продиктованная императором в ответ на манифест Австрии”, опубликована в “Correspondance de Napoléon” вместе с текстом приказа Наполеона по копии “из Архива иностранных дел”⁵⁰, которая не датирована. Как показало сравнение текстов, в Историческом музее имеется аутентичная копия, которая, в отличие от французской, имеет место и дату отправки: “Дрезден, 18 августа 1813”.

Дипломатические маневры Франции были, однако, уже запоздалыми. 22 августа начались военные действия между Францией и Австрией, которая активно включилась в коалицию союзных держав. И следующие письма Маре от 25–29 августа, адресованные главному французскому интенданту г. Эрфурта Виму, относятся уже к периоду “осенней кампании 1813 года”. Эти письма, подробные как реляции, интересны отражением быстрой смены настроений французского командования. В первых письмах говорится о победоносном продвижении французской армии в начале осенней кампании 1813 г.; о количестве убитых, пленных и раненых в союзных армиях; трофеях в виде пушек и знамен, взятых в Дрезденском и других сражениях. Описывая Дрезденскую битву, герцог Бассано отмечал: “Бывший генерал Моро присутствовал при последних боевых действиях вместе с императором Александром. Говорят, что неприятельская армия, предприняла эти операции, окончившиеся для нее так неудачно, по совету императора Александра. Уверяют также, что Моро был ранен одним из первых пушечных ядер, лишился обеих ног и умер от ран спустя час” (Ф. 160. Ед. хр. 290. Л. 9).

В письме говорилось об отступлении союзников к Кульму и об их преследовании победоносно продвигавшимися по Богемии войсками генерала Вандамма. Однако после Кульмского сражения тон писем резко переменялся, и, сообщая Виму о движении союзных войск по направлению к Лейпцигу, Г. Маре просил его принять все необходимые меры для обороны Эрфурта (Л. 10).

Последним, четвертым по счету министром иностранных дел при Наполеоне был известный дипломат *Арман Огюстен Коленкур*, герцог Виченцкий, занимавший этот пост в период “Ста дней”. Из материалов ОПИ ГИМ наибольший интерес, безусловно, представляют три тетради в 4°, озаглавленные “Письма герцога Виченцкого” (Ф. 3. Оп. “С”, Ед. хр. 513). Они включают в себя 90 писем французского посла в Петербурге Коленкура русскому послу в Париже князю Куракину. Как известно, Коленкур выступал за развитие франко-русских союзных отношений, безуспешно пытаясь убедить Наполеона отказаться от вторжения в Россию. Летом 1811 г. он был отозван из Парижа и заменен генералом Лористоном. Письма Коленкура охватывают период с января 1809 по июнь 1811 г. Это был период постепенного ухудшения отношений между Францией и Россией, не сменившийся, однако, еще открыто выраженной конфронтацией. В письмах отражены настроения петербургской общественности того времени – как сторонников, так и противников франко-русского союза, содержатся ценные конкретные сведения о действиях дипломатии разных стран на европейской арене⁵¹.

⁵⁰ Correspondance... Т. 27. Р. 100.

⁵¹ Эти письма являются ценным дополнением к недавно переизданным в России воспоминаниям Коленкура (*Арман де Коленкур*. Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991), в которых французский дипломат умалчивает о многих невыгодных для французской политики фактах.

К сподвижникам Наполеона следует причислить *Лазара Карно* – выдающегося ученого и видного деятеля французской революции. Член Конвента и Комитета общественного спасения в период якобинской диктатуры, Карно прославился как крупный военный организатор борьбы с интервенцией. В период консульства Наполеона Бонапарта он был (с апреля по август 1800 г.) военным министром. Как бывший якобинец, Карно в 1804 г. выступил против учреждения Империи, однако в период “Ста дней” предпочел императора Наполеона монархии Бурбонов и был назначен министром внутренних дел (по возвращении Бурбонов он был изгнан из Франции). Автографы (9) всех этих трех периодов в политической биографии Л. Карно представлены в собрании Исторического музея. Здесь мы находим и приказы Комитета общественного спасения, подписанные членами Конвента Максимилианом Робеспьером, Карно Лазаром и другими об арестах “врагов нации”, о наступлении на Приморскую Фландрию и т.д. (июль 1793 – февраль 1794 г.), и другие документы эпохи революции, и выписку из именного указа о задержании “подозрительных лиц и их сообщников” (1800), подписанного военным министром Французской республики Карно, и, наконец, два автографа Карно – министра внутренних дел в период “Ста дней”: письмо военному министру Даву от 12 мая 1815 г. о положении иностранных военнопленных во французских госпиталях, в том числе русских офицеров, и резолюцию Карно на телеграфной депеше из Меца 15 июня 1815 г.⁵²

Таким образом, в результате поступления коллекций личного происхождения, в том числе графа Г.В. Орлова и П.И. Щукина, служебной переписки князя А.Б. Куракина и других и, наконец, фондов расформированных музеев, таких, как Музей 1812 года и Военно-исторический музей, в Государственном Историческом музее сложилось уникальное собрание автографов наполеоновской эпохи, насчитывающее 2551 документ.

Это собрание можно разделить на три части.

1. 28 автографов самого Наполеона Бонапарта, охватывающие четверть века – с середины 90-х годов XVIII в. до последних дней его жизни на о-ве Св. Елены. В свою очередь, эти автографы можно подразделить на четыре группы:

а) четыре автографа Наполеона в бытность его генералом Французской республики, самый ранний из которых относится к октябрю 1795 г., когда молодой генерал Буонапарте отличился при подавлении “вандемьерского мятежа” роялистов;

б) шесть автографов Наполеона Бонапарта – первого консула Франции (1799–1804), среди которых его записка генералу Моро накануне знаменитого сражения при Гогенлиндене 3 декабря 1800 г.;

в) 16 автографов императора Франции Наполеона (1804–1814), подписанных “Наполеон” или же буквой “N”. В этом самом большом разделе выделяется его обращение к итальянским солдатам в начале австро-русско-французской войны 1805 г., верительная грамота о ведении переговоров в Тильзите, выданная Наполеоном Ш.М. Талейрану, и, конечно, две резолюции, начертанные во время пребывания французов в оккупированной Москве в сентябре–октябре 1812 г.;

г) два автографа Наполеона периода его пребывания на о-ве Св. Елены (1815–1821), из которых, бесспорно, особое значение имеет написанный целиком рукой Наполеона конспект по книге Р. Вильсона “Очерки военного могущества России” (1816) по истории военных действий между Россией и Францией, начиная с похода А.В. Суворова 1799 г. и кончая вступлением русских войск в Париж в 1814 г.

⁵² ОПИ ГИМ. Ф. 166. Ед. хр. 2. Л. 68–70; Ед. хр. 3. Л. 175, 176; Ед. хр. 5. Л. 135; Ед. хр. 14. Л. 164; Ф. 439. Ед. хр. 1; Ф. 418. Ед. хр. 139. Л. 1–7.

2. Автографы членов семьи Наполеона: Жозефины Богарне и Марии Луизы, его сына Шарля Наполеона, его пасынка Евгения Богарне, его четырех братьев и трех сестер, его шурина Иоахима Мюрата, его дяди кардинала Феша. Этот раздел включает в себя свыше ста документов.

3. Самый многочисленный раздел – сподвижников Наполеона (около 2400 автографов). Этот раздел также можно разделить на несколько групп:

а) автографы военачальников, среди которых практически все наполеоновские маршалы и около 400 генералов. Хранящиеся в ОПИ ГИМ документы отражают крупнейшие войны Республики и Империи, начиная с Итальянского похода и кончая Ватерлоо. Особо хотелось бы отметить автографы участников кампании 1812 г., которые, на наш взгляд, на редкость удачно перекликаются с хранящимся в ОПИ ГИМ одним из крупнейших в стране собранием автографов русских полководцев Отечественной войны;

б) автографы дипломатов, в том числе Ш.М. Талейрана;

в) автографы государственных деятелей, в том числе министров Первой империи;

г) автографы публицистов, ученых и деятелей культуры, так или иначе связанных с Наполеоном.

Все эти документы, бесспорно, представляют значительный музейный и научный интерес. Отдельные автографы Наполеона и его сподвижников экспонировались начиная с 1987 г. на юбилейных и тематических выставках в Москве, Смоленске и Берлине. В августе–октябре 1994 г. в Москве работала выставка “Наполеон Бонапарт”, посвященная его 225-летию, на которой были представлены наряду с вещественными и изобразительными реликвиями из собраний ГИМ и 150 автографов Наполеона, членов его семьи и его сподвижников из фондов ОПИ.

В ОПИ ГИМ в настоящее время идет работа над составлением альбом-каталога автографов “Наполеон. Его семья. Его сподвижники”, который планируется издать в ближайшие годы. Это издание будет представлять собой аннотированный указатель всех автографов с факсимильным воспроизведением наиболее интересных документов, в том числе всех автографов самого Наполеона и членов его семьи, самых известных его маршалов, генералов и государственных деятелей Первой империи. Публикация будет сопровождаться обстоятельной вступительной статьей.

Это издание, как нам представляется, должно иметь значительный интерес не только для ученых, изучающих историю наполеоновской эпохи, но и для крупнейших музеев, библиотек и архивов. Оно может использоваться в качестве справочника-определителя автографов и образцов почерка Наполеона, его родственников, военных и политических деятелей Франции конца XVIII – начала XIX в. Публикаций такого объема по истории наполеоновской эпохи российская историческая наука не знала, да и за рубежом подобные издания на сегодняшний день встречаются крайне редко.

М. НЕЛЬКЕН И ЕЕ КНИГА "КРЕМЛЕВСКИЕ БАШНИ"

Маргарита Нелькен-и-Маусбергер, испанская (мексиканская) писательница, художественный критик и историк искусства, политический деятель, родилась в Мадриде в ... По этому деликатному для каждой женщины вопросу четыре авторитетных энциклопедических издания¹ сообщают три разных даты – 1894, 1896 и 5 июля 1898 г., умерла она 9 марта 1968 г. в Мехико. Училась живописи, выставляла свои работы в Париже, Вене, Бильбао. С пятнадцати лет начала писать статьи по искусству для газет и журналов (Франция, Германия, Англия, Италия, Швеция, Южная Америка), постепенно расширяя тематику (живопись, музыка, социальные вопросы, положение женщин, детей). В 1920-е г. вступила в социалистическую партию Испании; в октябре 1931 г. и позднее избиралась социалистами провинции Бадахос депутатом кортесов; в политической деятельности поддерживала Ларго Кабальеро. В середине 1930-х гг. жила некоторое время в Париже и Москве; в 1939 г., по окончании гражданской войны в Испании, эмигрировала в Мексику и приняла мексиканское гражданство. Продолжала работу в качестве художественного критика, занимая административную должность в Министерстве просвещения. Входила в группу испанских писателей в изгнании. Постепенно отошла от политической деятельности, посвятив себя почти исключительно искусствоведению.

Ее единственная, в значительной мере посвященная России книга "Las torres del Kremlin" (México, 1943), в отличие от книг Р.Х. Сендера, Э. Диаса Ретжа, Д. Ридруэхо, не представляет, по нашему мнению, такого же интереса как источник, потому что очень политизирована, насквозь пронизана духом защиты "русского коммунизма" от троцкистской и любой другой критики, но она может рассматриваться как яркий пример литературы, которая обращала в сторону Советского Союза взгляды далеких от него, но искренне ненавидевших фашизм людей. В книге использованы многие политические материалы того времени, которые могут как-то свидетельствовать в пользу СССР. Именно их изобилие и многообразие мешают считать эту книгу написанной "по заказу"; по этой же, вероятно, причине, советская цензура поставила на ней "шестигранник" – знак принадлежности к "спецхрану".

Но прежде посмотрим на ее автора глазами людей, которые по долгу службы встречались с М. Нелькен во время ее пребывания в Советском Союзе в 1935–1936 гг. и оставили об этом соответствующие документы.

Совсекретным письмом от 4 мая 1935 г. Д.З. Мануильский просит Н.М. Шверника включить в состав иностранных рабочих делегаций, направляемых по СССР, 32 испанских политэмигрантов–участников боев в октябре 1934 г. в Испании, "которые находятся здесь на том же положении, что и шуцбундовцы". К письму приложен список, который открывается именами: Салас Адальберт, Нелькен Маргарита, Нелькен Марге² (как видно из других документов – это семья из матери, дочери и зятя).

Много документов о М. Нелькен хранится в фонде Всесоюзного общества

¹ Основные биографические сведения о М. Нелькен см.: Gran Enciclopedia Larousse. Barcelona. 1974. Т. 7. P. 669; Enciclopedia universal ilustrada europeo – americana: Apéndice. Madrid, 1980. Т. VII. P. 992; Enciclopedia de México. México, 1988. Т. X. P. 5774; Diccionario enciclopédico Espasa. Madrid, 1989. Т. 9. P. 7451.

² ГАРФ. Ф. 5451 (ВЦСПС). Оп. 19. Д. 587. Л. 387, 388.

культурной связи с границей (ВОКС) – она значится в списке впервые посетивших ВОКС 19 мая 1935 г., тогда же она беседовала с его председателем А.Я. Аросевым; 22 мая 1935 г. присутствовала на приеме в ВОКС в связи с 50-летием со дня смерти В. Гюго вместе с Ф. Мазерелем, Ж. Садулем и другими; ее имя упоминается и в ряде других документов³. Наиболее интересные – это "не подлежащие оглашению" записки сотрудниц ВОКС, сопровождавших М. Нелькен в ее экскурсиях и различных посещениях.

Вот запись З. Поляковой, которая сопровождала ее 15 ноября 1935 г. на спектакль МХАТ "Мертвые души": «По дороге я спросила, знает ли она содержание "Мертвых душ". Оказалось, что нет, и я вкратце рассказала ей. Она очень заинтересовалась и просила переводить ей как можно подробнее. К слову, рассказала мне, что в Испании практикуется участие "мертвых душ" в выборах. В антрактах мы осмотрели музей МХАТа. Хранитель музея охотно дал некоторые пояснения. Нелькен спросила меня, следует ли ему заплатить за это, и когда я ответила отрицательно, она как-будто удивилась и переспросила: "Вы уверены в этом?". Госпожа Нелькен рассказывала мне о своей семье, о своих впечатлениях (между прочим, она находит, что обувь и одежда у нас слишком еще дороги), о своей работе. Ей нужны материалы о школе, о женском труде, о ликвидации проституции, так как из Испании все время поступают запросы, а в продаже очень мало литературы на французском языке. Спрашивала, можно ли ей как журналистке иметь скидку при покупке книг по искусству. Она хотела бы купить сборник репродукций из Музея новой западной живописи и иранских миниатюр. Кроме того, она просила тов. Похитонову позвонить в Союзфото и санкционировать выдачу ей некоторых фото для очередного номера журнала, в котором будет помещен доклад Димитрова»⁴ (Оп. 1. Д. 299. Л. 109).

11 декабря 1935 г. другая сотрудница ВОКС – Коган, – писала: "Г-жа Нелькен, политическая эмигрантка, очень симпатизирует советской системе и довольно хорошо в ней разбирается... Вторично посетила женский трудовой профилакторий, причем отказалась от обычно предлагаемого посетителям поверхностного осмотра и попросила устроить ей беседу с одной из интернированных в профилакторий девушек. Ее просьба была удовлетворена. Была устроена беседа с одной из обитательниц профилактория т. Первой, совершенно физически и морально выздоровевшей, учащейся музыкального техникума. Г-жа Нелькен забросала собеседницу градом вопросов, касающихся всех деталей быта, истории и интересов последней. Г-жа Нелькен очень довольна полученными ею сведениями, хочет написать на их материалах статью. Просит достать ей фото, иллюстрирующие быт Союза, в частности, ПК и О и профилактория" (Там же. Л. 177).

В справке о работе испанского сектора ВОКС от 29 октября 1935 г. отмечается, что "профессор искусствоведения Маргарита Нелькен выступала в ВОКСе с докладом" (Оп. 1. Д. 278. Л. 92). В другой справке от 22 декабря 1935 г. рассказывается о неудачной поездке дочери М. Нелькен г-жи Салас в Музей художественного фарфора и фаянса в Кусково, в конце которой, не выдержав, г-жа Салас разразилась речью против Интуриста: "Они раболепствуют перед владельцами валюты и откровенно грубы с теми, кто ее не имеет" (Там же. Д. 300. Л. 27).

В конце 1935 – начале 1936 г. М. Нелькен совершила путешествие по ряду регионов Советского Союза. В фонде ВОКС об этом имеется лишь сообщение,

³ Там же. Ф. 5283 (ВОКС). Оп. 1. Д. 296. Л. 36–37 об.; Оп. 2. Д. 260. Л. 110; Оп. 7. Д. 1006. Л. 14. Далее сноски на этот фонд даны в тексте без указания названия архива и номера фонда.

⁴ Имеется в виду существовавший тогда на ул. Кропоткина, 21, Музей нового западного искусства. Похитонов – один из руководящих работников ВОКС.

что Нелькен выехала из Баку 27 декабря (Оп. 7. Д. 1006. Л. 11). Но в другом фонде сохранилась пространная запись секретаря Испанской комиссии за 6 и 7 января 1936 г. Ф.В. Кельина по поводу беседы с М. Нелькен об этой поездке, ее впечатлениях: «...Маргарите все очень понравилось, особенно Кавказ, совершенная, по ее словам, Испания (даже блюда, те же бобы и т.д.) Всюду ее принимали очень ласково. Из Тифлиса в Батум она даже, по ее словам, ехала "с воинскими почестями, в вагоне ГПУ, с красноармейцем у ее дверей на карауле" (!). Устроила ей это жена т. Михаладзе в Тифлисе, узнав, что Нелькен (по своему документу, или без визы) в Батум ехать не может. Вообще на Кавказе тепло (но не очень), много фруктов – все это порадовало ее испанское сердце. В Киеве она занималась исключительно археологией (даже отказалась ездить по фабрикам), была в Лавре, в Софийском соборе, очень довольна реставрационными работами, в противоположность Баку, где делают их неумело. Водил ее какой-то "великий знаток" старого искусства, собирающийся ехать в Америку; на обратном пути, он, может быть, заедет в Испанию. Маргарита собирается устроить ему цикл лекций. На прощание Маргарите в Киеве подарили две иконы, одну подлинную XVI–XVII в., в серебряном окладе, другую копию.

Маргарита отзывалась с большой похвалой о писателях, во всех крупных местах ее останова встречавших ее, даривших ей книги ("которые я не понимаю" – заметила она) и вообще проявляющих большую любезность. Будущие проекты Маргариты: две книги "О женщинах Советского Союза" и "Отечество трудящихся" (очерки путешествия)...»⁵

Вернувшись в Москву из поездки по Союзу, М. Нелькен возобновила контакты с ВОКС, активно продолжая изучать все, что представлялось возможным. Сохранившиеся докладные записки сопровождавших ее сотрудниц характеризуют ее интересы, равно как и советские "методы работы" с любознательными иностранцами. Вот записка Ю. Зайдеман от 27 января 1936 г. о посещении Московского горсуда и беседе с его председателем Л. Смирновым, в ходе которой М. Нелькен подробно записывала объяснения. Ее особенно интересует законодательство о несовершеннолетних правонарушителях; она предполагает написать статью о советском суде для "Журналь де Моску". «Она согласилась с т. Смирновым, – говорится в записке, – что прежде, чем передать статью в газету, ее просмотрит т. Смирнов и на отдельном листочке даст ей дополнительные данные по неосвещенным ею вопросам, и сказала, что "даже предпочитает, чтобы т. Смирнов предварительно прочел эту небольшую статью". Статья была написана, и, как свидетельствует Ю. Зайдеман, через которую статья была передана Смирнову, – последний "внес много изменений в статью, а некоторые страницы переделал заново (например, где Нелькен писала о том, как выглядит "приговор в теории и на практике" и др. места). Я писала под диктовку т. Смирнова, переводя на другой язык. Затем внесенные им добавления и исправления я отвезла Нелькен, которая, прочтя замечания и добавления т. Смирнова, с ними согласилась, сказав, что переделает в соответствии с этим статью и просила поблагодарить т. Смирнова» (Оп. 7. Д. 1006. Л. 12–13; Оп. 1. Д. 334. Л. 150а).

26 января М. Нелькен беседовала с директором Парка культуры и отдыха им. Горького, а в разговоре с сопровождающей Ю. Зайдеман по дороге в Парк и обратно "рассказывала о предстоящих выборах в парламент, о том, как она ждет результатов предварительного голосования...". "Я глубоко уверена, – говорила Нелькен, что непрекращающиеся революционные выступления испанского пролетариата – приведут в недалеком будущем к социальной революции в Испа-

⁵ РГАЛИ. Ф. 631 (Иностранная комиссия ССП СССР). Оп. 11. Д. 330. Л. 5–8, 11–14.

нии, прежде, чем в какой-либо другой стране" (Оп. 1. Д. 334. Л. 165). 4 февраля Нелькен посещает в Москве абортарий № 11. "При выходе Нелькен заметила, – пишет сопровождающая З. Полякова, – что она получила богатейший материал. При этом она рассказала, что известные недруги никак не хотят верить ее статьям, ссылаясь на то, что она видит здесь объекты, которые показывают туристам, т.е. заведомо подобранные, тогда как она видит все, как оно есть, нужно только уметь и иметь желание как следует понять то, что происходит и учесть все обстоятельства, если видишь какие-либо недостатки" (Там же. Л. 127).

Записка Ю. Зайдеман от 5 февраля 1936 г. фиксирует присутствие М. Нелькен тогда же на Всесоюзном совещании сельских библиотекарей-передовиков под председательством Н.К. Крупской, с которой планировалась беседа, но она была перенесена (Там же. Л. 115). В отчете Грушецкой о работе с "испанской журналисткой, политэмигранткой Нелькен" рассказывается о посещении 8 февраля 1936 г. Музея революции и клуба завода "Серп и молот" (Там же. Л. 104). Интересна записка С. Олькеницкой о посещении М. Нелькен 9 февраля 1936 г. филиала Государственного литературного музея – музея П.А. Кропоткина: "Нелькен осматривала музей с живым интересом, делая подробные записи обо всем осмотренном. Особенный интерес она проявила к надписи на ленте одного из надгробных венков на могиле Кропоткина. Из надписи видно, что венок был возложен испанскими анархистами. По этому поводу Нелькен рассказала, что в Москве находится группа испанских анархистов, эмигрировавших сюда при ее содействии после революционных событий 1934 года в Астурии. Она высказала твердую уверенность в том, что победа революции в Испании не заставит себя долго ждать.

При уходе из музея, расписываясь в книге посетителей, она обнаружила в ней недавно сделанную надпись (на испанском языке) по ее словам, испанским анархистом Арголес и др. Тут же она вписала в книгу французский перевод этой записи.

Г-жа Нелькен, судя по ее замечаниям во время осмотра музея, хорошо знакома с историей революционного движения в России. Она восторгалась обилием материала о жизни и деятельности Кропоткина, собранного в музее, а также той любовью и вниманием, которыми Советская власть окружает память великого революционера..." (Там же. Л. 97)

Имеется обстоятельная записка сотрудницы ВОКС Шпрингер, сопровождавшей М. Нелькен 14 февраля 1936 г. на Краснохолмскую камвольную фабрику: "В беседе с директором фабрики, у которой она уже бывала раньше, говорила, что она сама буржуазного происхождения, их две сестры, убеждения у них разные. Когда Маргарита Нелькен сидела арестованная, ее сестра не желала дать приюта ее детям, она этого забыть не может. Ее дети скрывались по разным домам, где их кормили. Она старый член социалистической партии. Ее имя в Испании хорошо известно... Она рассказывала, какая безработица в Испании, что при всей дешевизне крестьяне голодают; они не могут купить себе самого дешевого блюда – макароны. Рабочие зарабатывают прилично, но приняв во внимание, что семьи большие, детей много, а работает один человек, – жить очень тяжело... Она рассказывает, насколько там сплочены крестьяне и все левые, стоит ей послать туда какую-нибудь статью, ее тотчас помещают в газеты, журналы...

Когда мы с ней возвращались, я спросила ее, как же она поедет в Испанию с дочкой и только что родившимся ее ребенком, ведь в конце февраля ему будет несколько дней, неизвестно еще, когда он родится, она ответила, что ехать должна, и лучше, если дочь поедет с нею, чем одна с мальчиком. Останутся в Варшаве, в Вене (через Германию она ехать не может, т.к. в начале

гитлеровщины она была руководителем движения антигитлеровщины), в Париже, в Барселоне дочь останется у родителей мужа, у которых под Барселоной свой дом, а она поедет в Мадрид и начнет разъезжать по провинциям. Она рассказывала, как стекалась всегда масса крестьян из всех деревень, когда приезжал какой-нибудь оратор и устраивался митинг, женщины с младенцами на руках шли несколько километров, – чтобы послушать. Буржуазия боится их, все бегут из Испании, за короткий промежуток из одного Мадрида выехало две тысячи человек. У крестьян жажда мести кипит, у эмигрантов, находящихся у нас в Союзе, тоже, все говорят, когда победят, то каждый собственноручно должен убить хотя бы 4–5 человек из капиталистов. В конце февраля она уезжает в Испанию, предполагает вернуться на будущий год, но на более короткий срок. Муж ее остается здесь" (Оп. 1. Д. 331. Л. 80).

В документах ВОКС за 1937 г. имеется благодарственное письмо М. Нелькен А.Я. Аросеву от 20 июля 1937 г. на французском языке на бланке депутата Кортесов от Бадахоса с просьбой прислать революционные пьесы и скетчи с приложением списка лиц, посещение которых желательно для Испании и Советского Союза (Оп. 7. Д. 1006. Л. 3–8). Редко встречается имя М. Нелькен в 1937 г. и в материалах Иностранной комиссии ССП. Так, в письме Ф.В. Кельину от некоего Альфредо из Будапешта от 30 апреля 1936 г. в постскриптуме значится: «Полагаю, что "Звезда Испанской Революции" (Маргарита Нелькен) пытается теперь создать себе блестящее положение в Мадриде. Известно ли тебе что-нибудь о ней?»⁶ И очень неожиданные по сравнению со всем вышецитированным строки из недатированной (по контексту – 1937 г.) справки с краткими характеристиками испанских писателей, посещавших в 1935–1936 гг. Советский Союз: «с большой осторожностью надо подходить и к окружению *Маргариты Нелькен**. Ее официальный муж Мартин де Пауль – коммерсант, поддерживавший в прошлом торговые отношения с рядом германских фирм, и работавший у Цейса. Человек явно "германской культуры", если не ориентации. В Москве нередко вел разговоры "осведомительного характера"...»⁷

Правда, немного позже в обширной, тоже недатированной справке об испаноязычных писателях, составленной Кельиным, о М. Нелькен говорится следующее: «*Маргарита Нелькен*. Бывший член испанской социалистической партии (группа Ларго Кабальеро). Со времени войны в рядах испанской компартии, жила в СССР с мая 1935 по апрель 1936 г., позднее переписывалась... В настоящее время находится в Америке... Находится в переписке с редактором французского журнала "Интернациональная литература" Е. Стасовой, с которой была связана в Москве по МОПРу. Последнее письмо с присылкой статей относится к октябрю 1940 г. Сын Маргариты Нелькен работает на заводе в Коломне. Нелькен можно считать человеком вполне надежным»⁸. С Иностранной комиссией ССП М. Нелькен продолжала переписку и в годы войны, интересуясь судьбой своего сына и литературными вопросами. Краткую характеристику М. Нелькен дал И. Эренбург в испанских очерках 1931–1932 гг.: «Маргарита Нелькен представляет в Кортесах Эстрамадуру. Это передовая писательница и социалистка. Она призналась мне: "Нам приходится делать все, чтобы удержать крестьян от бунта"»⁹.

Из приведенных документальных свидетельств можно вывести представление

⁶ Там же. Оп. 14. Д. 587. Л. 45.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 2–3.

* Подчеркнуто в тексте.

⁸ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 380. Л. 7. Ее сын погиб, сражаясь в рядах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны.

⁹ Эренбург И. Испания, 1931–1932 // Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 527.

о М. Нелькен как о человеке, безусловно, честолюбивом, демократически настроенном, несомненно, переполненном социалистическими идеями и видевшем в Советском Союзе хотя бы некоторое воплощение своих идеалов. Очень легко отнести ее к прокоммунистическим настроенным, "купленным" журналистам. Но мы бы не стали торопиться с последним выводом, хотя, несомненно, значительная доля конформизма в поведении М. Нелькен имела. Она все же остается "госпожой" во время пребывания в Советском Союзе и, как свидетельствует Кельин, нуждается в деньгах на жизнь, что заставляет ее послушно учитывать все многочисленные исправления Л. Смирнова в статье, предназначенной для газеты, издаваемой в СССР. Мы, к сожалению, не имеем возможности ознакомиться с ее статьями в испанской прессе, хотя, наверное, они не очень отличаются от опубликованных в Союзе. Добавим, что в просмотренных нами документах ВОКС по культурным связям с Мексикой за послевоенные годы имя М. Нелькен нам ни разу не встречалось несмотря на существование в Мексике Мексикано-русского института, возглавлявшегося тогда Х. Мансидором, Диего Риверой. Нам неизвестна (несмотря на многочисленные обещания М. Нелькен написать книги о СССР) какая-либо другая книга Нелькен о России, кроме "Кремлевских башен".

Говорить об этой книге непросто. Написанная страстно (о страстности, неукротимости в пользу Справедливости и Правды, о невозможности нейтрального отношения к преступлениям, варварству, к возведенной на престол глупости автор говорит в первых же строках), с привлечением многих материалов из мировой прессы на начало 1940-х гг. как за, так и против идей коммунизма, — эта книга должна быть оценена по законам своего времени несмотря на то, что многие серьезные ранее аргументы осыпались с тех пор, как сухие листья. Но напомним, что и сама М. Нелькен после войны, как мы уже писали, отошла от политической деятельности, оставшись верной лишь искусству. Но книга написана человеком, который тогда, в самый разгар битвы с фашизмом, стремится найти и использовать любые аргументы против фашизма в пользу страны, которая кровью своего народа отвоевывала будущее. Мы же остановимся лишь на тех немногочисленных страницах книги, где автор рассказывает о своих непосредственных наблюдениях в России, цитируя некоторые отрывки в нашем переводе с испанского.

Обширное вступление посвящено апологетике Сталина. Автор вступает в полемику с троцкисткой и буржуазной прессой и дает набросок "наиболее репрезентативного для Советского Союза человека", основываясь на эпизодах, которые она наблюдала лично, или на рассказах непосредственных свидетелей. Она описывает летний вечер на Красной площади в 1935 г., в канун "большого ежегодного спортивного парада" (по-видимому, его репетицию): «Вдруг в дверях правого конца Кремля показались шесть или семь человек, которые остановились рядом с деревцами, осенявшими небольшие каменные плиты с именами "героев большевизма, чей пепел захоронен по обе стороны Мавзолея... Из этой полудюжины людей, вышедших вместе из боковой двери Кремля, одни были одеты по-крестьянски — европейский костюм, или классическая "рубашка", или вышитая рубашка — и двое или трое в военной форме. Один имел одежду, которая не была ни военной, ни крестьянской: военная шапка с козырьком и белая гимнастерка с пуговицами до закрытой шеи. Он оставался в середине группы, не выделяясь от сопровождающих. Гимнасты продолжали свои упражнения, и прохожие продолжали следовать своим путем, и никто, никакой полицейский, секретный или в форме, не приказал им удалиться или снять шляпы. Закончив свои упражнения, некоторые из спортсменов приблизились, чтобы обменяться впечатлениями относительно парада завтрашнего дня, к этой группе граждан, стоящих рядом с воротами Кремля. И тот, кто был одет в

костюм полукрестьянский и полувоенный, на несколько мгновений остановился, шутя и смеясь, с этими юношами, почти всеми, наверняка, рабочими с фабрик. Через несколько минут он попрощался с ними, пожав каждому из них руку.

Этот человек был Сталин, кого тогда пресса всех капиталистических стран, не исключая большей части той, которая хвасталась тем, что она самая передовая и левая, продолжала представлять как нового Нерона, невидимого и недосягаемого, или, по меньшей мере, как обожателя самого себя, подобного Гитлеру, и которого никакой простой смертный не может увидеть лицом к лицу» (С. 19–21).

Интересен и второй эпизод – в Большом зале Московской консерватории, в день похорон Анри Барбюса: «Только что встал почетный караул, в который вошли некоторые иностранные писатели, находившиеся тогда в столице СССР – одни политические эмигранты, другие просто приехавшие, и помню среди них великого китайского поэта Эми Сю и французского писателя Люка Дюртена, и итальянца Джерманетто, знаменитого автора "Записок цирюльника" – я осталась, чтобы разделить чувство закрытия гроба и выноса тела Барбюса отсюда, где было последнее его место в стране, столь им любимой. Наступил момент последнего караула: приблизились, по-двое, шесть товарищей, которые воздали писателю эту высокую честь. Среди них, и равно, как они, как остальные, имея на левой руке как знак траура, красную повязку, покрытую черным крепом, приблизился Сталин, который занял свое место и стоял неподвижно рядом с катафалком, до того, как первые ноты "Интернационала" раздались, вызвав волнение, которое перехватило у всех горло, и которое распространилось, от места, где мы стояли, на улицу, где, по обе стороны процессии стояли ряды бесчисленных делегаций, которые прибыли к назначенному часу, чтобы составить кортеж – кортеж из нескольких сотен тысяч людей, по грандиозности и эмоциональному воздействию трудно сравнимый с чем-либо – который сопровождал Барбюса через город, придавленный болью потери, где все, от руководителей, до самого безвестного из трудящихся, чувствовали равно, – к поезду, который должен был вернуть его во Францию.

Сталин, которого его диффаматоры хотели представить как полуварварского деспота, далекого от всех культурных забот; руководитель около двухсот миллионов людей, хотел, как и любой другой гражданин, с максимальной искренностью отдать последний долг писателю, который был его личным другом, и который, один из первых, минуя клевету и невежество, узнал, понял и полюбил Родину трудящихся» (С. 21–22).

М. Нелькен, прожив в Союзе почти год и будучи человеком активным и контактным, имела достаточные связи в литературных кругах, и несомненно, до нее доходили разные разговоры и слухи. Полученную, таким образом, информацию она использует и в своей книге, что делает последнюю дополнительным источником о том, что думали и говорили в России в кругах интеллигенции по тому или иному вопросу, хотя, разумеется, эти сведения не надо принимать за истину. Вот несколько сюжетов подобного рода. Первый из них касается возвращения М. Горького в СССР: «Известна всем была его (имеется в виду Сталина. – А.Е.) близкая дружба с Горьким, которого он приказал найти на Капри, где этот последний был долгое время, прежде, чем началось преобразование его родины. Едва заняв свое место руководителя, Сталин... послал в Италию Халатова, старого армянина, своего друга молодости, директора тогда Государственного издательства. Рекомендовал ему: "не возвращайся без Горького. Скажи ему, что я сделаю все, что будет возможно, чтобы удовлетворить его, что он будет жить здесь, как ему нравится, что будет иметь все, что пожелает, чтобы работать или отдыхать; но что необходимо, чтобы человек, самый великий, которого сегодня имеет Россия, вернулся в Россию".

Он, которого хотели представить, как страдающего манией величия, он посчитал что "самый великий человек" его страны был писатель!"» (с. 23–24).

Отметим, что А.Б. Халатову в 1928 г. было 34 года; по-видимому, он действительно в то время виделся с М. Горьким, так как был руководителем советского отдела на Международной выставке печати в Кельне, и вернулся в Москву вместе с Горьким¹⁰. Так или иначе, но стремление Сталина вернуть Горького в Россию здесь отражено верно. Далее М. Нелькен говорит об авторитете Горького в глазах Сталина по вопросам литературы и культуры и рассказывает: "Доверие между обоими было общеизвестно. Не было публичного праздника, где бы не показывались вместе Сталин и Горький, приветствуемые, вместе, восклицаниями множества (Так же, однажды, мы их видели на Первое мая, делившими эти овации с Роменом Ролланом, который появился с ними на Красной площади, и это было одной из причин – малоизвестной, но реальной – злобы Жиды против СССР в целом и против Сталина, в частности. Поскольку тогда Жид тоже находился в Москве; не был удостоен быть принятым Сталиным, и не в силах никак понять, почему на него не распространяются, на него, который был великим писателем, да, но не больше, такие же почести, как и на Романа Роллана, для которого литература не была целью, которую принимали как что-то избранное, но средством расширения горизонта всех людей)" (С. 24). Нелькен здесь смещает даты – Ромен Роллан был в СССР в 1935 г., Андре Жид прибыл в Москву за день до смерти М. Горького, 17 июня 1936 г. Не вдаваясь в истинные причины отрицательной оценки А. Жидом советской действительности в его книге "Возвращение из СССР", отметим изложенную М. Нелькен версию как достаточно популярную в то время среди определенных кругов просоветски настроенной интеллигенции.

И еще один, столь же апокрифический сюжет (с чьих слов?) – о приеме Сталиным Л. Фейхтвангера, – рассказ, характеризующий недожизненные артистические способности Сталина (отсутствует в работах Л. Фейхтвангера): «...немец Лион Фейхтвангер не мог выносить табачного дыма. Сталин также не мог быть долго без того, чтобы не зажечь свою трубку. В первый раз, когда Фейхтвангер увидел ее, он без церемоний сказал: "Я Вас умоляю: меня беспокоит дым". Сталин тотчас же положил трубку в карман, и поскольку этот вечер проходил в компании автора "Еврея Зюсса", провел добрых шесть часов не куря, что для него составляло истинное мучение.

Видя такую любезность, Фейхтвангер уже не колебался. Спокойно он перешел к истинной цели своего визита: "Я прибыл сюда как немецкий писатель. Я знаю, что имеется немецкий писатель, который заключен в тюрьму в СССР, и хочу говорить Вам в его пользу". С тем же самым спокойствием и естественностью Сталин спросил имя писателя; Фейхтвангер его назвал. Сталин ничего не знал об этом. Позвал секретаря и попросил его немедленно представить дело, относящееся к О. Когда его принесли, он, не листая, передал его Фейхтвангеру: "Изучите это. Я не знаю этого вопроса, но Вы, после того, как изучите, мне скажете свое мнение". Поскольку это было на квартире Сталина, Фейхтвангер расположился за обеденным столом, открыл папку, которую Сталин ему передал, и стал изучать ее содержание: там были документы и письма, которые доказывали, без возможности ошибки, что писатель О. был шпион наци. Фейхтвангер положил бумаги в папку, и, возвращая ее Сталину, сказал ему только: "Я беру назад свою петицию"» (С. 25–26).

Нелькен акцентирует внимание на "скромности" Сталина, на отсутствии каких-либо сведений о его личной жизни, и пишет, что «Барбюс, несмотря на то, что Сталин его "одобрил" как биографа, сколько раз высказывал мне сожаления

¹⁰ См. об этом: *Илья Шкапа. Семь лет с Горьким. М., 1966. С. 6.*

по поводу того, какую трудную задачу возложил он на себя "по причине отсутствия данных"!» (С. 27). Автор книги и сама включается в журналистские поиски мелочей из жизни "великого человека" и рассказывает, что, проезжая по Грузии в конце 1935 г., она посетила одну старую грузинку – подругу матери Сталина: «Эта старая женщина мне рассказала эпизоды деятельной юности "сына своей лучшей подруги". Однажды ночью, когда он был преследуем полицией, Сталин, или, лучше сказать, "Сосо", как фамильярно она продолжала его называть, прибежал к ней в дом. Рано утром пришли сыщики ненавистного царского правительства. "Я спрятала Сосо в кровати моего сына, тогда отсутствовавшего, и вышла сама отпираться полицейским, проявлявшим большое волнение и шум. Входите, господа, вот здесь мой сын, который вчера опять вернулся пьяным. Вот он спит, как пень, ничего не чувствуя. Какое мучение для бедной матери! Не могли бы вы поднять его и как следует наказать, чтобы он больше не возвращался домой в таком состоянии... и я так продолжала жаловаться и приставать к ним. Полицейские были взбешены и ошеломлены: они мне ответили, что имеют другие занятия, чем заниматься пьяными, что они ищут другого сорта людей. И ушли, даже не бросив взгляда на кровать, где покрытый одеялом с головой, утопленной в подушки, Сосо лежал храпя...» (С. 27–28).

Далее следует рассказ о поездке одного из корреспондентов "Правды" на Кавказ к матери Сталина, затем Нелькен снова возвращается к сюжету о внимании Сталина к своим друзьям, к которым она относит Г. Димитрова, Макса Гёльца. Рассказывает она и о жене Сталина, заключая: "Когда я посетила новую часть старого Московского кладбища (чья старая часть сохраняется, целая и ухоженная, со своими крестами и религиозными эмблемами, могилами многих, которые характеризуются как угнетатели народа), меня удивило видеть часового около скромного погребения, покрытого цветами. Это была могила, где покоится та, которая была супругой Сталина и матерью его детей: часто Сталин приходит один на это кладбище и сам кладет цветы на эту могилу" (С. 30).

Интересно с источниковедческой точки зрения еще одно сообщение Нелькен – о диске с записью речи Сталина, диске, объявленном вредительским, подготовленном "контрреволюционными диверсантами", поскольку диск регистрировал не только слова, но все мелочи и шумы, "которые обычно стараются заботливо подавить на дисках подобного рода". «Диск репродуцирует – говорит Нелькен, – вплоть до пауз оратора, когда он пьет воду или сличает листочки, где содержатся цифры, которые служат базой для его заключений. Те, кто вредили в этом диске, не давали себе отчета, что при его печатании с этими дефектами, создавали неопценимый документ для изучения Сталина. Слушая этот диск, и вспоминая "театральность" речей Гитлера, понимаешь точно, каковы есть эти два мира, которые представляют эти два человека: с одной стороны истерическое бешенство, которое взывает только к инстинктам, к чувствам, наименее контролируемым его слушателями; с другой стороны, ясность, логика, которые взывают к разуму и пониманию своей аудитории» (С. 32).

Заканчивает Нелькен введение идиллическим воспоминанием о встрече с Емельяном Ярославским: "Ровно восемь лет назад, в саду, усеянном цветами, которые он сам заботливо выращивал, на своей даче недалеко от Москвы, Ярославский нам долго говорил о Сталине, а также о наших казастельяньских классиках, которых он изучал в годы ссылки в царской Сибири..." (С. 34).

Первая часть книги, озаглавленная "Дороги нацизма", посвящена подробному разбору европейских и других международных событий, связанных с ростом фашизма. Нелькен снова вспоминает свою поездку по Кавказу в конце 1935 г., – деревню в Армении, где колхозники имели карту Абиссинии, по которой следили за наступлением фашистов, и школу в Азербайджане, где делегация пионеров, большинству которых было не больше двенадцати лет, расспрашивала о

Движении Октября в Астурии, и где один из детей, "который не видел других горизонтов, кроме Каспийского моря", спросил: "разве Франция не рядом с Испанией? Разве там нет трудящихся? Тогда почему же они не помогут астурийским шахтерам?" (С. 46). Нелькен напоминает, что Франко дал испанское гражданство тем "белым русским", которые сражались вместе с его фалангистами (С. 48).

М. Нелькен вспоминает также о Женевской конференции в защиту мира весной 1938 г., о Межпарламентском конгрессе в Ницце "за несколько месяцев до Мюнхена", на которых делегации Испании с ее участием оставались почти одиночками (С. 50–52), и делает особый акцент на принципиальном изменении ситуации после 22 июня 1941 г. «Когда дом горит, стремятся погасить огонь, и берут воду там, где она есть», – таковы, по ее словам, исходные моменты политики Рузвельта и Черчилля. "Можно настаивать, – продолжает она, – на утверждении, что Сталин – человек без принципов – способствовал, как никто, победе нацизма в Германии", или что "много больше немецкий социализм подчинен тоталитаризму наци, чем Россия подчинена тоталитаризму сталинизма". Но этот "коммунацизм", – утверждает М. Нелькен, – ушел в предыдущую Историю 21 июня 1941 года» (С. 127–129). Далее она посвящает несколько страниц полемике с троцкистами, заменившими тезис о солидарности немецкого фашизма и сталинского коммунизма тезисом о возможности завоевания западных демократий коммунизмом.

Вторая часть книги озаглавлена "Аттила" и посвящена вопросу, в котором она чувствует себя наиболее компетентной – варварству и культуре. Главный аспект части – преследование варварством Мысли, Культуры в целом (С. 154). Нелькен приводит в пример разрушение фашистами могилы Г. Гейне и сохранение могилы П.А. Столыпина Советской властью (С. 155–156); упоминает, что в фашистской Германии стихотворение о Лорелее издается с пометкой "автор неизвестен", а во франкистской Испании ряд работ писателей-эмигрантов издается без указания авторов (С. 156).

Далее она подробно рассказывает о своей поездке в Ясную Поляну осенью 1935 г. с группой иностранных писателей, когда отмечалось 25-летие со дня смерти Льва Толстого: "Был приготовлен специальный поезд, в котором эта смертанная и привилегированная команда мирового интеллектуалитета сошлась в один из дней, как в абсолютно своем доме, где все, начиная от советских писателей и до служащих железной дороги, стремились к тому, чтобы сделать удобным пребывание... Все знают Толстого не только по анекдотам его жизни и борьбе с царской тиранией, но и по его литературным трудам, и говорят свободно об их персонажах. Потом, в прекрасной школе, с большими окнами и чудесным школьным оборудованием, которая заменила школу, созданную в деревянной избе автором "Воскресения", и которая была закрыта "по приказу властей": властей тех времен, о которых так тоскуют те, кто видят Россию до 17-го как бал-карнавал с аристократами в стиле кино и музыкой в стиле парижского кабаре, – в этой школе, среди учащихся которой фигурировали, вместе с наследниками крестьян, братски любимых Толстым, внучатые племянники самого Толстого, был проведен маленький митинг, на котором юный шахтер и солдат Красной Армии чередовались со знаменитыми критиками в толковании значения толстовских трудов.

Иностранные гости обследовали, с тщательным усердием, места, где жил свои последние годы и страдал от мучений и славы своего "сошествия на землю" отец "Анны Карениной". В доме все оставалось невредимым, любовно сохраняемое и опекаемое теми, кто, через революционные превратности смогли тряхнуть страну до ее основания и имели возможность для покровительства или для разрушения. На обеденном столе, под стеклянным колпаком, был расположен

столовый прибор Толстого, в том самом виде, как он располагался для него. В его спальне, на столике, рядом с кроватью, и тоже под стеклом, находились микстуры, которые он имел обыкновение принимать для облегчения своих болей, и стакан и ложечка. На письменном столе рабочего кабинета последние четвертушки бумаги с его пометками, на расстоянии руки, на маленькой книжной полке, справочники – маленькая энциклопедия, французский словарь, несколько книг по истории – и, в полукрытых ящиках письменного стола инструменты для повседневной работы. И за столом этот низкий стул, удобный для отдыха...

Сделала честь Ясной Поляне племянница Толстого, назначенная "хранительницей Дома-музея" Советской властью, и которая там могла создать иллюзию продолжения жизни в "его" доме. С ней повторили иностранные писатели дорогу, которую совершил Толстой в трагическую ночь своего ухода, из спальни, где оделся, стараясь не быть слышным, до лестницы, где находился несколько мгновений, с колокольчиком – с тем самым, который висит там сейчас – зажатым в руке, и сжимая другой биение сердца. И тот самый кучер, который сопровождал его на станцию, рассказывал, как "он нечто заметил, не только из-за часа, необычного для выезда, но потому, что спросив господина, что сказать госпоже, господин ему ответил очень плохим образом, как никогда не говорил". Все было тем же самым: колода карт, "которой мы, дети, развлекались, чтобы не беспокоить старших и которые не разрешали давать нам в постель, когда было уже очень поздно", – объясняла племянница, – и большой рояль, на котором Ванда Ландовска играла для Толстого его любимых композиторов: Баха и французских клавесинистов. Все было "как тогда". Сохранялась жизнь столь полно – столь полная любви и тепла, – что виделся, рядом с роялем, высокий силуэт Толстого, слушающего какую-то из пьес Куперена, с легкой улыбкой удовольствия в бороде Моисея Микельанджело, руками, засунутыми за ленту пояса, которым подпоясана классическая "рубашка" (такой, каким он изображен здесь, на фотографии, и каким обессмертен на портрете Репина).

Прежде, чем уйти, писатели – иностранные и советские – посетили могилу автора "Крейцеровой сонаты". Могила проста, как только может быть; холмик земли без каменной плиты, покрытый папоротником и еловыми ветками. Рядом с ней несколько скамеек для посетителей и на них несколько крестьянок, которые только что принесли еловые ветви. Ни крестынки, ни еловые ветки никогда не исчезают с могилы писателя, который чувствовал себя братом всех усталых и нищих из тех, которые сеют хлеб.

На обратном пути в Москву случился маленький инцидент: одна иностранная журналистка выпила более, чем нужно, и начала выражать голосом чрезвычайно громким свои чувства, которые были чисто фашистскими и сильно анти-советскими. Стол наиболее близкий к тому, где так неучтиво изливались чувства, занимали, космополитически, четверо – Андерсен Нексе, слава датской литературы; французская романистка Жоржетта Геген-Дрейфус (автор "Будешь рабочим!"), китайский поэт Эми Сяо – полный энтузиазма сторонник советской жизни, и пишущая эти строки. Мы четверо, немедленно поднялись, но не менее быстро приблизились несколько советских товарищей, чтобы сказать нам, чтобы мы ничего не делали, что это не стоит того...» (С. 177–180).

Затем Нелькен подробно излагает полученные из Советского Союза известия о разграблении фашистами дома Толстого в Ясной Поляне. Она называет 296-ю немецкую дивизию майора Шварца – командира части, занимавшей Ясную Поляну, советских юношей – молодого врача Илихина и школьника Павлика Комаровского, которые "с риском для своих жизней проникли в здание, охваченное пламенем, чтобы попытаться спасти то, что смогут", о восстановлении музея Толстого (С. 180–182).

Много внимания Нелькен уделяет истреблению франкистами испанской культуры; говорит об Ортеге-и-Гассете как философе профашистского духа. В этой связи обратимся вновь к материалам Ф.В. Кельина, посвященным статье М. Нелькен в мексиканской газете "Эль Насиональ" 7 августа 1943 г., поводом для написания которой послужило исполнение "знаменитым дирижером Стоковским Седьмой симфонии Шостаковича, ставшей знаменитой..." Приведем отрывок из этой статьи в изложении Кельина, поскольку статья прямо корреспондируется с темой второй части книги М. Нелькен: «Она неотделима от мести и исторического момента, начиная со своего первого такта, от переживаемого нами часа – трагического часа всего человечества. С этой точки зрения являются поучительными точки соприкосновения Шостаковича, вдохновение которого носит сознательно политический характер (в самом высоком гражданском смысле этого слова), со Стоковским, который пожелал остаться аполитичным, и несмотря на это, в час категорических императивов увидел себя вовлеченным в водоворот пристрастной восторженности этого наиболее яркого (если только не самого яркого) из всех произведений своего репертуара... Грандиозны масштабы Седьмой симфонии Шостаковича. Это те же масштабы, которые композитор сообщил своему посланию из осажденного Ленинграда, в котором он просил интеллигентов всех свободных народов мира "честно и бескорыстно работать на том посту, который каждому суждено было занять". Это те масштабы, которые независимо от того, выражены ли они в грандиозных формах симфонии или в малых формах стиха, могли бы назваться одинаково для всех: масштабами совести и сознания»¹¹.

Большой раздел второй части книги М. Нелькен посвящает расистской доктрине фашизма и последствиям ее реализации; обращает внимание на малоизвестный тогда факт преследования масонов Гитлером, а также Франко, который "приказал казнить многих лиц за их принадлежность к масонству", и правительством Виши, "которое изгнало из всех своих официальных центров чиновников-масонов" (С. 223). Много страниц уделяет Нелькен антифашистскому Сопротивлению и мартирологу католического клира в Польше и других европейских и азиатских странах, добавляя, что "протестанты следовали той же судьбе" (С. 224–231), критикует недостойную позицию католического франкистского духовенства, приводя в пример лишь одно исключение – епископа из Калахары, который в пастьерском послании осудил нацизм как груду античеловеческих и антихристианских заблуждений и протестовал против того, чтобы франкистское правительство позволяло циркулирование нацистской литературы (С. 235).

Третья часть книги Нелькен – "Заря" – почти не содержит упоминаний о России. Она посвящена движению Сопротивления в Европе, в Китае, особенно в Испании и Германии; немного автор говорит о Людмиле Павлюченко – советском снайпере, участнице Международного конгресса студентов (С. 270–271); акцентирует внимание на движении в Северной Америке русских (бывших белых) в поддержку и в помощь своей родине. Затем Нелькен коротко рассказывает о том, что Н.К. Крупская после одной из своих лекций о сельских библиотеках сказала ей: "Когда Вы вернетесь в свою страну, поверьте мне, как можно интенсивнее создавайте сельские библиотеки. Нельзя сделать ничего лучше" (С. 314).

Краткое резюме, которое мы рискнем сделать по поводу книги М. Нелькен о России, заключается в следующем. По-видимому, ее автор – человек, субъективно достаточно честный. Ее нельзя считать полностью неосведомленной или неведающей о преступлениях, которые творились в 1930-х гг. в СССР, что-то до нее, несомненно, доходило. Но, по-видимому, относясь к тому кругу, который мы

¹¹ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 11. Д. 406. Л. 46–49.

условно называем феноменом Фейхтвангера–Шоу–Роллана, она считала возможным на многое закрывать глаза, считая правильной идеей, и старалась, как сама она говорила, "учесть все обстоятельства, если видишь недостатки". Подобных людей на Западе в то время (да и позже) было немало. Сотрудница ВОКС, приставленная к Франсу Мазерелю, который также приезжал в Советский Союз в 1935 г., сообщает о "беседе с Мазерелем у меня на квартире" и приводит его слова: "Первейшей обязанностью каждого истинного революционера является защита СССР и всех его революционных завоеваний. Неужели они не понимают, что, если СССР будет уничтожен, для нас всех остальных останется только один выход: камень на шею и в воду, пролетарская революция будет отодвинута на сотни лет" (Оп. 1. Д. 298. Л. 114).

Книга же М. Нелькен написана и издана тогда, когда любая, в том числе моральная, помощь и поддержка была нужна стране, ведущей борьбу не на жизнь, а на смерть. В этом смысле книга и должна рассматриваться как одно из свидетельств поддержки России на общем фоне реакции мира на события того времени. Это хороший источник для изучения менталитета определенных кругов западной интеллигенции в отношении советской России. Собственно же фактологическая источниковая ценность ее для нас ограничивается цитированными страницами. Более интересна и сама личность автора, субъективное отношение которого к нашей действительности, вероятнее всего, значительно глубже того, что было выражено ею в этой книге, вышедшей в тяжелом для нас 1943 г. Поэтому в любом случае историку и архивисту, заинтересованному в выявлении новых источников о России, при работе с личными архивными фондами в Испании или Мексике следует помнить имя М. Нелькен.

С.И. Михальченко

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПИСЬМА В.Б. АНТОНОВИЧА И ИСТОРИКОВ ЕГО ШКОЛЫ В АРХИВАХ РОССИИ И УКРАИНЫ

Важным направлением в развитии современной историографии является изучение школ и направлений в исторической науке. Основное внимание при этом уделяется великороссийским феноменам – московской и петербургской школам¹. Менее изучена киевская школа, а между тем ее представители внесли весомый вклад в науку.

Основателем киевской школы был профессор Университета св. Владимира Н.Д. Иванишев². Его ученики по университету – М.Ф. Владимирский-Буданов, Ф.В. Леонтович, ученик и преемник по Киевской комиссии для разбора древних актов В.Б. Антонович продолжили и развили основные принципы научной работы учителя, прежде всего, документализм, пристальное внимание к археографической деятельности, в том числе, к публикации архивных документов. Особенно большой вклад в археографию внес Антонович, сам создавший школу учеников, продолживших традиции предшественников.

© С.И. Михальченко

¹ См.: Чирков С.В. Археография и школы в русской исторической науке конца XIX – начала XX в. // АЕ. за 1989 год. М., 1990.

² См.: Романович-Славатинский А.В. Жизнь и деятельность Н.Д. Иванишева, ректора Университета св. Владимира... СПб., 1876.

Школа Антоновича, бывшего в 1870–1900-х гг. профессором киевского университета по кафедре русской истории, сформировалась из его студентов. Среди членов школы – крупнейшие украинские и белорусские историки Д.И. Багалей, М.С. Грушевский, М.В. Довнар-Запольский, а также менее известные, но оставившие заметный след в науке – А.М. Андрияшев, П.В. Голубовский, В.Е. Данилевич, В.Г. Ляскоронский и др. Причем если изучение творческого наследия и жизненного пути "тройки великих" ведется в последнее время достаточно интенсивно³, то жизнь и труды остальных остаются почти совсем неизвестными. В этой связи приобретают особое значение архивные источники, в том числе эпистолярное наследие, позволяющее полнее раскрыть биографии ученых.

В архивах Москвы, С.-Петербурга и Киева сохранилось сравнительно немного писем самого Владимира Бонифатьевича Антоновича (1834–1908)⁴. Большая их часть посвящена научным планам историка. Таковы письма А.Н. Веселовскому⁵, Н.Н. Мурзакевичу⁶. Важная информация содержится в письме А.Н. Пыпину от 7 ноября 1885 г.^{6а}. "В настоящее время, – писал Антонович, – хочу приступить к довольно тяжелой вещи – истории казачества до половины XVII ст. – хотелось бы выпутаться из массы гипотез, неточностей и общих мест, которыми люди запрудили этот сюжет. Не знаю, удастся ли сколько-нибудь удовлетворительно выполнить задачу, но думаю попытаться на основании пословицы, что не святые горшки лепят"⁷. (Итогом этого труда стали знаменитые поздние "Беседы о казацком времени на Украине"⁸.)

Особенности научных методов, "кухни" историка раскрывает письмо А.А. Котляревскому от 22 мая 1880 г. Проработав три месяца в архиве Института Осолинских во Львове, Антонович, по его мнению, сделал немного – "огромную долю времени заняла механическая работа переписывания, а на переписчика я не мог разоряться"⁹.

В письме Н.И. Костомарову В.Б. Антонович подчеркивает преемственность своих взглядов с воззрениями автора федералистической теории, прямо называя себя учеником Костомарова¹⁰.

Яркой особенностью стиля Антоновича является исключительная краткость и, следовательно, зачастую небольшая информативность писем. Некоторые из них, скорее, записки. Таковы его письменные рекомендации магистранту И.А. Линниченко в адрес К.Н. Бестужева-Рюмина¹¹, архивисту О.И. Левицкому на имя В.П. Маслова¹², студенту Иваненко в Публичную библиотеку¹³. Таковы и записки на бытовые темы В.С. Иконникову¹⁴, А.Ф. Кистяковскому¹⁵.

³ Кравченко В.В. Д.И. Багалей: Научная и общественно-политическая деятельность. Харьков, 1990; Копиленко О.Л. "Українська ідея" М. Грушевського: Історія і сучасність. Київ, 1991; Михальченко С.И. М.В. Довнар-Запольский – историк и общественный деятель // ВИ. 1993. № 6.

⁴ Часть писем Антоновича опубликована. См.: Листи В. Антоновича до М. Грушевського // Український історик. Нью-Йорк; Торонто; Мюнхен, 1991 № 3, 4; 1992 № 1–4.

⁵ РГАЛИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 47.

⁶ РО ИРЛИ. Ф. 603. Оп. 1. Д. 54.

^{6а} Письмо было опубликовано, но в малодоступном сейчас издании: Україна. 1928. № 5. С. 109.

⁷ ОР РНБ. Ф. 621. № 33. Л. 2 об.

⁸ Антонович В. Бесіди про часи козацькі на Україні. Чернівці, 1897.

⁹ ОР РНБ. Ф. 386. № 14. Л. 3 об.

¹⁰ ИР ЦНБ. Ф. III. № 7420.

¹¹ РО ИРЛИ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 618.

¹² ОР РГБ. Ф. 418. К. 1. Д. 1.

¹³ СПб. ФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 24.

¹⁴ ИР ЦНБ. Ф. III. № 47461–47467.

¹⁵ Там же. № 7420.

Лаконизм писем Антоновича¹⁶ объясняется, несомненно, серьезным духовным кризисом, перенесенным историком в молодости, в начале 1860-х гг., когда результатом его участия в украинском народническом движении хлопоманов едва не стала каторга. С тех пор он позволял себе откровенность в переписке только во время пребывания за границей. Доказательством этого служат опубликованные недавно письма Антоновича из Львова, Праги, Белграда, Вены и Рима в Париж к его другу археологу Ф.К. Волкову¹⁷.

Более полно представлена в архивах переписка Петра Васильевича Голубовского (1857–1907), доктора русской истории, преемника Антоновича по кафедре русской истории киевского университета. Богатой коллекцией его писем обладает ИР ЦНБ в Киеве. Письма, в частности, проливают свет на подробности выбора ученым темы докторской диссертации. В письме от 20 октября 1885 г., адресованном библиотекарю Университета св. Владимира Е.А. Кивлицкому (всего здесь 20 писем этому адресату) Голубовский размышлял: «До сих пор не могу остановиться на теме для новой работы (после защиты магистерской диссертации "Печенеги, торки и половцы до нашествия татар" (Киев, 1884). – С.М.) Предлагали мне, правда, три темы: "История Смоленского княжества", "О татарах и их влиянии на Русь", "О культурном влиянии Византии", но ни одна из тем не притянула меня окончательно. Кажется, возьмусь за четвертую – свою: "О значении Смутного времени в истории русского государства". Эта тема очень сложная, но вместе с тем весьма интересная. По поводу этого вопроса в науке существуют самые разноречивые мнения»¹⁸. Однако выбор не ограничился перечисленными темами. В написанном двумя месяцами позже письме В.С. Иконникову Голубовский замечал, что "в настоящее время заинтересовался довольно сильно судьбою русской женщины... Думается мне избрать вопрос этот темой своей докторской диссертации"¹⁹. Но как известно, в конце концов историк остановился на истории Смоленской земли²⁰, видимо, не без влияния советов Кивлицкого – 12 июля 1894 г. он подчеркивал в письме к последнему: «Вы положительно являетесь крестным батюшкой моей "Истории Смоленщины"»²¹.

Ценные по содержанию письма Голубовского находятся в ОР РНБ: четыре письма А.В. Половцову и четыре письма С.Н. Шубинскому. Письма Половцеву (1896–1898) в основном посвящены готовящемуся в Киеве археологическому съезду и событиям жизни историко-филологического факультета университета, а также научным планам самого автора²². В письмах главному редактору "Исторического вестника" С.Н. Шубинскому Голубовский делится соображениями по поводу проекта издания собственного курса публичных лекций по русской истории, которые должны служить целям просвещения широких кругов российского общества, поскольку милюковские "Очерки по истории русской культуры" хотя и "весьма полезны, но для небольшой группы интеллигентного русского общества"²³.

Не менее интересна и важна переписка Голубовского, хранящаяся в фондах СПб. ФА РАН. Два письма к председателю Археографической комиссии Ака-

¹⁶ Привычка писать короткие письма стала для Антоновича со временем частью натуры. В письме Ф.К. Волкову он как-то сетовал: "Как мне трудно писать длинные письма: устал больше, чем после 30 верст пешего хождения" (Український історик. 1988. № 1–4. С. 159).

¹⁷ Недруковані листи В.Б. Антоновича до Ф.К. Вовка: З архіву ВУАН // Там же. С. 148–164; 1989. № 1–3. С. 92–105.

¹⁸ ИР ЦНБ. Ф. 71. № 428. Л. 1 об.-2.

¹⁹ Там же. Ф. III. № 48 618. Л. 2.

²⁰ См.: Голубовский П.В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895.

²¹ ИР ЦНБ. Ф. 71. № 435. Л. 2 об.

²² Там же. Ф. 601. № 357.

²³ Там же. Ф. 874. № 88. Л. 2.

демии наук А.Ф. Бычкову от 1899 г.²⁴ и шесть писем академику А.А. Шахматову²⁵ освещают подготовку к Киевскому археологическому съезду, а также затрагивают деятельность Голубовского по изданию летописных материалов. Более разнообразны по содержанию четыре письма А.С. Лаппо-Данилевскому. Так, в письме от 29 октября 1901 г. содержатся подробности устройства на службу в киевский университет М.В. Довнар-Запольского (он попал в приват-доценты по кафедре русской истории только потому, что планировавшийся первоначально на это место Е.Ф. Шмурло остался в Юрьеве). К письму приложен список трудов Антоновича после 1884 г., подготовленный Голубовским по просьбе Шахматова – в это время Антонович выдвигался в члены-корреспонденты Академии наук²⁶. В письмах Шахматову (1905–1906) отражены политические интересы Голубовского²⁷.

Кроме указанных выше архивохранилищ, письма Голубовского имеются также в ОР РГБ (18 писем-заказов в книжный магазин Шибановых²⁸ и письмо Н.А. Попову²⁹) а также в ЦГИАУ (М.С. Грушевскому – с просьбой об участии в сборнике в честь И. Лучицкого³⁰).

Общей особенностью эпистолярного стиля Голубовского была некоторая многословность, стремление рассказать как можно больше о предмете изложения, а часто – и "вообще о новостях" собственной жизни. Подобное многословие, вероятно, могло утомлять адресатов ученого, для современного же исследователя оно – редкая удача: письма Голубовского наполнены ценнейшим материалом для изучения киевской школы.

Младшим современником Голубовского и его преемником по кафедре русской истории Университета св. Владимира был Митрофан Викторович Довнар-Запольский (1867–1934). Его эпистолярное наследие отражает многие факты биографии историка. Всего удалось найти около ста писем Довнар-Запольского. Среди московских архивохранилищ наибольшей коллекцией располагает РГАЛИ: здесь в пяти фондах хранится 28 писем и одна телеграмма ученого. Наиболее ценными среди них, на мой взгляд, являются 22 письма редактору журнала "Голос минувшего" С.П. Мельгунову.

Письма относятся к 1910–1917 гг. и посвящены преимущественно публикуемым в журнале статьям историка, а также рецензиям на его книги. В 1913 г. на страницах журнала развернулась полемика между М.В. Довнар-Запольским и М.Н. Покровским. Покровский поместил критическую рецензию на вышедший в 1911 г. курс лекций Довнар-Запольского "История русского народного хозяйства" (Киев. Т. I). Письма киевского исследователя показывают перипетии взаимоотношений с Покровским, дополняют представление об общих принципах научного спора, характерного для начала века. "Я сам ожидал от г. Покровского более основательных возражений и я поражен слабостью их и недостаточным знакомством с предметом, – писал Довнар-Запольский в декабре 1913 г. Зато, с другой стороны, я поражен резкостью тона, озлобленностью. Должен сказать, что это не мое единоличное наблюдение, и ваши читатели [...] увидели в этой рецензии какое-то сведение личных счетов. Мне почти не верят, что я с г. Покровским (кажется) даже не встречался"³¹.

²⁴ СПб. ФА РАН. Ф. 764. Оп. 2. Д. 215.

²⁵ Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д. 382.

²⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 120. Л. 1–4.

²⁷ Там же. Л. 5–8.

²⁸ ОР РГБ. Ф. 342. К. 16. Д. 84.

²⁹ Там же. Ф. 239. К. 7. Д. 37.

³⁰ ЦГИАУ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 424.

³¹ РГАЛИ. Ф. 305. Оп. 1. Д. 600. Л. 20–20 об.

В письме Мельгунову от 29 апреля 1917 г. Довнар-Запольский предлагает опубликовать свою статью о "декабрьских днях 1825 г." (ранее отвергнутую цензурой), так как "это может служить политике, ибо Союз спасения образовался в 1812 г. и сейчас прошла военная революция"³² (Февральская. – С.М.). В письмах Мельгунову содержится также информация о коллективных изданиях начала века – "Отечественная война 1812 г. и русское общество" (М., 1911–1912); "Масонство в его прошлом и настоящем" (М., 1914–1915); "Русская история в очерках и статьях" (М.; Киев, 1910–1912).

В РГАЛИ хранятся письма Довнар-Запольского в издательство "Мир"³³, археографу А.И. Яцимирскому³⁴ и некоторые другие.

Кроме РГАЛИ, в Москве письмами Довнар-Запольского в редакцию "Русской мысли"³⁵, историку А.И. Успенскому располагает ОР РГБ³⁶. В Москве же (в АРАН) находится и одно из немногих послереволюционных писем Довнар-Запольского – М.М. Богословскому: академик готовил отзыв на труды Митрофана Викторовича в связи с назначением ему персональной пенсии³⁷.

Большое число писем Довнар-Запольского хранится в архивах Петербурга. По количеству адресатов первое место занимает СПб. ФА РАН, что неудивительно, поскольку там довольно много фондов личного происхождения ученых рубежа XIX–XX вв. Наиболее важны для характеристики деятельности М.В. Довнар-Запольского 12 писем академику В.И. Ламанскому конца 1890-х гг.³⁸ – о сотрудничестве Довнар-Запольского в многотомном географо-этнографическом издании "Россия"; два письма А.Ф. Бычкову³⁹, три письма А.А. Шахматову⁴⁰, три письма А.С. Лаппо-Данилевскому⁴¹. Здесь же хранятся письма М.В. Довнар-Запольского А.И. Соболевскому⁴², Э.А. Вольтеру⁴³, Д.В. Айналову⁴⁴ и другим ученым.

Интересной коллекцией писем Довнар-Запольского располагает ИРЛИ. Особое значение имеют 19 писем этнографу и филологу Е.А. Ляцкому⁴⁵ (1889–1907), наряду с научными занятиями они характеризуют и политические позиции ученого, его общественную деятельность в области белорусоведения⁴⁶.

Важные подробности работы историка со студентами, приведенной в 1910-х гг. к формированию уже собственной школы Довнар-Запольского освещает 31 письмо редактору ЖМНП Э. Радлову⁴⁷. Речь идет о помощи в архивной работе и публикаторской деятельности Б.Г. Курцу, Г.А. Максимовичу, Н.Д. Полонской, А.Н. Яницкому. Полагая, что "специалиста по русской истории в Киеве выбрать нельзя, его надо отправлять в московские архивы"⁴⁸. Довнар-Запольский пробирав своим ученикам стипендии; он также активно помогал с организацией защиты диссертаций и получением работы в различных учебных заведениях.

³² Там же. Л. 27, 28.

³³ Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 115.

³⁴ Там же. Ф. 584. Оп. 1. Д. 69.

³⁵ ОР РГБ. Ф. 77. К. 2. Д. 82.

³⁶ Там же. Ф. 434. К. 3. Д. 33.

³⁷ АРАН. Ф. 636. Оп. 4. Д. 7.

³⁸ СПб. ФА РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 545. Л. 1–20 об.

³⁹ Там же. Ф. 764. Оп. 2. Д. 268.

⁴⁰ Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д. 471.

⁴¹ Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 140.

⁴² Там же. Ф. 176. Оп. 2. Д. 141.

⁴³ Там же. Ф. 178. Оп. 2. Д. 91.

⁴⁴ Там же. Ф. 737. Оп. 2. Д. 32.

⁴⁵ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Д. 179.

⁴⁶ См. подробнее: Михальченко С.И. Указ. соч.

⁴⁷ РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Д. 501. Л. 1–55.

⁴⁸ Там же. Л. 29 об. – 30.

Несколько писем Довнар-Запольского хранятся в ОР РНБ (А.Ф. Бычкову⁴⁹, С.Ф. Платонову⁵⁰) и в РГИА (П.С. Шереметеву⁵¹).

Некоторым количеством писем Довнар-Запольского также располагают и киевские архивы. В ЦГИА Украины находятся многочисленные (44 л.) письма М.С. Грушевскому. Они относятся в основном к 1895 г. и наполнены просьбами о публикации различных архивных материалов⁵². В ИР ЦНБ имеются восемь писем В.Е. Данилевичу⁵³, повествующие о перипетиях устройства последнего на должность приват-доцента по кафедре русской истории в Университет св. Владимира (1905–1907) и редкое, уже советского времени, письмо Д.И. Багалею с предложением опубликовать имеющиеся у Довнар-Запольского архивные материалы в изданиях АН Украины⁵⁴.

Особенностью рукописных текстов Довнар-Запольского (и письма, к сожалению, не исключение) является ухудшающийся с годами почерк. Документы 1910-х гг. приходится поэтому не столько прочитывать, сколько расшифровывать. В последние годы жизни сам историк старался только подписывать письма, текст же печатался на машинке или писался кем-то другим под его диктовку.

Самым известным из учеников В.Б. Антоновича был, несомненно, Михаил Сергеевич Грушевский (1866–1934). Его творчество активно изучалось и изучается на Западе, а в последнее время и на Украине. Поэтому многие документальные материалы историка уже введены в научный оборот. Не являются исключением и письма, хранящиеся в архивах как Украины, так и зарубежных стран⁵⁵. Поэтому охарактеризуем только письма, находящиеся в архивах России.

В ОР РГБ есть несколько писем историка, относящихся к львовскому периоду его жизни (1894–1914). Они посвящены перспективам издания его сочинений в России. В письме Н.И. Карееву от 1 декабря 1907 г. М.С. Грушевский объясняет невозможность участия в Словаре Брокгауза и Ефрона, так как общий очерк истории Украины (который ему предлагалось написать) занял бы не менее целого тома, что совершенно невозможно – на всю историю России отводилось два тома⁵⁶. В письме главному редактору журнала "Вестник знания" М.С. Грушевский и известный археолог Ф.К. Волков предлагают свой проект улучшения журнала⁵⁷.

В 1911 в Петербурге вышла в переводе на русский язык первая часть первого тома "История Украины–Руси" М.С. Грушевского (под названием "Киевская Русь"). Затем издание прекратилось. Оказавшись в период первой мировой войны в ссылке в Казани, Грушевский попытался продолжить публикацию русскоязычных вариантов своих работ. Различные названия книг и статей предлагаются им в письме к известному предпринимателю М.В. Сабашникову⁵⁸. Судя по второму письму, Сабашников принял обязательство на издание книги "Галицко-Волынское государство" (видимо, вариант одного из томов "Истории Украины–Руси"), причем Грушевский получил даже аванс⁵⁹, и только из-за произошедшей вскоре революции издание не состоялось.

⁴⁹ ОР РНБ. Ф. 120. № 646.

⁵⁰ Там же. Ф. 585. Оп. 2. Д. 692.

⁵¹ РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 561.

⁵² ЦГИАУ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 456.

⁵³ ИР ЦНБ. Ф. XXIX. № 1050–1057.

⁵⁴ Там же. Ф. 1. № 45724.

⁵⁵ Листи Михайла Грушевського до Олександра Грушевського // Український історик. 1991. № 3–4; 1992. № 1–4.

⁵⁶ ОР РГБ. Ф. 119. К. 6. Д. 30–32. Л. 3–3 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 358. К. 222. Д. 30. Л. 1.

⁵⁸ Там же. Ф. 261. К. 3. Д. 62. Л. 2.

⁵⁹ Там же. Л. 3.

Близкими сюжетами наполнены и письма, хранящиеся в фондах ИРЛИ. Из 11 писем Э. Радлову следует выделить письмо от 11 мая 1915 г. – в нем Грушевский предлагает для ЖМНП теоретическую статью по проблемам ранней русской истории⁶⁰. В двух письмах историку М.К. Лемке обсуждается возможность издания "Истории украинского народа"⁶¹. Семь писем В.С. Миролубову (1913–1914) характеризуют общественно-политические позиции Грушевского в предвоенное время, в том числе его взгляды на национально-культурную автономию и перспективы федерализации Российской империи⁶².

Личный характер носят 19 писем М.С. Грушевского А.С. Лаппо-Данилевскому в СПб. ФА РАН (1907–1915)⁶³.

Таким образом, письма Грушевского в архивах России, несомненно, служат важным дополнением к другим источникам его биографии.

Что касается писем других историков школы Антоновича, то их сохранилось значительно меньше. Из переписки Александра Михайловича Андрияшева (1863–1936) имеется 10 писем В.Г. Дружинину (1913–1918) и около 20 – С.А. Белокурову. Исключительно ценным является письмо Дружинину от 21 ноября 1917 г., содержащее подробный послужной список Андрияшева, автора трудов по истории отдельных земель Древнерусского государства⁶⁴. Письма революционных лет наполнены важными наблюдениями относительно политической ситуации на Украине⁶⁵. Письма Белокурову в ОИДР относятся к 1912–1914 гг. и посвящены подробностям издания книги Андрияшева о Шелонской пятине⁶⁶. Несколько писем родственникам сохранилось в личном фонде Андрияшева, аккумулирующем документы его жизни периода службы в Ревельском цензурном комитете в конце XIX в.⁶⁷

Историк и археолог Василий Григорьевич Ляскоронский⁶⁸ (1859–1928) представлен 39 письмами Э. Радлову (1904–1916), посвященными публикации в ЖМНП статей и заметок историка⁶⁹.

Среди сохранившихся писем приват-доцента и профессора нескольких харьковских и киевских вузов, специалиста по вспомогательным историческим дисциплинам Владимира Ефимовича Данилевича (1872–1936) следует выделить 14 писем В.С. Иконникову 1896–1913 гг. Они достаточно подробно рассказывают о сдаче Данилевичем магистерских экзаменов, подготовке диссертации (так и оставшейся незавершенной)⁷⁰.

Абсолютное большинство выявленных писем Дмитрия Ивановича Багалея (1857–1932) введено в научный оборот В.В. Кравченко в указанной выше работе.

Таким образом, эпистолярное наследие историков школы Антоновича достаточно многообразно, его материалы позволяют расширить библиографию ученых, характеристику их творческого пути. А дальнейшие поиски в архивах могут привести к новым открытиям.

⁶⁰ РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Д. 449. Л. 8–8 об.

⁶¹ Там же. Ф. 661. Оп. 1. Д. 356.

⁶² Там же. Ф. 185. Оп. 1. Д. 457.

⁶³ СПб. ФА РАН. Ф. 113. Оп. 3. Д. 131.

⁶⁴ См.: Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. Киев, 1887; Андрияшев О. Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV в. // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926; Он же. Нарис історії колонізації Переяславської землі до початку XVI в. // Зап. Іст.-філол. відділу ВУАН. Київ, 1931. Кн. XXVI.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 1. Д. 48.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 23. К. 17. Д. 8.

⁶⁷ СПб. ФА РАН. Разряд IV. Оп. 25.

⁶⁸ См. о нем: Ситник О.М. Василь Григорович Ляскоронський // УІЖ. 1990. № 2. С. 88–99.

⁶⁹ РО ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. Д. 956.

⁷⁰ ИР ЦНБ. Ф. III. № 48697–48711.

**ХРАНИЛИЩЕ ЧАСТНЫХ АРХИВОВ (ХРАНЧАСАР)
В МОСКВЕ, 1919 г.**

В эпоху глубоких социальных потрясений, государственных переворотов, войн и революций человечество в короткие сроки и в огромных масштабах теряет самое ценное – людей и созданные ими памятники культуры. Особенно уязвимыми становятся в такие времена книги, произведения искусства и архивы, принадлежащие частным лицам. Массовое уничтожение помещичьих усадеб в 1905–1907 гг. показало необходимость организации охраны поместно-вотчинных архивов, выявлением, сбором и описанием которых стали заниматься губернские ученые архивные комиссии. В 1911 г. при РИО была учреждена Особая комиссия по охране местных правительственных и частных архивов. По ее поручению члены ученых архивных комиссий в 1912–1913 гг. собирали сведения о наличии частных архивов в городах и уездах¹.

В первые дни Февральской революции, когда "возможны были всякие эксцессы", охрану предметов старины и искусства взяли в свои руки опять-таки представители общественности. 28 февраля 1917 г. на квартире А.М. Горького состоялось собрание 54 художников, писателей и ученых. Из их состава были избраны 12 человек, образовавших Особое совещание по охране памятников старины и искусства в государстве². Совещание получило признание от Временного правительства, направившего в его состав своих представителей, и работало в тесном контакте с губернскими архивными комиссиями, которые выявляли находившиеся в опасности усадебные архивы и вывозили их в местные музеи³. Деятельность комиссий поддерживалась правительством, финансировалась государством, благотворительными и общественными организациями.

27 марта 1917 г. к губернским комиссиям обратилось Московское археологическое общество. Опасаясь "в переживаемое тяжелое время на Руси за сохранение памятников старины, находящихся как в городах, так и в селах, в частных домах и усадьбах, древних храмах и монастырях, в разного рода архивах (начиная с волостных и принадлежащих частным лицам), домашних обстановок, портретов, картин, древнего оружия и пр.", общество призывало все научные организации и учреждения, всех просвещенных людей России "защищать и спасать памятники прошлого исторического развития русского народа и народов, входящих в состав Русского государства". 30 мая 1917 г. с обращением о сохранении частных семейных архивов выступил Союз российских архивных деятелей⁴.

В октябрьские дни губернские архивные комиссии испытали на себе все тяготы переворота, что отмечалось в отчете о поездке в Тверь старшего областного инспектора Петроградского отделения Главархива Н.П. Ашешова в ноябре 1918 г.⁵ Не получив поддержки и признания от новой власти (состав исполнительных комитетов которой "в культурном отношении сложился на первых порах весьма неблагоприятно", по замечанию Ашешова), лишившись денежных средств и помещений, большинство архивных комиссий прекратило свое существование. Союз РАД, оставаясь общественной организацией, не имеющей полно-

© Л.А. Быкова

¹ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 206. Л. 7.

² Там же. Д. 113. Л. 1–2. Член Особого совещания Г.К. Лукомский 2–3 апреля 1917 г. был командирован в Тверь для осмотра и описи имущества Тверского дворца.

³ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 93. Л. 38–38 об.

⁴ ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 113. Л. 2 об. – 3, 24 об.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 93. Л. 51–51 об.

10. Археографический ежегодник за 1993 год

мочий и денежных средств, также был бессилён организовать спасение гибнущих архивов⁶. Создание государственной архивной службы началось только со 2 апреля 1918 г., с образования в Петрограде Центрального комитета по управлению архивами во главе с Д.Б. Рязановым. Следовательно, с ноября 1917 по апрель 1918 г. ни центральных, ни местных государственных учреждений, ответственных за сохранность исторических архивов, не существовало, общественным архивным организациям было отказано в возможности продолжать свою деятельность.

Некоторую положительную роль в деле спасения усадебных архивов в это время сыграла Московская комиссия по охране памятников искусства и старины, образованная при Моссовете в октябре 1917 г. Эмиссары этой комиссии вывозили из усадеб известных дворянских фамилий художественные ценности, библиотеки, предметы искусства. Из архивных материалов отбиралось лишь то, что, по их мнению, представляло интерес. Бытовую переписку, хозяйственно-вотчинную документацию новейшего времени (XIX – начало XX в.) эмиссары считали неинтересными⁷.

Таким образом, значительная часть дворянских усадебных архивов, которые не смогли вывезти владельцы, оказалась оставленной на произвол судьбы. Бывшие дворянские усадьбы занимались детскими колониями, советскими хозяйствами, армейскими частями. Декретом о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г. "помещичьи имения со всем их живым и мертвым инвентарем", в том числе библиотеками и архивами, были переданы в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов⁸. Большинство вотчинных архивов при этом сознательно уничтожалось, как "совершенно ненужный хлам старого режима", что отмечали в своих отчетах впоследствии сотрудники губархивов⁹. "Сплошь и рядом можно встретить расхищение архивов, продажу с аукциона, сожжение и т.п. по распоряжению местной власти, – говорится в сентябрьском 1918 г. отчете инспектора Главархива А.Ф. Изюмова. – Главным мотивом к подобным действиям обычно является желание освободить помещение"¹⁰. Особой опасности подвергались усадебные архивы, поскольку "в советских кругах муссировалась мысль уничтожить все документы о помещичьей собственности на землю"¹¹. Так, в Курске под страхом ревтрибунала у частных лиц были изъяты и уничтожены документы на право владения землей, а также один из ценнейших архивов по истории земельных отношений – курского старшего нотариуса (10 тыс. пудов документов)¹².

Вместе с частными дворянскими архивами уничтожались архивы дворянских учреждений. Так, документы Веневского предводителя дворянства были брошены в реку, во Владимире большая часть архивов дворянских учреждений была уничтожена солдатами, архивы учреждений курского дворянства вместе с фамильными архивами, свезенными в дом Дворянского собрания в начале революции многими помещиками, были брошены в подвал и т.д.¹³ Большое количество архивного материала из усадеб в период погромов было расхищено местными жителями. Так, семейный архив Голицыных из усадьбы в Сапожковском

⁶ *Автократов В.Н.* Из истории централизации архивного дела в России (1917–1918 гг.) // ОА. 1993. № 3. С. 30.

⁷ ГАРФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 157. Л. 2 об.; Д. 614. Л. 2.

⁸ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 17.

⁹ ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 27. Л. 34 об.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 33. Л. 3.

¹¹ *Автократов В.Н.* Указ. соч. С. 23.

¹² ГАРФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 154. Л. 5–6.

¹³ Там же. Д. 154. Л. 3; Д. 164. Л. 2 об.; Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 14. Л. 199.

у. Рязанской губ. был обнаружен у крестьянина Зюзина, бывшего председателем сельсовета во время разгрома экономии Голицыных, архив из усадьбы Салтыковых "Ермолино" в Ленинском у. оказался "на руках у жителей окрестных сел", письма и рукописи Бакуниных из с. Премухино Новоторжского у. Тверской губ. – "в уезде, у некоторых граждан"¹⁴. Об уничтожении архивов в усадьбах писал в Главархив в сентябре 1918 г. известный историк и литературовед М.О. Гершензон, отмечая, что "в настоящее время их гибнет и обречено на гибель так много, что представляется необходимым планомерно выступить против этого зла"¹⁵. Для него, изучавшего семейные архивы А.И. Герцена, Н.П. Огарева, декабристов, видеть подобные утраты было особенно тяжело.

Декретом СНК от 1 июня 1918 г. был утвержден "принцип централизации архивного дела". Но, как отмечал в сентябре 1918 г. А.Ф. Изюмов, "июньский декрет Совнаркома провинцией не замечен и требуется самое решительное вмешательство со стороны Архивного управления для спасения архивов", особенно частных, что возможно было в тех условиях только "путем посылки специальных агентов по провинции"¹⁶. Именно этот путь избрало созданное в июне 1918 г. Московское областное архивное управление (МОАУ), в состав его Совета входили С.Б. Веселовский, В.Н. Сторожев, М.К. Любавский, С.А. Белокуров, Д.В. Цветаев, Н.П. Лихачев, М.М. Богословский, И.П. Боголепов, Н.П. Попов, Д.Н. Филиппов. Для координации деятельности по выявлению, собиранию и охране усадебных архивов в МОАУ была учреждена особая должность, а ее обязанности возложены на П.С. Шереметева, "известного знатока в этой области"¹⁷.

Спасение частных архивов и выяснение степени их сохранности составляли одну из главных задач деятельности инспекций, образованных в июне 1918 г. при Московском, в ноябре 1918 г. при Петроградском отделениях Главархива. В Москве инспекцию возглавлял профессор С.Б. Веселовский, в Петрограде – профессор А.Е. Пресняков¹⁸. В составе инспекции МОАУ (с ноября 1918 г. ГУАД) в 1918–1919 гг. работали А.Ф. Изюмов, Л.И. Львов, В.И. Пичета, Н.Ф. Бельчиков, А.М. Фокин, М.С. Вишневецкий, Н.Н. Терновский, А.В. Сомов, Б.И. Николаевский, Д.И. Нечкин, А.И. Попов, А.Д. Денисов, А.И. Абрамов, Л.Н. Тюрина.

За время существования МОАУ (июнь–октябрь 1918 г.) инспекторами были вывезены или поставлены на учет лишь несколько частных архивов. Так, после получения известия о расхищении архива князей Голицыных в их доме в Москве, на Новой Басманной, туда был направлен В.И. Пичета, который установил, что архив уже исчез. Однако, как следует из сводки отчетов инспекторов, при разборе кучи мусора удалось спасти часть документов, среди которых были материалы по истории вотчинного хозяйства Голицыных первой половины XIX в. "Судя по остаткам материалов, их подбору, систематизации, сохранности, – написано в отчете, – можно думать, что погиб архив величайшей научной ценности"¹⁹. Инспектором А.Ф. Изюмовым при осмотре архивов г. Богородицка в сентябре 1918 г. были приняты меры по охране фамильного архива графов Бобринских, содержащего материалы по истории вотчинного хозяйства накануне падения крепостного права. По просьбе Изюмова местный совдеп выдал графу

¹⁴ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 659. Л. 34 об.; Д. 669. Л. 30; ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 58. Л. 79.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 7.

¹⁶ Там же. Д. 33. Л. 3–3 об.

¹⁷ Там же. Д. 14. Л. 188, 190.

¹⁸ Там же. Л. 128 об. В ноябре 1918 г. Главное управление по архивным делам переведено в Москву, МОАУ упразднено, в Петрограде было создано областное отделение ГУАД.

¹⁹ Там же. Д. 14. Л. 202; Д. 26. Л. 23.

Бобринскому, проживавшему во флигеле своего имения, удостоверение о том, что его собрание реквизиции не подлежит²⁰.

В ноябре 1918 г. в ведение МОАУ поступил усадебный комплекс графа С.Д. Шереметева в с. Михайловское Подольского у. Московской губ. Здесь был создан так называемый "архивбибмуз", включивший богатейшую библиотеку, собранную Шереметевыми, В.М. Жемчужниковым, П.А. Бессоновым, архивы бывших владельцев Михайловского: С.Д. Шереметева, С.А. Соболевского, Н.П. Барсукова, М.Н. Муравьева, П.В. Шумахера, Д.В. Григоровича, К.А. Иславина, а также архив князей Вяземских из с. Остафьево, в составе которого хранились черновики Н.М. Карамзина, автографы А.С. Пушкина и В.А. Жуковского, "дело Новикова" и др. Хранитель музея-усадыбы Н.В. Тимофеев, сотрудник Археографической комиссии, занимался описанием рукописей и составлением библиотечного каталога. К сожалению, музей просуществовал недолго. В мае–июне 1921 г. "архивбибмуз" в с. Михайловском был ликвидирован, книги и архивные материалы вывезены в различные учреждения (Главархив, Главмузей, Румянцевский музей, Отдел научных библиотек и др.). Дом передан в ведение Московского отдела народного образования для размещения детской колонии²¹.

Постепенно расширялся круг добровольных помощников архивного управления в деле спасения частных архивов. Так, 14 сентября 1918 г. в управление обратился А.И. Фокин, член Исторического общества при Московском университете, занимавшийся изучением частных и церковных архивов Смоленской губ., с просьбой вывезти из Смоленска от владельца П.М. Сухотина с его согласия жалованные грамоты Озеровых конца XVII в. Командированный в Смоленск Фокин вывез в Москву огромный архив Сухотиных–Озеровых, опись документов которого приложена к отчету²². 19 октября в коллегия МОАУ поступило прошение Ю.А. Олсуфьева о вывозе из его бывшего имения в Епифановском у. Тульской губ. семейного архива Олсуфьевых, в составе которого более 1 тыс. ценных писем известных лиц²³. В ноябре 1918 г. М.И. Смирнов из Переяславля-Залесского сообщил о неблагоприятных условиях хранения фамильных архивов Самсоновых и Нарышкиных. Смирнову было выдано удостоверение с разрешением вывезти архивы из имений в Переяславль в безопасное здание²⁴. Документы поступали из самых различных учреждений. Так, 26 сентября Чрезвычайная комиссия Хамовнического района передала документы Пазухиных на 82 листах (с 1720 г.)²⁵.

В полной мере осуществить охрану и спасение архивов помещичьих усадеб в июне–ноябре 1918 г. не удалось из-за недостатка помещений для архивов и транспорта "в связи с общим расстройством русской жизни", отмечалось в отчете МОАУ²⁶. В ряде случаев архивы были вывезены в губернские и уездные центры. На хранение в МОАУ за это время были приняты несколько архивов, которым угрожало истребление – Голицыных, Сухотиных, Пазухиных.

Работа по регистрации усадебных архивов в губерниях в 1918 г. показала, что архивы из разрушенных, брошенных имений необходимо было срочно вывозить в

²⁰ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 154. Л. 2; Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 17. Л. 10.

²¹ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 14. Л. 190; Д. 17. Л. 10; Д. 31. Л. 10, 11, 109, 186, 191, 204, 238, 250; Д. 146. Л. 38.

²² Там же. Д. 27. Л. 1, 4, 133 об.; Д. 123. Л. 22. 2 апреля 1919 г. архив Сухотиных-Озеровых передан Главархивом в Хранчасар (Д. 27. Л. 32 об.).

²³ Там же. Д. 27. Л. 6, 32. Архив Олсуфьевых был вывезен в Хранчасар 1 марта 1919 г.

²⁴ Там же. Д. 26. Л. 57–59.

²⁵ Там же. Д. 123. Л. 22; Д. 146. Л. 40. 2 апреля 1919 г. документы Пазухиных поступили в Хранчасар (Д. 27. Л. 32 об.).

²⁶ Там же. Д. 14. Л. 190.

более безопасное место. Вследствие того, что "некуда и некому перенести частные архивы, они пропадают", – отмечал в сентябре 1918 г. А.Ф. Изюмов²⁷. С обоснованием необходимости создания особого хранилища для частных архивов выступил и М.О. Гершензон, обращая внимание на то, что "даже те из бывших владельцев, которые среди разгрома еще помнят о старых бумагах и стремятся спасти их..., не знают, куда девать их для сохранности"²⁸. Понимая, что "разрушение семейных архивов причиняет невозмездимый (так у Гершензона. – Л.Б.) ущерб науке – науке о прошлом, о движении общественной мысли, о достижениях отдельных умов, о жизни и творчестве наших писателей, художников, деятелей", ученые говорили о недопустимости подобного ущерба. В связи с этим в декабре 1918 г. инспектора А.М. Фокин и А.А. Новосельский обратились в ГУАД с предложением создать в одном из московских особняков специальное хранилище для усадебных архивов, удобное "для научных занятий". Необходимость сосредоточения усадебных архивов в особом хранилище они объясняли тем, что повышенный интерес ученых к истории культуры фактически "выделил историю усадьбы в самостоятельную ученую сферу", в результате чего и "самый усадебный архивный материал выделился в естественно отграниченную область архивного фонда". 28 декабря это предложение обсуждалось на совещании инспектората, принявшего решение "приступить к немедленному вывозу архивов из усадеб, для чего увеличить состав инспектората и научной разработки частных архивов". Этим же постановлением П.С. Шереметеву было поручено подготовить к изданию сборник сведений об усадьбах, "имевших архивы или какие-либо историко-литературные материалы"²⁹.

Вопрос о необходимости немедленной перевозки частных архивов "весьма ценных для истории русской культуры", в какое-либо помещение обсуждался 4 января 1919 г. на Совещании управляющих секциями ЕГАФ и 10 января на Коллегии Главархива, принявшей решение о создании специального хранилища для усадебных архивов. 20 января 1919 г. Отделением учета и распределения помещений под хранилище был предоставлен бельэтаж д. № 8 на углу Воздвиженки и Шереметевского пер. – в бывшем особняке графов Шереметевых: квартиры № 1, винная и книжная лавки и помещение книжного склада, что составило 6 комнат³⁰. Близость к Главархиву и Арбатско-Пречистенскому району, "богатому частными архивами", при отсутствии транспорта представляло существенное значение. Немаловажным было наличие в доме голландского отопления – печного, что "делало независимым в вопросе отопления от домового комитета", отмечал А.М. Фокин.

В подвалах дома, опечатанных ВЧК, хранились "ценные хозяйственные архивы по вотчинам графов Шереметевых", что составило сразу солидный фонд в Хранилище³¹. В этот же день сюда были перевезены архив и историко-генеалогическая библиотека Н.В. Мятлева, что и положило начало образованию Хранилища частных архивов – Хранчасара, как называли его сотрудники. Вывезти документы и библиотеку из квартиры Н.В. Мятлева (Никольский пер., д. 10/28, кн. 8) Главархив поручил П.С. Шереметеву. Квартира была опечатана Румянцевским музеем и находилась под контролем Библиотечного отделения Наркомпроса. Еще 9 января Главархив обратился в Ученую коллегию Румянцевского музея с просьбой передать это собрание книг и документов для создаваемого при

²⁷ Там же. Д. 33. Л. 4.

²⁸ Там же. Д. 243. Л. 7.

²⁹ Там же. Д. 27. Л. 10 об.; Д. 9. Л. 3.

³⁰ Там же. Д. 6. Л. 47 об.; Д. 27. Л. 15, 22. См. нашу статью в журнале "Твердская старина" (1991. № 1).

³¹ Там же. Д. 27. Л. 32. Архив вотчины Шереметевых в с. Иваново-Вознесенском был передан ВЧК в Хранчасар 14 июня 1919 г. (Д. 146. Л. 15).

Управлении отдела частных архивов, которому они необходимы, "как имеющие хороший материал, родословный и справочный". Разрешение было получено³². Учреждения, под контролем которых находились архив и библиотека Н.В. Мятлева, сочли справедливым передать это собрание в руки людей, профессионально занимающихся генеалогией, сбором и изучением частных архивов.

Представляет интерес тот факт, что общее заведение Хранилищем до назначения управляющего постановлением Коллегии от 23 января 1919 г. было поручено старшему инспектору Главархива С.Б. Веселовскому. 25 января мандат на заведение Хранилищем был выдан инспектору Главархива, историку А.М. Фокину³³. Число сотрудников Хранилища было не велико. Помимо А.М. Фокина Главархивом были направлены инспектор П.С. Шереметев и заведующий Консistorским архивом И.Н. Ельчанинов, автор ряда работ по генеалогии ярославского дворянства. Как отмечал Фокин, П.С. Шереметев "был пионером на поприще собирания усадебной старины и составил себе известное имя" анкетированием, проведенным в начале столетия³⁴. Остальные сотрудники "вследствие неутверждения штатов Хранилища" считались временными. 20 января поступили М.С. Гаврилова, А.Е. Зельдович, служащими – И. Воинов и бывший швейцар Шереметевых С.П. Федоров. 20 февраля был принят широко известный ныне русский философ Н.А. Бердяев, 31 марта – М.М. Любоцинская³⁵ и А.А. Оболенская, 25 апреля – Ф.И. Тютчев, с 24 мая – Е.В. Сабурова и А.П. Сухотина.

Финансирование деятельности Хранилища, как видно из протоколов Коллегии, осуществлялось Главархивом. Таким образом, Хранилище частных архивов возникло при Главархиве и представляло собой его отдел, а не особое учреждение, "существовавшее по частной инициативе лиц, заинтересованных в охране личных (имеется в виду собственных. – Л.Б.) фондов", как утверждалось в историографии 40–60-х годов³⁶.

Дом в Шереметевском переулке стал популярным среди владельцев архивов, которые охотно сдавали свои семейные бумаги в руки известных им людей. Из документов, хранящихся в фондах Главархива и Фокиных в ГАРФ, видно, что уже в первые дни существования Хранилища сюда были переданы самими владельцами находившиеся в Москве архивы вотчины Голохвастовых в с. Покровское-Рубцово Звенигородского у. и чухломского имения Яковлевых, материалы князей Мещерских и Хованских. В апреле И.М. Починовским в Хранилище был доставлен деревянный сундук с бумагами Голохвастовых. Семейный архив хра-

³² Там же. Д. 27. Л. 8–8 об.; Д. 146. Л. 39.

³³ Там же. Д. 6. Л. 56 об.; Д. 27. Л. 16. Фокин Анатолий Михайлович (1892–1979), историк, геолог. Родился в Киеве. В 1915 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1915 по 1924 г. – преподаватель ряда московских вузов, инспектор Главархива, сотрудник различных научных обществ, занимался аграрной историей России, изучением истории родов Богдановичей и Кезильбашевых. В 1924 г. арестован, 3 года провел в Бутырской тюрьме, в конце 1926 г. освобожден по ходатайству адвокатов Яковлева и Соколова. Поступил на службу в Московское отделение Геологического комитета, с февраля 1930 г. – в горно-геологическом отделе Института по удобрениям. 25 апреля 1930 г. арестован, 8 июля сослан в Архангельск, где работал в изыскательской партии Севстроя, буровым мастером в "Северолесе". В 1933 г. вернулся в Москву, в 1934 г. – в Ленинграде, затем работал начальником геологоразведочной партии под Мурманском, в 1942–1979 гг. – в Тбилиси, весной 1979 г. переехал в Москву (ЦИА Москвы. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 24, 176. Ряд сведений получен от внучки А.М. Фокина А.Н. Вергинской).

³⁴ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 33.

³⁵ Там же. Д. 1. Л. 66 об.; Д. 6. Л. 110; Д. 27. Л. 136–137; Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 1; Д. 170. Л. 1, 3 об. Мария Марковна Любоцинская (1895–1989), жена А.М. Фокина, племянница В.И. Вернадского. Состояла слушательницей отделения западноевропейской литературы на Высших женских курсах, в совершенстве владела несколькими языками (ЦИА Москвы. Ф. 2049. Оп. 1. Д. 1, 191; Оп. 2. Д. 142).

³⁶ *Максаков В.В.* История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М., 1969. С. 71.

нился вместе с архивом Звенигородского предводителя дворянства. От Е.Ф. Соллогуб поступило собрание 52 грамот Колычевых XVII в. и бумаг баронов Боде из коллекции известного генеалога графини Н.М. Соллогуб, урожденной Боде-Колычевой³⁷.

В мае "по доброй воле владельцев" в Хранилище были отданы архив курских помещиков Гангардтов (передал А.М. Фокин) и семейный архив Подолинских, включавший бумаги поэта А.И. Подолинского. От Фокина в июне поступили архивы Кезильбашевых и Богдановичей, родословием которых он занимался³⁸. В апреле в Хранилище обратилась Е.В. Сабурова, урожденная графиня Соллогуб, с просьбой принять на хранение архивы В.А. Соллогуба и А.А. Сабурова из имения Александровка Козловского у. Тамбовской губ. и документы дипломата П.А. Сабурова из усадьбы Покровское, чтобы "сберечь архивы от уничтожения" и дать возможность исследователям "с достаточной полнотой исчерпать имеющийся в них материал"³⁹. Это обращение со всей очевидностью доказывает, что целью владельцев архивов, сдающих документы на государственное хранение было отнюдь не временное хранение своих архивов в ожидании восстановления старого режима, как утверждается в одной из работ по истории комплектования госархивов документами личного происхождения⁴⁰.

Архивы дворянских семей поступали в Хранилище не только от частных лиц, но и из различных учреждений. Так, 30 января сотрудник Комиссии по охране памятников искусства и старины В.В. Пашуканис передал П.С. Шереметьеву папку с перепиской конца XVIII – начала XIX в. из архива барона Убри, служившего в русском посольстве в Париже. Письма Пашуканис обнаружил на чердаке дома в фольварке Якубово Полоцкого у. Витебской губ. Часть писем была им привезена, а в усадьбе, по словам Пашуканиса, осталось 12 пудов документов⁴¹. 19 февраля Главархивом переданы в Хранилище поступившие из Курской Чрезвычайной комиссии документы Филиппьевых и Двигубских. 20 марта со складов акционерного общества Ю.С. Нечаева–Мальцева были перевезены в Хранилище 14 ящиков с бумагами дипломата графа Н.П. Игнатьева. В марте через Музейную коллегию поступили архивы графов Олсуфьевых из с. Ершово Звенигородского у., графов Граббе, семейный архив Мошковых и часть архива Бакуниных из с. Премухино и Дядино Новоторжского у. Тверской губ.⁴² Документы Бакуниных были вывезены Пашуканисом, обследовавшим имения Новоторжского у. в феврале 1919 г. В Дядино на чердаке дома им были взяты переписка и дневники. Из Премухинского дома, где размещалась коммунистическая школа, Пашуканис увез переписку, жалованные грамоты Бакуниных, рукописные сочинения, дневники, хозяйственные бумаги, фотографии, акварели, альбомы с рисунками 40-х годов XIX в. Пример Премухина и Дядина, отмечал в отчете Пашуканис, "ясно указывает, что ни представители губернского отдела, ни тем более уездного (народного образования. – Л.Б.) не в состоянии справиться с задачами охраны", так как "выемка вещей производилась неоднократно" разными организациями, частично вывезена переписка представителями Тверского и Торжокского музеев, остальной архив оставлен без охраны⁴³. В результате Премухинский архив Бакуниных оказался раздроб-

³⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 28, 32–32 об., 133 об., Д. 123. Л. 21 об.–22.

³⁸ Там же. Д. 27. Л. 32 об.; Д. 123. Л. 21 об.; Д. 383. Л. 28; Д. 146. Л. 13.

³⁹ Там же. Д. 27. Л. 30. Архив Сабуровых и Соллогубов перевезен в Хранчасар 12 июня 1919 г. сотрудником ГУАД И.М. Диомидовым (Д. 146. Л. 15).

⁴⁰ Сырченко Л.Г. К истории комплектования государственных архивов СССР документальными материалами деятелей литературы (1918–1941) // ТМГИАИ. М., 1962. Т. 15. С. 351.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 32, 133 об.; Д. 146. Л. 47; Ф. 853. Оп. 1. Д. 158. Л. 1.

⁴² Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 11, 25, 32–32 об., 133 об.; Д. 123. Л. 22.

⁴³ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 157. Л. 1–1 об.

ленным и ныне находится в различных хранилищах и у частных лиц в России и за рубежом.

Безвозмездное поступление частных архивов из Музейной коллегии Хранилище "оплачивало" генеалогическими справками. Сотрудники Хранчасара вели также учет всех материалов, которые вывозились эмигрантами Коллегии из усадеб в Румянцевский и Исторический музеи. Некоторые коллекции документов приобретались за деньги. Так, 4 апреля за 800 руб. (в ценах того времени) была куплена "продающаяся по случаю" переписка 1852–1861 гг. московского генерал-губернатора графа А.А. Закревского с князем А.С. Меншиковым, главнокомандующим войсками в Крыму⁴⁴.

Ограниченность в материальных средствах не позволяла выплачивать вознаграждение всем, сдающим семейные бумаги, поэтому в большинстве случаев приходилось, по словам А.М. Фокина, "апеллировать к доброму почину владельцев архивов", тем более, что право государства на семейные бумаги было все-таки далеко не бесспорным⁴⁵. При такой добровольной "национализации культурных ценностей" Фокин придавал большое значение предоставлению владельцу архива права участия в работе с фондом, справедливо считая, что лучше самого держателя никто не может прокомментировать состав и содержание документов, дать сведения по истории архива и рода. Это положение было затем официально закреплено в "Инструкции для осмотра усадебных архивов". В историографии 40–60-х годов эти, вполне понятные, действия по привлечению владельцев для разбора архива трактовались как антисоветские и антигосударственные⁴⁶. Иногда Главархиву приходилось принимать меры по охране прав владельца на принадлежащие ему архивные материалы.

Так, в январе 1919 г. народный комиссар государственного контроля сообщил о том, что Дорковский волостной комитет бедноты Вышневолоцкого у. Тверской губ. описал вместе с другим имуществом в имении Залучье библиотеку и архив почетного члена Академии наук Н.С. Таганцева, "не взирая на то, что библиотека принадлежит Пермскому университету, а архивные документы составляют неприкосновенную собственность Таганцева, необходимы ему для продолжения начатых им научных трудов". После вмешательства Главархива и Академии наук архив и библиотека были возвращены владельцу⁴⁷.

Поступающие в Хранчасар материалы сразу же разбирались, систематизировались и описывались. Документы привозили в ящиках, сундуках, отсыревших тюках, уложенные наспех, перегнутые и покомканные. Для разборки и просушки их раскладывали на чудом сохранившихся нескольких столах и стульях, на полу. Недостаток столов, отсутствие шкафов, полок и стеллажей тормозили работу. Первые десять дней не было дров и температура в помещении не поднималась выше двух градусов. Испытывая постоянные трудности с дровами, из шести комнат отапливали только раскладочную и библиотеку⁴⁸.

Опыт работы первых месяцев по выявлению и сбору частных архивов показал, что эта деятельность должна иметь более широкий характер, направленный на методичное обследование всех дворянских усадеб, на привлечение самих владельцев к спасению и сохранению архивов. В связи с этим Главархив обратился ко всем, имеющим семейные, хозяйственные, служебные и другого рода частные архивы, с просьбой передавать документы в специальное Хранилище, организо-

⁴⁴ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 123. Л. 22 об.-23; Д. 27. Л. 29–29 об.

⁴⁵ Там же. Д. 27. Л. 134; Д. 123. Л. 22 об.; Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 12 об.

⁴⁶ *Максаков В.В.* Указ. соч. С. 60–61.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 18–19, 31; *Соболев В.С.* Архивные материалы о деятельности Академии наук по охране документальных памятников в первые годы революции // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 134.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 22, 32 об., 131, 133; Д. 146. Л. 11.

ванное при ГУАД, где "порученные заботам ученых-специалистов, они будут сохранены для истории", так как "в переживаемое революционное время хранение у себя на дому семейных архивов не может гарантировать их безопасность". Главархив брал на себя заботу о перевозке архивов по городу и из провинции. Текст обращения был составлен А.М. Фокиным, 12 мая 1919 г. утвержден Коллегией Главархива и разослан владельцам. В мае же Коллегия Народного комиссариата по просвещению одобрила проект Декрета о сохранении архивов частных лиц и приняла решение внести его на рассмотрение Совнаркома⁴⁹. К сожалению, этот Декрет не был издан. Не было утверждено и разработанное научно-технической комиссией при Петроградском отделении Главархива "Положение о частных архивах" и инструкция к нему. Эти документы, оставшиеся в виде проектов, определяют порядок национализации и учета частных архивов, а также формы их отчуждения⁵⁰.

4 апреля Коллегия Главархива в составе С.Б. Веселовского, М.К. Любавского, А.М. Полянского, В.Н. Сторожева, В.И. Селивачева и Г.В. Сергиевского утвердила "Инструкцию для осмотра усадебных архивов", подготовленную А.М. Фокиным. Инструкция была разослана во все губернские отделы народного образования и местные архивные органы⁵¹. Инструкция ориентировала как сведущих, так и абсолютно не компетентных в архивном деле людей в том, как проводить обследование усадьбы, какие документы можно в ней обнаружить и где их искать.

Инспектор должен был взять в Хранчасаре справку по истории усадьбы и генеалогии ее владельцев, установить, что вывезено и куда организациями по охране памятников искусства и старины, вместе с бывшим владельцем усадьбы или лицом, его заменяющим, осмотреть усадьбу: установить степень ее разорения, "обитаемость" и охрану, составить краткое описание дома и обстановки, начертить план дома, записать устные предания, даты построек, осмотреть церковь и церковный архив, из которого изъять исповедные и метрические книги, синодики, церковную летопись, клировые ведомости, брачные обыски, разрешения помещиков на браки крепостных до 1861 г., скопировать надписи на иконах, крестах, предметах церковной утвари, на стенах дома и на предметах обстановки, осмотреть кладбище и скопировать имена, даты и эпитафии на могильных памятниках, осмотреть библиотеку и изъять из нее рукописный материал, месяцесловы, адрес-календари и книги с отметками на полях, иконографический материал.

Инструкцией предусматривалось провести розыск архивных материалов в других усадебных и городских домах того же владельца, на соседних усадьбах, в домах причта и избах бывших дворовых, "куда обычно утекала обстановка из разоренных усадеб". При посещении уездного и губернского городов рекомендовалось ознакомиться с архивами дворянских учреждений, где могли быть подлинники старых семейных документов, обратив внимание на печатные издания по истории сословия. Дополненные таким образом усадебные архивы надлежало немедленно доставить в Хранилище. При отсутствии транспорта архив следовало определить в надежное место, наиболее ценные бумаги увезти с собой. Если бы в то время оказалось возможным провести подобное сплошное обследование и описание всех без исключения дворянских усадеб, современные историки, генеалоги, архитекторы, реставраторы, искусствоведы, краеведы имели бы бесценную информацию для своих исследований.

⁴⁹ Там же. Д. 27. Л. 107; Д. 146. Л. 1; Д. 27. Л. 103–104. В мае 1919 г. Хранчасар был включен особым 3-м отделением в IV секцию ЕГАФ – народного просвещения (Д. 27. Л. 33).

⁵⁰ Там же. Д. 146. Л. 4а–6 об.

⁵¹ Там же. Д. 6. Л. 117; Д. 123. Л. 22; Д. 146. Л. 2–3 об.; ГАТО. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–14.

Летом 1919 г. сотрудники Хранчасара и инспекторы Главархива сделали все возможное, чтобы обследовать как можно больше уездов, так как во время уборки сена и хлебов поездки на лошадях и перевозка архивов из усадеб становились невыносимыми, а зимой из-за бездорожья невозможными. О напряженной деятельности архивистов и эмиссаров Музейной коллегии по спасению усадебных архивов в мае–августе 1919 г. свидетельствуют сохранившиеся в Фонде Главархива отчеты о поездках и сведения о поступлении материалов в Хранчасар. Некоторые отчеты составлены в соответствии с инструкцией.

28 мая эмиссар Музейной коллегии А.А. Семенов вывез архив графов Бенкендорфов, "семейный и дипломатический", из имения Сосновка Моршанского у. Тамбовской губ. и сдал в местный архивный подотдел. Причиной вывоза послужил "очередной разгром в деревянном доме бывших графов Бенкендорф", занятым Сосновским отделом по учету и распределению рабочей силы. В августе 1920 г. инспектор Л.Н. Тюрина перевезла архив из Моршанска в Москву⁵².

31 мая А.М. Фокин посетил усадьбу Олениных при с. Богородском Клинского у., занятую детской колонией из Остоженского приюта. "По показаниям местных жителей, – говорится в его отчете, – до приезда в усадьбу детской колонии дом находился в распоряжении волостного совдепа, и из него, преимущественно по ночам, вывозилось имущество". Инспектор в усадьбе уже ничего не обнаружил, хотя здесь размещалось много ценных архивных и художественных материалов, так как ее владельцы были прямыми потомками президента Академии художеств А.Н. Оленина, а по женской линии сюда попадали вещи князей Львовых, Оболенских, Волконских, Полторацких и других семейств, "стоявших на высшей ступени культуры своего времени"⁵³.

4 и 5 июня А.М. Фокин осмотрел усадьбу Кристи при с. Нагорном Дмитровского у. Московской губ., в которой тоже находилась детская колония. В 1780 г. это имение принадлежало историку князю М.М. Щербатову, от его потомков перешло Трегубовым, а затем – Кристи. "Из обстановки, – отмечает инспектор, – остались незначительные вещи, все прочее пошло на нужды кинематографа при Вознесенской мануфактуре и местной коммунистической ячейки, в том числе книги, картины и тарелки со стен". Оставшиеся вещи использовались весьма своеобразно.

Так, картины известных мастеров служили подставками под посуду и пищу на столах и подоконниках. В каретном сарае инспектор увидел сложенные в сундуках многочисленные фотографии, несколько литографий и гравюру. В книжных шкафах, откуда книги свободно разбирались "детской толпой в 60 человек", Фокин изъясил четыре тома переписки 1854–1855 гг. графини С.В. Толстой, урожденной Орловой–Денисовой со своей сестрой княгиней Л.В. Трубецкой. Часть архива графов Толстых за 20–50-е годы XIX в. обнаружена на чердаке дома. Бумаги были сложены в пяти больших ящиках, откуда их брали "для хозяйственных надобностей". Помощник заведующего имением И.А. Щербаков передал тетрадь стихотворений графини Орловой–Денисовой, пачку писем первой половины XIX в. и 71 столбец XVII в. "Мне рассказывали, – замечает Фокин, – что архив в усадьбе был большой, но масса старых писем погибла". В этом инспектор наглядно убедился, находя листки в парке, по дороге в деревню, в деревне, на стенах изб среди похищенных из усадьбы фотографий дам в платьях с кринолинами и фотографий рысаков завода Кристи", листки, "приготовленные для подтопки печей, устилающие ящики комода" и т.д. Инспектор узнал также о том, что осенью 1918 г. в с. Нагорное для организации партячейки приезжал коммунист Алтулов, который осмотрел усадьбу и, несмотря на протесты

⁵² ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 47. Л. 163; Д. 146. Л. 16.

⁵³ Там же. Д. 27. Л. 49.

И.А. Щербакова, распорядился "при себе сжечь много писем и старых бумаг". Лишь священнику удалось отстоять старые метрические книги. Из-за отсутствия подвод в "дезорганизованном хозяйстве в имении Нагорное" Фокин не смог увезти с собой обнаруженные материалы. Архив Кристи-Толстых-Орловых-Денисовых был вывезен в Хранчасар инспектором Б.И. Николаевским 5 июля 1919 г.⁵⁴

Помощь в осмотре усадеб и выявлении сохранившихся архивов оказывали также ученые-историки, сотрудники различных организаций и обществ. Так, 13 июня член Исторического общества при Московском университете И.И. Иванов-Полосин, направляющийся в Смоленск, дал согласие провести обследование ряда усадеб: Лесли – в Станькове, князей Щербатовых – в Преображенском, Полуектовых – в Белкине, Гернгроссов – в Жукове, Вонлярлярских – в Ражанове, Игельштром – во Влимерове, князей Оболенских – в Марьино. 1 июля Главархив выдал удостоверение М.Н. Лихареву для командировки в Петроград с целью вывоза в Москву принадлежащих ему архивных материалов рода Лихаревых⁵⁵.

16 июня А.М. Фокин был командирован в Гомель "для спасения исторических ценностей дворца князей Паскевичей". В фонде Главархива РСФСР имеется его отчет с описанием состояния здания и исторических ценностей дворца. Фокин не считал возможным в то время вывезти архив, чтобы "в настоящий неопределенный момент... не вызвать этой мерой других выемок из дворца по почину местных учреждений". Ему удалось вывезти в Москву лишь материалы XVIII–XIX вв. семьи Фащей (фамилия дается предположительно, так как текст неразборчив. – Л.Б.) из с. Грабовки Рогачевского у. 21 июня неутомимый заведующий Хранчасаром отправился "для осмотра и охраны частновладельческих архивов" в Бородинскую вол. Можайского у⁵⁶.

Сведения о гибнущих архивах поступали из разных мест. Далеко не всегда командированные из Москвы спасатели имели возможность вывезти документы. В таких случаях организовывалась охрана архивов на месте. Так, 28 июня поступило сообщение из Отдела по делам музеев о том, что в г. Весьегонске Тверской губ. "в условиях, недостаточно обеспечивающих сохранность", находится библиотека и архив Ф.И. Родичева. Коллегия ГУАД постановила "командировать в г. Весьегонск одного из инспекторов при первой возможности для принятия мер к охране архива и библиотеки Ф.И. Родичева"⁵⁷.

9 июля "для осмотра местных частновладельческих и монастырских архивов" в г. Осташков Тверской губ. был командирован инспектор Д.И. Нечкин. 10 июля управляющий 1-м Московским отделением VII секции ЕГАФ В.В. Максаков был направлен Главархивом в Шацкий у. Тамбовской губ. "для принятия мер к спасению" архива князя В.М. Волконского в имении Тростяны и графа Воронцова-Дашкова в бывшем имении близ с. Новотомникова. В с. Зверево Зубцовского у. Тверской губ. в бывшее имение А.К. Бухмейстер отправилась сотрудница 3-го отделения I секции ЕГАФ Е.П. Боголепова, так как были получены сведения о расхищении находившегося там архива Юреневых. 11 июля в бывшее имение Чичериных "Караул" (по Рязано-Уральской ж.-д.) для вывоза расхищавшегося архива был командирован архивариус 3-го отделения I секции ЕГАФ О.В. Крыленко⁵⁸. В тот же день в Звенигород и уезд для обследования местных архивов

⁵⁴ Там же. Л. 49–50, 58; Д. 17. Л. 19 об. Последний владелец Нагорного – Г.И. Кристи, дмитровский, а затем московский предводитель дворянства.

⁵⁵ Там же. Д. 27. Л. 48. (Отчет не обнаружен); Л. 55. Архив Лихаревых ныне хранится в ГАТО.

⁵⁶ Там же. Д. 17. Л. 19; Д. 27. Л. 54; Д. 146. Л. 41–42 об.

⁵⁷ Там же. Д. 146. Л. 43–44.

⁵⁸ Там же. Д. 27. Л. 56; Л. 68–70; Л. 45–47, 58, 98–99 об.

был направлен архивариус Э.В. Карен-Френкель. 9 августа сотрудница Военно-ученого архива Н.С. Шеншина получила удостоверение для поездки на хутор Покровский Сапожковское у. Рязанской губ. "для осмотра и принятия мер охраны частного архива бывших графов Коновницких"⁵⁹.

20 (в другом документе 2-го) августа в свою бывшую усадьбу Грибово в Московском у., занятую детской колонией, был срочно командирован сотрудник 3-го отделения IV секции ЕГАФ, писатель и генеалог А.А. Плещеев для розыска рукописи воспоминаний своей бабушки Е.И. Вадковской, урожденной графини Чернышевой. Рукопись, содержащая "интереснейшие воспоминания фигурирующей во многих мемуарах московской старожилки... начиная с 1820 года", была найдена среди книг библиотеки. 22 переплетенных тома воспоминаний на французском языке поступили в Хранчасар⁶⁰.

В середине лета в Хранилище были приняты материалы графов Гейден и князей Дондуковых–Корсаковых. 25 августа инспектор Главархива Л.Н. Тюрина, эксперт-архивист при Московском губернском совдепе, приняла от Московской губернской Чрезвычайной комиссии документы рода Волк-Левоничей и передала их в Хранчасар. Владелец этого архива М.Л. Ливанович (трансформация фамилии. – Л.Б.), заведовавший совхозом в Подольском у., был арестован по обвинению "в расхищении советского имущества". Рукописи Волк-Левоничей XVII–XIX вв., в том числе на польском и латинском языках, поступили в МГЧК из политподотдела Подольского совдепа как "следственный материал"⁶¹.

В 1919 г. Главархив неоднократно направлял А.М. Фокина в ВЧК "в целях осмотра попавших туда при обысках и конфискациях архивов частных лиц". В одном из отчетов Фокин сообщал, что часть конфискованных материалов находится в архиве ВЧК, заведующий которым предполагал в будущем "выделить забранные при обысках архивы частных лиц и передать Главархиву". Большинство же архивов и библиотек вместе с другим имуществом оказалось на складах хозяйственного отдела ВЧК. По свидетельству сотрудников хозотдела, "среди вещей попадалось много старинных документов и переписки – бумага была разбросана по полу сараев... часть ее была употреблена на обертку предметов, отправляемых в Горпродукт". "Напечатанные на коже" книги поступали в библиотеку клуба ВЧК. Суммируя свои впечатления, инспектор предложил Коллегии Главархива обратиться в ВЧК с официальным отношением, "указав на... необходимость сохранения архивных фондов" и привлечения архивистов для их разборки⁶².

Несмотря на напряженный график командировок, сотрудниками Хранилища и инспекторами ГУАД в мае–августе 1919 г. было обследовано только 14 уездов нескольких губерний. Неоднократно на совещании управляющих секциями, на съезде губернских уполномоченных, проходившем 11–16 июня, А.М. Фокин предлагал план организации выявления и спасения всех усадебных архивов – создание агентурной сети на основе опыта и связей Отдела по делам музеев, раньше Главархива "проторившего дорогу в усадьбы"⁶³. Он указал на необходимость активных действий именно в летний сезон 1919 г., который, по его словам, мог оказаться последним, заставшим усадебные архивы. "В сохранившиеся помещичьи дома, – говорил Анатолий Михайлович на съезде, – вселились коммуны или хлынули детские колонии из голодающих городов – если не будут

⁵⁹ Там же. Д. 6. Л. 195 об.; Д. 27. Л. 96.

⁶⁰ Там же. Д. 27. Л. 91–92; Д. 1. Л. 66 об.

⁶¹ Там же. Д. 146. Л. 7, 18; Д. 27. Л. 110.

⁶² Там же. Д. 27. Л. 41–41 об., 100.

⁶³ Там же. Д. 146. Л. 30 об.

приняты меры в текущий сезон, к осени ничего не останется. В городах в связи с мобилизациями и открытием лазаретов в полном разгаре вакханалия выселений – полная гибель грозит немногочисленным городским архивам".

Представители инспекции не поддержали Фокина, сославшись на то, что "задача спасения усадебных архивов разрешится при проведении архивной реформы", т.е. с созданием губернских архивных учреждений. Поэтому Главархив не счел нужным расширять состав инспектората⁶⁴.

Подобная позиция привела к тому, что "летняя комиссия ограничилась доставкой в Москву нескольких случайно найденных усадебных архивов", как отмечал впоследствии Фокин⁶⁵. Бросаясь туда, откуда поступало известие о гибнущих документах, спасатели выполняли лишь роль "скорой помощи". Сплошного, планомерного обследования усадеб не получилось. Более того, несмотря на спротивление заведующего, в августе Хранилище было вынуждено оставить свое помещение в доме по Шереметевскому пер. Трудно понять, чем была вызвана столь острая необходимость переселения Хранчасара из ставшего уже популярным дома. Его отделы были переведены в здание бывших архивов МИД и Министерства юстиции (ныне РГАДА). Шереметевский дом заняла Социалистическая академия⁶⁶. В результате переезда август, месяц самой напряженной и интенсивной работы для Хранилища, был потерян. К тому же в связи с сокращением штатов в Главархиве в сентябре были уволены С.П. Федосов, И. Воинов, М.С. Гаврилова⁶⁷.

Несмотря на все неприятные обстоятельства, архив продолжал работать и, как отмечается в отчете за июль–август, "жил весьма интенсивной внешней и внутренней жизнью в смысле своих положительных достижений". Интересные приобретения, сделанные осенью, Фокин объяснял тем, что "архив не потерял связи со своим старым местом"⁶⁸. Так, в сентябре в Хранилище поступили архив бывшего петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова, собранный И.Т. Жириковым, и архив Челноковых⁶⁹. Инспектор Л.Н. Тюрина привезла в Хранилище 35 пудов документов архива Талызиных "из разоренного и полуопустошенного" имения Денежниково Бронницкого у. Московской губ., а также грамоты и переписку графов Ламсдорф из Бронницкого музея. Архив рода Талызиных, по сообщению Л.Н. Тюриной, собрал А.А. Талызин, бывший в 1879–1886 гг. директором Московской Оружейной палаты⁷⁰.

3 октября из д. № 17 по Никитскому бульвару сотрудники Хранилища вывезли архив графов Потоцких "в количестве 20 ящиков"⁷¹. М.М. Любошинская в октябре разбирала на складе в Большом Кремлевском Дворце архивы и библиотеку Штернов, Лобковых и Скартенских⁷². 15 ноября она приняла от члена Коллегии по управлению государственными имуществами М.С. Ольминского из реквизированного имущества Егорова (инициалы не указаны. – Л.Б.) четыре ящика с документами, в составе которых были "письма, дневники, хозяйственные бумаги, деловые документы, фотографии, альбомы, негативы и планы"⁷³.

⁶⁴ Там же. Д. 123. Л. 22, 15 об.–16; Д. 146. Л. 30 об.

⁶⁵ Там же. Д. 146. Л. 30 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 3–3 об.

⁶⁷ Там же. Д. 159. Л. 5 об.; Д. 170. Л. 5.

⁶⁸ Там же. Д. 159. Л. 3 об.–4.

⁶⁹ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 13–14, 101; Д. 146. Л. 14.

⁷⁰ Там же. Д. 27. Л. 125; Ф. 853. Оп. 1. Д. 163. Л. 1–6 об.; Д. 171. Л. 12.

⁷¹ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 162. Л. 10.

⁷² Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 120. В 1919 г. переданы библиотеке МГУ (сведения сообщены сотрудником НБ МГУ О.А. Цапиной).

⁷³ Там же. Л. 123.

В отчете о деятельности Хранилища за 1919 г. имеются сведения о приеме документов князя А.В. Мещерского, переписки литераторов В.С. Печерина и А.В. Никитенко. Поступление архивов непосредственно из усадеб в то время резко сократилось. Помимо документов Талызиных, 23 декабря в Хранчасар был принят архив Мальцевых и князей Урусовых, вывезенный из Тульской губ. сотрудником Главархива Б.И. Моисеевым⁷⁴. Отчеты инспекторов ГУАД и эмиссаров Музейной коллегии по обследованию в октябре 1919 г. "наиболее старинных имений, славившихся ценными художественными предметами и библиотеками", свидетельствуют о "полном разгроме и диком вандализме", царивших в усадьбах, уничтожении архивов, библиотек, галерей.

Так, 25 октября эмиссар А.А. Семенов представил в Хранчасар отчет о результатах осмотра памятников искусства и старины в Моршанском у. Тамбовской губ. того, "что уцелело важного и ценного от бывших и продолжающихся погромов в уезде". В самом Моршанске Семенов обнаружил остатки некогда обширной флорентийской библиотеки и архива известного палестинского деятеля Б.П. Мансурова. Это собрание, основу которого составляла родовая библиотека Мансуровых XVIII в., после смерти Б.П. Мансурова было перевезено из Флоренции в имение Глазовка Тамбовской губ. Семенов в отчете сообщал, что в 1917–1918 гг. очень много книг из этой библиотеки было расхищено и уничтожено крестьянами, пока сотрудники местного отдела народного образования не вывезли оставшиеся книги в Моршанск.

Глубокой осенью 1918 г., в ненастную погоду библиотеку привезли в город и свалили на пол в сырое помещение, не стравив с книг снега. В большинстве своем книги были на иностранных языках, и не найдя поэтому применения, "гнили в сырости или растаскивались на заготовки разнообразной публикой". Другие уцелевшие от погрома книги из этой библиотеки некоторое время находились в школах сел Ракши и Хлыстово, где были имения родственников Мансуровых–Безобразовых, но "за малым присмотром они постепенно исчезли". Оставленная в Глазовке часть библиотеки погибла 21 мая 1919 г., по "неизвестной причине сгорел барский дом". Семенов собрал все остатки библиотеки, перевез их в одно здание в Моршанске, составил каталог.

Из отчета Семенова следует, что архив Б.П. Мансурова включал разнообразные материалы по палестинскому вопросу – письма, грамоты греческих иерархов, копии арабских купчих крепостей на землю Русской миссии в Иерусалиме, донесения, труды и записки Б.П. Мансурова, несколько томов его переписки. "Получился таким образом, – отмечает Семенов, – ценнейший архивный материал, дающий полную и весьма интересную картину возникновения в Палестине православной русской миссии, первых археологических раскопок и последующее развитие миссии в связи со сложной дипломатической игрой великих держав на Ближнем Востоке". Архив и библиотека были сданы Семеновым заведующему Моршанским архивным подотделом М.А. Хрущеву, сведения о документах переданы Главархиву, Академии истории культуры и Академии истории материальной культуры⁷⁵.

Обследовав в июле–октябре ряд усадеб уезда, Семенов описал в отчете довольно безотрадную картину: в имении В.Г. Безобразова при с. Ракша "все расхищено крестьянами и потом уничтожено"; в доме А.М. Безобразова при с. Хлыстове эмиссар должен был отыскать заинтересовавшую Главархив записку, в которой Безобразов оправдывался от возводимых на него обвинений по концессиям на р. Ялу, "бывшим причиной русско-японской войны", но несмотря

⁷⁴ Там же. Д. 1. Л. 66 об.; Д. 27. Л. 130.

⁷⁵ Там же. Д. 47. Л. 117–119 об. В 1920 г. библиотека и архив Мансуровых вывезены в Румянцевский музей. См.: Кончин Е. Достояние народа // Альманах библиотеки. М., 1981. Вып. X. С. 88.

на тщательные поиски, записки найти не удалось; в имении Гагарино бывшего московского генерал-губернатора А.А. Козлова "все растащено, и дом сожжен"; в имении графини Барановой "трехэтажный дворец сожжен в феврале 1917 г."; в имении Бурениной уцелели только вещи; в имении В.А. Пашкова при с. Матчерке⁷⁶ "все, что было хорошего в доме, разобрано крестьянами при дележе барского добра в начале революции", библиотека из книг по сельскому хозяйству и животноводству перевезена в земотдел; библиотека князей Долгоруких из с. Заметино – в культпросветотделе, библиотека Чертковых – в сельских школах; в имении Атриганьева в с. Оторме "в доме ничего не осталось, в комнатах сторож держит свиней"; в имении графов Сухтелен и князей Волконских при с. Никольском уничтожены библиотека и картинная галерея; в имении князя Чолокиева в с. Левино "дом сожжен дотла". В целом Семенов отметил, что "в уезде многое погибает без призора, по невежеству и несознательности", а бумага, "крайне нужная на цыгарки", среди крестьян ценилась особо⁷⁷. Одну из причин массовой гибели архивов в бывших имениях инспекторы видели в усиливающейся "борьбе между городом и деревней" за сохранившиеся усадьбы и свободные земли. Из голодающих городов массы жителей переселялись в деревни, фабрики и учреждения создавали в усадьбах подсобные хозяйства. Это движение из городов встретило резкое противодействие крестьян, которых "охватывает настроение жечь последние сохранившиеся усадьбы, чтобы они не являлись приманкой для жадного города"⁷⁸.

В октябре 1919 г., осмотрев усадьбы в Веневском у. Тульской губ., подал отчет в Хранчасар эмиссар Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины С.М. Огранович. Из шести осмотренных им усадеб (А.Н. Григорьевой, Б.А. Игнатьева, графа П.С. Строганова, князя Г.Н. Трубецкого, генерала Толмачева (инициалы не указаны)) архив был обнаружен только в имении Урусово, принадлежавшем маркизе Н.В. Кампанери. В составе урусовского архива Огранович обнаружил автограф В.А. Жуковского, письма А.Н. Оленина и графа К.В. Нессельроде, документы декабриста князя С.Г. Волконского, поэтессы З.А. Белосельской (Волконской), материалы о русской колонии в Риме, столбцы XVII в. и проч. Имеющий "высокий исторический интерес" архив был "частью в библиотеке и кладовой, частью разбросан по комнатам".

Огранович вывез это собрание в Москву, "кроме хозяйственных дел последнего времени". Как уже отмечалось, для эмиссаров Музейной коллегии хозяйственные архивы XIX в. интереса не представляли. Упомянув о том, что "история декабристов, литературные салоны и русская колония в Риме были неоднократно предметом исследования" М.О. Гершензона, С.М. Огранович предлагает ГУАД заинтересовать писателя-историка урусовским архивом. Библиотека из Урусова была вывезена в Москву Библиотечным отделом Наркомпроса, остальное имущество – "более 30 подвод за полугодие" – представителями земотдела "для возможных нужд"⁷⁹.

Хранилище частных архивов в Москве поддерживало тесные контакты с Петроградским отделением Главархива, которое возглавлял С.Ф. Платонов. При Петроградском отделении также было образовано Хранилище частных архивов, сотрудники которого обследовали дворцы, особняки и помещицьи усадьбы в окрестностях Петрограда. В 1919–1922 гг. в него поступили документы великой княжны Ольги Александровны (200 писем Романовых за 1905–1917 гг. и

⁷⁶ Здесь и далее в названиях сел возможны неточности из-за неразборчивости почерка или нечеткой машинописи.

⁷⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 47. Л. 120–128.

⁷⁸ Там же. Д. 146. Л. 30 об.

⁷⁹ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–4 об.

ее дневники с 1897 г.), Я.И. Ростовцева, И.П. Балашева, графов Перовских, графа Воронцова-Дашкова, П.П. Дурново, князя Долгорукого, Сельских, Мордвиновых, П.А. Столыпина, графов Пален, члена Государственной Думы барона А.Ф. Мейндорфа, профессора Д.И. Менделеева, адмирала Ф.В. Дубасова и других, были приняты меры по охране архивов бывшего туркестанского генерал-губернатора Тевашова в Детском Селе, адмирала С.О. Макарова в Петрограде, архива и библиотеки Суворовых в Боровичском у. Новгородской губ. и др. Сбором и охраной частных архивов занималась также и Академия наук⁸⁰.

Ученый мир предъявил "колоссальный спрос на частные архивы". Выступая на съезде губернских уполномоченных в июне 1919 г., А.М. Фокин объяснял причины такого интереса историков особой ролью дворянской усадьбы, дворянского частного дома в русской истории XVIII и XIX вв., "всеобъемлющим экономическим, социальным, культурным и политическим значением усадьбы", а также углублением и дифференциацией исторических исследований: "от мировых схем к национальной истории, от национальной истории к монографиям по областной истории, от этих сочинений к психологическим очеркам на широкой социальной базе"⁸¹. Поэтому помимо деятельности по выявлению и сбору частных архивов сотрудники Хранчасара напряженно работали, разбирая и обрабатывая поступившие документы. "Перед нами становится ученыя работа описей и систематизации материала, – сообщил в февральском отчете в Главархив Фокин. – Хранение живого архивного материала немислимо без его использования"⁸². К годовщине существования Хранилища его сотрудники стремились сделать все фонды доступными для исследователей⁸³.

По характеру материалов Хранилище было разделено на три отдела: литературно-политический, генеалогический и отдел вотчинного хозяйства. В первый отдел, который возглавлял Н.А. Бердяев, были включены архивы политических деятелей, представителей литературы и культуры XIX в. Под руководством Н.А. Бердяева, А.Е. Зельдович и А.А. Оболенская занимались обработкой архива графа Н.П. Игнатьева⁸⁴. Н.А. Бердяев использовал материалы фонда для своей научной работы (тема не указана. – Л.Б.), в марте 1919 г. он работал в архиве 3-го отделения I секции ЕГАФ (бывшем МГАМИД) с поступившими материалами по истории XIX в. Почетному члену Археологического института С.В. Арсеньеву было поручено составление библиографического обзора по русской политике на Ближнем Востоке с акцентом на деятельности в Турции Н.П. Игнатьева⁸⁵.

10 июля 1919 г. в 3-м отделении IV секции ЕГАФ (народного просвещения) состоялось заседание комиссии по выработке принципов описания документов усадебных архивов. Председателем комиссии был Н.А. Бердяев, докладчиком – И.Н. Ельчанинов. На основании опыта работы в Хранилище по составлению описей на документы усадебных архивов Ельчанинов разработал первую в архивном деле систему систематизации дел в личных фондах (по видам источников). Предлагалось подокументное описание материалов – "подробно и полностью" с указанием всех личных имен и географических названий⁸⁶.

В деятельности Хранилища одной из важнейших была проблема учета и регистрации выявленных усадебных архивов. Решением этой проблемы зани-

⁸⁰ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 17. Л. 11–12 об.; Д. 27. Л. 84; Д. 49. Л. 1; *Соболев В.С.* Указ. соч. С. 131–136.

⁸¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 123. Л. 21.

⁸² Там же. Д. 27. Л. 135; Д. 146. Л. 7 об.

⁸³ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 2.

⁸⁴ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 146. Л. 7, 11.

⁸⁵ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 116.

⁸⁶ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 146. Л. 8–8 об.

мался второй отдел, в ведении которого находились генеалогические и справочные материалы. Руководивший отделом И.Н. Ельчанинов перенес в Хранчар собранную им генеалогическую картотеку из 60 тыс. карточек. Он занимался сбором материала для провинциального некрополя, составил около 30 тыс. карточек по материалам 1740–1780-х гг., относящимся к генеалогии московского дворянства. Сотрудниками второго отдела под его руководством были описаны столбцы Протасовых и Лихаревых в собрании Н.В. Мятлева, переписан синодик Сретенского монастыря, составлен именной указатель к нему⁸⁷.

Оплачивая по возможности расходы, связанные с поездками, приобретая архивы за деньги, нанимая временными сотрудниками в Хранилище, А.М. Фокин пытался материально поддержать некоторых владельцев архивов, известных ученых, специалистов в области музейного и архивного дела. Так, в феврале 1919 г. он предлагал в состав сотрудников Хранилища ввести Е.А. Старицкую, Н.Г. Мартынову, дочь Г.П. Георгиевского, хранителя отдела рукописей Румянцевского музея; в июне добивался разрешения принять В.В. Ростопчина, Н.П. Ланскую, О.Г. Чубарову, В.А. Григорьеву, А.В. Волкову⁸⁸. Сохранилось заявление Фокина от 18 ноября 1919 г. в Главархив с просьбой приобрести "портфели с научными работами" научного сотрудника 1-го отделения II-й секции И.Н. Ельчанинова, "находящегося... в крайней нужде и переносящего тяжелую болезнь". Предлагаемые материалы включали генеалогическую картотеку, а также тетради с записями и копиями документов по генеалогии ярославского дворянства, большинство из которых "приобрели значение подлинников, так как подлинники погибли при разгроме усадеб и пожаре г. Ярославля"⁸⁹. 20 ноября 1919 г. И.Н. Ельчанинова не стало⁹⁰. Судьба его архива и картотек не известна.

При генеалогическом отделе Хранилища находилась библиотека Н.В. Мятлева, включавшая около 1800 книг и брошюр по истории и генеалогии. Систематизацией изданий и каталогом занимался Ф.И. Тютчев. Был составлен подробный список недостающих книг, так как некоторые издания оказались разрозненными. По возможности библиотека Хранилища пополнялась. Так, в августе Тютчев был командирован в Петроград для отбора дублетных экземпляров в библиотеке бывшего Гербового отделения⁹¹.

В фонде Фокиных в ГАРФ сохранилось письмо Русского историко-генеалогического общества в Хранилище частных архивов от 12 декабря 1919 г., из которого следует, что в архиве Мятлева находятся копии дворянских родословных росписей конца XVII в., собранные В.В. Руммелем. По просьбе общества все материалы, "как в копиях В.В. Руммеля, так и собранные Н.В. Мятлевым дополнения к ним, равно как и все, что успел сделать названный научный деятель в указанном отношении и что сохранилось в отделанном виде, в черновых заметках и т.п.", были переданы представителю общества В.С. Коницу⁹². Дальнейшая судьба этого комплекса родословных не известна.

При Хранилище было организовано Бюро усадебно-генеалогических справок, которым ведал П.С. Шереметев. Им была составлена картотека усадеб и усадебниц, включавшая до тысячи карточек⁹³. Для сборника сведений об усадьбах, который готовился по поручению Главархива, сотрудники Хранчарса-

⁸⁷ Там же. Д. 27. Л. 32 об., 128; Д. 1. Л. 67, 78 об.; Д. 146. Л. 7 об.

⁸⁸ Там же. Д. 27. Л. 137; Д. 146. Л. 15.

⁸⁹ Там же. Д. 27. Л. 128.

⁹⁰ Каменский А.Б. Новые данные о судьбе родословных росписей конца XVII в. // Генеалогические исследования: Сб. науч. трудов. М., 1993. С. 176.

⁹¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1. Л. 78–78 об.; Д. 27. Л. 80.

⁹² Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 167. Л. 1–1 об. См. также: Каменский А.Б. Указ. соч. С. 175–176.

⁹³ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1. Л. 67; Д. 27. Л. 32 об. Местонахождение и судьба картотеки автору не известны.

тавляли указатель литературы, содержащей какие-либо сведения о частных архивах, просматривая библиографические пособия, исторические журналы, монографии, отчеты библиотек и музеев, каталоги юбилейных выставок и т.п. Прямые и косвенные сведения о частных архивах расписывались на "анкетных карточках" по определенной схеме ("Русская старина" дала материал для 850 карточек, "Старые годы" – около 100, "Голос минувшего" – свыше 80). На 10 июня 1919 г. было составлено свыше 1,5 тыс. карточек в трех экземпляра. Один комплект был сдан в Справочно-статистический отдел Главархива, другой – редактору сборника, а третий – оставлен в Хранилище. Предполагалось составить общий именной указатель по всем выявленным материалам, самостоятельные указатели к каждому из просмотренных изданий и с кратким введением опубликовать их на страницах исторических журналов⁹⁴. Подобную работу в Петроградском Хранилище частных архивов выполняли Ю.Г. Оксман и Л.И. Полянская, часть составленной ими картотеки сохранилась⁹⁵. Местонахождение и судьба московской библиографической картотеки автору статьи не известны.

Третий отдел Хранилища занимался разбором поместно-вотчинных архивов. В 1919 г. его сотрудники составили описи и именные указатели к документам семи фондов: Голохвастовых-Мещерских-Хованских, Машковых, Граббе, Пазухиных, Сухотинных, Гангардтов, части фонда Подолинских. Система разборки была проста: вотчинная документация отделялась от личной и служебной и систематизировалась по хронологии⁹⁶.

Заведующий Хранилищем придавал большое значение теоретической подготовке сотрудников, организуя занятия по изучению мемуарной литературы, генеалогии, палеографии и другим исторических дисциплин. М.М. Любоцинская под руководством С.К. Богоявленского и И.А. Голубцова изучала технику работы со столбцами XVII в. В ноябре 1919 г. в докладной записке в ГУАД А.М. Фокин просил разрешения организовать двухчасовые вечерние занятия для сотрудников, проводить которые были согласны А.А. Новосельский, А.Н. Штраух и И.И. Иванов-Полосин. Таким образом, считал Фокин, "было бы положено начало основанию небольшого научного института по исследованию частных архивов"⁹⁷. Предлагаемый Фокиным "ученый план" требовал определенной денежной суммы и, вероятно, потому и был отвергнут.

Серьезная научная подготовка в прошлом, знание языков и широкий кругозор сотрудников способствовали росту профессионализма в работе с документами по подготовке их к использованию, позволяли не пропустить уникальные рукописи среди хозяйственных бумаг. Обвинение этих людей "из бывших аристократических фамилий" в сопротивлении Главархиву "в деле овладения архивными материалами, поступившими в Хранилище"⁹⁸, более чем абсурдно. Помимо составления описей фондов и создания научно-справочного аппарата к ним (каталоги, указатели) известные ученые – сотрудники Хранчасара – философ Н.А. Бердяев, историки-генеалог И.Н. Ельчанинов, А.М. Фокин и П.С. Шереметев продолжали научные изыскания, готовили к изданию труды, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия, в которых приходилось жить и работать. Благодаря деятельности историков и генеалогов, Хранилище частных архивов было хранителем и продолжателем генеалогических традиций русской исторической науки. При ином пути развития страны оно, несомненно, превратилось бы в архив истории родов и семей, в центр генеалогических исследований. Харак-

⁹⁴ ГАРФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 169. Л. 1–1 об.

⁹⁵ Агафонова Е.А., Сомнич Г.Е. Материалы ЦГИА СССР о деятельности архивных учреждений в 1919–1922 гг. // СА. 1988. № 3. С. 46.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 1. Л. 67.

⁹⁷ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 13–13 об.

⁹⁸ Сырченко Л.Г. Указ. соч. С. 351.

терно, что в 1918–1919 гг. Главархивом подчеркивалось право на наследование разных архивных начинаний, в том числе подготовку к изданию генеалогических трудов⁹⁹.

А.М. Фокин неоднократно подавал докладные записки в Главархив о необходимости расширения штата Хранилища для того, чтобы приступить "к планомерной научной эксплуатации архива", представлял планы научной разработки фондов. Тем не менее, количество сотрудников в сентябре–октябре 1919 г. было сокращено на 5(!) человек. С октября началась постепенная ликвидация Хранчасара как самостоятельного учреждения. 6 октября по решению Коллегии Главархива из состава Хранилища были переданы в 3-е отделение I секции ЕГАФ¹⁰⁰ архивы Н.П. Игнатьева и Убри "ввиду их общегосударственного характера". На основании этого решения Н.А. Бердяев, А.А. Оболенская, А.П. Сухотина и Е.В. Сабурова, занятые работой над указанными фондами, были переведены в то же отделение¹⁰¹. Второй и третий отделы Хранилища с августа находились в здании 1-го отделения II секции ЕГАФ на Б. Царицынской, 15, составляя как отдельное учреждение III отдел этого отделения¹⁰². Библиотека Н.В. Мятлева поступила в Научно-статистический отдел Главархива, где ею занимался А.Н. Штраух¹⁰³. В настоящее время книги с экслибрисом Н.В. Мятлева находятся в фонде научной библиотеки РГАДА.

В начале декабря по постановлению ГУАД второй и третий отделы Хранилища были включены в состав МАМЮ, и Хранчасар, как самостоятельное учреждение, прекратило свое существование. Номинально оно сохраняло свой статус до июня 1920 г., до 1 июня А.М. Фокин исполнял обязанности заведующего¹⁰⁴. Во второй половине 1920 г. усадебные архивы были переданы в образованную историко-литературную секцию ЕГАФ, которой руководил М.О. Гершензон. В 1921 г. эти фонды были включены в состав Архива народного хозяйства, культуры и быта, в 1927 г. переданы в Древлехранилище Московского центрального исторического архива (ныне РГАДА), где составили отдел "Частных архивов"¹⁰⁵. Расформирование Хранилища освободило Главархив от "классово-чуждых элементов"¹⁰⁶. В 1922 г. выслан из России Н.А. Бердяев. В 1924 г. был арестован А.М. Фокин. М.М. Любощинская и другие сотрудники "аристократических фамилий" были уволены из архивных учреждений. Причины ликвидации Хранилища частных архивов в документах не указываются, но вполне очевидно, что в период резкого сокращения финансовых средств и штатов архивов, ограничение внимания одним направлением архивной деятельности – сбором и обработкой материалов по истории революционного движения, при негативном отношении к документации о дворянском землевладении, существование специального, обособленного Хранилища усадебных архивов, объединяющего специалистов по генеалогии и истории дворянства, было чуждо новой власти, отрицавшей личность, а следовательно и ее право документировать свою деятельность. Центр организации работы по сбору усадебных архивов перестал существовать. Функции по охране частных архивов были переданы губернским архивным управлениям и бюро.

⁹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 27. Л. 99–99 об.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 853. Оп. 1. Д. 159. Л. 12–12 об. 3-е отделение I секции ЕГАФ (законодательной) включало в свой состав МГАМИД, возглавляемый В.Н. Сторожевым.

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 146. Л. 14 об.; Ф. 853. Оп. 1. Д. 170. Л. 6.

¹⁰² Там же. Д. 1. Л. 66 об. 1-е отделение II секции ЕГАФ (юридическое) включало МАМЮ под руководством М.К. Любавского, заменившего Д.И. Цветаева.

¹⁰³ Там же. Д. 14. Л. 236.

¹⁰⁴ Там же. Ф. 853. Оп. 1. Д. 170. Л. 6 об.; Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 383. Л. 28.

¹⁰⁵ Там же. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 243. Л. 33 ; Д. 1785. Л. 8 об., 13 об.

¹⁰⁶ Сырченко Л.Г. Указ. соч. С. 351.

В связи с прекращением целенаправленной деятельности по обследованию усадеб и вывозу сохранившихся архивов, поступление частных архивов в государственные хранилища резко сократилось, имело эпизодический характер. Складывавшиеся десятилетиями комплексы родовых и семейных архивов были утрачены, архивы нового времени еще не сложились. К тому же, для того, чтобы хранить семейные архивы, требовалось немалое мужество, и не каждый мог отважиться держать у себя дома свидетельства прошлого, не опасаясь, что они сослужат ему плохую службу.

Ликвидация единого центра, руководившего работой по сбору усадебных архивов, ее финансированием, разработкой методических рекомендаций и, что немаловажно, пользовавшегося доверием владельцев архивов, отсутствие подготовленных и опытных кадров, знающих специфику, ценность и историческое значение этих материалов, отрицательно сказались на степени сохранности этого типа архивов в условиях общего негативного отношения к архивам, как к якобы утратившим ценность и подлежащим уничтожению бумагам. Количество сохранившихся усадебных архивов достигало лишь несколько сот, в архивохранилища было вывезено не более 30% сохранившегося¹⁰⁷. Тем самым увеличивается ценность этих материалов, спасенных и сохраненных для нас деятельностью архивистов, сотрудников музеев, библиотек и частных лиц в период, когда по всей стране происходило "уничтожение культурных ценностей, памятников и живых организованных личностей"¹⁰⁸.

Центром такой работы с 1919 г. в Москве было Хранилище частных архивов. Обращение к материалам о его деятельности убедительно показывает актуальность разработки ряда неизученных до настоящего времени вопросов из истории формирования учреждениями государственной архивной службы источниковой основы для исторических исследований многообразной тематики. Незученными остаются деятельность Петроградского Хранилища частных архивов, Дмитровского отделения Центрархива, деятельность ученых архивных комиссий, губернских и уездных актохранилищ в 1917 – 20-е годы. Привлечение материалов по истории данных учреждений предоставит дополнительные возможности для исследования дворянских усадеб как единых историко-культурных комплексов, отдельные части которых (библиотеки, архивы, предметы искусства, культуры и быта) рассредоточены не только по разным ведомствам (музеи, библиотеки, архивы, картинные галереи и т.д.), владельцам (государственные, общественные и частные коллекции), но и территориально (местные и центральные, российские и зарубежные хранилища). Такого рода исследования будут иметь и практическое значение, так как предоставленные ими материалы позволят атрибутировать музейные экспонаты, потерявшие имена своих бывших владельцев. И вполне очевидно, что источниковая основа для воссоздания истории "дворянского частного дома" была бы гораздо скромнее без результатов деятельности Хранилища частных актов.

¹⁰⁷ ГАРФ. Ф. Р-5325. Оп. 9. Д. 49. Л. 162 об.

¹⁰⁸ Кондрашов С. Ясновидение гуманиста: Заметки об одном дневнике 1930 г. (М.М. Пришвин) // Моск. новости. 1989. 27 авг. С. 11.

ОПЕКУШИНСКИЙ АРХИВ

В ОР РГБ хранится архив (Ф. 8408, 8409, 8410) выдающегося русского скульптора А.М. Опекушина (1838–1923), известного прежде всего памятником Пушкину в Москве. Он содержит 42 наименования – более 360 документов, рисунков, газетных и журнальных вырезок, но главное – более 250 писем Александра Михайловича, его дочерей, брата. Ныне – это единственный, наиболее полный архив скульптора. Другого такого в нашей стране нет. И он помог исследователям прояснить многие, доселе совершенно "глухие" страницы жизни и творчества замечательного ваятеля, ответить на ряд ранее загадочных вопросов.

Этот архив можно назвать еще и скребковским, по имени ярославского краеведа Александра Ивановича Скребкова, собиравшего его в течение 15 лет. В декабре 1936 г. он передал архив в ГБЛ, спешил, чувствовал, что на него надвигается страшная беда и не ошибся. Через несколько месяцев его арестовали и отправили в лагерь. Возвратился он через 17 лет, кое-как устроился в Ярославле и сразу же отправился в Москву, в Библиотеку им. В.И. Ленина. Его коллекция оказалась неразобранной, но, к счастью, уцелела полностью. Александр Иванович несколько раз приезжал в ГБЛ, сам разобрал опекушинский архив, сделал ряд пометок, кое-что уточнил, исправил, откомментировал. В 1960-х гг. его фонды были открыты для исследователей. Но еще два десятка лет были почти не известны и ими мало кто пользовался. Скребков умер в 1966 г., исполнив, вероятно, свой самый главный труд.

Изначальным документом архива Опекушина является Свидетельство за номером 3000 о рождении Александра Михайловича 16 (по новому стилю 28) ноября 1838 г. в д. Свечкино Даниловского уезда Ярославской губернии¹. Раньше в литературе, даже в энциклопедических словарях, год его рождения называли 1839, 1840, 1841. Неверными подчас были и указания на место рождения. Опекушины были крепостными помещицы Ольгиной. Выкупились из подневольного состояния за два года до "освободительного" манифеста. Копия отпускной также хранится в опекушинском архиве. Александру Михайловичу был тогда 21 год.

Бумаги архива позволяют уточнить и другие спорные факты его биографии, которые имеют большое значение для понимания творчества художника. Назову документы, относящиеся к послереволюционному периоду жизни Опекушина, наименее известному исследователям и почти не освещенному в литературе. В 1918–1919 гг. Александру Михайловичу с тремя дочерьми довольно трудно жилось в Петрограде. Хотя найденные в архиве документы говорят о том, что новые власти пытались помочь престарелому скульптору. В конце июня 1919 г. дочери Опекушина подали прошение в Петросовет о помощи, так как отцу "по настоянию врачей" нужно было уехать из Петрограда на родину, в Ярославскую губернию. Народный Комиссариат просвещения поддержал их ходатайство, помог получить отдельное купе в вагоне и оплатил дорожные расходы.

Более того, 28 октября 1919 г. Наркомпрос направил письмо в Исполком Петроградского Совета, в котором говорилось: "...Во избежание каких-либо колебаний при решении вопроса о необходимости назначения А.М. Опекушину пожизненного пособия и определения его размера, Наркомпрос считает необходимым, хотя бы вкратце напомнить о жизни и деятельности этого художника, ныне маститого 80-летнего старика, уже почти столетия нося-

щего почетное звание академика скульптуры..."² И далее дается очень похвальная характеристика его творчества.

В с. Рыбница, куда Опекушин с дочерьми переехал из Петрограда, ему также живется трудно и голодно. К 1920 г. относится письмо А.В. Луначарского в Ярославский губисполком, в котором говорится: "...в виду крупных заслуг перед искусством скульптора А.М. Опекушина отдел ИЗО Наркомпроса ходатайствует о предоставлении ему в срочном порядке академического пайка"³. А 15 мая 1922 г. Центральная Комиссия по улучшению быта ученых при Совнаркоме Республики сообщает Александру Михайловичу о том, что ему "начислена усиленная пенсия с натурализацией академического пайка... "Думается, что в Ярославской губернии Опекушин являлся в то время единственным человеком, получающим столь льготный паек. О последних днях Опекушина известно со слов Скребкова, посетившего Александра Михайловича 27 февраля 1923 г., т.е. за неделю до его смерти. Скульптор был очень рад молодому гостю, много рассказывал о себе, о своем творчестве. Особенно о том, как он работал над памятником Пушкину в Москве. Рассказывал с волнением, с удовольствием, с радостью – соскучился по искреннему вниманию, с которым слушал его гость. Старался выговориться, выложить все, о чем передумал за эти годы, и что, по существу, он не мог никому поведать.

Позволю себе выдержки из воспоминаний Скребкова:

"Опекушин – старик высокого роста, украшен сединами. Длинные волосы зачесаны назад, крутой лоб, до половины груди – серебристая борода. Одет он в заплатанную по всем направлениям разными нитками черную суконную пару.

Был вечер. Горел тусклый огонь. Александр Михайлович рассказывал:

"Курса в Академии художеств я не проходил. Отец хотел, чтобы я был хорошим лепщиком, поэтому и отдал меня для изучения орнамента в мастерскую профессора Иенсена на пять лет. С орнаментами я покончил в три года, а позднее уже с успехом копировал "Кариатиды". Укравкой от профессора я все свободное время проводил на чердаке, занимаясь лепкой человеческих фигур. Результатом этих "чердачных" занятий у меня явились эскизы "Велизарий" и "Амур и Психея", за которые в 1864 г. Академия художеств присудила мне звание некласного художника. А в 1872 г. за статую Петра I я получил звание академика. Мне было предложено место при Академии, где я работал не покладая рук...

...Всегда я любил Волгу. В былые времена в летние месяцы с Николаем Алексеевичем Некрасовым приезжал охотиться, а в 1920 г. уехал из Петрограда вместе со своими дочерьми... Да и здесь не сладко живу. Да, ничего. Дрова еще я ношу в избу сам, а была бы подходящая обстановка и поработал бы – хочется олицетворить Любовь. Из головы не выходит план: мать, склоненная над улыбающимся ребенком, но, как видно, лампада моя догорает и масла больше нет"⁴.

Скребков, здесь же с его слов, торопливо записал автобиографию скульптора, попросил подписать листки. Это единственная автобиография Опекушина, доселе чуждавшегося каких-либо рассказов о себе. 4 марта 1923 г. Александр Михайлович умер. Похоронили его торжественно на сельском кладбище, рядом с могилами родителей и брата. Первую короткую публикацию о встрече с Опекушиным Скребков поместил в ярославской газете "Крестьянин-кооператор" 21 марта 1924 г. Более основательную статью написал в столичном журнале "Красная Панорама" (1928. № 52. С. 15.)⁵

² Там же. Ед. хр. 28.

³ Там же.

⁴ Там же. Ед. хр. 11.

⁵ Там же. Ед. хр. 13.

Александр Иванович долго переписывался с дочерьми Опекушина, уехавшими после смерти отца в Петроград, как-то побывал у них. Получил материалы о скульпторе, рисунки, фотографии. Все они, а также переписка Скребкова с дочерьми Опекушина, в которой очень много нового, интересного, остались в ОР РГБ. Кроме того, Скребков расспросил местных крестьян, которые знали, помнили Опекушина – и эти его записи также находятся в архиве. Есть здесь и неопубликованные статьи Александра Ивановича. В частности, гневная отповедь искусствоведу Н.Н. Врангелю, который еще до революции выступил с резкой критикой творчества Опекушина.

На VII Краеведческом съезде, который состоялся в августе 1927 г. в г. Рыбинске Ярославской губернии, Скребков, один из его активных организаторов, сделал большой доклад о жизни и творчестве скульптора. По его предложению съезд постановил: "Принять меры к учреждению конкурса на проект памятника на могиле Опекушина в селе Рыбница". Тогда было решено поставить памятник в виде скульптуры "Мать, склонившаяся над смеющимся ребенком"⁶.

К сожалению, никакого памятника на могиле Александра Михайловича Опекушина до сих пор нет.

⁶ Там же. Ед. хр. 27.

Ю.В. Андрияшайтите, А.Л. Лифшиц, М.П. Мироненко

НОВЫЕ АНГЛИЙСКИЕ СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ПО СЛАВЯНОРУССКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ И РОССИКЕ

На рубеже XIX – XX вв. выход фундаментальных трудов Н.П. Лихачева "Палеографическое значение бумажных водяных знаков" (СПб., 1899. Ч. I–III) и Ш.-М. Брике "Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600" (Genève, 1907. Vol. I–IV) знаменовал новую эпоху в изучении бумаги и водяных знаков источников. Тем самым данная область палеографии получила свое научное обоснование, методику и огромный, тщательно выверенный справочный материал¹. Это открывало новые перспективы для развития и других вспомогательных исторических дисциплин, исторической науки в целом. Работа Брике переиздавалась в 1923 г. (Лейпциг) и в 1968 г. (Амстердам). Исследование Лихачева широко использовалось учеными в России, но было малодоступным зарубежным специалистам, не владеющим русским языком. И вот, почти 100 лет спустя появилось новое переработанное издание труда Н.П. Лихачева² на английском языке, подготовленное Обществом публикаций по истории бумаги (The Paper Publication Society, далее PPS) в серии "Monumenta Chartae Papiraceae Historiam Illustrantia" (Vol. XV) под ред. проф. Дж. Симмонса и Б. ван Гиннеке ван де Кастееле.

© Ю.В. Андрияшайтите, А.Л. Лифшиц, М.П. Мироненко

¹ См. об этом: *Mošin V. Die Filigranologie als historische Hilfswissenschaft // Papiergeschichte. Jg. 23(1973). N. 5/6. Mainz, Juni, 1974. S. 33; Stevenson A. Introduction // Briquet Ch.M. Les filigranes. Amsterdam, 1968. Vol. I; и др.*

² *Likhachev's Watermarks. An English – language version. Amsterdam, 1994. Vol. 1–2. Общую оценку см.: Шмидт С.О. Новое издание труда Н.П. Лихачева "Палеографическое значение бумажных водяных знаков" // ОА. 1994. № 6.*

Знаменательна история его подготовки. Как написано в предисловии Дж. Симмонса, ее начало относится к первым годам существования Общества, когда в 1956 г. его основателю Э. Лабарру посчастливилось приобрести эту книгу Н.П. Лихачева. Тогдашний председатель PPS F. Francis предложил английский вариант издания с большими изменениями. Лабарр обратился за финансовой помощью в ЮНЕСКО, но не получил ее, и проект не осуществился тогда. А первыми русскими изданиями в серии "Monumenta..." стали переведенная на английский язык работа З.В. Участкиной "A History of Russian hand paper – mills and their watermarks" (Hilversum, 1962. Vol. IX) и факсимиле работы К.Я. Тромонина 1844 г. – "Tromonin's Watermarks album" (1965. Vol. XI).

После смерти Э. Лабарра в 1965 г. идея переиздания книги Н.П. Лихачева все же получила развитие. В проспекте изданий PPS 1982 г. выпуск труда Лихачева был намечен на 1983 г. Но из-за финансовых и других трудностей работа шла медленно. По словам Дж. Симмонса, проверку материалов в хранилищах бывшего СССР "оказалось невозможным организовать в полном объеме до наступления эпохи гласности" (Т. 1. С. XX). Выход нового издания Н.П. Лихачева – результат упорной и многолетней работы PPS, организовавшего его перевод, проверку и переработку данных, дополнение справочным аппаратом с помощью специалистов разных стран – Англии, Франции, Италии, Нидерландов, Польши и России. Из нашей страны в проверке источников участвовали сотрудники АК, БАН, Библиотеки Казанского университета, ГИМ, РГАДА, РГБ, РГИА, СПб. ФИРИ РАН, Тверского музея.

Английское издание предстает в двух томах вместо трех в оригинале. Сокращение основательное. Достигнуто оно не только за счет исключения повторов из указателей Лихачева. Опущены с. I–ССХII из ч. I книги (разделы I–IV, заключение и приложение документов), включающие основные вопросы истории бумаги и филиграней в разных странах, теорию и методику их палеографического изучения (на богатейшей базе важнейших русских и других рукописей и старопечатных книг), которые впервые в мировой научной литературе утверждали самостоятельную роль филигранологии. По мнению издателей, этот текст важен для русскоязычных специалистов. Конечно, если иметь в виду обзор литературы о бумаге и водяных знаках, впервые написанный на русском языке, документы о русских бумажных мельницах, датировку русских рукописей, то с этим можно согласиться. Хотя в историографии филигранологии они представляют интерес и для зарубежных специалистов, но как были, так и останутся им неизвестны. Еще А.А. Шахматов подчеркивал, что своим трудом Н.П. Лихачев связал "вопросы русской палеографии с вопросами палеографии западноевропейской", которой в нем "отведено еще более важное место. Вследствие этого труд Лихачева одинаково важен как для русской, так и для европейской науки вообще"³.

Издатели признают, что классический труд Н.П. Лихачева "во многом опередил свое время" (Т. 1. С. XVII). Это относится не только к наибольшему для XIX в. числу опубликованных филиграней (4258), но и к основополагающим рассуждениям автора. Безусловно, сегодня они общеизвестны и получили дальнейшее развитие, но право первопроходца этим не зачеркивается, а только подтверждается. Признание вклада Н.П. Лихачева в историческую науку отражает сам факт переиздания его труда, а также предисловие и специальная статья Дж. Симмонса "Н.П. Лихачев (1862–1936): Зачинатель и знаток русской кодикологии и исследователь водяных знаков". К ней приложены библиография работ о Н.П. Лихачеве и аннотированный список шести его работ (Т. 1. С. XLI–LI).

Огорчения, вызванные отсутствием текста с важнейшими положениями из ч. I

³ Шахматов А.А. // Изв. ОРЯС. СПб., 1899. Т. 4. Кн. 4. С. 1464.

книги Н.П. Лихачева, сглаживаются при дальнейшем ознакомлении с английским переизданием. В условиях финансовых трудностей, переживаемых нашей наукой и культурой, оперативное знакомство с ним стало возможным, благодаря щедрости PPS, принесшего новое издание в дар АК, БАН, ГИМ, ГПНТБ СО РАН, РГАДА, РГБ, РГИА, РНБ, СПб. ФИРИ РАН. За это выражаем нашу глубокую признательность.

Издатели сохранили и подвергли ювелирной научной обработке значительную часть труда, относящегося по определению Н.П. Лихачева, к филигранографии, т.е. к описанию и публикации водяных знаков. Они не только освободили его от неточностей, повторов, но и проанализировали весь корпус филиграней, чего не было сделано, полно и досконально в русской специальной литературе (кроме изучения отдельных групп водяных знаков, например, бумаги Лицевого свода, Радзивилловской летописи и др.).

Без существенных изменений оставлен только указатель (описание) водяных знаков по порядку номеров из ч. I книги Н.П. Лихачева (с. 1–507), освобожденный от ошибок и некоторых устаревших деталей, дополненный шифрами современного хранения оригиналов, ссылками на позднейшую литературу и коллекции филиграней. Тем самым сохранена связь времен и учтен современный уровень в изучении водяных знаков. К этому указателю добавлено описание 39 (38 – западноевропейских и 1 – русский) наиболее интересных водяных знаков из 63, впервые опубликованных Н.П. Лихачевым в работе "Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве" (СПб., 1891). В предисловии к нему относительно остальных 724 знаков работы указано число воспроизведенных и источники филиграней. В результате зарубежный читатель получил общее представление о филигранях в обеих монографиях ученого.

Далее, в первом томе помещен хронологический указатель, который в отличие от оригинала дан более экономично, со многими исправлениями. За ним следует целый ряд дополнительных указателей: список архивов, библиотек, коллекций с указанием современных мест хранения, список печатных источников. Кроме того, составлен алфавитный перечень 30 источников филиграней, опубликованных в 1844–1897 гг. (т.е. от выхода альбома К.Я. Тромонина и до появления труда 1899 г.), из которых Лихачев воспроизвел водяные знаки. Они сопровождаются таблицами, в которых соотнесены филигранные этих работ – всего 814, что составляет пятую часть от общего числа водяных знаков в книге 1899 г. Дан также перечень элементов филиграней (гербы, эмблемы и т.п., даты и цифры, литеры, имена, слова (с выделением изображенных кириллицей), торговые и иные марки).

Приложение А содержит исправления и добавления водяных знаков к работе Н.П. Лихачева и ссылки на нее, имеющиеся в "Les filigranes" Ш.-М. Брике. Таким образом связаны труды двух основоположников филигранологии.

Во втором томе переработанного издания имеется типологический (у Лихачева – "предметный") указатель, не только уточненный, но и более экономный по своей структуре. Перечисленные указатели тесно связаны с перестроенными по другому принципу таблицами водяных знаков Н.П. Лихачева. Как известно, он расположил знаки по группам их распространения в рукописях того или иного периода, что имеет свои преимущества, но трудно для поиска. В английском варианте расположение филиграней близко системе Брике, а именно – в алфавитном порядке типов. Притом к воспроизведениям знаков были добавлены даты источников, из бумаги которых они взяты (если известно). Все это значительно облегчает пользование справочником.

Надо сказать, что неудобство пользования таблицами филиграней в труде 1899 г. отметили еще современники. Попытки пересистематизации этих таблиц осуществлены в ряде наших хранилищ. Так, среди нескольких справочников

филиграней, составленных сотрудниками ОР РНБ, есть и альбом водяных знаков, систематизированных по алфавиту сюжетов (типов), из работ Н.П. Лихачева 1891 г. и 1899 г. (Составил и снабдил указателями В.М. Загребин в 1982 г.). Ими пользуются не только посетители ОР РНБ, но и других хранилищ. Аналогичную работу по труду 1899 г. в ОР ГИМ провела Т.В. Дианова.

Кстати, В.М. Загребин еще в 1978 г. создал указатель «Филиграния рукописей ГПБ в работе Н.П. Лихачева "Палеографическое значение бумажных водяных знаков"», в котором указаны изменения в связи с перемещением фондов, уточнены датировки, отмечены пропущенные водяные знаки. В 1985 г. в связи с запросом Дж. Симмонса о проверке источников этот указатель был послан в помощь подготовке рецензируемого издания, но не все его исправления учтены.

Завершается издание еще несколькими новыми указателями. Русско-английский словарь типологических терминов поможет в разработке и стандартизации терминологии, тем самым будет способствовать взаимобмену достижениями филиграноведов разных стран, и, возможно, стимулирует создание отечественного филиграноведческого словаря.

Помогут читателю общий и предметный, топографический, именной указатели, позволяющие детально исследовать новое издание, не говоря уже о библиографии использованных работ, списке сокращений и словаре терминов.

Можно согласиться с подготовителями в конечной оценке английской версии труда Н.П. Лихачева – она дает меньше и больше, чем оригинал. Меньше (особенно зарубежным специалистам) в отношении его монографической части; больше (в том числе и для русских исследователей) в его справочной части. Причем, значительно выиграли русскоязычные читатели, имеющие как полный оригинал книги, так и новое переработанное, дополненное ее издание. Благодаря переводу на английский язык основополагающий в филигранологии труд Н.П. Лихачева, наконец-то, займет достойное место в мировой филигранологической литературе.

Рецензируемое издание – последний, XV т., к сожалению, прекращенной серии "Monumenta...". Оно представляет замечательный образец творческого подхода к работам по истории бумаги и водяных знаков из разных стран, характерного как для томов серии, так и для внесерийных изданий PPS. Большая заслуга в этом главных научных редакторов изданий – основателя PPS, крупнейшего специалиста в области бумаговедения Э. Лабарра, а после него – оксфордского профессора, известного знатока истории книги, в том числе славянской, Дж. Симмонса. Именно благодаря эрудиции и усилиям проф. Симмонса 3 из 15 томов серии представляют фундаментальные труды русских ученых. Переводились ли труды на английский язык (как названная книга З.В. Участкиной, выпущенная только в английском переводе) или издавались факсимильно (например, альбом К.Я. Тромина, существующий с полными указателями только в этом издании, юбилейное переиздание труда Ш.-М. Брикэ "Les filigranes" вне серии) наличие дополнительного многочисленного справочного аппарата, предисловий, комментариев не только совершенствовало издания, но и вносило новый вклад в мировую историю изучения бумаги и ее водяных знаков⁴, объединяло усилия ученых.

Поэтому вполне естественным и ценным является Приложение В (Т.1), вклю-

⁴ Один из авторов данной рецензии рассматривал эти издания как образец при переводе на русский язык труда Э. Лауцвичюса "Бумага в Литве в XV–XVIII вв." (Вильнюс, 1979). Других переводов подобных изданий на русский язык нет. Только в архиве сохранился черновик русского перевода гл. XII из I т. книги А. Жансена "Essai sur l'origine de la gravure... du papier de coton et de lin..." (P., 1808), сделанный дочерью первого русского филиграноведа И.П. Лаптева в 1824 г.

чающее краткую историю PPS и список его публикаций⁵. Оно показывает, что издатели PPS на протяжении всего периода его существования остались верны четырем принципам в истории науки: "Сохранять, изучать, развивать и объединять" (Т.1. С. VI).

Издания PPS – большой и ценный вклад в развитие специальных (вспомогательных) исторических дисциплин, а следовательно в создание условий для дальнейшего развития исторической науки и культуры в целом.

В 1988 г. в Лондоне увидела свет книга "A Union Catalogue of Cyrillic Manuscripts in British and Irish Collections", как бы дополняющая вышедшую годом раньше, книгу Дж. Хартли (см. наст. рецензию). Создание каталога было задумано замечательным ученым, прекрасным специалистом в области истории русского и славянских языков и письменности Анной Пеннингтон, которая и начала, но, к сожалению, не успела завершить работу над ним. После смерти исследовательницы работа по составлению каталога была продолжена и успешно завершена ее сотрудником Ральфом Клеминсоном. Осуществление издания было бы немыслимо без поддержки Центра славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета и Британской академии, а также без участия и помощи друзей и коллег Анны Пеннингтон и, особенно, директора Центра славянских и восточно-европейских исследований профессора М. Бранча и профессора Дж. Симмонса.

Каталог включает 204 описания кодексов, свитков или их фрагментов, расположенных в алфавитном порядке по месту хранения памятников, начиная от Cambridge, Fitzwilliam Museum и кончая Windsor, Eton College. Внутри каждого подобного раздела описания помещаются в соответствии с хронологией рукописей.

Любой каталог преследует как минимум две цели: зафиксировать состояние описываемого материала на данный момент и сделать сведения об этом материале максимально доступными для исследователя. Собрание под одной обложкой описаний столь разновременных рукописей, объединенных лишь тем, что все они написаны кириллицей, отвечает именно первой цели, и, конечно, в этом смысле каталог не идеален. Все-таки такой разнообразный материал, как рукописи, должен бы был, наверное, располагаться прежде всего в соответствии с хронологией и типом (содержанием) текстов, поскольку материал в каталоге должен быть подчинен никак не логике простого, пусть даже и очень точного, перечисления, а внутренним связям описываемых объектов между собой и аналогичными объектами других собраний. А каталог, составленный Р. Клеминсоном, при его иногда, пожалуй, излишней детальности дает скорее занимательную картину того, как складывались в Великобритании и Ирландии коллекции (особенно малые) памятников славянской письменности.

И хотя специалист, занимающийся одновременно, например, и древнеславянскими рукописями и светскими сочинениями XX в., представляет собой скорее редкое исключение, исследователь-специалист в любой из этих областей оценит удобство каталога и его несомненную ориентацию на нужды ученых. Общий хронологический указатель облегчает пользование изданием так же, как тщательно составленные указатели произведений, имен и географических названий. Следует особо упомянуть заключающий каталог инципитарий, а так же перечень альбомов филиграней и обширный список литературы, упоминаемой в издании.

⁵ Аннотированный перечень изданий PPS с указанием рецензий в русской печати (как продолжение библиографии 1959 г. С.А. Клепикова) см. в статье Ю.В. Андрушайтите "Материалы к библиографии по филиграноведению" (Методологические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1). В связи с недостатком информации на с. 99 готовящегося переиздания труда Н.П. Лихачева неправильно названо факсимильным.

В описаниях, представленных в каталоге, исследователь не найдет ничего принципиально нового. Каждая статья описания начинается с указания на место хранения кодекса (включая его шифр или инвентарный номер), название, страну написания и датировку. Само описание состоит из нескольких логически обоснованных разделов, которые можно было бы объединить в две группы. В первую войдут разделы, посвященные всему тому, что относится к первоначальному виду памятника и являются его обязательной частью; во вторую – нерегулярные особенности и то, что свидетельствует об истории кодекса.

Общее кодикологическое описание включает в себя сведения о составе тетрадей (впрочем, наверное, не такие уж и необходимые), материале рукописи, филигранях (для бумажных кодексов), ее размерах, разлиновке листов, чернилах, почерках писцов, украшениях, переплете. Обязательно в особый раздел выделяются сведения о составе и содержании памятника. А говоря о языке рукописи, составитель в ряде случаев не ограничивается простой констатацией и дополняет ее указаниями на характерные лингвистические особенности.

Обнаруживаемые на полях кодексов записи передаются полностью, но к сожалению, и это несомненный недостаток, составитель этим ограничивается и не приводит хотя бы предполагаемую датировку. Для тех памятников, для которых установление такой информации оказывается возможно, отдельно указывается непосредственный источник поступления в собрание. Завершается описание списком литературы, посвященной специально рукописи, или той литературы, в которой рукопись упоминается.

Главное же и несомненное достоинство каталога, которое делает его привлекательным для широкого круга специалистов, состоит в том, что впервые наряду с описаниями рукописей таких всемирно известных хранилищ, как Бодлеанская или Британская библиотеки, помещаются описания кодексов, находящихся в малых собраниях, кодексов, чьи описания не существовали ранее или были крайне малодоступны.

В 1987 г. вышел в свет путеводитель Джанет Хартли "Указатель документов и рукописей в Великобритании, относящихся к России и Советскому Союзу"⁶. Он был подготовлен в Центре славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета и явился результатом трехлетнего труда, предпринятого с 1982 по 1985 г. Его целью было впервые систематизировать сведения о местонахождении документальных материалов по истории России и Советского Союза в Великобритании. Такой путеводитель во многом открывает новые возможности изучения русской истории и взаимоотношений России и Англии, которые всегда отличались большим многообразием.

Интенсивность контактов двух стран выразилась в большом количестве документальных материалов, находящихся в 331 британском хранилище, а также в частных собраниях. Учитывались материалы как официального, так и частного происхождения, рукописи литературных произведений и корректуры опубликованных книг, карты, планы, нотные записи, фотографии. В некоторых случаях отмечалось также наличие магнитофонных записей (когда они указывались в каталогах, которыми пользовались составители при подготовке справочника) и газетные вырезки. Более 800 запросов было послано хранилищам, включая государственные архивы всех уровней, библиотеки, музеи, а также банкам и фирмам, связанным деловыми и торговыми отношениями с нашей страной, политическим партиям и крупным профсоюзным организациям, научным, культурным, религиозным обществам и организациям. Указатель отразил материалы,

⁶ Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the United Kingdom Relating to Russia and the Soviet Union. L.; N.-Y., 1987. См. о нем: Степанский А.Д. Россия в британских архивах // ОА. 1994. № 6.

связанные с Россией, в Паблик Рекорд оффис (хранящем документы государственных и правительственных учреждений), архиве Палаты лордов, Государственном архиве и библиотеке Индии, а также в рукописных отделах Британской библиотеки, Национальных музеях армии и флота, Королевского общества, редакции газеты "Таймс", Конгресса трейд-юнионов, лейбористской партии и др. Составители не ставили своей целью собрать абсолютно полный перечень сведений о России в Великобритании и поэтому указатель не претендует на то, чтобы быть исчерпывающим изданием по этому вопросу. Задача его более прагматична – не делая ставку на идеальную полноту справочника, как можно шире показать коллекции, содержащие россику. Представлены хранилища 125 городов Великобритании, включая Шотландию, Уэльс и Северную Ирландию. Треть их (104) находятся в Лондоне, а в 78 городах указано по одному хранилищу. Справки так и расположены – в алфавитном порядке городов, а внутри каждого города – по алфавиту хранилищ.

Специальный раздел в конце Указателя посвящен документам частных коллекций. В приложении № 1 помещены находящиеся в частном владении материалы, описанные в печатных отчетах Королевской комиссии по историческим рукописям и перечисленные в Национальных регистрах архивов. В приложении № 2 описаны неучтенные материалы из частных собраний. Справочник снабжен подробным предметно-географическим указателем.

Документы, указанные в справочнике, отражают практически все сферы взаимоотношений двух стран, история которых насчитывает уже 400 лет. Переписка государственных деятелей России и Англии открывается письмами Ивана IV и Елизаветы I (большое число их хранится в Британской библиотеке и библиотеке Кембриджского университета). Елизавета, проявлявшая большой интерес к России, оставила множество документов, связанных с нашей страной: письма, договоры, инструкции послам и купцам. Среди государственных деятелей более позднего времени в Указателе представлены все русские императоры, Е.Р. Дашкова, С.Р. и М.С. Воронцовы, А.И. Гучков, А.Ф. Керенский, а в советское время – В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий, М.М. Литвинов и др. Среди наиболее полно представленных сторон взаимоотношений России и Англии на одном из первых мест – дипломатическая деятельность. Особый интерес вызывают фонды посольств и консульств в Петербурге, Москве, Варшаве, Таллине и других городах. Большую источниковедческую ценность представляют материалы, принадлежавшие англичанам, жившим в России – предпринимателям, журналистам, ученым, оставившим переписку, отчеты, дневниковые записи о жизни в нашей стране.

Особенно хорошо документирована история Крымской войны. Большой комплекс таких материалов хранится в Историческом музее медицинского колледжа королевской армии, военных музеях армии и флота. Обширная коллекция материалов о Флоренс Найтингейл включает в себя ее переписку, отчеты, документы об организации службы медицинских сестер в Крыму (Грейтер Лондон Рекорд оффис). В архивах университетов и научных обществ сохранилось множество документов, освещающих интенсивные научные связи между британскими и русскими учеными в XIX–XX вв. В библиотеке Кембриджского университета хранится переписка Ч. Дарвина с В.О. и А.О. Ковалевскими, Э. Резерфорда с П.Л. Капицей. Большой интерес представляет коллекция Э.Х. Миннса, содержащая переписку с русскими и советскими историками искусства, археологами и этнографами, среди которых В.М. Алексеев, И.Э. Грабарь, Б.Д. Греков, Н.П. Кондаков, Н.П. Лихачев и др. Среди русских ученых, указанных в справочнике – Д.И. Менделеев, Ф.П. Литке, Н.И. Пирогов, Н.В. Склифосовский, Н.В. Тимофеев-Ресовский.

Говоря об английской архивной россики, необходимо упомянуть письма

Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.С. Лескова, А.М. Горького и др. Письма И.С. Тургенева Томасу Карлейлю и письма В. Скотту от В. Давыдова и А.Е. Измайлова находятся в Шотландской национальной библиотеке, 13 писем и телеграмм П.И. Чайковского – в коллекции Адольфа Бродского в библиотеке музыкального колледжа в Манчестере.

Особую группу материалов представляют личные фонды русских деятелей, живших и работавших в Англии. В библиотеке Эдинбургского университета хранятся 400 писем и 60 открыток М.А. Алданова и его жены И.А. Бунину. В Русском архиве университета в Лидсе находится большое собрание, включающее документы И.А. Бунина, Л.Н. Андреева и его сыновей Вадима и Даниила, А.М. Ремизова, Д.П. Святополк-Мирского, З.И. Гржебина. Здесь хранятся документы семьи Ю.В. Ломоносова, корреспондентами которой были Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, К.И. Чуковский и др.

Прекрасно подготовленный и неоценимый в разработке проблем англо-русских связей Указатель может быть продолжен и в дальнейшем. Составители предполагают его продолжить по мере получения новых и более подробных сведений о местонахождении интересующих их материалов. А в 1994 г. Дж. Хартли выпустила "Указатель документов и рукописей в Ирландской республике, относящихся к России и Советскому Союзу"⁷. Указатель подготовлен в Центре славянских и восточно-европейских исследований Лондонского университета. Построен Указатель по такому же принципу, как и предыдущий, и содержит сведения о 16 хранилищах в 6 наиболее крупных городах Ирландии. Среди 13 хранилищ Дублина – Национальная библиотека Ирландии, Национальный и военный архивы Ирландии, Королевская Ирландская библиотека, архив Коммунистической партии Ирландии, архив Национального ботанического сада. К сожалению, архив Коммунистической партии Ирландии находится в процессе каталогизации и описан самым общим образом. Большая часть документов, учтенных в этом указателе, относится к Советскому Союзу и освещает главным образом историю дипломатических и экономических отношений двух стран.

⁷ Hartley J.M. Guide to Documents and Manuscripts in the Irish Republic Relating to Russia and the Soviet Union. L. 1994.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА С.Ф. ПЛАТОНОВА (с 1923 г.)*

Среди имен историков, возвращенных читателям в последнее время, одно из почетных мест занимает имя академика С.Ф. Платонова (1860–1933). Известный историк, председатель Археографической комиссии, глава Петербургской исторической школы, он был репрессирован по "Делу Академии наук" (1929)¹. Его творческое наследие долгое время оставалось доступным лишь специалистам. С 1991 г. началось переиздание трудов С.Ф. Платонова, вызвавшее широкий читательский интерес. Ниже мы публикуем список трудов русского историка, которые не вошли в ранее опубликованные указатели.

1923

- Иван Грозный (1530–1584). Пб. 160 с.
Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Пб. 80 с.
Смутное время: Очерк истории внутреннего кризиса и общественной борьбы в Московском государстве XVI–XVII веков. Пб. 166 с.
Иван Грозный в русской историографии // Русское прошлое: Ист. сб. Пг.; М. Т. 1. С. 3–12.
Строгановы, Ермак и Мангазея // Там же. Т. 3. С. 3–8.
Ред.: Русское прошлое: Ист. сб. Пг.; М. Т. 1. 142 с.; Т. 2. 158 с.; Т. 3. 158 с.; Т. 4. 156 с.; Т. 5. 160 с. Совм. с Ю.А. Гессеном и А.Е. Пресняковым.

1924

- Социальный кризис Смутного времени: Памятники социально-экономической истории России. Л. 208 с.
Иван Грозный: [Ист. очерк]. Берлин. 136 с.
Борис Годунов: [Ист. очерк]. Прага. 280 с.
Прошлое русского Севера: Очерки по истории колонизации Поморья. Берлин. 107 с.
Смутное время. Прага. 244 с.
Учебник русской истории. Для средней школы: Курс систем. Прага. Ч. 1. 283 с.
Владимир Степанович Иконников: [Некролог] // ИАН. Отд. гуманит. наук. Т. XVIII, № 1/11. С. 13–16.

* © Составитель В.А. Колобков.
Библиография до декабря 1922 г., подготовленная Б.А. Романовым, опубликована: Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пб., 1922. С. VII–XII.

¹ Колобков В.А. Сергей Платонов: год накануне ареста // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ: История России XIX–XX вв.: Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 156–174. См. также: Академическое дело 1929–1931 гг. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова.

1925

- Учебник русской истории. Для средней школы: Курс систем. Прага. Ч. 2. 208 с.
Москва и Запад в XVI–XVII веках. Л. 150 с.
History of Russia / Ed. by F.A. Golder. L. 435 p.
History of Russia / Ed. by F.A. Golder. N.-Y. 435 p.
Охраните ценнейший памятник: Письмо в редакцию // Красная газ. 1925. 4 июня.

1926

- Москва и Запад. Берлин. 155 с.
Петр Великий: личность и деятельность. Л. 113 с.
Из бытовой истории Петровской эпохи: I. Бенго-коллегия или Великобританский монастырь в Петербурге при Петре Великом // ИАН СССР. № 7/8. С. 527–546.
Из бытовой истории Петровской эпохи: II. Любимцы Петра Великого: Медведь, Битка и др. // ИАН СССР. Т. XX, № 9. С. 655–678.
Иван Андреевич Линниченко: Некролог // ИАН СССР. Т. XX, № 15/17. С. 1415–1416.

1927

- Дальнее прошлое Пушкинского уголка: Ист. очерк. Л. 62 с.
Петр Великий: Личность и деятельность. Париж.
Библиотечное дело // Академия наук СССР за 10 лет, 1917–1927. Л. С. 188–200.
История // Там же. С. 83–95.
Орден Иуды 1709 года // Летопись занятий Постоянной Историко-археографической комиссии за 1926 г. Л. Вып. I(34). С. 193–198.
Книга расходная. С.-Петербургского Комиссариата Соляного правления 1725 года // Там же. С. 276–278.
А.Н. Филиппов: Некролог // ИАН СССР. Сер. IV. № 3/4. С. 161–163.
Н.Д. Чечулин: Некролог // Там же. С. 164–166.
Краткий очерк С.Ф. Платонова о командировке в Москву летом 1927 г. // Там же. № 18. С. 1722–1723.
Geschichte Russlands vom Beginn bis zur Jetztzeit. Leipzig. 462 S.
Из воспоминаний // Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь. Т. 1(58). С. 132–137. [Воспоминания о А.А. Куnine, В.О. Смирнове и др.]

Ред.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово // Тр. Пушкинского Дома АН СССР. Л. Вып. 48.

1928

Пушкин и Крым: (Памяти Б.Л. Модзалевского) // Изв. Таврич. о-ва истории, археологии и этнографии. Симферополь. Т. 2(59). С. 1-6.

Записка об ученых трудах Ю.М. Сибирцева // ИАН СССР. Отд. гуманит. наук. Т. XXII, № 8/10. С. 442-444. Совм. с М. Богословским и Н. Лихачевым.

Что такое "цыркуль-зем"? // Зап. историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Л. Т. 1. С. 1-8.

1929

Б.И. Кураки и А.П. Прозоровский (1697-1720) // Докл. АН СССР. Сер. В. № 12. С. 236-243.

Личность А.Ф. Кони // Памяти Анатолия Федоровича Кони. М. С. 9-22.

Проблема русского Севера в новейшей историографии // ЛЗАК за 1927-1928 гг. Л. Вып. 35. С. 105-114.

Проблема русского Севера в новейшей историографии // Deutsche Gesellschaft zum Osteuropäischen Forschungen. Neue Folge. V. Bd. 6. S. 189.

Boris Godounov, tsar de Russie, 1598-1605 / Par H. de Witte. P. 269 p.

Histoire de la Russie des origines à 1918. P. 991 p.

Рец.: Яркий самоцвет русской литературы (Памятники истории старообрядчества XVII в. Кн. 1, вып. 1 [Житие Аввакума] (РИБ. 1927. Т. 39)) // Вестн. "Знания". 1929. № 1. С. 9-11.

1930

А.Е. Пресняков: [Некролог] // ИАН СССР. Отд. гуманит. наук. Сер. VII. № 2. С. 83-86.

1931

La Russie chretienne // Le monde musulman et byzantin jusqu'aux Croisades / Par Gaudefroy-Demombynes. P. 594 p. (Histoire du Monde; T. 7, N 1).

1932

La Russie Moscovite. P. XII + 251 p. (Histoire du Monde; T. 8, N 4).

1937

Материалы из учебника по русской истории проф. С.Ф. Платонова для классных занятий в Высшей школе пропагандистов им. Я.М. Свердлова при ЦК ВКП(б). М. 163 с. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М. IV + 499 с.

1945

Учебник русской истории. Буэнос-Айрес. 366 с.

[1991]

Иван Грозный (1530-1584). М. 160 с. Репринт. Пг. 1923.

1992

Учебник русской истории: Курс систем.: В 2 ч.: Для средней школы. М. 400 с.

1993

Лекции по русской истории. М. 736 с.

Учебник русской истории. СПб. 430 с.

Собрание сочинений по русской истории: В 2 т. СПб. Т. 1: Лекции по русской истории: Учебник русской истории. 733 с.

1994

Лекции по русской истории. М. Ч. 1-2.

Собрание сочинений по русской истории: В 2 т. СПб. Т. 2. Биогр. произв.; Ист. очерки. 640 с.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ АКАДЕМИКА Б.А. РЫБАКОВА (с 1978 г.)*

1978

- Былины // Русское народное поэтическое творчество. М. С. 188–229. Совм. с А.М. Новиковой.
- Выступление Б.А. Рыбакова на годовом Общем собрании АН СССР // ВАН. № 6. С. 30–31. [Об охране памятников].
- Историзм археологии // КСИА. Вып. 152. С. 5–7.
- Исторические судьбы праславян // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VII Междунар. съезд славистов, Загреб–Любляна, сент. 1978 г. М. С. 182–196.
- К 70-летию акад. А.П. Окладникова // ИСССР. № 5. С. 222–224. Совм. с И.Д. Ковальченко, В.В. Алексеевым.
- Трактат, написанный на корабле: (О христианских верованиях славян) // Наука и религия. № 6. С. 46–50; № 7. С. 39–42.
- 60-летие Удальцовой З.В. // ВИ. № 3. С. 116–118. Совм. с Ю.В. Бромлеем, К.А. Осиповой.
- Энциклопедия археологии (Об издании Археология СССР) // Известия. 17 марта.

1979

- Геродотова Скифия: Истор.-геогр. анализ. М. 247 с.
- Рец.: Буганов В.И.* "Отец историн" о скифах и древних славянах // Новый мир. 1980. № 8. С. 256–259; *Крузлик И.Т., Удальцова З.В.* // ВИ. 1980. № 4. С. 135–140. *Яйленко В.П.* К вопросу об идентификации рек и народов геродотовой Скифии // СЭ. 1983. № 1. С. 54–65. *Hrala J.* // *Archeologicke rozhledy XXXIV – 1982.* I. Academia. Pr. С. 106–107.
- Космогоническая символика "чудских" шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. Л. С. 7–34.
- Вступительное слово // Там же. С. 5.

© Составитель И.А. Гей.

* Библиографию Б.А. Рыбакова до 1978 г. см.: Борис Александрович Рыбаков: Материалы к библиографии ученых СССР. Сер. Истории. 2-е изд., доп. М., 1978. Вып. 12.

Следует отметить постоянную деятельность Б.А. Рыбакова как ответственного редактора периодических изданий Археология СССР (выходит с 1981 г.; с 1994 г. называется "Археология"). М.; Свод археологических источников. М.; Л.; Полное собрание русских летописей. М.; Археологические открытия (с 1965 по 1982 г.). М., как редактора и одного из авторов учебника по отечественной истории для средней школы). М., как члена редколлегии журнала "Советская археология" (с 1992 г. называется "Российская археология").

11 Археографический ежегодник за 1993 год

- Заключительное слово (на заседании симпозиума) // Там же. С. 161.
- 50-летие В.Л. Янина // ВИ. № 1. С. 110–112. Совм. с А.Д. Горским, Б.А. Колчиным.
- Методологические проблемы общественных наук. М. Разд. V. Гл. 2. С. 338–342.
- Смерды // ИСССР. № 1. С. 41–58; № 2. С. 36–57.
- Древние городища под ножом бульдозера // Лит. газ. 3 окт. С. 13.
- Ред.: Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв.: Сб.ст. М. 392 с. Совм. с др.*

1980

- Город Кня: (Из истории древней Русн V–VI вв.) // ВДИ. 1980. № 5. С. 31–47.
- Орнамент сквозь века // Юный художник. № 2. С. 17–22.
- Полюдь // Тез. докл. сов. делег. на IV Междунар. конгр. слав. археологии, София, сент. 1980. М. С. 3.
- Предисловие // КСИА. № 163. (Институту археологии 60 лет). С. 3–4.
- Славы русской юбилей: К 600-летию Куликовской битвы. [Беседа] // Огонек. № 36. С. 8–9.
- Ред.: Кирпичников А.Н.* Древний Орешек: Ист.-археол. очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л. 127 с.
- Ред.: Кирпичников А.Н.* Куликовская битва. Л. 124 с.
- Ред.: Сокровища Алмазного фонда СССР: Альбом. Сост. Н.Я. Баулин, В.И. Домов. М.: Изобраз. искусство. 167 с. (Переизд. в 1986 г.).*

1981

- Язычество древних славян. М. 607 с.
- Ред.: Арутюнов С.А.* // СЭ. 1982. № 4. С. 154–161; *Бегунов Ю.К.* Древнеславянское язычество и русская культура // Рус. лит. 1983. № 4. С. 211–216; *Григулевич И.Р., Бобрин Н.П.* // Религии мира: История и современность: Ежегодник, 1982. С. 270–272; *Дедюхин Б.* Глубины памяти народной // Волга. 1982. № 9. С. 131–143; *Плитченко А.* // Сиб. огни. 1982. № 1. С. 175–176; *Рогов А.И.* // ИСССР. 1982. № 5. С. 186–189; *Сахаров А.Н.* Исторические пути восточного славянства // ВИ. 1984. № 4. С. 120–137; *Угринович Д.М.* // ВФ. 1983. № 1. С. 165–166; *Dunn S.P.* // *Slavic Review.* Champaign (Ill.), 1983. Vol. 42, N 4. P. 682–684.
- Лада: (Культе весеннего земледельческого божества: Всесоюз. науч. конф., посвящ. новейшим открытиям в обл. археологии и 100-летию археологического съезда, 21–26. IV 1981 г. Тбилиси. С. 17.

321

Новая концепция предыстории Киевской Руси // ИСССР. № 1. С. 55–75; № 2. С. 40–59.
К тайнам земли: [Интервью]. // Лит. газ. 19 дек. [Руководитель симпозиума]. Позднейшие судьбы черняховской культуры: Программа симпозиума. Каменец-Подольский. 7 с.
Ред.: Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазей: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. М. Ч. 2. 147 с.
Ред.: Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М. 167 с.

1982

Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М. 591 с.

Рец.: Горский А.Д., Удальцова З.В. Книга о древней Руси // Коммунист. 1983. № 3. С. 123–126; Каргалов В., Ранов О. Истоки // Молодая гвардия. 1984. № 6. С. 256–267; Милов Л.В. Генезис и развитие древнерусского государства // ИСССР. 1983. № 2. С. 105–120; Новосельцев А.П. "Мир истории" или миф истории // ВИ. 1993. № 1. С. 23–32; Сахаров А.Н. Исторические пути восточного славянства // ВИ. 1984. № 4. С. 120–137; Grala H. // Przegląd historyczny. W-wa, 1984. T. 74, R. 2. S. 311–318; Hurwitz E.S. // American Historical Review. Wash., 1984. Vol. 89, N 2. P. 487–488.

К 1500-летию Киева (В статье: И. Белоконь. Утро творения) // Москва. № 3. С. 141–166.

Киев на заре своей истории // ВАН. № 9. С. 35–50.

Колыбель отечественной государственности // Коммунист. № 7. С. 88–98.

"Кто в Киеве нача первое княжити": (К 1500-летию основания Киева) // Наука и жизнь. № 4. С. 36–42.

Предисловие. Задонщина. Летописная повесть о побойще на Дону // Сказание о Мамаевом побойще. М. С. 5–10.

Учитель многих // Исследование по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М. С. 115–117.

Киеву – 1500 лет: [Беседа с историком и археологом акад. Б.А. Рыбаковым (зап. И.Б. Еськина)]. // Рус. речь. № 2. С. 3–11.

Київ на свѣтанку своєї історії // ВАН УРСР. Київ. № 8. С. 13–24.

Столиці Радянської України – півтори тисячі років // Укр. іст. журн. № 5 (254). С. 16–25.

Die Kultur des mittelalterlichen Nowgorod // Wikinger und Slawen. В. S. 240–262.

Ред.: История Киева: В 3 т., 4 кн. (чл. редкол. Ю.Ю. Кондуфер и др.). Киев.

Ред.: Плетнева С.А. Кочевники средневековья: Поиски ист. закономерностей. М. 188 с.

Ред.: Третьяков П.Н. По следам древних славянских племен. Л. 141 с.

1983

70-летие П.А. Жилина. // ВИ. № 3. С. 106–107.
75-летие акад. М.П. Кима: Историк // ВИ. № 5. С. 102–104. Совм. с Ю.С. Кукушкиным.
Академик Б.А. Рыбаков отвечает на вопросы кор. еженедельника "Неделя" // Неделя: Воскр. прил. к газ. "Известия". № 50. С. 13.
Века на шкале науки // Моск. правда. 29 апр.
Живое слово: Киев принимает славистов // Правда Украины. 7 сент.
Из глубин человеческого бытия // Раб. газ. 11 сент.

Нетленная история // Веч. Москва. 5 дек.
Редакция отвечает Институт археологии АН СССР: [Ответ на статью "Охотники за кладом", опубли. в газ. "Советская культура" 15 февраля 1983 г.] // Сов. культура. 12 мая. С. 2.
Kiev à l'aube de son histoire // Sciences sociales. N 3. P. 10–25.

То же на англ., нем., исп. яз.
Pierwsze wieki historii Rusi. W-wa. 199 s.

Отв. ред.: История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник для высшей школы / Сост. М.Г. Белявский, А.К. Леонтьев, Г.А. Новицкий и др.] М. 415 с. Гл. 1–5; гл. 6 § 1, 2 // Там же. С. 1–83.

Отв. ред.: Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины: [Материалы юбил. науч. конф. 8–10 сент. 1980 г.]. М. 312 с.

Куликовская битва: [Речь в Колонном зале Дома Союзов, М., 8 сент. 1980 г.] // Там же. С. 5–15.

Отв. ред.: Музеи Академии наук СССР и академий наук союзных республик / Ред.-сост. Г.А. Анненкова, Г.П. Смирнова и др. М. 127 с.

Отв. ред.: Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII – начала XV в. М. 295 с.

1984

Из истории культуры Древней Руси: Исследования и заметки. М. 240 с. Рец.: Милов Л.В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси // Вестн. МГУ. 1986. № 6. С. 25–38.
Мир истории: Начальные века русской истории. М. 351 с. (Переизд. в 1987 г.).

Рец.: Новосельцев А.П. "Мир истории" или миф истории // ВИ. 1993. № 1. С. 23–32.
Предисловие к изданию Археология СССР // Палеолит СССР. М. С. 5–8.

Нравственная сила истории [Беседа: Записали Б. Дугин, Г. Каралетян] // Журналист. № 3. С. 62–64.

Рец.: Вечно живое искусство (Некрасов М.А. Народное искусство как часть культуры) // Известия. 27 февр. С. 3.

Отв. ред.: Кучкин В.А. Формирование государственной территории северо-восточной Руси в X–XIV вв. М. 347 с.

Ред.: Новое в археологии СССР и Финляндии: (Докл. третьего советско-финл. симпоз. по вопросам археологии 11–15 мая 1981 г.). Л. 225 с.

Сампо и сейды // Там же. С. 74–82.

1985

- Городское язычество Древней Руси // Тез. докл. сов. делег. на V Междунар. конгр. слав. археологии. Киев. Сент. 1985. М. С. 5–6.
- Замок // Древняя Русь: Город, замок, село (Археология СССР). М. С. 94–96.
- Историзм "Слова о полку Игореве": К 800-летию "Слова о полку Игореве" // ИСССР. № 5. С. 36–51.
- Историческое осмысление "Слова о полку Игореве" // Коммунист. № 10. С. 47–51.
- Русский эпос и исторический нигилизм // Рус. лит. № 1. С. 156–160.
- За землю русскую!: (К 800-летию "Слова о полку Игореве") // Сов. культура. 24 окт. С. 6.
- Отв. ред.:* Очерки русской культуры XVIII века. Ч. 1. (Чл. редкол. В.А. Александров и др.). М. 384 с.
- Отв. ред.:* "Слово о полку Игореве" и его время: Сб. ст. (Чл. редкол. Л.П. Жуковская и др.). М. 415 с.

1986

- Историческая канва "Слова о полку Игореве" // Наука и жизнь. № 10. С. 98–106.
- Календарь древних славян // Сквозь века. Вып. 1: К истокам культуры народов СССР. М. С. 13–24.
- Культура средневекового Новгорода // Славяне и скандинавы. М. С. 298–312.
- О культуре Древней Руси: (Страницы истории, восстановленные археологами) // Твоя профессия. № 11. С. 31–40.
- Язычество и Древняя Русь // Наука и религия. № 12. С. 52–55.
- Міське язичество Давньої Русі // Наука і культура. Київ. С. 273–275.
- Отв. ред.:* Плетнева С.А. Хазары. М. 82 с.

1987

- Язычество Древней Руси. М. 783 с.
- Аристократическое язычество на Руси в XII в. // Тез. докл. конф. "Религиозные представления в первобытном обществе". М. С. 40–42.
- "Боричев увоз" в "Слове о полку Игореве" // Рус. речь. № 2. С. 98–104.
- Городское язычество Древней Руси // Тр. V Междунар. конгр. слав. археологии, Киев, 18–25 сент. 1985 г. М. Т. 1, вып. 1. С. 77–79.
- "Слово о полку Игореве" в веках и в современности // ВАН. № 1. С. 123–131.
- Язычество и Древняя Русь // Наука и человечество. М. С. 37–59.
- Отв. ред.:* Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря (Чл. редкол. Е.Н. Клитина и др.). М. 440 с.

- Отв. ред.:* От доклассовых обществ к раннеклассовым: Сборник М. 256 с.
- Отв. ред.:* Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 2 (Чл. редкол. А.Д. Горский и др.). М. 408 с.

1988

- Комплексная программа по истории культуры народов СССР // ИСССР. № 1. С. 130–142. Совм. с Ю.С. Борисовым.
- Русь дохристианская // Наука и жизнь. № 5. С. 46–54.
- Les premiers siècles de l'histoire russe // Le christianisme et la Russie. М. Р. 6–40.
- Земли родной минувшая судьба: [Беседа. К 1000-летию принятия христианства на Руси (записал А. Романов)] // Наука и религия. № 1. С. 2–4.
- Глубина памяти очень велика // Сов. Россия. 22 мая. С. 4.
- Объективная истина в истории... нонсенс? // Моск. комсомолец. 10 июля.
- Гл. ред.:* Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев, 18–25 сент. 1985 г.: В 4 т. М.

1989

- История и перестройка. М. 79 с.
- Kievian Rus. М. 386 p.
- Отв. ред.:* Музеи Академии наук СССР и академий наук союзных республик / Сост. Н.В. Жилина. М. 159 с.

1990

- Псалтырь стригольника Степана // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма: Сб. К 60-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Н.Н. Покровского. Новосибирск. С. 195–204.

1991

- Петр Бориславич. Поиск автора "Слова о полку Игореве". М. 287 с.

1993

- Стригольники (Русские гуманисты XIV в.). М. 335 с.
- Античный мир и ранние славяне // Лит. в shk. № 1. С. 33–41.
- Древние славяне и античный мир // Природа. № 10. С. 37–47.

1994

- Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII вв. // Радзивилловская летопись: Текст, иссл., опис. миниатюр. СПб.; М. С. 281–301.

III. ПУБЛИКАЦИИ

ИЗ ИСТОРИИ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ "ДЕЛА О ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ"

Результаты работы, как бы значительны они ни были, порой не позволяют в полной мере оценить стоящий за ними многолетний подвижнический труд. Примером этого является изданное в 1882–1884 гг. служащим Государственного архива Министерства иностранных дел Николаем Александровичем Гиббенетом (1825–1897 гг.) двухтомное "Историческое исследование дела патриарха Никона"¹.

События, связанные с судом и отрешением от патриаршества знаменитого главы русской православной церкви XVII в., в историографии известны как "дело о патриархе Никоне"². Основной комплекс документов, относящихся к этим событиям, к 1830-м гг. находился в двух хранилищах: Синодальной библиотеке и Государственном архиве Министерства иностранных дел. 30 октября 1833 г. заведовавший Синодальной библиотекой синодальный ризничий иеромонах Порфирий сообщал Московской конторе Синода о находке 395 рукописных сборников и других документов, не вошедших в каталог библиотеки³. Среди них оказались документы о суде над патриархом Никоном. По просьбе Андрея Николаевича Муравьева они были затребованы обер-прокурором Синода С.Д. Нечаевым⁴. Муравьев, вознамерившийся ознакомиться с ними, не умел "разбирать старинный почерк, и свитки сии оставались долго в ящике под столом у Нечаева", пока наконец не были возвращены в Синодальную библиотеку⁵. Заняться изданием документов "дела о патриархе Никоне" предполагал Николай Герасимович Устрялов. 17 марта 1834 г. А.С. Пушкин записал в своем дневнике: "Устрялов сказывал мне, что издает процесс Никонов. Важная вещь!"⁶

В 1835 г. в Государственный архив МИД из архива Сената были приняты на хранение документы Приказа тайных дел, состоящие в "столбцах и свертках". Тогда же было замечено, что "между столбцами находится много бумаг, касающихся до низведения Никона с патриаршеского престола"⁷.

¹ Гиббенет 21 июля 1850 г. был зачислен помощником столоначальника в С.-Петербургский главный архив МИД, а 1 апреля 1860 г. поступил на службу в Государственный архив МИД в качестве младшего архивариуса, впоследствии был назначен делопроизводителем VI класса, сменив умершего Пекарского. См.: РГАДА. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 772. Л. 40–47.

² *Субботин Н.И.* Дело патриарха Никона. М., 1862; Дело о патриархе Никоне / Подгот. Г.Ф. Штендманом. СПб., 1897; *Козлов О.Ф.* Дело Никона // ВИ. 1976. № 1. С. 102–114.

³ РГАДА. Ф. 1183 (Московская контора Синода). Оп. 1. (1833 г.). Д. 210. Л. 1–1 об.

⁴ Там же. Д. 225. Л. 1; Оп. 10 (1833 г.). Д. 103. Л. 1.

⁵ *Муравьев А.Н.* Мои воспоминания. М., 1913. С. 36–37. Муравьев и впоследствии проявлял интерес к личности Никона. В письме от 3 декабря 1862 г. он благодарил управляющего МГАМИД кн. М.А. Оболенского за доставку "сведений по делу патриарха Никона". См.: РГАДА. Ф. 180 (Канцелярия МГАМИД). Оп. 7. Д. 2295. Л. 4.

⁶ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Л., 1949. Т. 12. С. 322.

⁷ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–2, 4–4 об.

Первым из исследователей к изучению документов "дела о патриархе Никоне" приступил С.М. Соловьев⁸. По указу Синода от 9 марта 1860 г. хранившиеся в Синодальной библиотеке документы были распечатаны и в сентябре того года знаменитый историк ознакомился с ними⁹. В том же году управляющий МГАМИД князь М.А. Оболенский опубликовал "роспись делам об отречении от патриаршества патриарха Никона, отданным в Посольский приказ". Документ этот, писал Оболенский, "особенно потому заслуживает внимание наших археологов, что указывает, какие именно бумаги входили в состав дела о Никоне, и, тем самым, может навести на новые находки"¹⁰. В 1861 г. В.И. Ламанским были опубликованы хранящиеся в Государственном архиве МИД "различные грамоты, выписки и записки как самого патриарха Никона, так и вообще до него относящиеся"¹¹.

Изучением "дела о патриархе Никоне" занялся Гиббенет, которому сначала предстояло реконструировать состав документов этого "дела".

В 1864–1868 гг. Гиббенет участвовал в разборке и описании документов Государственного архива МИД. Работавший с ним Пекарский¹² в своих воспоминаниях писал о Гиббенете, что он "трудолюбивый, знающий разбирать старинные почерки и, при всей ограниченности образования и медлительности, какой я редко встречал, человек несомненно полезный и честно потрудившийся при разборке подмоченных бумаг, ядовитая пыль которых лезла в горло, глаза и нос; по неделям у него веки у глаз были совершенно красные, а глаза были близки к воспалительному состоянию"¹³.

В качестве инициатора издания документов "дела о патриархе Никоне" Гиббенет называл директора Государственного и С.-Петербургского главного архивов МИД К.К. Злобина. "С глубоким уважением и сожалением, – писал Гиббенет директору МГАМИД барону Ф.А. Бюлеру, – вспоминаю покойного Константина Константиновича, который с полной готовностью делился своими познаниями, сведениями и материалами своей библиотеки. По его мысли я предпринял литературный труд, которым в настоящее время занимаюсь, исполняя, таким образом, как бы завет его"¹⁴.

В марте 1866 г. кандидат С.-Петербургского университета Г.Ф. Штендман был допущен в Государственный архив МИД "для занятий в оном по актам допетровского времени"¹⁵. Уже тогда Штендман ознакомился с документами о патриархе Никоне. 29 марта 1875 г. Археографическая комиссия приняла

⁸ См. об этом: *Зызыкин М.В.* Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1939. Ч. 3. С. 297.

⁹ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. (1859 г.) Д. 141. Л. 7, 9–9 об.

¹⁰ *Оболенский М.А.* Новые материалы для истории следственного дела над патриархом Никоном // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России 1859 г. СПб., 1860. Кн. V. С. 1.

¹¹ См.: Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. VIII. В мае 1859 г. старшему архивариусу Государственного архива МИД В.И. Ламанскому было поручено выявление и копирование документов, "которые он признает наиболее любопытными и полезными для науки", предполагавшихся к публикации в изданиях Русского археологического общества. В феврале 1861 г. та же работа была возложена и на П.П. Пекарского. См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 140. Л. 6–6 об., 8–8 об.

¹² Петр Петрович Пекарский поступил на службу в Государственный архив МИД 29 марта 1862 г. в качестве старшего архивариуса; 1 июля 1868 г. он был назначен делопроизводителем VI класса, т.е. фактически заместителем директора. См.: РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 772. Л. 35–39.

¹³ Цит. по: *Бычков И.А.* Воспоминания П.П. Пекарского об его службе в Государственном архиве // ЛЗАК за 1926. Л., 1927. Вып. 1(34). С. 270–271.

¹⁴ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 21 об.

¹⁵ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 198. Л. 6. Штендман Георгий Федорович (1836–1903) – секретарь Императорского Русского исторического общества с 1879 г.

решение об издании "дела о патриархе Никоне" под редакцией Г.Ф. Штендмана¹⁶. Дело о Никоне из Синодальной библиотеки было выслано в Синод, в архиве которого Штендман и имел возможность с ним работать¹⁷. В марте 1876 г. Штендман получил допуск в Государственный архив МИД¹⁸.

По-видимому, в начале 1876 г. Гиббенет занялся разбором документов "дела о патриархе Никоне", которое он определял как "важнейшее и самое секретное"¹⁹ из судебно-следственных производств Приказа тайных дел. 8 января 1878 г. Гиббенет составил докладную записку государственному канцлеру А.М. Горчакову, в которой он заявлял о намерении "издать в свет бумаги Приказа тайных дел"²⁰ и получил на это разрешение с условием, что осуществит издание не на средства Министерства иностранных дел²¹, однако своих средств у Гиббенета не было, и он обратился за помощью к директору МГАМИД барону Ф.А. Бюлеру. 10 января 1878 г. он писал ему, что "дела, касающиеся до патриарха Никона, разобраны окончательно, вполне составлены и каждый столбец отделен и подробно описан". Среди разобранных дел "есть такие документы, которые еще неизвестны в истории и нигде не были напечатаны"²². Гиббенет просил рекомендовать его "в какое-либо ученое общество", которое бы согласилось принять документы к публикации²³. Бюлер выразил желание оказать помощь.

17 февраля 1878 г. Гиббенет сообщал Бюлеру о подготовке статьи о появлении патриарха Никона в Москве в декабре 1662 г., которую надеялся прислать Бюлеру для публикации, по его усмотрению в "Русском вестнике" или "Чтениях". "Два посещения Никоном Москвы (в 1662 и 1664 гг.), – писал Гиббенет, – в "Истории" Соловьева смешаны в одно, и то, что случилось прежде, поставлено после. Но я в своей статье не ссылаюсь на господина Соловьева из опасения и из скромности"²⁴.

Свое обещание прислать статью через неделю, "не позже", он, по-видимому, не выполнил²⁵ и вновь обратился за помощью к Бюлеру уже в 1880 г., заявляя о намерении "предварительно издания всего исследования" подготовить и "напечатать в одном из журналов отдельные статьи", надеясь закончить одну из них "в непродолжительном времени"²⁶. В октябре того же года Бюлер выслал Гиббенету проверенный по его просьбе, с подлинниками, первый том известного издания МГАМИД "Письма русских государей и других особ царского семейства", оказав тем самым Гиббенету, по его признанию, "величайшее одолжение"²⁷.

Время для своих исследований Гиббенету приходилось выкраивать с трудом. "Положение мое такое, – признавался он Бюлеру, – что я ни одного дня не могу

¹⁶ Там же. Д. 319. Л. 1–1 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1. (1875 г.). Д. 109. Л. 7–8 об., 17. Кроме Соловьева и Штендмана, хранившиеся в Синодальной библиотеке документы "дела о патриархе Никоне" изучал (в 1882 г.) П.Ф. Николаевский (Там же. (1882 г.). Д. 79. Л. 2–3), который затем подготовил книгу "Жизнь патриарха Никона в ссылке и заключении после осуждения его на Московском соборе 1666 года" (СПб., 1886).

¹⁸ РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 319. Л. 1–1 об.

¹⁹ Там же. Ф. 184 (С.А. Белокуров). Оп. 1. Д. 474. Л. 6.

²⁰ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 797. Л. 6.

²¹ Там же. Л. 7.

²² Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 1 об.

²³ Там же. Л. 2 об.

²⁴ Там же. Л. 5 об.

²⁵ 16 ноября 1878 г. Бюлер писал ему: "Когда же Вы мне пришлете обещанную статью об Никоне?" (РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3218. Л. 10). Возможно задержка была связана со сменой руководства Государственного архива МИД.

²⁶ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 15 об.–16.

²⁷ Там же. Л. 21.

пропустить, чтобы не быть на службе; в последние годы я не мог воспользоваться даже ни одним летним днем, так как на мне лежит ответственность по справкам в дипломатическом архиве²⁸ и обязанность в удовлетворении требований занимающихся по Государственному архиву"²⁹. Ответственная служба не приносила, однако, достаточного заработка. "Средства мои очень ограничены, – писал Гиббенет Бюлеру, – я имею большое семейство, – из числа моих детей трое учащихся, – поэтому я не всегда могу уделять от моего жалования на покупку нужных мне книг"³⁰.

В письме Бюлеру 9 мая 1882 г. Гиббенет выразил желание "воспользоваться сведениями о русском первосвятителе" из документов МГАМИД³¹ и, вслед за этим, ему было разрешено получать документы архива, которые высылались для него в С.-Петербург в течение десяти лет, кроме того, для него в МГАМИД наводились справки (о Паисии Лигариде и др.)³². Из Государственного древлехранилища хартий и рукописей Гиббенету высылались письма патриарха Никона царю Алексею Михайловичу³³.

Сотрудничество Гиббенета со Штендманом, возможность которого Гиббенет не отвергал, не состоялось. Гиббенет объяснял это нежеланием Штендмана совместно осуществлять редактирование издания документов. Как бы то ни было, но после выхода первого тома "Исторического исследования дела патриарха Никона" Археографической комиссии ничего не оставалось, как принять 19 февраля 1883 г. решение издать "дело о патриархе Никоне" отдельно, "в том составе, в котором оно хранится" в Синодальной библиотеке³⁴. В 1884 г. был издан второй том "Исторического исследования".

Гиббенет готовил и третий том своего издания, о чем сообщил Бюлеру³⁵. Обращался Гиббенет и к С.А. Белокурову, прося его помочь в поиске документов, "которые почему-либо относятся до патриарха Никона и ко времени его патриаршества"³⁶. О бумагах Приказа тайных дел Гиббенет писал Белокурову 8 февраля 1892 г.: "Для того, чтобы ими пользоваться с научною целию, нужно их опытному лицу тщательно описать, а потом классифицировать и составить правильные дела. Я было и принялся за этот труд, но мне помешали, и я принужден был остановиться. Очень грустно вспоминать об этом. Но что же делать?!"³⁷ Однако исследовательскую работу Гиббенет не прекращал. До 1895 г. он был занят изучением "сысского дела о бывшем бунте во Пскове 1650 г."³⁸. Завершить подготовку третьего тома своего "Исторического исследования" Гиббенету не удалось. Он намеревался также «составить для издания в печати "Исторический очерк Государственного архива"»³⁹, но и этот замысел остался неосуществленным. Изданием своего исследования Гиббенет

²⁸ Очевидно, имеется в виду С.-Петербургский главный архив МИД.

²⁹ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 15–15 об.

³⁰ Там же. Л. 21 об.

³¹ Там же. Л. 32–32 об.

³² Там же. Л. 61–62.

³³ Там же. Оп. 10. Д. 52. Л. 16. Семь писем патриарха Никона царю Алексею Михайловичу были обнаружены в июле 1832 г. в Сенатском архиве "при разборе дел бывшей Тайной канцелярии" и в январе 1833 г. переданы на хранение в МГАМИД. См.: Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 31. Л. 7; Д. 32. Л. 1–1 об.; Д. 1196. Л. 2–3.

³⁴ Дело о патриархе Никоне. С. XII. В 1892 г. документы "дела о патриархе Никоне" были высланы в архив Синода, где они сверялись с корректурой готовящегося Штендманом издания. См.: РГАДА. Ф. 1183. Оп. 1 (1892 г.). Д. 14. Л. 3, 6–6 об.

³⁵ РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 70.

³⁶ Там же. Ф. 184. Оп. 1. Д. 474. Л. 1 об.

³⁷ Там же. Л. 6.

³⁸ Там же. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3466. Л. 107.

³⁹ Там же. Ф. 31. Оп. 1. Д. 797. Л. 33–33 об.

оказал "огромную услугу"⁴⁰ исторической науке в выяснении вопроса о личности и характере деятельности столь значительной фигуры русской истории, какой является патриарх Никон.

Разбирая документы Приказа тайных дел, добиваясь их публикации, Гиббенет предварял подобные издания Археографической комиссии⁴¹.

Участие архивистов в издании исторических источников – малоизученная область истории отечественной археографии. Между тем роль архивистов в этом деле, по крайней мере, в отношении ряда археографических проектов, была значительной, их инициатива оказывала заметное влияние на формирование планов издательской деятельности не только архивов.

⁴⁰ Зызыкин М.В. Указ. соч. Ч. 3. С. 329.

⁴¹ См.: Дела Тайного приказа // РИБ. СПб.; Л., 1904–1926. Т. 21–23, 38.

В.Г. Бухерт

1

8 января 1878 г. Докладная записка Н.А. Гиббенета министру иностранных дел князю А.М.Горчакову

Из числа лиц, принимавших деятельное участие в переустройстве и описании Государственного архива, остался только я, прочие же деятели этого архива похищены смертью¹. Большая часть дел многосложных и многотомных составлена мною в таком порядке, что каждая бумага получила свое надлежащее место в деле, через что объяснились многие весьма важные обстоятельства, еще неизвестные в истории. Эти дела теперь представляют ниву, совершенно готовую, чтобы воспользоваться ее жатвой. В последние годы мною было обращено внимание покойного директора Государственного и С.-Петербургского главного архивов² на документы более отдаленного времени, которые много раз разбирались и описывались и из которых теперь только составились и еще составляются мною дела с точным обозначением их содержания, это – дела Приказа тайных дел царя Алексея Михайловича.

Дела эти, по кончине державного учредителя означенного Приказа, разбирались и описывались в самом Тайном приказе во всё время царствований Федора Алексеевича и Иоанна и Петра Алексеевичей; по упразднении же этого Приказа дела его переданы были в Печатный приказ, в котором и хранились запечатанными. В 1710 году, по указу великого государя Петра I они взяты были в Ближнюю канцелярию, в которой дела эти были разобраны и им составлена была опись. Эти же дела, хранившиеся впоследствии в Сенатском архиве, вместе с другими делами были на рассмотрении Комиссии высочайше учрежденной для разбора дел архивов Сенатского и бывшего Государственного. В 1835 году Комиссия передала эти дела в Государственный архив, учрежденный при Министерстве иностранных дел, при описи, составленной без всякой системы и с такими оглавлениями, которые вовсе не соответствуют содержанию дел. В этом последнем учреждении этими делами занимались чиновники Государственного архива; Ламанский (ныне профессор в здешнем Университете), который напечатал многие из этих документов в "Записках Русского археологического общества" 1861 г., т. II, но без всякого порядка в систематическом и хронологическом отношении, с большими ошибками и неточностями, искажающими самый смысл документов; и академик Пекарский, который при общем переустройстве Государственного архива разбирал эти дела и составил их опись.

Два года тому назад случай потребовал пересмотреть и соединить некоторые из дел Приказа тайных дел, которые по содержанию должны были бы составлять одно дело. Дела эти касаются до патриарха Никона.

Почти всё делопроизводство означенного Приказа заключается в столбцах. При описании их я нашел, что во многих делах столбцы перебиты и спутаны, неверно перенумерованы и неправильно склеены (в таком виде они и напечатаны).

Во всех делах, мною составленных, остались следы моих занятий. Я держался всегда той мысли, что исторические материалы могут приносить пользу науке тогда, когда эти материалы будут в порядке. Ученые и исследователи не примут на себя труд приводить нужные им бумаги в порядок уже потому, что на эти занятия затрачивается весьма много времени, которое всякий из них дорого ценит.

Поэтому и в "Истории" профессора Соловьева оказываются неверности; например в XI томе, с. 298 и 302–303, два обстоятельства совершенно разного характера, касающиеся до патриарха Никона, смешаны в одно. Так как бумаги были спутаны, то в таком виде они вошли и в "Историю". Господин Соловьев пишет в своей "Истории" о приезде патриарха Никона в Москву из Воскресенского монастыря 18 декабря 1664 года, когда он увез из московского собора посох Петра митрополита, который и отобран был у него в селе Черневе. С этим обстоятельством господин Соловьев смешал и другое, бывшее двумя годами ранее, когда, перед праздником Рождества Христова, Никон посылал письмо к царскому духовнику с просьбою исходатайствовать ему разрешение прибыть в Москву, чтобы у царя прославить Христа и видеть государевы очи; но, не дождавшись ответа, 26 декабря поехал в Москву. Путь его и в этот раз был через село Чернево, в котором и производилось дознание об его проезде.

Опыт, сделанный над бумагами патриарха Никона, доказал, что только отделяя и описывая каждый столбец, можно достигнуть того порядка в делах, которого в них не доставало, и что только таким способом могут быть удалены погрешности, оказавшиеся в печати. По приведении в известность означенных бумаг, оказалась необходимость исследовать и тщательно описать и все прочие дела Приказа тайных дел. Многие из этих дел одинакового содержания оказались разбитыми по разным делам; между столбцами одного содержания находились столбцы посторонние, вовсе не относящиеся к тому делу, в которое они были положены; оглавления многих дел вовсе не соответствовали содержащимся в них рукописям. Это показывает, что они были составлены по прежним описаниям, которые не были проверены с документами. Для правильного же составления дел и точнейшего их оглавления признано мною необходимым и в этих делах отделять каждый столбец в особую оболочку, на которой подробно излагать его содержание и потом уже описанные столбцы сортировать, составляя из них дела с точным их оглавлением. Труд этот, весьма обширный, приближается к окончанию и можно надеяться, что после двухсотлетнего периода, в который дела эти много раз разбирались и описывались, будет увенчан полным успехом; преодолеть этот труд можно было только вниманием к делу, постоянными и усидчивыми занятиями.

Таким образом открыто много исторических документов, которые до сих пор никому не были известны и которые прольют новый свет на нашу историю, значительно пополнят ее пробелы. Между описанными столбцами находится много бумаг собственноручных царя Алексея Михайловича, в которых заключаются его распоряжения, переписка его с августейшим его семейством, военно-походные журналы (поденные записки) за время его походов 1654–56 годов, имеются сведения о домашнем его быте; сведения о путешествии патриархов Александрийского и Антиохийского в Москву на собор, состоявшийся против

патриарха Никона в 1666 году, о суде над Никоном и о пребывании его в ссылке в Ферапонтовом монастыре, и много других не менее любопытных сведений, которых здесь нет возможности перечислить.

Несомненно, что печатные сведения с такими ошибками и неправильностями, которые я проверил по документам, могут приводить в заблуждение тех лиц, которые имели бы надобность обращаться к оным, между тем печатных исторических материалов XVII в. весьма немного, – поэтому я желал бы издать в свет бумаги Приказа тайных дел. Об этом я обращался в прошлом году к покойному директору перед его отъездом в отпуск, и он обещал мне исходатайствовать разрешение по возвращении своем в Петербург.

На том основании, что предполагаемое мною издание послужит обогащением истории столь мало известного в ней царствования Алексея Михайловича, я осмеливаюсь всепокорнейше просить у Вашей светлости разрешения на издание означенных бумаг.

Статский советник

Н. Гиббенет

РГАДА. Ф. 31 (Текущие дела Госархива). Оп. 1. Д. 797. Л. 2–6. Автограф.

2

**17 июня 1879 г. Письмо Н.А. Гиббенета
товарищу министра иностранных дел Н.К. Гирсу³**

Ваше высокопревосходительство.

В начале прошлого года от меня представлена была его светлости государственному канцлеру докладная записка, в которой я просил разрешения на издание в печати бумаг Приказа тайных дел. Записка эта возвращена была мне чрез господина статс-секретаря Гамбургера с разрешением его светлости на печатание означенных бумаг. При этом Андрей Федорович объявил мне, что государственный канцлер отказал в назначении денежного пособия на это издание и, между прочим, сказал, что документы Тайного приказа могут быть напечатаны в "Чтениях Общества истории и древностей российских". Но в моей записке я не просил о пособии, а просил только о разрешении напечатать.

На основании данного мне разрешения и с ведома бывшего директора А.Х. Бека, – который обещал мне свое содействие по означенному изданию, – я приготовил мой труд к напечатанию. На том же основании я сделал предложение о напечатании бумаг патриарха Никона Академии наук, которая постановила потребовать от меня снятые копии с этих бумаг вместе с моими археологическими и историческими исследованиями.

Господин Штендман был допущен к занятиям в Государственном архиве в 1866 г. и в то время списал копии с бумаг патриарха Никона.

В продолжительный период времени его занятий по архиву он мог исчерпать все, что было известно о Никоне, до занятий моих этими бумагами. В 1876 г., когда я разбирал и описывал бумаги патриарха Никона, господин Штендман увидел новый порядок в этих бумагах, о котором он со мною говорил и очень заинтересовался моим трудом. С того времени началось новое ходатайство господина Штендмана о продолжении его занятий теми же бумагами, которыми он занимался в предыдущие десять лет.

Теперь, после долгих, усиленных моих занятий означенными бумагами, господин Штендман предъявляет свои права на мой труд, на который я потратил силы и при котором мог лишиться зрения, так как между этими бумагами много таких, которые весьма трудно читаются. При описании бумаг Никона я

определил время тех бумаг, которые не имеют годов; во многих местах столбцы были разбиты, даже были неправильно склеены (некоторые из них в таком виде явились и в печати); бумаги эти не имели смысла, — я их привел в гармонию, тщательно проверив точный их порядок по правилам археологии, теперь они получили значение и смысл; я проверил все факты и события, известные в истории, и нашел их во многих случаях не согласными с документами; я открыл такие события, о которых до сих пор не было известно. Обо всем этом сообщалось во всеподданнейших отчетах, за которые К.К. Злобин изъявил мне благодарность Вашего высокопревосходительства.

По желанию господина Штендмана, я готов был войти с ним в соглашение — издать бумаги патриарха Никона под общую нашу редакцию, но он, отстраняя меня от этого труда, оставляет за мною только списывание копий с документов для печати, — это не соответствует ни моей должности, ни труду, сделанному мною в означенных бумагах.

Повергая пред Вашим высокопревосходительством положение моего дела, осмеливаюсь всепокорнейше просить дозволить воспользоваться данным мне разрешением государственного канцлера на издание бумаг Приказа тайных дел.

С глубочайшим почтением и совершеннейшею преданностью имею честь быть Вашего высокопревосходительства всепокорнейшим слугою.

Н. Гиббенет

РГАДА. Ф. 31. Оп. 1. Д. 797. Л. 9–10 об. Автограф.

Примечания

¹ Директор Государственного и С.-Петербургского главного архивов МИД К.К. Злобин умер в 1877 г., а делопроизводитель VI класса Государственного архива МИД П.П. Пекарский — в 1872 г.

² Имеется ввиду Александр Христофорович Бек. Упоминание о последних днях его жизни содержится в письме Гиббенета Бюлеру от 10 ноября 1878 г.: "Еще 25 октября он был в Архиве и жаловался на свое болезненное состояние; 26 и 27 он пролежал в постели; 28 и 29 чувствовал облегчение от болезни и мог ходить по комнате; 30 в понедельник он стал поправляться и заниматься дома; после обеда почувствовал себя дурно, лег в постель и тотчас же началась агония, а в 9 часу вечера Александр Христофорович тихо скончался от разрыва сердца" (РГАДА. Ф. 180. Оп. 7. Д. 3218. Л. 8).

³ Адресат письма не указан, но из его содержания становится ясным, что оно направлено Гирсу.

А.П. БАРСУКОВ ОБ АУДИЕНЦИЯХ У НИКОЛАЯ II

(Письма Барсукова к графу С.Д. Шереметеву)

Историк и археограф Александр Платонович Барсуков (1844–1914) составлял по заказу графа Сергея Дмитриевича Шереметева (1844–1918) многотомное издание "Род Шереметевых". В фонде Шереметевых в РГАДА хранится обширная переписка с Барсуковым; в данную публикацию вошли три его письма, имеющие особое значение.

Как известно, существовал обычай подносить книжные новинки государю и высокопоставленным особам. Барсуков трижды получал аудиенцию у Николая II, на которых речь шла о научно-исторических изданиях. Об этих встречах подробно говорится в письмах А.П. Барсукова С.Д. Шереметеву и к другим его близким знакомым. Шереметев, будучи историком (в 1895 г. основал Общество ревнителей русского исторического просвещения памяти императора Александра III, с 1900 г. — председатель Археографической комиссии) и придворным (с 1892 г. егермейстер, с 1904 г. обер-егермейстер), мог вполне оценить всю

тонкость деталей, касающихся организации представления скромного чиновника государю, и выраженный последний интерес к подносимым книгам.

По свидетельству автора публикуемых писем, Николай II знал старинную русскую меру пахотной земли – четверть, разбирался и в исторической хронологии (7183 г., соответствующий по современному летосчислению 1674 или 1675 г.). Следовательно, образование Николая II далеко выходило за пределы обычной программы, дающей знание основных исторических фактов и деяний выдающихся людей.

Письма А.П. Барсукова С.Д. Шереметеву уже просматривались исследователями, но с ограниченными целями. Пришло время ввести в оборот науки столь любопытный источник, содержащий информацию о распространении исторических знаний, о жизни ученых и о придворном быте начала XX в.

В настоящей публикации выделены курсивом слова, подчеркнутые автором писем.

Л.И. Шохин

23 февраля 1902 г.

Милостивый государь граф Сергей Дмитриевич.

Имею душевную потребность описать Вам подробно, с фотографической точностью, мое вчерашнее представление государю в Зимнем дворце.

В 11 с половиной дня, то есть за полчаса до указанного Экспедицией церемониальн[ых] дел срока, я вступил в царский чертог с подъезда Ее Величества. К великой радости в сенях же встретил меня любезнейший князь Мих[аил] Серг[еевич] Путятин¹, который по дружбе еще в четверг доставил во дворец все приготовленные мною к поднесению книги ("Род Шереметевых", 7 книг², "Рассказы из русской истории XVIII в."³, "Обзор источников и литературы русского родословия"⁴, "Пензенские десятины"⁵, "Русские акты Ревельск[ого] городск[ого] архива"⁶ и т.д., всего 10 номеров). В главном коридоре с неменьшею радостью встретился с дежурн[ым] флигель-адъютантом Кириллом Анатольевичем Нарышкиным. В приемной стоим и рассматриваем прекрасную картину Беккера (коронационную). Вдруг подходит к Путятину камердинер Котов и говорит полупрошептом: "Докладывал Его Вел[ичеству] о книгах. Изволили приказать внести в кабинет. Говорю: их, мол, очень много. – Это ничего, внести в два приема". Вслед за тем из кабинета государева вышел министр Витте⁷ и спешно прошел через приемную, приветливо раскланиваясь на все стороны. После Витте началось представление военных. За ними бывший таврический губернатор (ныне сенатор) Лазарев, а после него вызвали меня.

Первое, что я увидел, войдя в государев кабинет, это – мои книги, разложенные налево на подоконной лавке. Взглянул направо... Ко мне идет государь с веселым ласковым лицом, одетый в тужурку. Я, оставшись на месте, у дверей, низко поклонился. "Очень рад, Александр Платонович (так!), – сказал государь, протянув руку и устремив на меня свои чудные добрые глаза. Быстро обратясь к моим книгам, государь уперся коленом на лавку и наклонился к ним.

– Это все Ваши исторические труды за разное время?

– Точно так, Ваше Императ[орское] Вел[ичество]. Позвольте представить Вам список подносимых книг.

Государь, просмотрев поданный список:

– Благодарю, это очень пригодится нашему библиотекарю.

– Ваше Вел[ичест]во, главный мой труд – вот это "История рода Шереметевых". Здесь все семь книг. В них до 1672 года, то есть до рождения Петра Великого.

– С самого начала? И легендарная эпоха?

– Точно так, государь. Но легенды у меня переданы без всяких комментариев и толкований.

– Это правильно, к легендам нужно относиться осторожно. А с которого времени считаете Вы начало Шереметевых?

– С 1347 года, когда встречается первое летописное известие об их родоначальнике Андрее Кобыло.

Государь начал тщательно перелистывать I-ю книгу:

– Как хорошо!... Какое прекрасное издание!

Дойдя до раскрашенной картины:

– Вот прелесть. Не правда ли, какая странная перспектива! А здания? Ведь это, пожалуй, может служить сюжетом или мотивом для наших архитекторов? ... Откуда это?

– Из так называемой Царственной книги, хранящейся в Москве в Патриаршей ризнице.

Встретившийся затем снимок с грамоты государь развернул, внимательно рассмотрел и спросил:

– А это откуда?

– Из архива графа Серг[ея] Дм[итриевича] Шереметева⁸.

– Скажите, кто именно принимает участие в этом издании?

– Мысль этого предприятия и, так сказать, душа всего дела – граф Серг[ей] Дм[итриевич] Шерем[етев], но в издании принимает участие и его брат граф Ал[ексан]др Дм[итриевич]⁹.

– Вы бывали в Кускове?

– Неоднократно, В[аше] В[еличест]во.

– Ведь это – старейшее имение Шереметевых?

– Действительно, оно считается таким. Но я начинаю склоняться к тому, что старше его коломенская вотчина Шереметевых – Чиркино. Усадьба не сохранилась, но есть деревянная церковь, где похоронен известный крымский пленник боярин Вас[илий] Борис[ович] Шерем[етев]¹⁰.

– А-а-а! Там я еще не бывал.

Затем государь, взяв в руки "Рассказы из русской истории" и указывая на другие книги, продолжал:

– Ну, а эти Ваши сочинения?

– Занимаясь в государственных архивах собиранием материалов для истории рода Шереметевых, я встречал там много любопытных документов, не имеющих прямого отношения к моему делу. Тем не менее я их собирал и в обработанном виде помещал в разных журналах. Все это перепечатано в настоящем сборнике. Тут, между прочим, биография князя Г.Г. Орлова¹¹.

– Знаю.

– А вот, В[аше] В[еличест]во, "Обзор источников и литературы русского родословия". Составлено оно по поручению Императ[орской] Академии наук. Здесь объяснение значения наших коренных генеалогических источников.

– Это очень интересно... Ах, вот и о Бархатной книге.

– Ваше Вел[ичест]во, этот драгоценный манускрипт 1686 года хранится в подлиннике у нас, в Департаменте Герольдии. Мы были бы счастливы, если бы Вам угодно было взглянуть на это наследие наше от старинного Разрядного приказа.

– Давно, давно собираюсь быть, но вот все недосуги. Непременно буду.

– А это открытые мною в архиве Пензенского дворянского депутатского собрания Пензенские десяти.

– Знаю и это. Но скажите, что это значит – "десяти"?

– Слово "десяти", как и "десяток", в старину не всегда соответствовало действительному арифметическому десятку. До сих пор, например, в Костромской губернии, в сельской администрации десятком называется не 10 крестьян, не 10 дворов, а целая деревня, мир, сход, вся община. То же самое и документы, именуемые десятиями. Это просто перечень городских дворян по разным случаям: для разбора служилых людей, верстанья окладами и пр.

– Понимаю.

Перелистывает книгу и останавливается на слове "четь".

– Что это такое?

– Это сокращение четверти.

– А это что за год 183-й?

– Это значит 7183 год. Если вычесть 5508...

Государь перебивает:

– А начиная с сентября 5509.

После сего государь опять взял в руки I книгу "Рода Шерем[етевых]" и раскрывает ее на гербе:

– Чей это?

– Это самый старый герб Шереметевых.

Тут государь как будто вспомнил что-то и сказал:

– Я доволен, что вижу пред собою того, через которого проходят столь изящно исполненные гербы, поступающие ко мне, к подписанию.

– Ваше В[еличест]во, я счастлив, что именно в мое управление Гербовым отделением мы были удостоены Вашим Всемиловейшим даром, который Сенат передал на вечное хранение во вверенное мне отделение.

Государь вскинул на меня удивленные глаза. Я поспешил объяснить, что говорю о пожалованных нам 2-х плитах с эмалированными городскими гербами. За сим г[осуда]рь подошел ко мне еще ближе.

– Как здоровье Вашего брата?¹²

– Покорнейше благодарю, В[аше] В[еличест]во. Слава Богу.

– XV-й том готов?

– В[аше] В[еличест]во, уже и XVI сдан в цензуру.

– Вот как!

Опять протянул мне руку и в заключение сказал:

– Благодарю Вас, Александр Платонович. Продолжайте так же работать для науки и на общую пользу.

С совершенным почтением.

А. Барсуков

РГАДА. Ф. 1287 (Шереметевы). Оп. 1. Д. 65. Л. 213–214 об. Подлинник.

26 мая 1904 г.

Милостивый государь граф Сергей Дмитриевич.

Пишу Вам сейчас же по возвращении в Петербург от Высокого Порога, к которому был допущен благодаря представлению достопочтенного генерала Глазова¹³. В 10 с половиною утра придворная карета доставила меня в историческое здание Пушкинского лицея, во флигель № 2. Здесь нам предложили чай. Без четверти в 12-ть объявили, что эпикажи готовы, и мы тем же порядком отправились в Александровский дворец. Я узнал обо всех прибывших для представления государю. Вот они: митрополит всех католических церквей в России граф *Шембек*, католический епископ ковенский барон *Рони* (двойник Побе-

доносцева)¹⁴, католический епископ виленский *Паллюлион* (жмудин), генерал-от-инфантерии Ган (пограничный)¹⁵, сенатор *Нарышкин* (отправляющийся на Дальний Восток), попечитель Киевского учебного округа *Беляев*¹⁶ (приятель Варженевского)¹⁷, камергер барон *Брун*¹⁸ (сын бывшего статского секретаря по делам финляндским), гофмейстер *Альбединский*¹⁹ (бывший вице-директор Департамента духовных дел иностранного исповедания), капитан французской службы *Сен-Пер* (моряк), шталмейстер *Пантелеев*²⁰ (бывший кавалергард) и два камер-юнкера – *Миркович*²¹ (бывший преображенец) и *Верховский*²². Римско-католические духовные власти произвели на меня сильное впечатление. Предшествуемые скороходом, они мерно, даже величаво следовали один за другим, приветливо, с достоинством делая поклоны налево и направо. На них какие-то особенные, отличные от наших мантии (у всех разного цвета). Государь беседовал с властями довольно долго (по крайней мере полчаса). Мы ожидали своей очереди в библиотеке. На одном шкафе заметил дощечку с надписью: "Из библиотеки императрицы Елизаветы Алексеевны"²³. Направо на столе небольшая бюст Пушкина, налево на столе же статуэтка Жуковского. В одной из витрин посередине комнаты собственноручные рисунки карандашом императора Николая Павловича²⁴ (солдаты разных кавалерийских полков). Приятный вид из окон на густой сад с цветущими яблонями.

До меня дошла очередь ровно в час. Войдя в кабинет царев, я низко поклонился, держа под мышкой VIII-ю книгу с родословием. Государь, одетый в сюртук Стрелкового полка, выступил ко мне навстречу. Опять я удостоился видеть эти чудные, ласковые, как бы бархатные глаза!

– Здравствуйте, господин Барсуков.

– Имею счастье представить В[ашему] В[еличест]ву вновь вышедшую VIII-ю книгу "Рода Шереметевых".

– Благодарю Вас. Я уже знаю о ней. А это что такое?

– Это родословие Шереметевых, приложенное к книге.

– До которого же времени Вы дошли?

– До кончины царя Федора Алексеевича.

– Аа!... 1682-й год... Значит, Петру Великому было уже 10 лет?

– Точно так, В[аше] В[еличест]во. Книга и начинается с крещения Петра Великого.

– Скажите, ведь все это по архивным документам Шереметевых?

– Много из Шереметевского архива, но много же и из московских архивов, Иностранного дела, Юстиции и из здешнего – Государственного²⁵.

– Есть в этой книге документы, которые даже для Вас в новинку?

– Есть, В[аше] В[еличест]во. Например, рядная запись князя Звенигородского, дочь коего вышла за брата фельдмаршала Шереметева²⁶. Документ редкий по своей полноте и своеобразности.

– Как все это интересно! Вообще нужно отдать справедливость, у нас заметно развивается разработка исторических материалов.

– Благодаря высокому покровительству В[ашего] В[еличест]ва.

Государь ласково ухмыльнулся и кивнул головою как-то вверх. Затем стал внимательно перелистывать сперва родословие, потом книгу.

– Прекрасное издание! Какая печать! Где Вы печатаете?

– В типографии Стасюлевича²⁷.

– "Вестник Европы"?

– Точно так.

– Еще раз очень, очень благодарю Вас.

Подал руку и в заключение весело сказал:

– Передайте мой поклон Вашему брату²⁸.

Аудиенция продолжалась 6 минут. Долгом поставляю довести вышеизложенное до сведения Вашего сиятельства.

С истинным почтением и совершенною преданностию имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

А. Барсуков

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 65. Л. 236–238.

4 января 1907 г.

Многоуважаемый граф Сергей Дмитриевич.

В самый новый год справил и сорочины по усопшем брате, а пред тем, 30 декабря, усердно помолился в церкви Вашего Фонтанного дома о другом дорогом покойном, незабвенном Борисе Сергеевиче²⁹. В короткое время потерять двух таких людей! ... Тяжело. Не обинуясь скажу: оба они были устоями доброго старого быта, своего рода униками, и никто уже не заменит их! Стараюсь развлечь себя, стараюсь вселить в себя веру в целительность всеуспокаивающего времени, но ничего не выходит. Сильно тоскую без брата. Он так наполнял собою нашу келейную жизнь...

Получил, наконец, разрешение представиться государю, чтобы поблагодарить его за оказанную милость. Я был принят вчера. Но позвольте, расскажу все по порядку и с подробностями.

Выехали мы в Царское село с Императорской станции в 10 ч[асов] 10 м[инут]. В вагоне очень обрадовался, увидев любезнейшего Бор[иса] Алексеев[ича] Федченко³⁰. Он тоже ехал к г[осударю], подносить свои книги. Нам сказали о перемене времени приема (вместо 12--ти в 11 ч.), и в Царском селе нас повезли уже прямо в Александровский дворец. В приемную вошел скороход и увел с собою всех военных. Остались только мы, штатские. Через пять минут опять входит тот же скороход и громко возглася: "Д[ействительный] с[татский] с[оветник] Барсуков", – увел меня вслед за военными, но в одной из попутных гостинных оставил меня, предложив дожидаться чего-то. В недоумении осматриваясь и увидев бродящего по коридору с заложенными назад руками камергера, спросил у него, что это значит, что меня не повели далее, а оставили здесь. "Да ведь те к государю, а Вы к императрице". – "Как к императрице! Я тоже к государю, а к императрице и не записывался..." – "Ну, так это какая-нибудь ошибка... Да Вы спросите вот у этого", – камергер указал на Корфа³¹, спешно проходившего через комнату с листом бумаги в руке. Тот наскоро ответил мне, что никакой ошибки нет, и что я должен сперва представиться императрице: так-де приказано. Минут через десять Корф подходит ко мне и тихо говорит: "Пожалуйста к и[мператрице]". Я пошел по темноватому коридору. Вдруг два арапа, как по команде, распахнули обе половины двери в комнату направо, и я очутился лицом к лицу с самою царицею... Вижу ее впервые и прежде всего меня удивило отсутствие сходства ее с ходячими изображениями и с тем, какою я представлял ее себе. Предо мною стояла статная дама в сером платье, без всяких украшений, с ласковым, приветливым лицом, весьма красивым. На мой глубокий поклон она подалась вперед и с простотою прямо царственною протянула мне руку, которую я поцеловал.

– Я очень сочувствую Вашему горю, – начала она по-русски и совершенно правильно, но с расстановками, как бы обдумывая каждое слово. – Не правда ли, Вы очень долго жили с братом вместе и, вероятно, Вам так тяжело остаться теперь одному?

– Ваше И[мператорское] Вел[ичество]во! Горе мое, действительно, велико, но я имею и великое утешение в том, что с всех сторон выражается столько любви к памяти брата и что все так любили его... Я глубоко тронут и бесконечно признателен за милостивое внимание Вашего Вел[ичества] и самого государя импе-

ратора, которому благоугодно было почтить память брата всемилостивейшим пожалованием мне пособия на издание труда его.

– Я очень рада. Желаю Вам твердости в перенесении постигнутого Вас несчастья... Скажите, Вы видите в Петербурге с княжною Орбелиани?³²

– Точно так, государыня. Она гостит теперь у своей тетушки Ден.

– Знаю, знаю. И ей так приятно быть среди своих родных. У нее хороший характер.

– Меня умиляет и твердость ее духа. При такой болезни она всегда весела, всем интересуется и так отзывчива.

– Это совершенно верно.

Затем опять руку. Я вышел в полном восторге. Оба арапа, как бы стараясь вторить моему настроению, странно ослабились, показывая свои зубы. Корф предложил мне возвратиться в первую приемную и ожидать там вызова к г[осуда]рю.

Наконец, в исходе 12-го скороход повел и нас тою же дорогою к государю. В нашем отряде были: камергер Алфераки³³, граф Армфельд³⁴, бессарабск[ий] губернс[кий] предводитель дворянства Феодосиу³⁵, князь Аполлон Урусов (он пожалован в долж[ность] гофмейстера), барон фон-Борн³⁶, почетный лейб-хирург Тимме³⁷ и "ботаник" Федченко. Войдя в приемную г[осуда]ря (в самом конце коридора), мы поступили, так сказать, под команду князя Орлова³⁸ и дежурного флигель-адъютанта Зеленого³⁹. Нас выстроили в шеренгу, так как г[осуда]рь пожелал сделать общий прием. Графа Армфельдта поставили 1-м №-м, меня 2-м. Должен сознаться, я рассчитывал, что по бывшим примерам буду принят особо, в кабинете. Меня смущало, что при общем приеме не скажешь всего, что хотелось бы сказать. Среди этих размышлений выходит государь. Он в новой форме стрелков Императорс[кой] фамилии, показался утомленным и грустным. Поговорив немного с гр[афом] Армфельдтом, передвинулся ко мне и ласково протянул руку. Я начал сам выражением чувства признательности, что его Вел[ичест]ву благоугодно было почтить память брата всемилостивейшим пожалованием... Мне показалось, что г[осуда]рю это не понравилось, и он как бы перебивая меня, начал закидывать вопросами:

– Скажите, долго ли болел Ваш брат? Ведь напечатана последнюю ХХ-я книга? А ХХI-я совсем готова? Дальше этого он уже не хотел писать?

– Напротив, хотел и оч[ень] хотел, но не мог по болезни.

– Значит, ХХI-я книга будет напечатана?

– Точно так, В[аше] В[еличест]во. Если Бог благословит, после Крещения⁴⁰ приступлю к печатанию.

– Надеюсь получить ее. (Пропущен ответ А.П. Барсукова. – Л.Ш.)

– Благодарю. Я очень пожалел, узнав о кончине *Николая Платоновича*... Но что же делать?.. Божия воля!

Затем опять подал руку и милостиво поклонился.

С истинным уважением и совершенною преданностью имею честь быть Вашим покорнейшим слугою.

А. Барсуков⁴¹

РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5077. Л. 15–16.

Примечания

¹ М.С. Путьгин (1861-?) – чиновник особых поручений при управлении гофмейстерской частью, начальник Царскосельского дворцового управления.

² Барсуков А.П. Род Шереметевых. СПб., 1881–1904. Кн. 1–8.

³ Барсуков А.П. Рассказы из русской истории XVIII в.: По арх. документам. СПб., 1885. 284 с.

⁴ Барсуков А.П. Обзор источников и литературы русского родословия: (По поводу книги П.Н. Петрова "История родов русского дворянства". СПб., 1887). СПб., 1887. 99 с. (Записки Императорской Академии наук; Т. 54. Прил. 4).

- ⁵ Десятилетия Пензенского края (1669–1696) / Под ред. А. Барсукова. СПб., 1897. 425 с. (РИБ; т. 17)
- ⁶ Барсуков А.П. Русские акты Ревельского городского архива. СПб., 1894. 320 с.
- ⁷ С.Ю. Витте (1849–1915) – министр финансов (1892–1903) и одновременно статский секретарь.
- ⁸ С.Д. Шереметев – член Государственного совета, обер-егермейстер, председатель Общества любителей древней письменности, Комитета попечительства о русской иконописи, Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III.
- ⁹ А.Д. Шереметев (1859–1931) – начальник придворной певческой капеллы.
- ¹⁰ В.Б. Шереметев (1622–1682) – в 1660 г. его войско было разбито в битве под Чудновым крымскими татарами и малороссийским гетманом Иваном Выговским, после чего В.Б. Шереметев провел в крымском плену 20 лет.
- ¹¹ Г.Г. Орлов (1734–1783) – фаворит Екатерины II, один из организаторов дворцового переворота 1762 г.
- ¹² Н.П. Барсуков (8 ноября 1838 – 23 ноября 1906) – автор книги "Жизнь и труды М.П. Погодина" (СПб., 1888–1910. Т. 1–22).
- ¹³ В.Г. Глазов (1848–1918) – председатель Московского общества истории и древностей российских с 1905 г.
- ¹⁴ К.П. Победоносцев (1827–1907) – обер-прокурор Синода в 1880–1905 гг.
- ¹⁵ Н.А. Ган – начальник финляндского артиллерийского парка.
- ¹⁶ В.И. Беляев – статский советник, попечитель Киевского учебного округа.
- ¹⁷ А.К. Варженевский – можайский уездный предводитель дворянства, член совета Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, близкий друг С.Д. Шереметева.
- ¹⁸ Ф.Ф. Брун – начальник Финляндской паспортной экспедиции в Петербурге.
- ¹⁹ А.П. Альбединский – гофмейстер в должности церемониймейстера.
- ²⁰ А.В. Пантелеев – камергер (по адрес-календарю Российской империи) и чиновник особых поручений при главноуправляющем ведомства... импер. Марии.
- ²¹ В.И. Миркович – вятский вице-губернатор.
- ²² Н.В. Верховский – начальник отдела Министерства торговли и промышленности.
- ²³ Елизавета Алексеевна (1779–1826) – супруга императора Александра I, отличалась тем, что много читала.
- ²⁴ Николай Павлович (1796–1855) – император Николай I.
- ²⁵ В настоящее время Московский архив Министерства иностранных дел, Московский архив Министерства юстиции, Государственный архив Российской империи и фамильный архив Шереметевых хранятся в РГАДА.
- ²⁶ Б.П. Шереметев (1652–1739) – первый фельдмаршал в России, произведенный в этот чин Петром Великим. В.П. Шереметев (1659–1733) был женат на княжне А.С. Звенигородской.
- ²⁷ М.М. Стасюлевич (1826–1911) – издатель журнала "Вестник Европы" (1866–1908).
- ²⁸ См. примеч. 12. В письме князю П.Д. Святополк-Мирскому 1 июня 1904 г. А.П. Барсуков описывает ту же самую аудиенцию с добавлением существенной подробности, относящейся к художнику В.М. Васнецову, когда был исчерпан вопрос о типографии Стасюлевича (В остальном письма А.П. Барсукова С.Д. Шереметеву и П.Д. Святополк-Мирскому почти идентичны.) «После этого я решился сказать государю: "В[аше] В[еличест]во, князь Путятин сообщил мне, что полтора года тому назад, на другой день после того, как имел счастье представить В[ашему] В[еличест]ву впервые семь книг "Рода Шереметевых", Вы изволили говорить с ним о необходимости изменить в Большом государственном гербе щитодержателей (архангелов Михаила и Гавриила), изобразив их в строгом стиле, соответствующем важности предмета, и что при сем Вы благоволили выразить сожаление, что не вспомнили об этом во время моего представления. – Да, я это говорил... Действительно, нужно бы сделать... – Повелите, государь! Готов и художник, хорошо известный В[ашему] В[еличест]ву Васнецов... – Государь, подумав секунды две-три: Вот что! Напишите Васнецову, попросите его приготовить эскизы и покажите мне. – Дозволите написать от имени В[ашего] В[еличест]ва? – Конечно. – За сим, подав мне руку, государь сказал: Еще раз очень, очень благодарю Вас. *Передавайте мой поклон Вашему брату.* – Аудиенция продолжалась шесть минут. Поверите ли, что даже и теперь я все еще нахожусь в таком приподнятом, даже восторженном настроении, что ни о чем другом писать не в состоянии. Могу только изъяснить свои чувства глубокого уважения к Вам и сердечной преданности, с коими емь и пребуду Ваш почитатель А. Барсуков» (ГАРФ. Ф. 1729 (Святополк-Мирский П.Д.). Оп. 1. Д. 320. Л. 49 об.).
- ²⁹ Имеется в виду умерший дядя С.Д. Шереметева и принадлежавший ему петербургский особняк на Фонтанке, д. 34.
- ³⁰ Б.А. Федченко (1872–1947) – биолог, путешественник, друг С.Д. Шереметева.
- ³¹ П.П. Корф – обер-церемониймейстер.
- ³² С.И. Орбелиани (?–1915) – фрейлина императрицы Александры Федоровны.

- ³³ М.Н. Алфераки (1852–?) – чиновник особых поручений МВД.
³⁴ А.В. Армфельд – камергер, чиновник особых поручений МВД.
³⁵ М.Е. Феодосию – бессарабский губернский предводитель дворянства.
³⁶ Фон-Борн – не удалось установить его инициалы и общественное положение.
³⁷ Н.А. Тимме – лейб-хирург, врач 18-го флотского экипажа.
³⁸ А.А. Орлов-Давыдов (1871–?) – церемониймейстер.
³⁹ К.И. Зеленый – капитан лейб-гвардии Преображенского полка.
⁴⁰ Крещение – 19 января.

⁴¹ В конце письма А.П. Барсукова П.Д. Святополк-Мирскому 6 января 1907 г. содержится важное пояснение к описанию этой аудиенции. "Я дождался Федченку, представлявшегося последним, и вместе с ним отправились в карете в здание бывшего Пушкинского лицея, там позавтракали. После этого Федченко поехал к своему знакомому Тихомирову (бывший директор Департамент[а] народн[ого] просв[ещения]), а я пешком с кн. Мих[аилом] Серг[еевичем] Путятиным к нему, в полуциркуль. В Петербург возвратился в 4-м часу и – прямо в Эртелев, к Нине Дмитриевне. Там в присутствии милой хозяйки, княжны Софьи Ивановны [Орбелиани. – Л.Ш.], Марьи Владимировны, княжны Олимпиады Александровны и Вашего фиса Алексея Петровича рассказал все, здесь изложенное. Княжна Софья Ивановна объяснила мне, что список представляющихся к государю подносят и императрице, и что она сама отмечает на нем, кого желала бы видеть. Тем чувствительнее для меня". (ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 320. Л. 57 об.)

Составитель настоящей публикации, работавший над фондом С.Д. Шереметева, выражает признательность кандидату исторических наук В.Г. Бухерту, указавшему на аналогичные письма А.П. Барсукова в фонде П.Д. Святополк-Мирского.

С.Ф. ПЛАТОНОВ ОБ ИСТОРИКАХ: ПРИВЕТСТВИЕ А.Я. ЕФИМЕНКО (1910), ОТЗЫВ О НАУЧНОЙ РАБОТЕ М.И. СМИРНОВА (1929)

Публикуемые документы из личного фонда академика С.Ф. Платонова в РНБ – свидетельства прижизненной оценки деятельности этих ученых выдающимся историком России. Сорокалетие научной деятельности А.Я. Ефименко (1848–1918) отмечали в 1910 г. Тогда ей – первой в России женщине Харьковский университет присвоил звание почетного доктора русской истории¹. В 1920 г. в историческом журнале "Дела и дни" (кн. 1) академик С.Ф. Платонов поместил некролог А.Я. Ефименко, убитой на Украине на своем хуторе вместе с дочерью в ночь с 17 на 18 декабря 1918 г.² При написании некролога (не отмеченного в "Списке трудов С.Ф. Платонова" 1922 г.)³, можно полагать, историк использовал и этот текст. И там, и там о IX Археологическом съезде в Вильне в 1893 г., ее докладе "о копных судах в левобережной Украине", о том, что по предложению председателя заседания академика В.Г. Васильевского (любимого и глубоко почитаемого университетского учителя Платонова) "съезд приветствовал А[лександр] Я[ковлев]ну, как выдающуюся русскую женщину, уже составившую себе громкое имя в науке"⁴. Словарная близость обнаруживается и в характеристике личных качеств Александры Яковлевны. Текст приветствия – машинопись со старой орфографией, с сокращениями слов.

М.И. Смирнов (1868–1949) – один из самых известных краеведов "золотого десятилетия" отечественного краеведения, организатор историко-художествен-

¹ Литературу об этом см.: История исторической науки в СССР: Доокт. период: Библиография. М., 1965. С. 268 (Ефименко Александра Яковлевна).

² Марков П.Г. А.Я. Ефименко – историк Украины. Киев, 1966. С. 32.

³ Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пг., 1922. С. VII–XII.

⁴ Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 617–619.

ного музея в Переславле и Переславль-Залесского научно-просветительского общества⁵. Отзыв написан академиком С.Ф. Платоновым, по-видимому, как председателем секции научных работников Всероссийского союза работников просвещения для Центральной комиссии по улучшению быта ученых. В фонде Платонова имеются и другие документы такого рода⁶. Еще в дореволюционные годы Платонов имел творческие взаимосвязи со многими краеведами, в последующее время уделял еще больше внимания краеведной проблематике, высоко ценил роль краеведов в развитии науки. В период разгрома краеведного движения М.И. Смирнов был репрессирован. При ознакомлении со следственными делами краеведов, арестованных повсеместно на рубеже 1920-х и 1930-х гг., выясняется, что вознамерились связать их арест с фальсифицированным "делом академика Платонова" и других ленинградских и московских историков⁷.

Документы из архива Платонова интересны не только для изучения жизни и творчества характеризуемых историком современников, но и литературной стилистики самого Платонова, а также как образцы персонифицированной юбилейной и делопроизводственной документации того времени.

Публикацией этих материалов отмечаем и памятные годовщины: 125-летие со дня рождения М.И. Смирнова и 75-летие со дня рождения А.Я. Ефименко.

С.О. Шмидт

1

Мн[огоуважаемая] А[лександра] Я[ковлевна]! В рядах замечательных русских женщин последнего столетия Вы занимаете, конечно, одно из самых почетных мест, а среди ученых русских женщин Вам, разумеется, принадлежит первенство.

Природа одарила Вас с изумительной щедростью. Она дала Вам исключительную логическую способность и склонность к юридическому мышлению, дар художественного представления и превосходный стиль. Она дала Вам необыкновенное трудолюбие и столь же необыкновенную сдержанность и скромность.

Богатые силы Вашей природы не долго таились в юном прозябании. Вы очень рано вышли на поле научной работы и общественного служения. Уже 22 лет Вы стали печатать Ваши работы по изучению русского севера, 25–26 лет от роду приобрели себе почетную репутацию среди специалистов своим трудом об артелях Арх[ангельской] губ. В настоящую минуту, после 40-летней ученой работы Ваше имя стало известным всей интеллигентной России, а Ваши печатные труды служат коренным пособием для русских историков. Трудовая жизнь дала Вам ученую славу.

Но и теперь, в пору богатой жатвы, Вы все та же, какою были в годы первых Ваших ученых посевов. Ваши духовные силы так же велики, как и Ваша выдержанная скромность. Я помню далекое время Вашего доклада на Виленском Арх[еологическом] съезде, когда члены съезда по почину проф. Васильевского, почтили Вас своего рода триумфом. Не знаю, что больше тогда поражало: блеск доклада или сдержанность его автора. Так и теперь поражает нас то, как мало Вы хотите дать чувствовать окружающим силу Вашего авторитета и блеск

© С.О. Шмидт.

⁵ Обзор архивных материалов, оставшихся после М.И. Смирнова с приложением списка его опубликованных работ напечатан в статье С.Б. Филимонова "Обзор архива М.И. Смирнова" (АЕ за 1971 год. М., 1972. С. 318–324). См. также: Шмидт С.О. О труде М.И. Смирнова "Переславль-Залесский: Ист. очерк" // ОА. 1993. № 2. С. 122–123.

⁶ Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки: Каталог. СПб., 1994. Вып. 1. № 986, 1001, 1003, 1004.

⁷ Акиншин А., Ласунский О. "Дело краеведов" Центральной Черноземья // Отечество: Краевед. альманах. М., 1990. Вып. 1. С. 57.

окружающего Вас ореола. И от этого становится еще почтеннее этот авторитет, еще заманчивее этот ореол.

Позвольте же мне, А[лександра] Я[ковлевна], принести Вам вместе с чувством самого искреннего и теплого почтения горячее пожелание – еще много лет работать с нами и учить молодежь, учить не только науке, но и труду, но и жизни в строгом соответствии с величием долга и точного знания.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). № 976. Л. 1.

2

4 февраля 1929 г. № 156

Михаил Иванович Смирнов за свою продолжительную работу по русской истории дал несколько весьма ценных трудов, основанных на изучении не только печатных источников, но, главным образом, архивных. Кроме текста исследований, написанного хорошим русским языком, он в приложениях к ним давал подобранные опытной рукою приложения архивных документов, что сохранит за его трудами большую научную ценность на долгие годы. Помимо основных его трудов по истории Переславщины, им сделано весьма много по собиранию библиографии актового материала, печатного и рукописного, по Переславскому краю, и составленные им Указатели являются образцом для всех подобных работ, работы же по топонимике края стоят на уровне лучших немецких работ в этой области. Его прекрасно написанная работа о "Ботике" Петра Великого, хранящемся на Переславском озере, является ценным вкладом в литературу о Петровской эпохе и читается с исключительным интересом. Выводы автора, как и в других его работах, основаны на изучении всех доступных ему материалов, печатных и рукописных. В лице М.И. Смирнова мы имеем образцового по методу и научным приемам русского историка и прежде всего исключительного знатока прошлого Переславского края.

Председатель
Академик (подп.) С. Платонов

ОР РНБ. Ф. 585. № 1039. Л. 31.

ПРОГРАММА ЛЕКЦИЙ С.Н. ВАЛКА ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ XVIII–XIX вв. (1923)

Составленная семьдесят лет назад программа интересна в плане и изучения истории формирования представлений о предмете источниковедения, методики его преподавания, и ознакомления с творческой биографией крупнейшего нашего источниковеда и археографа Сигизмунда Натановича Валка. По литературе известно, что С.Н. Валк в начале 1920-х гг. читал лекции и вел практические занятия в Петроградском университете со студентами архивного цикла, возглавляемого академиком С.Ф. Платоновым археологического отделения – первого в стране вуза, готовившего историков-архивистов¹.

¹ *Суслова Е.Н.* Из прошлого ленинградских областных архивов // *СА.* 1976. № 1. С. 36; *Серета В.Н.* О преподавании вспомогательных исторических дисциплин в довоенный период // *Источниковедение и историография: Спец. ист. дисциплины.* М., 1980. С. 96.

В личном фонде С.Ф. Платонова и сохранилась машинопись программы с надписями чернилами наверху (видимо, рукою Платонова): "Источниковедение" и сбоку справа, у края листа: "С.Н. Валк", а чуть ниже "IX. 1923". Сам Платонов читал на том же курсе студентам лекции по тематике "История учреждений России до XVIII в.". В первом выпуске каталога "Архив академика С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки" программы обоих курсов описаны рядом под № 435 и 436.

Показательно, что в традициях школы академика А.С. Лаппо-Данилевского, которым С.Н. Валк был верен до конца своих дней², ученый вносит в программу лекционного курса основополагающие элементы теоретического источниковедения (этому посвящена "общая часть"). Интересным и новаторским является постановка темы "Художественная литература как исторический источник". Не без влияния ли таких характерных для ленинградских ученых представлений данные о художественной литературе включались в источниковедские разделы трудов о крестьянском восстании под предводительством Пугачева, о декабристах, общественной мысли XIX в.? Важно отметить особое выделение трудов М.М. Сперанского, к изданию и изучению которых в последующие годы С.Н. Валк приложит немало сил, привлекая к этому и своих учеников³. Желательно выяснить: нет ли других материалов о подготовке этого лекционного курса в личном фонде С.Н. Валка.

С.О. Шмидт

Руководящим моментом в составлении плана курса была мысль, что наряду с общими принципами источниковедения, имеющими значение для изучения всякого рода исторических источников, каждая из разновидностей последних* требует еще специфических приемов изучения, неразрывно связанных с особенностями именно данной разновидности. Курс, таким образом, должен был распасться на две части, из которых первая получила характер общего введения, вторая же часть строилась применительно к интересам "русского источниковедения". Так как основные отделы древнерусского источниковедения читаны А.Е. Пресняковым (летописи) и А.И. Андреевым (акты), то курс мог иметь ввиду источники новой русской истории, XVIII–XIX вв. Каждой разновидности последних и отводилась особая "глава" курса, изложение которой состояло из трех частей: определения данной разновидности, специфических методов ее изучения и обзора важнейших соответствующих памятников.

1. Общая часть. Понятие об историческом источнике. Проблемы его интерпретации и критики. Классификация истор[ических] источников.

2. Документальные источники. Закон, его формы в абсолютной^{2*} и конституционной России. Кодификация законов, ее история до Сперанского, труды Сперанского. Частные методы изучения законодательных источников в связи с типической историей единичного законодательного акта. Обзор памятников.

3. Документы международных отношений. Их разновидности (договоры, инструкции, диплом[атическая] переписка и т.д.) в связи с развитием этих отношений. Методы. Обзор.

© С.О. Шмидт.

² АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 291–292 (выступление С.О. Шмидта); *Копанев А.И.* Археографическая деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в освещении С.Н. Валка // ВИД. Л., 1978. Т. IX. С. 81–89; *Валк С.Н.* Избранные труды по археографии: Научное наследие. СПб., 1991. С. 323–325.

³ АЕ за 1976 год. С. 284 (изложение выступления М.В. Кукушкиной на заседании памяти С.Н. Валка).

* В машинописи: последняя.

^{2*} Быть может, допущена опечатка, и следует читать: "абсолютистской"?

4. Административная переписка.
5. Источники судебно-следственного характера. Обвинительные акты, показания, стенограммы судебных заседаний. Методы. Обзор.
6. Документы общественного происхождения: Наказы 1767 года и 1906 г.
7. Документы частного происхождения. Вотчинные архивы.
8. Источники с повествовательным характером. Печать, гл[авным] обр[азом] газета. Ее развитие и значение. Нелегальная печать.
9. Дневники, автобиографии, мемуары.
10. Письма.
11. Писания иностранцев о России.
12. Художественная литература как исторический источник.

ОР РНБ Ф. 585 (С.Ф. Платонов). № 207.

ПОСЛЕДНИЕ ПИСЬМА Д.Б. РЯЗАНОВА

Имя Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха) (1870–1938)¹ хорошо известно архивистам, историкам, философам. Активный участник российского революционного движения, политик, профсоюзный деятель, ученый-теоретик, организатор и практик архивного дела – вот далеко неполный перечень тех направлений общественного развития, в которых он оставил яркий и неповторимый след. Еще будучи в эмиграции, он много работал в архивах Германской социал-демократической партии (далее – ГСДП), Лафаргов, в Британском музее, выполняя поручение Менгеровского комитета собрать документы и написать историю I Интернационала. Выпустил два тома научного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. В 1920-е годы он явился организатором и бесменным директором Института К. Маркса и Ф. Энгельса (далее – ИМЭ), внес большой вклад в соби́рание и издание бесценных документальных собраний по новой истории и истории общественно-политических идей Западной Европы².

В 1931 г. в связи со сфабрикованным процессом Союзного бюро меньшевиков Д.Б. Рязанов был ошельмован, лишен звания академика АН СССР и репрессирован. Сталинские "обществоведы" на долгие годы ввели в теорию и практику ругательный термин "рязановщина", под который в зависимости от конъюнктуры и политической ситуации подводили с их точки зрения все отрицательное, идущее вразрез с официальными догмами и схемами. Включалось в это понятие и такое тяжкое обвинение, в условиях 1930-х гг. носящее политический характер, как сокрытие "от широкой научной общественности" ценнейшей информации, заключенной в архивных документах. Впервые это обвинение в адрес Д.Б. Рязанова прозвучало со страниц журнала "Большевик" (1931. № 5), когда он уже был отстранен от должности директора Института и вообще от всякой общественной и научной деятельности. Журнал опубликовал полный перевод на русский язык и факсимильно воспроизвел оригинал письма К. Маркса его дочери Женни Лонге от 11 апреля 1881 г. В предисловии (С. 76) утверждалось, что Рязанов "скрывал оригинал этого письма, чтобы оградить авторитет Каутского".

Публикуемые ниже два письма Рязанова 1931 г. направлены им в редакцию этого журнала и в Политбюро ЦК ВКП(б). В них он, уже оболганный и

¹ См. о нем: Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989. С. 640.

² См.: Корнеев В.Е. Материалы ЦГАОР СССР о соби́рании и использовании в 20-е годы документов К. Маркса и Ф. Энгельса и международного революционного движения // АЕ за 1985 год. М., 1986.

отстраненный от дел, с чувством собственного достоинства пытается отстоять свою позицию, обращая внимание новоявленных публикаторов на морально-этическую и нравственную сторону, связанную с собиранием и публикацией архивных документов. Письма – по существу последние известные документы его большого общественного и научного пути. Далее – полное забвение на многие годы...

Письма эти представляют определенный интерес и потому, что в них весьма откровенно говорится о некоторых формах и методах приобретения архивных документов, кои, мягко говоря, нельзя назвать вполне законными – присвоение, сокрытие, через и с помощью ГПУ и т.д. Обращая внимание на это, Рязанов пытался доказать, и, прежде всего, членам Политбюро, что издание документов, таким способом приобретенных, лишь дискредитирует их публикаторов и новых владельцев. Но в это время ни Политбюро, ни редакцию журнала "Большевик", ни новое руководство Института Маркса–Энгельса–Ленина нравственные и морально-этические аспекты этой проблемы уже не интересовали. ИМЭЛ в 1932 г. выпустил первый том "Архива Маркса и Энгельса", почти целиком состоящий из документов, приобретенных незаконным путем. Не принимая во внимание доводы Рязанова, новый директор ИМЭЛ В.В. Адоратский в предисловии к этому тому (с. VIII), написанном 15 февраля 1932 г., т.е. почти год спустя после его писем, отмечал, что "письма Бебелю, Либкнехту и Каутскому были обнаружены в ИМЭ после смещения бывшего директора Института Рязанова. Как выяснилось теперь, Рязанов располагал ими в течение ряда лет, но тщательно их скрывал и никаких шагов к их опубликованию не предпринимал".

Тексты писем Д.Б. Рязанова публикуются по машинописным копиям (очевидно, присланным руководству Института из ЦК ВКП(б) для сведения), хранящимся в бывшей секретной части делопроизводственного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне – в РЦХИДНИ).

В.Е. Корнеев

1

Посылаю вам свои замечания по поводу опубликования письма Маркса. Прошу копию сообщить в Политбюро. Вы увидите, что [это] не только литературный вопрос. Именно поэтому я останавливаюсь только на политической стороне дела и оставляю совершенно в стороне все ошибки расшифровки, перевода, комментария и примечаний.

Д. Рязанов

В редакцию "Большевика"

В номере пятом "Большевика" напечатано из материалов Института Маркса и Энгельса "Письмо Маркса к его дочери Дженни Лонге". Вы позволите мне сделать некоторые поправки к вступительным замечаниям автора, который пишет от имени Института.

Сначала архивная справка. В Институте имеются все сохранившиеся письма Маркса к его старшей дочери, но, за исключением письма от 11 апреля 1881 г., только в фотографиях. Все письма принадлежат Жану Лонге¹, но – чего он до сих пор не знал – ему в свое время были возвращены не все. Одно было "присвоено" Смирновым² с ведома русских марксистов.

В 1889 г. никто не говорил о меньшевиках, но много говорили о ревизионизме.

Каутский³ был тогда в зените своей марксистской славы. Лонге [имеется в виду Шарль Лонге. – В.К.] был связан с французскими оппортунистами. Смирнов решил не только опубликовать отзыв о Каутском, но и не **возвращать** Лонге письма, чтобы оно не было истолковано кем-нибудь из французских оппортунистов.

Мне Смирнов об этом рассказывал еще в 1900 г., когда я опять попал в Париж. Помнится мне, что с этим инцидентом были знакомы тогда все "старрики" – из группы "Освобождения Труда" и из "Искры". Но тогда все хорошо знали, что отзыв Маркса объяснялся определенными условиями "времени и места". Знали, что Каутский в начале 1881 г. еще только приближался к марксизму, что он недавно опубликовал книгу о Мальтусе (много статистики), от которой он после отказался, что Маркс тогда имел основание считать Каутского, вместе с Бернштейном⁴, членом подозрительной "клики" Гехберга⁵.

Письмо было передано Смирновым Мартову⁶. Когда я много лет спустя, но еще до войны, работал над историей первого Интернационала я получил от Лонге письмо Маркса. Письма во время войны и революции совершили не одно путешествие, пока опять попали ко мне. После настойчивых требований Лонге я вернул письма, предварительно сфотографировав их.

Когда Мартов умер, я, ссылаясь на сообщение Смирнова, просил Николаевского⁷ узнать у Л. Цедербаума⁸, сохранилось ли в бумагах покойного письмо Маркса. К счастью, его удалось найти. Сначала мы получили письмо с "купюрой", но после удалось убедить через того же Николаевского Л. Цедербаум отдать мне письмо Маркса, но только на условии, о котором она пишет в своем письме.

Должен ли я был соглашаться на эти условия? Конечно, да. Иначе письмо осталось бы у меньшевиков. А теперь оно через меня попало в Институт. Не надо забывать, что огромное количество документов, собранных мною, начиная с 1909 г., доверенных мне лично, но с обязательством возвращения, находятся теперь в Институте, но принадлежат к числу "секретных", ибо они все же "присвоены" не совсем законным путем. Вообще без целого ряда "маневров", без, всем близким товарищам хорошо известных, моих больших связей во 2 Интернационале нам бы никогда не удалось собрать те сокровища, которыми по праву может гордиться Институт Маркса и Энгельса.

Возвращаюсь к письму Маркса. Оно все-таки было **украдено** у владельца, который сохранял все свои права на него. И с этим фактом надо считаться. Если бы Лонге узнал об этом, он поднял бы большой скандал, и нам мало попало бы, если [бы] мы доказали на основании письма Л. Цедербаум, что не мы "украли" это письмо, а тут еще одно важное обстоятельство. Через Лонге я мог надеяться получить еще другие документы, как лично от него или братьев, – он все еще не может найти некоторые рукописи Маркса, полученные от Лафарга⁹ – так и от других, связанных с ним французских социалистов, в первую очередь от Браса, у которого хранится архив Геда. Последнее было – фотографирование архива – уже налаживалось. И главным образом это почти вы заставляли нас – меня и Цобеля¹⁰ – "скрывать" письмо Маркса, а не желать "спасать" репутацию Каутского.

В "Воинствующем материалисте"¹¹ письма Маркса были напечатаны до получения оригинала "украденного" письма, следовательно, на основании фотографий и старого уведенного письма (из "Начала")¹².

Мы – вместе с Цобелем – собирались опубликовать письма Маркса к дочери в немецком издании "Архива Маркса и Энгельса", но, конечно, без украденного письма, ибо такая публикация возможна была за границей только с разрешения Лонге. Но после пришлось отказаться от такого плана, потому что Лонге решил сам опубликовать эти письма в своем новом журнале.

На мертвого все можно валить. Но надо же все-таки знать меру. И я думаю, что эта мера не соблюдена, когда новый реорганизованный Институт Маркса и Энгельса пишет на страницах "Большевика": "Рязанов, так много распротравившийся на тему о том, что он, в противоположность Бернштейну, дает не фальсифицированного Маркса, печатает его письма, **якобы** (?!?) безо всяких сокращений, в данном случае тщательно скрывал (?) оригинал **этого** письма, чтобы оградить авторитет Каутского, а на самом деле вычеркивал (?) из этого письма убийственную характеристику Каутского".

Мертвые молчат, бумага все терпит.

11 апреля 1931 г.

Рязанов

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 41. Л. 274–276.

2

В Политбюро ЦК

В пятом № "Большевика" новая, до сих пор не известная мне дирекция Института Маркса и Энгельса в связи с опубликованием письма Маркса к дочери обвиняет меня в "скрывании" документов. В особом письме в редакцию "Большевика" я останавливаюсь более подробно на этом специальном случае.

В этом заявлении я хочу затронуть важный политический вопрос. Я действительно **скрывал** многочисленные документы, но считаю, что действовал политически совершенно правильно. Так и письмо Маркса к дочери принадлежало к числу **скрываемых** документов, ибо оно состояло в фонде **присвоенных** или **украденных** бумаг. О таком фонде я говорил неоднократно в различных инстанциях, близким товарищам, об этом фонде в Москве говорили всякий вздор, ставя нас в неудобное положение.

Несколько слов к истории этого фонда. Начиная с 1909 г., в связи с моими работами по истории первого Интернационала и изданию сочинений Маркса и Энгельса, мне удалось, используя фирму венского ученого общества, для которого я работал, а также свои старые связи, получить в свое распоряжение большое число документов, с обязательством вернуть их после использования.

Так мною получены были через посредство Бебеля¹ и Броуна² многочисленные документы из архива немецкой социал-демократии – **за некоторыми исключениями** были возвращены. Но имеются и большие фонды, которые остались у меня и были мою переданы в Институт.

На первом месте стоит фонд, полученный мною в 1911 г. от Лафаргов, но с обязательством отдать их после использования в архив немецкой партии для присоединения к остальным бумагам Маркса и Энгельса. Когда я их получил из Вены в 1921 г., я оставил их для дальнейшего использования. Но мы тщательно **скрывали** от публики и внешнего мира этот фонд. На него имеют право или наследники Маркса или архив, который должен иметь мое письменное обязательство передать документы Маркса, но который до сих пор благодаря смене различных заведующих и беспорядку, воцарившемуся там после войны, не нашел его. Мы решили в случае, если им даже удастся найти мое письмо, заявить, что я обязался передать их старой объединенной социал-демократии, и потому согласны вернуть их только новой единой партии рабочего класса. Все это хорошо известно Цобелю, единственному сотруднику Института, не исключая Деборина³ – который посвящен был во все политсекреты. Только о бумагах Бернштейна, полученных мною из ГПУ⁴ и хранившихся у меня дома, он ничего не знает – по мотивам, о которых я в свое время сообщил т. Ягоде⁵.

Второй секретный фонд – бумаги, полученные мною от Каутского, если мне не изменяет память в 1911 г. Они хорошо известны Бухарину, который помогал мне в Вене приводить их в порядок⁶. Они у нас до сих пор хранятся в конвертах с подписями Бухарина. Если я не вернул их до сих пор, то только благодаря счастливой случайности. Я не торопился отдавать их, а Каутский, не наткнувшись до сих пор на мою расписку, вероятно забыл, что отдал эти бумаги мне, а не Бебелю, от которого он их получил. Цобелю известно, что мы решили, если Каутский и дальше не вспомнит о них, считать его бумаги частью фонда Лафаргов.

Третий секретный фонд – бумаги, полученные мною от покойного Карла Либкнехта⁷. С ними дело обстоит сложнее. Братьям было известно, что Карл передал мне какие-то бумаги, в том числе письмо Маркса и Энгельса. Так как они успели более тщательно собрать архив отца, они нашли гораздо больше писем Маркса и Энгельса. Мы долго не соглашались вернуть письма Маркса и Энгельса, но так как это оказалось единственным средством получить фотографии остальных писем, то в последнюю мою поездку я заключил с ними договор, в силу которого братья Либкнехта позволили мне сфотографировать весь архив отца с правом опубликовать не только все письма Маркса и Энгельса к отцу, но и письма Бебеля, Ауэра⁸, Зингера⁹ и др. Мы получили таким образом в свое распоряжение важнейшие источники для истории второго Интернационала. Остальные бумаги из фонда К. Либкнехта остались у нас.

О мелких фондах я не буду говорить – ясно, что документы, не купленные, а присвоенные, но мы до сих пор, используя их научно, должны были скрывать. Именно поэтому мы ни в одном из наших отчетов не упоминали об этих фондах, именно поэтому они до сих пор не вошли в наш официальный архив.

12 апреля 1931 г.

Д. Рязанов

Вверху л. 124 помета карандашом: "т. Товстухе"¹⁰.

РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 33. Л. 124–126.

ПРИМЕЧАНИЯ

1

- ¹ Жан Лонге (1876–1938) – деятель Французской социалистической партии и II Интернационала. В 1930-е гг. участник международных антифашистских организаций, сторонник сближения с коммунистами. Сын Шарля и Женни Лонге.
- ² Эмануил Львович Смирнов (Гуревич) (1865–1952) – социал-демократ, меньшевик. После Октябрьской революции отошел от общественно-политической жизни. В 1920-е гг. – научный сотрудник ИМЭ. В 1931 г. арестован по делу Союзного бюро меньшевиков и сослан в Курск. В бывшем архиве ИМЛ сохранилась копия письма Смирнова, написанного им из ссылки в Политбюро ЦК ВКП(б) в связи с публикацией документов в "Большевике", в котором он независимо от Рязанова подтвердил факт присвоения письма Маркса к его дочери (РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 41. Л. 271–273).
- ³ Карл Каутский (1854–1938) – один из лидеров и теоретиков ГСДП и II Интернационала, центрист. С марксизмом порвал в начале первой мировой войны.
- ⁴ Эдуард Бернштейн (1850–1932) – один из лидеров оппортунистического крыла ГСДП и II Интернационала.
- ⁵ К. Гехберг (1853–1885) – немецкий социал-реформист, сын богатого купца; в 1876 г. примкнул к социал-демократической партии, основал и финансировал ряд газет и журналов реформистского направления.
- ⁶ Л. Мартов (Юлий Осипович Цедербаум) (1873–1923) – участник российского революционного движения, с 1903 г. – один из лидеров меньшевизма.
- ⁷ Борис Иванович Николаевский (1887–1967) – историк, меньшевик, хранитель архива ГСДП.
- ⁸ Л.О. Цедербаум – сестра Л. Мартова.
- ⁹ Поль Лафарг (1842–1911) – один из основателей французской Рабочей партии, член I Интернационала.

- ¹⁰ Эрнэ Цобель (1886–1953) – член Венгерской социал-демократической партии, народный комиссар и полномочный представитель Венгерской Народной Республики за границей с 1919 г., полит-эмигрант, член ВКП(б) с 1929 г. В 1920-е гг. научный сотрудник и зам. директора ИМЭ. В 1930-е гг. репрессирован, "отбыл срок и по запросу венгерских друзей уехал в Венгрию, где работал директором Института истории" (РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 3. Д. 225. Л. 138; Magyar életrajzi lexikon. Bp., 1967. I köt. 336 old.).
- ¹¹ "Воинствующий материалист" – сборник трудов, изданный в Москве в 1925 г., в котором с некоторыми исправлениями был воспроизведен русский перевод упомянутого письма Маркса к дочери.
- ¹² "Начало" – ежемесячный научно-политический и литературный журнал, издавался в 1889 г. А.А. Воейковой.

2

- ¹ Август Бебель (1840–1913) – один из основателей и руководитель ГСДП и II Интернационала.
- ² Броун – один из руководителей ГСДП.
- ³ Абрам Моисеевич Деборин (Иоффе) (1881–1963) – советский философ, академик. В 1920-е гг. – зам. директора ИМЭ.
- ⁴ О факте получения документов с помощью ОГПУ свидетельствуют сохранившиеся в фонде ИМЭ препроводительные письма с требованием оплатить в валюте переданные институту оригиналы документов. См.: РЦХИДНИ. Ф. 374. Оп. 1. Д. 14. Л. 27, 28.
- ⁵ Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938). В 1931 г. – зам. председателя ОГПУ при СНК СССР. В 1934–1936 гг. – нарком внутренних дел СССР. Один из главных организаторов массовых репрессий. Расстрелян в 1938 г.
- ⁶ О сотрудничестве с ГСДП и работах, опубликованных в ее печатных органах, Н.И. Бухарин писал в автобиографии. См.: Деятели СССР и революционного движения России. С. 374.
- ⁷ Карл Либкнехт (1871–1919) – деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Компартии Германии.
- ⁸ Игнац Ауэр (1846–1907) – один из руководителей ГСДП.
- ⁹ Пауль Зингер (1844–1911) – видный деятель немецкого рабочего движения, с 1890 г. председатель Правления ГСДП.
- ¹⁰ Иван Павлович Товстуха (1889–1935) – в 1931 г. заместитель директора ИМЭЛ.

IV. ХРОНИКА

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ В 1993 г.

На заседании АК 18 мая Ю.В. Андрушайтите рассказала о конференции, посвященной 70-летию Вологодского государственного музея-заповедника, состоявшейся 11–14 мая. Кроме сотрудников ВГМЗ в конференции приняли участие историки, искусствоведы, краеведы из разных городов России. В докладах на пленарном и секционных заседаниях были освещены разные аспекты истории культуры и искусства Вологодского края (в том числе, истории рукописной и печатной книги, ее изучения и публикации, а также традиции графики, духовной и светской живописи, народного прикладного искусства) и другие научные проблемы, связанные с многоплановой деятельностью музеев края¹. Ю.В. Андрушайтите выступила с докладом "Вологодский купец И.П. Лаптев – библиофил, филиграновед, нумизмат", в котором впервые обнародовала собственноручные документы Лаптева, найденные ею в Государственном архиве Вологодской области². Наряду с конференцией юбилей музея был широко отмечен общественностью Вологды.

Традиционные ежегодные "Тихомировские чтения", состоявшиеся 3 июня, были проведены совместно с Отделением истории РАН, Историческим факультетом МГУ и Государственным историческим музеем и посвящены столетию со дня рождения основателя и первого председателя Археографической комиссии академика М.Н. Тихомирова (см. наст. изд.).

11 сентября состоялось совещание, проведенное АК совместно с Государственной архивной службой России, Министерством культуры РФ, по проблемам унификации компьютерных программ для автоматизированного описания и создания единого банка данных рукописных материалов. Вступительное слово произнес С.О. Шмидт, отметивший, что в последнее время во многих хранилищах страны описание

рукописей переводится на машиночитаемую основу. В связи с этим возникают проблемы выработки наиболее целесообразных приемов описания, унификации их, обмена опытом между хранилищами. И.Н. Киселев (Росархив) рассказал о начале работы по изучению возможностей применения компьютерных технологий к богатейшему массиву данных о составе и информационном потенциале архивных фондов, содержащихся в Центральном фондовом каталоге.

Далее с докладами выступили: Д.О. Цыпкин (РНБ), Д.П. Эрастов (Лаборатория консервации и реставрации документов РАН) "Кодикологическая лаборатория ОР РНБ: первые опыты работы (задачи, проблемы, перспективы и вопросы создания автоматизированных банков данных)"; О.А. Цапина (НБ МГУ), А.Г. Чернов (НБ МГУ) "Использование программы USMARC для описания рукописей Отдела редких книг и рукописей НБ МГУ"; К.В. Васина (Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева) "Создание базы данных по описанию рукописей в музее Андрея Рублева"; А.А. Турилов "Методика каталогизации средневековых рукописей для нужд Сводного каталога нарративных источников по истории и культуре балканских народов"; Т.В. Черторицкая (Нижний Новгород) "Индекс славянских текстов: каталог, программа и база данных"; О.А. Лавренова (РГБ) "Создание электронных каталогов рукописных материалов в РГБ. Программное обеспечение"; Е.А. Белоконь (РГГУ) "Проблема преподавания археографии с учетом развития новых компьютерных систем". Состоялось оживленное обсуждение заслушанных докладов и обмен мнениями по поводу трудностей и перспектив создания единого банка данных рукописных материалов.

На заседании АК 5 октября В.А. Черных сделал сообщение о двух больших международных конференциях, состоявшихся в августе–сентябре 1993 г. и посвященных судьбам русской культуры XX столетия. Одна из них, проходившая в Смоленске, была обозначена темой "На путях к двадцатому столетию: Серебряный век и его культурно-исторические истоки". Другая конференция – "Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940-е годы" прошла

¹ По материалам конференции вышел сборник "Послужить Северу..." Вологда, 1995.

² Подробнее о И.П. Лаптеве – филиграноведе см. статьи Ю.В. Андрушайтите в АЕ за 1990, 1991, 1992 годы.

в Москве под покровительством Академии наук и общественной организации "Конгресс соотечественников".

Обе конференции, организованные независимо друг от друга, были тематически тесно связаны между собой и имели предметом обсуждения два непосредственно сменявших друг друга этапа в драматической истории российской культуры XX столетия. Эту взаимосвязь нетрудно проследить даже по перечню работавших секций. Секция смоленской конференции: поэтика Серебряного века, жизнь в столицах и провинции, вопросы религиозной жизни, социальные движения – построение биографии – частная жизнь, история и традиции русского либерализма, вопросы языка и культурное самосознание, литературные школы и жанры, исследовательские подходы и источники. На московской конференции работали секции: российская эмиграция:

судьба, политика, историческая мысль; русская литература в эмиграции; культурное наследие российской эмиграции: искусство, российские ученые и инженеры в эмиграции; российское наследие: разделенные архивы. Важной характерной чертой обеих конференций было участие в них ученых разных гуманитарных специальностей.

Еще одно заседание АК, состоявшееся 7 декабря, было посвящено участию О.А. Князевской и Н.А. Кобяк в семинаре "Церковно-славянская традиция Великого княжества Литовского" в Вильнюсе, где на заседаниях "круглого стола" в Вильнюсском университете, на кафедре славянских языков обсуждались и вопросы собиранья, изучения и описания памятников древнеславянской письменности, хранящихся в Литве.

Е.М. Евдокимова

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Дополнения к "Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в СССР" (М., 1986). 8 печ. л.

Ротапринт. Отв. ред. С.О. Шмидт; сост. Н.А. Охотина, А.А. Турилов; предисл. А.А. Турилова.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ 1993 г.

В связи с продолжающимися финансовыми трудностями археографические экспедиции в 1993 г. предпринимались лишь немногими коллективами. На основании полученных Археографической комиссией сведений можно подвести следующие итоги:

Археографы МГУ продолжали исследования в Пермской и Саратовской областях, Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Подмосковье (руководители: И.В. Поздеева, Е.А. Агеева, В.И. Ерофеева). БАН осуществила экспедицию в Кировскую область (руководитель А.А. Амосов), РНБ – в Новгородскую область (руководитель П.А. Медведев). Институт рукописной и старопечатной книги Российского Поволжья (руководитель экспедиции М.М. Белякова) и Нижегородский университет (В.Н. Русинов) собирали письменные памятники в различных районах Нижегородской области.

Экспедициями МГУ получено всего 35 рукописей и 12 редких изданий XVII–XX вв., в частности в Красновишерском районе Пермской области рукописный сборник литургического характера конца XVIII – начала XIX в., рифмованная история раскола в списке начала XIX в., а также минея общая (М.: Печ. двор, 1628). Там же проведено описание значительного комплекса похозяйственных книг и другой документации единоличных и колхозных хозяйств Антипинского сельсовета 1930-х гг. и записано более 30 часов фоно- и видеодокументов.

В экспедиции в Краснодарский и Ставро

польский края участвовал профессор Д. Салливан (Шотландия). Основной задачей экспедиции, как сказано в отчете И.В. Поздеевой, являлось "создание принципиально нового аудиовизуального источника, адекватно фиксирующего современное состояние традиционной культуры: личность как ее носителя и книгу – как инструмент охраны и воспроизводства". Снято более 40 часов видеозаписи; получено 15 рукописных книг, в том числе Козьма Индикоплов в списке XVII в., Святцы с пасхалией 1761 г. Особый интерес представляют оригинальные произведения А.К. Килина и других старообрядческих авторов XX в.

Экспедиция в Саратовскую область проведена с участием фольклористов, записавших около 30 часов звучания музыкальных номеров. Получены также два местных крестьянских сочинения конца 1920-х гг. и старообрядческие синодики.

В традиционном подмосковном районе Гуслиц получен ряд певческих рукописей, а также Евангелие учительное старообрядческой печати XVII в.

Экспедиция БАН в Кировскую область была проведена с участием Научно-исследовательского центра "Хронограф", Кировского областного краеведческого музея, студентов С.-Петербургского и Уральского университетов. Вятское территориальное собрание БАН пополнилось 214 единицами, в том числе 131 рукописной книгой (или фрагментами книг) и

© Е.М. Евдокимова

83 печатными изданиями (или их фрагментами). XVI веком датируется одна рукопись, XVII – две рукописи и 5 книг кириллической печати. Как отмечается в отчете А.А. Амосова, из рукописных находок заслуживают отдельного упоминания фрагмент Пролога 1-й половины XVI в., содержащий чтения за отдельные дни января; Житие Арсения Коневского в списке 2-й четверти XVII в. с современной ему вкладной записью; конволют из рукописных и печатных фрагментов XVII–XVIII вв., составляющих в совокупности почти полный Букварь. Значительную часть находок представляют духовные стихи в списках XVII–XX вв. Среди полученных печатных изданий Следования псалтирь (М., около 1625 г.), Миная за ноябрь (1645) с вкладной записью – автографом кн. Ф.А. Урусова, Соборное уложение 1649 г. А.А. Амосов отмечает в отчете, что "общие итоги полевых работ сезона 1993 года превзошли самые оптимистичные прогнозы".

40 ЛЕТ ОТДЕЛУ РУКОПИСНОЙ И РЕДКОЙ КНИГИ И КАРТОГРАФИИ БАН

Отдел рукописной и редкой книги и картографии Библиотеки Российской академии наук в сентябре 1993 г. отметил свое 40-летие. Его возникновению предшествовали многолетняя организация и реорганизация в Библиотеке. Еще в 1899 г. А.А. Шахматов настаивал на создании рукописного отделения. Он говорил, что "оно составляет то зерно, из которого образовалась вся Библиотека Академии"¹. На следующий год в Библиотеке появилось IV отделение – рукописное. В дальнейшем редкие печатные книги то включались в состав рукописного отделения, то существовали самостоятельным фондом.

В 1930-е гг. Библиотека Академии наук испытывала страшные потрясения, вызванные спровоцированным "Делом С.Ф. Платонова", когда по ложному доносу были изгнаны многие ведущие ученые, внесшие заметный вклад не только в отечественную, но и в мировую науку. Десятки тысяч книг, рукописей, гравюр, хранившихся в Библиотеке Академии наук, были распределены по различным учреждениям и навсегда утратили значительную часть своего исторического потенциала.

В 1952–1953 гг. произошло объединение фонда рукописей и редких книг, был создан единый отдел, в состав которого ввели и картографические материалы. Однако в дальнейшем картографический отдел существовал самостоятельно. В 1992 г. вернулись к структурной форме, созданной 40 лет назад. В настоящее время в отделе 4 сектора: рукописей, редкой книги, истории книги, картографии.

Осуществленное в 1953 г. объединение фондов рукописей и редких книг было требованием

Экспедицией РНБ в Новгородской области получены 4 рукописи и 3 печатных книги, в том числе рукописный сборник XVII–XVIII вв., содержащий произведения Ипполита, папы Римского, Иоанна Златоуста и Кирилла Иерусалимского.

Собрание Института рукописной и старопечатной книги Российского Поволжья пополнилось 41 памятником письменности (в том числе 14 рукописных). К XVII в. относятся 7 кириллических изданий, среди них издания Московского печатного двора: Евангелие учительное (1629), Миная общая с праздничной (1630-е гг.), Часовник (1640), Миная служебная на февраль (1646), а также Жития святых на октябрь Дмитрия Ростовского (Киев, 1689) и Анфологион (Львов, 1694).

В библиотеку Нижегородского университета поступили певческая крюковая рукопись второй половины XIX в. и 18 редких печатных изданий XVIII–XIX вв.

В.А. Черных

времени, оно завершило споры и поиски книговедов в стремлении изучать книгу и книжное наследие в комплексе. Проблемы источниковедения, текстологии, книговедения, филигранологии неразрешимы без изучения во взаимосвязи двух типов книг – рукописной и печатной.

14–15 сентября 1993 г. была проведена Юбилейная международная конференция, посвященная этому событию.

В докладе заведующей отделом *Л.И. Киселевой* была раскрыта роль и показано значение отдела в Библиотеке Академии наук, в общих чертах обрисована история отдела за 40 лет.

В 1953 г. немногочисленным коллективом сотрудников под руководством первой заведующей В.Ф. Покровской была начата работа по созданию и организации фонда редкой книги и картографии. С самого начала создавался комплексный отдел, в котором предусматривались все библиотечные процессы, связанные с комплектованием, обработкой, сохранностью фондов и их использованием. На первом плане проходила инвентаризация и создание карточных каталогов. Однако понимание того, что рукописный и редкокнижный фонд в старейшей библиотеке страны является уникальным, что его основы создавались в XVIII в., а в составе фонда имеются рукописи и книги предшествующих веков, понимание этого диктовало необходимость создания печатных каталогов. Именно они, являясь документом сохранности, несут информацию, которая не ограничивается стенами одной библиотеки, а выходит далеко за пределы не только города, но и страны, и тем самым уникальные материалы, свидетельствующие о духовной жизни и культуре Петербурга и России становятся известными более широкому кругу исследователей. Поэтому организация отдела сопровождалась одновременно работой по подготовке печатных каталогов.

© В.А. Черных.

¹ Протоколы заседаний Общего собрания Имп. Академии наук. СПб., 1899. § 138.

Важной вехой в деятельности вновь организованного отдела было опубликование сборников "Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук (М.; Л., 1956, 1958, 1961. Вып. 1–3). В этих томах в общих чертах характеризованы рукописные фонды, их история в XVIII–XX вв. Подробно описаны карты, планы, чертежи, рисунки, гравюры собрания Петра I. Результаты осуществленной работы позволили отделу занять ведущую роль в библиотеке и заявить о себе как о структуре с научным потенциалом.

Следующее десятилетие – 1960-е гг., связанные с именем заведующего А.И. Копанева, ознаменовались более активной деятельностью в области комплектования фондов, целенаправленной кадровой политикой и глубоким изучением истории библиотеки. А.И. Копанев восстановил практику археографической работы БАН. За 10 лет им было проведено 15 экспедиций в Архангельскую, Вологодскую области, в Карелию, на Вятку, что значительно пополнило фонды рукописями и кириллическими книгами. Еще одна особенность 1960-х гг. заключается в том, что благодаря А.И. Копаневу из молодых сотрудников был создан инициативный, прекрасно работающий коллектив, научный потенциал которого раскрылся в последующие годы.

В это время шла подготовка библиотеки к 250-летию юбилею. Кроме участия А.И. Копанева и М.В. Кукушкиной в написании "Истории Библиотеки Академии наук", отдел развернул большую выставку, на которой была представлена история создания фондов рукописей и редких книг за весь период их существования.

В плане раскрытия фондов в 1960-е гг. была осуществлена важная работа: ведущие библиотеки страны – ГБЛ, БАН, ГПБ издали пять томов "Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII в." (М., 1962–1967).

Стремление шире раскрыть богатейшие фонды отдела, наличие реальных возможностей как с точки зрения исполнителей, так и издательской привели А.И. Копанева к решению издавать сборник научных трудов отдела "Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки Академии наук СССР". В первом выпуске (1966) представлен разнообразный материал, свидетельствующий как о серьезности подхода к решению источниковедческих и книговедческих проблем, так и о стремлении приблизить читателя к фондам, заинтересовать его, привлечь к работе. Участие читателей в издаваемых отделом сборниках стало в дальнейшем традицией. Таким образом, в 1950–1960 гг. создан своего рода фундамент, на котором основывается вся последующая и современная работа отдела.

1970-е – начало 1980-х годов (зав. отделом М.В. Кукушкина) – период расцвета того, что было начато в предшествующие годы. Достаточно сказать, что за это время было опубликовано семь томов описаний рукописей, включающих славяно-русские исторические, перга-

менные, старообрядческие рукописи, а также греческие и латинские. Именно в этот период отдел становится научно-методическим центром по описанию рукописей. В 1979 г. на базе отдела проводилась Всесоюзная конференция по проблемам описания рукописей, на которой председатель Археографической комиссии Академии наук С.О. Шмидт отмечал: "По объему научной продукции БАН в плане научного описания средневековых рукописей – славяно-русских, греческих, латинских – в последние годы впереди других хранилищ РСФСР"².

Раскрытие фондов редкой книги продолжалось через сводные каталоги русской нелегальной печати XIX в., а также книг, напечатанных в России на иностранных языках в XVIII в.

Характерной особенностью в деятельности отдела 1970–1980-х гг. было появление самостоятельных монографических исследований, что безусловно свидетельствовало о высоком уровне научно-исследовательской работы. В монографиях разрабатывались источниковедческие, палеографические, кодикологические проблемы, были предложены новые методики, в частности, впервые в мировой практике в отделе был применен метод математической статистики для выявления почерков в каллиграфическом письме на примере рукописей с латинским алфавитом, разработаны теоретические проблемы филологии, в которых даны надежные основы для источниковедческих и исторических разысканий. Особенность всех монографических исследований ОР БАН в том, что они созданы в первую очередь на основе изучения фондов БАН с привлечением материалов других библиотек и архивов. Таковы монографии И.Н. Лебедевой "Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы" (Л., 1968), М.В. Кукушкиной "Монастырские библиотеки русского Севера" (Л., 1977), Е.А. Савельевой «Олаус Магнус и его "История северных народов"» (Л., 1983) и три монографии Л.И. Киселевой "Готический курсив XIII–XV вв." (Л., 1974), "О чем рассказывают средневековые рукописи" (Л., 1978), "Западноевропейская рукописная и печатная книга XIV–XV вв." (Л., 1985). Все они получили высокие оценки специалистов в нашей стране и за рубежом.

В 1970–1980-е годы большое место отводилось научным конференциям, которые содействовали раскрытию фондов, их пропаганде, постановке проблем, дискуссиям, способствовали уточнению методов исследования памятников письменности и печати.

Последние годы, т.е. конец 80-х – начало 90-х годов, имеют свои отличительные особенности. Они прежде всего связаны с переменами в стране, появившимися новыми возможностями, задачами, которые ставит БАН в новых ус-

² Проблемы научного описания рукописей и факсимильного издания памятников письменности: Материалы Всесоюз. конф. Л., 1981. С. 8.

ловнях, и той новой ролью, которая отводится отделу в исполнении этих задач.

Особенности этого периода заключаются в следующем: 1) активизировались и возросли междунардные связи отдела; 2) расширилась выставочная работа, при этом большие тематические выставки сопровождаются печатными каталогами; 3) огромный опыт методической работы предшествующих лет нашел свое завершение в создании методического пособия, регламентирующего деятельность БАН. Вместе с тем все, что осуществлялось в прошлые годы, продолжает традицию развиваться. При сохранении всей производственной работы по комплектованию фондов, обслуживанию читателей значительно углубилась научно-исследовательская работа. Такие широкие возможности открылись благодаря тому, что с 1984 г. БАН была признана научно-исследовательским институтом. По правде говоря, отдел сыграл не последнюю роль в получении этого статуса.

Президиум Академии наук по итогам доклада академика Д.С. Лихачева 24 января 1989 г. отметил, что в современных условиях социального и культурного развития общества необходимо преодолеть остаточный принцип в подходе к развитию гуманитарных наук и поднять роль и значение филологических и исторических наук, вернуть авторитет комплексному изучению памятников истории и литературы, исследованиям по источниковедению, археографии, библиографии. Постановлением Президиума Академии наук БАН для отдела было выделено целевым назначением 5 штатных единиц.

Результаты деятельности отдела за 40 лет равнозначны небольшому научно-исследовательскому институту и по силам коллективу с большим научным потенциалом, который одновременно с производственной работой по фонду и обслуживанием читателей исследует книгу, книжное дело, читательский спрос, начиная от изучения отдельных экземпляров до интеграции найденного или открытого комплекса рукописей и изданий, от умения выделить индивидуальные черты в книге до видения общности, неотделимости истории книги от истории культуры, от истории развития общества. Книга в ОР исследуется в разных аспектах – источниковедческом, палеографическом, кодикологическом, библиографическом, но рассматривается как единый комплекс.

Все это дает значительный материал для создания фундаментальной научной истории, в первую очередь истории русской книги и русских библиотек. И в этом плане можно говорить о ведущей роли отдела в научной работе БАН.

На юбилейной конференции сотрудники отдела представили 17 докладов, в которых подводились итоги пройденному пути, намечались перспективы, раскрывалась разнообразная научно-библиографическая деятельность отдела.

В докладе зав. сектором рукописей *О.П. Лихачевой* была изложена история изучения и описания славяно-русских рукописей, подчеркнута, что в настоящее время в отделе стараются

следовать традициям, сложившимся во времена В.И. Срезневского и Ф.И. Покровского.

И.Н. Лебедева подвела итоги изучения иностранных рукописей, хранящихся в фонде БАН. Зав. сектором редкой книги *Г.Н. Питулько* осветила проблемы, стоящие перед сотрудниками сектора редкой книги при изучении фондов. *А.А. Амосов* подробно остановился на археографической деятельности и пополнении фондов БАН рукописными и старопечатными книгами.

Книгописному делу на Руси в XVI в. был посвящен доклад *М.В. Кукушкиной*, в котором изложены основные положения готовящейся к публикации монографии. В докладе *Н.Ю. Бубнова* о лицевых рукописях поздней традиции (конец XVII – начало XX в.) был поставлен вопрос о выработке методики описания иллюстрированных рукописей.

Характеристике комплекса певческих рукописей БАН был посвящен доклад *Ф.В. Панченко*. Фонд певческих рукописей БАН, охватывающий период с XI до XX в., позволяет раскрыть историю церковно-певческого искусства в любом историческом срезе: период освоения византийской музыкальной гимнаграфии, раскрытия средневекового искусства, время "книжных реформ", традиции культового пения старообрядцев, церковной музыки нового времени.

Сочинениям Льва Философа в собрании рукописного отдела БАН был посвящен доклад *О.В. Панченко*. О перспективах изучения западноевропейских рукописей XVIII в. говорила *О.Н. Блескина*, готовящая описания этих памятников истории письменности. *М.Ю. Гордеева* рассказала о результатах исследования гравюр петровского времени, хранящихся в БАН (около 600 ед.). В составе этого собрания, по ее наблюдениям, особую ценность представляют ранние оттиски. Около трети гравюр, восходит непосредственно к библиотеке Петра I, другая часть гравюр, как удалось установить докладчику, была отпечатана в Синодальной типографии.

Вдумчивая работа с редкой книгой часто позволяет сделать важные наблюдения и выводы. Так *Т.Ф. Филипповой* удалось установить авторство Н.Н. Гнедича в одном из анонимных сборников, чему и был посвящен ее доклад. *Е.В. Лудилова* своими изысканиями смогла исправить ошибку, допущенную в изданиях статьи К.Н. Батюшкова "Нечто о морали, основанной на философии и религии" и дала подробный комментарий.

Доклад *Н.Б. Парамоновой* был посвящен прижизненным изданиям работ выдающегося русского математика Н.И. Лобачевского (к 200-летию со дня его рождения), хранящихся в БАН. *М.П. Лепехин* рассказал об "академическом деле", сфабрикованном по ложному доносу, в результате чего пострадал директор Библиотеки С.Ф. Платонов и многие видные ученые и библиотекарни того времени.

Конференция подвела итоги 40-летней деятельности отдела и нацелила всех на дальнейшую плодотворную работу.

Л.И. Киселева

КОНФЕРЕНЦИЯ "ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ XX СТОЛЕТИЯ"

Конференцию (28–30 января 1993 г.) организовали кафедры вспомогательных исторических дисциплин ИАИ и отечественной истории новейшего времени РГГУ при участии сектора источниковедения ИРИ. Было заслушано около 70 докладов научных и архивных работников, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, работников музеев из Брянска, Воронежа, Иванова, Костромы, Москвы, Н. Новгорода, Переславля-Залесского, Петрозаводска, Самары, С.-Петербурга, Саратова, Твери, Томска, Ярославля, Гродно (Белоруссия), Кустаная (Казахстан), Варшавы (Польша). На заседаниях присутствовало более 100 человек.

В результате работы конференции значительно расширен круг источников по истории России XX в. за счет введения в научный оборот документов, ранее не доступных исследователям – архивных фондов органов госбезопасности, цензуры, высших органов КПСС (выступления *Л.П. Афанасьевой, Д.М. Родова, М.В. Шкарковского, Н.А. Тюкова*), намечены новые подходы к их изучению. Прозвучали выступления о малоиспользуемых исследователями источниках: различных формах фиксирования "устной истории" (*В.Е. Корнеева, В.А. Коляды*), фронтовом фольклоре периода Великой Отечественной войны (*Е.С. Сенявской*), сочинениях современных писателей-старообрядцев (*Е.А. Агеевой, Е.Б. Смелянской*). Доклады *О.Г. Ласунского* и *Г.И. Королева* были посвящены изучению символики политических партий и экслибрисов.

Впервые работала секция по проблемам кинофотодокументов и "устной истории" с обобщающими докладами *В.М. Магидова* – о ценности этого обширного поля источников и *Л.А. Кобельковой* – с выводами по итогам изучения фотодокументов, сообщениями *Д.А. Диментана* – о коллекциях фотодокументов ГИМ, *И.В. Князьковой* – о приеме восстановления хроникально-документальных фильмов начала XX в.

В результате дискуссии о значении аудиовизуальных источников, методах их изучения и специфике участники заседаний пришли к выводу, что методика анализа этих источников близка методике изучения документов на бумажной основе и зачастую совпадает с ней.

Участники конференции пытались обозначить новые подходы в изучении традиционных источников, выявить межвидовые связи. О необходимости изучения актового материала, что даст возможность найти более объективный подход к истории советского общества, говорил *С.М. Кашианов*.

Ряд выступлений был посвящен различным видам статистики (*Л.Е. Бонюшкина, Л.А. Уланова,*

В.С. Тяжелникова), анализу воспоминаний иностранцев, посещающих СССР (*А.В. Елпатьевский*), законодательных памятников (*Е.Ф. Теплова*).

Видное место на конференции занимали вопросы истории источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин, ряд выступлений был посвящен историкам и источниковедцам XIX–XX вв.: Д.И. Иловайскому (*А.Н. Бачинина*), Н.П. Лихачеву (*М.Е. Бычкова*), А.Е. Преснякову (*А.Е. Петрова*), М.Н. Тихомирову (*С.О. Шмидт*), Г.П. Саару (*А.А. Корникова*), В.К. Яцунскому (*О.М. Медушевская*), В.К. Лукомскому (*Е.И. Каменцева*). Поднимались проблемы влияния общественных условий на развитие науки в XX в., роли политической конъюнктуры в изменении методики источниковедческих исследований и понимании значения отдельных видов источников.

Среди выступлений обобщающего, методического характера, затронувших вопросы возможности применения методов из различных областей науки в источниковедении, междисциплинарных исследований, уточнения предмета и задач истории в новых условиях, – программный доклад *В.В. Кабанова* и *В.А. Муравьева*. Наряду с критикой слабых сторон источниковедения истории советского периода в докладе были намечены дальнейшие пути его развития. По мнению авторов, главной целью источниковедческого анализа должно стать изучение личности человека, его судьбы. Был поднят вопрос о методологических ориентирах, о соотношении концептуального аспекта и конкретных исследовательских приемов.

Авторы доклада полагают, что выработка нового подхода к истории должна вестись одновременно с разработкой новых методов изучения источников.

Во время работы конференции Центр документации "Народный архив" провел выставку документов общественно-политических организаций и движений, независимой печати, фотодокументов из семейных коллекций.

В рамках конференции был проведен "круглый стол" по обсуждению работы историко-культурных и краеведческих журналов "Тверская старина", "Костромская старина", "Томская старина", собравший участников конференции, представителей редакций журналов, областной администрации Твери, архивистов Твери и Костромы. Неоднократно подчеркивалось, что будущее исторической науки и культуры будет обеспечено только тогда, когда они достигнут высокого расцвета в провинции.

Специальное заседание было посвящено памяти Е.А. Луцкого (1907–1991), профессора МГИАИ, одного из крупнейших специалистов по истории революции 1917 г. и аграрных отноше-

ний, в области источниковедения и исторической библиографии. Выступившие *Б.А. Томан, Б.С. Илизаров, Н.Е. Хитрина, Ю.Я. Синцов, А.Д. Степанский, С.О. Шмидт, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, Л.Н. Простолосова* делились воспоминаниями о Е.А. Луцком как о человеке, ученом, руководителе кафедры вспомогательных исторических дисциплин, много сделавшем для сохранения ее традиций в непростые для кафедры годы.

Конференция стала пятой в ряду традиционно проводимых кафедрой ВИД научных встреч по проблемам источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. Материалы конференции опубликованы¹.

А.С. Майорова

¹Источниковедение XX столетия: Тез. докл. и сообщ. М.: РГГУ. ИАИ, 1993. 215 с. Оpubл. 108 тезисов.

**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ЕФРЕМЕНКОВ
(1920–1993)**

1 января 1993 г. скоропостижно скончался доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Николай Васильевич Ефременков. Он родился 22 октября 1920 г. в д. Шутово Смоленской области. Историческую подготовку получил на историческом факультете Московского университета в 1939–1948 гг. (в период Великой Отечественной войны, прервав учебу в университете, работал слесарем в Московском окружном военно-строительном управлении в Москве, затем в Калининне, Перове).

В 1951 г. Н.В. Ефременков закончил аспирантуру МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и начал самостоятельную научно-педагогическую деятельность на историко-филологическом факультете Уральского университета (Свердловск), где работал преподавателем, деканом исторического факультета, проректором по учебной работе, заведовал кафедрой отечественной истории новейшего времени. В научной работе он сосредоточил внимание на изучении истории уральского крестьянства в 1920–1930-е гг., социально-экономических отношений, сложившихся в деревне после перехода к нэпу, созданию и деятельности различных видов простейших сельскохозяйственных кооперативов, на истории производственного кооперирования. В 1969 г. Н.В. Ефременков защитил докторскую диссертацию "Подготовка и осуществление коллективизации сельского хозяйства Урала (1917–1932 гг.)". Признанием заслуг Н.В. Ефременкова в изучении аграрной проблематики стало избрание его председателем региональной секции комиссии Академии наук по

истории крестьянства и сельского хозяйства СССР.

С 1971 г. Н.В. Ефременков работал в Калининском (ныне Тверском) государственном университете сначала деканом исторического факультета, а в 1976 г. по его инициативе была образована кафедра историографии и источниковедения, которую он возглавлял более 11 лет, а затем был профессором этой кафедры. Создание кафедры привело к активизации изучения историографических и источниковедческих проблем отечественной истории и к углублению теоретико-методологической подготовки студентов на факультете. Н.В. Ефременков разработал и читал с 1957 г. курсы историографии и источниковедения отечественной истории.

Несомненный интерес представляет источниковедческо-историографический аспект исследований Н.В. Ефременкова. Особое внимание он уделял комплексному источниковедению и истории отечественной исторической науки с определением развития ее важнейших компонентов: теоретико-методологического, организационно-кадрового, собственно исследовательского, уровня выполнения социальной функции и удовлетворения спроса на исторические знания.

В деятельности Н.В. Ефременкова был и еще один важный аспект – создание учебных пособий для студентов: "Историография советского крестьянства центра Нечерноземного района РСФСР" (Калинин, 1984, в соавторстве), "Введение в изучение историографии истории СССР эпохи социализма" (Калинин, 1986, в соавторстве), "Основы научного исследования и ме-

тоды самостоятельной работы студента-историка" (Калинин, 1987; 2-е изд., 1989).

В последние годы ученый активно разрабатывал теоретико-методологические аспекты краеведения. Им подготовлен к публикации ряд материалов.

Под руководством Н.В. Ефременкова успешно защитили кандидатские диссертации 14 аспирантов. За время научно-педагогической деятельности им опубликовано более 110 научных работ, он был автором ряда коллективных трудов, ответственным редактором и членом редак-

ционных коллегий более 40 различных изданий – сборников научных трудов, сборников документов, материалов конференций.

Николай Васильевич Ефременков был не только высокопрофессиональным специалистом и авторитетом в среде научной общественности, но и замечательным человеком: добрым, справедливым, честным. Память о нем сохранится в сердцах тех, кто его знал.

А.Н. Кудинов, В.А. Смирнов, И.Г. Серегина

**ГАЛИНА
НИКОЛАЕВНА
МОИСЕЕВА
(1922–1993)**

Российская филологическая наука понесла невосполнимую утрату. 3 января 1993 г. после тяжелой болезни скончалась одна из ведущих ученых Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, доктор филологических наук Галина Николаевна Моисеева. Крупнейший специалист по русской литературе XII–XVIII вв., внесшая серьезный вклад в исследование связей между русской и другими славянскими литературами, обогатившая нашу науку уникальными открытиями в области археографии и источниковедения.

Галина Николаевна Моисеева родилась 13 апреля 1922 г. в Севастополе в семье политработника Черноморского флота. После перевода отца в 1927 г. на работу в Ленинград вся последующая жизнь Галины Николаевны была связана с этим городом. Здесь она училась в школе, здесь в 1940 г. поступила на исторический факультет Ленинградского педагогического института. Начало войны застало Галину Николаевну в Ленинграде, и она провела в осажденном городе вместе с семьей первые полгода блокады. Галине Николаевне Моисеевой пришлось вынести все тяготы испытаний, которые выпали на долю поколения, вступавшего в сознательную жизнь в годы Великой Отечественной войны. Это закалило ее характер. В конце февраля 1942 г. она была эвакуирована в Саратовскую область, а позднее переехала в Башкирию. В 1944 г. Галина Николаевна вернулась в Ленинград и сразу поступила на 2-й курс филологического факультета Ленинградского государственного университета; параллельно она стала посе-

щать лекции на историческом факультете. Незаурядные способности Галины Николаевны, ее необычайная работоспособность и целеустремленность обратили на себя внимание преподавателей университета, и после его окончания в 1948 г. Галина Николаевна была рекомендована в аспирантуру ИРЛИ. К этому времени определился круг научных интересов Галины Николаевны – древняя русская литература. Выявилась и ее особая склонность к археографическим разысканиям, умение плодотворно работать с архивными источниками и историческими документами. В аспирантуре ИРЛИ, где она занималась под руководством члена-корреспондента АН СССР В.П. Адриановой-Перетц, ею была подготовлена и успешно защищена в 1951 г. кандидатская диссертация на тему «Казанская история» – новый этап в развитии исторического повествования Древней Руси». В 1954 г. диссертация была издана в виде монографии, а Г.Н. Моисеева уже в 1952 г. зачислена в штат Института русской литературы. В нем она проработала более 40 лет. Следующим этапом научной работы Галины Николаевны была подготовка академического издания памятника русской публицистики середины XVI в. «Валаамская беседа» (1958).

С начала 1960-х гг. круг научных интересов Галины Николаевны Моисеевой заметно расширяется, что было связано с переходом ее в группу по изучению русской литературы XVIII в. Она подготовливает к изданию корпус текстов беллетристической прозы петровского времени, вышедший под названием «Русские повести пер-

вой трети XVIII века" (М.; Л., 1965). В дальнейшем Галина Николаевна избирает предметом своих занятий исследование связей литературы нового времени (в частности, творчества М.В. Ломоносова) с наследием древнейших периодов развития русской литературы. Результатом многолетних упорных разысканий, обследования летописных сводов в архивах Москвы и Киева явилась монография "Ломоносов и древнерусская литература" (Л., 1971). Рукопись книги в 1971 г. была успешно защищена в качестве докторской диссертации. Систематические занятия в архивах Петербурга, Москвы, Ярославля, Новгорода и других городов привели Галину Николаевну к новым важным открытиям. Ее работа с "Собранием российских древностей" А.И. Мусина-Пушкина, связанная с проверкой материалов, хранящихся в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря – первоначального местонахождения рукописи "Слова о полку Игореве" – вылилась в подготовку небольшой, но чрезвычайно важной книги: «Спасо-Ярославский хронограф и "Слово о полку Игореве"» (Л., 1976; 2-е доп. изд. вышло в 1982 г.). Для изучения обстоятельств, связанных с открытием знаменитого памятника древнерусской письменности, эта книга имеет неограниченное значение. Следует отметить, что благодаря во многом стараниям Галины Николаевны в Ярославле был создан и успешно функционирует Музей "Слова о полку Игореве".

Следующими этапами научной биографии Галины Николаевны было создание монографии "Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века" (Л., 1980), а также подготовка публикаций текстов мемуарной и художественной литературы этой эпохи: "Записки" Екатерины Дашковой, 1743–1810 (Л., 1985); "Русская драматургия XVIII века" (М., 1986); Дашкова Е.Р. Литературные сочинения (М., 1990); "Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков" (М., 1990). Последним вышедшим при жизни крупным трудом Галины Николаевны было подготовленное совместно с чешским славистом М. Крбцем исследование "Йозеф Добровский и Россия (Памятники русской культуры XI–XVIII веков в изучении чешского слависта)" (Л., 1990). Для написания этой монографии Галина Николаевна несколько раз ездила в Чехословакию. В Литературном архиве и Национальном музее Праги, а также в архивах Брно и Оломоуца ею были обнаружены неопубликованные рукописи Й. Добровского, хранившие следы его работы в рукописных собраниях Петербурга и Москвы, которые он исследовал во время пребывания в России в 1792–1973 гг. Глубокий интерес Добровского к России и ее культурному наследию, в частности, к историческим трудам Н.М. Карамзина, органично вписывался в общий

процесс развития контактов между славянскими странами. И это прекрасно раскрывается автором на страницах книги.

В то же время Галина Николаевна не прекращала своей текущей работы ведущего научного сотрудника ИРЛИ, являясь неизменным участником основных коллективных трудов, подготавливавшихся в отделе новой русской литературы, иногда в совместных с учеными ИМЛИ ("Литература и фольклор", "История русской литературы" в 4 томах, "Литературно-общественные и научные съезды России и Польши конца XVII – середины XVIII века", "Ломоносов и русская литература" и др.). Ее статьи регулярно публиковались в известных серийных изданиях ИРЛИ: ТОДРЛ и сборнике "XVIII век", а также на страницах многих научных журналов. На протяжении своей научной деятельности Галина Николаевна неоднократно участвовала в работе международных съездов славистов – в Варшаве (1973), Загребе (1978), Киеве (1983), а также с успехом выступала на научных конференциях в разных городах страны. С 1971 г. Галина Николаевна являлась членом научно-методического совета Отдела рукописей и Отдела истории БАН. Она одновременно входила в состав специализированных ученых советов Ленинградского университета и длительное время возглавляла ГЭК на филологическом факультете. Свою многообразную исследовательскую и организаторскую деятельность Галина Николаевна умела совмещать с заботой о подрастающей смене. Как научный руководитель аспирантов, она подготовила целую плеяду молодых исследователей литературы XVIII в., успешно продолжающих дело своего руководителя.

Вся жизнь Галины Николаевны Моисеевой может служить образцом беззаветной преданности делу науки. Широта интересов, опирающаяся на глубокую эрудицию, исключительная научная продуктивность, принципиальность и ясность идейной позиции сочетались у нее с неизменной доброжелательностью и всегдшной готовностью прийти на помощь ближнему. Необычайное жизнелюбие и активность в отстаивании интересов науки всегда вызывали у окружающих ее людей чувства симпатии и уважения. У Галины Николаевны было немало творческих замыслов, из которых далеко не все оказалось завершенным. Последняя ее книга, посвященная публикациям неизвестного ранее исторического сочинения Василия Крашенинникова, ярославского автора XVIII в., была сдана ею в издательство незадолго до смерти. Все работавшие рядом с Галиной Николаевной Моисеевой, учившиеся у нее и просто знавшие ее при жизни, навсегда сохраняют память о ней как о крупном ученом, вдумчивом и заботливом наставнике и замечательном человеке.

Ю.В. Стенник

**НИКОЛАЙ
НИКОЛАЕВИЧ
РОЗОВ
(1912–1993)**

8 января 1993 г. на 81-м году жизни скончался доктор филологических наук Николай Николаевич Розов, отдавший около 40 лет служению древнерусской рукописной книге, раскрытию и изучению богатейших фондов Отдела рукописей Российской национальной библиотеки и других хранилищ.

Н.Н. Розов родился 17 ноября 1912 г. в Петербурге в семье священника. По окончании 1-й советской трудовой школы в Ленинграде в 1930 г., из-за сложившейся политической обстановки в стране вынужден был работать монтером и учиться на рабфаке Института связи. Лишь в 1938 г., когда Николай Николаевич был уже в зрелом возрасте, появилась возможность поступить на филологический факультет университета, который удалось закончить только по прошествии восьми лет: начавшаяся Великая Отечественная война прервала обучение после третьего курса. Завершив войну рядовым-священником в октябре 1945 г., в марте–апреле 1946 г. Н.Н. Розов экстерном сдал курсовые и государственные экзамены и защитил дипломную работу. 9 июля 1946 г. был зачислен в штат Отдела рукописей Публичной библиотеки на должность библиотекаря. С тех пор, в течение почти четырех десятков лет, в стенах библиотеки и протекала его научная деятельность: здесь он учился в аспирантуре¹, защитил кандидатскую (1951) и докторскую (1973) диссертации, написал свыше 120 работ, отсюда в 1983 г. вышел на пенсию, не прервав, однако, связи с родным Отделом, еще некоторое время оставаясь при нем старшим научным сотрудником-консультантом.

Ученик профессора И.П. Еремина, Николай Николаевич под влиянием учителя значительное

число своих статей посвятил всестороннему исследованию и публикации древнерусских литературных сочинений, в основном это "Слово о законе и благодати" русского писателя XI в. митрополита Иларiona и "Повесть о новгородском белом клобуке".

Много внимания Николай Николаевич уделил изучению Остромирова евангелия. По его инициативе и при его непосредственном участии в 1988 г. в издательстве "Аврора" было осуществлено цветное факсимильное воспроизведение первой русской датированной рукописной книги, сделавшее ее более доступной исследователям (по аналогии с Востоковским 1843 г. и Савиновским 1883 г. это издание с полным правом можно было бы назвать Розовским). В 1957 г. он был организатором научных конференций в ГПБ и Ленинградском университете, посвященных 900-летию Остромирова евангелия; к юбилею под его наблюдением рукопись была реставрирована. Этому замечательному памятнику древнерусской книжной культуры посвящены отдельные главы его монографии¹. В них он подробно рассматривает историю создания, бытования, особенности художественного оформления старейшей русской книги. Украшения и иллюстрации других русских рукописных книг анализируются им в более чем 10 его статьях и специальных разделах монографий².

Более трети всех опубликованных трудов

¹ *Розов Н.Н.* Книга Древней Руси, XI–XIV вв. М., 1977.

² Там же; *Розов Н.Н.* Книга в России в XV в. Л., 1981.

Н.Н. Розова посвящены результатам изучения истории книги и библиотечного дела на Руси. Этот аспект научной деятельности он считал главным в своей жизни. Николай Николаевич предполагал написать серию книг, в которых бы последовательно, по векам раскрывались особенности "производства" рукописей писцами, художниками, переплетчиками, сложение репертуара рукописных книг, социальный состав заказчиков, книгописцев, владельцев и читателей книг, пути миграция рукописей (библиогеография) и образование первых русских библиотек. Часть этого плана была осуществлена в монографиях: "Книга Древней Руси: XI–XIV вв." и "Книга в России в XV в.". Доведено до конца исследование и очередного этапа истории русской книги – XVI в., к сожалению, оставшееся в машинописном виде.

Работая в таком крупном хранилище как Отдел рукописей ГПБ, невозможно обойтись без того, чтобы не уделить внимание вопросам комплектования, раскрытия фондов для читателей и проблемам охраны и сохранности рукописных книг. Все это нашло отражение в опубликованных Розовым статьях (около 25) и машинописных каталогах коллекций Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей, Новгородского Софийского собора, Общества любителей древней письменности и др.

Николай Николаевич никогда не трудился только "на себя". Своими знаниями и опытом археографической работы он всегда щедро делился как с коллегами-древниками, так и с начинающими молодыми специалистами и со всеми интересующимися его областью деятельности. Пожалуй, не одному поколению студентов памятны его спецкурсы по русской палеографии, который он читал 25 лет подряд в университете, и ежегодный курс лекций по истории книги на Высших библиотечных курсах при ГПБ. Он часто выступал с лекциями и перед неподготовленной аудиторией в учреждениях негуманитарного профиля, передавая ей свою любовь к древнерусской книжности, литературе и истории.

Николай Николаевич был влюблен в свой родной город, он прекрасно знал историю Петербурга, почти каждого его уголка, и часто рассказывал нам, своим сослуживцам, или гостям с мельчайшими подробностями о той или иной достопримечательности, надолго завораживая слушателей своим увлекательным и познавательным изложением.

Н.Н. Розов всячески поддерживал (и словом, и собственным примером) традиции Отдела рукописей, сложившиеся еще при общем столетнем служении в нем хранителей отца и сына А.Ф. и И.А. Бычковых (1844–1944): любовь и уважение к русской культуре, бережное отношение к любой рукописной книге, внимательность и предупредительность при общении с читателями. Одному из тех славных хранителей – Ивану Афанасьевичу Бычкову – Николай Николаевич отдал дань памяти, начав свою книгу 1971 г. с воспоминания об их первой встрече в читальном зале Отдела рукописей.

По воле обстоятельств Николай Николаевич поздно начал заниматься изучением рукописных книг, но все-таки успел сделать многое в области книговедения, археографии, палеографии и искусствоведения³. Еще долго к его трудам будут обращаться ученые различных отраслей исторических знаний. Образ Николая Николаевича Розова, человека высокой культуры, трудолюбивого, увлеченного, обаятельного, доброго и отзывчивого, навсегда сохранится в памяти тех, кому посчастливилось продолжить время работать рядом с ним, и тех, кто имел возможность хоть раз с ним общаться.

В.М. Загребин

³ Список печатных трудов Н.Н. Розова см.: Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг: Сб. науч. тр. [ГПБ]. Л., 1983. С. 160–172.

**ЛЕВ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ДМИТРИЕВ
(1921–1993)**

21 февраля 1993 г. не стало Льва Александровича Дмитриева – одного из крупнейших знатоков древнерусской литературы, члена-корреспондента РАН, ученого, всю жизнь занимавшегося древнерусскими рукописями, спасая их в первых послевоенных экспедициях, описывая и изучая в течение всей своей жизни, готовя как сугубо научные, так и массовые публикации текстов.

Когда уходят учителя, возникают почти те же чувства, что и при потере родителей: физически ощущаешь, что теряешь опору, которая должна бы существовать, как казалось, вечно. Лев Александрович не только для меня, но и для многих был именно такой надежной опорой – недаром и его юбилей в 1991 г., и его кончина вызвали такое количество откликов в печати, прекрасные слова писали о нем друзья и соратники¹.

Биография Л.А. Дмитриева внешне проста и складывается в несколько строк. Он родился в 1921 г. в Сызрани и был школьником, когда его отца перевели на работу в Ленинград. С тех пор вся его жизнь связана с этим городом – здесь он

в 1939 г. закончил школу, поступил на филологический факультет Ленинградского университета, с первого курса был призван в армию; уже после войны (1950) окончил университет и пришел в ИРЛИ, где и проработал до конца жизни, пройдя путь от аспиранта до главного научного сотрудника. И воевал тоже в Ленинграде или поблизости от него – долгие шесть лет, начав с финской войны на Карельском перешейке, а в годы Великой Отечественной – будучи в блокадном городе. Впечатление тех лет остались навсегда – недаром до конца жизни любимым праздником Льва Александровича было 27 января – день снятия блокады; великий смысл этого праздника нам, не пережившим всего того, что пережили ленинградцы-блокадники, может быть, и не совсем открыт.

В течение всей войны Лев Александрович вел дневник; его записи блокадных лет² – документ, говорящий о становлении души и характера, полный самоанализа и размышлений молодого человека. Уже в них сквозит внимание как к факту, так и к мысли, столь важное для ученого, и это качество станет у Льва Александровича постоянным: точно так же он будет хранить полевые записи своих археографических экспедиций, используя в позднейших работах материал, не вошедший в печатные отчеты³.

В университете определились научные инте-

¹ См.: *Маймин Е.А.* Лев Александрович Дмитриев: (К 70-летию со дня рождения) // Рус. лит. 1991. № 3. С. 193–196; *Он же.* Лев Александрович Дмитриев // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 5–18; *Лихачев Д.С.* Слово о Льве Александровиче Дмитриеве // Рус. лит. 1993. № 3. С. 233–235. Некрологи: Веч. Петербург. 1993. 23 февр.; Лит. газ. 1993. 3 марта; Моск. новости. 1993. 7 марта; *Лурье Я.С.* // Архив рус. истории. М., 1993. Вып. 3; *Томова Е.* // *Palaeobulgarica.* Старобългаристика. С., 1993. Т. XVII. № 2.

² Отрывки опубликованы: С.-Петербург. ведомости. 1994. 11, 20 янв.

³ *Дмитриев Л.А.* Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 244.

ресы Л.А. Дмитриева. На втором курсе он стал посещать семинар древнерусской литературы и уже тогда под влиянием своих учителей – профессоров М.О. Скрипиля и И.П. Еремина – увлекся "Словом о полку Игореве" и памятниками Куликовского цикла. Этим темам Л.А. Дмитриев остается верен всю жизнь: список его трудов⁴ открывался заметками по поводу 150-летнего юбилея первого издания "Слова", а завершался полемической статьей о его авторе⁵. В промежутках между этими названиями – издания "Слова" и его переложений в большой серии "Библиотеки поэта" (1952, 1967, 1985), библиография работ о "Слове" (1955), монография об истории первого издания⁶, более 40 статей. Главное отличие этих трудов – точность, научная выверенность и необычайная полиота. Именно Лев Александрович готовил для всех изданий "Библиотеки поэта" важнейший раздел «Литературная судьба "Слова о полку Игореве"», куда включались все важнейшие переводы и переложения памятника, а также лирические стихи на темы "Слова", что требовало как прекрасного знания современной поэзии, так и тонкого филологического чутья; при этом каждое переиздание пополнялось новыми именами поэтов и новым комментарием.

Столь же точны и основательны подготовленные Л.А. Дмитриевым публикации памятников Куликовского цикла. Привлеченный М.Н. Тихомировым к участию в томе "Литературных памятников", Лев Александрович издает две редакции "Сказания о Мамаевом побоище"⁷, а потом в этой же серии совместно с О.П. Лихачевой готовит новое издание, где представлены все известные редакции⁸. Эти публикации возникают не на пустом месте: им также предшествует тщательная текстологическая работа исследователя, многочисленные статьи и изучение рукописей.

Прекрасное владение материалом делало Л.А. Дмитриева опасным полемистом. Ему неоднократно приходилось выступать "в защиту" "Слова о полку Игореве", против многих необоснованных гипотез, с ним связанных. Это могло

бы показаться консервативным охранительством, если бы не было защитой прежде всего истинной науки от дилетантизма, а иногда и простой неграмотности. В том же случае, когда гипотеза была по-настоящему обоснована, когда оппонент владел новым материалом – Лев Александрович не боялся признать его правоту.

Одним из важнейших аспектов научных интересов Л.А. Дмитриева было исследование русской житийной традиции. Он начал заниматься ею еще в 1950-х гг.⁹ и продолжал, что характерно для него, в течение многих лет. Традиционной агнографией в это время почти никто не занимался¹⁰, тема эта далеко не поощрялась, и надо было обладать определенным мужеством и научной принципиальностью, чтобы довести ее до конца. И тем, и другим качеством Лев Александрович обладал несомненно. Работа его тем более важна, что общая картина древнерусской литературы предстает совершенно искаженной, если из нее выпадут жития – один из самых распространенных и важных для средневековья жанров.

Цикл работ Л.А. Дмитриева о северно-русских житиях восполнил существеннейшую лауну в нашем литературоведении. В многочисленных статьях и публикациях он вводил в науку новые памятники, исследовал их редакцию и структуру, писал о жанровой специфике и литературной судьбе агнографических сочинений. Но наибольшее значение имеет его обобщающая монография¹¹.

Книга Л.А. Дмитриева "Житийные повести Русского Севера...", на мой взгляд, в наибольшей степени отражает характер автора. Написанная очень спокойно и сдержанно, как будто сухо, она увлекает внутренней страстью, тонким пониманием текста и его структуры, умением автора увидеть легендарную, устно-поэтическую основу поздних книжных сказаний. Выбор памятников, анализируемых в книге, весьма показателен: все эти памятники, как новгородские (жития Варлаама Хутынского, Иоанна Новгородского, Михаила Клопского, Сказание о новгородской иконе Знамения Богородицы), так и позднейшие севернорусские (жития Адриана Пошехонского, Иоанна и Логгина Яренгских, Варлаама Керетского, Артемия Веркольского), представляют разные типы "официальных" и "народных" житий, что очень важно для создания полной картины эволюции жанра; все они восприняли стихию устного рассказа.

⁴ Хронологический список трудов Льва Александровича Дмитриева // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 397–404; Список трудов Льва Александровича Дмитриева за 1982–1992 гг. // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 19–25.

⁵ Дмитриев Л.А. Мог ли Владимир Ярославич Галицкий быть автором "Слова о полку Игореве"? // Рус. лит. 1991. № 1. С. 88–103.

⁶ Дмитриев Л.А. История первого издания "Слова о полку Игореве": Материалы и исслед. М.; Л., 1960. 378 с.

⁷ Повести о Куликовской битве / Изд. подгот. М.Н. Тихомиров, В.Ф. Ржига, Л.А. Дмитриев. М., 1959.

⁸ Сказания и повести о Куликовской битве / Изд. подгот. Л.А. Дмитриев и О.П. Лихачева. Л., 1982.

⁹ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и ст. Л.А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

¹⁰ Уровень изученности агнографии к середине 1980-х гг. прекрасно виден по "Словарию книжников и книжности Древней Руси": в подавляющем большинстве литература о житиях останавливается в начале века.

¹¹ Дмитриев Л.А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII–XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний.

Автор стремился донести до читателя "голос народа".

Полнота и основательность материала характерны для любых работ Льва Александровича, хотя и не выставляются им напоказ. Так, проведя для книги о житиях текстологическую работу почти по 500 (!) спискам (что нетрудно установить, подсчитав перечни в "Кратком археографическом обзоре"), автор упоминает в самой работе едва ли не пятую часть из них; титанический черновой труд не показав читателю, внимание направлено лишь на важнейшие наблюдения. И это тоже черта не только книги, но и ее создателя: Лев Александрович удивительно умел незаметно делать массу дел, никогда не демонстрируя собственной перегруженности.

С именем Л.А. Дмитриева связано одно из величайших начинаний Отдела древнерусской литературы – подготовка и издание 12-томной серии "Памятники литературы Древней Руси", включившей все важнейшие художественные памятники, прекрасно переведенные и прокомментированные. Русский читатель впервые получил издание научно значимое, но при этом

доступное и не специалисту, издание хорошо задуманное и хорошо сделанное. И вполне справедливо, что коллектив, готовивший его и возглавлявшийся Д.С. Лихачевым и Л.А. Дмитриевым, был отмечен Государственной премией Российской Федерации. Жаль, что сам Лев Александрович уже не узнал об этой награде.

Писать о Льве Александровиче трудно. Мне думается, что сейчас мы еще не осознаем всего того, что он сделал в нашей науке. По-видимому, настоящая оценка его роли в русском литературоведении придет несколько позднее. Но я уверена, что труды Л.А. Дмитриева останутся надолго, потому что всю жизнь он спокойно и неброско делал то, что составляет фундамент науки: исследовал и издавал тексты, комментировал их и объяснял читателю. Именно такая работа сохраняет свое значение десятилетиями: звонкие концепции приходят и уходят, а тексты остаются, и если они изданы основательно и надежно – как всю жизнь готовил их Лев Александрович – то ими оперируют многие поколения благодарных ученых.

Е.К. Ромодановская

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААН	- Архив АН СССР
АВПРИ	- Архив внешней политики Российской империи
АЕ	- "Археографический ежегодник"
АИ	- "Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией"
АК	- Археографическая комиссия
АРАН	- Архив Российской Академии наук
АСЭИ	- "Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в."
БАН	- Библиотека Российской Академии наук
ВАН	- "Вестник АН СССР"
ВДИ	- "Вестник древней истории"
ВИ	- "Вопросы истории"
ВИД	- "Вспомогательные исторические дисциплины"
ВИ КПСС	- "Вопросы истории КПСС"
ВРАН	- "Вестник Российской Академии наук"
ВУАН	- Всеукраинская Академия наук
ГАРФ	- Государственный архив Российской Федерации
ГАТО	- Государственный архив Тверской области
ГБЛ	- Государственная библиотека им. В.И. Ленина
ГПНТБ СО РАН	- Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения РАН
ГПБ	- Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина
ГУАД	- Главное управление архивным делом
ДРВ	- "Древняя Российская вивлиофика"
ЕГАФ	- Единый Государственный архивный фонд
ЖМНП	- "Журнал Министерства народного просвещения"
ЗОР ГБЛ	- "Записки отдела рукописей ГБЛ"
ИА	- "Исторический архив"
ИАИ	- Историко-архивный институт РГГУ
ИАН	- "Известия Академии наук"
ИВ	- "Исторический вестник"
ИЗ	- "Исторические записки"
ИМЛИ	- Институт мировой литературы АН СССР
ИРИ	- Институт российской истории РАН
ИРЛИ	- Институт русской литературы РАН
ИР ЦНБ	- Институт рукописи Центральной научной библиотеки АН Украины
ИСССР	- "История СССР"
КЛЭ	- Краткая литературная энциклопедия
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии АН СССР
ЛЗАК	- "Летопись занятий Археографической комиссии"
ЛОИИ	- Ленинградское отделение Института истории АН СССР
МАМО	- Московский архив Министерства юстиции
МАО	- Московское археологическое общество
МГАМИД	- Московский главный архив Министерства иностранных дел
МГИАИ	- Московский государственный историко-архивный институт
МГПИ им. Ленина	- Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина
МГПИ им. Потемкина	- Московский городской педагогический институт им. В.П. Потемкина
МГУ	- Московский государственный университет
НБ МГУ	- Научная библиотека МГУ
ОА	- "Отечественные архивы"
ОИ	- "Отечественная история"
ОИДР	- Общество истории и древностей Российских при Московском университете
ОИФ	- Отделение истории и философии АН СССР

ОЛДП	– Общество любителей древней письменности
ОПИ ГИМ	– Отдел письменных источников ГИМ
ОР БАН	– Отдел рукописей и редкой книги БАН
ОР ГБЛ	– Отдел рукописей ГБЛ
ОР ГИМ	– Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	– Отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	– Отдел рукописей и редких книг РНБ
ОРФ ИИ	– Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР
ОРИС	– Отделение русского языка и словесности АН
ПИ	– "Проблемы источниковедения"
ПСЗ	– "Полное собрание законов Российской империи"
ПСРЛ	– "Полное собрание русских летописей"
РА	– "Русский архив"
РАО	– Российская Академия образования
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства
РГАФД	– Российский государственный архив фоновых документов
РГБ	– Российская государственная библиотека
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГГУ	– Российский государственный гуманитарный университет
РГИА	– Российский государственный исторический архив
РИБ	– "Русская историческая библиотека"
РИЖ	– "Русский исторический журнал"
РИО	– Русское историческое общество
РНБ	– Российская национальная библиотека
РО ИРЛИ	– Рукописный отдел ИРЛИ
Росархив	– Государственная архивная служба Российской Федерации
РС	– "Русская старина"
РЦИХДНИ	– Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории
СА	– "Советские архивы"
СГГД	– "Собрание государственных грамот и договоров"
Союз РАД	– Союз Российских архивных деятелей
С.-Пб. ФА РАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
С.-Пб. ФИРИ РАН	– Санкт-Петербургский филиал ИРИ РАН
ССП	– Союз советских писателей
СЭ	– "Советская этнография"
ТМГИАИ	– "Труды Московского государственного историко-архивного института"
ТОДРЛ	– "Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР"
ТЦМР	– "Труды Центрального музея революции"
УИЖ	– "Украинский исторический журнал"
ЦИА Москвы	– Центральный исторический архив Москвы
ЦГИА	– Центральный государственный исторический архив СССР
ЦГИА Латв. ССР	– Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР
ЦГИАУ	– Центральный государственный исторический архив УССР
ЦГАДА	– Центральный государственный архив древних актов
ЦГАЛИ	– Центральный государственный архив литературы и искусства СССР
ЦГАОР	– Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР
ЦМР	– Центральный музей революции
ЧОИДР	– "Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете"

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения академика М.Н. Тихомирова

Тихомировские чтения 1993 г.

<i>Е.М. Евдокимова.</i> Хроника заседания	3
<i>Е.Л. Храмова</i> (Самара). М.Н. Тихомиров в Самаре в 1919–1923 гг. (По материалам Государственного архива Самарской области)	9
<i>Л.М. Костюхина.</i> М.Н. Тихомиров в рукописном отделе Исторического музея	13
<i>М.В. Андропова.</i> М.Н. Тихомиров как исследователь кормчих книг	15
<i>Б.В. Левшин.</i> Академик М.Н. Тихомиров в своих воспоминаниях (по документам АРАН)	20
<i>И.П. Староверова.</i> Новые поступления в личный фонд М.Н. Тихомирова	29
<i>Д.М. Шаховской</i> (Франция). М.Н. Тихомиров в Париже	32
<i>А.А. Преображенский.</i> Памятные встречи	33

* * *

<i>В.М. Панях</i> (Санкт-Петербург) М.Н. Тихомиров в "Академическом деле". 1930 г.	36
<i>Е.Р. Курапова.</i> Материалы М.Н. Тихомирова и о нем в личных фондах архива РАН	40
<i>С.О. Шмидт.</i> Переписка М.Н. Тихомирова с Н.А. и А.М. Земскими	45
Письмо М.Н. Тихомирова В.И. Язвицкому (1953 г.) (подгот. Р.Б. Казаков)	53
<i>В.Л. Янин.</i> В гостях у археологов. (Из литературного творчества М.Н. Тихомирова)	57
Сочинения М.Н. Тихомирова и литература о его жизни и деятельности (1990–1994) (сост. Г.А. Елисеев)	70

I. Статьи и сообщения

<i>Г.И. Королев.</i> Истоки археографии	72
<i>В.А. Коляда.</i> Граммофонные пластинки – разновидность фонодокументов отечественной истории	82

* * *

<i>С.Н. Богатырев</i> (Хельсинки) Ближняя дума в третьей четверти XVI в. Часть вторая (1560–1570)	94
<i>Ю.В. Андрияшайтите.</i> Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой трети XIX в.	113
<i>В.Г. Бухерт.</i> Д.Н. Блудов и археографические проекты 40–50-х годов XIX в.	128
<i>Е.А. Чиркова.</i> Издательская деятельность Министерства иностранных дел России и русская печать в 60–70-х годах XIX в.	140
<i>Л.И. Шохин.</i> К истории журнальных публикаций архивистов во второй половине XIX в.	147
<i>О.И. Елисеева.</i> История и перспективы издания переписки Екатерины II и Г.А. Потемкина ...	157
<i>А.А. Александров.</i> Комиссия по изданию сочинений, бумаг и писем графа М.М. Сперанского ...	172
<i>П.А. Плютто.</i> А.А. Богданов и М. Горький: эпистолярная история одного разрыва	189
<i>А.Б. Закс.</i> Факультет общественных наук МГУ (1921–1924): Из воспоминаний историка	197
<i>Г.В. Михеева</i> (Санкт-Петербург). К 75-летию со дня смерти Х.М. Лопарева	202
<i>Т.А. Бакунина</i> (Франция). Воспоминания об А.А. Кизеветтере (К 60-летию со дня его кончины). (Предисловие А.И. Серкова)	209
<i>В.В. Дорошенко</i> (Рига). Уроки историка Б.Р. Брежго. (Предисловие С.О. Шмидта)	215
<i>Р.А. Киреева.</i> Из истории советской исторической науки конца 1940-х гг. Первое вето в научной жизни А.А. Зимина	222
<i>С.П. Рыбаков.</i> В.В. Ложкин – историк-источниковед	229
<i>Р. Гварамия</i> (Тбилиси), <i>Ц. Курцикидзе</i> (Тбилиси). К юбилею Елены Павловны Метревели	236
<i>Б.Н. Флоря.</i> К 60-летию В.А. Кучкина	240

II. Обзоры, описания, библиография

<i>И.Г. Пономарева.</i> О хронологии ранних Калязинских актов	243
<i>Ф.А. Петров, А.Д. Яновский.</i> Наполеон. Его семья. Его сподвижники.: Автографы из собрания Государственного Исторического музея	246

<i>А.В. Елпатьевский</i> . М. Нелькен и ее книга "Кремлевские башни"	270
<i>С.И. Михальченко</i> (Брянск). Неопубликованные письма В.Б. Антоновича и историков его школы в архивах России и Украины	282
<i>Л.А. Быкова</i> (Тверь). Хранилище частных архивов (Хранчасар) в Москве, 1919 г.	289
<i>Е.В. Кончин</i> . Опекушинский архив	309
<i>Ю.В. Андрушайтите, А.Л. Лифшиц, М.П. Мироненко</i> . Новые английские справочные издания по славянорусской палеографии и росике	311
Список печатных трудов академика С.Ф. Платонова (с 1923 г.) (подгот. В.А. Колобков, Санкт-Петербург)	319
Список печатных трудов академика Б.А. Рыбакова (с 1978 г.) (подгот. И.А. Гей)	321

III. Публикации

Из истории публикации документов "дела о патриархе Никоне" (подгот. В.Г. Бухерт)	324
<i>А.П. Барсуков</i> об аудиенциях у Николая II. (Письма Барсукова к графу С.Д. Шереметеву) (подг. Л.И. Шохин)	331
<i>С.Ф. Платонов</i> об историках: приветствие А.Я. Ефименко (1910), отзыв о научной работе М.И. Смирнова (1929) (подгот. С.О. Шмидт)	339
Программа лекций С.Н. Валка по источниковедению отечественной истории XVIII–XIX вв. (1923) (подгот. С.О. Шмидт)	341
Последние письма Д.Б. Рязанова (подгот. В.Е. Корнеев)	343

IV. Хроника

<i>Е.М. Евдокимова</i> . Деятельность Археографической комиссии в 1993 г.	349
Новые издания Археографической комиссии	350
<i>В.А. Черных</i> . Археографические экспедиции 1993 г.	350
<i>Л.И. Киселева</i> (Санкт-Петербург). 40 лет Отделу рукописной и редкой книги и картографии БАН	351
<i>А.С. Майорова</i> (Саратов). Конференция "Источниковедение XX столетия"	354
<i>А.Н. Кудинов</i> (Тверь), <i>В.А. Смирнов</i> (Тверь), <i>И.Г. Серегина</i> (Тверь). Николай Васильевич Ефременков (1920–1993)	356
<i>Ю.В. Стенник</i> (Санкт-Петербург). Галина Николаевна Моисеева (1922–1993)	358
<i>В.М. Загребин</i> (Санкт-Петербург). Николай Николаевич Розов (1912–1993)	360
<i>Е.К. Ромодановская</i> (Новосибирск). Лев Александрович Дмитриев (1921–1993)	362
Список сокращений	365

Научное издание

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ЗА 1993 ГОД

Утверждено к печати Археографической комиссией при Отделении истории РАН

Заведующая редакцией "Наука – история" *Н.Л. Петрова*. Редактор *Л.М. Кузнецова*

Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*. Технический редактор *О.В. Аредова*

Корректоры *Р.С. Алимova, Т.И. Шеповалова*

Набор и верстка выполнены в издательстве на компьютерной технике

ИБ № 1578

ЛР № 020297 от 27 ноября 1991 г.

Подписано к печати 13.07.95. Формат 70×100^{1/16}. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 29,9. Усл.кр.-отт. 29,9. Уч.-изд.л. 34,9. Тираж 760 экз. Тип. зак. 3493.

Издательство "Наука" 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Санкт-Петербургская типография № 1 РАН, 199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12

АРХЕОГРА
ФИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

1993